

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

за 2014–2015 годы

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
НАУКА
2023

УДК 930
ББК 63(2)
А 87

Ответственный редактор
член-корреспондент Российской академии наук
С. М. КАШТАНОВ

Редакционная коллегия:
В. П. КОЗЛОВ, Н. А. КОМОЧЕВ, А. В. МЕЛЬНИКОВ (составитель и зам.
ответственного редактора), Р. Г. ПИХОЯ, В. А. ЧЕРНЫХ, Е. Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

Рецензенты:
доктор исторических наук С. С. ИЛИЗАРОВ,
доктор исторических наук М. А. РОБИНСОН

Археографический ежегодник / [отв. ред. С. М. Каштанов] ; Ин-т славяноведения РАН ; Археограф. комис. РАН ; Фед. архив. агентство. – М. : Наука, 1957 – .
ISSN 0571-0626.

2014–2015 годы. – 2023. – 446 с. – ISBN 978-5-02-041078-7 (в пер.).
DOI 10.31168/041078-7

В томе публикуются статьи и документы по отечественной истории, археографии, архивоведению, источниковедению, историографии и специальным историческим дисциплинам от Средневековья до наших дней (описи монастырских книжных и рукописных собраний, грамоты, посольская книга, научное документальное наследие и статьи об историках, археографах, источниковедах: П. Н. Милюкове, М. Н. Сперанском, С. Б. Веселовском, А. И. Андрееве, В. И. Корецком, М. Е. Бычковой, А. И. Плигузове, Н. Н. Покровском и др.), материалы “Тихомировских чтений” и пленарных заседаний Археографической комиссии РАН, обзоры документальных фондов и коллекций, итоги и результаты крупных археографических проектов, списки трудов, хроника научной жизни, некрологи.

Для научных работников, сотрудников архивов, библиотек, музеев, преподавателей и студентов вузов, всех интересующихся историей российской науки и культуры.

ISBN 978-5-02-041078-7

- © Институт славяноведения РАН,
Археографическая комиссия РАН, Федеральное
архивное агентство, 2023
- © Мельников А. В., составление, 2023
- © Российская академия наук и ФГБУ
Издательство “Наука”, продолжающееся издание
“Археографический ежегодник” (разработка,
оформление), 1957 (год основания), 2023
- © ФГБУ Издательство “Наука”, редакционно-
издательское оформление, 2023

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

DOI 10.31168/041078-7.01

Н. В. Соколова

БИБЛИОТЕКА НИКОЛЬСКОГО АМВРОСИЕВА ДУДИНА МОНАСТЫРЯ В НАЧАЛЕ 70-х гг. XVII в. (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Изучение истории и репертуара монастырских библиотек имеет в отечественной науке уже длительную традицию¹. Исторически в первую очередь речь шла

---

¹ *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897; *Перетц В. Н.* Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древнерусской литературы // *Slavia. Praha*, 1924. Рос. 3. Seš. 2/3. S. 336–351; *Розов Н. Н.* Из истории Кирилло-Белозерской библиотеки // *Труды ГПБ им. Салтыкова-Щедрина*. Л., 1961. Т. 9 (12). С. 177–188; *Кукушкина М. В.* Описи книг XVI–XVII вв. библиотеки Антониево-Сийского монастыря // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР*. Л., 1966. С. 122–129; *Она же.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л., 1977; *Зимин А. А.* Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // *ЗОР ГБЛ*. М., 1977. Вып. 38. С. 15–29; *Манькова И. Л., Шайков А. Т.* Библиотека Далматовского монастыря в XVII – первой четверти XIX в. // *Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала*. Свердловск, 1983. С. 47–56; *Дмитриева Р. П.* Описи рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // *Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности*. Л., 1991. С. 16–23; *Каган М. Д.* История библиотеки Ферапонтова монастыря // *Книжные центры Древней Руси: XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования*. СПб., 1991. С. 99–135; *Мангилев П. И., Манькова И. Л., Мосин А. Г., Мудрова Н. А., Шайков А. Т.* От Вятки до Тобольска: Церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI–XVIII веков. Екатеринбург, 1994; *Карбасова Т. Б.* Библиотека Кирилло-Новоозерского монастыря XVI – первой половины XVII вв. // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность*. СПб., 1997. С. 27–36; *Новикова О. Л.* Рукописные книги Сыркова монастыря // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология*. СПб., 1999. С. 156–185; *Севастьянова С. К.* Библиотека Анзерского скита первой половины XVII в. (Опыт реконструкции по описи 1676 г.) // *Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь*. СПб., 2001. С. 146–177; *Французова Е. Б.* Материалы для реконструкции книжных собраний двух центров письменности Псковской земли XVI века // *АЕ* за 2003 год. М., 2004. С. 336–343; *Черкасова М. С.* К изучению книжной культуры Поволжья в XVII – начале XVIII вв. (По описям монастырских библиотек) // *Марийский археографический вестник*. 2005. № 15. С. 44–55; *Крушельницкая Е. В.* Формирование и смена систем расстановки книг в библиотеке Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. // *ТОДРЛ*. СПб., 2004. Т. 55. С. 472–487; *Сергеев А. Г.* Библиотека Корнилиево-Комельского монастыря: Проблемы реконструкции // *Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь*. СПб., 2008. С. 477–492; *Красиков А. Н.* Книжные собрания вологодских монастырей по переписным книгам // *Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты*. Вологда, 2011. С. 450–457; и др.

об описании и изучении существующего собрания в книгохранилище того или иного монастыря, в архивной, библиотечной или музейной коллекции. Однако, по справедливому замечанию Б. Н. Флори, “очень немногие библиотеки средневековых монастырей дошли до нашего времени в более или менее цельном виде. <...> Книгописные собрания большей части древнерусских церквей и монастырей не сохранились в виде отдельных особых фондов, а подверглись распылению по самым различным коллекциям и собраниям”². В этом случае основным трендом становится работа с описями-инвентарями книжных собраний, которые были созданы с целью учета и обеспечения сохранности. Многие из них дошли до нас благодаря включению в состав других документов³. При синтезе обоих подходов история той или иной монастырской библиотеки приобретает хронологическую и содержательную глубину.

К числу духовных корпораций, библиотеки которых остаются за пределами исследовательского поля, может быть отнесен основанный в XIV в. Никольский Амвросиев Дудин монастырь, одна из старейших нижегородских обителей. Наиболее ранним сохранившимся материальным памятником, свидетельствующим о существовании монастыря в начале XV в., является Евангелие (апракос), выходная записка которого содержит дату 6916 г.⁴ Согласно каталогу рукописных и старопечатных книг Нижегородского государственного художественного музея, в коллекции которого она сегодня находится, это “самая ранняя из церковнославянских рукописей с точной датой в Нижегородской области”⁵. По-видимому, речь идет об одной из древнейших сохранившихся книг нижегородских монастырских библиотек⁶.

Для монастырей, подобных Амвросиеву Дудину, – не столь известных, малых и средних, многие из которых были упразднены еще в XVIII в., – проблема сохранности источников по истории книжной традиции стоит особенно остро. Самой ранней описью книжного собрания Дудина монастыря является перечень в составе

---

² Флоря Б. Н. О реконструкции состава древнерусских библиотек // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 55.

³ Так, для изучения книжного собрания одного из известнейших монастырей Нижегородского Поволжья, Макарьевского Желтоводского, привлекались духовная “строителя” обители старца Авраамия (1640 г.) и текст описания монастыря начала XVIII в., проводившегося в рамках общероссийской переписи церковных имений в связи с передачей в 1701 г. управления ими в руки вновь созданного Монастырского приказа (Сиренов А. В. О библиотеке Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб., 2013. Т. 4. № 1. С. 7–14; Соколова Н. В. Роль Макарьевского Желтоводского монастыря в хозяйственном и культурном развитии Нижегородского края в XVII – первой четверти XVIII в. // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький, 1989. С. 159–167).

⁴ Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР: (Для Свод. кат. рукоп. кн., хранящихся в СССР) / АН СССР, ИНИОН, Археогр. комис.; [Сост. А. А. Турилов]. М., 1986. № 17.

⁵ Балакин П. П., Нестеров И. В. Коллекция рукописных и старопечатных книг Нижегородского государственного художественного музея. Каталог // Открытый текст: Электронное периодическое издание. URL: <https://opentextnn.ru/history/archeography/description/nizhnynovgorod/balakin-p-p-nesterov-i-v-kollekcija-rukopisnyh-i-staropechatnyh-knig-nizhegorodskogo-gosudarstvennogo-hudozhestvennogo-muzeja-katalog/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁶ Рукопись неоднократно привлекала внимание как историков книги, так и исследователей, занимавшихся историей монастыря. Подробнее см.: Соколова Н. В. К реконструкции состава библиотеки Амвросиева Дудина монастыря в XVII в. // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 39). С. 225–226.

подлинных писцовых книг Нижегородского уезда писцов Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова 1620-х гг.⁷

Описи монастырской библиотеки 1671 и 1672 гг. впервые введены в научный оборот автором⁸. Они являются неотъемлемой частью двух близких по времени описаний монастыря, которые были произведены в связи с передачей монастыря в ведение “новопоставленных” игуменов. Рукописи представляют собой подлинники, в 4°, написаны скорописью второй половины XVII в. Документы сохранились в составе конволюта, который включает источники, относящиеся к патриаршим владениям⁹. По поводу того, с какого времени Амвросиев Дудин монастырь становится патриаршим домовым, в историографии существуют различные точки зрения. Однако, как мне уже приходилось писать, анализ совокупности источников показывает, что *de facto* он уже был патриаршим на момент этих описаний¹⁰.

Преамбула первого документа не содержит точной даты начала описания: “Лета 7179-го мая в день по указу великого господина святейшаго Иоасафа, патриарха Московского и всеа России, по грамоте из Дворцового приказу за приписью дьяка Дениса Дятловского, Нижнего Новгорода Печерского монастыря келарь старец Деонисей Омачкин¹¹, приехав в Амвросиев Дудин монастырь того монастыря с новопоставленным игуменом Герасимом¹² да с келарем старцом Еуфимием Печерским, описал церкви и в церквах образы и у образов приклады и книги и ризы и колокола и всякое церковное строение и по службам всякую посуду и вотчинах и монастырских служек и детенышев и крестьян и бобылей на конюшенном дворе лошадей и на скотских дворах коровы и всякую животину и всякой хлеб и всякой монастырское строение, и приказал монастырь ведеть и строить и всякую росправу чинить игумену Герасиму и келарю старцу Еуфимию Печерскому”. Отписные книги были представлены в Москву 19 июня 1671 г.: “179-го июня в 19 день подал Печерского монастыря келарь старец Деонисей Омачкин¹³”. Иными словами, данное описание монастыря можно датировать в рамках хронологического интервала приблизительно в полтора месяца (май – середина июня 1671 г.). Подлинность источника подтверждают скрепы: на боковом поле – “Келарь Деонисей

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 919–922 об., 940; Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века: в 2 ч. / Сост. А. В. Антонов, А. А. Булычев, В. А. Кадик, С. В. Сироткин. М., 2015. Ч. 2. С. 482–484, 493.

⁸ Соколова Н. В. К реконструкции состава библиотеки Амвросиева Дудина монастыря в XVII в. С. 227–229.

⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2.

¹⁰ Соколова Н. В. Копийная книга Амвросиева Дудина монастыря и ее исторический и делопроизводственный контекст // АЕ за 2012 год. М., 2016. С. 112.

¹¹ См.: Титов А. А. Черты монастырского быта в XVII веке. Келарь Дионисий Омачкин // РА. 1904. Кн. 2. Вып. 8. С. 603–614; Балыкина М. И. К вопросу о религиозном самосознании служилых людей в XVI–XVII веках: взаимосвязи нижегородского дворянства и монастырей // История: факты и символы. 2014. № 1. С. 39–42.

¹² П. Строев знает игумена с таким именем в 1660–1669 гг. (*Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 618). Архимандрит Макарий (Миролюбов) пишет о 1663 г., без ссылки на источник (*Макарий, архим.* Памятники церковных древностей Нижегородской губернии // Записки Императорского археологического общества. СПб., 1857. Т. 10. С. 253). Герасим назван игуменом и в опубликованном Е. М. Юхименко документе 1666 г. (*Юхименко Е. М.* Новое о старце Ефреме Потемкине // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 2010. Вып. 4. С. 51). В этом контексте интерпретация наименования игумена Герасима “новопоставленным” в описании 1671 г. требует дополнительных изысканий.

¹³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 33, 34–34 об.

руку приложил”; на нижнем – “К сим отписным книгам игумен Герасим руку приложил”, “К сим отписным книгам иеромонах Петроний руку приложил”, “К сим отписным книгам черной поп Аврамей вместо детей своих духовных и всей братии руку приложил”, “К сим отписным книгам черной поп Исихии вместо келаря старца Евфимия руку приложил”. На л. 44 об. сохранилась черновосковская печать диаметром около 1 см.

Следующее описание Амвросиева Дудина монастыря было произведено менее года спустя, весной 1672 г., Алексеем Артемьевичем Раковым. В отсутствие патриарха¹⁴ распоряжение об описании монастыря и введении в должность нового игумена исходило от царя Алексея Михайловича, но грамота была составлена в Патриаршем Дворцовом приказе и подписана тем же дьяком Денисом Дятловским. Преамбула описания также содержит изложение наказа переписчику: “Лета 7180-го марта в 1 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу ис Патриарша Дворцового приказу, по грамоте за приписью дьяка Дениса Дятловского, Алексей Артемьев сын Раков приехав в патриарш домовой Амбросиев Дудин монастырь взяв у келаря старца Еуфимия и у казначея старца Иакинфия из монастырские казны прежние отписные книги келаря старца Дионисия Омачкина да по тем отписным прежним книгам пересмотрил и переписал...” Далее следует перечень монастырского имущества, подлежащего учету, где в числе прочего названы и книги. По окончании работ А. А. Раков “приказал ведать братию и служек и служебников и крестьян и росправу меж ими чинить игумену Евфимию да келарю старцу Евфимию ж”. Отписные книги привез в Москву монастырский слуга Иван Семенов 15 мая¹⁵. Следовательно, опись следует датировать мартом – началом мая 1672 г. Рукопись также содержит на боковом поле скрепу переписчика (“К сим отписным книгам Алексей Раков руку приложил”), а на нижнем – монастырских властей и священников (“К сим отписным книгам Амвросиева Дудина монастыря игумен Евфимий руку приложил”, “К сим отписным книгам Амвросиева Дудина монастыря черной поп Герасим вместо келаря старца Евфимия по ево велению руку приложил”, “К сим отписным книгам Амвросиева Дудина монастыря черной поп Авраам вместо старца казначея Иакинфея и всей братии по их велению руку приложил”). Таким образом, обе хранящиеся в РГАДА описи – “официальные” беловики для патриаршей канцелярии.

Описания начала 1670-х гг. включают перечни книг, находившихся в самом Амвросиеве Дудине монастыре, в приписном Воскресенском Матюшеве монастыре¹⁶ и на монастырском дворе в Нижнем Новгороде¹⁷. Как показывает сравнение описательных статей с текстами известных описей, включая, например, опись книг

¹⁴ Патриарх Иоасаф II умер 17 февраля 1672 г.

¹⁵ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 267, 268–269.

¹⁶ Монастырь, располагавшийся на р. Кишма в Березопольском стане Нижегородского уезда, был приписан к Дудину монастырю 12 апреля 1614 г. в качестве своеобразной компенсации за деньги и хлеб, взятые в 1609/10 г. кн. А. А. Репниным и в 1611/12 г. кн. Д. М. Пожарским и Кузьмой Мининым: “за двести рублей, что взяли из Дудина монастыря в Нижнем при царе Василье ратным людем на жалованья, да за двесте за сорок за пять чети за рожь, что взяли при боярех в Нижнем воиводы ратным же людем на корм”. Его земельные владения были положены в сошное письмо: “А в сошном де письме земли к тому монастырьку на шездесят на семь чети” (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184. Л. 186–186 об., 191, 227 об.–229).

¹⁷ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–44, 99 об.–100, 105 об.–106, 275 об.–277 об., 316 об.–317, 320 об.–321.

в ризнице Нижегородского Печерского монастыря от 10 августа 1653 г.¹⁸, их формуляр вполне традиционен для того времени. Большинство статей состоит из трех основных элементов: 1) наименование книги, 2) тип (“печатная” или “письменная”, редко – “скорописная”), 3) формат (“в десь”, “в полдеств”, “в четверть”). Отметим, что несмотря на хронологическую близость описаний некоторые статьи в них – не тождественны. В частности, указание на рукописный или печатный характер книги или ее размер может иметь лишь одна из описей. Так, в 1671 г. были зафиксированы “Книга Максима Грека писменная в полдеств” и “две Псалтыри со воследованием в деств печатные”, а в 1672 г. одна из характеристик отсутствует (“Книга Максима Грека в полдеств”, “две Псалтыри со воследованием в деств”). И наоборот, лишь в описи 1672 г. указан формат книги “Маргарит” (“Книга Маргарит печатной”, “Книга Маргарит печатной в деств”), а “Канонник” в 4°, запись о котором в обоих случаях идет вслед за статьей “Книга Ермолой знаменной киевской”, помечен как “писменный”. При наличии в библиотеке данной книги в единственном экземпляре и/или совпадении предшествующей и следующей книг в двух перечнях мы учитываем ее в статистике обоих описаний в соответствующем формате или как рукописную/печатную. В отдельных случаях элемент формуляра может быть не указан в обоих описаниях, так как для писавшего (и шире – для современников) эта характеристика была очевидна (“Синадик литейной в полдеств”, “Синадик подстенной в деств”, “Книга Ермолой знамя киевское”).

К числу дополнительных элементов формуляра в описях 1671 и 1672 гг. можно отнести немногочисленные пометы о месте печати (“печать московская”, “печать киевская”, “киевская печать”). Оба текста не содержат описаний переплетов или украшений кодексов. При этом в описи 1671 г. присутствует указание на переплетенные тетради Пролога (“Да Прологовые тетради печатные в деств”). Некоторые статьи содержат информацию о нескольких книгах. Примером такого “совокупного” формуляра могут служить следующие записи: “Три Апостола печатные в деств”, “Две Псалтыри со воследованием в деств печатные”, “Две книги Ефрема Сирина з Дорофеем печатные в деств”. Объединение в единой записи книг одного наименования, различающихся по какому-то из двух других основных элементов, встречается редко (“Два Охтая один печатной, другой писмяной в деств”, “Две Миней месечные в полдеств да девять Миней месечных в деств печатные”).

С точки зрения принципов систематизации описи келаря Нижегородского Печерского монастыря Дионисия (Омачкина) и А. А. Ракова, вероятно, “топографические”. В 1671–1672 гг. в Дудине монастыре книги хранились в Никольской церкви (“во имя великого чудотворца Николы деревянная клецки”). Поскольку никакие сундуки или коробья в этой части описания монастыря не упомянуты, можно думать, что книги находились на полках. В целом, рассматривая данные перечни как описи-инвентари монастырских книг, следует подчеркнуть отсутствие в них какой-либо группировки – по названиям, тематике или назначению кодексов. Печатные и рукописные книги зафиксированы вперемешку. Формат также не лежал в основе описи. Не прослеживается и хронология поступления книг в монастырскую библиотеку.

¹⁸ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602. Д. 127. Л. 13–15; *Карбасова Т. Б.* Библиотека Кирилло-Новоезерского монастыря XVI – первой половины XVII вв. С. 31; *Опись книгам, в степенных монастырях находящимся, составленная в XVII веке (1653 г.) / С предисл. В. Ундольского // ЧОИДР. М., 1848. № 6. Смес. С. 1–44.*

Анализ показал, что существенных изменений в монастырском книжном собрании за рассматриваемый период (10–11 месяцев) не произошло. По описи Дионисия Омачкина (1671 г.) в Никольской церкви в Дудине монастыре насчитывалось 94 книги. В описи А. А. Ракова (1672 г.) там зафиксировано 92 книги, то есть их количество уменьшилось на две единицы. Сверх того, согласно обоим описям, в монастырской казне вместе с жалованными грамотами хранились не только “выписи с писцовых книг Дмитрия Лодыгина с товарищи за приписью дьяка Деметрия Образцова, книга переписная за приписью дьяка Стефана Шишкина”, но и “книга печатная в десь Государево Уложение”¹⁹. Перечни книг монастырского двора в Нижнем Новгороде и в приписном Матюшеве монастыре в 1671–1672 гг. не претерпели никаких изменений: в первый включено 35 книг, во второй – 23. Вероятно, некоторое количество книг осталось неучтенным; прежде всего, речь идет о напрестольных Евангелиях и других богослужебных книгах в церквях монастырских вотчинных сел (Троицкое, Скоробогатое, Соличное). Таким образом, общее количество книг монастырской библиотеки, по-видимому, превышало полторы сотни томов. Превращение Дудина монастыря в домовый монастырь патриарха не привело к резкому всплеску поступления в него книг в качестве вкладов²⁰.

Из книг, хранившихся в Никольской церкви Дудина монастыря, в описях 1671 и 1672 гг. прямо обозначены как “печатные” соответственно 60 и 57 кодексов. С высокой степенью вероятности упомянутые в конце описи “четыре служебника новых” – также печатные, и, следовательно, эти цифры следует увеличить. Как “писменные” помечены 25 и 26 книг. Еще 8 книг данного элемента формуляра не имеют (два синодика, три Ермолая и три Триоди), но большая часть из них априори рукописные. Обе описи фиксируют на монастырском дворе в Нижнем Новгороде 11 печатных книг и 20 рукописных. Еще 4 – помечены как старые и ветхие, т.е., по существу, не описаны. Перечень книг в Матюшеве монастыре в обоих описаниях также совпадает: 14 из них были печатными и 9 – рукописными, в том числе “Канунник скорописной в десь ветх”. Таким образом, печатные книги в основном книгохранилище в Амвросиеве Дудине монастыре в 1671 и 1672 гг. составляли около 70 %. Библиотека приписного Матюшева монастыря, по-видимому, комплектовалась новыми печатными книгами практически наравне с Дудиным (60,8 %). На монастырском дворе в Нижнем Новгороде доля печатных кодексов ниже более чем вдвое (31,4 %), что, по-видимому, отражает стихийный характер формирования данного собрания, без целенаправленного его пополнения новыми книгами²¹.

¹⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 47–47 об. См.: *Зернова А. С.* Книги кириллической печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958 (далее – *Зернова*). № 216.

²⁰ Запись на Евангелие о вкладе боярина Никифора Михайловича Беклемишева содержит дату 29 августа 1672 г., с уточнением – “тоя обители при игумене Евфимии” (*Макарий, архим.* Памятники церковных древностей Нижегородской губернии. С. 246–247). Иными словами, данная книга оказалась в монастыре после описания А. А. Ракова.

²¹ Данному выводу не противоречат наблюдения над датировкой печатных книг в описании Амвросиева Дудина монастыря стольником Петром Борисовичем Вельяминовым в 1701–1702 гг. Применительно к собранию печатных книг монастыря самая ранняя дата указана для Требника и Минеи месячной – 1623/24 г., в то время как на монастырском дворе в Нижнем Новгороде описаны печатные кодексы 1589/90, 1591/92 (две книги), 1619/20, 1622/23 гг. Описание сохранилось в составе конволюта описей нескольких патриарших владений (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 71–359). Впервые введено в научный оборот: *Соколова Н. В.* Нижегородские вотчины Амвросиева Дудина монастыря в начале XVIII в. (землевладение, хозяйство, крестьяне, сельская община) // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 550–558. <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2013.6.10386>

В описи Амвросиева Дудина монастыря книги в 4° составляют примерно $\frac{2}{3}$ от количества книг в 2°, в то время как в Матюшеве кодексов “в полдесть” было менее половины, а на монастырском дворе в Нижнем Новгороде такой формат преобладал. Книг в 8° описано всего три: “Новый Завет” и “Книга Апоколепис писмянной в четверть” – в Дудине монастыре, “Часовник печатной в четверть ветх” – в Нижнем Новгороде. Более двух десятков книг не имеют указания на размер. По-видимому, составители описи (или, скорее, ее протографа) считали излишним указание формата в качестве опознавательной характеристики для учета имевшихся в единственном экземпляре рукописных книг (“Книга Григория Миритцкого писменная”, “Книга Василий писмянная”, “Книга Потерик Печерской писмянной”).

Незначительная разница между двумя описями, как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении, вполне коррелирует с несущественными отличиями репертуара монастырской библиотеки в рукописной и печатной части собрания. Начинается описание с Устава – книги, к которой в монастыре могли обращаться практически ежедневно, а потому, вероятно, она и стояла в начале первой полки²². Затем следуют книги, постоянно используемые на богослужениях. Перечень богослужебных книг практически идентичен тому, что был в большинстве монастырей. Часть наименований была представлена в библиотеке Дудина монастыря в нескольких экземплярах: Минеи, общая и месячные (17), Служебник (9), Евангелие (6), Октоих (6), Триоди, постная и цветная (6), Псалтыри (3), Апостол (3), Ирмологий (3), Часослов (2), Потребник (2), Канонник (2), Шестоднев (2).

Большая часть богослужебных книг Амвросиева Дудина монастыря в начале 1670-х гг. были печатными. Год выхода печатных книг не указан, потому определить, о каком издании идет речь, без привлечения дополнительных источников, как правило, невозможно. Где напечатана книга, помечено в описательных статьях лишь трех богослужебных книг. Представляется целесообразным исходить из того, что это может быть любое издание до 1671–1672 гг., которое соответствует описанию по размеру (формату), если он, конечно, указан. В отдельных случаях можно высказать предположение, сужающее датировку, или даже назвать конкретное издание. Так, печатный Часослов “в десть” – это, вероятно, московское издание 1652 или 1653 г.²³ Один из двух монастырских Потребников (“Потребник иноческой печатной в десть”), надо полагать, издан в Москве в 1639 г.²⁴ В одной из последних записей обеих описей зафиксированы четыре “Служебника новых”. Данная характеристика не только указывает на недавнее их приобретение монастырем, но и, вероятно, могла использоваться для идентификации нового, “исправленного”, издания Служебника 1667 или 1668 гг.²⁵

Для наиболее массовых изданий в качестве рабочих гипотез следует рассматривать сведения о датах печатных книг из описи 1701–1702 гг. Так, в описях 1671–1672 гг. зафиксированы “три Апостола печатные в десть” в самом Дудине монастыре и еще один – того же формата – в Матюшеве. Согласно каталогу А. С. Зерновой, эта книга до мая 1671 г. только в Москве печаталась в 2° не менее 15 раз.

²² В описи 1701–1702 гг. на первой позиции также записана “Книга печатная Устав в десть в переплете оклеена кожою красною печати 148-го году” (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 91).

²³ Зернова. № 238, 249.

²⁴ Зернова. № 145.

²⁵ Дмитриевский А. А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / Отв. ред. В. В. Калугин, подгот. текста А. Г. Кравецкого. М., 2004. С. 77–81.

Однако можно думать, что старые книги, хранившиеся на рубеже XVII–XVIII вв. в самом Дудине монастыре, в приходской Ильинской церкви в подмонастырской вотчине и на нижегородском монастырском дворе (“Книга Апостол в десть в переплете оклеен кожею красною печати 140-го году”, “Книга Апостол в десть в переплете оклеена кожею красною печати 131-го году”, “Книга Апостол в десть в переплете печати 105-го году ветха”), находились в монастыре и в начале 70-х гг. XVII в.²⁶

Другой пример. В начале 1670-х гг. в Дудине монастыре были описаны два печатных Шестоднева “в десть”. Такая книга отсутствует в описи библиотеки начала 1620-х гг., но с того времени она была издана только в Москве не менее 7 раз. В 1701–1702 гг. в самом Дудине монастыре Шестоднева нет, книга числится среди пропавших. Однако она включена в перечень, в отношении которого ризничий поп Андриан сообщает переписчикам: “Те вышеписанные книги отданы в монастырскую приходскую церковь во имя святого пророка Илии”. Действительно, “Шестоднев в десть в переплете печати 169-го году” обнаруживается среди книг Ильинской церкви, где сам Андриан и служит. Другой же Шестоднев, возможно, в начале XVIII в. находился в церкви монастырского села Троицкое (“книга Шестоднев в десть в переплете печати 171-го году”²⁷).

Впрочем, обращение к монастырской описи 1701–1702 гг. для датировки книг не всегда дает результат. Так, в обеих описях 1670-х гг. значатся “две Псалтыри со воследованием в десть” (в одном случае с уточнением – “печатные”). Подходящие под эту краткую характеристику книги к тому времени печатались только в Москве не менее 12 раз, но среди описанных в 1701–1702 гг. их нет. Сравнительная состав монастырской библиотеки с описями “204-го и 1700-го годов за руками архимандритов Благовещенского монастыря Игнатия и Аарона”, переписчики даже за этот небольшой отрезок времени фиксируют значительные изменения, связанные как с пополнением монастырской библиотеки, так и с продажей книг или их перемещением внутри вотчины, в частности в новопостроенные церкви²⁸.

В начале 1670-х гг. в монастырской библиотеке продолжали хранить рукописные богослужебные книги, однако их доля уже крайне незначительна. Так, из 15 Службников, имевшихся во всех трех хранилищах, рукописными были только два: в Дудине монастыре были описаны “три Службника печатные в полдесть”, “Службник писмянной в полдесть”; в Нижнем Новгороде – “Службник печатной новой в полдесть”, “Службник старой печатной в полдесть”, “Службник писмянной в полдесть”. “Миняя общая полная печатная в десть” заменила собой рукописный Трефолой, который в начале 1670-х гг. обнаруживается всего один, причем – в Матюшевском монастыре, хотя в описи библиотеки в писцовом описании 1620-х гг. их было три.

В 1620-х гг. в монастыре было две книги “Стихараль” (“Стихарарь”), харатейная в 4° и на бумаге в 8°, а также два “Ермолая”, в 4° и 8°, причем последний уже тогда был ветхим (“книга Ермолой, в четверть, ветх, жюки медные застешки, ременные о середке”). В описях начала 1670-х гг. книги с традиционным для крюковых рукописей наименованием “Стихарарь” отсутствуют. Певческие рукописи в описях 1671 и 1672 гг. представлены четырьмя Ирмологиями, из которых три

²⁶ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 92, 279, 288 об.; *Зернова*. № 13, 46, 88.

²⁷ Там же. Л. 129 об., 288 об., 343; *Зернова*. № 289, 304.

²⁸ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 122, 127 об.–130 об.

находились в Амвросиеве Дудине монастыре (“Книга Ермолой знаменной киевской”, “Ермолой киевской в деств”, “Книга Ермолой знамя киевское”), а еще один – в Матюшевском.

Как представляется, довольно раннее появление в провинциальном Дудине монастыре нотоплинейных рукописей с киевской квадратной нотацией (“киевское знамя”) обусловлено изменениями в составе монастырской братии, произошедшими в конце 1630-х гг.²⁹ Выходцы “на государево имя из Литвы от гоненья ляхов за православную христьянскую веру... из Густынского да из Маргарского монастырей” просили поселить всех их в одном месте, и царским указом от 27 августа 1638 г. для этого был определен нижегородский Амвросиев Дудин монастырь³⁰. Одним из ездивших из Путивля в Москву с челобитной четырех монахов был “строитель Иринарх”³¹, вскоре ставший игуменом монастыря. Показательно, что уже в документе, возникшем в январе 1639 г. в связи с делом о землях Дудина монастыря в Стрелицком стане Нижегородского уезда, игумена, келаря и монастырскую “братию” называют “киевлянами” (“киевлене игумен Илинарх да келарь старец Митрофан з братиею”). Приходная книга Патриаршего Казенного приказа 1640/41 г. фиксирует уплату денег “старцем Тарасеем киевленином”, по-видимому, одним из густынских монахов (“старец Тарасый, соборный”)³². Игумен Иринарх “з братией” неоднократно упомянуты как “киевляне” и в других источниках, сохранившихся в монастырской копийной книге 1683 г. В челобитье патриарха Иоакима от 25 апреля 1676 г. о подписании имеющихся у Дудина монастыря жалованных грамот на имя царя Федора Алексеевича читаем: “А прежние жалованные грамоты на тот Амвросиев Дудин монастырь и на вотчины того монастыря не подписаны, потому что в том монастыре жили киевляны и им было о подписке тех наших великого государя грамот бити челом не за обычай”³³.

Можно предположить, что при переходе в Нижегородский уезд им удалось сохранить не только певческие традиции, но и какую-то часть библиотек Густынского и Маргарского монастырей³⁴. Не была ли поездка Епифания (Славинецкого) и Арсения (Сатановского) в Амвросиев Дудин монастырь, предпринятая летом 1650 г., вызвана интересом к этим книгам?³⁵ Полагаю, что и выбор Н. И. Козловым в 1663 г. рукописи, написанной в январе 1655 г. в Вильно иноком униатского Свято-Троицкого монастыря, в качестве вклада по родителям именно в Амвросиев Дудин монастырь не был случаен³⁶.

²⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1638 г. Д. 1, 2; АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3: 1638–1652. № 9, 10, 13, 14. См. также: Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Книга шестая. М., 1996. С. 522–523.

³⁰ АЮЗР. Т. 3. № 10. С. 18.

³¹ Игумен Густынского монастыря Василий умер еще в Путивле (АЮЗР. Т. 3. № 9. С. 16).

³² АЮЗР. Т. 3. № 14. С. 22; Устинова И. А. Делопроизводственные документы Патриарших приказов 1-й половины XVII в.: Приходная книга Патриаршего Казенного приказа 1640/41 г. Часть 3 // ВЦИ. 2015. № 1/2 (37/38). С. 59.

³³ РГАДА. Ф. 281. Д. 8164. Л. 7–8, 181 об., 184, 203, 211, 219, 230; Ф. 1209 (Столбцы по Нижнему Новгороду). Д. 35/20674. Ч. 1. Л. 62; АЮЗР. Т. 3. № 9, 10, 13, 14.

³⁴ АЮЗР. Т. 3. № 2. С. 6; № 10. С. 20–21, 23–24.

³⁵ Николаевский П. Ф., прот. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. № 1–2. С. 169.

³⁶ ОР ГИМ. Син. певч. 32 (Ясиновський Ю. П. Українські та білоруські нотоплинейні Ірмолої 16–18 століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів, 1996. С. 154 (Історія української музики; вип. 2: Джерела). См. также: Герасимова И. В. Украинско-белорусские нотоплинейные ирмологионы в системе русских певческих книг (последняя треть XVII–XVIII вв.) // Каллофонія. Наук.

Библейские книги имели распространение в древнерусской книжности в разных формах – четьей, служебной и толковой, определяемых, в свою очередь, характером бытования текстов Священного Писания. В частности, это касается Евангелия, по поводу которого в описях книг Амвросиева Дудина монастыря начала 1670-х гг. присутствуют такого рода уточнения (“Евангелие толковое воскресное печатное киевская в десть”³⁷, “Книга Евангелие толковое повседневно печатное в десть”, “Евангелие печатное воскресное в десть”, “Евангелие толковое воскресное в десть писмянное”). Псалтирь в описях зафиксирована только служебная в двух ее разновидностях: простой Псалтири и Псалтири с воследованием. Единичными экземплярами в монастырской библиотеке были представлены “Библия печатная в десть”³⁸, “Книга Новой завет киевская печатная в четверть”³⁹, “Книга Апокалипсис писмянной в четверть”.

Для уставных чтений в Дудине монастыре использовались патристика, толковая богословская литература, сборники устойчивого содержания. Так, в описи включен “Паренесис” Ефрема Сирина, по-видимому, в одном из изданий 1652 г., с добавлением “Поучений” аввы Дорофея (“Две книги Ефрема Сирина з Дорофеем печатные в десть”)⁴⁰, а также рукописные книги – “Дорофей писмянной в полдесть” и “Ефрема Сирина писмянная в десть”. В библиотеке отмечена и имевшаяся тогда едва ли не в каждом монастыре “Лествица” Иоанна Синайского, в данном случае – это “Книга Лествичник печатной в десть”, вероятно, изданная в Москве в 1647 г.⁴¹

Зафиксированный в описях 1671–1672 гг. “Соборник печатной в десть” – это московское издание 1647 г. “Соборник сиесть собрание слов нравоучительных и торжественных собраное от учителей святых восточных церкви”⁴². Книга, ставшая сразу после выхода одной из основных четых книг⁴³, состоит из 71 поучительного “слова” отцов церкви – Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского,

---

зб. з історії церковної монодії та гимнографії, 4. Ред.: Кр. Ганнік, Н. Сиротинська, Ю. Ясіновський, А. Ясіновський. Львів, 2008. С. 84; *Она же*. Занятие Вильны русскими войсками 8 августа 1655 г.: сопоставление нарративных и документальных источников // *Istoriniai mūšiai senojoje Lietuvos raštijoje: nuo Livonijos karo iki XVIII a.* / Sudarė ir parengė Mintautas Čiurinskas. Vilnius, 2011. P. 152–153 (*Senoji Lietuvos literatūra*; Vol. 32).

³⁷ По-видимому, вклад архимандрита Нижегородского Благовещенского монастыря Пафнутия. Согласно П. М. Строеву, он был архимандритом в 1659–1680 гг. (*Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. С. 614). Книга описана еще в XIX в.: *Макарий, архим.* Памятники церковных древностей Нижегородской губернии. С. 248.

³⁸ *Зернова.* № 306.

³⁹ *Запаско Я. П., Исаевич Я. Д.* Пам’ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1: 1574–1700) (далее – *Запаско, Исаевич.* № 393. (Новый завет. Киев, типография Лавры, 20 декабря 1658 г., 8°.)

⁴⁰ *Зернова.* № 237, 241. В описи 1701–1702 гг. одна из них по-прежнему учтена в монастырской библиотеке: “Книга Ефрема Сирина да аввы Дорофея в десть в переплете оклеено кожою красною печати 160-го году” (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 94).

⁴¹ *Зернова.* № 199. Книга находилась в монастырской библиотеке и в начале XVIII в.: “Лествичник в десть в переплете оклеена кожою красною печати 155-го году” (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 95 об.).

⁴² *Зернова.* № 200. Вероятно, именно он в описи 1701–1702 гг. записан как “Книга Соборник в десть в переплете оклеена кожою красною, а в котором году печатана тех листов в той книге не явилось” (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 98 об.).

⁴³ В начале XVIII в. книга присутствует в библиотеках ряда других нижегородских монастырей, например Нижегородского Благовещенского – “Книга Соборник в десть в переплете оклеено кожою красною печати 155-го году” (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 378), Макарьевского Желтоводского – “Соборник печатной в десть 155-го году по желтому обрезу, в красной коже, застешки и петли медные” (Там же. Д. 56. Л. 39).

Василия Великого, Григория Двоеслова, Иоанна Дамаскина, Федора Студита, Анастасия Синайского, Григория Смирнского, Григория Богослова и других, расположенных в соответствии с церковным календарем, начиная с недели о блудном сыне и заканчивая неделей после Пятидесятницы⁴⁴. Надо полагать, ее приобретение позволяло вывести из обращения имевшиеся в монастыре рукописные Сборники, к тому времени, возможно, уже обветшавшие (их число с начала 1620-х гг. сократилось с пяти до одного). В рукописной части монастырского книжного собрания патристика также представлена трудами Василия Кесарийского (“Книга Василия писмянная”) и Иоанна Дамаскина.

Среди сборников церковно-назидательного содержания в описях 1671 и 1672 гг. присутствует “Книга Маргарит печатной в десть”. Если указанный лишь в одной из описей формат книги – не ошибка подьячего, то это не та книга, что была зафиксирована писцами в начале 1620-х гг. (“Маргарит, печать литовская, в полдесть”). По-видимому, в начале 1670-х гг. в Амвросиеве Дудине монастыре читали уже московское издание Иоанна Златоуста 1641 г. Думать так позволяет запись в описи 1701–1702 гг., согласно которой в монастыре хранится “Книга Маргарит в десть в переплете оклеена кожей белою печати 150-го году”⁴⁵. Среди рукописей особо отметим книгу “Пчела” (“в полдесть”).

В библиотеке монастыря также была представлена русская церковная публицистика. В частности, в описях 1671 и 1672 гг. находим печатные “Книгу многосложный свиток” и “Книгу о вере”. Московское издание 1642 г., называемое в литературе “Сборник о почитании икон в 12 словах”, а в документах Печатного двора – “Многосложный свиток” или “О иконном поклонении”, состоит из ряда “слов” – проповедей, направленных против ереси иконоборчества, против идей М. Лютера и Ж. Кальвина, о чудесах от святых икон⁴⁶. Русский авторский сборник “Книга о вере единой истинной православной о святей церкви восточной, и о изряднейших правоверных сложениях от божественаго писания вкратце избрана” был издан в Москве в мае 1648 г.⁴⁷

Краткость формулярных записей не позволяет установить состав рукописей, обозначенных в описях лишь именами, как, например, кодекс, записанный как “Максим Грек”. Возможно, к этому же тематическому разделу библиотеки относится “Книга Григория Миритцкого писменная”, поскольку она бытовала в различных редакциях перевода, в том числе в варианте, когда Житие сопровождалось “Прением Григория Омиритского с Ерваном о вере”⁴⁸. Отметим, что формулировки

⁴⁴ См.: *Черторицкая Т. В.* Сборник // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П–С. С. 483–485.

⁴⁵ *Запаско, Исаевич.* № 32. (Иоанн Златоуст. Маргарит. Острог, 16. VI. 1595. 4°); *Зернова.* № 157; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 96.

⁴⁶ *Зернова.* № 161. В 1701–1702 гг. книга по-прежнему находится в монастырской библиотеке – “Многосложный свиток в полдесть в переплете оклеена кожей красною печати 150-го году” (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 96).

⁴⁷ *Зернова.* № 209. См.: *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 243–284; *Савельева Н. В.* К вопросу о допечатной традиции “Книги о вере” иеромонаха Гедеона, игумена Бизюкова монастыря: из истории бытования списка Оболенского // *Старообрядчество в России.* М., 2013. Вып. 5. С. 15–38. В описи начала XVIII в. книга представлена более поздним изданием, по словам ризничего попа Андриана, купленным уже после описания монастыря в 204 г.: “Книга о вере в десть в переплете оклеена кожей красною печати 204-го году” (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 103 об., 127).

⁴⁸ *Новикова О. Л.* Редакции перевода Жития Григория Омиритского и рукопись Досифея Соловецкого // *Вестник “Архео-Альянс”.* 2018. № 26. С. 3–46; *Кузьмин А. В., Рыков Ю. Д.* Новые источники по истории вологодских монастырей // *ВЦИ.* 2013. № 3/4 (31/32). С. 371–372.

некоторых статей в описях заставляют сомневаться, об одной или двух рукописях идет речь (как, например, запись “книга Петра Дамаскина да Исака Сирина письменные в десть”).

Агиографическая литература в монастырской библиотеке была представлена несколькими печатными и рукописными Прологами, а также книгой “Житие Николы Чудотворца печатная в полдесть”. Последняя неоднократно переиздавалась в этом формате. Даже наличие в описи начала XVIII в. записи о ней, содержащей дату (“Книга Житие Чюдотворца Николая в полдесть в переплете оклеено кожей красною, печати 149-го году”), не позволяет уточнить, о каком именно издании идет речь (5 декабря 1640 г. или 20 апреля 1641 г.)⁴⁹. Описи 1671–1672 гг. включают также книгу “Цветник духовной в полдесть печатной”. Надо полагать, ее же в начале XVIII в. зафиксировал в монастыре П. Б. Вельяминов (“Книга Цветник духовный Софрония патриарха Иеросалимского, в полдесть, в переплете оклеена кожей красною, а которого году печати того не написано”)⁵⁰. Среди рукописных следует назвать “Патерик Печерский”, “Патерик Скитский”, “Житие Иоасафа Царевича”, упомянутого выше “Григория Миритцкого”. К той же категории книг можно отнести “Святцы во весь год с летописью печатные в полдесть”. Упоминание в описании “летописи” указывает на издание 1646 г., в котором памяти были дополнены краткими биографическими данными о святом; к тому же именно оно, единственное из многочисленных московских изданий до 1671 г., имеет искомый формат⁵¹.

Сопоставление номенклатуры названий книг монастырских описей 1671 и 1672 гг. выявило пять различий. Лишь в описи 1671 г. зафиксированы “Книга Соборник писменой”, “Прологовые тетради печатные в десть”, “Два Охтоя печатные новые в десть”. В то же время в описи 1672 г. появляются новые книги: “Треодь цветная писменная в десть же” и “Пролог писменной в десть”⁵².

Во исполнение полученного им наказа А. А. Раков, закончив описание монастыря, произвел сверку имеющегося монастырского имущества с описью келаря Дионисия Омачкина: “А против прежних отписных книг старца Дионисия Омачкина налицо нет в соборной церкви Евангилия писменного, Псалтыри со воследованием, Треоди цветной писменной, Соборника писменного, Прологов тетрадей, Шестоднева печатного, двух Охтаев”⁵³. Отметим, что лишь половина этого перечня совпадает с приведенными выше разночтениями в текстах беловиков описей 1671 и 1672 гг. Пятая книга – “Триодь цветная писменная в десть же”, – наоборот, присутствует лишь в описи Алексея Ракова 1672 г., а у Дионисия Омачкина ее нет⁵⁴.

⁴⁹ *Зернова*. № 152, 155; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 94.

⁵⁰ *Запаско, Исаевич*. № 172. ([Иоанн Мосх]. Лимонарь [Луг духовный Синайский патерик]. Киев, типография Соболя, 1628. 4°.) Об издании с теми же выходными данными в 1630-х гг. в Кутенне (или Буйничих) см.: *Зернова А. С.* Белорусский печатник Спиридон Соболя // Книга: Исследования и материалы. М., 1965. Сб. 10. С. 133. Можно предположить, что “Лимонарь, сиречь Цветник отца нашего Софрония патриарха Иерусалимского, составленный Иоанном иеромонахом”, изданный в 1628 г. в Киеве, могли привезти с собой “киевляне” в конце 1630-х гг. Отсутствие даты в описании рубежа XVII–XVIII вв. скорее говорит в пользу раннего происхождения книги (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 96).

⁵¹ *Зернова*. № 193. См.: *Карбасова Т. Б.* Святцы 1646 г.: памяти русских святых // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Вып. 2. С. 249–301.

⁵² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 43–43 об., 44, 276, 277.

⁵³ Там же. Л. 336 об.–337.

⁵⁴ Как нет там и “Пролога писменного в десть”. Но в заключительной части описания монастыря А. А. Ракова “новые” книги вообще не отмечены.

Что касается остальных трех книг, то в обоих подлинниках монастырских описаний из РГАДА выявлены записи о кодексах с такими названиями.

В своей совокупности данные наблюдения, по-видимому, могут быть истолкованы как признак того, что описание, использованное А. А. Раковым для сравнения, не было тождественно тому, что было отвезено Дионисием Омачкиным в Москву. Состояние источников не позволяет выходить за рамки гипотетической постановки вопроса о причинах такого положения дел. Возможно, в оставленную в монастыре копию/противень вносились текущие изменения. Однако допустимо и предположение, что в силу каких-то причин монастырские власти предоставили А. А. Ракову иное описание, выполненное тем же келарем Нижегородского Печерского монастыря Дионисием. Ранее, во второй половине 1670 г., им же были составлены описные книги Амвросиева Дудина и Матюшевского монастырей – в связи с передачей их патриарху⁵⁵. Согласно царской указной грамоте от 28 июля 1670 г., ему надлежало “в том Дудине монастыре церкви божии и в них всякую церковную утварь и монастырское строение и в слободах слуг и служебников, а в селах и в деревнях и во дворах крестьян и бобылей и всякия угодыя описать, и описные книги прислать к Москве”⁵⁶. Текст данного описания не сохранился (или еще не выявлен?), но нет оснований предполагать, что в него не были включены книги, хранившиеся в монастырских церквях.

Высокая степень сходства описей монастырской библиотеки 1671 и 1672 гг., нередко доходящая до полной тождественности больших фрагментов текста по содержанию (при наличии мелких отличий, прежде всего, в написании отдельных слов, т.е. очевидно обусловленных навыками разных писцов), свидетельствует в пользу гипотезы о том, что в их основе лежит общий протограф – соответствующий фрагмент описных книг келаря Дионисия (Омачкина) 1670 г. или использованная им монастырская опись-инвентарь.

Следует подчеркнуть, что хотя все четыре использованные в данном исследовании описи монастырской библиотеки выявлены в составе более широких по задачам описаний Амвросиева Дудина монастыря, существует определенная вероятность, что мы имеем дело не с описаниями книг, проведенными в указанные в преамбуле даты, а с компилятивной работой переписчиков, которая была выполнена на основе имевшихся в монастыре на тот момент описей-инвентарей. Особенно убедительно, с учетом характера и степени детализации статей-описаний отдельных рукописей, это предположение иллюстрируют результаты деятельности в 1620-х гг. нижегородской писцовой комиссии Д. В. Лодыгина, которая очевидно пользовалась монастырскими описями-инвентарями, не располагая ни временем, ни возможностями/знаниями для проверки этих описаний *de visu*.

Выявление четырех сохранившихся описей книг Дудина монастыря позволяет рассматривать состав монастырской библиотеки в динамике. Полувековой период существования монастырского книжного собрания между описаниями начала 1620-х и 1670-х гг., несомненно, был отмечен как его пополнениями, так и утратами книг. Вывод о том, что в сравнении с 1620-ми гг. – при примерном равенстве количества томов в библиотеке собственно Дудина монастыря – кардинально

⁵⁵ Соколова Н. В. Землевладение Амвросиева Дудина монастыря (XV – начало XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год: Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV – конца XX веков: экономическое, социальное и культурное развитие. М., 2014. С. 29–58.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8164.

поменялось соотношение печатных книг и рукописей, очевиден. Если в начале 1620-х гг. в монастыре было не менее пяти харатейных рукописей, то в начале 1670-х ни одна из книг в Никольской церкви не описана как выполненная на пергамене. Рукописи оказались в значительной мере вытеснены печатными книгами. К причинам изменений в монастырской библиотеке следует отнести не только развитие книгопечатания как такового, но и необходимость, исполняя требование властей, иметь новые, правильные, книги. В какой мере рост шел за счет увеличения “экземплярности” и “актуальных” печатных изданий и происходит ли “замещение” рукописных сборников с точки зрения содержания, установить трудно. Исчерпывающая характеристика состава рукописной части собрания затруднена как отмеченными выше характерными чертами формуляра описаний 1671 и 1672 гг., краткостью и лапидарностью статей, так и отсутствием возможности изучения рукописей *de visu*. Тем не менее даже в этих условиях проявляются существенные изменения в репертуаре: сократилось количество рукописных Соборников, нет Измарагда, Гранографа, двух Летописцев и ряда других книг. Сравнение с описанием 1620-х гг. свидетельствует, что к началу 1670-х гг. изменились не только репертуар монастырской библиотеки, но и принципы систематизации книг.

Реконструкция библиотеки Никольского Амвросиева Дудина монастыря в начале 70-х гг. XVII в. на основе сохранившихся описей келаря Дионисия Омачкина (1671 г.) и А. А. Ракова (1672 г.) не может быть интерпретирована корректно вне исторического контекста. В источниках практически отсутствуют сведения об истории данной духовной корпорации в период между писцовым описанием Дмитрия Лодыгина “с товарищи” и приходом новых насельников из Густынского и Маргарского монастырей. Однако сам факт, что небольшой провинциальный монастырь принял, по-видимому, немаленькую группу монахов-переселенцев, один из которых вскоре стал игуменом, свидетельствует о сложившейся там достаточно неординарной ситуации. По-видимому, эти события, в свою очередь, могут рассматриваться как триггер значимых изменений как для монастыря в целом, так и для монастырской библиотеки.

Так, можно лишь строить предположения, когда и при каких обстоятельствах покинула монастырь книга, выходная запись которой идентифицирует ее как вклад преподобного Сергия Радонежского. Обе описи начала 1670-х гг. зафиксировали харатейное Евангелие, которое на тот момент находилось не в монастыре, а вне его стен, в верхнем пределе ветхой Ильинской церкви на берегу Оки (“за монастырем же на берегу Оки реки церковь деревянная ветха гораздо верх шатром во имя святого Ильи на подклетех на той же церкви предел святого Василия блаженно-го”). Следует подчеркнуть, что это единственная запись, содержащая имя вкладчика: “Да вверху в пределе святого Василия церковного строения... на престоле Евангелие, писано в десть, без евангелистов, а писано по телятине, вкладу преподобного Сергия Радонежского чудотворца, оболочено камкаю двоеличною”. По-видимому, речь идет об упомянутом выше Евангелие 1408 г. из коллекции Нижегородского государственного художественного музея, которое в начале 1620-х гг. хранилось в пределе Сергия Радонежского чудотворца церкви Успения Пречистые Богородицы Дудина монастыря⁵⁷.

---

⁵⁷ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 49 об., 51 об.; 278 об., 279 об.–280; Балакин П. П., Нестеров И. В. Коллекция рукописных и старопечатных книг...; Соколова Н. В. К реконструкции состава библиотеки Амвросиева Дудина монастыря в XVII в. С. 228–229.

В описи 1701–1702 гг. присутствуют записи, позволяющие предположить неполноту учета книг в Амвросиеве Дудине монастыре в начале 1670-х гг. Во-первых, в ходе описания П. Б. Вельяминова были выявлены книги, хранившиеся отдельно от остальных, в казне: “В коробке три книги печатные полским языком да десеть книг писменных белорусского писма, четыре книги писменных певчих русских”⁵⁸. По поводу обстоятельств их появления в казне (включая, похоже, и рукописи крюковой нотации) монастырские власти имели довольно смутное представление: “А по скаске казначея старца Герасима вышеписанные книги прежних монахов, которые по указу великого государя были преж сего в том Дудине монастыре поляки”⁵⁹. В другом месте того же описания “ризничей поп Андреян” объясняет обнаружение – уже среди книг монастырской библиотеки, хранившихся в каменном Успенском соборе (“соборная церковь каменная во имя Успения пресвятыя Богородицы с трапезою, об одной главе, крест железной позолочен, глава обита железом белым”), – рукописи, которая не учтена в предыдущем описании: “А книга белорусского писма учительная, что ныне ж явилась по досмотру, и та книга в прежних описных книгах написана недознанием нотною книгою писменною”⁶⁰. По-видимому, к началу XVIII в. у этих книг уже не осталось читателей. Но в начале 1670-х гг. они, теоретически, еще могли жить в монастыре.

В описях 1671 и 1672 гг. никаких следов существования в Амвросиеве Дудине монастыре печатных книг “полским языком” или рукописных “белорусского писма” не выявлено. Для суждения о том, были ли эти книги записаны в монастырских описях-инвентарях раньше или же они хранились в кельях, оказавшись в библиотеке и в казне позднее, уже в качестве выморочного имущества, нет достаточных оснований. Как представляется, предлагаемый читателю опыт реконструкции монастырской библиотеки не в последнюю очередь интересен именно тем, чего не было в ее описях в составе официальных описаний монастыря. Исследование показало, сколь причудливым образом в провинциальной монастырской повседневности XVII в. может не совпадать содержание понятий “монастырская книжность” и “монастырская библиотека”.

---

⁵⁸ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 153–153 об.

⁵⁹ Там же. Л. 156.

⁶⁰ Там же. Л. 127 об.

А. И. Плигузов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ВОЛОКОЛАМСКОЙ БИБЛИОТЕКИ: НЕИЗВЕСТНАЯ ОПИСЬ МОНАСТЫРСКИХ КНИГ 1857 ГОДА*

Библиотеке Волоколамского монастыря – более пятисот лет (монастырь основан в 1479 г.), и по своему объему и составу она стоит в одном ряду с более древними Троицким, Кирилло-Белозерским, Соловецким собраниями монастырских книг. Но исключительной особенностью Волоколамской библиотеки являются ее бурный рост и тщательная работа по переписке и собиранию рукописей в течение одного столетия – XVI – и почти полная последующая консервация. Тем самым в наших руках оказывается источник первостепенной важности (а весь массив книг можно и должно рассматривать как единый источник) для понимания общественной мысли того времени, когда складывалось централизованное Русское государство.

Постоянное внимание исследователей и относительная доступность Волоколамской библиотеки сделали ее материалы обязательными для каждой работы по идеологии XVI в., однако при обращении к рукописям ученые нередко сталкивались и сталкиваются с трудностями технического свойства. Речь идет о том, что со второй половины XIX в. монастырская библиотека хранится разьединенно: часть в Московской духовной академии (с 1859 г.) и затем в РГБ, часть – в Епархиальной библиотеке ОЛДП (с 1863 г.), а затем – в ГИМе. Более трех десятков рукописей было оставлено в монастыре, значительная их часть к настоящему времени утрачена, и до сих пор полный перечень этих книг не установлен.

Разьединенное хранение привело к тому, что до самого последнего времени у исследователей не было общего описания всех сохранившихся к XIX в. монастырских книг. Это влекло за собой неполноту источниковой базы, ошибки, неточности. Еще до того, как библиотека была разделена на части, в ней работал замечательный археограф П. М. Строев (1817 г.), подготовивший хотя и беглое, но довольно добросовестное описание 690 рукописей, т. е. почти всех книг, имевшихся в монастыре¹. Однако описание Строева невозможно было использовать в текущей исследовательской работе, так как принятая им система шифров никак не согласована с введенной в монастыре нумерацией рукописей, и каждое разыскание описанной Строевым книги в Волоколамском собрании РГБ или Епархиальном собрании ГИМ представляло отдельную археографическую задачу.

---

* *От редакции:* Предлагаемая здесь статья Андрея Ивановича Плигузова (1956–2011) была написана им до его первой командировки в США в 1990 г. В дальнейшем, до конца жизни, автор более к ней не возвращался, поэтому редколлегия АЕ сочла возможным дополнить статью ссылками на исследования, вышедшие после указанной даты. Все указанные дополнения взяты в квадратные скобки. Статья подготовлена к публикации Н. А. Кобяк.

¹ [Строев П. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского. СПб., 1891.]

Это неудобство строевского описания было устранено лишь в 1979 г., когда была опубликована блестящая итоговая статья А. А. Зимина, где содержится ключ к описанию 1817 г.² Зимину удалось установить местонахождение подавляющего большинства рукописей из числа описанных Строевым и идентифицировать сохранившиеся рукописные книги с конкретными номерами описания. Общий уровень проделанной Зиминим работы необыкновенно высок. К достоинствам этой статьи нужно отнести также предпринятую автором реконструкцию списка рукописей, оставленных в монастыре после 1863 г. (указано 27 номеров³), и учет потерь волоколамских книг в Епархиальной библиотеке и в ГИМе. К сожалению, само описание Строева, к которому составил ключ Зимин, не лишено недостатков: не для всякой рукописи Строев успел дать полную постатейную роспись содержания, а литургические рукописи не расписаны вовсе. Этот недостаток, разумеется, легко может быть восполнен каждым исследователем, обратившимся к конкретной рукописи. Но не все книги, описанные Строевым, на сегодняшний день сохранились, поэтому в отношении утраченных материалов пробелы описания 1817 г. оказываются невосполнимыми. Второй недостаток описания Строева в том, что его работа вовсе не учитывает ряда рукописей, хранившихся в монастыре (значительная их часть выявлена и указана в статье Зимина⁴).

Предшествующие строевскому обзору описи монастырских книг и монастырского имущества 1545 г.⁵, 1573 г.⁶, 1591 г.⁷, 1778 г.⁸ составлялись самими постриженниками монастыря и являются незаменимым источником по истории библиотеки, но еще менее пригодны для работы современного археографа. Перечисленные материалы не дают возможности полностью учесть рукописи, оставшиеся в монастыре после того, как основная часть библиотеки была передана в другие собрания, не позволяют установить полное содержание утраченных рукописей, не дают возможности уточнить общее число книг, переданных в Епархиальную библиотеку (в литературе указываются цифры 435⁹ и 440¹⁰). Значит, и работа по реконструкции Волоколамской библиотеки хотя бы в объеме, сохранившемся к началу XIX в. (статья Зимина показала, что сохранность библиотеки в течение конца XVI – XVIII в. была довольно высока), не может быть признана законченной.

---

² *Зимин А. А.* Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // ЗОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 15–29.

³ Там же. С. 18–19.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Эта опись содержалась в монастырской рукописи № 689, которая не была передана в другие собрания и хранилась до начала XX в. в монастыре (в 60-х – начале 70-х гг. XIX в. временно хранилась в личной библиотеке К. И. Невоструева), затем была изъята оттуда В. Т. Георгиевским для публикации (См.: *Георгиевский В. Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Приложения. С. 8–21) и на место не вернулась; ныне утрачена.

⁶ РНБ. Горский 37; издана: *Казанский П.* Опись книгам Иосифова монастыря 1573 г. // ЧОИДР. 1847. № 7. С. 1–15.

⁷ РО ИРЛИ. Р. IV. Оп. 26. № 20. Л. 115–225 об.; эта опись до сих пор не опубликована.

⁸ *Ундольский В.* Опись книгам, в степенных монастырях находившимся // ЧОИДР. 1848. Кн. 8. С. 37–39.

⁹ *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1. С. 631; *Зимин А. А.* Из истории собрания... С. 17.

¹⁰ *Перетц В.* Рукописи Московской Епархиальной библиотеки // Библиографическая летопись. 1917. Вып. 3. С. 70–95.

Сохранившиеся рукописи также изучены неравномерно: 236 рукописей МДА имеют прекрасное печатное описание¹¹ и дополнительную машинописную опись, учитывающую художественные особенности, палеографические признаки рукописей и т. д.¹² А волоколамские рукописи, переданные из Епархиальной библиотеки в Епархиальное собрание ГИМ, снабжены дореволюционной описью, которую мало кто из исследователей держал в руках¹³, новая работа по описанию иосифо-волоколамских рукописей, начатая Л. М. Костюхиной, Т. В. Диановой и И. В. Поздеевой (1-й выпуск: 207 рукописей)¹⁴, так и не была завершена. Не получили цельного описания и 8 выявленных Зиминым рукописей, хранившихся в монастыре до 40–50-х гг. XX в., а затем попавших в различные собрания страны¹⁵. Не описаны и два десятка волоколамских рукописей XVI–XIX вв., лежащих в запасниках Государственного музея им. Андрея Рублева¹⁶.

В итоге нарушается важнейший принцип исследования средневековой библиотеки – изучение ее как целостного объекта, и далеко не каждому специалисту под силу соединить в своей работе представления о всех этих разрозненных группах рукописей.

До сих пор можно было предполагать продолжение исследований Волоколамской библиотеки по двум направлениям:

а) окончательное введение в научный оборот описи Строева (это направление практически исчерпано статьей Зимина);

б) дальнейшая обширная работа по описанию всех указанных выше рукописей РГБ, прежде всего епархиальных, что требует времени и издательских возможностей и движется крайне медленно. В последнее время неожиданно представилась новая возможность, новое перспективное направление: Отдел рукописей РГБ описал и открыл для исследователей фонды А. В. Горского (Ф. 78), А. И. и К. И. Невоструевых (Ф. 193) и Общества любителей духовного просвещения (Ф. 206). Материалы этих фондов позволяют восстановить целый этап в истории Волоколамской библиотеки – они включают неизвестные специалистам источники, документирующие разные этапы передачи монастырских книг в другие собрания. Но пойдем по порядку.

В 1980 г. по решению методического бюро Отдела рукописей РГБ отдельные материалы архива Епархиальной библиотеки, которые хранились в фондах 39 (П. 12 (XXI), Ед. хр. 1–4, 6–31) и 558 (Ед. хр. 41), были переданы в собрание Общества любителей духовного просвещения (Ф. 206) и получили отдельное описание (машинопись. М., 1981). Там в числе инвентарных книг, каталогов различных отделов

¹¹ *Иосиф, иеромонах*. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882.

¹² Описание собрания Иосифо-Волоколамского монастыря (Ф. 113) / Сост. Л. В. Тиганова, Н. Б. Тихомиров, Ю. А. Неволлин. М., 1972 (машинопись, хранится в ОР РГБ).

¹³ Опись рукописей, переданных в Московскую Епархиальную библиотеку по указу Московской консистории от 5 сентября 1863 г. [ГИМ. Епарх. № 1015 (инв. № 76013)]. Первое печатное упоминание об этой описи см.: *Зимин А. А.* Из истории собрания... С. 22. Примеч. 51.

¹⁴ [Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Дианова Т. В., Костюхина Л. М., Поздеева И. В. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь. Л., 1991. С. 122–484.]

¹⁵ *Зимин А. А.* Из истории собрания... С. 18–19. [См. также: *Кобяк Н. А.* Рукописи Иосифо-Волоцкого монастыря в собрании НБ МГУ: возникновение легенды // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей. М., 2017. Сб. 10. С. 60–73.]

¹⁶ *Зимин А. А.* Из истории собрания... С. 21. Как установлено А. Д. Червяковым, одна из этих рукописей (№ 3405) принадлежит к описанным Строевым (рукописи в 2°, № 43).

библиотеки, каталогов частных собраний, переданных в Епархиальную библиотеку, обнаружилась “Опись рукописей Волоколамского Иосифова монастыря, переданных в Московскую Епархиальную библиотеку по указу Московской консистории от 5 сентября 1863 г. за № 6034”¹⁷. Так у нас в руках оказался полный каталог тех книг, которые были перевезены из монастыря в Епархиальную библиотеку, до сих пор не описаны, а часть из них, как было установлено Зиминым, утрачены¹⁸.

Начнем с того, что кратко охарактеризуем сохранившиеся материалы описи. Они хранятся в двух картонах фонда 206.

Картон 34. Ед. хр. 13

Тетрадь на 96 л., в линейку, бумага без филиграней и штемпелей. Левое поле разлиновано карандашом. Вся тетрадь заполнена одним почерком (П I). Заголовков (Л. 1): “Опись рукописей Волоколамского Иосифова монастыря, переданных в Московскую Епархиальную библиотеку по указу Московской консистории от 5 сентября 1863 г. за № 6034”. Содержит описания рукописей 6–345 (в соответствии с той нумерацией волоколамских рукописей, которая возникла в результате инвентаризации 1854–1857 гг.¹⁹), причем в описании пропущены как раз те рукописи, которые хранятся теперь в РГБ, а прежде хранились в МДА.

Картон 34. Ед. хр. 14

88 л. большого формата, в 2°, сложенных вдвое и не переплетенных. Л. 1–48 написаны уже знакомым нам П I на бумаге вологодской фабрики (штемпель: Клепиков I, № 188, 1912 г.) и бумаге акционерной компании рижских писчебумажных фабрик (штемпель: Клепиков I, № 1–2, 1901–1916 гг.). Л. 50–86 об. написаны иеродиаконом Иосифова монастыря Иннокентием (П II, см. подпись Иннокентия на Л. 86 об.). Бумажный штемпель на этих листах принадлежат Красносельской фабрике (Клепиков I, № 144–145). Описаны рукописи 346–961 с пропуском тех, что были переданы в МДА или остались на хранение в монастыре. На Л. 86 об. – запись Иннокентия о том, что каталог книг переписан 1 июня 1915 г. Здесь же – копия с записи архимандрита Иосифова монастыря Гедеона:

“Всех рукописей из библиотеки Иосифова монастыря передано в Московскую Епархиальную библиотеку четыреста двадцать две, 422.

Иосифова монастыря архимандрит Гедеон.

Опись составляли: Иосифова монастыря архимандрит Гедеон, в должности казначея иеромонах Нафанаил, села Спинова Введенской церкви священник Материй Малинин, Теряевой слободы Вознесенской церкви священник Иосиф Долгополов. Книга составлена описей в 1857 году февраля 7 дня”.

Картон 35. Ед. хр. 1

94 л., в 2°, разрозненные. П III, бумага угличской фабрики (штемпель: Клепиков I, № 99, 1884 и 1902–1904 гг.) и фабрики А. Гончарова (штемпель: Клепиков I,

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 206 (Общество любителей духовного просвещения). Картон 34. Ед. хр. 13, 14.

¹⁸ На эти документы обратила мое внимание Г. Г. Гуличкина.

¹⁹ О начале инвентаризации свидетельствуют записи на первых листах волоколамских рукописей, датированные 1854 г., а об окончании – указание описи 1857 г. Нынешняя нумерация волоколамских рукописей РГБ прямо соответствует шифрам, установленным в монастыре в 1854–1857 гг. или несколько позже (но не позже 1859 г.), а у епархиальных рукописей, имеющих ныне двойную нумерацию, цифра основного реестра монастырских книг соответствует знаменателю дроби.

№ 51, 1895–1902 гг.). Содержит подробное постатейное описание 31 рукописи (113–115, 117, 125–128, 156–158, 202, 204–206, 208–210, 212, 215–216, 218–220, 222–224, 233–234, 550, 631) из числа тех, что были переданы в Епархиальную библиотеку.

Картон 35. Ед. хр. 2

Л. 1–2 почерком IV, Л. 3–4 почерками V и VI – разрозненные заметки к описанию Волоколамской библиотеки: все номера описанных рукописей в порядке нарастания, заметки, сделанные в Епархиальной библиотеке.

Из этого беглого обзора видно, что у нас в руках – копия описи, составленной в монастыре в 1857 г. Составители этой описи, по счастливому стечению обстоятельств, известны нам поименно, и, как выясняется при обращении к материалам описи, поработали они весьма серьезно: ими учтено подавляющее большинство статей в сборниках непостоянного состава и частично расписаны литургические сборники постоянного состава. Архимандрит Волоколамского монастыря и его помощники не отстали от уровня современной им археографии, а в более тщательном описании литургических сборников превзошли многие работы археографов XX в.

Московская консистория передала волоколамские рукописи в Епархиальную библиотеку осенью 1863 г., а книга описей составлена в 1857 г. Значит ли это, что за шесть лет до передачи рукописей составители описи знали о будущей судьбе монастырской библиотеки? Разумеется, нет. Почему же тогда в сохранившейся описи фигурируют одни епархиальные рукописи? И почему некоторые книги, включенные в опись, содержат пометки о том, что они хранятся в МДА? Объяснение возможно одно: в феврале 1857 г. в монастыре было закончено подробное постатейное описание *всех* рукописей библиотеки, а у нас в руках – лишь копия с той части описания, которая охватывала одни епархиальные рукописи и была выборочно скопирована с описания 1857 г. в 1863 г. или несколько позже.

Наше предположение подтвердили материалы фонда А. В. Горского, профессора МДА и директора академической библиотеки, по чьей инициативе 236 книг попали в МДА. Волоколамский архимандрит Гедеон писал Горскому 12 октября 1859 г.: “По желанию Вашему иметь с нашей описи полную выписку рукописей, которые препровождены в библиотеку Академии, я пригласил иеродиакона, который обещал, хотя и не скоро, исполнить Ваше желание”²⁰. Сохранившееся письмо окончательно убеждает в том, что полная опись монастырских книг действительно существовала. Что же касается поручения, возложенного на анонимного иеродиакона, то из последующего рассмотрения будет ясно, что речь идет об одном из авторов описи 1857 г., Иосифе Долгополове, чьим именем и было подписано опубликованное в 1882 г. описание волоколамских рукописей МДА.

Дальнейший путь наших разысканий короток. В фонде А. И. и К. И. Невоструевых нашелся черновой оригинал описи 1857 г.²¹, с которым работал К. И. Невоструев перед самой смертью (на описи есть пометы, сделанные его почерком: Л. 206–206 об., 208–209) и который так и остался в личном архиве ученого. В картонной папке описи – 209 л., в 2^о, – обнаруживаются почерки самого Гедеона (мы имеем возможность свериться с подписанными им письмами²²), Иосифа Долгополова

²⁰ ОР РГБ. Ф. 78. Карт. 24. Ед. хр. 43. Л. 3 об.

²¹ Там же. Ф. 193. Карт. 11. Ед. хр. 7.

²² Там же. Ф. 78. Карт. 24. Ед. хр. 43. Л. 1–8 (письма от 10.IX.1859, 12.X.1859, 24.V.1873, 5.XII.1873, 20.XII.1873).

(см. его собственноручные письма А. В. Горскому²³), Материя Малинина (см. его запись на Л. 1) и, вероятно, иеромонаха Нафанаила (других образцов его почерка мы не знаем). Сохранившийся черновик не содержит выходных данных о составителях описи, которые нам уже известны по выборочной копии Иннокентия 1915 г., однако теперь это не является для нас препятствием.

При обращении к черновику описи можно заключить, что в 50-х гг. XIX в. в монастыре была проведена инвентаризация всех видов имущества: опись книг озаглавлена “Часть четвертая. Опись рукописей”, т.е. сводная опись 1857 г. должна была выглядеть так, как и описи 1545, 1573, 1591 гг., где книги перечислены наряду с иконами, церковной утварью и т.д. Полное описание имущества монастыря, вероятно, не сохранилось (погибло в 1941 г.). Второе наблюдение позволяет установить автора печатного описания волоколамских рукописей МДА. В той части, где опись 1857 г. разбирает содержание переданных в МДА рукописей, ее текст полностью совпадает с опубликованным под именем Иосифа, значит Иосиф по просьбе А. В. Горского, переданной через Гедеона, сделал лишь копию с описи 1857 г. (а он был лишь одним из четырех ее авторов), и эту копию мы знаем по публикации.

Порядок черного экземпляра описи сбивчивый, система нумерации рукописей сложна (каждая из книг имеет по три номера), номера рукописей менялись в процессе описания, зачеркивались и поверх вписывались новые. Перемены в порядковых номерах описания можно объяснить стремлением составителей систематизировать библиотеку, но сразу найти приемлемый порядок было непросто. Предполагаем, что существовал некий основной, генеральный реестр всех рукописей, система шифров которого и была, в конце концов, перенесена в опись 1857 г. Это предположение подтверждается при ознакомлении с бумагами К. И. Невоструева.

Вероятнее всего, Невоструев готовил большую работу по описанию всех рукописей Волоколамской библиотеки. Если бы эти намерения осуществились, мы получили бы каталог высокого научного уровня (вспомним описание Синодального собрания, в основном подготовленное Невоструевым), однако ученый археограф успел подготовить лишь отдельные заметки. Назовем их. Это черновые записи Невоструева о рукописях, предназначенных к передаче в Епархиальную библиотеку и оставшихся в монастыре (Ф. 193. Карт. 11. Ед. хр. 9). Это полный перечень номеров рукописей, переданных в Епархиальную библиотеку (рукой Невоструева; Ф. 199. Карт. 11. Ед. хр. 12). И наконец, краткая копия с того самого сохранившегося черного экземпляра описи 1857 г., сделанная писарским почерком и с пометками Невоструева (22 л., в 2°, не сброшюрована, без переплета; Ф. 199. Карт. 11. Ед. хр. 8). Названная копия является ключом к обширному описанию 1857 г. (указаны листы черного экземпляра, где разбирается та или иная рукопись). На Л. 17 об. – карандашные подсчеты Невоструева, из которых следует, что к 1850-м гг. в монастыре хранилось 695 рукописей (напомним, что Строев описал 690), а на Л. 19–21 – реестры рукописей, “состоящих на лицо в библиотеке Иосифова монастыря” (всего 455, т.е. те 422, которые были переданы в Епархиальную библиотеку, и 33, оставленные в монастыре), и реестр рукописей, перенесенных в МДА.

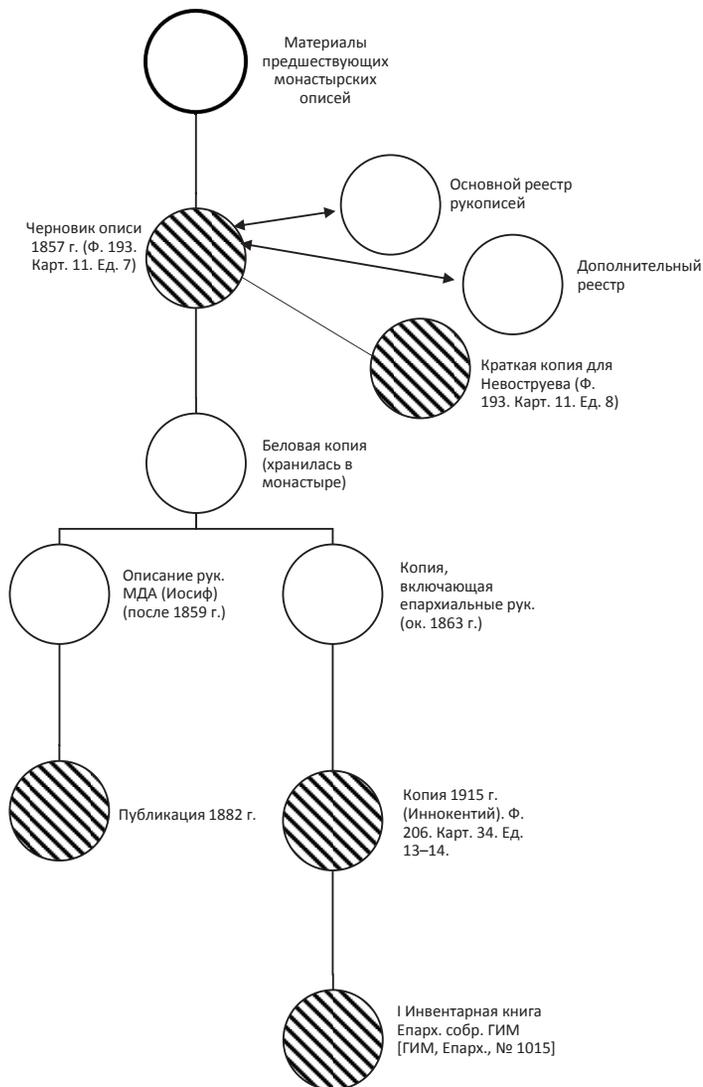
Из рассмотрения краткой копии с описи 1857 г. ясно, что нумерация рукописей монастыря была установлена в основной описи (будем называть ее реестром,

---

²³ Там же. Ф. 78. Карт. 26. Ед. хр. 21 (Переписка 1873–1874 гг.); ср. письма Иосифа К. И. Невоструеву (ОР РГБ. Ф. 193. Карт. 10. Ед. хр. 19).

чтобы не смешать собственно с описью книг), но небольшое число в этом основном реестре было пропущено и внесено в дополнительный реестр книг (общее число книг дополнительного реестра – не менее 13, об этом ниже).

Теперь нам следует дать общую стемму взаимоотношения материалов, отражающих составление описи 1857 г. и последующую работу по оформлению материалов этой описи. Стемма будет выглядеть так:

Предполагаемая нами беловая копия с описи 1857 г. должна была существовать, так как вряд ли Гедеон отдал Невоструеву экземпляр описи, если бы Иосифов монастырь не обладал другим экземпляром. Несохранившаяся копия, включающая одни епархиальные рукописи, предполагается нами на том основании, что выходная запись в копии 1915 г. говорит об одних епархиальных рукописях. Опись, хранящаяся в ГИМ, является копией со списка 1915 г., но не включает записи об авторах.

Объясним, почему послужившая толчком для наших разысканий копия 1915 г. оказалась в составе собрания ОЛДП (а прежде – в собрании братства св. Петра²⁴). Епархиальная библиотека, включающая волоколамские рукописи, принадлежала Обществу любителей духовного просвещения (1863–1917)²⁵, и документы библиотеки, как и библиотеки братства св. Петра, хранились в Московском епархиальном доме, откуда и попали в РГБ. А появление в архиве Епархиальной библиотеки копии 1915 г. предположительно можно связывать с деятельностью Н. А. Скворцова и руководимого им церковно-археологического отдела ОЛДП (1912–1917), по чьей просьбе, вероятно, и работал иеродиакон Иннокентий. К сожалению, никаких дополнительных сведений на этот счет уцелевшая часть архива Епархиальной библиотеки не содержит.

Начатое в библиотеке новое описание волоколамских рукописей (первое десятилетие XX в., описана 31 рукопись) так и осталось незаконченным.

Мы видим, что материалы по описанию рукописей Иосифова монастыря 50-х гг. XIX в. оказались в отличной сохранности (не хватает лишь трех восполнимых потерь – белого оригинала описи 1857 г., копии, включающей одни епархиальные рукописи, и рукописного источника публикации 1882 г.). Эти материалы позволяют восстановить состав практически всей Волоколамской библиотеки середины XIX в., не завися от описания Строева, недостатки которого были названы выше.

Теперь мы можем заново поставить вопросы, сформулированные Зиминим:

1. Какие рукописи остались в монастыре и какие из них утрачены?
2. Какие рукописи из числа епархиальных утрачены на сегодняшний день?

Начнем с епархиальных рукописей. Общее их число, как мы помним, указано в записи Гедеона – 422. Но, как выясняется, на самом деле количество переданных рукописей превышало эту цифру. 422 рукописи числились в основном реестре, и кроме них были переданы некоторые рукописи, учтенные в дополнительном реестре. Краткая копия с описи 1857 г. (ОР РГБ. Ф. 193. Карт. 11. Ед. хр. 8) указывает 12 рукописей, не получивших основной нумерации и, следовательно, внесенных в дополнительный реестр. Вот их перечень (указываем старые, предшествующие введенным в 1854–1857 гг. шифры и, если местонахождение рукописи известно, новые):

1. Апостол (без начала и конца), XV в. (на самом деле – XVI в. – А. П.), 4°, 334 л. Ныне: ГИМ. Епарх. 420/1²⁶.

2. Триодь цветная (без начала), XVI в., 4°, 109 л. Старый номер – 29. Епарх. 425²⁷.

²⁴ Прежний шифр копии 1915 г.: ОР РГБ. Ф. 39. П. 12. (XXI). Ед. хр. 1–4, 6–31; здесь же хранились листы с описанием 31 рукописи (ныне: ОР РГБ. Ф. 206. Карт. 35. Ед. хр. 1).

²⁵ См. материалы библиотеки: ОР РГБ. Ф. 206. П. 14. Ед. хр. 10 (2); П. 16. Ед. хр. 3 (1–2), 4 (1–11), 5 (1), 17 (1–5); П. 17. Ед. хр. 3, 12 (1–9), 14 (4–5), 20 (1–4); П. 18. Ед. хр. 21 (1), 27 (1–2), 28 (4); П. 20. Ед. хр. 7 (1–5); П. 29. Ед. хр. 37, 47 (1–13), 48 (1–4). См.: Обзор и опись архива Общества любителей духовного просвещения / Сост. А. П. Савич и Е. К. Коновалова. М., 1935–1937 (машинопись, хранящаяся в ОР РГБ). Ср.: *Копьев Н. А., свящ.* Двадцатипятилетие Общества любителей духовного просвещения. М., 1888 (материалы к этому изданию: РГБ. Ф. 206. П. 12. Ед. хр. 6); Сборник по случаю 25-летия Общества любителей духовного просвещения. М., 1888; и др.

²⁶ *Далее на строке автором зачеркнуто:* “(то есть эта рукопись первой стояла в дополнительном реестре)”. – Н. К. [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 410–411.]

²⁷ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 412.]

3. Служебник с прибавлениями, без начала, XVI в., 4°, 120 л. Старый номер – 15. Епарх. 422²⁸.
4. Троичные каноны на 8 гласов, XVI в., 12°, 125 л. Старый номер – 27. Епарх. 424²⁹.
5. Акафист Иисусу, XVIII в., 12°, 16 л. Старый номер – 37. Епарх. 426³⁰.
6. Канонник, XVI в., 12°, 292 л. Ныне ГИМ. Епарх. 427/8³¹.
7. Псалтирь, XVI в., 4°, 101 л. Ныне – ГИМ. Епарх. 421/2³².
8. Сборник, XVI в., 12°, 81 л. Старый номер – 48. Епарх. 428/10³³.
9. Опровержение ереси Ивана Висковатого, XVI в., 4°, 107 л. Ныне – ГИМ. Епарх. 432/14³⁴.
10. Стоглав, XVI в., 4°, 184 л. Старый номер – 53. Епарх. 431³⁵.
11. Литургия преждеосвященных даров, нач. XIX в., 8°, 140 л. Ныне – ГИМ. Епарх. 423/4³⁶.
12. Предания старческие, 1808 г., 4°, 75 л. Ныне – ГИМ. Епарх. 429/11³⁷.

В дополнительный реестр попали, судя по подробному описанию, дефектные рукописи. В копии Невоструева есть пропуски: очевидно, к этим же рукописям дополнительного реестра принадлежит сборник 1814 г. (ныне: ГИМ. Епарх. 430/12)³⁸.

Обнаружение дополнительного реестра рукописей объясняет неточности счета общего числа волоколамских книг в Епархиальном собрании – не 422, как следует из записи Гедеона, а больше. Покажем еще на одном примере, что материалы описи 1857 г. не всегда дают абсолютно точные сведения о судьбе отдельных рукописей. После смерти К. И. Невоструева (1873 г.) в личной библиотеке ученого осталось несколько волоколамских рукописей, которые по завещанию должны

²⁸ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 411.]

²⁹ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 412.]

³⁰ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 412.]

³¹ [Описан в Описании рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ (С. 412) под заглавием “Сборник литургический”.]

³² [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 411.]

³³ [В Описании рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ – отсутствует.]

³⁴ [Описан в Описании рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ (С. 415) под заглавием “Судное дело дьяка Ивана Михайловича Висковатого 1554 г.”.]

³⁵ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 414.]

³⁶ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 411.]

³⁷ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 413.]

³⁸ *Далее автором зачеркнуто:* “и рукопись ГИМ. Епарх. 428/10 (значится в инвентарной книге Епархиального собрания как утраченная). Номера в знаменателе шифра говорят о том, что в дополнительной описи было не менее 14 книг (самый большой шифр – 432/14, из них нам известно местонахождение 7 рукописей (1, 2, 4, 8, 11, 12, 14), и все они в Епархиальном собрании ГИМ. 6 рукописей дополнительного реестра известны по описаниям, поэтому можно надеяться на последующую их идентификацию с сохранившимися кодексами (эта работа явно выходит за рамки настоящей статьи”. – Н. К. [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 413–414.]

были быть переданы в монастырь. Это рукописи № 483, 625, 628, 664, 683, 687, 688, 689 и нумерованная тетрадка с рукописным житием Иосифа, составленным П. С. Казанским (см.: ОР РГБ. Ф. 78. Карт. 24. Ед. хр. 43. Л. 5–8; переписка Гедеона с А. В. Горским).

Дальнейшая судьба этих рукописей такова. № 628 вместе с библиотекой Невоструева попал в МДА (ныне: ОР РГБ. Волок. № 625). Рукописи № 625 (Житие Иосифа, сост. неизвестным, издано К. И. Невоструевым в 1865 г.³⁹); № 664 (сборник с Волоколамским патериком и Надгробным словом Иосифу, привлеченным к изданию Невоструева 1865 г.⁴⁰); № 689 (Опись монастырского имущества 1545 г., извлечена из монастыря В. Т. Георгиевским около 1911 г.) вернулись в монастырь и в разное время были утрачены. Рукописи № 683 и 688 также попали в монастырь, но чудом уцелели (№ 683 до 1955 г. хранилась в монастыре и, как установил Зимин, была передана в РГАДА – Ф. 1192. Оп. 2. № 482; № 688 – Опись монастырского имущества 1591 г. – передана в РО ИРЛИ. Р. IV. Оп. 26. № 20). А рукописи № 483 и 687 так и не попали в монастырь и составляют часть Епархиального собрания (Епарх. 341/483 и 419/687⁴¹). Нумерованная тетрадка с житием Иосифа сохранилась среди бумаг А. В. Горского, т.е. также не была переслана в монастырь (Ф. 78. Карт. 35. Ед. хр. 9). Эти факты свидетельствуют о том, что материалами описи 1857 г. следует пользоваться с осторожностью, не забывая о последующих перемещениях рукописей.

Итак, еще раз проверим наличный состав волоколамских рукописей в Епархиальном собрании ГИМ⁴². Возьмем в руки инвентарную книгу рукописей Епархиальной библиотеки. Согласно ее данным, три волоколамские рукописи в 1921 г. не поступили в Отдел рукописей Исторического музея, хотя и значились в Епархиальной библиотеке: Епарх. 40/69, 377/581 и 382/588. Рукопись № 428/10 значится как исключенная в 1953 г. (возможны два объяснения: или во время приема книг в 1921 г. ее отсутствие не было замечено и обнаружилось лишь в 1953 г., или она была утрачена уже из собрания Исторического музея), а рукописи № 34/61, 118/181, хотя и фигурируют в описи как существующие, к настоящему времени утрачены. Таким образом, не хватает шести рукописей, причем рукописей любопытных. Пять из них были описаны Строевым, но неполно, а одна, входившая в монастыре в дополнительный реестр, не включена в строевский каталог (428/10). Материалы описи 1857 г. позволяют частично восполнить потери.

Приводим перечень всех утраченных рукописей со ссылками на каталог Строева, восстанавливая пропуски этого описания.

1. Епарх. 34/61. Строев, I (в 8°). Дополнительные данные: в начале рукописи на белом листе: “Сия псалтырь Иосифа чудотворца”. Ныне на месте этой рукописи в Епарх. собрании стоит Евангелие № 27а/53 на 439 л., в 8°, сер. XVI в., вклад игумена Леонида, на корешке переплета номера: 18, 34, 53; на л. 1: 510. Строев 13 (в 8°).

2. Епарх. 40/69. Строев, 11 (в 2°). Дополнений по отношению к строевскому каталогу нет.

³⁹ Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. 1865. Вып. 2. С. 77–152.

⁴⁰ Там же. С. 153–184.

⁴¹ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 354–355 и 410.]

⁴² Автору настоящей статьи было не под силу просмотреть все рукописи Епархиального собрания ГИМ; нашим путеводителем по собранию стала инвентарная книга (хранится в ОР ГИМ). Используются отдельные наблюдения Зимина (*Зимин А. А.* Из истории собрания. С. 19, 23–29) и собственные заметки. В процессе работы нас также консультировал И. В. Левочкин.

3. Епарх. 118/181. Строев, 165 (в 4°). Дополнений по отношению к строевскому каталогу нет. Ныне на ее месте Епарх. 118-II/469⁴³. Строев 337 (в 4°).

4. Епарх. 377/581. Строев 63 (в 8°). Строев дает сведения: 629 л., и конца недостает, у нас – 404 л., т.е. отсутствуют 225 л. Строев приводит название сборника, которое в описи 1857 г. не отмечено (вероятно, первый лист был утрачен): “Книга, глаголемая Съборник, словеса убо душеполезны и избранны от божественных писаний и от поучений и от житий и от повестей святых и преподобных отец наших, наказания ко отрекшимся мира и Христу последовавшим и крест свой на ramo вземшим”⁴⁴.

Даем полное описание сборника⁴⁵.

Сборник, писан полууставом (почерки разные) XVI века, в осьмушку, листов 404.

Л. 1–189. Исторические выписки из Ветхозаветных книг Св. Писания, с толкованием.

Л. 190. Изложение вкратце о православной вере Иоанна Философа к некоему просившу у него (в описании дана ссылка на рукопись № 558. Л. 127, где переписана аналогичная статья. – *А. II.*)

Л. 199. Богослова о святей и живоначальной единосущней Троици. Нач.: “Бог баше присно и есть, будет, паче же есть присно, ни кончаваем, ни мерим”.

Л. 207. (Для заглавия оставлено место. – *А. II.*)

Нач.: “Нигде же несть написано пръвопрестольнику Акилийскому, рекше Бетнетскому, именоватися патриархом...”

Л. 208 об. Сице достоит благословляти и креститься рукою. Нач.: “Три персты равны имети вкупе по образу тройческому”.

Л. 210–216. Выписки из творений Златоустаго и других.

Л. 217 об. Св. Василиа толк(ование) священническа чина и почему глаголется священник, и что есть острижение главы его (см. № 502. Л. 402).

Л. 221. Толкование Символа Веры.

Л. 225. Без надписи. Нач.: “Четыри суть Евангелисти, понеже 4 католичестии души...”

Л. 227 об. Тълк. Божественные литургия (см. № 539. Л. 321 и др.).

Л. 241 об. Истолковано: “Господи Исусе Христе Боже мой, помилуй нас, аминь”.

Л. 249. Св. Великаго Василиа с постничестве, како подобает украшену быти иноку (см. № 442. Л. 125).

Л. 252–271. Отрывок из Римской истории (начала нет).

Л. 272 об. Честнейшаго Хартофилакса и Протосигела Никиты Никейския церкви, с бесквасной службе по латинох (см. № 558. Л. 15).

Л. 289. Иже в святых отца нашего Никона о том же (см. № 558. Л. 26).

Л. 295 об.–300. Из Ветхозаветной истории о Содоме и Исааке, с толкованием.

Л. 301 об.–308. Григория Великия Армении и Иоанна Златоустаго, отрывки.

Л. 309 об. Заповедание благовернаго великаго князя Владимира детям своим и князем и бояром.

⁴³ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 146 с шифром: Епарх. 118.]

⁴⁴ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 386–387.]

⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 206. Карт. 34. Ед. хр. 14. Л. 60–61 об.

Л. 314 об. От правил св. отец. Нач.: “Великаго нашего града с пресвятыми твоими епископы 165 се полагаше писанием предаем на обидевшаа Божья церкви”.

Л. 316. Словеса св. отец душеполезна о пьянстве.

Л. 318 об. От Деяний Апостольских толкования, како бием Павел проповедаше себе римлянина быти, и егда приведоша Павла поставиша на Арьев лед.

Л. 321. О ризе Арони. Нач.: “Творяяу (так!) ризу Аарону жрецу от злата и си-
неты”.

Л. 326 об. О двюнадесяти апостолу, где кождо их проповеда, или где умре.

Л. 328 об. Ипполитово о седмидесяти апостол.

Л. 332. Слово святительское к попом (см. № 576. Л. 272).

Л. 334 об. Слово преподобнаго отца Нила к Рахлию прозвиту (см. № 576. Л. 265).

Л. 343. Без заглавия, см. выше, Л. 207.

Л. 344 об. Тоже (т.е. без заглавия. – А. П.). Нач.: “Придаем убо на судище...”

Л. 346 об. Тоже. Чин, как проклинать ереси феодотиан, обращающемуся от них к православной церкви.

Л. 350 об. Слово о волсвех и обаяльникох св. Андреа Уродиваго и Епифания о жене. Нач.: “Жена некая говеина суши и боящиися Бога, имяше мужа зла зело и блядлива”.

Л. 363. Въпросы и ответы о вере христианстей, како подобает веровати христианину и каковым быти подобает християном (см. № 558. Л. 137).

Л. 368. Сказание от псаломщика Давида царя, еже не на лица судити, ни по мзде. Нач.: “Бог ста в собор Богом...”

Л. 370. Слово Андреа, епископа Критского, о иконополонении (см. № 434. Л. 229; № 558. Л. 155).

Л. 372 об. О животверящем древе. Нач.: “Что есть древо животное, когда ли отступи херувим от древа животнаго”.

Л. 379. О кресте. Нач.: “Се иногда молящуся св. Нифонту и виде прящася бесы между собою о кресте...”

Л. 380. Слово, како подобает креститися рукою.

Л. 381. Слово о крестящихся не право, св. Феодора начертанного.

Л. 382. Слово еже судити право. Нач.: “Епифаней Кипрьский постави судию вешем церковным. Диакон мних, именем Савин...”

Л. 383. Слово о том, еже судити Божиа достоинства, есть толк[ование]. Нач.: “Богови единому оправляти и осуждати...”

Л. 385. Никифора, патриарха Царя града летописец, писано вькратце (от Адама и до Ивана Васильевича, российскийскаго царя).

Л. 402. О агарянех и о Магомеде, пророце их, иже измалтяне глаголются. Нач.: “Срацины же наричются, яко от Сарры наречены...”

5. Епарх. 382/588. Строев 119 (в 8°). В строевском каталоге рукопись охарактеризована как “Часослов с канонами, собрание молитв и духовных отрывков” и лишь одна статья (слово Георгия Писида⁴⁶) указана в описании. Даем полное описание сборника.

Сборник, из десяти отрывков, XVI в., в 12-ю долю листа, 212 листов. На обороте передней крышки: “Старца Ферапонта, Скурага по реклу”.

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 206. Карт. 34. Ед. хр. 14. Л. 65 об.–66. [В Описании рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ – отсутствует.]

Отрывок первый (скоропись и полуустав):

Л. 1–4. Стихи церковные баз начала. На Л. 1 оглавление какой-то другой книги.

Л. 5. От Деяний апостольских отрывок.

Отрывок второй (полуустав):

Л. 13–28. Последование полунощницы (окончания нет).

Отрывок третий (скоропись мелкая):

Л. 29–35. Канон Ангелу Хранителю.

Отрывок четвертый (скоропись):

Л. 37–60. Служба в Страстную Седмицу (начала нет).

Отрывок пятый (полуустав):

Л. 61. Служба на утрени во св. и великую неделю Пасхи.

Л. 70. Моление к своему Ангелу Хранителю и Божией матери с краткими отрывками из писаний отеческих.

Отрывок шестый (полуустав):

Л. 73. Порядок епископий, принадлежащих митрополиту Киевскому всея Руси.

Л. 73 об. Молитва на сон грядущим (так!).

Л. 95–124. Выписки из Патерика и творений отеческих. О молчании, терпении и послушании.

Отрывок седьмой (полуустав, подходящий к скорописи):

Л. 125. Слово о страхе будущая муки, и яко подобает хотящему спастися ни-коли же без печали быти о своем спасении. Нач.: “Внегда болех ногама моима и не можах он них, неции от братии вшедше, посетиша мя...”

Отрывок осмый (полуустав):

Л. 136. Премудраго Георгия Писида похвала к Богу о сотворении всея твари (см. № 516. Л. 335; № 568. Л. 16).

Отрывок девятый (полуустав):

Л. 206. Без надписи. Нач.: “Муж некий от явленных имеше веру многу к св. хри-стову святителю Иоанну Златоусту и в немощь впаде”.

Л. 207. Тоже (т.е. также без заголовка. – А. П.). Нач.: Презвитер некий в Кон-стантине граде от диаволя действа впаде в блуд.

Л. 210 об. Анастасия Синайского, Иоанна Лествичника и от Пролога отрывки.

6. Епарх. 428/10. Строев. 130 (в 8^о)⁴⁷. Описание: Ф. 193. Карг. 11. Ед. хр. 7. Л. 55 об.

А теперь перейдем к рукописям, оставленным в Волоколамском монастыре после 1863 г., когда значительная часть книжного собрания Иосифовой обители стала основой только что созданной Епархиальной библиотеки при ОЛДП. Из печатного описания рукописей МДА (1882 г.) известно, что общее число оставлен-ных в монастыре рукописных книг равнялось 33⁴⁸. А. А. Зимин принял эту циф-ру и, опираясь на заметки В. И. Жмакина⁴⁹, Геронтия⁵⁰ и Нектария⁵¹, и, используя

⁴⁷ Автором исправление вписано над строкой, в строке зачеркнуто: «ым (окончание “Строевым”. – Н. К.) не описано. И в материалах описи 1857 г. нам не удалось найти сведения об этой рукописи».

⁴⁸ *Иосиф, иеромонах.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря. С. 11.

⁴⁹ *Жмакин В.* Поездка в Волоколамский монастырь // Древняя и новая Россия. 1880. № 1. С. 21–36; *Он же.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 363. Примеч. 3; С. 381. Примеч. 2; С. 76. Примеч. 2; С. 682. Примеч. 1; С. 250. Примеч. 2; С. 235. Примеч. 4; С. 248. Примеч. 2; С. 457. Примеч. 1; С. 232. Примеч. 2; и др.

⁵⁰ *Геронтий (Кургановский).* Волоколамский Иосифов второклассный мужской монастырь и его современное состояние. СПб., 1903. С. 36–37, 66, 85.

⁵¹ *Нектарий, иеромонах.* Историческое описание Иосифова Волоколамского монастыря. М., 1887. С. 69, 71–75, 86 и др. Ср.: *Хрущов И.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868.

собственные заметки, сделанные в 1946 г. на месте бывшего монастыря, предложил реконструкцию этого списка⁵². Он назвал 27 рукописей, которые, по его мнению, хранились в монастыре. Обращение к недоступным Зимину материалам описи 1857 г. показывает, что общее число 33 учитывало только те рукописи, которые получили нумерацию по основному реестру. На самом же деле, в монастыре осталась и еще небольшая часть рукописей (из наблюдений Зимина, если сравнить их с нашим списком, – не менее семи). Из 27 книг, указанных Зиминим, в число этих 33 входило 20 рукописей. Объясним, откуда взялась цифра 33. Она названа автором предисловия к печатному описанию 1882 г.; этим автором ни в коем случае не мог быть иеромонах Иосиф (о нем в предисловии говорится в третьем лице), и, вероятнее всего, предисловие было написано главным инициатором это издания – А. В. Горским. А Горский почерпнул сведения о количестве оставленных в монастыре рукописей из черновых бумаг Невоструева (они нам известны: ОР РГБ. Ф. 193. Карт. 11. Ед. хр. 12 и др.). Поэтому и восстанавливать список монастырских рукописей следует по тому же источнику. Даем их полный каталог (20 были названы Зиминим, остальные 13 установлены заново) с указанием современных шифров сохранившейся части (7 рукописей) и подробным постатейным описанием утраченных рукописей (26). Приводим ссылки на описание Строева⁵³ и в двадцати случаях указываем порядковый номер в списке Зимина.

1. № 4/4. Синодик, кон. XVI в., в 2°, 23 л., пергамен. Строев, 76 (в 2°), Зимин, № 21–27.

2. № 5/5. Синодик. На пергамене, 18 л. Строев, 77 (в 2°), Зимин, № 21–27. Ныне: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 561.

3. № 113/119. Триодь постная, кон. XV (?) в 2°, 355 л. Строев, 65 (в 2°), Зимин, № 3. Строев датировал эту рукопись 1489/90 гг. на основании записи, поэтому он считал, что Триодь написана Иосифом Волоцким. Приведем полные тексты записей. Послесловие: “В лето 6968 (так! т.е. 1459/60 г.) сиа Триодь написана Иосифом старцем съставльшаго обитель честную на Волоце Ламьском”. Впереди на белом листе рукою XVI в.: “Триодь постнаа писмо самого отца нашего (далее в нашем источнике пропуск со ссылкой на предыдущую опись, где эта рукопись имела № 70. – *А. П.*) и положи сиа книга с его книгами вместе в коробью, а по кельям ея не девать, держати на свидетелство и на память святаго”. Не ошиблись ли составители описи, перенеся в каталог дату 6968, а не 6998, как прочитал ее Строев? В 6968 г., как это следует из летописчика Иосифа⁵⁴, будущий основатель монастыря на Волоке еще только постригся у Пафнутия Боровского, и вряд ли уже тогда его книгописное искусство стояло так высоко (в описи 1857 г. сказано: “хороший полуустав”).

4. № 132/138. Богородичник, 1489 г., 4°, 307 л. Строев, 213 (в 4°), Зимин, № 1. Имеются дополнительные сведения об орнаменте рукописи: “В начале заставка фигурная, золоченая, по сторонам коей вверху две птички, раскрашенные и раззолоченные с виноградом в устах”.

5. № 140/146. Псалтирь, последняя четв. XV в., 453 л. Строев, 47 (4°), Зимин, № 4. Ныне: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Ч. 5. № 557⁵⁵.

⁵² Зимин А. А. Из истории собрания... С. 18–19.

⁵³ Строев П. М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. СПб., 1891.

⁵⁴ ОР РГБ. Муз. 1257. Л. 27 об.; Волок. 577. Л. 296.

⁵⁵ [См.: ПС XV в. № 2211 – втор. пол. XV. См. также: Каталог славяно-русских рукописных книг

6. № 175/181. Псалтирь с часословом, XVI в., в 4°, 264 л. Зимин, № 5. В начале на белом листе: “Сия псалтирь Иосифа чудотворца”.

7. № 311/317. Канонник, XVI в., в 12°, 196 л., Зимин, № 2.

Даем полное описание:

Л. 1–41. Последование ко св. причащению и по причащении (начала нет).

Л. 42. Покаяние всем человеком (чин последования с правилами),

Л. 113 об. Молитва, всегда случится искуситися во сне по действию диаволу.

Л. 128 об. Стихи и канон по вся дни.

Л. 154. Канун молебен Ангелу Хранителю души и телу.

Л. 170. Мес[яца] сентября, память преп. отца нашего Семиона Столпника (служба).

Л. 180. Мес[яца] того же, в 27 день. Св. священномученика Семиона, сродника Господня по плоти (житие). Нач.: “Сего Семиона сам Христос Бог наш...”

Л. 192 об. Последование о панагии.

На Л. 196 снизу подписано: “Сей требник собственной Иосифа чудотворца”.

8. № 8/450. Творения Исаака Сирина, 1511/12, в 4°, 519 л. Строев 331 (4°), Зимин, № 6⁵⁶. Впереди на белом листе запись: “В лето 7020 написана бысть книга сия, Исаак, в обитель пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Успения, в строение преподобнаго отца нашего Иосифа, еже есть близ Волоколамскаго, и дана бысть иноком Нилом Полевым по трех душах...” (наш источник отсылает к другой рукописи со сходной записью – ныне Епарх. 320/444), но лист с вкладной записью Нила Полева утрачен. Эта запись по рукописи Епарх. 320/344 была частично опубликована Н. П. Лихачевым⁵⁷.

9. № 450/456⁵⁸. Творения Иоанна Лествичника, 1510 г., в 2°, 356 л. Строев, 43 (в 2°), Зимин, с. 23. Приводим дополнительно к строевскому каталогу послесловие к рукописи: “Божию помощию съвершися божественная сия книга в пречестной обители Пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Успения, юже създа господинъ и пречестнейший старецъ и игумень Иосифъ, иже и повеле написати книгу сию в лето 7018, а отнеже създана бысть обитель, лет 31”. Ныне: Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, № 3504.

10. № 471/477. Просветитель, XVI в., в 4°, 506 л. Строев, 411 (в 4°), Зимин, № 8. Впереди на белом листе: “Книга творение преподобнаго отца нашего игумена Иосифа на еретики. Письмо Феодосия, бышаго архиепископа Великаго Новграда и Пскова, и припись от многих книг о поклонении и почести святых икон – вся его рука”. Кроме пространной редакции Просветителя (16 слов без 12-го) рукопись содержит:

Л. 390. Выписки небольшого объема из писаний отеческих, житий святых, правил канонических и пр., относящихся большей частью к еретикам (В. И. Жмакин

XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / [Сост. И. Л. Жучкова, Л. В. Мошкова, А. А. Турилов]. М., 2000. С. 200–205.]

⁵⁶ См. также: *Зимин А. А.* Из истории собрания... С. 26, прав. стб. в числе рукописей, местонахождение которых не известно. [Н. К.].

⁵⁷ *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1. С. 136–137. [См. также: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 342.]

⁵⁸ *Зимин А. А.* Из истории собрания... С. 23, см. также сноску 2. [См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель. М., 1986. Т. 1, вып. 2. С. 142 (среди книг, написанных Ферапонтом Обуховым).]

отмечает среди них особые редакции сокращений пятого слова митр. Даниила на Л. 454–471, см.: *Жмакин В.* Митрополит Даниил... С. 757. Примеч. 3).

Л. 494. Слово о святых великих вселенских семь собор, где и когда и на кья кождо их събрася.

11. № 476/482. Устав Иосифа Волоцкого, XVI в., в 4°, 179 л. Зимин, № 9. Впреди на белом листе: “Духовная грамота Иосифа, Игнатия Заецева, писал ея священник Симион Болдинской, а взял от писма полполтины”. Упомянутых в этой записи людей мы знаем: сохранились сборники волоколамского постриженника Игнатия Зайцева (ОР РГБ. Волок. 416 – 40-е гг. XVI в. и Волок. 362 – 50–60-е гг.), а Семиона Болдинского упоминает одно из чудес второй редакции Минейного жития Иосифа (РНБ. СПбДА 270/4. 211 л., 60-е гг. XVI в. Рукопись, судя по дошедшему в материалах 1857 г. описанию, включала список пространной редакции монастырского устава в редакции, предшествующей минейной (13-е слово имеет правильный номер, а не 14, как в Макарьевских минеях).

12. № 478/484. Устав Иосифа Волоцкого и его послания, XVI в., в 12°, 293 л. Зимин, № 10. Состав:

Л. 1. Послание Нила Полева к старцу Герману (окончания нет).

Л. 5–216. Устав в пространной редакции, нет начального листа.

Л. 217. Послание Иосифа Волоцкого Василию III о преемнике (название введено нами судя по краткому изложению послания в описи. – *А. П.*).

Л. 220. Послание Иосифа Б. В. Кутузову.

Л. 253. Послание Иосифа И. И. Третьякову.

Л. 293. Послание Иосифа Василию III (о еретиках? – *А. П.*), окончания нет.

13. № 540/546⁵⁹. Пасхалия, XVI в., в 2°, 42 л. Строев, 58 (в 2°). В этом каталоге не приведена заключительная запись позднейшего происхождения: “Сия книга чести достойная и премудрости исполненная, сочинена от премудраго афтора (так!) св. Иосифа, его же имя в сей книзе объявлено”.

14. № 541/547. Поучения воскресные и праздничные, 1489/90 г., в 2°, 445 л. Строев, 7 (в 2°), не дал постатейной росписи всех глав (по подсчетам Строева, их в рукописи 78) и указал, что книга написана “чернцем Симеоном”. В рукописи была запись на первом листе: “Евангелие воскресное толковое, Симионово письмо Стремоухова” (т.е. суздальского епископа Симеона Стремоухова., до 1509 г. – архимандрита Андрониковского монастыря – см.: *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. С. 85, 282). Полную роспись статей см.: ОР РГБ. Ф. 193. Карт. 11. Ед. хр. 7. Л. 124–126.

15. № 619/525. Житие Иосифа Волоцкого, сост. неизвестным, XVI в., в 4°, 62 л. Строев, 410 (в 4°), – здесь рукопись описана со второй ее частью – монастырским уставом пространной редакции (ныне – Епарх. 341/483⁶⁰), следовательно, в 1817 г. обе эти книги составляли одно целое, как они и были вложены в Волоколамскую библиотеку в 1566 г.⁶¹ Как уже отмечалось выше, рукопись № 619/625 в 60-х – нач. 70-х гг. XIX в. находилась у Невоструева, который опубликовал ее текст в 1865 г.

16. № 631/637. Сборник Нила Полева, 1513/14 г. (дата вкладной записи, составлен в первом десятилетии XVI в.). Ныне: ГЛМ. № 126 и РГАДА. Ф. 1192.

⁵⁹ На поле почерком предыдущих карандашных помет: “Нашел!” – *Н.К.*

⁶⁰ [См.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ. С. 354–355.]

⁶¹ *Георгиевский В. Т.* Приложения. С. 21.

Оп. 2. Ч. 5. № 564 (отрывок на 8 л.: Л. 13–18, 88, 91)⁶². См.: *Клосс Б. М.* Нил Сорский и Нил Полев – “списатели книг” // *Древнерусское искусство. Рукописная книга*. М., 1974. Сб. 2. С. 150–167; *Зимин*, № 7.

17. № 658/664. Сборник, XVI в., в 16°, 196 л. Строев, 29 (в 8°), *Зимин* № 11. Строевым описан очень бегло: все статьи, начиная с Л. 171, изложены в его каталоге как “разные повести, приложенные писавшим сию книгу, им самим списанные и виденные”. Приводим поштатейное описание сборника.

Л. 1 (без начала). Достоит рещи о Велицем Новеграде, яко древний бяше град (Син. 927. Л. 2 об. – здесь и далее даем в скобках отсылки к рукописи ГИМ. Синод. 927 – *Вассиана Возмицкого*, ОР РГБ. Волок. 551 – *Нифонта Кормилицына*, и Волок. 534, с которыми сверяли свою опись *К. И. Невоструев* и авторы каталога 1857 г. – *А. П.*).

Л. 11. Патерик, сиречь отечник. Слово о жительстве отца Пафнутия, иже в Боровске. Нач.: “Светел и сладок зело, иже добродетели прилежай...” (см.: Волок. 538. Л. 1).

Л. 61 об. Повести отца Пафнутия. Нач.: “Поведа нам отец Пафнутие во время, в не же бысть великий мор” (см.: Син. 927. Л. 30).

Л. 71. Без надписи. Нач.: “Поведаша нам ученицы отца Пафнутия, имяше убо обычай отец наш утрянго славослова вьставати” (см.: Син. 927. Л. 35).

Л. 73. Поведаша нам ти же ученицы отца Пафнутия, яко некий старец стар, имя толму Еуфимиее, духовен же зело (см.: Син. 927. Л. 36).

Л. 76. Поведа нам ученик отца Пафнутия блаженный Иосиф. Некогда, рече, послан бых отцем... (см.: Син. 927. Л. 37 об.).

Л. 79. Той же отец Иосиф поведа нам. Некий, рече, разбойник, именем Ияков прозванием Черепина, лют зело (см.: Син. 927. Л. 39; продолж.: Л. 191).

Л. 81. Слово надгробное преподобного игумену Иосифу (см.: Син. 927. Л. 119; Волок. 551. Л. 312).

Л. 125 об. Рече старец Иосиф, яко же инок, пребываая в келии... (см.: Син. 927. Л. 7).

Л. 127. Поведа нам отец Иосиф. Приидоша ко мне два человека (см.: Син. 927. Л. 8).

Л. 129 об. Паки же наченшу ми еретическаа размысляти, и се напрасно изыде огонь от олтаря (см.: Син. 927. Л. 8 об.).

Л. 132. Поведа нам отец Васьян, брат отца Иосифа, бывый потом архиепископ Ростову. Стоящу ми, рече, на Москве... (см.: Син. 927. Л. 10).

Л. 136. Поведаю вам ину повесть, яже бысть в Осифове монастыри (см.: Син. 927. Л. 12).

Л. 139. Во обители старца Иосифа некий человек от главных родом, Елевиферия Волинский... (см.: Син. 927. Л. 13 об.).

Л. 144 об. Поведаю же вам ино чюдо преславное, еже слышах от отца Никандра (см.: Син. 927. Л. 16).

Л. 152 об. Повеем же и другое чюдо Владычица наша преславныа Богородица, еже бысть во дни наша (см.: Мин. 927. Л. 20).

Л. 156 об. Достоит же и се поведати нам, еже бысть во Иосифове монастыре у благовернаго князя Бориса Васильевича (см.: Син. 927. Л. 25).

---

⁶² [ПС XV. № 2648 (Житие Симеона Столпника, кон. XV – нач. XVI в.). См.: Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. № 98. С. 284–287.]

Л. 162. О отцы Макарии Калязинском. Нач.: “Поведа нам отец Иосиф Волоцкий” (см.: Син. 927. Л. 24).

Л. 167 об. Поведа нам той же отец Иосиф. Бысть некий игумен (см.: Син. 927. Л. 27).

(Л. 171 и следующий вырезаны до половины, первый снизу, а второй сверху и нумерованы за один.)

Л. 171 об. Дозде повести, бывшия во обители отца Пафнутия и отца Иосифа, изволихом приложити к сим, елико сам видех и слышах сице. Нач.: “Пребывающу им в честней обители преславныа Богородица на Симонове повелением державнаго, и поведаша ми иноци того монастыря...”

Л. 174. По мале же времени привезоша в той же монастырь человека разслаблена...

Л. 176 об. Поведа нам священноинок Иона, духовник священнаго епископа тверского Акакиа.

Л. 182. Поведа нам некий отец. В некоем селе к некоему прозвитуру приидоша насельници того села.

Л. 184. И ино подобно же бысть в некоем монастыри.

Л. 187. Поведа нам отец Паисеа Ярославов. Во отходе у некоего монастыря инок живый, и по времени начати глаголати старцем...

Л. 191. Поведа нам некий инок (см.: Син. 927. Л. 39 об.).

Л. 191 об. Тогда же плениша два воина и связаны лежаху... (см.: Син. 927. Л. 40).

Эта утраченная⁶³ рукопись представляет первостепенный интерес для изучения Волоколамского патерика и путей развития иосифлянкой агиографии. Содержавшийся здесь текст Надгробного слова Иосифу, судя по публикации Невоструева (Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. М., 1865. Вып. 2), ближе к авторскому, чем все другие (РГБ. Волок. 551, 572; ГИМ. Син. 927).

18. № 659/665. Синодик, XVII в., в 2°, 367 л. На первом листе заставка фигурная с золотом. В черновом экземпляре описи 1857 г. имеет ошибочный номер 625.

19. 660/666. Синодик, 1682 г., в 2°, 197 л. Зимин, № 21–27. На переднем листе запись: “Лета 7190... дьяк Захарий по прозванию Богдан Савин...”⁶⁴ Состав: Л. 1–46, предисловие о пользе поминовения усопших; Л. 47–94, картины, числом 41, рисованные и раскрашенные. Синодик в черновом экземпляре описи 1857 г. описан рукой Невоструева.

20. № 561/667. Синодик, 1597 г. 311 л. Строев, 78 (в 2°), Зимин, № 21–27. В черновом экземпляре описи 1857 г. описан рукой Невоструева. Ныне: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Ч. 5. № 559.

21. № 662/669. Синодик, XVI в., в 4°, 90 л. Предисловие о пользе поминовения усопших находится в конце книги.

22. № 665/671. Синодик, 1658 г., в 4°, 32 л. Запись: “В лето 7166 августа в 12 день написан сей синодик брацкой во Иосифовове монастыре волоцкаго чудотворца по приказу архимандрита Тихона з братьею. [Ныне: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Ч. 5. № 560⁶⁵.]

⁶³ [Слово подчеркнуто карандашом волнистой линией. Почерк не автора. – Н. К.]

⁶⁴ [Богдан Савин, упомянут под 1622–1627 гг. у Н. Ф. Демидовой: Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М., 2011. С. 491.]

⁶⁵ [Зимин А. А. Из истории собрания... № 21–27. С. 19, 25. См. также сноску 9 на с. 25.]

23. № 668/674. **Синодик**, XVI в., в 4°, 11 л. Описание сделано рукой Невоструева.

24. № 670/676. **Синодик**, нач. XVI в., в 12°, 134 л. Описание сделано рукой Невоструева.

25. № 672/678. **Копийная книга актов**. Зимин, № 13. Ныне: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Ч. 5. № 519⁶⁶.

26. № 678/679. **Обиходник Евфимия Туркова**, XVI в., в 4°, 171 л. Зимин, № 14. Ныне: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Ч. 5. № 556⁶⁷.

27. № 674/688. **Обиходник Евфимия Туркова**, XVI в., в 4°, 92 л. Зимин, № 15.

28. № 676/682. **Обиходник**, без начала и конца, XVI в., в 4°, 60 л.

29. № 678/684. **Вкладная книга**, XVI в., в 4°, 175 л.

30. № 682/688. **Опись монастырского имущества 1591 г.** Зимин, № 17. Ныне: РО ИРЛИ. Р. IV. Оп. 26. № 20.

31. № 688/689. **Опись монастырского имущества 1545 г.**, в 8°, 66 л. Строев, 405 (в 4°), Зимин, № 18.

32. № 684/690. **Приходо-расходная книга**, 1606 г., в 4°, 204 л.⁶⁸

33. № 685/691. **Кормовая и вкладная книга**, XVI в., в 8°, 46 л.

А. А. Зимин назвал еще семь рукописей, которые хранились в Иосифовом монастыре (по его списку № 12, 16, 19–20, 21–27); вероятно, и ими не исчерпывается перечень оставленных в монастыре книг (нам известно не менее 40)⁶⁹.

В заключение напомним о еще одном направлении работы по реконструкции волоколамской библиотеки – о выявлении рукописей, вывезенных из монастыря до XIX в. и попавших в различные собрания. А. А. Зимин суммировал собственные наблюдения, результаты разысканий Р. П. Дмитриевой, Б. М. Клосса и других исследователей, и привел довольно внушительный список интереснейших рукописей, возникших в Волоколамском монастыре⁷⁰. Некоторые из названных им рукописей нуждаются в дополнительном исследовании на предмет уточнения рукописной традиции, к которой они принадлежат. Но немалое число выявленных в других

⁶⁶ [Зимин А. А. Из истории собрания... № 13. С. 19.]

⁶⁷ [Зимин А. А. Из истории собрания... № 14. С. 19.]

⁶⁸ *Эта и следующая строки на полях отмечены автором карандашом, на полях им сделана пометка “Нашел, нашел!”* – Н. К. [Возможно: ОПИ ГИМ. Ф. 65. № 86086/2879. См.: Бибииков Г. Н. Новые данные о восстании Болотникова // ИА. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 5–24].

⁶⁹ [Несколько таких рукописей, бывших ранее в библиотеке монастыря, описаны в последние годы: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 555. Обиход церковный (отрывки), третья четв. XVI в. (Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 2. № 115. С. 165–168); Ф. 1912. Оп. 2. № 566. Псалтирь с восследованием посл. четв. XVI в. (Там же. № 169. С. 334); Ф. 196. Оп. 1. № 1065. Сборник энциклопедический 1533–1534 г. инока Пимена (Там же. Вып. 3. № 238. С. 398–409. См. также: *Мошкова Л. В.* Сборники XVI в. из фондов РГАДА: находки и открытия // Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН). М., 2017. С. 239–341. ОР РГБ. Ф. 722. № 702. Хронограф редакции 1512 г. 40-е гг. XVI в. (значится в описи 1545 г., в описях 1573 и 1591 гг. отсутствует); ОР РГБ. Ф. 711. № 53. Словеса постнические Исаака Сирина, кон. XV – начало XVI в. См.: *Анхимюк Ю. В.* Новообнаруженные рукописные книги из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века // История Волоколамского края и перспективы “Золотого наследия Руси”: Сб. докл. науч.-практ. конф., 30 окт. 1998 г. М., 1999. С. 73–82.]

⁷⁰ *Зимин А. А.* Из истории собрания... С. 20–21. Заметим, что рукопись Феодосия (ГИМ. Син. 791) определена была создана в Волоколамском монастыре, так как датируется 50–60-ми гг. XVI в., когда сам Феодосий уже жил на Волоке. Рукопись Нифонта Кормилицына (РНБ. Q.XVII.64) создана в Москве в 40-х – нач. 50-х гг. XVI в. Рукопись Нила Полева (РНБ. Солов. 326/346) в большей своей части была создана не в Кирилло-Белозерском, а в Волоколамском монастыре.

хранилищах волоколамских рукописей превращает их исследование в самостоятельное направление работы. Особо следует отметить идентифицированный Б. М. Клоссом массив рукописей, возникший в 20–30-х гг. XVI в. при митрополичьей кафедре в Москве и тесно связанный с волоколамской книгописной традицией⁷¹.

Назовем еще несколько рукописей, возникновение которых, по нашим наблюдениям, связано с Волоколамским монастырем.

1. Отрывок из волоколамской рукописи в сборнике РНБ. Q.XVII.6. Л. 6–7 (без филигранны, сер. XVI в., с Летописчиком Иосифа Волоцкого в краткой редакции, близок списку волоколамского сборника Марка Левкеинского – ОР РГБ. Вол. 515. Л. 421 об.–422 об.).

2. Отрывок из волоколамской рукописи в сборнике РНБ. Погод. 1563. Л. 39–41 (посл. четв. XVI в., филигрань: Лихачев 2992, 1586–1587 гг., с текстом соборного приговора об установлении местного празднования Иосифу в 1589 г.).

3. РНБ. Соф. 451/1, посл. четв. XVI в., в 4°, 346 л. Агиографический сборник, включает службу Иосифу, житие Иосифа 3-й редакции, минейное житие Иосифа, послание Иосифа И. И. Третьякову, послание Иосифа митр. Симону и вторую соборную грамоту о смещении Серапиона.

4. РНБ. Погод. 784, кон. XVI – нач. XVII в., в 4°, 254 л. Служба Иосифу, житие 3-й редакции, минейное житие Иосифа (оборвано на послании Василию III)⁷².

5. ГИМ. Барс. 774, нач. XVII в., в 2°, 112 л. Житие Иосифа 3-й редакции, 2-я ред. похвального слова Иосифу, житие Кассиана Босого. Рукопись волоколамского постриженника Герасима Щербака; почерки его и церковного дьячка Ивана Залядня, см. другую рукопись Герасима – ГИМ. Епарх. 254, 60–70-е гг. XVI в.

5. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 5636/82. Монастырский устав Иосифа Волоцкого в пространной редакции, без пагинации, посл. четв. XVI в., в 4°.

Пришло время подвести итоги. Мы проследили историю составления последней общей описи монастырской библиотеки – описи 1857 г. Выявленные архивные материалы помогли нам описать епархиальную часть волоколамских рукописей, исчезнувших в XIX–XX вв. На этих же материалах был составлен каталог рукописей, хранившихся в монастыре, но затем уничтоженных или частично рассеянных по различным хранилищам. Методическое значение описанных в статье материалов описи 1857 г. состоит в том, что теперь в руках исследователей оказывается прежде недоступное поштатейное описание епархиальной части волоколамских рукописей.

Проделанная к настоящему времени работа (исследования А. А. Зимина, наблюдения Р. П. Дмитриевой и Б. М. Клосса) подготовила почву для дальнейших исследований Волоколамской библиотеки, которые должны пойти неразрывно с переизданием основных ее описаний XVI в. – описей 1545 г., 1573 г. и публикацией неизданной описи 1591 г.⁷³ Естественным завершением разысканий могло бы стать новое научное описание волоколамской части Епархиального собрания ГИМ, описание рассеянных по разным собраниям волоколамских рукописей и издание общих указателей писцов, владельцев и вкладчиков волоколамских книг. Без

⁷¹ *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

⁷² [См.: *Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Вып. 3.* СПб., 2004. С. 155–156.]

⁷³ [См.: *Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг.* С. 42–97.]

таких публикаций нельзя устранить многочисленные археографические трудности, мешающие увидеть Волоколамскую библиотеку в целом. Без подобной специальной археографической и книговедческой работы всякое углубленное изучение иосифлянкой рукописной традиции будет доступно лишь специалистам такого высокого класса, каким был А. А. Зимин. А наша задача – решить и печатно оформить источниковедческие вопросы исследования так, чтобы историки книги, искусствоведы, литературоведы и историки общественной мысли заново открыли для себя библиотеку Волоколамского монастыря.

М. В. Печников

АНТИСТРИГОЛЬНИЧЕСКОЕ “СПИСАНИЕ”: ПРОБЛЕМЫ АВТОРСТВА, ДАТИРОВКИ И ИСТОЧНИКОВ

Памятник церковно-полемической литературы, направленный против отделившихся от церкви новгородско-псковских стригольников¹ и носящий в заголовке одной редакции имя свт. Стефана Пермского, а другой – патриарха Константинопольского Антония IV, давно привлекал внимание исследователей как важное свидетельство церковной жизни конца XIV в. “Послание Антония”, как было предположено нами в предыдущей статье, является второй редакцией памятника, которая происходит из Новгорода и была составлена при местной владычной кафедре, скорее всего, во второй половине 80-х гг. XV в. (к московскому собору 1490 г.) в окружении архиепископа Геннадия (Гонзова)².

Единственный известный список первой редакции был обнаружен в середине XIX в. А.В. Горским и К.И. Невоструевым в Синодальном рукописном собрании (в составе сборника ГИМ, Синод. № 700)³. Сборник самими его составителями был озаглавлен как “Книга на основание церкви и о латынех, и о прочих церковных вещех” (надпись крупным полууставом XVI в. с внутренней стороны переплета). В начале сборника находятся две статьи из требников – “Чин бывает на основание церкви, почтение кресту” и “Чин священнию церкви” (Л. 1–34). Остальная часть рукописи посвящена в основном антикатолической полемике и содержит сочинения, по большей части переводные, обличающие “латинские ереси” (Л. 34 сл.). Однако в сборнике находятся и сочинения, никак не связанные напрямую с антилатинской полемикой: “О еже не впасти в ересь Варлаама и Акинд(ин)а, кир Давидова мниха и философа изложение” (Л. 69–77 об.), “Того же сказание, како Варлаам

¹ См.: *Печников М. В.* Новгородско-псковское движение стригольников XIV–XV веков. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Он же.* К вопросу о религиозной практике стригольников // *Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова.* М., 2005. С. 224–236; *Он же.* Церковь и стригольники в Пскове в конце XIV – первой трети XV в. // *ДРВМ.* 2014. № 1(55). С. 107–122; *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 17–207.

² *Печников М. В.* Вторая редакция “Списания” Стефана Пермского (к вопросу о времени и месте составления) // *ПИ. М.*, 2007. Вып. 1. С. 90–107. После выхода этой статьи вышла новая публикация “Почтения Антония”, по списку начала XVI в. (ГИМ. Синод. № 562), подготовленная А. И. Плигузовым и А. В. Кузьминым, в заголовке которой были учтены основные выводы этой статьи (Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 2008. № 118. С. 390–398; далее – РФА. 2008). Тезисы настоящей работы были опубликованы в 2019 г.: *Печников М. В.* “Списание” Стефана Пермского или “Послание” патриарха Антония? // *Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Международ. науч. конф., 9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия / Отв. ред.: Е. Л. Конявская.* М., 2019. С. 155–156.

³ Описание см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Вып. 3. С. 297–306.

изобрете свою ересь” (Л. 77 об.–78 об.), “Павликианьскаа ересь” (Л. 123–129 об.). “Книга... о Святеи Троици и о вере и о прочих многих” (Л. 129–178), представляющая собой собрание святоотеческих сочинений – Кирилла Александрийского, Андрея Критского, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, лишь частично посвященная обличению “ересей латинских” (Л. 153–164 об.). Поэтому, несмотря на преобладание в сборнике антикатолических произведений, вторую часть сборника (после статей из требника) можно считать посвященной обличению ересей вообще.

Интересующее нас произведение под заголовком “А сие списание от правила святых апостол и святых отец дал владыце наугородцкому Алексею Стефан владыка Перемыский на стригольники” (Л. 280–298; далее – “Списание”) помещено в ряду русских сочинений, завершающих сборник. Оно находится между посланием римскому папе (антипапе Клименту III) митрополита киевского Иоанна II (1077–1089) “о опресноцех” (Л. 269 об. – 280) и фрагментом послания папе римскому от “российских славян” (Л. 298 – 310 об.) – памятника униатского содержания⁴.

Я. С. Лурье датировал сборник началом XVI в.⁵, А. И. Плигузов – 20-ми гг. XVI в.⁶, Г. Голенченко – временем около середины XVI в.⁷ Последнюю датировку безоговорочно принимает А. И. Алексеев, используя ее для обоснования своего понимания соотношения редакций памятника (см. ниже)⁸. Но исследование водяных знаков рукописи в целом не убеждает в столь поздней датировке всего сборника⁹.

⁴ В свое время А. В. Горский и К. И. Невоструев высказали предположение, что послание Сиксту следует связывать с попыткой наладить отношения с папским двором во время подготовки бракосочетания Ивана III с Зоей (Софией) Палеолог (*Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... С. 306). Я. С. Лурье гипотетически связывал этот памятник с “литовской партией” в Новгороде, где предполагал униатские настроения среди “какой-то группы русских церковников” (*Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 235). По мнению исследователя, наличие униатского сочинения в рукописи Синод. 700, которую он датировал началом XVI в., “говорит о неофициальном характере этого сборника, об отсутствии последовательной тенденции при его подборе” которая присуща “митрополичьему формулярнику” (Там же). Однако, как показал А. И. Плигузов, это произведение не связано с Новгородом и представляет собой послание избранного на киевскую митрополию смоленского епископа Мисаила и западнорусской знати папе Сиксту IV, датированное 1476 г. (Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века (далее – РФА). М., 1992. Вып. 5. С. 951, 1064, 1071–1074). Помимо этого послания, ничего “неофициального”, противоречащего политике русской митрополии, рукопись не содержит. Вообще, трудно подозревать униатские тенденции у составителей сборника, который полон враждебными по отношению к “латынству” сочинениями. Следует заметить, что послание Сиксту написано совсем другим почерком, чем остальная рукопись, и не исключено, что оно появилось в ней позднее.

⁵ Источники по истории еретических движений XIV – нач. XVI в. // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955 (далее – Источники). С. 235.

⁶ РФА. М., 1992. Вып. 5. С. 951, 1064.

⁷ *Галенчанка Г.* Пасланне да папы рымскага Сікста IV 1476 г.: Паходжанне помніка // Наш радавод. Гродна; Белосток, 2000. Кн. 8. С. 90.

⁸ *Алексеев А. И.* О перспективах изучения ереси стригольников // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Псков, 2011. С. 59; *Он же.* Стригольники: Обзор источников // ВЦИ. 2012. № 3/4 (27/28). С. 163; *Он же.* Религиозные движения на Руси. С. 64.

⁹ Основными филигранями рукописи являются: 1) буква F (*Лихачев*, №№ 1598, 1599 (1534 г.) – Л. 1–119, 125, 129–130, 133–134 и др.); 2) перчатка под пятиконечной розеткой (*Лихачев*, № 1535 (1527 г.), № 1544 (1529 г.) – Л. 127, 137, 144, 146, 151, 155, 156, 159, 203 и др.); 3) рука, сложенная по западному образцу (*Лихачев*, №№ 1519 – 1521 (1527 г.) – Л. 160, 167, 171, 173, 176, 187, 192, 199, 202, 280 и др.); 4) буква P под четырехконечной розеткой (*Лихачев*, №№ 1585 – 1586 (1531 г.), № 1597 (1534 г.) – Л. 257, 267, 285, 289, 296, 298, 300, 305. Часть бумаги, которая была использована составителями

А. И. Плигузов предполагал новгородское происхождение сборника Синод. 700. Об этом, по его мнению, свидетельствуют состав рукописи и ее палеографические особенности¹⁰. Собственно новгородской статьёй сборника является только “Списание”, но этого достаточно, чтобы предполагать с большой долей вероятности именно новгородское происхождение всего сборника. В Новгороде, в месте своего возникновения (см. ниже), скорее могла сохраниться рукописная традиция первой редакции “Списания”; в Москве была признана официально только другая редакция (“Послание Антония”), и переписывание там “Списания” маловероятно¹¹.

Немаловажным обстоятельством представляется то, что заголовок “Списания” в Синод. 700 – явно не авторский. Помнить об авторе церковно-полемического трактата, который никак себя в тексте не называет, и обстоятельствах, связанных с написанием произведения (“дал владыце наугородцкому Алексею”) могли, конечно, только в Новгороде, и скорее всего – при самой архиепископской кафедре. Архиепископ Алексей Новгородский занимал кафедру в 1360–1388 гг., умер в 1390 г. В первой половине XVI в. он был малоизвестен за пределами Новгородской епархии, тем более что в это время канонизован (даже местно) он не был¹², а захоронение его находилось не в кафедральном Софийском соборе, где с 30-х гг. XV в. поддерживалась память о почивающих там святителях, а в пригородном Деревяницком монастыре. Стефан Пермский, скончавшийся 26 апреля 1396 г. и погребенный в Спасской церкви московского Кремля, напротив, был канонизован довольно рано (его Житие было составлено Епифанием Премудрым уже в первой четверти XV в., святым он называется в рукописях последней четверти XV в., общерусская канонизация произошла около середины XVI в.¹³), однако в заголовке рассматриваемого списка он как святой не обозначен. Все это указывает не только на то, что появление заголовка связано с Новгородом, но также и на малую вероятность того, что он датируется XVI в., а не более ранним временем.

За два века рассматриваемый памятник неоднократно издавался. Как послание патриарха Антония сочинение было впервые опубликовано протоиереем А. И. Журавлевым (с сокращениями) в 1795 и 1799 гг. со ссылкой на рукопись, содержащую “Просветитель” преподобного Иосифа Волоцкого¹⁴. Первое научное издание “послания” (по рукописям Рум. 204 и Синод. 562) появилось в “Актах исторических” в 1841 г. (под ред. И. И. Григоровича)¹⁵.

сборника, является общей с книгой келейных правил, переписанных в Новгороде в 1527 г. (ОР РНБ. F I № 147) (филигрань “рука, сложенная по западному образцу”).

¹⁰ РФА. Вып. 5. С. 951, 1064.

¹¹ В XVII в. сборник Синод. 700 находился уже в Москве, в патриаршей библиотеке (на внутренней поверхности первой крышки переплета имеется надпись скорописью XVII в.: “патриарша”). Время составления сборника совпадает с активной книгописной деятельностью в Новгороде при архиепископской кафедре, которую занимал будущий митрополит Макарий. Можно высказать осторожное предположение, что он вместе с некоторыми другими рукописями был привезен из Новгорода Макарием при оставлении им новгородской кафедры в 1542 г.

¹² *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 95; *Назаренко А. В., Столовова Г. Р.* Алексей // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 637.

¹³ См.: *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 82, 104.

¹⁴ *Журавлев А. И.* Полное историческое известие о древних стригильниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. СПб., 1799. С. 8–13 (1-е изд. – 1795 г.). Как показало сопоставление текстов, это не был сборник Рум. № 204, также имеющий в своем составе “Просветитель”.

¹⁵ АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 6. С. 9–16.

Следующие два издания – А. С. Павлова в “Памятниках древнерусского канонического права” (1880, 1908) и Я. С. Лурье (1955) – имели в основе “Списание на стригольников”¹⁶. Последнее издание памятника было предпринято А. И. Плигузовым и Г. В. Семенченко в 1987 г. в “Русском феодальном архиве” в рамках издания “митрополичьего формулярника” начала XVI в. Синод. 562¹⁷ (переиздано с другим заголовком, основанным на нашем исследовании¹⁸, А. И. Плигузовым и А. В. Кузьминым в 2008 г.¹⁹).

Первые издания на долгое время обусловили господство в историографии атрибуции рассматриваемого сочинения константинопольскому патриарху Антонию²⁰. Вместе с тем, уже в первой половине XIX в. учеными обращалось внимание на несоответствие сведений, содержащихся в “послании Антония” с летописными сообщениями. Первые намеки на это содержатся уже у Н. М. Карамзина, который полагал, что грамота “писана *от имени* Патриарха Антония, правившего Константинопольскую церковь от 1387 до 1396 года”. Далее Карамзин приводит цитату из “послания Антония” о посылке им Дионисия Суздальского в Новгород и Псков; при этом ниже в той же сноске он помещает летописное свидетельство о смерти Дионисия в 1385 г., то есть до патриаршества Антония²¹. Однако первым, кто обратил внимание на то, что произведение содержит некоторые несомненно русские черты, был архиепископ Филарет (Гумилевский). Еще до публикации сведений о новом списке Синод. 700 он выдвинул гипотезу, что от имени патриарха Антония послание написал Афанасий Высоцкий, живший с 1392 г. в Константинополе²². Несмотря на то, что такая атрибуция основана на недостоверном сведении Никонской летописи о доставке грамоты о стригольниках в Новгород в 1394 г.²³, это был шаг вперед к установлению подлинного авторства памятника.

А. В. Горский и К. И. Невоструев, обнаружившие и описавшие список Синод. 700, полагали, что “надписание статьи в рассматриваемой рукописи скорее дает

¹⁶ РИБ. Т. 6. № 25. Стб. 211–228; Источники. С. 234–243.

¹⁷ РФА. М., 1987. Вып. 2. № 118. С. 386–396. Публикаторы рассматривали его как компиляцию, составленную из грамоты патриарха Нила 1382 г., несохранившегося послания патриарха Антония в Новгород и поучений митрополита Фотия.

¹⁸ Печников М. В. Вторая редакция “Списания”. С. 90–107.

¹⁹ РФА. 2008. № 118. С. 390–398.

²⁰ См.: Журавлев А. И. Полное историческое известие... С. 8; Евгений (Болховитинов), митр. История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 3. С. 24–25; Руднев Н. А. Рассуждение о ересь и расколах, бывших в русской церкви со времени Владимира Великого до Иоанна Грозного. М., 1838. С. 26; Игнатий, архиеп. История о расколах в церкви Российской. СПб., 1849. С. 50; Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. Отд. 1. С. 96, 485–486; Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. Тома 3/4. С. 578; Барсов Т. В. Константинопольский патриарх и его власть над русскою церковью. СПб., 1878. С. 555–556; Мальшевский И. И. О зарождении религиозных сект в России с рационалистическим направлением // Труды Киевской Духовной академии. 1883. № 12. С. 672–675.

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 264–265; см. также отражение этих наблюдений Карамзина: Руднев Н. А. Рассуждение о ересь и расколах, бывших в русской церкви со времени Владимира Великого до Иоанна Грозного. М., 1838. С. 26; АИ. Т. 1. С. 9. Примеч. 3 (“здесь явный анахронизм... может быть, Патриарх ссылается только на грамоту предшественника своего Нила и напоминает Псковичам прежние его увещания; или это позднейшая вставка”).

²² Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. Кн. 1. С. 116–117; см. также: Филарет (Гумилевский), архиеп. История русской церкви. 5-е изд. М., 1888. Т. 2. С. 73–78.

²³ См.: Печников М. В. Митрополичье летописание 20-х гг. XVI в. о движении стригольников // Могилянські читання. 2003. Київ, 2004. С. 300.

право почитать сочинителем ея епископа Перемышльского Стефана, которого имя, доселе неизвестное в истории нашей иерархии, невольно напоминает собою современного ему просветителя Перми, св. Стефана епископа Пермского”²⁴. Таким образом, Горский и Невоструев расценили написание “Перемышльский” как ошибочное вместо “Перемышльский”, а не “Перемьский”.

В работах А. В. Горского, К. И. Невоструева и архиепископа Филарета были комплексно отмечены обстоятельства, делающие невозможной прежнюю атрибуцию сочинения патриарху Антонию²⁵. Во-первых, вслед за исследователями первой половины XIX в. вновь отмечается, что во вводной части “послания Антония” содержится явный анахронизм – архиепископ Суздальский Дионисий оказывается посланным в Новгород не патриархом Нилом в 1382 г., что подтверждается как актовым, так и летописным материалом²⁶, а Антонием, который стал патриархом только через четыре года после смерти Дионисия, последовавшей в 1385 г. Во-вторых, текст обеих редакций содержит невероятную в послании самого патриарха фразу “его же митрополита освятить нам патриарх, того вси чтем, яко Христова наместника”²⁷. Кроме того, в сочинении содержится ссылка на русское произведение – Киево-Печерский патерик с упоминанием Антония и Феодосия Печерских²⁸.

Вывод указанных исследователей о русском происхождении поучения был поддержан А. С. Павловым, который впервые приписал его авторство первому пермскому епископу свт. Стефану (1383–1396). Этим же исследователем была предложена и датировка “Списания” 1386 годом, когда Стефан Пермский приезжал в Новгород, где, по мнению исследователя, и написал это поучение по просьбе новгородского владыки Алексея²⁹. Новая атрибуция памятника вызвала возражения известного церковного историка митрополита Макария (Булгакова). В специальном приложении к своей “Истории русской церкви” он высказал сомнение, что данное сочинение мог написать глава соседней епархии, не имевший права обращаться непосредственно к пастве новгородского архиепископа. “Написать послание прямо к стригольникам, жившим в Новгороде и особенно в Пскове, обличать и учить их непосредственно могли только или патриарх Цареградский, или русский митрополит (которые действительно, как известно, и обращались с своими посланиями к стригольникам), или, наконец, новгородский владыка...”³⁰ Упоминание Дионисия и ссылку на Киево-Печерский патерик Макарий счел вставками, сделанными при переводе с греческого. Признавая вслед за Горским и Невоструевым, что “послание... повреждено”, он все же считал принадлежность его патриарху Антонию наиболее вероятной, ссылаясь при этом на единственное в своем

²⁴ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание... Отд. 2. Вып. 3. С. 303.

²⁵ Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор... Кн. 1. С. 116; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание... Отд. 2. Вып. 3. С. 303.

²⁶ НПЛ. С. 378; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 326, 339; Источники. С. 230–234. РИБ. Т. 6. Приложение. Стб. 183–188.

²⁷ Источники. С. 239.

²⁸ Там же. С. 242 (“в пещере же в киевской Антоньеве един мних умре в гресех и положен бысть в пещере; злый смрад искожаше от него, и явление бысть о нем: повелевали изврещи псом на снедь, а после молитвами святого отца Антонья и Феодосья и прочих святых, положеных в пещере той, и ту сухих живых в пещере той святых отец молитвами, ослаба ему бысть...”).

²⁹ РИБ. СПб., 1880. Т. 6. № 22. Стб. 211–212 (предисловие к публикации “Списания”). О визите Стефана в Новгород см.: ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 347; Т. 15. Вып. 1. Стб. 151; Т. 11. С. 87.

³⁰ Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. Отд. 1. С. 486.

роде сообщение позднейшей Никоновской летописи под 1394 г. о присылке Антонием в Новгород грамоты “о проторех и исторех на поставлениях священных”, т.е. против стригольников³¹. В заключительной части приложения о “послании Антония” Макарий был даже готов вслед за Горским и Невоструевым признать авторство неизвестного по источникам Стефана Перемышльского, но только не Стефана Пермского (ибо “такое заключение более, нежели смелое”)³². Макарий никак не объясняет наличие имени Стефана вместо патриарха в одном из списков (не могли же грамоте понизить авторитетность?), и не учитывает того, что в Синод. № 700 произведение не имеет вида послания вышестоящего иерарха. В целом возражения Макария против свидетельств о русском происхождении памятника уже в то время выглядели довольно натянутыми и потому не получили признания в последующей историографии. Точка зрения А. С. Павлова была признана в качестве наиболее вероятной архиепископом Филаретом (Гумилевским), отказавшимся от первоначальной атрибуции сочинения Афанасию Высоцкому, и Е. Е. Голубинским³³, а затем и другими учеными, как правило, однако, не производившими самостоятельного источниковедческого анализа³⁴. Вопрос об авторстве и обстоятельствах написания этого полемического трактата был надолго снят.

В конце XX в. попытку пересмотреть устоявшуюся атрибуцию предпринял Г. М. Прохоров, что нашло отражение, в частности, в “Словаре книжников и книжности древней Руси”³⁵. По мнению исследователя, поучение на самом деле принадлежит перу нижегородско-суздальского архиепископа Дионисия, который в 1382/83 г. (по Г. М. Прохорову – в 1383 г.) прибыл из Константинополя в Новгород, имея при себе грамоту патриарха Нила против стригольников (“О проторех на поставления”)³⁶. Дионисий, несомненно, был патриаршим уполномоченным по вопросу о стригольничестве³⁷.

Аргументы и предположения Г. М. Прохорова сводятся к следующему:

“О еретиках патриарх (Нил. – М. П.) узнал, скорее всего, от самого Д[ионисия]”, который “был, судя по всему, инициатором борьбы со стригольничеством”, “вдохновителем и огласителем” патриаршей грамоты против стригольников³⁸.

«Маловероятно..., чтобы его (“Списания”. – М. П.) автором был Стефан Пермский, глава другой епархии. Д[ионисий] же, как известно, действовал в пределах новгородской архиепископии как представитель патриарха... Связываемое с именем Стефана Пермского Поучение против стригольников как раз и является обращением к еретикам русского человека, чувствующего себя вправе говорить от имени высшей церковной власти»³⁹.

³¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 156. О недостоверности этого и других уникальных сообщений Никоновской летописи о стригольниках см.: *Печников М. В.* Митрополичье летописание... С. 295–301.

³² *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. Отд. 1. С. 486.

³³ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. Кн. 1. С. 83–86; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. 2. Пол. 1. С. 396–404.

³⁴ См. историографический обзор Н. А. Казаковой: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения. С. 39–40.

³⁵ *Прохоров Г. М.* Дионисий // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 189–190; *Он же.* Стефан // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 415–416; *Он же.* Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Елифангий Премудрый // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995. С. 26–29.

³⁶ НПЛ. С. 378; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 326, 339.

³⁷ См.: Источники. С. 234; ср.: НПЛ. С. 378–379; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 326, 339.

³⁸ *Прохоров Г. М.* Дионисий. С. 189; *Он же.* Равноапостольный Стефан Пермский... С. 29.

³⁹ *Прохоров Г. М.* Дионисий. С. 189–190.

«Тот факт, что имени Дионисия нет ни в одном из списков Поучения, а само оно оказалось переделано в послание патриарха Антония, может объясняться тем, что кто-то постарался спасти его, когда победитель в борьбе за русский митрополичий престол Киприан (принявший в этой борьбе участие Дионисий был насильно низведен с исторической арены, очевидно, с ведома Киприана) стремился уничтожить следы наставнической деятельности Дионисия в Пскове, несправедливо утверждая, что “патриарх ему того не приказал деяти”»⁴⁰. Г. М. Прохоров предполагает, что это сделал сам Стефан Пермский, который, согласно автору гипотезы, не сочинил поучение, а, как это и написано в заглавии списка Синод. № 700, “дал” его новгородскому владыке Алексею. “А дать он мог и чужое поучение”⁴¹.

Однако вряд ли нижегородско-суздальского владыку можно считать инициатором борьбы со стригольничеством. О пребывании Дионисия на Северо-Западе Руси когда-либо до 1382 г. ничего не известно. В Москве при митрополичьей кафедре о стригольничестве сведений, скорее всего, не имелось (известие о казни стригольников в 1375/76 г., вероятнее всего, отсутствовало в Троицкой летописи, восходящей к митрополичьему своду начала XV в., митрополит всея Руси Фотий, занимавший кафедру с 1409 г., узнал о стригольниках только из послания к нему псковских священников в 1416 г.). Поэтому Дионисий вряд ли мог знать что-либо достоверное об этом движении, не выходявшем, судя по всему, за пределы Новгородской и Псковской земель. Гораздо более вероятно, что о стригольнических взглядах, с которыми ему предстояло полемизировать в Новгороде и Пскове, нижегородско-суздальский владыка узнал только в Константинополе от патриарха Нила, незадолго до того получившего сведения из Новгорода, ответом на которое и стала патриаршая грамота 1382 г. Любопытно, что точке зрения Г.М. Прохорова на Дионисия как на инициатора антистригольнической борьбы находится прямая аналогия в 16-м “слове” “Книги на новгородских еретиков” Иосифа Волоцкого: “ересь” пользовалась успехом у горожан, “дондеже архиепископ Дионисий Суздальский отиде в Констянтин град о сем...”⁴² Но как следует из более близких по времени источников, истинной целью путешествия Дионисия в Константинополь в 1379 г. было помешать поставлению на митрополичий престол в Москве Михаила-Митяя, как это убедительно показано и самим Г. М. Прохоровым⁴³.

До нашего времени сохранилось лишь одно произведение, несомненно принадлежащее Дионисию, и относится оно как раз ко времени миссии Дионисия в Новгород и Псков в 1382/83 г. Это грамота о соблюдении общежитийного устава, данная патриаршим посланцем псковскому Снетогорскому монастырю⁴⁴. Но несмотря на предполагаемую Г.М. Прохоровым хронологическую близость, а также то обстоятельство, что положение дел в псковском монастыре возмущало Дионисия, конечно, не меньше, чем автора “Списания” – стригольничество, эти два произведения не дают оснований для утверждения, что они написаны одним человеком. Так, характерным признаком грамоты Снетогорскому монастырю является обращение от первого лица и подчеркивание Дионисием своей роли как

⁴⁰ Прохоров Г. М. Дионисий. С. 190; *Он же*. Равноапостольный Стефан Пермский... С. 29.

⁴¹ Прохоров Г. М. Равноапостольный Стефан Пермский... С. 28; *Он же*. Стефан. С. 416.

⁴² Иосиф Волоцкий. Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Казань, 1903. С. 541.

⁴³ Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. 2-е изд. СПб., 2000. С. 150–152.

⁴⁴ РИБ. Т. 6. № 24. Стб. 205–210.

уполномоченного от патриарха решать дела Новгородской епархии. Ничего подобного мы не найдем в “Списании на стригольников”. В нем “еретики” обличаются как бы от лица всей церкви, а не исключительно автором, который никогда не говорит лично от себя, в первом лице. Если автор “Списания” называет своих оппонентов еретиками, а также тем полупрезрительным прозвищем, под которым они были известны в народе – “стригольницы”, то Дионисий, воспроизводя определение патриаршей грамоты 1382 г., говорит о своем приходе в Псков по повелению патриарха “о исправлении отлучившихся съборныя апостольския Христовы церкви”⁴⁵, не используя, как и патриарх Нил, применительно к ним слова “еретики”⁴⁶, что характерно для “Списания”. Здесь не простая разница в словоупотреблении. За этим скрывается разная позиция в отношении стригольников: строгая, но с надеждой на мирное воссоединение их с церковью путем убеждения – у патриарха Нила и Дионисия, и жесткая, бескомпромиссная, направленная на изоляцию и изгнание “еретиков” – у автора “Списания”.

Мог ли Стефан, будучи владыкой другой епархии, написать антистригольническое сочинение и вручить его Алексею? Думается, что обращение новгородского архиепископа к Стефану, – известному книжнику и просветителю, – вполне естественно. Стефан обладал несомненным полемическим даром, проявленным во время своего миссионерского подвига в Перми, когда он обратил в христианство значительную часть пермяков-зырян, став в 1383 г. первым пермским епископом. Кроме того, есть основания полагать, что в искоренении стригольничества в соседней епархии был заинтересован сам Стефан, который поэтому должен был с готовностью откликнуться на предложение Алексея. О причинах этого свидетельствует его Житие, написанное Епифанием Премудрым. Содержащееся в нем “Поученье” свт. Стефана почти целиком посвящено тому, чтобы новообращенные зыряне опасались не только “кумирослужителей”, но прежде всего еретиков или раскольников⁴⁷. Конечно, Стефан не говорил в стиле “плетения словес”, каким излагает его речь автор Жития, но то, что “Поученье” отражает реальные слова умершего в 1396 г. епископа, заученные его последователями из новообращенных зырян⁴⁸, представляется вполне вероятным. В Рогожском летописце,

⁴⁵ Там же. Стб. 205. Ср. в послании Нила: “...отлучишася соборныя апостольския церкви...” (Источники. С. 232).

⁴⁶ Ср. в послании Нила: “...отлучишася соборныя апостольския церкви...” (Там же. С. 232).

⁴⁷ «Станите о вере тверди, блюдетесь от еретиков, стерезитесь от иже развратников вере, снабдитесь от приходящих раскол церковных и от находящихся раздор, сохранитесь от всякия ереси пагубныя ... да никтоже вас прельстит злыми словесы ... Ибо по моем отшествии аще кто придет к вам, или еретик, или идолослужитель, или развратник, или иже имея раскол и раздор церковный, или расхулник вере христианстей, или вльхв, или кудесник, или зловерник, не приемлете таковых. С тацями ни ясти, ни пити, ни дружитися, ни совокуплятися, но по всему отвращайтесь от них. И учения его не слушайте, и словес его не внимайте, и повеления его ни принимайте. Рече бо Павел апостол к Тимофеи: “Еретика человека бегай, отвращайся, отрицайся, ведый, яко таковой совратился есмь и сам осужен естъ”. Аще бо кто начнет учити вы учение супротивно святыя православныя веры христианския, кроме святыя съборныя апостольския Церкви, того учения не приемлете. Аще и мнитса мудр быти, аще и силы некакия начнет творити, не слушайте его. Рече бо божественый Павел апостол: “Аще и ангел с небеси пришел к вам, начнет вам благовестити инако, а не тако, якоже мы благовестихом вам, анафема да будет”, рекше, да будет проклят» (Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995. С. 206, 208). Любопытно, что в “Списании на стригольнички” читаем в пересказе тот же фрагмент из послания ап. Павла, впрочем, довольно популярный в церковно-учительной литературе: “Аще и ангел вам благовестит паче проповеданного приясте да будет проклят” (Источники. С. 239).

⁴⁸ Перед смертью Стефан “призва своя си клирики, и ризничие, и падыяки, и вся сущая его, елико с ним приехаша от земля Пермския” (Святитель Стефан Пермский. С. 204).

единственном из всех летописей, читаем пояснение к сообщению о визите Стефана 1386 г.: “ходил в Новгород Великий некое ради своея си потребы”⁴⁹. Основным вопросом, затрагиваемым во время визита в соседнюю епархию, должно было стать урегулирование отношений с новгородской епархией из-за назначения Стефана епископом пермским несколькими годами ранее⁵⁰. Но, пребывая в Новгороде, Стефан не мог не оценить степень опасности, которую представляло стригольничество для православной церкви, в том числе и для новообращенных зырян его епархии⁵¹. Написание полемического сочинения против стригольников могло быть вызвано прежде всего этими соображениями и являлось в таком случае знаком урегулирования вопроса о пермской епископии.

Нижегородско-Суздальский владыка если и мог составить “Списание”, то в 1382–1383 гг., во время посещения им Новгорода и Пскова – оно написано явно “по горячим следам”, в пылу полемики. Дионисий должен был сразу ознакомить с этим текстом новгородского архиепископа, ведь посвящен он был вопросу, весьма волнующему как Алексея, так и Дионисия. Однако, как признает Г. М. Прохоров, Алексей получил “Списание” позднее от пермского епископа. Остается непонятным, когда и каким образом сочинение Дионисия могло оказаться у Стефана, ведь в его поставлении в епископы митрополитом Пименом зимой 1383/84 гг. (“по Тохтамышевой рати на другую зиму”⁵²) суздальский владыка не участвовал, поскольку не признавал Пимена законным главой церкви и уже вернулся в Константинополь.

Согласно Г. М. Прохорову, поскольку Киприан и Фотий стремились “ликвидировать следы внепархиальной... деятельности Дионисия”, то, “чтобы спасти учение, надо было пожертвовать именем его автора”⁵³. Но за авторством Дионисия до нас дошла уже упоминавшаяся грамота Снетогорскому монастырю, причем в составе официального “митрополичьего формулярика” начала XVI в. (Синод. 562). Кроме того, в 1395 г., когда митрополит Киприан выступил против деятельности Дионисия в Пскове⁵⁴, Алексея уже не было в живых (он скончался 3 февраля 1390 г., оставив почти за два года до этого кафедру) и Стефан Пермский не мог передать ему это сочинение, подписав своим именем.

⁴⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Вып. 1. Стб. 151.

⁵⁰ Об этом свидетельствует Вычегодско-Вымская (или Коми-Вымская) летопись конца XVI в.: “Лета 6893 владыко новгородский разгневан бысть зело, како посмел Пимен митрополит дати епархия в Перме, в вотчине святей Софии, и послал дружинники воевати Пермскую епархию. Позвал владыко Стефан устюжан, им бы беречи Пермскую землю от разорения. Устюжане побили новгородцов под Черной рекой под Солдором. Лета 6894... Того же лета поиде епискуп Стефан в Новгород, потому с Новгородом размирье. Стефан поклонился владыке и бояром новгородским не разорити впредь Пермскую земли и епархия Вычегоцкие земли беречи. Отпущен владыко Стефан от Новгорода с милостию и дарами” (Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 260). Как показал Б. Н. Флоря, в указанной летописи нашли отражение летописные записи, ведшиеся с конца XIV в. при усть-вымской кафедре (Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 227–231). По всей видимости, к описанному в Вычегодско-Вымской летописи конфликту имеют отношение слова Жития: “Но и сами ти новгородци, ушкуйници, разбойници, словесы его увещевани бываху еже не воеваху ны” (Святитель Стефан Пермский... С. 214).

⁵¹ Опасность стригольнической проповеди для собственной епархии Стефана, соседней с новгородской, как повод для написания пермским епископом сочинения против новгородско-псковских сектантов, впервые была отмечена А. С. Павловым (РИБ. Т. 6. Стб. 211–212).

⁵² Святитель Стефан Пермский. С. 167; ср.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 149.

⁵³ Прохоров Г. М. Равноапостольный Стефан Пермский. С. 29.

⁵⁴ См.: РИБ. Т. 6. № 28. Стб. 233–236.

Таким образом, предположение Г. М. Прохорова об авторстве Дионисия Суздальского, на наш взгляд, не согласуется с показаниями источников, близких по времени к описываемым событиям.

Другую гипотезу, также отрицающую авторство Стефана Пермского, предложил А. И. Алексеев⁵⁵. По мнению исследователя, первоначальная редакция представлена текстом “послания Антония”. Этот текст был составлен в среде новгородского или псковского духовенства в конце XIV – первой трети XV в., при этом произведению было приписано авторство константинопольского патриарха, приславшего незадолго до этого свои грамоты в Новгород. Атрибуцию произведения в списке Синод. 700 Стефану Пермскому исследователь считает поздней (относящейся ко времени написания рукописи, т.е. по А. И. Алексееву, к середине XVI в.) и ошибочной. Как и Г. М. Прохоров, А. И. Алексеев полагает, что Стефан всего лишь доставил это произведение архиепископу Алексию (до 1390 г.?). Наиболее авторитетным списком исследователь считает “митрополичий формулярник” начала XVI в. Синод. 562 на том основании, что он самый ранний из сохранившихся. Солидаризируясь во многом с А. И. Алексеевым в понимании феномена стригольничества, вынуждены отметить, что предлагаемую им историю текста основного произведения, направленного против стригольников, нельзя признать убедительной.

А. И. Алексеев полагает, что важное значение имеет тот факт, что список Синод. 562 старше, чем список Синод. 700, а также то, что первый из них был официальным, и “писцы митрополичьей канцелярии в первой половине XVI в. придавали большое значение этому тексту и располагали достоверными сведениями о его происхождении”, а “сборник Синод. 700 имел неофициальный характер” и “его составитель мог не располагать достоверными сведениями об авторе послания”⁵⁶. Оба аргумента представляются основанными на гадательных предположениях и текстологически сомнительными. Так, например, старшинство Лаврентьевского списка ПВЛ 1377 г. не предопределяет для современных текстологов первичность текста именно этой рукописи перед текстом Ипатьевского или Радзивилловского списков летописи XV в. (то же самое касается Синодального списка Новгородской первой летописи XIII–XIV вв. и списков ее младшего извода XV в., которые в равной степени восходят к новгородской владычной летописи). А в “неофициальный” сборник вполне могла быть включена официально отвергнутая ранняя, не подвергшаяся переработке редакция памятника.

А. И. Алексеевым отмечено точное соответствие “Послания Антония” жанру грамоты церковного иерарха⁵⁷, что, согласно исследователю, свидетельствует о его

---

⁵⁵ Алексеев А. И. О редакциях сочинения против стригольников, приписываемого патриарху Антонию или епископу Стефану Пермскому // ДРВМ. 2011. № 3 (45). С. 6–7; *Он же*. О перспективах изучения ереси стригольников. С. 56–63; *Он же*. Стригольники: Обзор источников. С. 158–171; *Он же*. Религиозные движения на Руси. С. 58–72.

⁵⁶ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 63; *Он же*. Стригольники: Обзор источников. С. 163.

⁵⁷ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 64–65; *Он же*. Стригольники: Обзор источников. С. 164–165. К сожалению, А. И. Алексеев проигнорировал факт явного заимствования в начале “Послания” грамоты патриарха Антония в Новгород от сентября 1393 г., которая должна была храниться при софийской кафедре (*Печников М. В.* Вторая редакция. С. 91–92). Поэтому для А. И. Алексеева *terminus post quem* написания “Послания Антония” – не 1393 г., а 1383 г. (после миссии Дионисия в Псков; Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 72; *Он же*. Стригольники: Обзор источников. С. 171). Такая нижняя хронологическая граница вызывает удивление, поскольку Антоний впервые

первичности, поскольку в “Списании” “элементы, обязательные для жанра посланий”, отсутствуют. Но текст, подписанный именем Стефана Пермского, обозначен в заголовке не как послание, а как “списание”, и, действительно, Стефан не мог поучать Алексея как вышестоящий иерарх, что вполне вписывается в исторические условия времени возникновения изучаемого текста (см. ниже).

Кроме того, как уже говорилось, в начальной части “послания Антония” цитируется русский памятник (сочинение Кирилла Туровского), что крайне маловероятно для послания константинопольского патриарха. Важным показателем является и сочетание вводной части произведения с его общей структурой. В “Списании” с самого начала развивается определенная тема – достоинства священства и еретичества стригольников, для чего вводятся образы древа жизни (“древа животного”) и древа познания добра и зла (“древа разумного”). Они раскрываются как прообразы соответственно причастия Тела и Крови Христовой, установленной самим Господом на Тайной вечери, и “писания книжного”, составленного бывшим дьяконом Карпом, который отлучает христиан от причастия и тем самым, подобно дьяволу при грехопадении, лишает их вечной жизни. В “Послании Антония” развитие мысли автора “Списания” грубо нарушается компилятивной вставкой в начало произведения, превращающей его из церковно-полемического трактата в послание высшего церковного иерарха⁵⁸.

Анахронизмы, которые исследователями давно отмечены в “Послании Антония”, вряд ли мог допустить книжник конца XIV и даже начала XV в. Как уже говорилось, и в “Списании”, и в “Послании Антония” имеется фраза “его же митрополита освятить нам патриарх, того вси чтем, яко Христова наместника”⁵⁹. Она также заставляет сомневаться в том, что какая-либо из этих редакций была составлена неким *новгородским* книжником в конце XIV – первой трети XV в. Дело в том, что как раз на это время приходится период конфронтации между Новгородской архиепископией и митрополитами Киевскими, имевшими резиденцию в Москве. Выражение новгородским священником того времени особой лояльности русскому первосвятителю, “подъезды” которого сопровождалась тягостным для местного духовенства сбором пошлин, трудно счесть обычным явлением, позволяющим допустить такую атрибуцию, какую предлагает А. И. Алексеев. Остается предположение, что “Поучение Антония” составлено в Пскове, но оно не подкреплено надежными аргументами (в заключении книги А. И. Алексеев в качестве догадки высказывает идею, что автором “Послания Антония” мог быть борющийся со стригольниками во Пскове в 10-е–20-е гг. XV в. священник Иов Столп)⁶⁰.

“Списание” во многих случаях содержит лучшие, неиспорченные редактором или переписчиком, чтения, чем “Послание”, в последнем имеются многочисленные пропуски важных в смысловом отношении фрагментов в основной части текста (обосновывающие этот вывод аргументы, базирующиеся на текстологических наблюдениях, были опубликованы нами еще в 2006 г., за пять лет до выхода монографии А. И. Алексеева, но были им проигнорированы). Необходимо отметить

стал патриархом только в январе 1389 г. (*Жаворонков П. И. Антоний IV // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 656*), и раньше этого никакие грамоты от его имени в Новгороде или Пскове сочиняться, естественно, не могли.

⁵⁸ См.: Источники. С. 236–237. Примеч.

⁵⁹ Источники. С. 239; РФА. 2008. С. 393.

⁶⁰ *Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 497.*

также, что включение в титул новгородского владыки упоминания Пскова, читающееся в начале всех списков “Поучения Антония”, согласно данным сфрагистики, характерно лишь для времени начиная с конца 40-х гг. XV в.⁶¹

Учитывая все вышесказанное, остается прийти к выводу, что, на наш взгляд, самой обоснованной остается точка зрения, согласно которой “Списание на стригольников” составил и передал архиепископу Алексею свт. Стефан Пермский, указанный в заголовке текста, наиболее близком к протографу.

Принимая авторство Стефана и достоверность заголовка списка Синод. 700, крайними датами написания “Списания” являются зима 1383–1384 гг. (поставление Стефана в пермские епископы) и апрель 1388 г., когда “съиде владыка Алексеи съ владычества по своей воли”⁶². В промежутке между указанными датами наиболее вероятное время составления “Списания” – великий пост 1386 г., когда Стефан посетил Новгород⁶³. Слово “дал” указывает на личную встречу двух иерархов, которое могло состояться только во время визита пермского владыки. Неизвестны ни посещение Алексеем Усть-Выми (центра пермской епархии), ни одновременное нахождение этих иерархов в каком-либо другом месте, например, в Москве⁶⁴.

За год до визита Стефана, в феврале 1385 г., Новгород, воспользовавшись отсутствием признанного главы русской церкви⁶⁵, предпринял попытку ослабления судебной и податной зависимости новгородской кафедры от московской митрополии. Новгородцы на вече целовали крест на Ярославовом дворище “не зватися к митрополиту, судити владыке Алексею в правду по манакануну”⁶⁶. В сложившихся условиях Алексей, по всей видимости, и решил обратиться за помощью к посетившему его епархию Стефану Пермскому – вероятно, наиболее “книжному” русскому иерарху того времени, пользующемуся немалым авторитетом.

Автор “Списания”, как уже говорилось, выступает не от себя лично, что действительно было бы странно для епископа чужой епархии, а от лица церкви вообще. По своему жанру “Списание” отличается от других антистригольнических произведений. Это не грамота вышестоящего архиерея, в которых важны не столько аргументы, сколько сам авторитет предстоятеля церкви, а настоящий богословский полемический трактат, ставящий целью последовательно опровергнуть основные положения доктрины оппонентов. Настрой полемиста боевой и непримиримый; он неоднократно называет стригольников еретиками (“стригольницы, паче же еретицы”), видя корень всякой ереси в дьявольском прельщении. О примирении

⁶¹ *Белецкий С. В.* Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30-е–40-е годы XV в. // Церковная археология. СПб.; Псков, 1995. Ч. 2. С. 51.

⁶² НПЛ. С. 381.

⁶³ Следует отметить, что пермский епископ действовал не как порученец великого князя (перед сообщением о визите Стефана в Новгородской IV говорится о том, что после заключения мира с Новгородом великий князь послал туда “наместники... и чернорочев”), а по собственной инициативе – он приехал в Новгород не из Москвы, а “из Великой Перме” (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 347), “некоя ради *своея си потребы*” (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 151; курсив наш. – *М. П.*).

⁶⁴ Присутствие Алексея на поставлении Стефана в Москве исключено, учитывая позднейший конфликт со Стефаном из-за образования Пермской епархии, в чем Алексей не мог не видеть попытку расширить сферу московского влияния.

⁶⁵ Пимен был лишен кафедры Константинопольской патриархией в 1383 г., покинул Москву в мае 1385 г., и, не добившись признания своих прав на митрополию в столице Византии, вернулся в Москву 6 июля 1388 г.; поставленный в митрополиты Дионисий, не доехав до Москвы, умер в 1385 г. в Киеве; Киприан был утвержден на русской митрополии новым патриархом Антонием только в 1389 г.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 342.

стригольников с церковью речи уже не идет. В конце поучения Стефан пишет: “А кто по стригольнической ереси начнет священников осуждати, не токмо неподобно их послушати, но и от града згоже отгнати их”⁶⁷. Пермский епископ не мог благословить новгородского владыку на более решительную борьбу со стригольниками. Он лишь давал свою рекомендацию, видя в стригольниках не заблудшую часть паствы, а врагов церкви, “сюз неправедны”⁶⁸, зловредную еретическую секту, которую необходимо было искоренить. Отдавая Алексею написанный им полемический текст, пермский епископ тем самым предоставлял ему полную свободу использования трактата в своих целях.

Обратимся к содержанию и источникам, которыми воспользовался Стефан Пермский при написании своего богословско-полемического трактата.

Одни из источников определены уже в названии – это канонические правила св. апостолов и св. отцов. Но наряду с ними активно используется Священное Писание, как Ветхого, так и, особенно, Нового Заветов. При этом Стефан иногда не называет то место Писания, откуда взята та или иная цитата.

Текст “Списания” условно можно разделить на три неравномерные части, посвященные разным темам.

Первая часть сочинения посвящена вопросу о причастии, таинстве священства и незаконности возложения на себя стригольниками учительского сана. В самом начале “Списания” Стефан ссылается на библейский рассказ о грехопадении Адама и Евы⁶⁹ (Быт., 3). Как предполагает А. И. Алексеев, здесь автор полемического трактата использовал сочинения Иоанна Златоуста – “О твории Божии и о концине смертней и о покаянии” (из Синаксаря в субботу мясопустную), хотя приводимое им сопоставление текстов не доказывает безусловную текстуальную зависимость одного памятника от другого (так, в Слове Златоуста отсутствует важное для автора “Списания” определение запретного дерева как “дерева разумного”)⁷⁰.

После этого Стефан приводит слова Христа, устанавливающие таинство ехаристии⁷¹ (Ин., 6. 53–54), сопоставляет “дерево разумное” (библейское дерево познания добра и зла) и некое “списание книжное” стригольника Карпа. Параллели этому тексту находятся в “Притче о человечестей душе и о телеси” Кирилла Туровского (вторая половина XII в.)⁷². По всей видимости, сочинение Кирилла,

⁶⁷ Источники. С. 243.

⁶⁸ Там же. С. 241.

⁶⁹ Там же. С. 236–237.

⁷⁰ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 65; *Он же*. Стригольники: Обзор источников. С. 164. Следует отметить, что данный фрагмент, как и все “Списание” в целом, имеет некоторое количество тематических и текстуальных параллелей с направленным против византийских арсенитов “Поучением [о том], необходимо избегать отделяющихся от православных христиан, ревностно посещать храмы Божии, повиноваться епископам и почитать служителей Господа” св. митр. Филадельфийского Феолипта конца XIII – начала XIV в. (см.: *Пржегорлинский А., свяц.* Византийская Церковь на рубеже XIII–XIV вв.: Деятельность и наследие св. Феолипта, митрополита Филадельфийского. СПб., 2011. Приложение 1. С. 190–197; особенно С. 192–193). Стефан Пермский владел греческим языком и всегда имел с собой книги на греческом (Святитель Стефан Пермский. С. 62, 64), поэтому это произведение, написанное против носителей радикального “ревнительского” мировоззрения, близкого стригольническому, могло быть ему знакомо в оригинале.

⁷¹ Источники. С. 237.

⁷² Впервые на это было обращено внимание в статье: *Печников М. В.* Доктрина стригольников: опыт реконструкции // *Russia mediaevalis*. Tomus X, 1. München, 2001. С. 117. Кирилл следующим образом определяет “дерево разумное” и “дерево животное” (дерево жизни): “Дерево бо разумения добра и зла –

использовавшего аллегорический метод экзегезы, было ему знакомо⁷³. Однако уподобление “древа животного” причастию принадлежит уже самому пермскому епископу.

Далее пермский епископ пересказывает историю о лжесвященниках Корее, Дафане и Авироне, которым уподобляются стригольники (Числа, 16. 1–35); говорит об установлении новозаветного священства возложением Христом рук на апостолов и апостолами – на своих учеников (Лк., 24. 50; Деяния, 13. 2–3), приводит ссылку на 1-е правило св. апостолов, посвященное поставлению епископов; приводит слова ап. Павла из послания коринфянам (1 Кор., 11. 28–29); говорит об умывании ног апостолам, в том числе Иуде (Ин., 13. 2–12); приводит другую цитату из Павла, на этот раз не упоминая апостола (Рим., 14. 4)⁷⁴. Остальные новозаветные фрагменты, встречающиеся (в пересказе или в виде точной цитаты) в данной части “Списания” (в том порядке, в котором они встречаются в тексте): Гал., 1. 8; 1 Кор., 9. 13, 77⁵; Мф., 9. 9–13; 1 Ин., 1; 8; Ин., 10. 1; 6. 54; Лк., 19–20; Ин., 6. 56; Лк., 19. 1–6; Ин., 4. 5–8, 12. 6; Деян., 4. 34–37; 5. 1–10; Мф., 11. 19; Мф., 23. 2–3; 1 Петр. 5. 5; Тит., 3. 1; 1 Тим., 5. 17; Евр., 13. 17; Мф., 7. 3, 5; Лк., 6. 41–42; 1 Кор., 11. 31; Евр., 7. 1–7; Ин., 13. 35; Мф., 5. 16; Мф., 6. 16–18; Мф., 6. 5–6; Мф., 10. 26; Евр. 8:11 (слова апостола Павла о всеобщем учительстве, на которые ссылались стригольники); Мф., 10. 9–10 (ср.: Мк., 6. 8; Лк., 22. 35–36).

Кроме того, приводится цитата из 5-го правила Гангрского поместного собора: «Не бойтесь в Манакануне писаного: “Всяк, иже учит приобидене быти церкви Божии, да будет проклят”»⁷⁶. Эта фраза не совпадает буквально с текстом Мазуринской

ест разумны грех и волное богоугодья делатель. Пишьть бо ся: горе в разуме (т.е. сознательно. – *М. П.*) согрешающим!... Ничто же бо Богови тако любо, яко же не возносится в санех, ничто же тако не мерзит Ему, якоже самонимая величава гордость о взятии сана не о Бозе...” (*Еремин И. Е.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Л., 1956. Т. 12. С. 343–344). Этого древа вкусил Каин, который, по аллегорическому толкованию Кирилла, дерзнул на священнический чин своего брата, и другие ветхозаветные персонажи, не имевшие права на священство (в том числе Корей, Дафан и Авирон, которых упоминает далее и Стефан). Наконец, “того древа вкусиша еретицы, иже злохитрѣмь аки вѣдуще душевный путь заблудиша, и не примисше покаяния погибоша” (Там же. С. 344). Таким образом, вкусить от этого древа, по Кириллу Туровскому, значит из гордыни покуситься на священнические полномочия. Напротив, древо жизни является источником смирения. “Что есть древо животное? – Смирненномудрие, емуже корень исповеданье...” (Там же).

⁷³ Как отметил А. И. Алексеев, более полно “Притча” Кирилла Туровского используется в “Послании Антония”, что, по мнению исследователя, свидетельствует о первичности этой редакции, в то время как в “Списании” начальная часть была сокращена и переделана “путем изъятия всей вводной части Поучения Антония с цитатами из Кирилла Туровского, определявшими логику последующего изложения. Неизвестный редактор на место вводной части поместил риторические фразы и цитату из Слова Иоанна Златоуста” (*Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси. С. 64–65, 70; *Он же.* Стригольники: Обзор источников. С. 163–164, 169). На наш взгляд, напротив, в отличие от “Списания”, где мотивы “Притчи” использованы довольно деликатно в самом начале текста и служат для развития мысли о евхаристической сущности христианства, вставка фрагментов “Притчи” в “Послание Антония” грубо вторгается в повествование: «Аще бо ся не будет о вас съкрушенным сердцем и смиренным, но пребудете даже и до конца несмирени в первом непокорстве вашем и жесточестве, и никто же от нас разрешит вас, еже на вас възглашено отлучение. И аще кто, възма речь на прозвитеры, раскол учинит кто от крестьян, проклят да будет, [далее из “Притчи”]. – *М. П.*] преже угововах тебе жилище Едем, а не рай. Рай бо место свято есть, якоже церкви олтарь...” (РФА. 2008. № 118. С. 391).

⁷⁴ Источники. С. 238.

⁷⁵ Слова “Достоин есть делатель мзды своя”, включенные в публикации Я. С. Лурье в состав цитаты из ап. Павла, на самом деле являются евангельскими словами (Лк., 10. 7).

⁷⁶ Источники. С. 240–241. А. И. Алексеев полагает, что в данном случае автор первоначальной редакции памятника использовал распространенное в русской книжности XIV–XVI вв. апокрифическое

кормчей, связываемой по происхождению с пермской епархией (“Аще кто учит дом Божии, рекше церковь, преобидети и не радити о неи, ни събиратися въ время молитве на пение, жа будет проклят”⁷⁷). Скорее всего, Стефан Пермский цитировал правило по памяти. Другая (на этот раз скрытая) цитата из Кормчей приводится чуть ниже: “Что ся твориши главою, нога сы? Овца будя, пастухом творишися?”⁷⁸ Здесь Стефан приводит фрагмент из толкования Аристина на 64-е правило Трулльского (Пято-шестого) собора: “Всяк убо должен есть свой чин ведати, и не творити себе пастыря овца сыи, и глава да не мнится, нога сыи, но повиноватися преданному от Бога чину, и уши свои отверзати на послушание приемлющих благодать учительскаго словесе. Не вси бо пророци и не вси апостоли, сего ради мирстии человеци да не учать, ни словес заповедех да не подвизают, тем сан учительский к себе привлекающе”⁷⁹. Далее Стефан ссылается на св. Григория Богослова: “Овцы, не пасите пастухов”⁸⁰. Вероятно, имеются в виду “слова” Григория Богослова (сборник XIII слов этого отца церкви известен в Древней Руси с XI в.), а именно, содержание “слова 5-го”, “в сем же съказывает, чьто есть заповедь священства, и какому есть лепо быти епископу”: “Не мьнех тьчно суще, ни ныне мню пастве стареишиньствовати или стаду, им за душами чловеками стояти. Онъде постижьну быти, якоже и мьного и тучно явити стадо и паству, и сему съмотря и стадник и пастух съглядаеть места благовъгодьнаа и пажитьнаа”⁸¹.

Вторая условно выделяемая часть “Списания” (нач.: “Еще же и сию ересь прилагаете, стригольницы...”⁸²) посвящена установлению стригольниками вместо таинства исповеди покаяния земле, а также непризнанию ими действительности молитв за умерших и вкладов по душе. Приводимая в начале этой части цитата (“Исповедайте грехи своя...”)⁸³ принадлежит не Христу, как говорит Стефан (это может свидетельствовать в пользу того мнения, что автор “Списания” библейские цитаты приводит по памяти), а содержится в послании апостола Иакова (Иак., 5.16). Оттуда же – слова “и молитву творите друг за друга”, приводимые Стефаном в конце рассматриваемой части. Характеристика, данная Стефаном стригольникам – “сюз неправедны” – очевидно, восходит к Деян., 8. 23.

“Во апостольских бо правилех писано есть: творити память по умерших”⁸³ – указанная фраза в правилах свв. апостолов отсутствует. Однако, как обнаружил А. И. Алексеев, повеление творить третины и девятины по усопшим имеется в апокрифических правилах св. Павла, а именно, в правиле 18-м, содержащимся в Новгородской Синодальной кормчей (ГИМ. Син. 132. Л. 56)⁸⁴. А. И. Алексееву удалось

165-е правило 5-го вселенского собора (Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 68; *Он же*. Стригольники: Обзор источников. С. 167; ср.: РИБ. Т. 6. № 15. Стб. 145–146).

⁷⁷ Мазуринская кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XV вв.: Исследование, тексты. М., 2002. С. 180.

⁷⁸ Источники. С. 241.

⁷⁹ Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912. Л. 198–198 об. См. также.: Мазуринская кормчая. С. 308; Правила святых вселенских соборов с толкованиями. М., 1877. С. 492. Ср. в 6-м “слове” Григория Богослова: “Яко не еже руце ока приобидети, ни оку руки, якоже еще на нозе глава да не встанеть, ни главы да не осуждаете ся нозе; не паче вреждающе или вреждаема, почьстно сы бе стареишиньством” (Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи императорской публичной библиотеки XI века. СПб., 1875. С. 179).

⁸⁰ Источники. С. 241.

⁸¹ Будилович А. XIII слов Григория Богослова. С. 126.

⁸² Источники. С. 241.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 194.

установить и источник цитаты из Иоанна Златоуста (“аще еси в животе несть милостыни, поне по смерти дай, а отпусти раба своего на свободу” и пр.⁸⁵) – это одно из Слов этого отца церкви, читающееся в Синаксаре в субботу мясопустную⁸⁶.

Со ссылкой на “книги Григорья папы Римскаго” пересказывается сюжет из четвертой книги “Диалогов о житии и чудесах италийских отцов и о вечной жизни души” папы Григория I Великого (так называемый “Римский патерик”)⁸⁷, полный перевод которых на старославянский язык появился в Болгарии в середине XIV в.⁸⁸. Сюжет рассказа, приводимого со ссылкой на Пролог, также заимствован из “Римского патерика”⁸⁹. Тут же приводится краткий пересказ входящего в состав Киево-Печерского патерика “Слова об Онисифоре” епископа Симона Владимирского (первая половина 20-х гг. XIII в.)⁹⁰.

Наконец, третья, заключительная часть “Списания” посвящена обличению лицемерия (“фарисейства”) стригольников и рекомендациям мер отношения к ним со стороны оставшихся верными церкви христиан. Источники приводимых здесь цитат исключительно библейские, в основном новозаветные; в порядке их приведения: Мф., 7. 15–16; Мф., 23. 15; Ис., 8. 14; 28. 16 (ср.: 1 Петр., 2. 7–8; Рим., 9. 33); 2 Кор., 11. 13, 14; Мф., 7. 1–2; 1 Кор., 5. 13; Гал., 5.9 (ср.: 1 Кор., 5. 6); Мф., 16. 6 (см. также: Мк., 8. 15; Лк., 12. 1).

Итак, попытка определения письменных источников трактата Стефана позволяет сделать вывод об абсолютном преобладании среди них текстов Нового Завета. В связи с этим довольно любопытным фактом представляется несоответствие заголовка произведения и его фактического содержания. Перед нами полемическое сочинение не столько “от правила святых апостол и святых отец”, то есть Кормчей книги, сколько на основе текстов Священного Писания, главным образом Нового Завета. Ссылок на каноны только четыре. И это неудивительно. Вести со стригольниками полемику о достоинстве духовенства, используя главным образом церковные каноны было крайне затруднительно, ибо буквальное, в духе акривии, понимание соответствующих правил, без учета сложившейся за столетия церковной практики, могло только подкрепить стригольническую позицию об отлучении от церкви поставляющих и поставляемых “по мзде”, а также находящихся с ними в церковном общении⁹¹. По всей видимости, в заголовке первой редакции отражен не столько конечный результат труда пермского епископа, сколько сам факт исполнения заказа на его написание, полученного от архиепископа Алексием (“дал владыце наугородцкому...”), и первоначальная форма этого заказа (обличение от церковных правил). Но в ходе работы над сочинением Стефан

⁸⁵ Источники. С. 241.

⁸⁶ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 68, 195; *Он же*. Стригольники: Обзор источников. С. 167; Ср.: *Иоанн Златоуст*. Творения. СПб., 1902. Т. 8. Кн. 2. С. 583–584 (Беседа LXXXV на Евангелие от Иоанна).

⁸⁷ См.: *Пономарев А. И.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1898. Вып. 4. Ч. 2. С. 170–171 (в Прологе под 29 января); Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе. М., 2001. С. 481–483; ГИМ, Синод. № 265. Л. 453–455.

⁸⁸ *Николаев Н. И.* Патерик Римский // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 314–315.

⁸⁹ Патерик Римский. С. 483–487; ГИМ, Синод. № 265. Л. 452 об.–453 об.

⁹⁰ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 22–23. К сожалению, пересказ настолько сокращен, что установить редакцию, которой воспользовался автор “Списания”, не представляется возможным.

⁹¹ См.: *Печников М. В.* Доктрина стригольников. С. 108–114.

был вынужден изменить его первичный замысел. При этом несомненно, что пермский епископ был хорошо знаком с церковным правом. Его последний приезд в Москву в 1396 г., в частности, был посвящен вопросу “о законоправилех”⁹², то есть церковных канонах. Е. В. Белякова гипотетически связывает со Стефаном протограф одного из списков Кормчей Мазуринской редакции (ГИМ. Собр. А. С. Уварова, № 81/557), который происходит из пермской епархии (это та самая рукопись, в которой сохранилась пермская азбука) и наиболее близок к южнославянскому оригиналу⁹³. Мазуринская редакция характеризуется, в частности, тем, что в ней приводятся все 19 правил Гангрского собора, направленного против еретиков-мессалиан, под которыми в средние века понимали богомилов, беспокоивших балканские церкви⁹⁴. Как отмечалось выше, 5-е правило именно этого собора цитирует Стефан в своем трактате.

Следует отметить неоднократное использование автором “Списания” устных источников. Во-первых, он приводит или пересказывает высказывания самих стригольников:

1) «Или речеши: “Недостойни суть, духопродавци суть”?»⁹⁵

2) «Аще глаголите: “Недостойн есть патриарх, недостойни суть митрополити”»⁹⁶.

3) «Глаголють бо стригольницы о нынешних святителех и о попех: “Не достойны де их службы, яко (не⁹⁷) нестяжаша, но имения взимають у хрестьян, подаваемое им приношение за живыя и за мертвыя”»⁹⁸.

4) «А вы, стригольницы, тако глаголете: “Сии учителя пьяницы суть, ядят и пьют с пьяницами, и взимають от них злато и сребро и порты, от живых и от мертвых”»⁹⁹.

5) “Вы же, стригольницы, глаголете, оже Павел и простому человеку повеле учити”¹⁰⁰.

6) «Аще ли речете: “Се многи собирают имения”»¹⁰¹.

7) «[диакон Карп] почал людем глаголати: “Не достоин де над мрътвыми пети, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносити к церкви, ни пиров творити, ни милостыни давати за душу умершаго”»¹⁰².

Еще одним важным свидетельством о стригольниках, сохранившемся в “Списании”, являются слова сочувствовавших им горожан: «О стригольницах же неции безумнии глаголють: “Сии не грабят, имения ни збирають”»¹⁰³.

⁹² Святитель Стефан Пермский. С. 204.

⁹³ См.: Белякова Е. В. Мазуринская редакция Кормчей – памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1998. С. 12–13; Она же. Мазуринская редакция как памятник права и культуры на Руси // Мазуринская кормчая. С. 57–58.

⁹⁴ Белякова Е. В. Мазуринская редакция Кормчей. С. 12; см. также: Белякова Е. В. Тексты Мазуринской редакции и их происхождение // Мазуринская кормчая. С. 40, 54.

⁹⁵ Источники. С. 238.

⁹⁶ Там же. С. 239.

⁹⁷ Вставлено по смыслу; во всех рукописях “не” отсутствует (очевидно, вследствие гаплографической ошибки на раннем этапе бытования текста). Учитывая многочисленные описки в тексте “Списания” в Синод. 700, возможно, первоначальный текст читался так: “Недостойны де их службы, яко стяжаша имения, взимають у хрестьян подаваемое им приношение за живыя и за мертвыя”.

⁹⁸ Источники. С. 239–240.

⁹⁹ Там же. С. 240.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 241.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ ГИМ, Синод. № 700. Л. 295 об. В публикации Я. С. Лурье ошибочно: “и имения не збирають” (Источники. С. 242).

Довольно любопытным фактом представляется наличие в “Списании” прямых обращений к стригольникам (“Смотрите же, стригольницы, но паче же еретицы...” и т. п.¹⁰⁴). Это доказывает, что “Списание” предназначено было для активной полемики с отделившимися от церкви носителями стригольнического мировоззрения. Для XVI в., к которому А. И. Алексеев относит возникновение данной редакции, это было уже не актуально, поскольку стригольников с их специфическими взглядами давно не существовало.

Следует заметить также, что “Списание” во многом носит ретроспективный характер. В нем четырежды упоминается Карп, казненный в Новгороде вместе с двумя своими единомышленниками более чем за десять лет до предполагаемой нами даты написания трактата (в 1375/76 г.¹⁰⁵), причем дважды пермский епископ пишет о нем в настоящем времени как о *действующем* вожде стригольников (собственно “стригольнике”)¹⁰⁶:

1) “*Ныне же* от службы отлучена, от церкви изгнана стригольника въздвиже на правоверъную веру и оклеветал весь вселеньский събор, патриархов и митрополитов, и епископов, и игуменов, и попов, и весь чин священнический, яко не по достоянию поставляеми, и такою виною прельщаа худоумыа, *отлучает* от причащения святых пречистых и животворящих Христовых таин”¹⁰⁷.

2) “Стригольник же противно Христу *повелевает*... от причащения удалятися”¹⁰⁸.

В то же время один фрагмент прямо свидетельствует, что автор “Списания”, без сомнения, знал о смерти Карпа: “*еще в животе своем* уразумел то, оже тело его не будеть погребено со псалмы и песньми, якоже и всякого хрестьянина”¹⁰⁹.

Исходя их отмеченных особенностей текста, можно предположить, что Стефан или использовал некое полемическое произведение, составленное при жизни основателя стригольнического движения, или же воспользовался хранившимися при новгородской владычной кафедре материалами суда над Карпом и его последователями. Таким образом, история происхождения текста “Списания” представляется более сложной, чем казалось раньше, и не сводится к проблеме установления первичности той или иной редакции.

---

¹⁰⁴ Источники. С. 238.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 449; Т. 4. Ч. 1. С. 305.

¹⁰⁶ О том, что под “стригольником” имеется в виду основатель движения Карп, свидетельствуют его характеристики в других местах “Списания”: “Последи же всех злая ересь прозябе от Карпа дьякона...” (Источники. С. 236); “сю бо злую сеть дьявол положил Карпом стригольником, что не велел исповедатися к попом, дабы от попов честь ерейскую отнял, еже им Христос дал вязати и разрешати грехи. Сам бо стригольник связан бысть и отлучен от церкви, своей делея ереси, то и иных в ту в неисповеданную ересь введе” (Там же. С. 241).

¹⁰⁷ Там же. С. 237 (Курсив наш. – М. П.).

¹⁰⁸ Там же. С. 237–238 (Курсив наш. – М. П.).

¹⁰⁹ Там же. С. 241 (Курсив наш. – М. П.).

А. В. Кузьмин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ГЕНЕАЛОГИЯ СТАРОМОСКОВСКИХ БОЯРСКИХ ФАМИЛИЙ: ЛЫКОВЫХ, ЗЛОБИНЫХ, ЗАМЯТНИНЫХ, ОВЦЫНЫХ И ИХ ОДНОРОДЦЕВ В XIV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКА (Часть 2: ЛЫКОВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV – СЕРЕДИНЫ XV В.)*

В хорошо известном современной историографии круге старомосковских военно-служилых фамилий по частоте упоминаний в источниках выделяются представители семьи, ближайшие родственники и потомки боярина Владимира Даниловича Красного Снабди. Тем не менее, несмотря на благоприятную ситуацию с отражением в источниках их деятельности в конце XIV–XV вв., генеалогия и история социальной мобильности представителей рода Владимира Даниловича Красного Снабди до сих пор слабо изучены и проанализированы. Несомненно, этот казус затрудняет исследование истории формирования и персонального состава “Государева Двора” великих князей владимирских и московских в первые десятилетия его существования. Преодолению этой ситуации в историографии посвящено настоящее исследование.

§ ЛЫКОВЫ. В архиве Махрищского Троицкого монастыря интерес представляют два акта, которые относятся к 1433 – до 6 июня 1434 г. Они свидетельствуют о тесных контактах в первой трети XV в. между этой духовной корпорацией и представителями старомосковского служилого рода Лыковых. Первый из актов отмечает вклад в обитель великокняжеского боярина Александра Владимировича Лыкова по душе своего умершего сына Василия. А. В. Лыков пожаловал Махрищскому монастырю свою старую переяславскую куплю – вотчинное село Зеленцино (ныне село в Александровском р-не Владимирской обл.).

В 1433 г. вместе с этим владением в руки властей духовной корпорации переходило несколько деревень, пустошей и лугов, “што исстари потагло по кѣпчее, по грѣшной д(у)ши своеи и по своем родѣ”¹. Все они располагались в бассейне р. Серая. Отданная А. В. Лыковым вотчина находилась по соседству с митрополичьей Романовской волостью, земли которой располагались по обеим берегам рек Малый Киржач и Печкура в южной части Переяславского уезда². Для властей Махрищской обители село Зеленцино было весьма ценным и крупным владением.

* Начало см.: АЕ за 2013 год. М., 2019. С. 32–45.

¹ АСЭИ. М., 1952. Т. 1 / Сост. С. Б. Веселовский; отв. ред. Б. Д. Греков. № 110. С. 88–89, 600 (с датой – ок. 1433–1434) [Подлинник]. О неточностях в издании этого акта в двух дореволюционных публикациях подробнее, например, см.: *Лихачев Н. П.* По поводу Трудов Ярославской губернской архивной комиссии. СПб., 1893. С. 8.

² *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 1: Частное землевладение. С. 162; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. СПб., 2019. С. 29–30, 70, 136, 140–141, 255; и др.

Анализ информации сохранившихся актов XV в. показывает, что село Зеленцино существовало, по крайней мере, за 10 лет до нашествия на города Московского и Владимирского великих княжений войск известного ордынского темника Едигея (конец ноября 1408 г. – январь 1409 г.), т.е. уже к 1398 г.³ Это одно из старинных владений семьи Лыковых за пределами Московской земли, уникальные сведения о котором сохранились в письменных источниках.

Результаты археологических разведок помогают значительно удревнить время основания Зеленцино. Это древнерусское поселение было основано еще в XI в. По крайней мере, в первые годы XVII в. до событий Смутного времени оно находилось на правом берегу р. Дериножка (левый приток р. Серая). По наблюдениям исследователей, Зеленцино “протянулось вдоль берега, размеры ок. 90 x 30 м, выс[ота] над заболоченной поймой 3–4 м”. Культурный слой на поселении составлял 0,3–0,5 м. В нем встречалась “керамика гончарная древнерусская, преимущественно 12–13 вв., а также позднесредневековая, в т.ч. красноглиняная 14–15 вв.”.

Рядом с селом Зеленцино расположено два крупных курганных могильника. Они были оставлены древнерусским населением, жившим в домонгольское время. Курганные группы имели соответственно 32 и 132 насыпи⁴. Учитывая этот факт, становится понятно, что основание в этом месте села Зеленцино не было случайным, а отражало процесс длительного хозяйственного освоения его окрестностей.

Принимая во внимание традиционные для середины XIII – начала XV в. маршруты движения монгольских и ордынских ратей через города Владимир и Юрьев-Польской на р. Колокше к Переяславлю-Залесскому (с юга на север к истокам р. Клязьма), можно думать, что Зеленцино могло входить в число тех безымянных сел, которые по данным летописей Северо-Восточной Руси неоднократно разорялись захватчиками в 1238, 1252, 1281, 1282, 1293, 1382 и 1408–1409 гг., а литовско-русскими войсками – в 1372 г.⁵

До 6 июня 1434 г. Махрицкий Троицкий монастырь и его игумен Феогност получили от московского великого князя Юрия Дмитриевича жалованную и несудимую грамоту, подтверждавшую права духовной корпорации на вклад, полученный ей от боярина А. В. Лыкова⁶.

³ Лихачев Н. П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. СПб., 1900. С. 15. Примеч. 3; Шумаков С. [А.] Обзор “Грамот Коллегии экономии”. М., 1917. Вып. 4: Кострома “с товарищи” и Переславль-Залесский. № 1242. 8937. С. 442–443; Веселовский С. Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. // Известия ГАИМК. М.; Л., 1936. С. 29 [Первоначально исследователь неточно датировал акт ок. 1435 г.]; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 37; Он же. Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. С. 38; и др.

⁴ Археологическая карта России: Владимирская область / Сост.: М. П. Зимица, Ю. А. Краснов, А. Е. Леонтьев, Л. А. Михайлов, Н. Г. Самойлович, М. В. Седова; отв. ред. Ю. А. Краснов. М., 1995. С. 65–66. № 15–17 (17–19).

⁵ Подробнее об этом, например, см.: Присёлков М. Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). М.; Л., 1950; 2-е изд. СПб., 2002. С. 316, 324, 339, 345–346, 394, 424; ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Вып. 2–3. Стб. 464. Л. 162, Стб. 473. Л. 166, Стб. 483. Л. 171, Стб. 518. Л. 242–242 об., Стб. 525. Л. 248 об., Стб. 527. Л. 249 об., Стб. 534–535. Л. 256, Стб. 537. Л. 258, Стб. 538. Л. 259 об.; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 217. Л. 138, С. 244. Л. 158 об., С. 248. Л. 161 об., С. 297. Л. 200, С. 337. Л. 230 об., С. 406. Л. 270 об.; М., 2000. Т. 15. Вып. 1. Стб. 99. Л. 308–308 об., Стб. 145–146. Л. 338, Стб. 183. Л. 361 об.; М., 2004. Т. 25. С. 128. Л. 159, С. 142. Л. 178 об., С. 153. Л. 195, С. 154. Л. 196 об., С. 157. Л. 201 об., С. 187–188. Л. 254, С. 209–210. Л. 291–291 об., С. 238. Л. 333; и др.

⁶ АСЭИ. Т. 1. № 112. С. 90 [Подлинник].

В XVII в. в сохранившейся вкладной книге Махрицкой обители отмечалось, что “понахиду и обедню” за вклад А. В. Лыкова здесь должен был “служити игумень с соборомъ, апреля 27 день, на братию кормь болшой”⁷.

По сведениям других актов, полученных Махрицким Троицким монастырем от своих вкладчиков до февраля 1471 г., наряду с переяславским селом Негловским (“Неглово”; иногда ошибочно – “Неелово”), в XV в. Зеленцино было одной из двух самых крупных вотчин этой обители⁸.

По-видимому, первоначально село Неглово, расположенное рядом с Нееловым и соответственно к юго-западу от села Зеленцино и западу от сельца Юрцово, могло принадлежать Никите Неелову. В мае – начале июня 1406 г. он был послом владимирского, московского и новгородского великого князя Василия I Дмитриевича в Пскове, когда его власти вели оборонительную войну против войск Великого княжества Литовского⁹. По-видимому, сыном Никиты мог быть Семен Неелов. 7 июля 1445 г. он погиб под Суздалем в неудачной битве русских князей под командованием великого князя Василия II Васильевича против ордынцев. Для вечного поминания имя Семена Неелова было внесено в синодик Успенского собора Московского Кремля и других соборных церквей русских епархий по соседству с записями о представителях рода Лыковых¹⁰.

Географическая близость села Зеленцино и сельца Юрцово, тянувших административно к Марининой Великой слободе, входившей в состав Борисоглебского стана Переяславского уезда¹¹, не исключает вероятности того, что ранее обе этих монастырских вотчины могли входить в состав владений одной семьи или двух, но связанных между собой определенной степенью родства. Ведь на Руси ранние земельные переделы нередко происходили среди лиц, имевших право родового выкупа¹². Если это так, то происхождение Лыковых и их однородцев от одного из братьев Юрцовских вполне вероятно.

Глухая ссылка на купчую грамоту в акте 1433 г., к сожалению, не дает возможности понять, кто был инициатором ее составления и продавцом села Зеленцино. Ясно лишь, что им не мог быть боярин А. В. Лыков. В отводной грамоте лишь скупо подчеркивалось, что это владение было его куплей. При этом не отмечалось,

⁷ ОР РГБ. Ф. 711. Собрание А. П. Гранкова. № 31. Л. 29; *Леонид (Кавелин), архим.* Махрицкий монастырь. Синодик и вкладная книга // ЧОИДР. 1878 г. М., 1878. Кн. 3. С. 8. По мнению некоторых исследователей, появление вкладных книг было связано с реализацией 75-й главы Стоглавого Собора 1551 г. Подробнее об этом, например, см.: *Кузьмин А. В., Стрельников С. В.* Вкладные книги // ПЭ. М., 2004. Т. 8: Вероучение – Владимиро-Волынская епархия / Под ред. патр. Алексия II. С. 613–617.

⁸ Подробнее о нем, например, см.: *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 93, 102, 104–105; *Он же.* Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. С. 121, 130, 142.

⁹ ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 28. Л. 37. В Тихановском списке Псковской I летописи отмечено, что тогда “бъша послы во градѣ Псковѣ от князя великаго с Москвы *боляринъ Никита Неелова*” (курсив наш. – А. К.); М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 32. Л. 181 об., С. 112. Л. 48 об.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 588. Собрание М. П. Погодина. № 1596. Л. 168 об.; ОР РГБ. Ф. 344. Собрание П. П. Шибанова. № 99. Л. 58 об.; Синодик [Успенский] // ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 458, 459; *Конев С. В.* Синодикология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. Вып. 6. С. 103. Л. 58 об.; и др.

¹¹ *Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России. XII – начало XX в.: Сборник статей к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1975. С. 60. Примеч. 36.

¹² *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 18–19.

что одним из инициаторов данной сделки был именно А. В. Лыков. Учитывая более поздние во второй половине XV в. припоминания старожильцев, вполне возможно, что ранее покупателем села Зеленцино мог быть отец боярина или даже кто-то из числа его близких родственников.

Основание так думать дают следующие факты.

В писцовых актах 50-х гг. XVI в. к востоку от сельца Юрцово и юго-востоку от села Зеленцино рядом с истоком р. Ронки левого притока р. Кубря (левый приток р. Нерль Волжская) упоминается сельцо Володимерово. К северо-западу от него находилось сельцо Василищево (Васильцево) Ездаково, одна половина которого была вотчиной московского дворянина Ивана Злобина, а другая находилась в поместье за потомками новгородских послужильцев Базаровых¹³. В это время оба этих земельных владения числились в составе Енотской волости Новосельского стана Переяславского уезда¹⁴. Близость владений Лыковых и их однородцев Злобиных, находившихся в тесном соседстве с сельцом Володимерово, дает основание полагать, что в начале XV в. весь этот земельный комплекс мог принадлежать одному из общих предков Лыковых, Злобиных и Владимировых (“Володимеровых”).

Поэтому происхождение, генеалогию и персональный состав первых поколений представителей старомосковского боярского рода Лыковых следует рассмотреть подробнее.

В архиве Махрищской Троицкой обители купчая грамота предков Лыковых на село Зеленцино, как и ранняя монастырская грамота на владение сельцом Юрцово, увы, не сохранились. Можно лишь предполагать, что во второй половине XIV в. или на рубеже XIV–XV вв. ближайшие потомки или наследники Юрцовских, упоминаемых позднее в Житии преподобного Стефана Махрищского, сумели каким-то образом примириться с соседством монашеской братии. На этот вывод указывает отсутствие в письменных источниках сведений о новых конфликтах между властями Махрищской обители и Юрцовскими, а также тот факт, что расположенное к северу от этого монастыря сельцо Юрцово в итоге оказалось в его собственности.

Если верить тексту родословной росписи Овцыных, то большой по составу и происходящих от него фамилий старомосковский боярский род происходит от Даниила Васильевича¹⁵. В этом упоминаемом росписью человеке предположительно можно увидеть сына Василия Юрцовского. Однакостораживает тот факт, что в середине – третьей четверти XIV в. в Москве ни великокняжеского боярина, ни такого видного слуги как Даниил Васильевич не было. По крайней мере, если не принимать в расчет версию Овцыных середины XVI в., то оказывается, что известные нам письменные источники на службе в Москве ни одного Даниила Васильевича совершенно не знают.

---

¹³ Подробнее о них, например, см.: *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 152–153, 181, 220; *Он же.* Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. С. 185–186, 187, 217, 257, 285–287. Рис. 3, С. 307, 463. Иван Злобин – сын окольного Степана Ивановича Злобина. Во второй половине XVI в. связь с Переяславским уездом также поддерживали некоторые его однородцы. Так, например, в 1590/91 г. московский сын боярский Федор Прокофьев сын Лыков подписался в одной из заемных кабал за местную вотчинницу Д. И. Лопатину-Баскакову (*Шумаков С. [А.]* Обзор “Грамот Коллегии экономии”. Вып. 4. № 966. С. 324).

¹⁴ *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. С. 185–186, 199, 217, 285, 305.

¹⁵ Об этом, например, см.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание графа Н. П. Румянцева). № 349. Л. 263; и др.

Между тем, следует обратить внимание на отдельный помянник, текст которого отражает ближний круг служилых лиц первых Калитовичей, а также погибших из их числа во время Первой Литовщины (1368 г.), битвы на р. Воже (1378 г.), Куликовской битвы (1380 г.) и т.д. Этот источник сохранился в составе соборных синодиков Московской митрополии. “Вѣчная память” в нем произносилась ряду видных великокняжеских бояр¹⁶. Среди них поминали не Даниила Васильевича, а Даниила Ивановича¹⁷. В известных ныне росписях среди военно-служилых людей, потомков старомосковских боярских родов, неизвестен человек с таким именем и отчеством, который в середине – третьей четверти XIV в. служил бы Калитовичам. Поэтому возникает логичный вопрос, не мог ли в Северо-Восточной Руси этот Даниил Иванович быть сыном Ивана Юрцовского и стать предком большого и разветвленного боярского рода?

Если первая часть вопроса пока остается в поле гипотезы, то о второй можно судить более предметно. Со второй половины XVI в. в разных вариантах росписи Овцыных отмечалось, что боярский род, из которого они происходили, изначально якобы разделился на две линии. Старшая из них пошла от Василия, предка Овцыных, а младшая – от Ивана, предка Злобиных и Замятниных¹⁸. В XVII в. в списках редакции родословных книг в 81 главу появилась вставка о том, что от Ивана “пошел род Злобиных, да Замятниных, да *Лыковых* (курсив наш. – А. К.), а выехали из Орды к великому князю Дмитрею Ивановичю Донскому”¹⁹. Это важное свидетельство родословных источников дает основание предполагать, что первым достоверным представителем данного поколения рода мог быть не легендарный Даниил Васильевич, с помощью которого Овцыны отделяли себя от многочисленной родни, чтобы доказать свое мнимое старшинство над ними, а московский великокняжеский боярин Даниил Иванович.

В источниках конца XIV–XV вв. гораздо больше сведений сохранилось о представителях следующего поколения Овцыных, Лыковых и их однородцев. По-видимому, старшим сыном Даниила Ивановича был Константин Данилович. Свое имя он мог получить в честь ближайших предков. Боярин с таким именем и отчеством фигурировал в одной из отводных грамот последней четверти XIV в. Она была выдана землевладельцем Михаилом Константиновичем Дорожаевым на свою вотчину (“селцо Филипповское” с деревнями) архимандриту Иоакиму I († 1382) и братии Московского Чудова монастыря. Это земельное пожалование в пользу кремлевской духовной корпорации состоялось по “слову” владимирского, московского и новгородского великого князя Дмитрия Ивановича²⁰.

¹⁶ Важность этого источника при реконструкции состава московского великокняжеского боярства отмечал еще С. Б. Веселовский (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 27–29).

¹⁷ Синодик [Успенский]. С. 451; ОР РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописных книг. Ф.п. IV.1. Л. 27 об.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 263; Там же. Ф. 205. Собрание ОИДР. № 180. Л. 130 об.; Родословная книга [по трем спискам, с предисловием и азбучным указателем] // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. Отд. 2. С. 188–189; и др.

¹⁹ РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. № 173/278. Л. 356; ОР РГБ. Ф. 228. Собрание Д. В. Пискарева. № 182. Л. 163 об.; и др.

²⁰ Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI вв. из архива Московского Чудова монастыря // РД. М., 1997. Вып. 2: Архивные материалы по истории Москвы. С. 10. № 1 [Список 1620-х гг.].

Сельцо Филипповское (ныне село в Киржачском р-не Владимирской обл.) располагалось на правом берегу в среднем течении р. Серая (недалеко от места впадения в нее р. Мелёжа). По данным археологических исследований оно возникло в XIV в.²¹ Сельцо Филипповское, как и Зеленцино, также тянуло к Марининой Великой слободе в Переяславском уезде²².

По мнению публикаторов документа, А. В. Антонова и К. В. Баранова, переход сельца Филипповского в руки братии Чудова монастыря произошел между 12 февраля 1378 г. и 20 июля 1379 г. У М. К. Дорожаева здесь “на отводе были бояре Юрьи Васильевич да Костентин Данилович”. Исследователи видят во втором из присутствующих великокняжеских бояр К. Д. Бяконтова († 5.12.1437), погибшего в зимнем бою с ордынцами под Белёвым²³.

По нашему мнению, такое тождество лиц выглядит весьма сомнительным. Оно невозможно не только из-за разницы во времени, но и того факта, что Даниил Феофанович, отец К. Д. Бяконтова, до 1392 г. был боярином великих князей Дмитрия Донского и Василия I Дмитриевича²⁴. В конце 70-х – начале 90-х гг. XIV в. это обстоятельство в принципе исключает одновременное боярство в Москве Д. Ф. Бяконтова († 1392) и его детей (первый известный прецедент в столице всея Руси – это одновременное боярство князей И. Ю. Патрикеева и его сына В. И. Косого Патрикеева; оно относится к 1495–1499 гг.²⁵), но и по другой причине.

А. В. Антонов и К. В. Баранов совершенно напрасно оставили без внимания одно важное наблюдение С. Б. Веселовского. Между тем, исследователь заметил, что в сохранившихся источниках нет никаких достоверных сведений о том, что у московских великих князей сыновья Д. Ф. Бяконтова – Константин и Иван были боярами. При этом их высокий социальный статус под сомнение С. Б. Веселовским никогда не ставился. Достаточно напомнить, что в первой трети XV в. четвертая дочь влиятельного московского великокняжеского боярина Дмитрия Васильевича (потомка Гавриила Алексеевича) стала женой К. Д. Бяконтова²⁶. Игнорировать это важное наблюдение С. Б. Веселовского нельзя, ибо вслед за ним оно было подтверждено работами других исследователей²⁷.

Кроме того, возражение вызывает и датировка отводной грамоты, которую предлагают А. В. Антонов и К. В. Баранов.

По мнению исследователей, отводная грамота на сельцо Филипповское была составлена не при жизни, а уже после смерти киевского митрополита Алексия

²¹ Археологическая карта России: Владимирская область. № 284 (4). С. 148.

²² Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI вв. из архива Московского Чудова монастыря. С. 6, 7–8, 12–13. № 4, С. 14. № 6 [Списки 1620-х гг.].

²³ Там же. С. 10. № 1.

²⁴ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 2. С. 334, 426; Он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 239, 248–249, 252, 338; Кузьмин А. В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2015. Т. 2. С. 88–91.

²⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 31–34.

²⁶ Ср.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 70, 248. Примеч. 4, С. 252, 433.

²⁷ Например, см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 195; Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. № 13–8–3. С. 139; Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в допричинный период 1550–1565 гг. М.; СПб., 2016. С. 356.

(Бяконтова; † 12 II 1378). Согласно версии А. В. Антонова и К. В. Баранова, которая, правда, никак не вытекает из содержания текста источника, “великий князь, исполняя посмертное распоряжение митрополита Алексия, отобрал у М. К. Дорожаева его вотчину и передал ее в Чудов монастырь”. При этом “юридическая очистка села на этом не была завершена, и на его территории оставались некоторые мелкие вотчины, владельцы которых позднее затевали споры с монастырем, не признававшим их владельческих прав”²⁸. Фактически исследователи солидаризируются с мнением Л. В. Черепнина, который увидел в городчанах, упоминаемых в двух правых судных грамотах около 1416–1417 гг. и 12 ноября 1425 г., мелких “отчичей”, слуг Чудова монастыря²⁹. По нашему мнению, в данном случае, однако, в своих выводах скорее был прав Ю. Г. Алексеев, а не Л. В. Черепнин.

Анализируя переяславские акты, Ю. Г. Алексеев пришел к выводу, что городчанине – это “обыкновенные непривилегированные землевладельцы, т. е. крестьяне”³⁰. Этому наблюдению исследователя не противоречат два обстоятельства: во-первых, на суде никто из многочисленных городчан так и не смог подкрепить документально свое право на “деревни и луги Городецкий по старую дорогу к селу к Филиповскому” (что странно для служилых людей), хотя для них эти владения якобы были “наши купля и отчина”³¹; во-вторых, подчеркнем, что никто из городчан или их родителей не принимал участие в качестве свидетелей в последней четверти XIV в. в самой первой отводной грамоте на село Филипповское³².

Иное дело бояре Юрий Васильевич и Константин Данилович, чьи земельные интересы находились в Переяславском уезде. Неслучайно поэтому, что отвод был поручен великим князем Дмитрием Ивановичем именно этим двум авторитетным для местной территориальной общины служилым людям.

Когда же это произошло?

Представляется, что не следует предполагать, как это делают А. В. Антонов и К. В. Баранов, нежелание М. К. Дорожаева расстаться со своим вотчинным селом Филиповским. На самом деле, между опубликованной ими отводной и духовной грамотой киевского митрополита Алексия (Бяконтова) как раз нет никаких противоречий и большой разницы во времени. Сначала состоялся вклад и отвод М. К. Дорожаевым своей переяславской вотчины в пользу Чудова монастыря, а затем “село... Филиповское с деревнями и бортью” попало в руки архиерея, который в своем завещании приказал беречь эту обитель вместе со всеми ее владениями “своему сыну князю великому Дмитрию Ивановичю всея Руси”³³.

Итак, во второй половине XIV в. Чудов являлся не домовной обителью Русской митрополии, а частным владением киевского митрополита Алексия (Бяконтова). После своей смерти архиерей завещал ктиторовство над ним своему воспитаннику – правителю Московского великого княжения. Этот особый владельческий статус

²⁸ Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI вв. из архива Московского Чудова монастыря. С. 8.

²⁹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 209.

³⁰ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 97. Примеч. 2; *Он же*. Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. С. 115, 124–125. Примеч. 2.

³¹ АСЭИ. М., 1964. Т. 3 / Сост. И. А. Голубцов; отв. ред. Л. В. Черепнин. № 31–32. С. 53–56 [Подлинники].

³² Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI вв. из архива Московского Чудова монастыря. С. 10. № 1.

³³ АСЭИ. Т. 3. № 28. С. 50–51 [Подлинник].

Чудова монастыря сохранялся и позднее³⁴. Поэтому неудивительно, что документы этой духовной корпорации отсутствуют в копиях книг актов обитателей митрополичьего дома в Северо-Восточной Руси в XIV – начале XVII вв.³⁵

В связи со сделанными выше наблюдениями стоит заметить, что вывод А. В. Антонова и К. В. Баранова о связи переяславских владений Чудова монастыря с митрополичьей Романовской волостью, помимо их территориального соседства, следует также отвергнуть³⁶.

Помимо Константина Даниловича, еще одним сыном московского великокняжеского боярина Даниила Ивановича мог быть Владимир Данилович Красный Снабдя. Он фигурирует в родословной росписи Овцыных, в отличие от Константина Даниловича, начиная с рубежа XV–XVI вв. Наиболее ранняя редакция этого источника сохранилась в составе Синодального списка Типографской летописи³⁷. Родословные материалы, в состав которых здесь входит родословная Овцыных, были написаны на бумаге, водяные знаки которой датируются 30-ми гг. XVI в.³⁸

Судя по более поздним служебным назначениям, отмеченным в источниках, можно сделать вывод, что Владимир Красный Снабдя был младшим братом Константина Даниловича. По-видимому, Владимир Красный Снабдя вошел в состав великокняжеской думы в период завершения военно-служилой карьеры или уже после смерти своего старшего брата. В недавно составленном А. Л. Корзининым перечне лиц, служивших при дворе великих князей Дмитрия Донского и его сына Василия I Дмитриевича, Константин Данилович, к сожалению, был пропущен³⁹.

До осени 1395 г. (между второй половиной мая 1389 г. и до октября 1395 г.) Владимир Данилович стал боярином. По-видимому, это пожалование произошло в начале правления владимирского, новгородского и московского великого князя Василия I Дмитриевича. В это время, будучи старшим воеводой, Владимир Данилович находился в Нижнем Новгороде. Его младшими товарищами были Григорий Владимирович Холопищев (происходил из старшей линии многочисленного рода Ратшичей⁴⁰) и Иван Лихорь, представитель видного рода белозерских вотчинников⁴¹. В конце октября 1395 г. эти воеводы в течение трех дней руководили

³⁴ Давиденко Д. Г. Чудов монастырь в системе церковной и государственной власти в XIV – начале XVI в. // Московский Кремль XV ст.: Древние святыни и исторические памятники / Отв. ред.: С. А. Беляев, И. А. Вороникова. М., 2011. Т. 1. С. 47–61.

³⁵ Например, ср.: АФЗХ. М., 1951. Ч. 1 / Подгот. к печати Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин; М., 1961. Ч. 3 / Сост. Л. В. Черепнин.

³⁶ Ср.: Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI вв. из архива Московского Чудова монастыря. С. 7–9.

³⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 231. Л. 332.

³⁸ Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 24. С. VI.

³⁹ Ср.: Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период 1550–1565 гг. С. 350–355.

⁴⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 52; Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период 1550–1565 гг. С. 88, 91, 352, 355. Не обратив внимание на данные летописных и родословных источников, А. А. Зимин совершенно напрасно видел в Г. В. Холопищеве выходца из холопов, а не сына боярина В. А. Холопище Мюрхинина (Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 297). В более поздней работе исследователь учел данные родословцев о боярине Владимире Александровиче Холопище. Однако вслед за местнической традицией ошибочно отметил его бездетность (Ср.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 163. Табл., 203. Примеч. 39).

⁴¹ Подробнее о генеалогии Лихаревых, их землевладении и военной службе, например, см.: Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 176–177; Кузьмин А. В. На пути в Москву. М., 2014. Т. 1. С. 235–238; и др.

обороной города от войск князя Семена Дмитриевича Суздальского. С отрядом в одну тысячу человек ему помогал ордынский царевич Ентяк. 25 октября 1395 г., поддавшись на обман, московские великокняжеские воеводы на почетных условиях сдали им Нижний Новгород. Однако перемирие сразу же было нарушено ордынцами. Несмотря на данную ими клятву, ордынцы подвергли город массовому грабежу, который не в силах был остановить их союзник князь Семен Дмитриевич Суздальский⁴².

Около 1407 г. Владимир Данилович стал одним из послухов, сидевших при составлении первой из известных ныне духовных грамот великого князя Василия I Дмитриевича⁴³. Это свидетельствует о весьма близких и доверительных отношениях между правителем Москвы и его боярином.

30 ноября 1408 г. Владимир Красный Снабдя не был включен в число князей и бояр, оставленных по приказу великого князя Василия I Дмитриевича в осаде, чтобы руководить обороной Москвы против войск эмира Едигея⁴⁴. По-видимому, в это время Владимир Данилович мог войти в другую группу доверенных и приближенных лиц, которая перед приходом ордынцев вместе с правителем Москвы отъехала в Поволжье на Кострому. К сожалению, в отличие от первой группы, ее поименный состав в источниках не упоминается. В течении декабря 1408 г. – начала января 1409 г. в Костромском Поволжье великий князь Василий I Дмитриевич и его бояре собирали войска Северо-Восточной Руси, чтобы отразить набеги отрядов из Едигеевой рати⁴⁵.

---

⁴² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 379. Л. 250 об.–251; Т. 25. С. 225. Л. 315–315 об. В некоторых летописях встречается только имя Владимира Даниловича Красного Снабди. – Ср.: Там же. Т. 15. М., 2000. Стб. 461, 470. О времени этого ордынского похода на Нижний Новгород подробнее см.: *Лурье Я. С.* Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники // ТОДРЛ. 1990. Т. 43. С. 43, 44, 45, 46, 48, 52. Примеч. 42; *Кучкин В. А.* О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода // Горна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой / Под ред. Т. Н. Джаксон, Г. В. Глазыриной, И. Г. Коноваловой и др. М., 2001. С. 214–224; *Он же.* О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem = У источника: Сборник статей в честь С. М. Каштанова / Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2005. С. 242; *Он же.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 143–182. Некоторые исследователи датируют поход царевича Ентяка на Нижний Новгород не 1395, а 1399 г. Подробнее об этом, например, см.: *Фахрутдинов Р. Г.* Исследования Старой Казани // СА. 1984. № 4. С. 105; *Горский А. А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х гг. XIV в.: причины, особенности, результаты // ОИ. 1998. № 4. С. 20–21; *Он же.* О дате похода князя Юрия Дмитриевича на Волжскую Булгарию // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике (XVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто): Материалы конф. / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2004. С. 46–51; *Он же.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича в “Татарскую землю” и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV в. // ДРВМ. 2004. № 4 (18). С. 82–93; *Фетищев С. А.* К вопросу о присоединении Муром, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2002. С. 34; *Он же.* Московская Русь после Дмитрия Донского 1389–1395 гг. М., 2003. С. 57, 112–116, 120, 130. Примеч. 62–73; *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского: Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. С. 60. Примеч. 62; *Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв. Ижевск, 2005. С. 20, 84; и др.

⁴³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин. М.; Л., 1950. № 20. С. 57 [Подлинник]; см. также: *Коркунов М. А.* Памятники XV в.: Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким // Исторические чтения о языке и словесности, в заседаниях II-го Отделения Императорской Академии Наук. СПб., 1857. С. 197.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 483; *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. С. 240.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 238. Л. 333.

Вопреки утверждению А. Л. Корзинина, последний раз в источниках Владимир Данилович Красный Снабдя упоминался не в 1406/07 г.⁴⁶, а около 1416–1417 гг. В это время он вошел в комиссию московских бояр, присутствовавших на суде между представителями властей Чудова монастыря и городчанами, оспаривавшими право этой обители на некоторые земли у села Филипповского. По его итогам выигравшей стороне во главе с архимандритом Чудова монастыря Иоакимом II от имени великого князя Василия I Дмитриевича была выдана правая грамота. Этот документ подтверждал владельческие права обители на Городецкие земли. Они тянули к упоминавшемуся ранее монастырскому селу Филипповскому на р. Серая (эти земли были в споре с городецкими крестьянами). Согласно правой грамоте, среди бояр “на суде” великого князя первым был записан Александр Андреевич (по-видимому, Белеут или Остей), затем упоминался “Володимерь...”⁴⁷ В последнем из них можно видеть лишь Владимира Красного Снабдю⁴⁸, так как в конце XIV – первой четверти XV в. в Московском и Владимирском великих княжениях иных лиц с именем Владимир среди бояр великого князя Василия I Дмитриевича не было⁴⁹.

Косвенно указанный выше вывод подтверждают сведения “Памяти” старца Троице-Сергиева на Маковце монастыря Геннадия (в миру – Григорий Иванович Бутурлин) и бывшего великокняжеского боярина Михаила Борисовича Плещеева (в монашестве – Мисаил). Они отмечали, что в числе великокняжеских бояр, которых “заѣхаль” после своего выезда на службу в Москву князь Юрий Патрикеевич, был и Владимир Данилович Красный Снабдя. В этом списке он упоминается на третьем месте после Константина Дмитриевича Шеи Зернова и Ивана Дмитриевича Всеволожа Смоленского, но раньше, чем Дмитрий Васильевич (потомок боярина Гавриила Алексеевича) и Федор Федорович Голтяй Кошкин (внук Андрея Александровича Кобылы)⁵⁰.

По-видимому, в конце первой четверти XV в. (после 1418 г.) в пергаменный синодик Троице-Сергиева на Маковце монастыря, тесно связанного с Махрищской обителью, для поминания внесли имя боярина “Владимера”. Над его именем киноварью было написано: “Даниловичь”⁵¹. Этот боярин был записан среди лиц, умерших в первой половине XV в. По-видимому, в данном случае речь может идти лишь о Владимире Красном Снабде.

⁴⁶ Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период 1550–1565 гг. С. 353.

⁴⁷ АСЭИ. Т. 3. С. 53–54 [Подлинник].

⁴⁸ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 458.

⁴⁹ В данном случае вряд ли следует видеть в этом боярине, например, Владимира Ивановича, внука великокняжеского боярина Акинфа Гавриловича Великого († 1305), так как время жизни его сына Ивана Владимировича Замыцкого, судя по службам его детей и старших племянников, в основном не выходило за пределы XIV в. (Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 59; *Он же*. Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. С. 83). Правда, сын боярский Юрий Романович Каменский, один из племянников Владимира Ивановича, находился на службе в ближнем дворе великого князя Василия II Васильевича еще в середине февраля 1446 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 152. Л. 275).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 232. Л. 333 об., 334; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 269 об.; *Погодин М. [П.]* Свидетельства о местничестве за долго до Иоанна III, при в.к. московском Василие Димитриевиче и Димитрие Донском // Москвитянин. М., 1843. № 1. Ч. 1. С. 234; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 22, 23, 69; и др.

⁵¹ ОР РГБ. Ф. 304/III (Собрание Ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 25 [Список 1575 г.]. Л. 46.

М. М. Бенцианов, характеризуя род ближайших потомков в XV в. Владимира Даниловича Красного Снабди, считает, что он “был не слишком заметен, а его дальнейшие служебные достижения были связаны с новгородскими представителями”⁵².

Насколько справедлив этот вывод исследователя?

Ранняя редакция родословной росписи Овцыных приписывает Владимиру Красному Снабде всего одного сына – Дмитрия Владимировича Овцу. Начиная с середины XVI в., родословцы утверждают, что он, как и отец, “в боярех же был”⁵³. Правда, в росписи Овцыных, сохранившейся в составе Типографской редакции родословных книг в списке 30-х гг. XVI в., прямых данных о боярстве Д. В. Овцы Лыкова нет⁵⁴. Однако в данном случае это мало о чем говорит, так как в этом источнике по генеалогии упоминания о ранних думных чинах представителей московской знати встречаются редко.

По-видимому, службу при дворе Д. В. Овца Лыков мог начать в самом конце правления великого князя Василия I Дмитриевича или, по крайней мере, во второй четверти XV в., когда владельцем Москвы трижды становился его четвертый сын Василий II Васильевич. Благодаря сведениям о вотчинах внуков Д. В. Овцы Лыкова, ретроспективно можно установить, что Овцыны, хотя и имели старинные владения на территории Хованского стана Ружского удела и на московско-звенигородском порубежье, но все же входили в состав московской служилой корпорации. Претендовать на это Овцыны могли благодаря другим своим вотчинам, расположенным как в Московском, так и Коломенском уездах⁵⁵. Поэтому связь представителей первых поколений наследников Д. В. Овцы Лыкова с военно-служилыми дворами великих князей Василия II Темного, Ивана III Васильевича и их преемников выглядит логичной и нуждается в отдельном рассмотрении.

С. Б. Веселовский ошибочно отождествлял двух разных лиц Д. В. Овцу Лыкова († сер. XV в.) и Д. В. Овцу Ховрина († 1510⁵⁶), не обратив внимания на то, что эти полные тезки происходили из разных служилых фамилий и хронологически даже не относились к одному поколению москвичей⁵⁷.

Д. В. Овца Ховрин, потомок известной в Москве семьи гостей-сурожан, в правление Ивана III Васильевича сначала был введенным боярином и казначеем,

⁵² Бенцианов М. М. Выходцы из родов московского боярства на новгородских поместьях в конце XV – середине XVI в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 2016. Вып. 16 (26). С. 189.

⁵³ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 263 об.; Там же. № 350. Л. 284 об.–285; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 81, 98 об., № 173/278. Л. 356; ОР РНБ. Ф. 550. Q IV. № 272. Л. 307 об.–308; Там же. Q XVII. № 3. Л. 307 об.; и др.

⁵⁴ Ср.: ПСРЛ. Т. 24. С. 231. Л. 332.

⁵⁵ ДДГ. № 95. С. 381. Л. 2–3 [Список XVI в.]; Баранов К. В., Маштафаров А. В., Назаров В. Д., Рыков Ю. Д. Комментарии // Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII в. / Изд. подгот.: Т. Н. Алексинская, К. В. Баранов, А. В. Маштафаров, В. Д. Назаров, Ю. Д. Рыков; отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998. № 138. С. 288, 333–334 [Список 1684 г.], 506–508 [Комментарий Ю. Д. Рыкова].

⁵⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 459; Баранов К. В., Маштафаров А. В., Назаров В. Д., Рыков Ю. Д. Комментарии. № 138. С. 508 [Комментарий Ю. Д. Рыкова]; и др. Д. В. Овца Ховрин умер почти сразу после московского наместника боярина Якова Захаревича Кошкина (ОР РНБ. Ф. 351. Собрание библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. № 14/139. Л. 333). На это уникальное известие источника одной из первых обратила внимание О. Л. Новикова (Новикова О. Л. Лихачевский “Летописец от 72-х язык” (К истории создания и бытования) // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010 / Ред. О. Л. Новикова. М.; СПб., 2010. С. 244).

⁵⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 459.

а к середине 90-х гг. XV в. уже прочно утвердился в великокняжеской думе в чине боярина⁵⁸. Из-за допущенной ошибки в отождествлении разных лиц С. Б. Веселовский напрасно поставил под сомнение достоверность сведений родословцев XVI–XVII вв. о первых поколениях Овцыных⁵⁹.

Между тем, по сведениям других источников можно подтвердить хронологическую точность сведений родословной росписи Овцыных, а также установить, что боярин Владимир Данилович Красный Снабдя был отцом, по крайней мере, еще нескольких сыновей.

Сведения письменных источников о следующем поколении Лыковых довольно значительны. По-видимому, старшим сыном К. Д. Лыкова был Борис Константинович. Возможно, что уже до 1418 г. он получил место в великокняжеской думе. Согласно одному из перечней московских бояр, Б. К. Лыков был в числе тех, кого якобы “заехал” князь Юрий Патрикеевич Литовский⁶⁰. Это событие могло произойти не ранее 1418 г. Именно в этом году Гедиминович женился в Москве на княжне Марии-Анне, дочери великого князя Василия I Дмитриевича⁶¹. Около 1430 г. Борис Константинович Лыков упоминался как один из душеприказчиков великокняжеского боярина И. М. Крюкова, происходившего из старшей линии рода Фоминских-Березуйских, утративших после перехода на службу в Москву свой княжеский статус. Покойный был вкладчиком соседнего с Махрищским Троице-Сергиева на Маковце монастыря⁶². Для вечного поминания после смерти боярин Б. К. Лыков, как и его родной брат Андрей Константинович, а также их двоюродный брат Александр Владимирович, был записан в синодик Ростовского Успенского собора⁶³.

Сыном боярина А. К. Лыкова был Дмитрий Андреевич Лыков⁶⁴. По-видимому, впервые в источниках он упоминается осенью 1446 г. В смоленский пригород Пацынь (ныне село в составе Рогнединского р-на Брянской обл.), вошедший весной этого года в состав удела князя Василия Ярославича на территории Великого княжества Литовского, “пригонил... Дмитрей Ондреевъ” к князьям, боярам и детям боярским, сторонникам свергнутого в очередной раз великого князя Василия II Темного. В Пацыне противникам признания власти великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки сеунщик поведал важную весть о том, что вновь начавший борьбу за московский престол великий князь Василий II Темный “пошелъ с Вологды

⁵⁸ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 60, 94, 173; Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. С. 578; и др. Вопреки сведениям источников (например, см.: Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, вводн. ст. и ред. В. И. Буганов; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1966. С. 24. Л. 22), А. А. Зимин сомневался в том, что Д. В. Овца Ховрин был “боярином в узком смысле слова” (Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 272).

⁵⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 459.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 181. № 184/292. Л. 253 об. (“А подъ Сѣньдрѣем под Сахарником сидѣль Борисъ Костяньтиновичъ Лыковъ”); Погодин М. [П.] Свидетельства о местничестве за долго до Иоанна III... С. 234; Коркунов М. А. Памятники XV в. С. 200; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 24; и др.

⁶¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 328. Примеч. 254; Коркунов М. А. Памятники XV в. С. 200; и др.

⁶² АСЭИ. Т. 1. № 70–71. С. 63–64 [Подлинники].

⁶³ ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 70; Конев С. В. Синодология. Ч. 2. С. 106. Л. 70 [Список 1642 г.].

⁶⁴ Его точное происхождение С. Б. Веселовскому установить не удалось (Ср.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 459).

к Белозеру, оттоля и ко Твери”. Получив это известие, “они же оттоля поидоша вси вмѣсте съ многими людьми” через смоленский город Ельня в сторону Твери⁶⁵.

Согласно датировкам С. Б. Веселовского, в 1440–1460-х гг. Д. А. Лыков упоминался в трех актах, включая две данные грамоты княгини-инокини Марии (Семеновны?) Новосильской, вдовы боровского князя Семена Владимировича († 1426), в Троице-Сергиев монастырь⁶⁶. Среди послухов этих данных грамот в первом случае были записаны бояре Зиновий Алексеевич Станице и Д. А. Лыков, а во втором – духовный отец вдовой удельной княгини Герасим Греховод и вновь Д. А. Лыков. Кроме того, в последнем акте также упоминался такой близкий к великокняжеской семье человек как троицкий игумен Вассиан Рыло.

Смена свидетелей в данных грамотах и указание во втором случае на имя настоятеля Троице-Сергиева монастыря помогают значительно уточнить время выдачи этих документов княгиней-инокиней Марией (Семеновной?).

Очевидно, первый вариант пожалования был составлен в тот период времени, когда преподобный Мартиниан Белозерский уже покинул обитель, а Вассиан Рыло еще не был назначен настоятелем Троице-Сергиева монастыря. Следовательно, написание этого документа должно было произойти между 3 марта и до 22 сентября 1454 г., так как в последнем случае игумен Вассиан Рыло впервые был упомянут в троицком акте⁶⁷. По-видимому, именно данное обстоятельство привело княгиню-инокиню Марию (Семеновну?) к мысли, что ей необходимо переписать текст своего пожалования.

Вторую из данных грамот С. Б. Веселовский датировал весьма широко, отнес ее к периоду между 1455 и 1466 гг. “По приказу” своей свекрови княгини иноки Евпраксии (в миру – Елена Ольгердовна; † 1437), вдовы боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго († 1410), княгиня-инокиня Мария (Семеновна?) передала в Троице-Сергиев монастырь пустошь Лысцово в Берендееве стане Дмитровского уезда⁶⁸.

Это пожалование было осуществлено без доклада великому князю Василию II Темному, его сыну и соправителю великому князю Ивану III Васильевичу. Поэтому можно полагать, что вклад относился к тому периоду времени, когда на свободе еще оставался последний самостоятельный правитель Боровско-Серпуховского удела князь Василий Ярославич. Он лишился Дмитровского княжения в конце 1454 г. – в начале (до 3 февраля) 1455 г.⁶⁹ Вероломный арест в Москве князя Василия Ярославича произошел 10 июля 1456 г.⁷⁰ Следовательно, данная грамота

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 268. Л. 374–375. С войсками великого князя Василия II Темного они соединились под Угличем. Подробнее об этом, например, см.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 120–121.

⁶⁶ АСЭИ. Т. 1. № 214. С. 149–150, № 231. С. 164, № 276. С. 198 [Списки сер. XVI в.]. И. А. Голубцов, несмотря на сведения актов и комментарии С. Б. Веселовского, ошибочно называл его Дмитрием Александровичем Лыковым (Ср.: Там же. Т. 3. № 74. С. 108).

⁶⁷ Ср.: АСЭИ. Т. 1. № 250. С. 178–179 [Список сер. XVI в.]; *Каушанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 341, № 15. С. 368–370 [Список 30-х гг. XVI в.].

⁶⁸ АСЭИ. Т. 1. № 231. С. 164, № 276. С. 198.

⁶⁹ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 163. С. 98–99. Подробнее об этом см.: *Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. С. 57–58. Примеч. 66; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 163–164, 260. Примеч. 14; *Баранов К. В., Машифаров А. В., Назаров В. Д., Рыков Ю. Д.* Комментарии. № 35. С. 446 [Комментарий В. Д. Назарова]; и др.

⁷⁰ В Софийской II летописи, очевидно, из-за описки писца рукописи арест относили к 3 июля 1462 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 128–129. Л. 119–119 об.).

княгини-инокини Марии, в которой вновь фигурировал удельный боярин Д. А. Лыков, должна относиться к периоду между 10 марта 1455 г. и до 10 июля 1456 г. Более точно датировать этот троицкий акт помогает еще один документ, связанный с его именем.

В 1447–1455 гг. в докладной мировой грамоте троицкого келаря Илариона с игуменом Ивойлом (Иоишем) из Авраамиевой Верхней пустыни об осьминах в варнице у Соли Галицкой отмечалось, что свое дело они решили, “доложа Дмитрея Андреявича Лыкова, писца великого князя”⁷¹. Таким образом, можно установить, что еще до ликвидации Боровско-Серпуховского удела на службу к правителю Москвы перешел не только боярин Зиновий Алексеевич Станище⁷², но и Д. А. Лыков, послух двух данных грамот княгини-инокини Марии (Семеновны?). По-видимому, именно за этот выбор великий князь Василий II Темный пожаловал его и назначил писцом. С последней трети XV в. подобные важные поручения давались лицам, входившим в состав великокняжеского двора.

Задачей Д. А. Лыкова стало проведение описания в Соли Галицкой, ранее входившей в состав владений великих князей Юрия Дмитриевича и его сына Дмитрия Юрьевича Шемяки⁷³. Назначение на территорию бывшего Галицкого княжения служилого человека, ближайшего родственника бояр прежних удельных князей, по-видимому, было вызвано желанием правителя Москвы успокоить тревоги местных вотчинников, которые могли испытывать стойкое недоверие к нововведениям великого князя Василия II Темного. Учитывая упоминание во второй данной грамоте, наряду с Д. А. Лыковым, нового троицкого игумена Вассиана Рыло, можно установить, что он получил назначение писцом в Соль Галицкую не ранее 10 марта 1455 г.

После смерти великого князя Василия II Темного Д. А. Лыков продолжил свою службу при дворе его наследника великого князя Ивана III Васильевича. А. В. Антонов уточнил, что между 1462–1478 гг. дворового сына боярского В. С. Карамышева пожаловали в кормление “в Боровце слободкою Евфим[ьев]скою Ярцова да слободкою Ка[симовскою] в путь”, как они ранее были “за [Дмитрием] за Лыковым”. От имени правителя Москвы это кормление подтвердил его боярин князь Иван Васильевич Стрига Оболенский († весна 1478)⁷⁴. В 1461–1462 гг. он был великокняжеским наместником в Пскове, около 1463–1468 гг. – в Ярославле, а в конце 1477 г. – феврале 1478 г. – в Великом Новгороде⁷⁵. Поэтому логично предполагать, что князь И. В. Стрига Оболенский мог подтвердить кормленную грамоту В. С. Карамышеву тогда, когда этот боярин находился в Москве, т.е. в период между концом 1468 г. и концом 1477 г. Благодаря этому можно выяснить, что Д. А. Лыков,

⁷¹ АСЭИ. Т. 1. № 214. С. 149–150.

⁷² Подробнее об этом см.: *Кузьмин А. В.* Станищевы, Лазаревы, Кучецкие и Великий Новгород в XIV – середине XV в. // ВИД. СПб., 2019. Т. 38. С. 322.

⁷³ АСЭИ. Т. 1. № 214. С. 149–150 [Список сер. XVI в.]; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 459.

⁷⁴ Ранее А. И. Юшков датировал эту кормленную грамоту более широкими рамками – 1462–1504 гг. (Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1 / Собр. А. [И.] Юшков. М., 1898. № 17. С. 19), а И. А. Голубцов – около 1462–1480 гг. (АСЭИ. Т. 3. № 74. С. 108).

⁷⁵ Подробнее об этом, например, см.: *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава боярской думы во второй половине XV – первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 209–210; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России... С. 48–49; и др.

предшественник В. С. Карамышева, был на кормлении в Боровском уезде между 1462–1468 гг.

Переход в конце первой трети XV в. представителей младшей линии Лыковых на службу в Галицко-Звенигородский удел носил вынужденный характер. Вряд ли изначально этот политический шаг был связан лишь с поддержкой Лыковыми претензий князя Юрия Дмитриевича на великокняжеский престол в Москве. Видное место среди бояр этого удельного правителя занимали упоминаемые выше переяславские вотчинники братья Иван и Александр Владимировичи Лыковы, старшие дети умершего великокняжеского боярина Владимира Даниловича Красного Снабди.

Еще в августе 1426 г. в псковском пригороде Воронач боярин Александр Владимирович Лыков выступал как посол малолетнего московского великого князя Василия II Васильевича во время безрезультатных переговоров с литовским великим князем Александром Витовтом Кейстутовичем, осаждавшим эту крепость⁷⁶. Мир между Псковской землей и ВКЛ был достигнут лишь 25 августа после произошедшей здесь бури⁷⁷. По-видимому, до или, по крайней мере, около 1433 г. боярин А. В. Лыков уже оказался на службе при дворе удельного, а затем и великого князя Юрия Дмитриевича. Переход А. В. Лыкова на службу в удел мог быть вызван его родством с боярской семьей Туриковых-Всеволожей. Этот вывод косвенно подтверждают сведения актов 30-х гг. XV в.

Рассмотрим эти источники подробнее.

Между 25 апреля и 28 сентября 1433 г. А. В. Лыков упоминается в акте вместе с влиятельным московским наместником и боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожем. От имени великого князя Юрия Дмитриевича они подписывают жалованную оброчно-тарханную и несудимую грамоту архимандриту Феофану и монашеской братии Чудова монастыря на подмосковные села Лужковское, Павловское и Манаковское, находившиеся в волости Сурожик⁷⁸. По-видимому, в этом случае учитывались старинные связи однородцев А. В. Лыкова с этой кремлевской обителью.

В 1433–1434 гг. (“за три годы до Белевщины”), как уже отмечалось выше, А. В. Лыков сделал ценный вклад по своему умершем сыне Василии в Махрицкий Троицкий монастырь. Боярин пожаловал обители, как свидетельствует более поздний акт, село Зеленцино “с тою деревнею с Феденинскою и с тою землею с Лаптевскою”, включая населявших их крестьян⁷⁹.

Свидетелями данного вклада выступали видные переяславские вотчинники – бояре Андрей Андреевич Слипень (из младшей линии рода Ратшичей)⁸⁰, Никита Федорович Туриков (племянник бывшего московского наместника и боярина

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 247. Л. 345–345 об. О военных действиях псковичей, предшествовавших их заключению мира с ВКЛ, например, см.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 38–39.

⁷⁷ Подробнее об этом, например, см.: *Артемьев А. Р.* Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток, 1998. С. 36–37.

⁷⁸ *Антонов А. В., Баранов К. В.* Неизвестные акты XIV–XVI вв. из архива Московского Чудова монастыря. № 3. С. 12.

⁷⁹ Подробнее об этом, например, см.: АСЭИ. Т. 1. № 340. С. 246–249 [Подлинник]; *Шумаков С. [А.]* Обзор “Грамот Коллегии экономии”. Вып. 4. № 1242. 8937. С. 442–443; *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 125–126, 145; и др.

⁸⁰ Андрей Слипень и его потомки были переяславскими вотчинниками (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 61; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 28, 32, 91, 138; *он же.* Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. С. 49, 54, 118, 170, 463).

И. Д. Всеволожа⁸¹), Петр Иванович (Замыцкий?)⁸², Василий Изяславич (“Васил(ь) Исвяславич(ь)”), а также Конон Вашеев⁸³.

Одним из послухов вкладной грамоты А. В. Лыкова в Махрищскую обитель был его старший брат боярин И. В. Лыков. По-видимому, после 1426 г. и до 1433/34 г. он также перешел на службу к великому князю Юрию Дмитриевичу. На это указывают следующие сведения источников.

Во время судебного разбирательства 1462–1464 гг. о владельческой принадлежности пустоши Лагиревой Звенигородского уезда выяснилось, что во второй четверти XV в. Жеребило, холоп (“человек”) И. В. Лыкова, а отнюдь не Ховрина⁸⁴ (и, что еще менее вероятно, И. В. Замыцкого⁸⁵), продал свою часть (треть) пустоши

⁸¹ В Троице-Сергиевом монастыре в отдельных записях поминали “Софию [Турикову]” и “Никитоу [Турикова]” (ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 13, 13 об.).

⁸² Впрочем, С. Б. Веселовский не исключал, что Петром Ивановичем мог быть и П. И. Каменский, а не только П. И. Замыцкий (*Веселовский С. Б.* Пояснительные примечания к актам (о лицах и географических пунктах) // АСЭИ. Т. 1. № 110. С. 600). Однако более предпочтительно отождествление с П. И. Замыцким. В первой половине XV в. его род был связан службой в уделах. Василий Иванович Чешиха, старший брат П. И. Замыцкого, 25 декабря 1446 г. упоминался как боярин и наместник московской трети Можайско-белозерского князя Ивана Андреевича (ПСРЛ. Т. 25. С. 269. Л. 375 об.). В случае с представителями семьи Каменских за это время таких сведений нет. Правда, в более поздних источниках сохранилось сведение о том, что Роман Иванович Каменский был боярином великого князя Василия I Дмитриевича (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 419). Однако это маловероятно. Учитывая служебное положение, можно полагать, что в данном случае мог упоминаться другой Роман Иванович, младший сын великокняжеского боярина Ивана Андреевича Хромого. В 1434 г., будучи воеводой в Москве, несомненно, этот Роман Иванович входил в число старейших бояр молодого великого князя Василия II Васильевича (ПСРЛ. Т. 23. С. 148. Л. 264–264 об.). Кроме того, следует учитывать, что за пределами Московского княжения родовые вотчины Каменских были сосредоточены в Бежецком уезде, а Замыцких и Застолбских не только в этом, но и в Переяславском уезде (Ср.: *Шумаков С. [А.]* Обзор “Грамот Коллегии экономии”. Вып. 4. № 879. 8971. С. 277–278, № 887. 8983. С. 280–281, № 893. 8992. С. 283, № 936. 9010. С. 304, № 939. 9044. С. 304–305, № 1004. 8853. С. 346, № 1005. 8862. С. 346, № 1057. 9284. С. 371, № 1064. 9502. С. 374, № 1068. 9230. С. 377, № 1198. 9452. С. 427, № 1204. 8766. С. 429, № 1251. 9067. С. 449–450, № 1516. 9483. С. 550; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 54; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 8, 14–15, 30, 58–59, 66, 87, 112, 137, 146–147, 164, 166, 190–191, 214, 221, 223–224; *он же.* Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. С. 27, 34–36, 52, 82–83, 114, 140, 169, 179–181, 199, 201–202, 226–227, 251–252, 259, 262–263, 276–279, 304, 306, 463; *Баранов К. В., Маушафов А. В., Назаров В. Д., Рыков Ю. Д.* Комментарии. № 3. С. 422, № 4. С. 20–21 [Подлинник], 425, 426 [Комментарий В. Д. Назарова]; *Miller D. B.* Saint Sergius of Radonezh. His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2010. P. 159, 199).

⁸³ АСЭИ. Т. 1. № 110. С. 88–89, 600 (с датой – ок. 1433–1434) [Подлинник].

⁸⁴ По мнению некоторых исследователей, упоминаемый в акте Иван Владимирович происходил из рода Ховриных (*Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 224; *Кучкин В. А.* Десятские средневековой Руси // *Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 213–214* *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 305). Однако такое отождествление лиц сомнительно. Во-первых, в 1462–1464 гг. епископ нес свою боярскую службу отец И. В. Ховрина – великокняжеский боярин и гость Владимир Григорьевич Ховрин. Последний раз в точно датированных источниках он упоминается в 1480 г. У В. Г. Ховрина известно четыре сына, носивших имя Иван. При жизни отца никто из них не мог служить в боярах у великого князя Ивана III Васильевича. Во-вторых, четыре брата И. В. Ховриных различались по прозвищам Хозюк, Голова, Третьяк и Четвертак. С этими прозвищами нередко братья писались в документах (Подробное об этом, например, см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 270–272). Между тем, упоминаемый в акте Иван Владимирович фигурирует без прозвища! Поскольку события, описываемые в акте, относятся ко второй четверти XV в., когда даже В. Г. Ховрин еще не был боярином, то видеть в упоминаемом документе его сына Ивана Владимировича нет совершенно никаких оснований.

⁸⁵ Владения бояр Замыцких находились в волости Замытье, которая в Переяславль-Залесском уезде располагалась на границе с Тверским великим княжеством. По мнению, Ю. Г. Алексеева И. В. Замыцкий

Бортеневской Харе (Харитону?) Лагирию, жившему вблизи от нее “на Песку”. Хари Лагирь был холопом великого князя Юрия Дмитриевича⁸⁶.

Женой Хари Лагирия была Коверница, холопка княгини Анастасии, супруги галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича (1400–1422). Муж княгини Анастасии († 1422), дочери последнего смоленского великого князя Юрия Святославича († 1407), имел длительные и нередко весьма непростые отношения со своим старшим братом московским великим князем Василием I Дмитриевичем⁸⁷.

Можно предполагать, что брак Хари Лагирия и Коверницы, холопов князя Юрия Дмитриевича и его жены княгини Анастасии Юрьевны, должен был состояться до 1422 г.⁸⁸

Владельцем пустоши, расположенной на территории бывшего Звенигородского удела, до боярского холопа Жеребило был другой княжеский “приданой” холоп Бортедь. От его прозвища получила свое название пустошь Бортеневская в “княжщине” Воиславской⁸⁹. Несомненно, что подобная сделка “человека” И. В. Лыкова с княжескими холопами могла быть совершена и утверждена лишь в том случае, если в данное время этот боярин состоял на службе у великого князя Юрия Дмитриевича.

Около 1440–1444 гг. (ближе к первой дате. – А. К.) братья И. В. и А. В. Лыковы выступают послухами у данной грамоты боярина Игнатия Васильевича Минина в пользу властей Московского Симонова монастыря. Вслед за ними свидетелями этого земельного пожалования были отмечены боярин Иван Александрович Румянцов, духовный отец И. В. Минина Петр (“поп Михайлова Чюда”), а также протопоп Кузьма⁹⁰. Упоминание в эти годы братьев И. В. и А. В. Лыковых в Москве свидетельствует о том, что после смерти великого князя Юрия Дмитриевича они не стали участвовать в политической усобице звенигородского князя Василия Юрьевича Косого, а предпочли остаться в Москве на службе у великого князя Василия II Васильевича.

Упоминание в актах 1430-х – начала 1440-х гг. И. В. и А. В. Лыковых без участия их младших братьев несколько удивительно. Нельзя исключать того, что между ними либо отсутствовала семейная солидарность, либо была большая разница в возрасте. Это могло быть вызвано тем, что младшие сыновья Владимира Даниловича Красного Снабди предположительно могли быть его поздними детьми и родиться во втором браке отца. Во второй четверти – середине XV в. в период династического кризиса в Московском великом княжении различная политическая

“жил, вероятно, в последней трети XIV в., как и его двоюродные братья Андреевичи – Свибло, Челядня, Остей и др.” (Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 59; *он же*. Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. С. 83). В конце XV в. несколько Замыщких были испомещены в Новгородской земле (Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 292–293).

⁸⁶ АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 97–98. Л. 116–118 об. [Список XVII в.]. Подробнее об этой сделке между княжеским и боярским холопом см.: Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 224–225; Пьянков А. П. Сельская община Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. / Отв. ред. В. К. Яцунский. Рига, 1963. С. 105; Зимин А. А. Холопы на Руси. С. 290–291; и др.

⁸⁷ Подробнее см.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. СПб., 1889. Т. 1–2; Зимин А. А. Витязь на распутье (по указ.); и др.

⁸⁸ Л. В. Черепнин ошибочно полагал, что Хари Лагирь женился на холопке княгини Анастасии († 1418), вдове (!) князя Константина Дмитриевича († 1434), что совершенно невозможно с хронологической точки зрения (Ср.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 245).

⁸⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 97–98. Л. 116–118 об.

⁹⁰ АСЭИ. Т. 2. № 342. С. 339, № 381. С. 380 [Списки XVII в.].

ориентация коснулась многих знатных боярских родов. В данном случае весьма показательным примером являются судьбы многочисленных сыновей видного великокняжеского боярина Константина Ивановича Добрынского († после 1408/09), родившихся от двух его жен.

Впрочем, не исключено, что младшие дети боярина Владимира Даниловича Красного Снабди могли рано умереть во время одной из многочисленных эпидемий, интенсивно сокращавших население Северо-Восточной Руси вплоть до 1427 г. Отсутствие точных упоминаний в источниках второй трети XV в. о младших братьях И. В. и А. В. Лыковых пока оставляет нас в поле вынужденных предположений.

Если Дмитрий Владимирович Овца Лыков, следующий сын Владимира Даниловича Красного Снабди, известен только по записи в росписях Овцыных, то его брат Борис Владимирович, по-видимому, все-таки упоминается в тексте одного из актов, принадлежавшим Чудову монастырю. В данной грамоте, сохранившейся, к сожалению, с утратами, отмечается, что некая "...[Бо]рисова жена Володимерович(а)" сделала вклад в эту обитель. Учитывая прежние тесные контакты Лыковых с этой кремлевской обителью, по крайней мере, со времен великого князя Дмитрия Ивановича Донского, можно предполагать, что упоминаемый в этом акте как уже умерший Борис Владимирович являлся сыном Владимира Даниловича Красного Снабди.

Между 1429/30 и 1466 гг. вдова Б. В. Лыкова дала в Чудов монастырь "свое село на рец[е]... по своих родит[елех]... и свекрови, и по своем мужи, и по своем с(ы)ну" вместе "с лѣсы, и с луги, и с озеры, и с пере[весищи]". Из сохранившейся концовки текста выясняется, что этот документ вдова боярина Б. В. Лыкова "запеч(а)тала есми печат(ь)ю своеи оспод(а)рыни кнѧ[иниюю Ефросиньи]ною кнѧж Петровы Дмитриевич(а)"⁹¹.

Это свидетельство источника очень важно. Оно указывает на то, что до 1428 г. Б. В. Лыков мог входить в состав удельного двора дмитровского князя Петра Дмитриевича. Возможно, позднее какое-то время он служил при дворе его вдовы – княгини Евфросинии Полуектовны. Под ее властью сохранялся определенный комплекс земель в Дмитровском уделе. В период династического кризиса второй трети XV в. удельная княгиня Евфросиния Полуектовна придерживалась нейтралитета, либо выступала как союзник великокняжеской семьи.

Связь между боярскими семьями Лыковых, Мининых и Румянцовых довольно логична. Она наглядно показывает корпоративные связи и пути формирования и пополнения в разные годы военно-служилого двора галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича накануне его вступления в борьбу за "великое княжение". Об этом свидетельствуют следующие факты.

Минины были одной из боярских семей, которой в середине XV в. пришлось оставить свои родовые дворовые места на территории Московского Кремля⁹². Так, например, Григорий и Федор Минины были детьми великокняжеского боярина Степана Дмитриевича. Они являлись младшими двоюродными братьями И. В. Минина и внуками известного московского боярина и воеводы Дмитрия Минича († 1368), погибшего в бою с войсками литовского великого князя Ольгерда на р. Тростне. В 1383–1386 гг. боярин Александр Минич, двоюродный дед владельцев кремлевских дворов, сопровождал молодого князя Василия I Дмитриевича во

⁹¹ АСЭИ. Т. 3. № 33. С. 56–57 [Подлинник].

⁹² ДДГ. № 20. С. 57 [Подлинник].

время его пребывания в заложниках при дворе хана Тохтамышша, бегства из Орды и путешествия по странам Восточной Европы. После 1418 г., наряду с великокняжескими боярами Владимиром Даниловичем Красным Снабдей и его племянником Б. К. Лыковым, Василия и Степана Дмитриевичей Мининых “заехал” зять великого князя Василия I Дмитриевича – князь Юрий Патрикеевич Литовский (“Наримантов внук”)⁹³.

В поздней местнической интерпретации указанное выше событие было связано со свадьбой князя Ю. П. Литовского и княжны Анны, сестры великого князя Василия I Дмитриевича. Однако в прямой связи между этими событиями сомневался еще С. Б. Веселовский. Правда, как и большинство других исследователей генеалогии рода Патрикеевых, С. Б. Веселовский не знал точное время, когда в Москве состоялась свадьба князя Ю. П. Литовского⁹⁴. Между тем, на основе известия одной из летописей оно было установлено еще Н. М. Карамзиным. Брак произошел в 1418 г.⁹⁵

Сохранившиеся акты подтверждают, что до марта 1423 г. князь Ю. П. Литовский, действительно, успел занять первое место при дворе и думе правителей Московского великого княжества. Имя этого Гедиминовича стоит первым в списке послухов второй и третьей из числа сохранившихся духовных грамот великого князя Василия I Дмитриевича⁹⁶. Между 1428 и 1432 гг. (ближе ко второй дате. – А. К.) князь Юрий Патрикеевич имел отношение к выдаче жалованной несудимой грамоты великого князя Василия II Васильевича властям Троице-Сергиева монастыря на село Медну (“Меденское”), расположенное в Новоторжской земле⁹⁷. 28 сентября 1433 г. князь Ю. П. Литовский неудачно руководил московской ратью в битве на р. Куси в Костромском уезде против войск удельных князей Василия Косого и Дмитрия Шемяки. В ходе сражения воевода великого князя Василия II Васильевича был разбит и попал в плен к сыновьям великого князя Юрия Дмитриевича⁹⁸.

Очевидно, что оба указанных выше события, хотя напрямую и не были связаны друг с другом, но косвенно отражают эхо недовольства тех представителей великокняжеского боярства (таких, например, как Лыковы и Галицкие), которых “заехал” князь Ю. П. Литовский, чем подтолкнул обиженных к отъезду на службу в удел. Этот факт, несомненно, обострил династическую борьбу между великими князьями Василием II Васильевичем и его дядей Юрием Дмитриевичем за обладание московским престолом.

Упомянутый около 1440–1444 гг. после братьев И. В. и А. В. Лыковых боярин И. А. Румянцов также не был чужим человеком в служилом дворе великого князя Юрия Дмитриевича. Подмосковные владения его рода находились преимущественно к юго-западу от Москвы. Близким родственником И. А. Румянцова был

⁹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 22–23, 237–240.

⁹⁴ Например, см.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 24–25.

⁹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 328. Примеч. 254; см. также: Коркунов М. А. Памятники XV в. С. 200; Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в.: (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Вольнские, Липятины) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Сб. 11 / Отв. ред. М. Ю. Люстров. С. 712; Он же. На пути в Москву. Т. 1. С. 81.

⁹⁶ ДДГ. № 21–22. С. 59, 62 [Подлинники].

⁹⁷ АСЭИ. Т. 1. № 57. С. 56–57 [Список сер. XVI в.].

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 66. Л. 56; Т. 18. М., 2007. С. 174. Л. 364 об.–365; Т. 23. М., 2004. С. 147–148. Л. 263 об.; Т. 24. С. 182. Л. 255; Т. 25. С. 251. Л. 350; и др.

видный дмитровский вотчинник Василий Иванович Румянцов⁹⁹. Он был женат на дочери Ивана Васильевича Галицкого.

Удельный боярин И. В. Галицкий происходил из семьи потомков галицко-дмитровских князей. Они утратили титул не позднее начала XV в.¹⁰⁰ Семья Галицких была тесно связана со служилым двором великих князей Юрия Дмитриевича и его сына Дмитрия Шемяки¹⁰¹. Интересно отметить, что до 1425 г. младший брат И. В. Галицкого, Борис Васильевич Галицкий, наряду с С. Д. Мининым и братьями Лыковыми, упоминался в числе бояр великого князя Василия I Дмитриевича. Однако еще до смерти великого князя (27 февраля 1425 г.) Б. В. Галицкий также отъехал из Москвы на службу в Галицко-Звенигородский удел¹⁰². Весной 1425 г. вместе с Даниилом Чешком, родоначальником дворянского рода Чешковых¹⁰³, он возглавил по поручению князя Юрия Дмитриевича его посольство на переговоры в столицу ко двору великого князя Василия II Васильевича. Здесь Б. В. Галицкий и Даниил Чешко “докончаша мирь на том, что князю Юрью не искати княженя великого собою, но царемь, которого царь пожалуеть, то будет князь велики Владимирьскы и Новугороду Великому и всеи Руси, и кресть на том целоваша”¹⁰⁴.

На примере рассмотренных выше биографий братьев Лыковых и Б. В. Галицкого можно сделать вывод, что переход некоторых бояр великого князя Василия I Дмитриевича на службу ко двору галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича в каждом отдельном случае носил индивидуальный характер. Это не был одновременный отъезд группы бояр со службы в Москве в Галицко-Звенигородский удел из-за князя Юрия Патрикеевича Литовского как, возможно, его хотелось представить авторам статьи “Места боярские при великом князе” середины XVI в. Перед нами процесс выездов, растянувшийся на несколько лет вперед вплоть до 1433–1434 гг. Он отражает наметившийся династический кризис среди московских Калитовичей, который в середине XV в. по вполне понятным политическим причинам не желал (или не мог?) напрямую отметить ни великокняжеский, ни митрополичий летописец.

⁹⁹ Кузьмин А. В. Румянцевы [до начала 18 в.] // БРЭ. М., 2015. Т. 29: Румыния – Сен-Жан-де-Люэ. С. 34–35; *Он же*. Проблемы изучения генеалогии Румянцевых // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международ. науч. конф. М., 2017. С. 208–210.

¹⁰⁰ Последним представителем рода Галицких, носившим княжеский титул, был князь Киприан Дмитриевич. В нем можно видеть старшего сына последнего галицкого князя Дмитрия Борисовича, происходившего из дмитровской ветви рода. Для поминания князь К. Д. Галицкий был записан в Ростовский соборный синодик (ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 51; *Конов С. В.* Синодология. Ч. 2. С. 102. Л. 51). В источнике он упоминается после новосильского князя Льва Романовича и Дионисия Вольнского, в котором можно видеть только Дмитрия Михайловича Боброка Вольнского и ранее князя Глеба Васильевича Друцкого, погибшего в битве под нижегородским селом Лысково 15 января 1411 г., и заславского князя Михаила Евнутьевича, убитого в сражении с ордынцами на р. Ворскле 12 августа 1399 г. Подробнее об этих лицах, например, см.: Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволоз Заболоцкие, Вольнские, Липятины). С. 740; *Он же*. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. [Ч. 2] // ДРВМ. 2007. № 4 (30). С. 58–60, 66; *Он же*. Титулованная знать Великого княжества Литовского в “Великой войне” 1409–1411 гг. против Тевтонского Ордена // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі (Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы): Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі / Уклад.: А. І. Груша, С. В. Марозава. Мінск, 2011; Изд. 2-е. 2014. С. 61, 71.

¹⁰¹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 420.

¹⁰² Там же. С. 25, 420.

¹⁰³ В 1550-е гг. дворовые дети боярские Чешковы служили из Ржева и Малого Ярославца, а в первой четверти XVI в. некоторые представители этого рода находились на службе у новгород-северского князя Василия Ивановича Шемячича (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 180. Л. 134 об., С. 208. Л. 157).

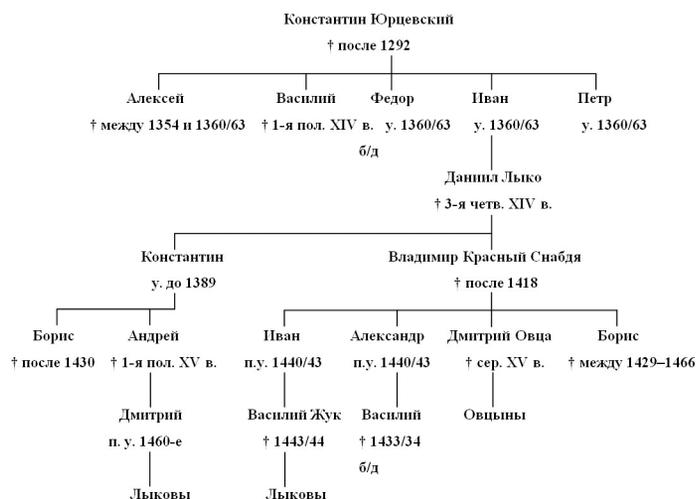
¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 247. Л. 344 об.

Сыном И. В. Лыкова был Василий Иванович Жук. Он погиб во время битвы против царевича Мустафы на р. Листани под Переяславлем Рязанским зимой 1443/44 г.¹⁰⁵ Василий Жук служил при дворе великого князя Василия II Васильевича (в отличие от некоторых своих старших родственников). На момент гибели В. И. Жук Лыков был великокняжеским наместником в Коломне¹⁰⁶. Лица, получившие эту должность в конце XIV – начале XVI в., как правило, представляли боярскую думу. Так, например, среди предшественников Василия Жука в Коломне боярами были А. А. Остей Акинфов (1385 г.), И. С. Жеребцов-Кобылин (1408 г.) и И. Ф. Старков-Серкизов (1436 г.)¹⁰⁷. Поэтому не исключено, что вслед за своим отцом В. И. Жук Лыков также имел думный чин при дворе правителя Москвы.

Для поминания имя погибшего военачальника также было внесено в синодик Успенского собора Московского Кремля, а также синодики главных соборов епархий Северо-Восточной Руси. Во время церковной службы “Василию Иванову сыну Володимировичу Лыкову, убиенному на Рязани отъ Мустафы”, в них провозглашалась “вѣчная памать”¹⁰⁸.

Наместничество в Коломне В. И. Жука Лыкова вряд ли было случайно. Он имел связи с местными землевладельцами. В писцовых актах XVI в. упоминается находившееся в ту пору в поместной раздаче село Лыково. Оно входило в состав Микулина стана Коломенского уезда¹⁰⁹.

Приведенные выше сведения источников о родстве представителей первых поколений боярской фамилии Лыковых, живших во второй половине XIV – середине XV в., с учетом уникальных данных Жития Стефана Махрищского, предварительно можно свести в следующую генеалогическую схему:

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 23. С. 151. Л. 271–271 об.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 23. С. 151. Л. 270–271; Т. 25. С. 394 (стр. 652).

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 211. Л. 294–294 об., С. 237. Л. 331 об.–332, С. 252. Л. 352.

¹⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 728. Софийская библиотека. № 1058. Л. 41, № 1059. Л. 57; Синодик [Успенский]. С. 457; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 348; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 258–260; Памятники истории русского служилого сословия. С. 172. Л. 80; и др.

¹⁰⁹ ПКМГ. СПб., 1872. Ч. 1: Писцовые книги XVI в. Отд. 1: Местности губерний: Московской, Владимирской и Костромской / Под ред. Н. В. Калачова. С. 380.

Н. А. Охотина-Линд

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Вторая Камчатская экспедиция (1732–1743) под руководством Витуса Беринга, уникальная по величине, размаху и диапазону задач, оставила колоссальное архивное наследие, разбросанное по нескольким архивам и библиотекам России и в меньшей степени – Европы. Наибольшая часть документов, содержащая в первую очередь переписку с Адмиралтейств-коллегией, хранится в РГАВМФ в Санкт-Петербурге, в следующих фондах: 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия), 216 (Канцелярия капитана-командора В. Й. Беринга, капитана А. И. Чирикова и капитана I ранга П. К. Креницына), 230 (Походная канцелярия адмирала Н. Ф. Головина), 913 (Архив гидрографии) и в некоторых других.

В РГАДА в Москве большая часть документов Второй Камчатской экспедиции сосредоточена в фонде 248 (Сенат и его учреждения), остальные разбросаны по многочисленным другим фондам: 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям, бывш. разряд VI), 7 (Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция; бывш. разряд VII), 21 (Дела морского ведомства), 24 (Сибирский приказ и управление Сибирью; бывший Разряд XXIV), 161 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя, на иностранных языках), 192 (Картографический отдел МГАМИД), 199 (Портфели Г.-Ф. Миллера), 214 (Сибирский приказ), 286 (Герольдмейстерская контора), 349 (Московская контора тайных розыскных дел и Тайная экспедиция Сената), 607 (Якутская воеводская канцелярия, “дела с известным титулом”), 1025 (Иркутская провинциальная канцелярия).

В СПбФ АРАН все интересующие нас документы сосредоточены в двух больших фондах: 3 (Канцелярия и комиссия Академии наук XVIII в.) и 21 (Миллер Герард-Фридрих).

подавляющее большинство документов, относящихся ко Второй Камчатской экспедиции, сосредоточено в трех названных выше архивохранилищах, но экспедиционные материалы хранятся и во многих других архивах и библиотеках. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) в Москве получил в 1946 г. большие куски архивных дел из фондов РГАДА (тогда он назывался Государственным архивом феодально-крепостнической эпохи), включая и некоторые документы Второй Камчатской экспедиции. В АВПРИ интересующие нас материалы находятся в следующих фондах: 14 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя, на иностранных языках), 130 (Сибирские дела) и в фонде РАК (Российско-американская компания). Другие документы экспедиции Беринга хранятся в РГИА в Санкт-Петербурге, фонды: 1329 (Именные указы и высочайшие повеления Сенату) и 796 (Канцелярия Синода); в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБII РАН) – в Русской секции, колл. 40; в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО) – фонд И-47 (Тюменская воеводская

канцелярия); в РГВИА в Москве – фонд 2583 (Преображенский приказ); в Российском государственном музее Арктики и Антарктики (РГМАА), Санкт-Петербург – фонд 621; в ЦГА Москвы – фонд 2099 (Евангелическо-лютеранская церковь св. Михаила в г. Москве); в ОР БАН; в ОР РНБ – фонд 595 (В.А. и Д.В. Поленовы).

В зарубежных собраниях документы, связанные со Второй Камчатской экспедицией, очень редки. На сегодняшний день можно назвать: Landsarkivet for Nørgjylland, Viborg (Государственный архив Северной Ютландии, г. Виборг, Дания) Vitus Berings Fundats (фонд Витуса Беринга); Algemeen Rijksarchief. Den Haag (Публичный государственный архив, г. Гаага, Нидерланды), Liassen Moscovien, Ingekommen secrete stukken (Московские связи, входящие секретные дела); Staatsbibliothek Berlin (Государственная библиотека Берлина), Германия – фонд А. Г. Франке. Можно не сомневаться, что в будущем будут найдены и другие места, где хранятся документы, имеющие отношение к данной теме.

Конечно, некоторые документы Второй Камчатской экспедиции публиковались ранее, иногда даже не один раз. Но при таком обилии и богатстве архивного материала публикации документов были до конца 1990-х гг. относительно малочисленны и не отражали полный спектр разнообразных задач, которыми занималась экспедиция Беринга. Полный перечень публикаций материалов Второй Камчатской экспедиции (по состоянию на 2003 г.) был издан Петером Ульфом Мёллером в его “Библиографии”¹, поэтому я не буду останавливаться на этом подробно. Если же описывать общую ситуацию с предшествующими публикациями, то можно сказать, что хотя отдельные документы и начали издаваться еще со второй половины XVIII в., но к концу прошлого тысячелетия существовало лишь три сборника документов (здесь я не учитываю публикации отдельных документов) по интересующей нас тематике. При этом в “Русских экспедициях...”² на Вторую Камчатскую экспедицию приходилось 88 документов от общего числа 165, а в “Русской тихоокеанской эпопее”³ – 49 из 151. Сборник “Экспедиция Беринга” (1941 г.) был единственным, полностью посвященным Второй Камчатской экспедиции⁴, в него включено 89 документов, но отбор материалов при его составлении получился довольно своеобразным, в результате чего трудно получить полный охват разных направлений деятельности отрядов Второй Камчатской экспедиции. В том же 1941 г. блестящий знаток архивных материалов по истории Камчатских экспедиций А. И. Андреев подготовил к печати сборник документов под названием “Камчатские экспедиции Витуса Беринга 1725–1730 и 1733–1743 гг.”. К величайшему сожалению, из-за начала Великой Отечественной войны этот сборник не был выпущен, но сохранившееся его содержание показывает, что состав сборника был тщательно продуман, в него были включены важнейшие документы, освещавшие работу всех морских отрядов Второй Камчатской экспедиции⁵.

¹ Møller P. U. Vitus Bering and the Kamchatka Expeditions. A bibliography // Under Vitus Bering's Command. New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions. Eds. Peter Ulf Møller & Natasha Okhotina Lind. Århus, 2003. P. 270–304.

² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. Сост.: Т. С. Федорова, Л. В. Глазунова, А. Е. Иоффе, Л. И. Спиридонова. М., 1984.

³ Русская тихоокеанская эпопея / Сост. В. А. Дивин. Хабаровск, 1979.

⁴ Экспедиция Беринга: Сборник документов / Сост. А. А. Покровский. М., 1941.

⁵ *Охотина-Линд Н. А. И. Андреев и несостоявшиеся “Берингианы”* // Under Vitus Bering's Command. New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions. Eds. P. U. Møller & N. Okhotina-Lind. Århus, 2003. P. 179–221.

Никто не сможет сказать с уверенностью, каково общее количество документов Второй Камчатской экспедиции, хранящееся в архивах, но речь идет о многих тысячах, о десятках тысяч документов. На этом фоне документы, опубликованные к концу 20-го столетия, выглядят малюсенькой горсточкой. Несомненно, предшествующие публикаторы старались подбирать наиболее важные, с их точки зрения, документы, поэтому “горсточка” состоит из многих “жемчужных зерен”. К сожалению, помимо того, что нашими предшественниками было опубликовано лишь малое количество документов, но и археографический уровень этих изданий зачастую не соответствует современным научным стандартам, в них встречаются серьезные поновления языка, да и цензурные вмешательства советского времени бывают ясно видны при сравнении с оригиналами (например, из публикуемых текстов было выброшено все, касающееся региона реки Амура, жестокого подавления малых народов Сибири и т.п.).

Теперь переходим непосредственно к проекту издания документов Второй Камчатской экспедиции в шести томах. В 1993 г. крупнейшее датское издательство “Gyldendal”, имеющее богатые традиции издания не только художественной, но и научно-популярной литературы, обратилось к преподавателю, позже профессору русской литературы Копенгагенского университета П. У. Мёллеру с вопросом, не хотел бы он написать для “Gyldendal” книгу о Витусе Беринге, основанную на новейших знаниях о мореплавателе, и, естественно, по-датски. П. У. Мёллер (скончавшийся в январе 2020 г.) был литературоведом, а не историком, диссертацию он защищал по Льву Толстому, но был хорошо известен, во-первых, широким диапазоном научных интересов, во-вторых, способностью находить новые и неожиданные повороты в научных темах, и, в-третьих, обладал талантом писать легко и захватывающе. Мёллера эта идея очень заинтересовала, он дал издательству свое согласие написать новую хорошую книгу о Беринге, и углубился в чтение научной литературы по этой теме.

Сегодня, спустя 25 лет, новая хорошая книга о Беринге остается ненаписанной, но существует научный проект издания документов Второй Камчатской экспедиции. Тогда, начав изучать литературу, Мёллер быстро обнаружил, что подавляющая часть источников находится в архивах России, что на датский язык переведен один-два документа, что в России, казалось бы, написано об экспедиции довольно много и существуют сборники документов, но далеко не все стороны работы экспедиции они освещают. Он съездил на одну неделю в Петербург, в РГАВМФ, был потрясен богатством и разносторонностью хранящихся там документов, и вернулся в Копенгаген с твердой уверенностью в том, что прежде, чем начинать писать о Беринге и о его экспедициях, необходимо заново поднять колоссальный архивный материал и изучить его.

П. У. Мёллер решил привлечь к этой работе сотрудника с опытом работы с русскоязычными архивными документами, и его выбор пал на меня. В те годы я совсем недавно переехала в Данию и имела за плечами опыт работы в Археографической комиссии РАН, где специализировалась по древнерусским рукописям XIV–XVI вв. и защитила кандидатскую диссертацию по источниковедению. Сначала приглашение Мёллера удивило, для меня XVIII в. был тогда чем-то очень поздним, почти современным, но я уже усвоила суровое правило эмигрантской жизни: ни от какой работы не отказываться. Мне тогда представлялось, что я немного помогу хорошему коллеге с его Берингом, а уж потом займусь своей древне-

русской историей. Но жизнь распорядилась иначе: уже 25 лет я занимаюсь документами Камчатских экспедиций и вне всякого сомнения буду заниматься этим до конца моих дней, и если позволить немного пафоса, то можно сказать, что Витус Беринг стал моей судьбой.

В 1995 г. П. У. Мёллер и я подготовили наше первое заявление в Фонд Карлсберга (Carlsbergfondet). Фирма Карлсберг, производящая пиво, известна всему миру, но в самой Дании эти пивовары знамениты также покровительством и финансированием искусств и наук. Ими основаны и финансируются несколько великолепных музеев мирового уровня, а Научный фонд Карлсберга является самым крупным и самым престижным научным фондом Дании (<https://www.carlsbergfondet.dk>). Особенно гуманитарные науки, получающие все меньше внимания со стороны государства, очень благодарны Фонду Карлсберга за поддержку многих научных проектов.

Обычно ученые, получившие грант от Карлсберга, с гордостью подчеркивают это в своем curriculum vitae. Наш же проект по изданию документов Второй Камчатской экспедиции получил уже семь таких грантов. Наше счастье, что Фонд Карлсберга поверил в важность и нужность наших идей, потому что без их финансовой поддержки никогда не было бы выпущенных томов. С самого начала было учреждено, что в проекте было два сотрудника, из которых я всегда получала полную ставку и зарплату, соответствующую зарплате университетского преподавателя, а участие в проекте П. У. Мёллера, уже имеющего университетскую ставку и нагрузку, всегда было неоплачиваемым. Первые пять грантов давались на срок по три года, руководителем гранта тогда был П. У. Мёллер. Последние два гранта (включая текущий), в соответствии с изменениями в Фонде, давались на два года, и я уже стою единственным сотрудником и держателем гранта. Остается лишь добавить, что между всеми грантами лежали промежутки в один-два года, когда работа продолжалась de facto, но финансирования мы не получали.

Физической базой проекта с 1996 г. и по настоящий день служит Восточноевропейское отделение Института межкультурных и региональных исследований Копенгагенского университета (Østeuropæisk afdeling, Institut for Tværkulturelle og Regionale Studier, Københavns Universitet, Danmark), предоставляющий помещение и для нашей работы, и для “Архива Беринга” (о нем ниже). Лишь короткий период с 2002 г. по 2006 г. проект находился в университете г. Орхуса. Институт межкультурных и региональных исследований всегда был добрым хозяином и считает “Беринговский проект”, как он называется в университете, одним из своих ключевых научных проектов. Страница проекта в интернете расположена на сервере Копенгагенского университета.

В 1996 г., в рамках первого гранта, данного нам Фондом Карлсберга, у нас еще не было большой ясности и четкого плана, что собственно и как мы будем делать, кроме общей идеи – издавать найденные нами архивные документы Второй Камчатской экспедиции. В первую очередь, мы поехали в российские архивы: РГАВМФ и СПбФ АРАН, РГАДА, АВПРИ, начали просматривать архивные фонды, описи, отбирать документы, которые представлялись нам наиболее важными, интересными и репрезентативными. Объем и ценность материалов была просто ошеломляющей, перед нами были золотые россыпи, и самым сказочным было то, что благодаря выданным нам Фондом большим денежным суммам, мы имели возможность заказывать ксерокопии почти всех заинтересовавших документов. Говорю “почти”,

потому что условия работы в одном архиве сильно отличались от условий работы в другом. В большинстве случаев архивисты старались помочь нам, чем могли, к тому же в конце 1990-х г. деньги, которые мы платили за ксерокопии или фотокопии, были для архивов совсем не лишними. Но выяснилось, что в РГАВМФ существовало правило, по которому разрешалось копировать не более 10 % от каждого дела, а в АВПРИ приходилось чуть ли не зубами выгрызть каждый документ и долго доказывать, что у них действительно имеются те дела, которые мы просим. Различие заключалось и в том, как исторически формировались архивы и как откладывался в них материал. Например, в РГАВМФ и в СПбФ АРАН документы Камчатских экспедиций сосредоточены в нескольких хорошо известных фондах, там практически не существовало потребности “искать” что-то, надо было только просматривать дела и выбирать в них то, что казалось наиболее интересным. В противоположность тому, в РГАДА документы Второй Камчатской экспедиции рассыпаны по множеству больших фондов и дел (книгам). Тут речь шла действительно о кропотливом “поиске” сродни работе детектива, временами нужно было применять “метод дедукции”, чтобы сообразить, где можно попробовать поискать документы, относящиеся к экспедиции Беринга. Зачастую помогали и советы архивистов. В результате пришлось просмотреть немалое количество рукописных описей различных фондов, иногда эта работа приносила плоды, т.е. были найдены документы, о существовании которых раньше не было известно, иногда оказывалось, что труд многих дней потрачен впустую. Возникали и проблемы чисто практического свойства. Некоторые дела оказывались сшитыми в книги такой толщины, что положить их развернутыми на ксерокопировальную машину было невозможно, к тому же и текст со стороны внутренних полей “уходил в корешок”. В таком случае применялись два способа: или документ фотографировался профессиональным “архивным” фотографом, или кто-то из сотрудников архива по нашей просьбе переписывал документ, а я его затем считывала по оригиналу. Последние два способа были более хлопотными и дорогостоящими, чем ксерокопирование, но в итоге мы в том или ином виде получили все документы, которые хотели. В последние годы заказы из архивов уже намного реже и приходят они в виде цифровых снимков, и я очень рада, что подавляющее большинство копий в “Архиве Беринга” – это ксерокопии, с которыми значительно удобнее работать.

Помимо больших архивов, постепенно в поле нашего зрения стали попадать и небольшие архивы, музеи и библиотеки, в которых зачастую лежали всего один-два документа, имеющие отношение к Камчатским экспедициям (они перечислены мною в начале статьи). Мы считали важным введение в научный оборот максимального числа документов из разных архивохранилищ, хотя, несомненно, мы не учли абсолютно всего, и этот список в будущем будет пополняться. При нашей работе в архивах, библиотеках и музеях нам всегда (за очень-очень малым исключением) оказывали неоценимую помощь архивисты, библиотекари и музейные сотрудники, многие из которых со временем стали нашими хорошими коллегами и добрыми друзьями.

Поиск в архивах новых документов – это всегда наиболее увлекательная часть научной работы. После того, как мы привозили многокилограммовые пачки ксерокопий в Копенгаген, начинались суровые трудовые будни и тяжкий, порой скучноватый, но совершенно необходимый труд по регистрации документов

в электронной базе данных⁶. Мысль использовать для базы данных программу FileMaker Pro была мне подсказана сотрудником Археографической комиссии Н. А. Кобяк. На каждый архивный документ заводится собственная “карточка”. В каждой карточке есть поля: “отправитель”; “получатель”; “дата документа”; “краткое резюме содержания документа” (наиболее трудоемкое); “если документ публиковался ранее, то где”; несколько полей для каждого элемента архивного шифра; поле с отметкой, к какому тому нашей серии будет относиться данный документ. Первоначально в “карточку” были заложены и некоторые другие поля, но в процессе работы выяснилось, что большой необходимости в них нет. Программа FileMaker Pro необыкновенно удобна для поиска одновременно по нескольким параметрам. Например, если нам нужно выяснить, какие документы у нас есть, написанные А. И. Чириковым в 1739 г. и касающиеся строительства судов, то по этим трем параметрам программа сразу выдаст нам “карточки” на все зарегистрированные в программе документы, отвечающие заданным требованиям. В некоторых случаях бывает и очень полезно быстро пролистывать “карточки” только по полю “содержание”, это сразу дает полную картину жизни Второй Камчатской экспедиции и помогает находить интересующие нас документы.

Работа над пополнением базы данных велась все годы существования нашего проекта и еще не закончена, но близка к завершению. На сегодняшний день в базе данных зарегистрировано 7111 “карточек” (т.е. документов), в окончательном виде должно быть приблизительно 7500 “карточек”. По завершении проекта планируется разместить эту базу данных в интернете для свободного доступа исследователей и всех интересующихся, единственное условие для пользования – знание русского языка.

После того, как документ зарегистрирован в базе данных, он физически поступает в так называемый “Архив Беринга” Копенгагенского университета. Каждый документ – один или несколько листов А4 ксерокопии архивного документа – получает бумажную обложку, в верхнем левом углу которой наклеивается ярлычок с архивным шифром документа. Этот ярлычок создается с помощью все той же программы FileMaker Pro, на нем указаны: название архива, номера фонда, описи, дела, листов единицы хранения. Далее формируется архивное дело. Для этого используются специальные картонные коробки для бумаги размером А4, которыми пользуются все датские архивы и канцелярии. Одна такая коробка ксерокопий в “Архиве Беринга” соответствует одному реальному архивному делу. Единственное отличие: поскольку, как правило, копировалось не все дело целиком, а избранные документы, то в “деле” из “Архива Беринга” всегда будут пропуски между документами, например: л. 6–9 об., 20–25 об., 43–44 и т.д. Если одной коробки оказывается недостаточно для количества имеющихся документов, то “дело” получает несколько коробок с одним и тем же архивным шифром и с литерами А, Б, В и т.д. С другой стороны, есть случаи, когда несколько дел, имеющих только одну ксерокопию документа, помещены для экономии места в одну коробку, на которой указаны номера этих нескольких дел.

---

⁶ Первые лет десять я делала ксерокопии с тех ксерокопий, которые поступали из архивов, создавая тем самым резервные копии на случай возможных стихийных бедствий. Эта работа из-за отсутствия времени и неуверенности в ее необходимости не была доведена до конца, но эти ксерокопии с ксерокопий хранятся в защищенном подвале другого корпуса Копенгагенского университета.

В результате получается, что “Архив Беринга” имитирует реальную структуру архивов. Коробки с делами расставляются на полках по следующей системе: название архива, внутри архива – фонд, иногда бывает, что внутри фонда – опись, внутри фонда и описи – дело. На каждой коробке с делом написано, к примеру: “РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180”, “РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 53” и т.п.

На сегодняшний день “Архив Беринга” насчитывает 408 коробок с делами; ожидается, что со временем он еще пополнится пятью-десятью делами. Создание такого архива копий документов, касающихся Второй Камчатской экспедиции, не было изначально целью нашего проекта, он появился как удобное подсобное средство в работе над изданием документов, поскольку иначе просто невозможно было бы сохранять какой-то порядок в горах привозимых ксерокопий и находить среди них нужные документы. И самым удобным способом хранить документы и ориентироваться в них оказалось копирование структуры реальных архивов. В ходе работы стало очевидно, что “Архив Беринга” имеет вполне самостоятельную ценность и будет продолжать жизнь и после окончания издательского проекта. Естественно, существенный минус “Архива Беринга” – его неполнота, ведь в реальных архивах заказывались не абсолютно все подряд документы, а только представлявшиеся нам наиболее важными и интересными (это относится к первой очереди к РГАВМФ и АВПРИ, в других архивах удалось получить намного больший процент документов или же все документы), а это очень субъективный критерий отбора. С другой стороны, в одном помещении Копенгагенского университета, где на двери прибита дощечка “Beringarkiv” (“Архив Беринга”), можно работать с документами не только из разных архивов России, но и Европы, и одновременно с этим пользоваться для поиска нашей базой данных. Нами собрана также обширная библиотека, включающая не только книги, но и ксерокопии статей и редких книг по тематике Камчатских экспедиций.

Как уже упоминалось ранее, когда мы подавали самое первое заявление в Фонд Карлсберга, у нас не было ясной идеи, как и каким образом мы будем издавать документы Второй Камчатской экспедиции, кроме того убеждения, что археографический уровень издания должен быть на самом высоком научном уровне, а состав документов должен отображать не только деяния самой экспедиции, но и тот исторический контекст, на фоне которого эти деяния происходили. К окончанию нашего первого гранта, около 1998 г., у меня сложилась идея не ограничиваться одним сборником, а сделать несколько больших томов в хронологическом порядке – иначе совершенно не было бы возможным донести до будущих читателей все богатство и многообразие имевшихся в нашем распоряжении материалов. П. У. Мёллеру эта идея понравилась. Мы оба прекрасно понимали сложность найти финансирование для такого долгосрочного проекта, но решили дерзнуть, и подавать заявления в Фонд Карлсберга для грантов на каждый последующий том. Вот так эта эпопея и продолжается уже 25 лет: после окончания каждого гранта я в среднем около года или полутора оставалась безработной и продолжала доделывать тот том, грант на который уже истек (сделать такой том за три года мне не удавалось никогда), потом подавалось новое заявление на следующий том и мы никогда не знали, получим мы новый грант или нет, мы постоянно жили со страхом, что наш проект оборвется на полпути. На сегодняшний день, когда идет работа над последним, шестым томом, серии, мне самой трудно поверить, что проект, кажется, удастся довести до конца.

Мы с П. У. Мёллером всегда гордились тем, что с самого начала проекта наши тома стали составной частью большого издательского проекта Фонда Франке в г. Галле, Германия (Franckesche Stiftungen zu Halle) и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, и что они издаются под грифом их фундаментальной серии “Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven” (“Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов”) под редакцией д-ра В. Хинтцше. Виланд Хинтцше (при участии некоторых других немецких коллег) начал свой грандиозный проект года на два раньше, чем мы – свой. По счастью, наши научные интересы тесно соприкасаются, но не пересекаются друг с другом, поскольку В. Хинтцше занимается изданием материалов Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, где большинство документов написано по-немецки или по-латыни, а мы – документами морских отрядов экспедиции, написанных в большинстве случаев по-русски. На момент нашего знакомства в ноябре 1997 г. в Галле во время организованной Виландом большой выставки и международной конференции, посвященных натуралисту, участнику Академического отряда Г. В. Стеллеру, в Германии в тесном сотрудничестве с СПбФ АРАН уже сложилась концепция большой серии, состоящей из многих томов. Поэтому когда мы получили приглашение издавать наши будущие тома в серии “Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов”, мы приняли его безо всяких колебаний и с большой радостью. Позже П. У. Мёллер вошел в состав редколлегии серии.

Базой для многолетнего научного сотрудничества стало наше обоюдное стремление не просто издавать документы, а издавать их на самом высоком археографическом уровне. Традиции археографии в России близки немецким, поэтому у нас никогда не возникало противоречий, и мы всегда готовы помочь друг другу. В то же время некоторые расхождения между томами, подготовленными Виландом и мною, есть. Так, В. Хинтцше при передаче текста отмечает разбивку по строкам и в случаях сокращенного слова в косых скобках раскрывает пропущенные буквы внутри слова. Я этого не делаю, потому что на мой взгляд для текстов первой половины XVIII в. эта информация мало что дает читателю, а только затрудняет чтение и без того сложных документов. С другой стороны, я придаю большое значение историческим комментариям, а в немецких томах серии они почти отсутствуют. Иначе говоря, мы оба пытаемся добиться совершенства, но идем к этому разными путями.

Изначально предполагалось, что все книги в серии “Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов” будут параллельными, т. е. тома, написанные по-немецки, будут переводиться на русский, а соответственно русскоязычные тома будут переведены на немецкий. Эта задача оказалась много сложнее, чем думалось, она требовала привлечения новых ресурсов и людских, и финансовых. На сегодняшний день существует только два тома по Академическому отряду, вышедших параллельно на двух языках (мы в них участия не принимали). Еще один том вышел по-немецки, где я подготовила тексты русскоязычных документов (приблизительно половина общего объема), для публикации они были переведены на немецкий⁷. Планировалось сделать параллельное русское издание, где бы все немецкие и латинские документы были переведены на русский язык,

---

⁷ Hintzsche W., Lind N., Möller P. U. Dokumente zur 2. Kamcatkaexpedition 1730–1733. Akademiegruppe. Halle, 2004. 960 s. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus Russischen Archiven. Bd. IV/2).

и была уже начата работа по переводу, но к сожалению из-за нехватки финансирования этот труд так до сих пор и не доведен до конца.

Сложная система нумерации томов серии “Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов” зародилась на основе представлений о выходе в будущем параллельных томов в заданном порядке, и понятна она только ответственному редактору В. Хинтцше. Изданные нами тома имеют следующие номера большой серии: т. IV,1; т. VI; т. IX; т. X; т. XII. Мы сами для себя всегда пользовались простой нумерацией 1, 2, 3... для наших томов, называющихся “Морские отряды”. Как уже говорилось, по этой нумерации сейчас идет работа над хронологически последним 6-м томом. Какой “официальный” номер в рамках большой серии будет присвоен этому тому, окончательно станет ясно, вероятно, перед сдачей рукописи в издательство.

Приступая к работе над нашим первым томом, мы сразу столкнулись с вопросом о том, как лучше организовывать материал. Собственно, перед археографом обычно стоят три возможности: публиковать тематически, по авторам или в хронологическом порядке. При таком обилии документов, освещающих часто очень разные сферы жизни и события, было заманчиво разбить материал по темам, но мы быстро поняли, что в таком случае возникли бы большие проблемы. Если, например, в одном документе освещались бы разные темы, это грозило бы создать полную путаницу и сложность работы с такой книгой, к тому же такой в высшей степени неудачный пример уже существовал в истории публикаций документов Второй Камчатской экспедиции⁸.

Поэтому было решено, что хронологический принцип – самый простой и надежный, хотя он порождает другую сложность: отдельные документы, по содержанию объединенные одной темой, часто стоят в книге очень далеко друг от друга. Эту проблему я постаралась в какой-то степени смягчить, указывая в комментариях к отдельному документу, что существуют другие документы, связанные с ним тематически. Также с самого начала было решено, что мы издаем только документы. Большие произведения (как “Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга” С. Вакселя⁹ и “Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742” Г. В. Стеллера¹⁰), карты, чертежи, рисунки и судовые журналы из-за их объема и специфики материала не входят в тома данной серии. За пределами наших томов остаются документы Академического отряда, поскольку им посвящена отдельная серия в “Источниках по истории Сибири и Аляски из Российских архивов”.

Также с самого начала было определено, что документы публикуются на языке оригинала. Подавляющее число документов – русскоязычные, но есть и написанные на немецком, французском, латинском, датском и голландском языках. В таком случае дается текст на языке оригинала и его перевод на русский.

Когда составляется сборник документов, самая сложная и важная задача – отбор документов для публикации. Мы ставили своей задачей осветить различные стороны деятельности Камчатской экспедиции, и “героическую”, и “будничную”. Также стремились дать репрезентативную выборку материалов Камчатской

⁸ Экспедиция Беринга: Сборник документов / Сост. А. А. Покровский. М., 1941.

⁹ Ваксель Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Пер. Ю. И. Бронштейна; под ред. А. И. Андреева. Л.; М., 1940.

¹⁰ Георг Вильгельм Стеллер. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742 / Изд. А. К. Станюкович. М., 1995.

экспедиции, хранящихся в архивах. Поэтому в сборнике такое количество документов, на первый взгляд не имеющих никакого отношения к географическим открытиям – в первую очередь дела по доносам и бесконечная переписка по совершенно мелочным вопросам: о снабжении, перевозке грузов, выплате и невыплате жалования. К сожалению, в жизни Камчатской экспедиции эти дела занимали непомерно большую долю, отнимая массу драгоценного времени у самого Беринга и других офицеров, тем самым тормозя работу экспедиции. В архивных фондах эти дела тоже составляют большой процент от всех документов. Я также старалась дать возможность “высказаться” обеим сторонам в конфликтах, публикуя, например, версии и М. Шпанберга, и А. И. Чирикова, боровшихся за лидерство в экспедиции после смерти Беринга.

Документов по истории России первой половины XVIII в. опубликовано вообще не очень много, а такие стороны жизни, как частная переписка, мелкие ссоры между местными организациями, повседневный быт людей, взаимоотношения русской администрации и коренных народов Сибири документально освещены довольно бедно. Я надеюсь, что тома нашей серии введут в научный оборот большое число новых исторических источников, которые будут интересны не только специалистам по истории географических открытий, но и значительно более широкому кругу историков.

Приступая к работе над самым первым томом серии, мне необходимо было взять за основу какие-то палеографические правила, чтобы придерживаться их при транскрибировании документов. Тут мне пришлось столкнуться с тем, что для документов XVIII в. таких четко разработанных правил не существует. В известных мне публикациях текстов XVIII в. в лучшем случае стояло, что они переданы “по историческим правилам”, но чаще всего о правилах передачи вообще не упоминалось. Когда я начинала сравнивать разные публикации, то становилось ясно, что каждый публикатор транскрибирует их по-своему. Если я спрашивала у коллег, то встречала, как правило, недоумение: “XVIII век? Ну, тут все ясно – надо издавать по историческим правилам”. Если же я продолжала свое занудство: “А мягкий знак надо вставлять, если он пропущен? Если не надо, то как быть, если он разделительный и слово без него непонятно? А если после выносной он требуется ... и т.д.”, то собеседники быстро от меня уставали.

В итоге мне пришлось самой написать подробные правила передачи текста. Эти правила родились как черновая инструкция, составленная мною самой для себя. При таком большом количестве документов, которые мне предстояло переписывать, было очень важно самой не запутаться, где в названиях учреждений я использую строчную, а где – прописную букву, в каких случаях как я передаю “мягкий знак”, в какой мере я использую систему современной пунктуации и т.д. Составляя для себя эти правила, я все время помнила хорошие слова академика М. Н. Тихомирова, которые я услышала много лет тому назад в пересказе старших сотрудников Археографической комиссии: “Любые правила хороши, если они последовательно выдержаны”. Это стало моим главным девизом при составлении правил передачи текста, которые публикуются в предисловии к каждому тому¹¹. Я совершенно не претендую на то, что эти правила могут быть руководством для коллег-

---

¹¹ К примеру: Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1741–1742. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд. СПб., 2018. С. 18–23 (Серия: Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов. Т. X).

публикаторов; естественно, можно делать и по-другому. Но то, что для меня действительно важно – это дать читателю “ключик”, возможность “восстановить” особенности подлинника и с легкостью понимать, где мое издательское вмешательство, а где своеобразие орфографии и палеографии писца.

Сейчас, когда уже существует пять томов документов морских отрядов Второй Камчатской экспедиции, можно привести некоторые числа. В эти пять томов включены 1014 документов, в состав шестого тома войдет около 200 документов. Конечно, счет по документам – довольно условный показатель, потому что есть документы в несколько строк, а есть – в 100 рукописных листов, но тем не менее, если сравнить эти данные с числом опубликованных ранее документов Второй Камчатской экспедиции (см. выше), то различие будет говорить само за себя: подготовленные нами тома ввели в научный оборот большое количество документов, подавляющая часть которых издана впервые.

Тома нашей серии и полиграфически, и по основным обязательным рубрикам каждого тома, издаются в соответствии с правилами и традициями, принятыми для всей большой серии “Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов”. Обложки всех томов серии, начиная с 2005 г.¹², легко узнаваемы – зеленый переплет, все надписи желтые, в центре логотип всей серии с камчатским вулканом и морской короной Стеллера. Том открывается предисловием от редакционной коллегии; предисловие от составителей описывает кратко основные события, произошедшие в экспедиции за те годы, которым посвящен данный том, и объясняет палеографические правила передачи текста. Самый важный и объемный раздел – тексты документов. Документы расположены в хронологическом порядке; снабжены составительским заголовком перед началом и архивной легендой после окончания каждого документа; текстологические комментарии, отмечаемые буквами латинского алфавита, помещены в подстраничных сносках; исторические комментарии, отмечаемые цифрами, помещены после каждого документа. Иллюстрации даются в первую очередь для образцов почерков и подписей; иногда это рисунки или карты, привязанные к какому-то документу. Затем следуют приложения: хронология событий за те годы, которым посвящен том; глоссарий (своего рода толковый словарь устаревших и редких слов, встречающихся в документах); список использованных архивных фондов и дел; список сокращений; список использованной литературы; список иллюстраций; указатель имен; указатель географических названий; предметный указатель¹³; перечень документов.

Несомненно, издание документов Второй Камчатской экспедиции – главное содержание нашего проекта, именно для этой цели Фонд Карлсберга выдает нам гранты. Вторым по важности, во всяком случае, глядя глазами Фонда и датчан, стало создание страницы в интернете под названием “Беринг по-датски”, размещенной на сервере Копенгагенского университета (<https://beringpaadansk.ku.dk>). Датчане знают о Витусе Беринге и его экспедициях очень мало, да и откуда им знать, если переводная литература о Беринге была очень малочисленной и очень устаревшей, а исторические источники в переводе на датский можно было сосчитать на пальцах одной руки. В задачу нашего проекта входило “донести” Беринга до датчан,

¹² До 2005 г. дизайн обложек был иным и выдерживался в белом и коричневом цветах.

¹³ Во всех трех указателях делается различие между упоминанием в тексте источника и упоминанием в составительском тексте.

и в первую очередь необходимо было перевести на датский язык наиболее яркие документы, чтобы любой датский старшеклассник был в состоянии их прочесть. На странице “Беринг по-датски” предполагалось постепенно выкладывать новые и новые переводы тех документов, которые мы публиковали по-русски. Задача перевода русских текстов первой половины XVIII в., написанных в большинстве случаев не самыми образованными людьми, мало заботившимися об изящности слога, была отнюдь не легкой, но П. У. Мёллер справлялся с ней блестяще. Мы снабжали перевод каждого документа развернутой легендой и обширными комментариями, чтобы датскому читателю, не очень знакомому с историей России, было лучше понятно содержание документа. По количеству посещений хорошо видно, что страница в интернете пользуется большим интересом, я время от времени получаю письма или звонки от самых разных людей (в первую очередь учащихся), задающих вопросы о Камчатских экспедициях. Но, к сожалению, П. У. Мёллер, получивший в 2013 г. серьезную травму, больше не мог продолжать эту работу, а для меня самой она непосильна, здесь нужен носитель языка. К моему счастью, осенью 2019 г. в моем проекте проходил “производственную практику” студент Института межкультурных и региональных исследований Копенгагенского университета, заканчивающий магистратуру, Густав Келькеланн (Gustav Kelkeland). Помимо того, что он серьезный студент и очень интересуется историей Камчатских экспедиций, Густав еще и билингва, для него и русский, и датский языки – родные. Нашими совместными трудами страница “Беринг по-датски” пополнилась еще тремя документами, а у меня появилась надежда, что, может быть, работа по переводу в будущем продолжится. На сегодняшний день наша страница насчитывает 33 документа, переведенных на датский язык.

Помимо этого, и П. У. Мёллер, и я написали за эти годы несколько книг и статей по истории Второй Камчатской экспедиции, опираясь во многом на документы нашего собственного “Архива Беринга”. Нами вместе написана по-датски¹⁴ (позже вышел перевод на английский¹⁵) книга “Командор и его жена”, основанная на новонайденных документах о частной жизни Витуса Беринга, а также о плавании к Японии другого датчанина в экспедиции – капитана Мартина Шпанберга, и о трагической гибели от цинги большей части команды одного из северных отрядов экспедиции и его командира – норвежца Петра Лассениуса. Под редакцией П. У. Мёллера вышла публикация в переводе на английский язык судового журнала плавания Первой Камчатской экспедиции с сопутствующими научными статьями¹⁶.

В завершение нашего первого гранта, осенью 1998 г., нами была организована международная конференция “Recent results and new perspectives in the study of Vitus Bering and the two Russian Kamchatka-Expeditions” (“Новейшие результаты и новые перспективы изучения истории двух Камчатских экспедиций под руководством Витуса Беринга”), также при финансовой помощи Фонда Карлсберга. Конференция проходила в стенах Копенгагенского университета, в ней приняли участие специалисты из России, Дании, Канады, Великобритании, Германии,

---

¹⁴ *Okhotina Lind N., Møller P. U.* Kommandøren og konen. Arkivfund om danske deltagere i Vitus Berings ekspeditioner. København, 1997.

¹⁵ *Møller P. U., Lind N.* Until Death Do Us Part. The Letters and Travels of Anna and Vitus Bering. Fairbanks, Alaska. 2008.

¹⁶ *The Journal of Midshipman Chaplin. A record of Bering's First Kamchatka Expedition / Ed. and transl. by T. Fedorova, P. U. Møller, V. Sedov, C. Urness.* Aarhus, 2010.

Нидерландов, Швейцарии и США. По материалам конференции был выпущен сборник статей “Under Vitus Bering’s Command”¹⁷ (“Под командованием Витуса Беринга”). К сожалению, больше конференций мы сами не организовывали, но оба на протяжении всех этих лет активно участвовали во многих конференциях, проводимых в разных странах. Наиболее частыми гостями мы, несомненно, бывали на международных междисциплинарных конференциях “Deutsch-Russischen Begegnungen” (“Немецко-русские встречи”), проводимых ежегодно нашими близкими коллегами из Franckesche Stiftungen (Фонд Франке) и Internationale Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft (Международное общество Георга Вильгельма Штеллера) в г. Галле.

Несомненно, ближайшая цель проекта по изданию документов Второй Камчатской экспедиции – закончить работу над шестым томом, завершающим для Второй Камчатской экспедиции. Если мечтать о будущем проекта, то очень хотелось бы выпустить затем еще один том с документами Первой Камчатской экспедиции. Эта экспедиция была небольшой и материалов там как раз на одну книгу. После этого дело только за малым – сесть и написать монографию об истории двух Камчатских экспедиций под командованием Витуса Беринга, основанную на более широком круге архивных материалов, чем это делалось традиционно.

Больше, чем кому бы то ни было, мне самой известно, сколько ошибок и недочетов существует в изданных нами томах. Несомненно, что в будущем их найдут еще больше, ведь ни одной работы не бывает без ошибок. Но все же, я очень надеюсь, что изданные в рамках проекта документы послужат не одному поколению исследователей и просто любителей истории для написания многих новых трудов – научных и популярных. Я надеюсь, что хотя бы частица тех сокровищ, что хранят архивы, станет более доступной для читателей и приведет в итоге к более глубокому и полному пониманию не только истории Камчатских экспедиций, но и многих других аспектов истории XVIII в.

Но дело не только в количественном приращении документов, которое дают изданные нами тома. На мой собственный взгляд, основная ценность шеститомника заключается в том, что он показывает то невероятное количество задач, которые призвана была исследовать и решить Камчатская экспедиция. Если раньше исследователи рассматривали экспедицию как географическую, посланную в Сибирь составлять карты и открывать новые морские пути, то на основании введенных сейчас в научный оборот документов не должно оставаться сомнений, что главными целями экспедиции были политические, геополитические, экономические, социальные, культурные, миссионерские, – да, и конечно географические тоже. Камчатские экспедиции не “стоят в одном ряду”, как принято говорить, с другими широко известными плаваниями, совершавшими великие географические открытия. Нет, они уникальны, и равных им нет во всей мировой истории, и по количеству участвовавших в них людей, и по порученным им заданиям, и по полученным ими результатам, хотя последние и остались не оцененными правительством Елизаветы Петровны, а это разочарование отбросило длинную тень на все последующее восприятие Камчатских экспедиций и фигуры их руководителя Витуса Беринга.

---

¹⁷ Under Vitus Bering’s Command. New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions / Eds. P. U. Møller & N. Okhotina Lind. Århus, 2003.

Г. Н. Ланской

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АРХИВНЫЙ ФОНД ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА “РОСТОВСКИЙ КРЕМЛЬ”: ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И НАУЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В условиях существования сформированной в первые годы развития советского государства централизованной модели передачи документов постоянного срока хранения из организаций и учреждений в архивы, уполномоченные заниматься комплектованием Государственного архивного фонда, достаточно редким явлением становилось формирование документальных архивных фондов, не предназначенных для последующей передачи в создаваемые в системе государства хранилища. Данная ситуация объяснялась действием норм социалистической модели информационного права, в основе содержания которых находится отсутствие разделения публичного и частного прав собственности. Поэтому в организациях и учреждениях, имевших насыщенную событиями документированную историю, по существу формировались полулегальные собрания архивных документов, которые не были объектами широкого доступа для пользователей и были почти в буквальном смысле замаскированы под разного рода шифрами. В частности, они могли быть объединены и учтены в рамках моделируемых на государственном уровне каталогов и иных видов баз данных в качестве музейных предметов, что выводило сформированные архивные дела практически в один классификационный ряд с вещественными экспонатами, художественными изображениями, фотографическими альбомами. После признания в рамках норм законодательных актов 1990–2000-х гг. легального статуса создания, присвоения и использования объектов частной собственности, возникла потребность во введении в состав правовых институтов помимо основополагающего понятия “Архивный фонд Российской Федерации” терминов, способных обозначить сформированные законным путем комплексы документов, обладающие социальной, культурной и исторической ценностью и притом не подлежащие передаче в государственные архивные учреждения. В частности, М. В. Ларин в своей опубликованной в 2018 г. статье высказал рекомендацию о введении на законодательном уровне понятия “документальный фонд организации”, которое соответствовало бы реалиям современной практики организации комплектования и хранения ценных документов¹. Однако и в настоящее время практика работы с архивными документами ориентирована на их центрацию в составе государственных и муниципальных архивов.

В то же время очевидным является тот факт, что многие учреждения и организации стремятся к тому, чтобы с помощью своих ресурсов и технологических

¹ *Ларин М. В.* Актуальные вопросы развития и совершенствования архивного законодательства // ОА. 2018. № 2. С. 30–37.

возможностей организовывать хранение, учет и использование тех документов, которые были созданы и в других случаях собраны в процессе их деятельности. Данная стратегия обуславливается не только организационными сложностями перемещения документов в другие учреждения государственного и муниципального уровня, но и стремлением иметь к ним постоянный доступ и использовать их как в некоммерческих, так и в перспективе в коммерческих целях. В частности, в них на достаточно высоком уровне осуществляются проекты оцифровки имеющих историческую ценность документальных источников и их последующего размещения в моделируемых в соответствии с современными стандартами открытых архивных информационных систем. В частности, данный продолжающийся проект создания доступного широкому кругу пользователей цифрового исторического архива был реализован в Государственном музее-заповеднике “Ростовский кремль” и размещен на его сайте под названием “Документальный фонд”². По своей структуре данный ресурс представляет собой информационную систему, содержащую учетные сведения о зарегистрированных номерах хранящихся в ГМЗ “Ростовский кремль” архивных делах и их объемах, а также те заголовки, которые были присвоены данным делам в процессе их формирования.

При несомненном преимуществе сформированной таким образом достаточно простой с научно-методической точки зрения информационной системы, связанном с возможностью публичного ознакомления с полистным содержанием оцифрованного дела и получения представления о его физическом объеме, создание данного цифрового архива не является успешной альтернативой существованию реального, качественно сформированного исторического архива для организации или учреждения. Прежде всего, это объясняется отсутствием достаточно четкого понимания того, что представляет собой по своей сущности архивный документ в том смысле, который вкладывается в данное понятие в статье 3 Федерального закона “Об архивном деле в Российской Федерации”³.

В отличие от документов, представленных в составе находящихся на государственном или муниципальном хранении архивных дел, в музейных собраниях, и в частности, в ГМЗ “Ростовский кремль”, под архивным делом подразумевается переплетенная или сброшюрованная определенным образом подборка документов, которые могут иметь общие видовые признаки. К их числу, в рамках рассмотренного примера, относятся представленные на 159 листах названные в заголовке бумагами документы Ростовской кремлевской комиссии за 1890–1897 гг.⁴ или, в другом случае, – представленный на восьми листах проект отчета о деятельности Комитета Ростовского музея церковных древностей за 1886–1887 гг.⁵ При этом

² Документальный фонд Государственный музей-заповедник “Ростовский кремль”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rostmuseum.ru/arhiv/dokumenty/> (Дата обращения: 26.09.2023).

³ Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ “Об архивном деле в Российской Федерации”. Статья третья. [Электронный ресурс]. URL: <http://archives.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (Дата обращения: 26.09.2023)

⁴ Документальный фонд Государственный музей-заповедник “Ростовский кремль”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rostmuseum.ru/arhiv/dokumenty/> (Дата обращения: 26.09.2023). Порядковый номер 54 по описи – ««Бумаги Ростовской кремлевской комиссии за 1889–1897 годы». Не ранее 05.08.1889 – сентябрь 1897 г.». Имеется возможность просмотра и скачивания документа.

⁵ Документальный фонд Государственный музей-заповедник “Ростовский кремль”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rostmuseum.ru/arhiv/dokumenty/> (Дата обращения: 26.09.2023). Порядковый номер 40 по описи – «Отчет. “Проект отчета Ростовского музея за 1886–1887 годы”». Имеется возможность просмотра и скачивания документа.

практически невозможной во многих случаях является реконструкция тех критериев, в соответствии с которыми при создании архивного документального фонда музея происходил процесс формирования дел. Также распространенным явлением в рамках сформированных единиц хранения можно считать отсутствие в них внутренних описей, которые стали создаваться только во второй половине 1900-х гг., возможно, в связи с появлением в штатном расписании Комиссии по административно-хозяйственному управлению Ростовским кремлем и неразрывно связанного с нею Комитета Ростовского музея церковных древностей должности делопроизводителя. Отсутствие данного справочного поискового ресурса естественно снижает степень познавательной доступности созданной в цифровом виде архивной информационной системы, поскольку побуждает пользователя осуществлять полистный просмотр дела, идентифицируя заголовки представленных в нем документов. Наконец, очевидной является невозможность и временами нецелесообразность размещения в рамках цифрового ресурса всех хранящихся в музее дел, поскольку отдельные виды документов (например, счета и подрядные условия по ремонту различных строений и оказанию хозяйственных услуг) имеют однотипный с точки зрения оформления характер.

Таким образом, опыт изучения документального фонда ГМЗ “Ростовский кремль” свидетельствует о том, что его часть, представленная в полнотекстовом оцифрованном виде с небольшим набором учетно-справочных метаданных, не может рассматриваться как источник исчерпывающей и даже объективной информации о составе и содержании данного архивного информационного комплекса. Поэтому наряду с проведенной выборкой источников документированной информации для публикации в электронной среде был предпринят опыт полистного изучения сформированных в музее архивных дел для получения представления об их видовом и тематическом разнообразии, который к настоящему времени был распространен на период с определения замысла создания музея в 1882 г. до рубежа 1917–1918 гг., когда под влиянием исторической ситуации в России начался процесс трансформации его организационно-правового статуса. Результатом его осуществления стало выявление того факта, что представленные в составе исторического архива ГМЗ “Ростовский кремль” единицы хранения могут включать в себя как однородные по видовой принадлежности и по тематике документы, так и различные виды документов, каждый из которых может представлять самостоятельную информационную ценность. Также было определено, что в ряде случаев данный в процессе формирования дела заголовок не в полной мере отражает состав документов и соответственно их содержание. В частности, уже в первом из оцифрованных дел, которое согласно его заголовку может включать в себя исключительно протоколы и сметные расчеты, относящиеся к процессу восстановления архитектурных объектов Ростовского кремля и прежде всего Белой палаты, исследователь может обнаружить письмо епископа Ярославского и Угличского Ионафана известному ростовскому общественному деятелю А. А. Титову⁶. Данный документ, датированный 23 ноября 1882 г., содержит согласие на осуществление восстановительных работ, итогом которых стало последовавшее практически спустя год основание Ростовского музея церковных древностей.

---

⁶ Документальный фонд Государственный музей-заповедник “Ростовский кремль”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rostmuseum.ru/arhiv/dokumenty/> (Дата обращения: 26.09.2023). Порядковый номер 1 по описи – “Протоколы и сметы по возобновлению Белой палаты и прочих кремлевских зданий”. 1882–24.09.1884 гг. Имеется возможность просмотра и скачивания документа.

В ряде случаев при осуществлении сверки заголовка и содержания дела обнаруживалось, что составленный при включении дела в состав документальной части музейного фонда заголовок абсолютно отличался от тематики и видовой принадлежности включенных в него документов. В частности, дело, учтенное под шифром АДМ (архивный документ музея) – 24, было названо “приходо-расходной книгой Музея за 1890 г.”⁷. Однако при его полистном просмотре в его составе были выявлены описание произведений фресковой живописи в храмовых зданиях на территории музея, протокол заседания Ростовской кремлевской комиссии от 23 декабря 1884 г. о порядке проведения восстановительных работ в данных зданиях и реферат одного из основателей Ростовского музея церковных древностей, действительного члена Императорского Московского археологического общества И. А. Шлякова о предлагаемом им проекте покрытия храмовых зданий Ростовского кремля с графическими иллюстрациями. По этой причине при формировании предназначенной для публичного использования архивной информационной системы в составе метаданных было осуществлено изменение того заголовка, который был дан при формировании дела, на новый, адекватно отражающий его состав и содержание. Поскольку его видовое наполнение оказалось разнообразным, было принято решение применить для справочно-поискового описания обобщенный заголовок “Документы об архитектуре и интерьерах Ростовского кремля за 1891–1889 гг.”. В преддверии заголовка были перечислены виды включенных в состав дела документов, а в его рамках была указана их тематика.

В отдельных случаях было выявлено, что представленные в составе исторического архива ГМЗ “Ростовский кремль” дела были сформированы еще в период, предшествовавший революционным событиям 1917 г., и оставались нетронутыми для внешних пользователей, в том числе, и с точки зрения редактирования справочно-поисковых сведений к ним. Данное предположение можно сделать, в частности, на основании заголовка “По восстановлению Ростовского Кремля и по Ростовскому Музею документы первостепенной важности”, составленного в соответствии с принятыми в досоветский период орфографическими нормами. Поскольку этот несомненно отражающий реальные исторические условия развития Ростовского музея церковных древностей заголовок не нес в то же время полноценной смысловой нагрузки для современных исследователей, при формировании системы метаданных было принято решение о его изменении. В ходе данной работы был учтен тот факт, что в составе дела были выявлены различные виды документов, относящиеся к разным объектам. На его основании частично вопреки принятой в рамках теории и методики архивоведения практике к делу был сформирован двусоставный заголовок: “Документы, касающиеся организации музея и административно-хозяйственного управления кремлем за 1881–1887 годы. Документы, связанные с принятием великим князем Сергеем Александровичем под свое покровительство Ростовского музея церковных древностей”⁸. Однако во многих

⁷ Документальный фонд Государственный музей-заповедник “Ростовский кремль”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rostmuseum.ru/arhiv/dokumenty/> (Дата обращения: 26.09.2023). Порядковый номер 24 по описи – «Письмо, протокол, статья. “Документы (описание фресок ц. Спаса на Сенях, копия протокола кремлевской комиссии, реферат Шлякова о покрытии кремлевских церквей) об архитектуре и интерьерах церкви Ростовского кремля за 1884–1889 годы”». Имеется возможность просмотра и скачивания документа.

⁸ Документальный фонд Государственный музей-заповедник “Ростовский кремль”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rostmuseum.ru/arhiv/dokumenty/> (Дата обращения: 26.09.2023). Порядковый номер 12 по описи. Имеется возможность просмотра и скачивания документа.

случаях при аналитико-синтетической обработке и оценке состава и содержания дела и при наличии внешнего признака, обозначающего большое количество представленных в нем листов, при составлении метаданных принималось решение о составлении максимально обобщенного заголовка, отражающего исключительно происхождение и в значительной мере функциональное назначение документов и их хронологические рамки. В частности, к одному из выявленных в историческом архиве музея и составляющему 66 листов делу был сформирован заголовок: “Документы Комитета Ростовского музея за 1886–1888 годы”. При этом для обеспечения большего удобства использования данного дела, содержащего главным образом рукописные тексты, в преддверии заголовка были перечислены все представленные в нем виды документов (протокол, отчет, переписка, заявление, именные списки, программа работы), а после его окончания были указаны точные даты создания первого и последнего документов дела⁹. Однако и в этом случае полстный просмотр показал, что заголовок “Бумаги Комитета Ростовского музея за 1886–1887 гг.”, составленный при формировании дела во второй половине 1880-х гг. и помещенный на его титульной странице, имел весьма общий и только частично верный с точки зрения хронологических рамок характер. При этом в отношении данного дела можно обнаружить достаточно редкую для исторического архива ГМЗ “Ростовский кремль” ситуацию, при которой при его формировании была составлена внутренняя “опись бумагам”, не имеющая в то же время в отличие от современных справочно-поисковых ресурсов такого рода нумерации листов, на которых представлены учтенные документы.

Процесс подготовки научного издания архивных документов музея, который было решено начать с отражающих самый ранний период его развития с момента выдачи епархиальной администрацией благословения на его создание и заканчивая процессом его интеграции в систему учреждений культуры советского государства, осуществлялся параллельно созданию представленной выше открытой архивной информационной системы. Основываясь на полстном просмотре, нередко приводившем к изложенным ситуациям несоответствия заголовка дела его содержанию в тематическом и хронологическом отношении, он предусматривал выявление в составе подвергавшихся оцифрованию и запланированных к его осуществлению дел тех документов, которые представлялись наиболее ценными для раскрытия предварительно выявленных направлений развития Ростовского кремля. К их числу были отнесены восстановительные и реставрационные работы по отношению оказавшихся к началу 1880-х гг. в разрушенном состоянии архитектурных объектов и росписей; комплектование Ростовского музея церковных древностей предметами из различных коллекций; оказание экспертами, являвшимися одновременно членами Комитета данного музея, Комиссии по административно-хозяйственному управлению Ростовским кремлем, Ростовской археологической комиссии и в своем большинстве Императорского Московского археологического общества, научно-методической помощи лицам, заинтересованным в реставрации архитектурных объектов; организация управления музеем и кремлем как

⁹ Документальный фонд Государственный музей-заповедник “Ростовский кремль”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rostmuseum.ru/arhiv/dokumenty/> (Дата обращения: 26.09.2023). Порядковый номер 37 по описи – «Протокол, отчет, переписка, заявление, списки, программа. “Документы Комитета Ростовского музея за 1886–1888 годы”. 20.08.1886–02.04.1888 г.». Имеется возможность просмотра и скачивания документа.

со стороны внутренних административных структур (указанных выше комитета и комиссии), так и со стороны внешних государственных (Священный синод) и общественных (Императорское Московское археологическое общество) институциональных структур; осуществление сотрудниками музея культурно-просветительской деятельности. Также отдельное внимание уделялось представленному в архивных делах под обобщенными заголовками документов Ростовского музея церковных древностей и Комиссии по административно-хозяйственному управлению Ростовским кремлем богатому эпистолярному наследию, в составе которого, как правило, при отсутствии внутренних описей были выявлены автографические письма И. Я. Билибина, В. О. Ключевского, С. Ф. Ольденбурга, С. Ф. Платонова, С. М. Прокудина-Горского, К. П. Победоносцева, Б. В. Штюмера и многих других известных деятелей политики, науки и культуры Российской империи.

Подготовленная документальная публикация, частично представленная в приложении к информационному ресурсу “Документальный фонд”¹⁰, была составлена со значительным уклоном в сторону представления внешней специфики выявленных текстов, связанной с наличием авторских помет к документам, их орфографического и пунктуационного своеобразия, наличия элементов формуляра к ним и т.д. Еще одной особенностью, характерной для всего сформированного к настоящему времени и включающего в себя 502 подготовленных к изданию документа, является наличие к каждому из документов максимально подробного, полностью отражающего его содержание заголовка, структурированного по схеме “вид–автор–адресат (при наличии)–объект документирования”. Таким образом, планируемое к выпуску издание будет являться самостоятельным дополнением к тому архивному информационному ресурсу, который смоделирован и представлен на сайте ГМЗ “Ростовский кремль”.

Реализованный в рамках сотрудничества специалистов музея и Российского государственного гуманитарного университета при поддержке Министерства культуры Российской Федерации опыт работы по выявлению, учету, описанию и организации использования архивных документов имеет практическую значимость, соответствует традиционным и инновационным методическим и технологическим возможностям и является при этом поучительным в профессиональном отношении. Он свидетельствует о том, что изолированность работы различных типов культурно-просветительских учреждений с объектами документального наследия нередко препятствует ее необходимому качеству и дает сниженный по сравнению с желаемыми позитивными результатами эффект. По этой причине гармоничное сочетание апробированных научно-методических подходов с инструментами и ресурсами цифровой экономики может стать гарантией новых достижений в работе профессиональных историков и архивистов.

---

¹⁰ История музея “Ростовский кремль” в документальных источниках (1882–1909 гг.). Рабочие материалы к сборнику документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rostmuseum.ru/arhiv/dokumenty/materials>. (дата обращения: 26.09.2023).

Р. Г. Пихоя

АКАДЕМИК НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОКРОВСКИЙ КАК АРХЕОГРАФ

Н. Н. Покровский принадлежит к числу выдающихся отечественных историков и археографов. Его научное наследие охватывает широкий круг проблем истории России – и в хронологическом, и в проблемном отношении. В этой статье я хочу остановиться только на одной, но едва ли не центральной теме его исследований – на археографии. Без сомнения, научная судьба Н. Н. Покровского во многом была определена его учителем – академиком М. Н. Тихомировым, у которого он учился в Московском университете, сначала студентом, окончившим исторический факультет с “красным дипломом” в 1952 г., а затем – в аспирантуре. Его кандидатская диссертация была посвящена актовым источникам по истории черносочной деревни Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.

После защиты диссертации в 1955 г. Н. Н. Покровский был принят ассистентом на кафедру источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин истфака МГУ, которой тогда руководил М. Н. Тихомиров. В кругу научных занятий Н. Н. Покровского оказалась история советского общества. К сорокалетию юбилею революции 1917 г. готовился справочник “История советского общества в воспоминаниях современников. 1917–1957”. Эта работа с неизбежностью подводила к проблеме сталинских репрессий, тем более что работа по выявлению воспоминаний шла в политической атмосфере, созданной решениями XX съезда. Следует отметить, что и весь 1956, и 1957 гг. были временем волнений молодежи в высших учебных заведениях страны. В Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, Томске, Иркутске студенты, аспиранты, молодые ученые требовали установления ответственности руководителей КПСС за недавние репрессии¹. В этих условиях возросло внимание к истории возникновения и развития советской власти, к “ленинским основам” социализма, которые, как считалось, были извращены Сталиным.

Так возник своего рода семинар, объединивший молодых ученых Московского университета, большинство в котором составляли историки². Дело дошло до листовок, в которых содержался призыв к созыву чрезвычайного съезда партии, чистке партии и суду над всеми сообщниками Сталина по убийствам³. Девять участников этого кружка, в том числе и Н. Н. Покровский, были арестованы, а в феврале 1958 г. осуждены по статье 58-10 “Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти”. Н. Н. Покровский

¹ “Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов”. Выписка из протокола № 66 заседания Президиума ЦК от 19 декабря 1956 г. См. также: *Козлов В. А.* Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 годы // ОИ. 2003. № 4. С. 93–111.

² “Дело” молодых историков (1957–1958 гг.) // ВИ. 1994. № 4. С. 106–135.

³ Там же. С. 112–113.

получил 6 лет лагерей без права впредь проживать в Москве. Приговор был отменен только в 1989 г.

После своего заключения Николай Николаевич получил возможность работать во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике, где хранилась и хранится большая коллекция древнерусских рукописных и старопечатных книг, а в 1965 г. он поступил на работу в Сибирское отделение АН СССР. Его переходу в Новосибирск предшествовал щедрый дар академика М. Н. Тихомирова, завещавшего ГПНТБ СО АН СССР свое собрание рукописных и старопечатных книг⁴. По рекомендации М. Н. Тихомирова Н. Н. Покровский был фактически хранителем этого собрания.

Дальнейшая биография Н. Н. Покровского связана с новосибирским Академгородком, где он прошел путь от младшего научного сотрудника до академика и члена Президиума СО РАН.

Еще одним “наследством” М. Н. Тихомирова стала рекомендация его ученикам организовать поиски древних книг в Сибири, в Забайкалье. Первыми там начали полевые археографические исследования А. И. Рогов и В. Б. Павлов-Сильванский⁵. Н. Н. Покровскому и его коллегам – Е. И. Дергачевой-Скоп и Е. К. Ромодановской, филологам, прежде участвовавшим в экспедициях Пушкинского Дома под руководством В. И. Малышева, было суждено начать систематические поиски древних книг и рукописей в Сибири⁶.

Следует отметить и то, что Николай Николаевич начал преподавать на гуманитарном факультете Новосибирского университета. Его ученики стали участниками экспедиций, а позже – коллегами.

В 1968 г. в одной из деревень Горного Алтая был обнаружен рукописный сборник конца XVI в., содержание которого оказалось подлинной научной сенсацией. В нем находились документы по следственному делу Максима Грека и его сотрудника, позже – архимандрита кремлевского Чудова монастыря Исака Собаки⁷. Н. Н. Покровский не только опубликовал этот источник, но и блестяще осуществил исследование этого эпизода, а если точнее – то цепи событий церковной, внутривосточной, дипломатической и даже семейно-династической истории России первой половины – середины XVI в. Здесь едва ли не впервые Н. Н. Покровский продемонстрировал не только талант исследователя, но и незаурядные способности популяризатора, рассказчика, способного увлекательно, прекрасным языком выстраивать сюжет, не теряя научной доказательности⁸. Автор предисловия к публикации

⁴ Покровский Н. Н., Рогов А. И. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР (г. Новосибирск) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 162–172.

⁵ Павлов-Сильванский В. Б., Рогов А. И. Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г. // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 216–221; *Они же*. Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1960 г. // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 206–214; *Костина Р. В., Павлов-Сильванский В. Б.* Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1962 г. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 422–424.

⁶ Покровский Н. Н. Из истории первых новосибирских археографических экспедиций // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 15–22; *Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.* Археографические исследования Сибири второй половины 60 – начала 70-х годов и формирование коллекций рукописных и старопечатных книг // Там же. С. 23–36.

⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подгот. Н. Н. Покровский; под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.

⁸ Покровский Н. Н. Сибирская находка: (Новое о Максиме Греке) // ВИ. 1969. № 11. С. 128–138; *Он же*. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. / Вступит. ст. Д. С. Лихачева. Новосибирск, 2005.

“Судного списка”, председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт констатировал: “Сибирская находка знаменательна и как большой успех полевой археографии”.

Занятия полевыми археографическими исследованиями с неизбежностью должны были привести и привели Н. Н. Покровского к изучению феномена старообрядчества на Урале и в Сибири. Прежде изучение духовной культуры, явлений социального протеста, выступавших в религиозной форме, успешно велись А. И. Клибановым⁹. Однако подход, методы исследования старообрядчества, примененные Н. Н. Покровским, стали принципиально новым явлением в отечественной историографии.

Отмечу важнейшие:

– источниковая основа будущего исследования создавалась в ходе археографических поисков;

– это, в свою очередь, свидетельствовало о непосредственной духовной, религиозной, культурной преемственности между событиями XVII–XVIII вв. и староверами середины XX в. Память о героях исследования – старцах Максиме, Германе, Павле, о жителях скитов, образовавшихся вокруг горных заводов Урала, о страдальцах “за старую веру”, как и их гонителях, жила в сознании людей XX в.;

– возможность сравнить и проверить сведения из старообрядческих текстов, сохраняющихся в рукописной традиции XVII–XX вв., с актовыми источниками XVIII в., со следственными делами светского и духовного ведомств.

Археографические экспедиции создавали уникальную возможность увидеть, почувствовать жизнь далекого прошлого не в ее музейно-архивном варианте, а, что называется, вживую, в ее старообрядческом бытовании, сохранившем прежний быт и в образе жизни, и в чтении “по старым книгам”, и в крюковом, знаменном пении...

В итоге Н. Н. Покровский воссоздал картину жизни людей Урала и Западной Сибири XVIII в., в которой религиозные представления казаков, приписных крестьян, мастеровых и работных людей, заводских приказчиков и служащих были частью их отношения к начальству разных уровней, когда старообрядческое неприятие “антихристовых властей” служило обоснованием неприятия новых повинностей. Так появилась монография и докторская диссертация Н. Н. Покровского – “Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.”¹⁰, которая была защищена им в 1974 г. Эта книга сыграла важную роль в становлении археографических и исторических исследований на Урале, стала, для своего времени, путеводителем в истории края и образцом исторического анализа¹¹.

В дальнейшем Н. Н. Покровский продолжил исследование особенностей старообрядческих согласий Урала и Сибири и публикацию полемических и догматических сочинений староверов. Однако круг его научных интересов вполне закономерно расширился. Темой, которая его всегда живо интересовала, были органы самоуправления, существовавшие в городах России XVII в. Вместе со своим коллегой и другом В. А. Александровым он издал монографию, посвященную отношениям

⁹ Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960; и др.

¹⁰ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

¹¹ Пихоя Р. Г. Записки археографа. М., 2016.

власти и общества в Сибири в XVII в.¹², специально изучил особенности восстания в Томске в 1647–1649 гг., когда все городское население восстало против присланного из Москвы воеводы-лихоимца¹³.

После 1991 г., когда резко расширился доступ к историческим документам советского периода, Н. Н. Покровский вновь, как во времена своей молодости, обратился к самым важным документам совсем недавней истории. На этот раз он работал с документами Политбюро. Он вместе с С. Г. Петровым проанализировал и опубликовал документы о выработке новым коммунистическим руководством страны антицерковной, антирелигиозной политики¹⁴. Отмечу, что именно Н. Н. Покровский оказал поддержку в создании издательства “Сибирский хронограф”, главный редактор которого Л. С. Янович опубликовал там большое количество источников по истории Сибири. Н. Н. Покровский, опытный археограф-публикатор, предложил свои правила издания документов XX в., в полной мере учитывавшие практику издания документов феодального периода с их строгими требованиями к передаче текста¹⁵.

Н. Н. Покровский в 1992–1996 гг. был членом международной редколлегии Гуверовского проекта по взаимному обмену копиями документов между Гуверовским институтом с его богатым собранием источников по истории России и федеральными архивами России.

Занимаясь исследованиями по истории XX в., он не оставлял своих “феодальных” увлечений. Вместе с Е. К. Ромодановской он опубликовал документы по истории Тобольского архиерейского дома, участвовал в издании древнейших списков “Степенной книги”.

Николай Николаевич Покровский – это еще и талантливый педагог, научный руководитель, ученики которого работают по всей стране. Его помнят студенты, выпускники Новосибирского, Уральского университетов, Кембриджа.

---

¹² Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

¹³ Покровский Н. Н. Томск, 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры / Отв. ред. В. А. Александров. Новосибирск, 1989.

¹⁴ Покровский Н. Н. Политбюро и Церковь. 1922–1923. Три архивных дела // Новый мир. 1994. № 8. С. 194–210; Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. В 2 кн. / Подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск; М., 1997–1998.

¹⁵ Покровский Н. Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 18–46; *Он же*. Документы по истории церкви (информационные сводки ГПУ 1922 г.) // ИЗ. М., 1999. Т. 2 (120): Памяти академика И. Д. Ковальченко. С. 319–337.

В. Ю. Афиани

ВКЛАД Н. Н. ПОКРОВСКОГО В АРХЕОГРАФИЮ ДОКУМЕНТОВ XX В.

Имя академика Николая Николаевича Покровского ассоциируется, прежде всего, по выражению Д. С. Лихачева, с “археографическим открытием Сибири”, а также с изучением старообрядчества, крестьянской урало-сибирской письменности, народной культуры XVII–XX вв. Исторические исследования Н. Н. Покровского неразрывно связаны с источниковедением и археографией. Ученый соединил в своей деятельности все три археографические “ипостаси”, все три направления археографической деятельности: полевые археографические разыскания, описания рукописных книг и документальных памятников, их изучение и публикацию. Он создал “сибирскую археографическую школу”, был организатором и одним из руководителей поисковых археографических работ на территории Сибири, Урала, Алтая, в ходе которых было обнаружено множество ценнейших документальных памятников. Он публиковал многих своих выдающихся археографических находок – следственного дела Максима Грека и Исаака Собака (1971), древнейших списков “Степенной книги”, сборника “Тобольский архиерейский дом в XVII веке” (1994), полемических сочинений крестьян-старообрядцев XVIII–XIX вв. и др., инициатор издания документальных серий “Археография и источниковедение Сибири” (с 1975), “История Сибири. Первоисточники” (с 1993).

Менее известно о его выдающемся вкладе в изучение и публикацию документов XX в. Жизнь Николая Николаевича, как известно, включала и трагические страницы, преследование власти по политическим мотивам¹. И это не могло не наложить свой отпечаток и на его жизненный путь, и на его научную деятельность. Но иной раз кажется, что выпавшие на его долю испытания вели его к определенной цели, “per aspera ad astra”, как говорили древние.

Н. Н. Покровский был, что называется, с детства “обречен” на интерес к истории. Отец его, Н. И. Покровский (1897–1946), известный историк-кавказовед, историк Дагестана и Северного Кавказа, первый декан историко-филологического факультета Ростовского государственного университета, принимал участие и в научных экспедициях для сбора историко-этнографических материалов, публиковал новые исторические источники². Сфера его научных интересов – история СССР XIX в. и источниковедение. Закономерным было поступление Н. Н. Покровского на исторический факультет МГУ и в аспирантуру по кафедре источниковедения

¹ “Дело” молодых историков (1957–1958 гг.) // ВИ. 1994. № 4. С. 106–135; и др.

² *Гаджиев В. Г., Борохова И. М.* Н. И. Покровский и его роль в развитии отечественного кавказоведения // Научная мысль Кавказа: Научный и общественно-теоретический журнал. 1998. № 1. С. 72–91; *Мишиков Н. А.* К истории издания труда Н. И. Покровского “Кавказские войны и имамат Шамиля” // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: Материалы Международ. науч. конф. Ростов н/Д., 2013. С. 232–238; и др.

(1955). Большой удачей было попасть в число учеников М. Н. Тихомирова, у которого он прошел большую академическую школу. Начиная он со средневекового актового источниковедения, защитив кандидатскую диссертацию “Актовые источники по истории феодальной собственности в России XIV – начала XVI в.” (1955). Но был не чужд и изучению новейшей, советской истории. В 1955 г. М. Н. Тихомиров доказал необходимость преподавания общего курса источниковедения советской истории и планировал “поручить это новое дело молодому специалисту, воспитанному на критике источников древней России”³. Очевидно, что в этой роли он видел своего ученика, о чем свидетельствует предложение принять участие в работе над справочником о мемуарных источниках советского периода⁴, когда Н. Н. Покровский, по его же свидетельству, впервые столкнулся с этой проблематикой.

Запрет “навсегда” на проживание и работу в Москве после освобождения из лагеря мог бы быть фатальным, но, очевидно, не без помощи своего учителя, его ждала достаточно престижная для недавнего политзаключенного работа заведующим отделом, а вскоре и заместителем директора Владимиро-Суздальского музея-заповедника. И вновь крутой поворот в судьбе. Из кресла заместителя директора – в младшие научные сотрудники научно-исследовательских институтов создаваемого Сибирского отделения АН СССР. Этот переезд на новое поприще в Новосибирск не случайно совпал с передачей М. Н. Тихомировым Сибирскому отделению АН СССР своей замечательной коллекции древних рукописей. Статью об этой коллекции Н. Н. Покровский опубликовал в год смерти учителя⁵. Учитель подсказал ученику и новое направление работы, своего рода продолжение его собственной коллекционной деятельности, – поиск древних рукописей в Сибири и перспективную территорию для полевой археографической работы. Летом 1965 г. Н. Н. Покровского, в последний раз посетившего больного М. Н. Тихомирова, тот “с традиционной дотошностью расспросил... о перспективах хранения и использования его уникальной коллекции рукописей в Сибирском отделении Академии наук СССР, о том, как осуществляется договоренность о начале поисковых археографических работ”⁶. Это определило и дальнейшие научные интересы, и открытия и достижения молодого ученого.

Многие годы исследуя рукописное наследие старообрядцев, историю старообрядчества различных согласий, Н. Н. Покровский не мог пройти мимо его непростых взаимоотношений с Российским государством и Русской православной церковью (РПЦ). История Русской православной церкви, старообрядчества, других религиозных движений если и привлекала тогда внимание советских историков, то, по понятным причинам, достаточно односторонне. А проблемы взаимоотношений РПЦ с Советским государством, историю гонений на церковь после 1917 г. нельзя было полноценно изучать не только по идеологическим соображениям, но и по недоступности важнейших источников.

³ Покровский Н. Н. Время публиковать источники // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 2. С. 95.

⁴ История советского общества в воспоминаниях современников, 1917–1957: Аннот. указатель мемуарной литературы / Отв. ред. В. А. Дунаевский. М., 1958. 407 с. Имя Н. Н. Покровского как одного из составителей в издании не указано, см.: Афанасьева Т. А. История не терпит суесть // Созидатели: Очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 354.

⁵ Покровский Н. Н., Розов А. И. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 162–172.

⁶ Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005. С. 13.

События 1991 г., “архивная революция” открыли ранее наглухо закрытые двери, в том числе в “святая святых” – архив Политбюро ЦК КПСС, перешедший в ведение Администрации Президента России. После десятилетий занятий “древностями”, благодаря содействию коллеги, такого же “полевого археографа” Р. Г. Пихои, возглавлявшего российское архивное дело, и, разумеется, своему авторитету, Н. Н. Покровский одним из первых получил доступ к этому архиву. Ученый углубился в изучение протоколов заседаний Политбюро, материалов к ним, документов многочисленных комиссий, документов т. н. тематических дел, формировавшихся в делопроизводстве ЦК по разным темам, которых до него чаще всего не касалась рука профессионального историка, источниковеда и археографа. Его огромный опыт в области изучения и публикации рукописных средневековых памятников истории духовной, религиозной жизни России, источниковедения, археографии, палеографии и других специальных исторических дисциплин помогал в работе с документами новейшего времени. Из изучения документов архива Политбюро ЦК вырос проект публикации документов об отношении большевистской власти к Русской православной церкви в 1920-е гг.

Н. Н. Покровским двигали не только собственный естественный интерес и научное любопытство к совершенно секретным документам власти, но и забота о развитии отечественной исторической науки. С открытием архивов и практическим исчезновением закрытых для исследования проблем это время породило не столько углубленные штудии огромных комплексов ранее недоступных источников, сколько работу “с предельно широкими абстракциями на материале отечественной истории” и, как отмечал Н. Н. Покровский, с использованием “обобщающих схем, базирующихся на понятийном аппарате современной социологии, философии, политологии”⁷. И многие книги, по мнению ученого, к реальным событиям «имеют, пожалуй, еще меньшее отношение, чем пресловутый “Краткий курс” истории ВКП(б)»⁸. Можно добавить, что это было время расцвета публицистики, часто рядившейся в одежды научного исследования, бойкие, политизированные сочинения “прорабов перестройки”, многие из которых еще вчера продвигали партийную линию в истории, вносили свой вклад в растущее недоверие к историкам и их трудам.

Одним из эффективных противоядий подобной околосторической шумихе, отнюдь не безобидной, по справедливому мнению Н. Н. Покровского, является кропотливая работа по извлечению подлинных исторических фактов с помощью известных методик, выработанных источниковедением, текстологией, археографией, дипломатикой, палеографией, сфрагистикой: “Строгое применение таких методик – единственно достойный научный ответ историка обществу, которое постоянно обвиняет его то в лакировке действительности, то в ее очернении, а то и сразу в обоих этих грехах”. Тем более, как быстро все убедились, что чаемые секретные документы «не содержат “абсолютной истины” и требуют профессиональной научной критики»⁹. Наивную уверенность, что документы, хранившиеся за семью печатями, так долго и так тщательно скрываемые, содержат истину, правду

⁷ Покровский Н. Н. Время публиковать источники. С. 129. См. также: Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 11–21.

⁸ Покровский Н. Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 94.

⁹ Там же.

истории, что называется, в готовом виде, разделяли не одни только журналисты, публицисты и политики.

Н. Н. Покровский говорил о том, что им двигало в то время: “Моя главная цель и, если хотите, мечта – сделать достоянием науки и открыть для историков все то архивное богатство, которое у нас есть и по закону должно быть общедоступным”¹⁰. Для этого пришлось на несколько лет отодвинуть реализацию своих ранее намеченных исследовательских планов.

В этот период началось и мое более тесное, чем раньше, творческое общение с Н. Н. Покровским. Впервые мы познакомились после 1971 г., когда я начал работать в Археографической комиссии АН СССР, а Н. Н. Покровский стал нечасто приезжать в Москву из Новосибирска, для публикации под редакцией С. О. Шмидта своей сенсационной находки судного дела Максима Грека¹¹, в связи с подготовкой и проведением первой (и, к сожалению, последней) Всесоюзной конференции по полевой археографии (6–8 декабря 1976 г.), и др. Привлекала необычная внешность Николая Николаевича, “сроднившегося” со старообрядцами, его энергичная манера поведения, его наивно-удивленный, но иногда не без хитрецы, доброжелательный взгляд на собеседника.

Перейдя работать в Центр хранения современной документации, расположившийся, как и Роскомархив, в здании бывшего ЦК КПСС, отошедшем Администрации Президента РФ, я вошел в небольшую, неформальную группу историков, архивистов и сотрудников Роскомархива, обсуждавших злободневные вопросы, в том числе публикацию рассекречиваемых документов. Иногда обсуждения и дискуссии проходили в моем кабинете, на том же этаже. Н. Н. Покровский в это время стал чаще бывать в Москве, так как был включен в состав высоких президентских структур, стал одним из организаторов и заместителем председателя Российского гуманитарного научного фонда (1994). Н. Н. Покровский обсуждал с нами вопрос публикации документов Политбюро, протоколов заседаний Политбюро ЦК, что, кстати сказать, в полном объеме не реализовано до сих пор. Эти задачи по замыслу историка должна была решить фундаментальная серия сборников документов под названием “Архивы Кремля”¹² (первоначально обсуждалось другое название – “Архивы Кремля и Старой площади”). Н. Н. Покровский стал главным редактором первых томов серии, душой всего предприятия. Серия тематических сборников документов, как планировалось, должна была охватывать дела Политбюро по разным вопросам в 1920–1930-е гг., а затем и за последующие годы. Мы с академиком А. А. Фурсенко предложили включить в состав серии публикацию черновых записей заседаний Президиума ЦК КПСС за 1954–1964 гг. и материалов к ним¹³.

Выработка концепции серии “Архивы Кремля” и публикации сборника “Политбюро и церковь”, о чем писал Н. Н. Покровский, осуществлялась при участии

¹⁰ Созидатели... С. 351.

¹¹ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Под ред. С. О. Шмидта; изд. подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971.

¹² См.: Покровский Н. Н., Красильников С. А., Петров С. Г. Из опыта подготовки серийного издания “Архивы Кремля” // Проблемы публикации документов по истории России XX века: Материалы Всерос. научно-практич. конф. научных и архивных работников. Москва, 1–2 июня 1999 г. М., 2001. С. 168–177.

¹³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протоколы заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. / Гл. ред. А. А. Фурсенко; редколл.: В. Ю. Афиани, В. П. Козлов, Н. Н. Покровский, Н. Г. Томилина, А. О. Чубарьян; сост.: В. Ю. Афиани (отв. сост.), З. К. Водопьянова, А. М. Орехов, А. Л. Панина, А. С. Стыкалин, М. Ю. Прозументчиков. М., 2003, 2006, 2008.

Р. Г. Пихои, В. Ю. Афиани, В. П. Козлова, Н. А. Кривовой, Н. Г. Охотина, Т. Ф. Павловой. Правила публикации были разработаны Н.Н. Покровским, В.Ю. Афиани и С.Г. Петровым¹⁴. Эти правила и легли в основу археографических принципов для всей документальной серии. Мой проект археографических правил обсуждался, что-то было из него принято, что-то в конечном итоге зазвучало по-другому. Публикацию первых двух томов серии “Архивы Кремля”, сборников “Политбюро и церковь” подготовил Н. Н. Покровский совместно с молодым своим учеником С. Г. Петровым.

Ученый разработал и блестяще применил подлинно научную методику работы с документами XX в., подготовив двухтомник, посвященный отношениям Политбюро и церкви в 1922–1925 гг. Особенностью этой публикации было сочетание тематической публикации и полной публикации всех документов из выявленных тематических дел.

Он был уверен, что изучение “документалистики советской эпохи в принципе должно подчиняться общим законам исторического источниковедения. Директивы Политбюро, как и указы государя и Боярской думы, требуют проработки тех же общих проблем: установление аутентичного текста документа и способов его передачи; изучение подлинности, авторства, датировки, границы и степени тенденциозности и достоверности источника; определение вопросов, на которые документ может дать ответ и на которые он дать его не может и т. д.”. Но тут же констатировал, что “методы решения этих проблем для XVII и для XX в. будут различаться. Разработка специфических методов для документов XX в. сегодня является главной задачей историков этого периода. Без этого объективной, профессиональной истории советских десятилетий не создать”¹⁵.

Н. Н. Покровский мог бы ограничиться подготовкой к публикации нескольких конкретных тематических комплексов документов. Но он стал глубоко разрабатывать методологические и методические вопросы источниковедческого изучения этих документов (включавших документы не только ЦК, но и других руководящих органов Советской России), обобщив накопленный опыт в серии статей, которые внесли выдающийся вклад не только в собственно изучение проблемы, но и в источниковедение и археографию.

Какие же вопросы поднимал Н. Н. Покровский? В статье “Время публиковать источники” он сосредоточился на проблемах источниковедческого изучения документов, писал о необходимости полноты выявления всего комплекса источников, связанных с постановлениями ЦК (включая подготовительные, черновые и распорядительные документы, сохранившиеся в других архивах), о неприменном обращении не только к текстам официально опубликованным, но и к архивным подлинникам, рассылочным экземплярам, выпискам, копиям, особенно при обнаружении отличий между опубликованным и подлинным текстом, о важности атрибуции документов, установления их реального авторства, в том числе коллективных решений государственных и партийных органов, об установлении и отражении в публикации множественности дат создания и официальной публикации документа; о необходимости изучения и проблемах воспроизведения резолюций

---

¹⁴ Покровский Н. Н., Петров С. Г. От составителей // Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.: В 2 кн. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1. С. 6.

¹⁵ Покровский Н. Н. Время публиковать источники. С. 131.

и делопроизводственных помет. При отборе (“выборке”, по терминологии Н. Н. Покровского) документов для публикации, необходимо стремиться отказаться от идеологических и политических критериев, давать информацию обо всех выявленных, но не приведенных в публикации документах.

В статье “Источниковедческие проблемы истории России XX века” поднятые ранее проблемы дополнены новыми. Автор категорически возражал против “широко укоренившейся... неоговоренной практики правки текста документов, стилистических, орфографических и иных ошибок”, публикации документов только по одному из списков, продолжающейся, кстати сказать, нередко до сих пор. Он подчеркивал, что общеизвестные археографические требования: установления аутентичности текста, определения подлинности, границ и степени тенденциозности автора, способы передачи текста, часто не соблюдаются¹⁶. Более подробно Н. Н. Покровский остановился на проблемах выявления и отбора документов для публикации, атрибуции документов, установления авторства, датировки, выявления соотношения подлинника и копий, установления канонического текста документа, его достоверности. Отдельно – о важности сохранения специфики языка многих документов того времени, представляющих “сочетание революционного пафоса и безграмотности”, такого рода правку, неоговоренную в публикации, допускают для документов советского периода “Правила издания исторических документов в СССР” (1990 г.)¹⁷. Он останавливался и на затрагиваемом в разных статьях вопросе состава и содержания археографической легенды. Отмечал чрезмерную краткость фиксации в легенде подлинности-копийности текстов и встречающиеся ошибки в публикациях документов XX в. У Н. Н. Покровского археографическая легенда становится важным, объемным элементом научно-справочного аппарата публикации, в котором она включает сведения о месте хранения подлинника и всех выявленных копий документов, с описанием резолюций, помет, штампов на них, сведений обо всех предшествующих публикациях, включая официальные издания, и др. В статьях отмечались такие детали, как изучение почерков (приводились примеры ошибок в определении почерков, когда А. М. Назаретян, заведующий Бюро Секретариата ЦК РКП(б) в 1922–1923 гг., подписывался за И. В. Сталина, а Л. Б. Каменев – за Г. Е. Зиновьева), шрифта машинки, на которой печатались документы, и др. Н. Н. Покровского волновала и проблема подготовки комментария и важности указателей, он приводил примеры публикаций, в которых комментарий был фактически подменен биографическими справками. Он разделял замечание Д. С. Лихачева: “Хороший исследовательский комментарий... не должен излагать тех сведений, которые легко найти в общедоступных энциклопедических словарях и элементарных справочниках. Крупный недостаток некоторых комментариев состоит в неправильном выборе комментируемых мест: комментируется часто то, что легко может быть установлено, и совсем не комментируется то, на что комментатор не нашел ответа”¹⁸.

¹⁶ Покровский Н. Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века. С. 96.

¹⁷ Покровский Н. Н. Текстология Д. С. Лихачева и проблемы издания документов XX века // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации: Сб. научных трудов. Новосибирск, 2007. С. 60.

¹⁸ Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 539. Множество примеров подобного комментария в современных публикациях приведено у В. П. Козлова (Козлов В. П. Археографическое обозрение России. 1991–2012 годы. М., 2013; *Он же*. Второе археографическое обозрение истории России XX века. М., 2016).

О нетерпимости отступлений от фундаментальных принципов источникововедения, текстологии и, подразумевалось, археографии ученый писал во многих своих статьях этого времени. Покровский подчеркивал значимость высказывания Д. С. Лихачева: “В текстологии главная беда – это недоработанность предварительной, черновой части исследования, неучет всех списков, отказ от подведения вариантов, неосновательное исключение из рассмотрения части списков и другие проявления небрежности и лени”¹⁹.

Все затрагивавшиеся Н. Н. Покровским проблемы археографии (текстологии), к сожалению, остаются актуальными и сегодня. В этой связи нельзя не приветствовать инициативу Росархива и ВНИИДАД подготовить Методические рекомендации по публикации документов взамен “Правил издания исторических документов в СССР” (1990).

Источниковедческие и археографические принципы, разработанные и реализованные Н. Н. Покровским и его единомышленниками, однако, не получили полной поддержки у специалистов. Это можно объяснить разными причинами, для одних научная планка, поднятая Н. Н. Покровским, оказалась чрезмерно высокой, не хватало квалификации. В других случаях вмешивалась “проза жизни”, далекие от науки практические соображения – сжатые сроки подготовки публикации, сложности выявления и использования документов из других архивов, нерассекреченность части документов и т. п. Публиковались и осторожные, иногда не прямые, критические замечания. В частности, критиковалась практика публикации сформированных в делопроизводстве ЦК комплексов документов из протоколов и приложений к ним из инициативных документов и записок отделов ЦК, на основании которых вырабатывались и принимались постановления, как нарушающие хронологический порядок²⁰. Нужно, однако, заметить, что в принципе правильное положение о выборе для публикации подлинников документов может меняться в зависимости от концепции публикации, с соответствующим обоснованием. Недостатком публикаций (без указания конкретных публикаций) называлось то, что в некоторых из них “излишне много места уделяется изложению концепций и выводов редакторов-составителей, обильному цитированию публикуемых в сборнике документов”. Рекомендовалось такие предисловия монографического характера издавать отдельно²¹. Подобные “монографические предисловия” были характерны как раз для серии “Архивы Кремля”, что отвечало лучшим отечественными археографическими традициями. Возможно, такая позиция некоторых сотрудников Росархива сыграла свою роль и в том, что подготовленное Методическое пособие по публикации документов высших и центральных органов РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, отрецензированное Н. Н. Покровским, согласившимся стать ответственным редактором пособия²², после нескольких переделок по замечаниям Росархива так и не было издано, хотя оно называлось “нужной, полезной

---

¹⁹ Лихачев Д. С. Текстология. С. 99.

²⁰ См., например: Кудрявцев И. И. Некоторые вопросы археографической культуры документальных изданий 90-х годов // Проблемы публикации документов по истории России XX века. С. 87–88. Ранее опубликовано: ОА. 1999. № 5. С. 12–17.

²¹ Кудрявцев И. И. Некоторые вопросы археографической культуры документальных изданий 90-х годов. С. 89.

²² См.: Афиани В. Ю. Дискуссионные вопросы археографии документов XX в. (К разработке методического пособия по публикации документов высших и центральных органов РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1917–1991 гг.) // Проблемы публикации документов по истории России XX века. С. 72.

и ценной работой”, которая “в значительной мере позволит преодолеть некоторые узкие или, наоборот, слишком общие места, сформулированные в Правилах издания исторических документов 1990 г.”²³.

Спустя несколько лет Н. Н. Покровский, оставшись главным редактором или членом редколлегии многих продолжавших выходить томов серии “Архивы Кремля”, в научной деятельности вернулся к кругу своих традиционных интересов, включая публикацию текстов. Посчитал ли он свою миссию выполненной? Нужно сказать, что наполнение серии “Архивы Кремля” предполагалось более широким, чем реализовалось на практике. Большинство документальных публикаций серии посвящено событиям 1920–1930-х гг., за исключением сборника “Президиум ЦК КПСС”. В частности, обсуждался вопрос о публикации сборника о высылке интеллигенции за границу, получен был комплекс копий документов тематических дел по этой теме, который я по просьбе Н. Н. Покровского передал М. О. Чудаковой. По многим причинам далеко не все обсуждавшиеся планы были реализованы. Трудно и долго рассекречивались некоторые комплексы документов, возникали финансовые проблемы подготовки и издания сборников. Возможно, сыграла роль и своего рода “конкуренция” с документальной серией “Россия. XX век. Документы”, издававшейся Международным фондом “Демократия”, возглавлявшимся “идеологом перестройки”, академиком А. Н. Яковлевым, бывшим членом Политбюро ЦК, а при президенте Б. Н. Ельцине – председателем Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, одним из руководителей Комиссии по рассекречиванию документов и др. Административные и финансовые возможности Н. Н. Покровского были, разумеется, несопоставимы с возможностями фонда “Демократия”. Кстати сказать, к научному, источниковедческому и археографическому уровню ряда публикаций в этой серии высказывались справедливые замечания. Серия не имеет единой, целостной концепции публикации документов, в подготовке отдельных сборников участвовали публикаторы разной квалификации.

В заключение можно сказать, что и сейчас, по прошествии многих лет, публикация “Политбюро и церковь” остается образцовой, разрабатывавшиеся Н. Н. Покровским проблемы источниковедения и археографии документов XX в. вполне актуальными, его выводы и предлагаемые подходы не потеряли научной значимости. К трудам Н. Н. Покровского вполне применимы его же слова: “. . . яркие абстракции, широкие концепции в исторической науке довольно быстро меняются. А честные издания источников, дотошно сделанные справочники живут веками”²⁴.

---

²³ Покровский Н. Н., Красильников С. А., Петров С. Г. Из опыта подготовки серийного издания “Архивы Кремля”. С. 176.

²⁴ Покровский Н. Н. Время публиковать источники. С. 135.

Е. Н. Швейковская

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ – ИСТОРИК И ИСТОЧНИКОВЕД

В обширном научном творчестве академика Н. Н. Покровского (1930–2013, д.и.н. – 1974, чл.-корр. РАН – 1987, acad. РАН – 1992), разностороннего ученого второй половины XX – начала XXI в., нашего современника, четко выделяются три центральных направления: социальная история, источниковедение и историография, археология – полевая и эдиционная.

Научное становление Н. Н. Покровского состоялось под руководством выдающегося историка акад. М. Н. Тихомирова, а также в общении с его старшими учениками, первыми же из них были В. А. Александров, А. Н. Мальцев, Е. В. Чистякова, С. О. Шмидт, несколько позже – М. Т. Белявский, Д. И. Тверская. В. А. Александров, аспирант М. Н. Тихомирова в 1944–1947 гг., спустя многие годы вспоминал, что на первом курсе, занимаясь в семинаре М. Н. Тихомирова по Русской Правде, почувствовал “вкус к анализу исторического документа”. Важно, что на склоне лет он считал необходимым сделать акцент на том факте, что в его “профессиональном образовании Михаил Николаевич заложил умение анализировать источник и понимание достоверности или сомнительности сообщаемого им факта”¹. Ученики М. Н., став со временем известными историками, сохраняли с ним научные и жизненные связи, а после его кончины подготовили к изданию три разновременно вышедшие тома избранных трудов своего Учителя². С. О. Шмидт в предисловии к одному из них писал: “Глубокий знаток, неутомимый первооткрыватель и публикатор рукописей, М. Н. Тихомиров мастерски владел приемами исследования различных разновидностей письменных источников”, и наравне с ними вещественных, изобразительных, он “умел рассматривать извлеченные из них данные в теснейшей взаимосвязи”³.

Н. Н. Покровский в студенчестве слушал спецкурсы М. Н. Тихомирова и затем стал его аспирантом. М. Н. привлекал его как помощника подбирать необходимые цитаты из книг и документальных публикаций, которые М. Н. “целиком зачитывал из источника. И было очень поучительно наблюдать, как из продуманной системы отобранных летописных текстов прямо на твоих глазах рождалось их осмысление, концепционный анализ”. Покровский отметил и такой педагогический прием Тихомирова, когда старшие ученики “помогали младшим, так сказать, курировали их”. Такими “кураторами” у входящего в науку Н. Н. Покровского были

¹ Александров В. А. *Путь в историю, пути в истории (моя жизнь)*. М., 1998. С. 36.

² Тихомиров М. Н. *Классовая борьба в России XVII в.* М., 1969 (том подготовлен к печати В. А. Александровым); *Он же*. *Российское государство XV–XVII веков*. М., 1973 (том подготовлен к печати под редакцией А. В. Муравьева, С. О. Шмидта при участии В. Б. Павлова-Сильванского); *Он же*. *Древняя Русь*. М., 1975 (том подготовлен к печати под редакцией А. В. Арциховского и М. Т. Белявского при участии Н. Б. Шеламановой).

³ От редакции // Тихомиров М. Н. *Российское государство XV–XVII веков*. С. 9.

С. О. Шмидт и Д. И. Тверская⁴. С тех пор деловые и дружеские отношения связывали Н. Н. Покровского с С. О. Шмидтом долгие десятилетия⁵.

Кандидатская диссертация Н. Н. Покровского, над которой он работал в первой половине 1950-х гг., посвящена четко обозначенной теме – истории черносошного (черного) землевладения в средневековой Руси. Этот вопрос в историографии 1950-х, да и 1960-х гг. был недостаточно прояснен, тем не менее в отношении землевладения черносошных (черных) крестьян наметился подход как к одной из форм феодальной земельной собственности на Руси. Следует подчеркнуть, что проблема формирования феодальной земельной собственности в тогдашней историографии была одной из ведущих.

Черные крестьяне в XIV – первой половине XVI в. составляли довольно многочисленный слой населения во всех княжествах и в едином Русском государстве. Они несли (“тянули”) разные налоговые платежи и отбывали повинности в пользу верховного правителя, будь то князь-суверен и/или государь, особа и статус которого в средневековье олицетворяли собой государственное начало. Постепенно формировался разряд частновладельческих крестьян – светских (вотчинных, поместных) и духовных (церковно-монастырских). Со второй половины XVI в. черные земли и крестьяне в центре страны неуклонно сокращались, и к середине XVII в. они были сконцентрированы на севере Европейской России, а в XVIII в. эта категория составила костяк государственных крестьян.

Н. Н. Покровский для изучения темы сосредоточился на актовых источниках XIV – начала XVI в., и, скорее всего по совету М. Н. Тихомирова, сразу по двум обширным частям Руси – Центру и Северу. Такой методический прием обеспечил исследованию сравнительно-исторический аспект. Публично- и частноправовые акты XIV – первой половины XVI в. стали предметом пристального внимания Н. Н. Покровского. Именно они позволили разносторонне охарактеризовать тему о поглощении черных земель частнофеодальными владельцами – светскими и духовными. Вопросы актового источниковедения применительно к проблеме сущностного развития феодализма в средневековой Руси занимали значительное место в работах видных историков того времени: М. Н. Тихомирова, С. Н. Валка, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, А. И. Копанева, Н. Е. Носова, несколько позже С. М. Каштанова и др. Ученые привлекали разнообразные типы актов: договорные, жалованные, указные, разъезжие, межевые, данные, купчие, меновные, правые, судные списки.

М. Н. Тихомиров, как указал Покровский, отредактировал его диссертацию в 1956 г., но по не зависящим от автора причинам она была опубликована только в 1973 г.⁶ Несмотря на это обстоятельство ученые на протяжении почти 20 лет использовали ее положения и выводы. Книга Н. Н. и спустя время продолжает сохранять не только свою исследовательскую значимость, но она ценна источниковедческой ориентацией темы. Изученные ученым акты XIV–XVI вв. дали объемную

---

⁴ Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 549.

⁵ См. об этом: *Зольникова Н. Д.* Н. Н. Покровский по письмам коллег и друзей: Личность в общественной среде (1970–1980-е гг.) // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2016. С. 11–13.

⁶ *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV–начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 9.

информацию, позволяющую установить пути и способы формирования феодальных вотчин и понять, как черные крестьяне попадали под юрисдикцию частных владетелей. Покровский, не ставя задачи специального, формулярного анализа актов и их классификации, применил принятое к середине 1950-х гг. деление актов на типы и в них на подтипы, опираясь на закрепленные в них содержание и основные функции.

Ученый обстоятельно охарактеризовал следующие разновидности актов: 1) жалованные и указные грамоты с делением их на группы и подгруппы в зависимости от оформлявшихся ими отношений; 2) судные списки как протоколы судебного разбирательства и правые грамоты как решения суда, выдаваемые выигравшей стороне, а также связанные с ними судимые, срочные, бессудные грамоты; 3) акты, регистрировавшие частные сделки с недвижимостью: купчие, данные, меновные, а также заемные закладные кабалы, которые фиксировали договор займа, сопровождавшийся залогом должника своей землей; 4) духовные и деловые грамоты феодалов, оформлявшие наследование и раздел имущества между наследниками, а также некоторые другие⁷. Совокупное использование фактов, добытых из разных типов грамот, придало глубину изучаемой теме. Вопрос о путях попадания черных крестьян в зависимость от феодалов трактовался в неразрывной связи с выяснением видов и размеров «феодальной ренты», возложенной на ставших уже частновладельческими крестьян, с прослеживанием взаимоотношений между феодалами и крестьянской общиной.

Извлечение из актов содержательной информации при критичном в целом к ним отношении сочетается в работе с проверкой ее достоверности. Необходимость такого подхода, и в особенности к актам судебным, продиктована тенденциозностью документов, так как они были продуктом «деятельности феодального суда, направленной на укрепление феодальной земельной собственности», а содержащиеся в них показания отражают различные позиции черных крестьян и феодалов в борьбе за землю⁸.

Н. Н. Покровский охватил достаточно широкий круг вопросов, относящихся к феодальному землевладению, на которые можно получить ответ по судебным актам. Это – тяжбы о земле между феодалами и черносошными крестьянами; присвоение и захват феодалами черных земель, что сопровождалось борьбой крестьян за их возвращение; землевладение общины черносошных крестьян; феодальные подати черных и монастырских крестьян; переходы крестьян от одного феодала к другому и др.⁹ Практике землевладения, которая бытовала в общинах черносошных крестьян и отражена в содержании судебных актов, он уделил специальное внимание. Ученый применил компаративные приемы анализа к отдельным частям правых грамот, что ценно уже само по себе, и для определения состава органов самоуправления в черных общинах, земель индивидуального и общинного владения; он также выяснил способы распоряжения земельными участками, которые использовали крестьяне: отдача в наем, на льготу, отвод крестьянину-новоприходцу¹⁰. При этом важно проницательное утверждение Н. Н. Покровского, что

⁷ Там же. С. 3, 11–20, 20–26, 46–83.

⁸ Там же. С. 26–27.

⁹ Там же. С. 31–36.

¹⁰ Там же. С. 31–34, 36–39, 103–114.

только судебные акты “доносят до нас голос черносошного крестьянства, боровшегося за свою землю”. Однако он предостерегал, что судоговорение и разбирательство предстает в “изложении писцов феодального суда”, которые, он полагает, не могли быть лишь беспристрастными регистраторами “этой борьбы”¹¹.

Ученый для частных имущественных актов приводит общий формуляр данных, купчих, меновных грамот, выявляет региональные – Центра и Севера – особенности в нем. Существовавшее разнообразие имущественных сделок оформлялось определенной разновидностью грамот. Исходя из содержания каждой из них, Н. Н. Покровский всю совокупность грамот распределил по трем группам, ориентируясь на социальное различие участников сделки и принадлежность отчуждаемой земли. Эти группы грамот оформляли: 1) передачу князьями черной земли отдельным феодалам; 2) сделки с вотчинной землей между феодалами; 3) перераспределение черной земли как между крестьянами, так и между крестьянами и феодалами. Таким способом Н. Н. Покровский провел типологизацию частных актов по основаниям, принципиальным для цели его работы. Предложенная им группировка показала один из возможных путей классификации актов.

Третья группа грамот, из которой автор черпает данные о перераспределении черной земли между владельцами разного социального статуса, вызывает особый интерес. Переход земли по сделкам, зафиксированный актами, раскрывает неодинаковые социальные процессы: 1) реальные пути формирования феодальной земельной собственности, когда земля черных крестьян переходит к отдельным акторам; 2) бытование разнообразных поземельных отношений внутри общины при перетекании участков от одного крестьянина к другому. Поземельные сделки, оформлявшие отчуждение крестьянами своих земель, наиболее важны для изучения общинных отношений¹². Н. Н. Покровский выделяет основные статьи формуляра закладных кабал и подразделяет их, опираясь на сделанное Л. В. Черепниным наблюдение, на два типа: один – с правом пользования кредитором заложенной недвижимостью и другой – без указания на такое право, причем он оговаривает условность данного разграничения¹³.

Заслуживает внимания обнаруженный молодым ученым при рассмотрении разных типов частных актов признак, а именно – отсутствие различий в форме и в основном постатейном содержании грамот, оформлявших сделки как крестьянин – феодал, так и крестьянин – крестьянин¹⁴. Установленное наблюдение важно по своей значимости, так как письменный документ отражает факт совершения сделки и вместе с тем выражает качественную суть конкретной имущественной операции, будь то купля-продажа, отдача, заем-заклад земель, в которые вступают все частные лица между собой. Принадлежность же контрагентов сделки к одной или разным социальным группам, в особенности к полярно противоположным, имела неоднозначные результаты. При условии принадлежности участников сделки к одной страте происходило перераспределение земли между феодалами или между крестьянами, а в другой ситуации – при сохранении сущности сделки коренным образом изменялись экономические и социальные отношения между вступающими в нее контрагентами.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Там же. С. 49–52, 62.

¹³ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения. С. 62–67. См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. [В 2 ч.] М., 1951. Ч. 2. С. 89–90.

¹⁴ Там же. С. 49, 69.

Совокупная характеристика разновидностей актов, данная Покровским, подтвердила источниковый потенциал их многообразного содержания, которое пригодно для установления способов “поступления крестьян в зависимость от феодалов”, для суждений “о видах и размере феодальной ренты, об отношениях между феодалами и крестьянской общиной”¹⁵. Ученый убедительно доказал, что черные земли вне зависимости от региона находились в верховной собственности государства в лице князя, возглавлявшего феодальную иерархию в данном княжестве. Важно, что Н. Н. Покровский выявил у черносошных крестьян в сравнении с частновладельческими 1) более слабую феодальную зависимость, 2) значительные владельческие права на землю, включая распорядительные сделки. Главное же отличие между двумя изученными им формами землевладения¹⁶ – это неодинаковые темпы и пути, которыми шла феодализация в Центре и на Севере.

Исследование Н. Н. Покровского в начале его творческого пути представило изученную тему в многомерности, неоднозначности протекавших процессов феодализации в указанных регионах страны. Оно по важности поставленной и рассмотренной проблемы, использованию внушительного массива актовых источников, по полученным выводам вписывалось в актуальное направление современной ему историографии. Это обстоятельство выдвинуло Н. Н. Покровского в первый ряд отечественных историков средневековой Руси. Примечательно, что время вступления Н. Н. Покровского в науку совпало с началом полемики между ленинградскими и московскими историками о природе землевладения черносошных крестьян, которая с начала 1960-х г. переросла в долговременную дискуссию¹⁷.

С середины 1960-х гг. Н. Н. Покровский работал и жил в Новосибирском Академгородке, куда М. Н. Тихомиров передал в дар свое значительное собрание старинных документов, рукописей и книг. Их научное описание было возложено на

¹⁵ Там же. С. 92.

¹⁶ О характеристике Н. Н. Покровским социально-экономических форм землевладения на Севере Руси см.: *Швейковская Е. Н.* Российское крестьянство XIV–XVIII веков в трудах академика Н. Н. Покровского // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. М.; Самара, 2015. С. 165–175; *Зольникова Н. Д.* Н. Н. Покровский как исследователь // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. С. 7–8.

¹⁷ Polemika началась с рецензии И. И. Смирнова на монографию Л. В. Черепнина “Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси” (М., 1960). См.: *Смирнов И. И.* Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. // ИСССР. 1962. № 2. С. 138–161; № 3. С. 137–162. О дискуссии, например, см.: *Носов Н. Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 44–70; *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 126–252; Социально-экономические проблемы Российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов/Д., 1980; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. Реакцию на полемику, например, см.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. М., 1997; *Горская Н. А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 156–162. Заслуживает внимания высказывание Н. А. Горской о комплексе «проблем, ставших в историографии 1960–1980-х годов предметом неразрешимых дискуссий – статус земель, население которых находилось в зависимости только от государственной власти в лице князя (по терминологии источников с конца XIV в. – “черные”, т.е. тяглые)» (*Горская Н. А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. С. 161).

Н. Н. Покровского. Исследовательское внимание Н. Н. привлекла почти не имевшая историографии тема общественного сознания и психологии крестьян, заселявших Сибирь в XVII–XVIII вв. Конкретно ученый сосредоточился на таком важном феномене старообрядчества, как протест урало-сибирских крестьян в XVIII в. против официальной церкви и абсолютистского государства. Ставить и штудировать подобный вопрос в те годы, да и позже, возможно было лишь в ракурсе антифеодальной борьбы эксплуатируемых категорий населения.

Обращение Н. Н. к данной теме, предполагаю, могло быть стимулировано не только приоритетной в советской историографии проблематикой классовой борьбы, но и связью с исследованиями Учителя о народных выступлениях в XVII в., в частности о городских восстаниях в Пскове и Новгороде в 1650 г., а также выходом первого тома с работами по названной теме из неизданного наследия М. Н. Тихомирова и еще готовившимися его публикациями, о чем говорилось выше¹⁸. В первый том были включены работы М. Н., посвященные как раз классовой борьбе в XVII в. Публикатор В. А. Александров отмечал, что “народные движения стали одной из основных тем, к которой ученый постоянно возвращался на протяжении своей долгой творческой жизни”, рассматривая их “в тесной связи с экономикой, социальными отношениями, политическим развитием и культурой”. Изданные в том работы завершали цикл исследований М. Н. Тихомирова по теме классовой борьбы в XVII в. По убеждению публикатора: “Ни одно крупнейшее движение в этот период русской истории не было в той или иной степени обойдено его вниманием. Создается впечатление, что именно эти движения, а среди них народные восстания середины XVII в. интересовали М. Н. Тихомирова в наибольшей степени”¹⁹.

Заслуживает внимания и следующее суждение В. А. Александрова о творческом принципе М. Н. Тихомирова: “Свои исследования М. Н. Тихомиров создавал после многолетних изысканий в архивохранилищах и изучения самых различных источников (повести и сказания, записки частных лиц, правительственные документы – грамоты и отписки, следственные дела, материалы Земского собора и т.п.). Обзору следственных дел о восстаниях и выступлениях против царской власти, как типу актового материала, М. Н. Тихомиров посвятил отдельный раздел в своем курсе источниковедения СССР”²⁰. Автор далее продолжил свою мысль: “Публикации многочисленных документов по истории народных движений в XVII в. не только существенно дополняли обширную археографическую работу, проводившуюся М. Н. Тихомировым, но и по своему научному значению заняли видное место в советской исторической литературе”²¹.

Поворот Н. Н. Покровского к исследованию социально-психологических форм активного протеста населения, формирующегося в обширном регионе со значительным количеством старообрядцев, сам по себе знаменателен. Неординарную проблему автор воплотил в монографии с типичным для того времени названием “Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.” (Новосибирск, 1974). Содержание книги охватывает 20–80-е гг. XVIII в., время продолжавшейся крестьянской колонизации региона и период наиболее жестокой борьбы государства и церкви с сибирскими старообрядцами.

¹⁸ См. сноску 2.

¹⁹ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 6.

²⁰ Имеется в виду работа: Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1.

²¹ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. С. 9.

Документальной базой работы послужил внушительный массив разнообразных источников, как правило, впервые привлекаемых к исследованию. Конечно, среди них находились разнохарактерные сочинения и документы, созданные в старообрядческой среде. Первостепенно привлечение Покровским “нового типа статистических источников: материалов исповедального и старообрядческого учета”, которые возникли во исполнение указа Петра I об обязательности исповеди православного населения и обложении старообрядцев двойным окладом, а также использование ведомостей фискального учета старообрядцев, которые составлялись как реакция на их протесты. Эти учетные материалы в совокупности с данными четырех ревизий, проведенных в течение 1720–1780-х гг., составили обширный и прочный источниковый фундамент исследования.

Однако массовыми для книги стали судебно-следственные материалы, причем сложносоставные по своему характеру. Они слагались из источников разных видов: статистических, законодательных постановлений, эпистолярных текстов, нарративных старообрядческих сочинений. Преобладали среди них как раз документы самого расследования. Последние представляют собой “комплекс типологически разнородных источников, подобранных по сравнительно однородной бюрократической схеме”²². Именно судебно-следственные дела “доносят до нас подлинный голос урало-сибирского крестьянства XVIII в., обычно – в записи церковных канцеляристов, но иногда и непосредственно”, убежден Н. Н. Покровский. Данная оценка столь сложного и многоаспектного источника, как судебно-следственные дела, переключается с подобной же в отношении судебных актов, высказанной им в свое время в первой монографии “Актовые источники...”²³ Разделенные значительным временем источники, документирующие ход судебного процесса в конце XIV – начале XVI в. и проводимого государственного следствия в XVIII в., “доносят до нас голос” обычно безмолвствующего, по меткому выражению А. Я. Гуревича, большинства, каким были крестьяне и посадские многие столетия. Их высказывания и убеждения “слышатся” в записях судоговорения писцов, регистрировавших разбирательство, ведшееся феодальными судьями XV–XVI вв., и в протоколах церковных канцеляристов XVIII в., фиксировавших следствие против старообрядцев. Специфическая роль лиц, составлявших протокольные записи судебно-следственных документов, повышает исследовательские требования к достоверности сообщаемых фактов, и пристальное внимание Н. Н. к этому обстоятельству прослеживается в текстах обеих книг. Примечательно его высказывание: “Историк не может пройти мимо *волнующих* (выделено нами. – Е. Ш.) строк судебно-следственных дел, фиксирующих солидарность, уверенное мужество крестьян в отстаивании свободы совести, их гордое презрение к насильникам, спокойное осознание в консисторских или преображенских застенках самодовлеющей ценности своего внутреннего мира”²⁴. Покровский намеренно заостряет внимание на понимании

²² Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Отв. ред. С. О. Шмидт. Новосибирск, 1974. С. 30–33. Схема была следующая: донос – арест – “кровавый механизм следствия: допросы, пытки, очные ставки”; итог следствия – краткий экстракт, составленный в консистории. См. также: Швейковская Е. Н. Судебно-следственные материалы XVI–XVIII вв. в творчестве академика Н. Н. Покровского: источниковедческий аспект // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2016. С. 25–34.

²³ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест. С. 31. См. выше, сноску 11.

²⁴ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест. С. 32.

следователями XVIII в. фактической роли биографических сведений подследственных. В этой связи значительный смысл обретают его слова: “Судьи просвещенного абсолютизма, как духовные, так и светские, имели обыкновение считать грамотность подследственного отягчающим обстоятельством, если не прямой уликой. Нередки поэтому случаи, когда объявляли себя неграмотными даже крестьяне, обучавшие грамоте других”²⁵.

По судебно-следственным документам, разумеется в сочетании с другими, ученый выявил довольно разнородный социальный состав протестующих. Среди них были крестьяне, принадлежавшие к социально разным группам, как старообрядцы, так и православные. Вместе с ними в движении участвовали казаки, горнозаводские рабочие, гулящие люди, т.е. беглые вчерашние крестьяне. Покровский убедительно доказал, что на просторах Урала и Сибири в условиях продолжающейся промыслово-земледельческой колонизации характер протеста по своей сути был “общекрестьянским”. В подобных выступлениях сложно переплетались социальные, религиозные, политические мотивы. Крестьяне стремились к достижению фискальной независимости, к свободе от подушной подати и рекрутчины, к неподконтрольности общинного управления и суда местной власти, к реальной возможности обходиться без попов и консисторских предписаний. Ученый выявил наряду с явно выражаемыми устремлениями старообрядцев внутреннюю противоречивость их протеста, сложное переплетение в выступлениях религиозных, социальных, политических мотивов²⁶. Перед читателем разворачивается целенаправленная и ожесточенная борьба государства и церкви со старообрядцами с использованием такой системы расследования, когда начало одного следствия вело к десяткам новых дознаний. Подобным был детально рассмотренный ученым “огромный розыск” 1749–1750 гг. “об одном из руководителей уральских поповцев – первом попе софонтиевцев Урала Семене Васильеве сыне Ключарева”. О его масштабе Н. Н. написал: “Со времен Тарского розыска (1722 г. – *Е. III.*) Сибирь не знала подобной церковно-полицейской активности по старообрядческим делам”²⁷.

Монографический текст содержит не только красноречивую фактуру, но и показывает активно действующих участников разной социальной принадлежности и положения. Они представлены лидерами старообрядчества, церковными следователями (два митрополита), рядом доносчиков, лицами торгово-промышленной верхушки старообрядцев, даже крестьянкой, обвиняемой как “раскольница и колдунья”²⁸. Из анализируемого материала проступают живые жизненные коллизии, острые ситуации и трагичные обстоятельства. Среди них: коллективные самосожжения, жестокие пыточные расследования, действия военных команд, почти фантастические побеги арестованных из-под стражи и из Тобольской тюрьмы.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что монография Н. Н., писавшаяся, повторю, в начале 1970-х гг., наполнена реальными людьми, она глубоко антропологична по своему характеру. Вместе с тем, текст подкупает воссозданием поведенческой гибкости, практицизма крестьян в конкретных ситуациях, но и бескомпромиссной готовностью жертвовать жизнью. Ученый сумел проникнуть в глубины

²⁵ Там же. С. 32–33.

²⁶ Там же. С. 388–389, 390.

²⁷ Там же. С. 170–173, 183.

²⁸ Там же. С. 170, 174–183, 188–189, 194, 203–204, 209, 212–216, 252–258, 273–274. См. также: Там же. С. 73–77.

крестьянского сознания, которое воплощалось в социальном утопизме, выражалось в перипетиях борьбы старообрядцев с церковью и государством, отливало в народные правовые представления. В книге проштудированы не ставившиеся ранее вопросы и получены новые, оригинальные выводы о характере и сущности длившейся многие десятилетия с разной степенью интенсивности борьбы урало-сибирских крестьян против абсолютистского государства и церкви.

Особенно важен один из ключевых итогов монографии: “Социально-экономическая и политическая реальность неизбежно трансформировала и раскольническую эсхатологию, и христианские идеи пустынножительства, приспособлявая их для целей антифеодального протеста, в первую очередь – пассивного. Но как только недовольство крестьян проявлялось в форме открытых активных выступлений, старообрядческий протест неизбежно отодвигался на задний план”²⁹. Монография Н. Н. Покровского с “необходимым” по условиям того времени названием – это научный труд большой значимости, который раскрыл новые подходы и реальный потенциал в изучении антифеодальной борьбы, способствовал развертыванию исследований по истории старообрядчества.

Примерно с середины 1980-х гг. Н. Н. Покровский обратился к новой проблеме, именно о взаимосвязях общества и государства. Он поставил задачу осмыслить, каково было “место сибирских мирских организаций в функционировании сословно-представительной монархии”. Объектом для ее решения ученый избрал изученное в весьма малой степени восстание в Томске 1648–1649 гг. Среди работ о нем Н. Н. Покровский выделил документальную публикацию (1895 г.) и статью (1903 г.) Н. Н. Оглоблина, впервые информирующие о содержании материалов восстания, первые в советской историографии исследования о нем З. Я. Бояршиновой (1950-е гг.), статьи Е. В. Чистяковой, расширившей документальную базу изучения и включившей его в один ряд с другими восстаниями середины XVII в. (1970-е гг.), а также статью В. А. Александрова о народных восстаниях в Восточной Сибири, в которой автор уделит внимание роли “мира” в томском движении (1957 г.)³⁰. Примечательно, что новая монографическая тема Н. Н. Покровского органично вписалась в проблему изучения острых социальных антиправительственных движений, а автор встроился в ряд старших учеников М. Н. Тихомирова, уже штудировавших темы такого профиля и продолжавших научное дело своего Учителя.

Приоритетным в исследовании Н. Н. Покровского о восстании в Томске 1648–1649 гг. стал новый архивный материал, ранее абсолютно не использованный учеными³¹. Он позволил историку выяснить не только событийный ход движения, действия воеводских властей, но и, главное, активную роль мирской организации в перипетиях восстания, а в него постепенно вовлекались разные социальные группы томского и аборигенного населения. Типологически источники относятся к двум видам: текущему делопроизводству и снова к судебнo-следственным материалам. Важно, что Н. Н. специально выделил следующее обстоятельство своей работы

²⁹ Там же. С. 390.

³⁰ Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 7–8, 10.

³¹ Это хранящиеся в РГАДА в фонде 214 (Сибирский приказ) два массивных по числу листов столбца № 896 и 299, содержащих переписку о Томском восстании, причем с перебитыми листами, что потребовало от ученого скрупулезной работы по восстановлению их первоначального порядка. См.: Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. С. 13–14.

с документами Томского восстания, при которой он столкнулся с возникшими перед ним “трудными задачами источниковедческой практики, указанными еще М. Н. Тихомировым в его известном курсе лекций о приказном делопроизводстве”³².

По всей вероятности, Н. Н. Покровский имел в виду следующее суждение М. Н. Тихомирова о таких документах XVII в., как “расспросные речи” с их разновидностью “пыточными речами”. Тихомиров считал их важнейшим источником, так как они “относятся к военным делам, делам о восстаниях, к различным политическим событиям. Они представляют интерес потому, что в них человек рассказывает непосредственно о том, что он видел сам и что он сам слышал. Они, как правило, и отличаются даже в приказных документах своим более народным характером при изложении”. Тихомиров ставит уточняющий вопрос “почему?” и дает на него следующий ответ: “Потому что подьячие, записывавшие расспросные речи, боялись пропустить то или иное выражение, которое употребляло данное лицо, так как их самих могли обвинить в небрежении к тому или другому человеку”. Далее Тихомиров выделяет “расспросные речи во всех документах XVII в.” как “важнейшую часть этих документов. И в следственных делах они важны, важнее указов и отписок, потому что они отображают взгляды восставших, взгляды участвовавших в сражениях, каких-либо политических событиях и т.д. Особенно важны расспросные речи тогда, когда речь идет о каких-либо обвинениях политического порядка. Всякое дело о непригожих речах³³ против царя в основе своей держалось на расспросных речах, отписки воеводы – на расспросных речах, царская грамота – на отписке воеводы, на расспросных речах. Подлинным протоколом речей этих и будут расспросные речи или пыточные речи”³⁴.

В монографии о Томском восстании 1648–1649 гг. Н. Н. Покровский опирался на следственные документы, причем относящиеся к акциям, происходившим внутри двух враждебных и противоборствующих лагерей, и эту источниковую особенность необходимо подчеркнуть. Один лагерь сформировался вокруг первого воеводы О. И. Щербатого с верными ему сторонниками, а второй объединял действовавших “воровски” его противников, какими были второй воевода И. Н. Бунаков, дьяк Б. И. Патрикеев, криминальный авантюрист сын боярский Г. О. Подрез-Плещеев с последователями³⁵. Естественно, представители обеих сторон обвиняли друг друга в неправомерных действиях. Использование противоречивых свидетельств следственных дел уполномочило Н. Н. Покровского на высказывание, значимое для понимания сущностного принципа достоверности содержащихся в них данных: “искажение реальной действительности этими источниками имеет

³² Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. С. 12, 15. См.: Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII в. // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. С. 348–383.

³³ Изучение следственных дел “о непригожих речах” как главного источника предпринял П. В. Лукин в монографии “Народные представления о государственной власти в России XVII века” (М., 2000). “Непригожим речам”, которые вели к заведению следственных дел, автор дает следующее определение: «“Непригожие” (или иначе “непристойные”, “неподобные”, “невежливые”, “невместимые”) речи – это высказывания, которые, с точки зрения российских органов власти XVII в., наносили ущерб “государской чести”». Произнесение “непригожих слов” каралось, в зависимости от их характера, наказанием от кратковременного заключения в тюрьму до урезания языка и ссылки в Сибирь (С. 11).

³⁴ Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII в. С. 369.

³⁵ Названным и другим деятелям томских событий автор дал, так же как в предыдущей книге, живые характеристики. См.: Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. С. 37–39, 42–48, 96–99, 102–107, 226, 247, 303–304, 366–367 и др.

свои закономерности”. При существовании двух взаимоисключающих фактов срабатывают “традиционные источниковедческие правила”, когда уместно “выделить область бесспорного, равно признаваемого этими сторонами, открыто или молчаливо”. Значительный интерес вызывает авторская ремарка, сделанная в скобках, однако она перспективна по внутренней тенденции: “Вообще сфера умолчаний в наших (т.е. судебно-следственных. – *Е. Ш.*) документах дает основания для важных выводов”³⁶. Это замечание вкупе с высказыванием об искажении реальности документами следствия нацеливает пытливого исследователя, и не только в данном конкретном случае, на выявление латентной информации источников, что требует максимального в них проникновения.

Вопросы атрибуции, датировки и “особенно достоверности известий крайне тенденциозных документов, как правило, дающих противоположные версии происшедшего” были многотрудными для источниковедческой критики. Наличие двух-трех разных документов с идентичным изложением фактов предлагает ученому сделать нелегкий выбор “между двумя равно недоказуемыми утверждениями противоположного свойства”. В подобных и довольно частых случаях суть события верифицируется благодаря тщательному сравнению документов и соотнесению их частей, упоминаемых мелких фактов и деталей. Такой скрупулезный анализ позволил ученому обнаружить реальные или искаженные сообщения об одних и тех же событиях, текстовые и смысловые несоответствия, необходимые не только для получения “суммы фактов”, но и воссоздания “самой стихии народного бунта”³⁷.

Мотивируя привлечение документов двух обширных столбцов переписки Сибирского приказа, Н. Н. Покровский формулирует принцип исследования, много позже вошедший в историографию под названием “микроисторический”. Он заключается в рассмотрении изучаемых “событий со столь близкого расстояния”, как это редко удается, в сосредоточении на действии определенных факторов и противоборствующих сил, влиявших на обстановку и динамику самого движения в Томске. Н. Н. Покровский выявляет “главные закономерности, не абстрагируясь от конкретных подробностей, передавая как можно ближе к подлиннику показания источника, цитируя его текст”, что обуславливает понимание “духа эпохи, характера и языка действующих лиц, их образа мышления”³⁸.

Нередко показания разных документов об одном и том же событии или каком-то из его фактов были разноречивы, и историк был вынужден преодолевать сопротивление фактического материала, например, для определения начальной даты Томского восстания. Она и хронология мятежа были воссозданы в ходе установления порядка событий, изложенных в разных источниках, их датировки “либо точно, либо в каких-то пределах”; важно было также выявить неувязки и разрывы в хронологическом порядке изложения событий³⁹. Разные источниковедческие процедуры для характеристики и получения адекватной оценки сложносплетенных томских событий выполнены на протяжении книги с большой последовательностью⁴⁰. Тщательный текстуальный анализ наиболее важных документов⁴¹ ведется

³⁶ Там же. С. 16–17.

³⁷ Там же. С. 17, 77, 82, 260–262 и др.

³⁸ Там же. С. 18, 86, 89.

³⁹ Там же. С. 25–28, 40–41, 54–56.

⁴⁰ Там же. С. 20, 33–35, 50–53, 59–64, 101, 136–138, 208–209 и др.

⁴¹ Там же. С. 90–121, 313–321. См., например, главу с разбором шести апрельских челобитных 1648 г. или комплекс документов о событиях июня 1649 г. об отправке второй томской делегации к царю.

по отдельным формулам, фразам и их грамматическим элементам, чтобы быть уверенным в достоверности сообщаемых фактов и деталей, улавливании содержащихся в них противоречий⁴². Именно такие методические принципы и скрупулезные приемы позволили историку фиксировать события, поначалу вызывающие удивление и воспринимаемые как уникальные (в данном случае борьбу города с воеводой и длительное действие повстанческой власти. – *Е. III.*), затем постепенно осознать, “насколько типичны и обыденны основные ее (уникальности. – *Е. III.*) элементы”⁴³. Н. Н. Покровский делает акцент на необходимости критического отношения к делопроизводственным штампам, стандартным формулам, смысловым уловкам, находящимся в челобитных и других документах⁴⁴. Многообразные приемы глубокого источниковедческого анализа при изучении томских событий середины XVII в. убедили историка сделать принципиальное высказывание: “Историческая наука редко занимается такими с трудом определяемыми вещами, как атмосфера события, передоверяя их художественной прозе”. Однако «сухой деловой документ (например, одна из “заручных росписей”. – *Е. III.*) подчас тоже способен передать атмосферу конфликта»⁴⁵.

Исследования Н. Н. Покровского совокупно охватывают большой временной период XV–XVIII вв., на протяжении которого происходила эволюция государственно-политической и социально-экономической систем России. Результатом их развития и деятельности было появление и функционирование разных видов и типов документов. Ученому было присуще глубокое знание источников: актов XIV–XVI вв., судебно-следственных XVI–XVIII вв. и др., действовавших на хронологически длительных этапах. Он владел приемами тонкого источниковедческого анализа разнородных документальных комплексов, верификационного сочетания их сведений, что обеспечило трудам Н. Н. Покровского убедительность содержательных трактовок и оригинальных выводов.

Сильной стороной творчества Н. Н. Покровского, конечно, было базирование на мощном историографическом фундаменте. Один из его блоков складывается из достижений отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в., включающих наследие А. С. Лаппо-Данилевского. Об ориентации Н. Н. на воззрения этого историка я уже осторожно высказывалась⁴⁶, хотя прямые ссылки на работы А. С. Лаппо-Данилевского по методологии исторического знания и построения, по дипломатике частных актов у Н. Н. отсутствуют⁴⁷. Напомню кратко: А. С. Лаппо-Данилевский сформировал концепцию, в которой первостепенное место отводилось историческому источнику, причем в качестве реализованного продукта человеческой психики. Для познания же прошлого через содержание источника, а главное, адекватного отображения минувших событий и процессов историк вводил понятие “чужой одушевленности” и сочувственного вживания в наблюдаемые явления⁴⁸. Контекст монографий Н. Н. Покровского, в особенности

⁴² Там же. С. 27–28, 30–37, 39–41, 59–64, 71, 92, 103, 117, 120, 248 и др.

⁴³ Там же. С. 90.

⁴⁴ Там же. С. 92–95, 109, 242–244 и др.

⁴⁵ Там же. С. 77–80.

⁴⁶ *Швейковская Е. Н.* Российское крестьянство XIV–XVIII веков в трудах академика Н. Н. Покровского. С. 174.

⁴⁷ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1911–1913. Вып. 1–2; *Он же.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

⁴⁸ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. 2. С. 375. См.: *Швейковская Е. Н.* “Методология истории” А. С. Лаппо-Данилевского и “Апология истории, или Ремесло историка” М. Блока: опыт

об антифеодалном протесте старообрядцев, о восстании в Томске, и приведенные цитаты из них с несомненностью свидетельствуют о его квалифицированном умении вживаться в чужое “Я”, мастерски воссоздавать и реконструировать события далекого прошлого. При повторном обращении к монографии о Томском восстании я натолкнулась на свидетельство в пользу своего гипотетического мнения. Н. Н. Покровский, характеризуя обстоятельства начального этапа городского бунта в апреле 1648 г., разбирает несколько “повинных” челобитных сына боярского Г. Подреза-Плещеева, “этой крайне авантюрной и с любой точки зрения криминальной личности”. Историк в связи с документами, в которых фигурирует Подрез, написал: «Кроме того, следует отметить, что повинные челобитные ценны не только как “историческое предание” – источник, отразивший сложное переплетение взглядов современников на происходящее, но и как “исторический остаток”: это документальный результат действий, предпринятых восставшими в “воровских кругах” и оформленный в “воровской съезжей избе”»⁴⁹. Характерно, что в отношении таких документов ученый использует термины “историческое предание” и “исторический остаток”, употребляемые А. С. Лаппо-Данилевским при классификации источников и свойственные историографии рубежа XIX–XX вв.

Об отношении Покровского к творчеству А. С. Лаппо-Данилевского до некоторой степени можно судить по статье Н. Д. Зольниковой, в которой идет речь о его методологических ориентирах. Будучи ученицей Н. Н., она высказалась следующим образом: “Что касается других ориентиров, то Н. Н. Покровский всегда очень уважительно отзывался о неокантианце А. С. Лаппо-Данилевском, не утверждая, впрочем, что полностью разделяет все его теоретические воззрения; скорее это было знаком признания его замечательных разработок в области теоретического и актового источниковедения”⁵⁰. Причисляя Покровского как ученика М. Н. Тихомирова к московской школе в исторической науке, Н. Д. Зольникова отмечает “глубокое уважение”, с которым Н. Н. относился “к историкам Петербургской школы, на труды которых постоянно опирался, – не только к А. С. Лаппо-Данилевскому, стоявшему все же особняком, но и к С. Ф. Платонову, С. Н. Валку, М. Д. Приселкову, А. Е. Преснякову, Б. А. Романову (последний, кстати, с 1920-х гг. был в дружеских отношениях с Н. Л. Рубинштейном) и другим ученым, а также к их ученикам”⁵¹.

Несомненно, заслуживает внимания новаторская, по моему мнению, монография, написанная в соавторстве В. А. Александровым и Н. Н. Покровским, двумя разновременными учениками М. Н. Тихомирова⁵². Примечательно, что оба ученых объединили свои творческие усилия для разработки большой и глубокой по постановке проблемы о взаимоотношениях власти и социальных сообществ в Сибири XVII в. Данная проблема весьма значима для познания характера государственности России XVII в. и роли местных сословно-представительных организаций.

источниковедческого сопоставления // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докладов и сообщений науч. конф., Москва, 29–31 января 1996 г. М., 1996. С. 380–385.

⁴⁹ Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. С. 37–39.

⁵⁰ Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как исследователь. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 6. Поясню: Н. Л. Рубинштейн – первый учитель Н. Н. Покровского в МГУ, о котором “он до конца жизни вспоминал с глубокой признательностью” (Там же. С. 5).

⁵² Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. Краткую характеристику монографии см.: Швейковская Е. Н. Основные проблемы в исследованиях В. А. Александрова (к 80-летию со дня рождения) // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 215–216.

В центре внимания ученых находилась сфера общественного мировоззрения разных сословных сообществ сибирского населения, которое выражалось в традиционных земско-мирских понятиях, а реализовалось в соответствующих порядках. Данная комбинация обеспечивала, в свою очередь, устойчивое взаимодействие миров с местной воеводской и центральной ветвями власти при активно существовавшей между ними обратной связи на переходе от сословно-представительной к абсолютной монархии. Сосредоточиваясь на главной масштабной сформулированной проблеме – “власть” и “общество” в Сибири XVII в., авторы выделили для исследования первостепенные, с их точки зрения, вопросы. Они следующие: “1) сословные интересы мирских организаций основных слоев русского населения (крестьянства, посадских и приборных служилых людей); 2) симбиоз правительственного начала, воплощенного в лице воевод, повсеместно утверждавшихся в России с конца XVI в., и мирских организаций в разрешении задач местного управления; 3) пути и способы реализации мирскими организациями своих прав и разрешения возникавших задач, а иначе говоря, сословной защиты; 4) значимость для самой центральной власти мирских организаций и их участия в местном управлении”. Совокупное исследование названных сюжетов позволяет судить об уровне общественного самосознания сибирских переселенцев как в обстоятельствах повседневного общения с воеводами, так и во время столкновений, приобретавших самые острые формы⁵³.

Книга написана единомышленниками, и тексты соавторов органично вписаны в главы и их разделы. Все же в авторстве каждого можно сориентироваться, опираясь на их научные труды. Н. Н. Покровскому, вероятнее всего, принадлежат обширные тексты в главах V–VII, относящиеся к характеристике конфликтов внутри миров и с воеводской властью, о старообрядческом потоке в вольнонародной колонизации⁵⁴. В этих разделах и в других частях книги ранее сделанные в рассмотренных выше монографиях наблюдения расширены и углублены, дополненные другими источниковыми данными обрели иные трактовки и решения, а полученные результаты и выводы осмыслены в несколько ином проблемном ракурсе, главное же, исследование реализовано в новом концепционном ключе.

В 1990-е гг. Н. Н. Покровский на опыте работы с документами Политбюро и других директивных органов 1920-х гг., связанных с антирелигиозной и антицерковной политикой, выступил за их изучение с позиций “законов исторического источниковедения”. Он считал, что для них так же, как для документов досоветской эпохи, необходимо “установление аутентичного текста документа и способов его передачи; изучение подлинности, авторства, датировки, границы и степени тенденциозности и достоверности источника; определение вопросов, на которые документ может дать ответ и на которые он дать его не может”⁵⁵. Эти общие методы он конкретизирует: при установлении подлинности текста требуется выявить различия как между черновым и окончательным текстом, так и между принятым и официально опубликованным; установить детальное соотношение между подлинником и копией. Вопрос атрибуции и авторства текстов особенно важен для документов, принимаемых коллегиальными органами власти. Не проста задача

⁵³ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. С. 20.

⁵⁴ Там же. С. 171–350.

⁵⁵ Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 13.

и датировки документов, она таит подводные камни в виде нескольких разных дат одного документа – написания, отправления, получения⁵⁶. Названные источниковедческие требования, считал Н. Н. Покровский, не самоцель, а средство для корректного использования документа в историческом исследовании. Такие требования особенно важны и обязательны для вводимых в науку рассекреченных документов советского времени. И в настоящее время остается актуальным его убежденное высказывание о сущностной трактовке содержания источников этой эпохи: “Отделение мифотворчества от реальности – важнейшая проблема исторического анализа. Вводимые сейчас в научный оборот судебно-следственные материалы советского периода ставят эту проблему особенно остро для поколений историков”⁵⁷.

---

⁵⁶ Там же. С. 14–19.

⁵⁷ Там же. С. 20.

Е. В. Казбекова

ЛЕОН ЖИЛИССЕН И ПРОБЛЕМЫ КОДИКОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ РУКОПИСЕЙ

Бельгийский кодиколог и палеограф Леон Жилиссен (28.12.1924, Серекс-Ёзё (Serexhe-Neuseux) под Льежем – 17.06.2009, Монс) занимает особое место в историографии западноевропейской средневековой книги¹. Его имя прочно связано со становлением во второй половине XX в. кодикологии как отдельной дисциплины, с изучением средневекового переплета, разметки листа в средневековых рукописях и раннепечатных книгах, способов складывания тетрадей, с введением в кодикологические исследования понятия “высота строки” как “единица разлиновки”. Однако репутация его как исследователя противоречива: признавая новаторский характер его исследований, коллеги избегали обращаться к его наработкам или же пользовались ими с большой осторожностью. Действительно, во всех областях, которыми он занимался, Л. Жилиссен оставил заметный след, открывая новые темы для исследования, однако его выводы были впоследствии скорректированы или опровергнуты другими исследователями.

Л. Жилиссен происходил из семьи, занимавшейся кожевенным производством². В юности, которая пришлось на годы Второй мировой войны, он провел несколько лет в бельгийских монастырях, многие из которых стали укрытием для евреев и других преследуемых нацистами: в 1943–1948 гг. он жил в траппистском аббатстве Орваль, аббатстве премонстрантов в Лефе (Leffe), приории в Нанте, в бенедиктинском аббатстве Солем, где у филолога-музыковеда дома Эжена Кардина он начал занятия музыкой, палеографией и кодикологией. После возвращения в мир женился на Мари-Жозе Маршуль (Marie-José Marchoul), в семье было четверо детей. Изучая философию и историю в университете Льежа, Л. Жилиссен подрабатывал репетитором и каллиграфом. Его работы заинтересовали главного хранителя Королевской библиотеки Фредерика Лина (Frédéric Lina), пригласившего его в 1951 г. на работу в Королевскую библиотеку в Брюсселе в качестве реставратора – помощника гравера. Благодаря хранителю отдела рукописей Франсуа Мазе в 1959 г. Л. Жилиссен был переведен на работу в отдел рукописей в качестве художника-каллиграфа и реставратора³, что позволило ему вплотную заняться

¹ *Gilissen L.* Expertise des écritures médiévales. 1973; *Idem.* Prolégomènes à la codicologie. 1977; *Idem.* La reliure occidentale antérieure à 1400. 1983.

² Здесь и далее см.: *Lemaire J. C.* Léon Gilissen (1924–2009) // *Gazette du livre médiéval*. 2009. №. 55. P. 121–122.

³ *Gersten T.* Le couple Léon Gilissen – Marie-José Marchoul et la reliure de centaines de manuscrits médiévaux de la Bibliothèque Royale de Belgique // *Gerestaureerd met de beste bedoelingen: colloquium*, Brussel, Auditorium Lippens, Koninklijke Bibliotheek, donderdag 21 november = Restauré avec les meilleurs intentions: colloque, Bruxelles, Auditorium Lippens, Bibliothèque royale, jeudi le 21 novembre 2019 / Ed. Marjan Buyle. Brugge: Die Keure = La Charte, 2020. P. 8–14.

палеографией и кодикологией. Помогало знание семейного ремесла (технологий кожевенного производства) и каллиграфии. Он любил говорить о себе: “Я – ремесленник, заблудившийся на поле науки” (“Je suis un artisan égaré dans le champ de la science”). Обладая обширными знаниями в области кодикологии и палеографии западноевропейских рукописей, Л. Жилиссен содействовал научным проектам Международного комитета по еврейской палеографии (Comité international de paléographie hébraïque), будучи его членом с 1972 г.⁴ С 1975 г. принимал участие в работе Международного комитета по латинской палеографии (Comité international de paléographie latine), читал лекции по приглашению в университете Льежа, входил в редколлегию журнала “Scriptorium”, в 1982 г. был избран членом-корреспондентом Португальской академии истории (Academia Portuguesa da História). Выйдя на пенсию в 1987 г., не порвал связей с отделом рукописей, принимал участие в организации выставок по кодикологии.

Мне не хотелось бы посвящать свою статью только анализу и критике гипотез и концепций Л. Жилиссена, поэтому я использую заявленную мною тему как повод обратиться к проблемам, которые ввел в научный оборот Л. Жилиссен или которыми он активно занимался. В кодикологии – это конструкция переплета, которой посвящена его монография “La reliure occidentale antérieure à 1400 d’après les manuscrits de la Bibliothèque Royale Albert Ier à Bruxelles” (Турну, 1983), и разметка листа и способы складывания тетрадей, которым посвящена монография “Prolégomènes à la codicologie. Recherches sur la construction des cahiers et la mise en page des manuscrits médiévaux” (Ганд, 1977).

Я остановлюсь лишь на одной из этих проблем: на способах складывания тетрадей, описанных и проиллюстрированных Л. Жилиссеном на материале почти двух десятков латинских рукописей XI–XV вв. из Королевской библиотеки Брюсселя⁵.

Складывание тетрадей является частью большой темы производства рукописной книги и в частности книги “университетской”, т.е. многочисленных списков сочинений по теологии, праву, медицине, свободным искусствам, использовавшихся в университетском преподавании⁶. Поскольку значительная часть списков этих “университетских” сочинений была изготовлена в рамках специальной системы переписки, для них очень остро стоит вопрос с протографами и, соответственно, с выделением редакций и установлением истории текста. При переписке по пециям писец поочередно брал в лавке университетского книготорговца-стационария напрокат не переплетенные в кодекс тетради рукописи–“экземпляра”, содержащей проверенный университетскими властями текст; пеции при этом могли быть от разных “экземпляров”, от разных рукописей одного и того же сочинения. Серьезным

---

⁴ Le Comité de paléographie hébraïque. Cinquante ans d’activité / Par rédaction Colette Sirat, Présidente du Comité de Paléographie hébraïque. Publié 15 décembre 2015 – Mis à jour 4 janvier 2016. Электр. публикация: <https://irht.hypotheses.org/999> (дата обращения: 10.01.2021).

⁵ *Gilissen L. Prolégomènes à la codicologie...*

⁶ Итальянская исследовательница Дж. Мурано приводит данные о более 900 сочинений, переписанных по системе “экземпляр – пеция”, сохранившихся в более чем 2800 списках: *Murano G. Opere diffuse per esemplar e pecia. (Fédération Internationale des Instituts d’Études Médiévales. Textes et études du Moyen Âge, 29). Turnhout, 2005; см. также: Казбекова Е. В. Пространственный аспект в кодикологических исследованиях списков Novae constitutiones папы Иннокентия IV XIII–XVI вв. Списки “Novae constitutiones” Иннокентия IV по данным каталогов библиотек Европы и США // ЭНОЖ “История”. 2014. Вып. 8 (31) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000926-7-1> (доступ для зарегистрированных пользователей).*

препятствием в изучении истории текста многих университетских сочинений являются большое количество сохранившихся списков и их большой объем⁷. Интернациональный характер готического книжного письма и иллюминации затрудняет датировку и локализацию этих манускриптов. Поэтому история текста многих университетских сочинений до сих пор не прояснена, отсутствуют критические издания. В этих условиях для датировки и локализации списков и, соответственно, выделения редакций оказывается важна любая косвенная информация, в том числе такая кодикологическая информация, как способ складывания тетрадей.

В историографии вопрос о складывании тетрадей почти сразу после выхода книги Л. Жилиссена был увязан с проблемой переписки в неразрезанный лист (методом, который в полиграфии называется “спуском полос”), о чем свидетельствует рецензия Эммануэля Пуля в журнале “Bibliothèque de l'école des chartes”⁸. Э. Пуль привязал сюда также и переписку по печиям. В этом же ключе, в связи с проблемой “спуска полос”, вопрос о складывании тетрадей рассматривался и в отечественной историографии Л. И. Киселевой. Она сделала важные уточнения и добавления к гипотезе Л. Жилиссена, его схемы складывания тетрадей воспроизведены в ее докторской монографии 1985 г. “Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV–XV вв. Кодикологический и книговедческий аспекты”⁹.

Л. Жилиссен, изучая края листов (пятна, порезы, зазубрины, наколы, следы разлиновки) для того, чтобы выявить, как соединялись листы до их разрезания, т.е. каков был вид сложенной неразрезанной тетради, выявил и описал четыре возможных способа складывания тетрадей-кватернионов¹⁰, что теоретически, при накоплении достаточного сравнительного материала, может использоваться для определения принадлежности рукописи к тому или иному скрипторию, для датировки и локализации. Именно складывание определяет распределение мясных и волосяных листов по правилу Грегори – Рэнда и то, какими будут первый лист тетради и ее разворот: мясными или волосяными.

На самом деле способов складывания не четыре, а больше. Л. Жилиссена интересовало, как соединялись листы до их разрезания, т.е. каков был вид сложенной неразрезанной тетради. Однако *в какой последовательности* могли переписываться листы в ней, т.е. какова была схема расположения бифолиумов на развернутом

⁷ Подробнее см.: *Казбекова Е. В.* К вопросу о переписке книг в сшитых, несшитых, неразрезанных тетрадах (на материале списка “Декреталий Григория IX” XIII в. РНБ. Lat. F. v. II. № 8) // Специальные исторические дисциплины. Сб. статей / Отв. ред. Б.Л. Фонкич. М., 2018. Вып. 2. С. 214–258.

⁸ *Pouille E. Léon Gilissen. Prolégomènes la codicologie. Recherches sur la construction des cahiers et la mise en page des manuscrits médiévaux.* Gand: Éditions scientifiques Story-Scientia, 1977. In-4°, 249 pages, illustrations, 3 tableaux hors texte. (Les publications de Scriptorium, 7) // Bibliothèque de l'école des chartes. Année 1979. Vol. 137, № 1. P. 84–88.

⁹ *Киселева Л. И.* Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV–XV вв. Кодикологический и книговедческий аспекты. Л., 1985. С. 25–32.

¹⁰ См. переписку схем Л. Жилиссена современной итальянской исследовательницей Марией Луизой Агати с исправлением ошибок и с указанием лицевых и оборотных листов и схемой их размещения на шкуре животного: *Agati M. L.* Il libro manoscritto da oriente a occidente per una codicologia comparata. Roma, 2009. P. 157–159. Используемое М. Л. Агати обозначение способа складывания по составу тетрадей (“способ складывания тетради-бинниона, кватерниона” и т.д.) более корректно, чем обозначение «складывание “in-quarto”, “in-octavo”» (здесь обозначает “складывание в четыре листа, в восемь листов”), используемое Л. Жилиссеном и Л. И. Киселевой, поскольку его легко перепутать с обозначением формата. Схемы с комментариями и уточнениями воспроизведены в: *Казбекова Е. В.* К вопросу о переписке книг в сшитых, несшитых, неразрезанных тетрадах... Рис. 6а–9а. С. 235–239.

неразрезанном листе, он не исследовал. Между тем для каждого из четырех описанных Л. Жилиссеном способов существуют их “дублиты”¹¹: тот же внешний вид сложенной тетради можно получить, складывая неразрезанный лист другим способом, схема расположения листов “дублета” будет иная (!). Способы “А” и “В” представляют собой комбинированную фальцовку с преобладанием параллельных сгибов, поэтому имеют по одному “дублиту”. Для способов “С” и “D”, представляющих собой перпендикулярную фальцовку (каждый сгиб перпендикулярен предыдущему), помимо “дублетов”, есть и вторые варианты складывания: тот же внешний вид сложенной тетради при той же схеме расположения листов можно получить и другим способом. Необходимо отметить и еще один важный момент, не упомянутый Л. Жилиссеном и другими исследователями: теоретически возможны способы складывания не только для разрезания, но и для переписки.

Все описанные Л. Жилиссеном способы складывания кватерниона и биниона являются способами складывания для разрезания. Переписывать в них текст крайне неудобно, поскольку, кроме разворота середины тетради, везде накладываются друг на друга разные бифолиумы, и чтобы заполнить второй лист бифолиума, приходится каждый раз переворачивать и/или перегибать сложенную тетрадь, иногда неоднократно. Вопросу, как осуществлялась переписка в неразрезанных тетрадях (пример такой рукописи — Париж. BNF. lat. 1107. л. 400 (защитный лист переплета; Часовник, конец XV в., Франция)¹²), Л. Жилиссен специального внимания не уделял. М. Л. Агати со ссылкой на Карлу Боццоло и Эцио Орнато упоминает лишь о том, на каком этапе работы писец мог разрезать сложенную тетрадь¹³, в отношении же переписки в неразрезанных тетрадях придерживается мнения о складывании листа уже после его заполнения.

Другая точка зрения на алгоритм переписки была высказана Л. И. Киселевой. Она анализировала сигнатуры листов — на этот важный признак в тот момент не обратил внимания ни Л. Жилиссен, ни другие западные исследователи. В западноевропейских рукописях XIII–XV вв. буквенные и/или знаковые сигнатуры ставились, как правило, только в первой половине тетради. Вот что пишет по этому поводу Л. И. Киселева: «Совершенно очевидно, что сигнатура ставилась не только для переплетчика, но и для писца, особенно если он писал текст на небольшом неразрезанном листе (т. е. со “спуском полос”) для книги малого формата. Именно этим, как нам представляется, можно объяснить необходимость нумерации листов в каждой тетради. Сохранившаяся буквенно-цифровая нумерация листов первой половины тетради в рукописях XIV в. является свидетельством того, что переписчик писал в неразрезанный лист (иначе вторая половина тетради получила бы обозначение). Обозначенные листы указывали переписчику последовательность переписки, при этом переписчик несколько раз должен был переворачивать и поворачивать лист»¹⁴. Рукописей с неразрезанными или не полностью разрезанными

¹¹ Казбекова Е. В. К вопросу о переписке книг в сшитых, несшитых, неразрезанных тетрадях... Рис. 66–96. С. 235–239.

¹² Фото см.: *Hamel Ch., de. Medieval craftsmen: scribes and illuminators.* London, 1992. P. 25. Ill. 19; воспроизведено в: Казбекова Е. В. К вопросу о переписке книг в сшитых, несшитых, неразрезанных тетрадях... Рис. 3.

¹³ *Agati M.L. Il libro manoscritto...* P. 162: 1) перед началом переписки каждой новой тетради разрезать все ее листы сразу; 2) сначала разрезать листы первой половины тетради, а заполнив их — листы второй половины тетради; 3–4) разрезать по одному листу перед его заполнением или после него.

¹⁴ Киселева Л. И. Западноевропейская рукописная и печатная книга... С. 51.

листами известно менее трех десятков. Л. Жилиссен в книге “Prolégomènes à la codicologie”¹⁵ привел данные историографии на конец 70-х гг. XX в. о 25 известных рукописях и фрагментах XII–XV вв. (подавляющее большинство XV в.) с неразрезанными листами¹⁶. Л. И. Киселева с оговорками упоминает еще шесть буажных рукописей XV в. из Германии, Австрии и Польши в собрании БАН, расположение филиграней в которых допускает, что они могли быть созданы методом “спуска полос”: БАН. Q. 170 (Германия), Q. 103 (Австрия), Q. 261 (Австрия), Q. 336 (Германия), O. 180 (Германия), Q. 173 (Польша).

Схема расположения сигнатур первой половины тетради в неразрезанном бинионе и кватернионе такова, что переворачивать на противоположную сторону лист не требуется, нужно только повертывать на 180°, в противном случае – при последовательной переписке бифолиумов – терялся бы сам смысл переписки в неразрезанный лист, удобнее было бы работать с разрезанными не сшитыми бифолиумами¹⁷.

Такое предполагаемое использование сигнатур при работе с неразрезанными тетрадами-кватернионами не очень удобно, поскольку при всех способах складывания требует от писцов, рубрикаторов, иллюминаторов определенных навыков. Сигнатуры имеются только на двух из четырех бифолиумов каждой стороны, причем при разных способах складывания они оказываются на разных листах; другие два бифолиума создатели книги должны определять, полагаясь на свою память или заглядывая за оборот. С точки зрения логики гораздо удобнее использовать сигнатуры при работе с разрезанными не сшитыми тетрадами.

Л. И. Киселева касается только переписки книг малого формата, при переписке же в неразрезанный лист книг формата in-quarto или in-folio повертывать не сложенный лист чрезвычайно затруднительно. Между тем удобный способ складывания кватерниона любого формата для переписки – это складывание “гармошкой”¹⁸.

Способы складывания “А” и “В” Л. Жилиссена позволяют переложить лист “гармошкой” для переписки. Но менее распространенные способы складывания “С” и “D” не позволяют этого сделать и являются, таким образом, способами складывания только для разрезания. С этой точки зрения они более выгодны, чем способы “А” и “В”, поскольку при них требуется разрезать четыре сгиба, а не пять. Переписку при способах “С” и “D” теоретически удобнее осуществлять на развернутом листе, т.е. при малых форматах книги.

Применяя складывание “гармошкой”, можно было бы легко, не занимая много места, переписывать в неразрезанных тетрадах (методом “спуска полос”) даже книги формата in-folio, поскольку на пюпитре перед писцом всегда была бы рукопись “привычного” размера – в разворот бифолиума.

Но насколько широко была распространена переписка в неразрезанный лист? Есть ли надежные критерии определения таких манускриптов, ведь подавляющее большинство рукописей были разрезаны, их читали?

Есть несколько моментов, указывающих на то, что переписка в неразрезанный лист не имела широкого распространения. Сгибать пергамен гораздо труднее,

¹⁵ Gilissen L. Prolégomènes à la codicologie... P. 116–117.

¹⁶ Воспроизведены в: Киселева Л. И. Западноевропейская рукописная и печатная книга... С. 23–24.

¹⁷ Казбекова Е. В. К вопросу о переписке книг в сшитых, несшитых, неразрезанных тетрадах... Рис. 4, 10а–в, 19. С. 232, 241, 249.

¹⁸ Здесь и далее см.: Казбекова Е. В. К вопросу о переписке книг в сшитых, несшитых, неразрезанных тетрадах... Рис. 11–13, 19. С. 241–244, 249.

чем бумагу. Не случайно подавляющее большинство перечисленных Л. Жилиссеном рукописей, созданных методом “спуска полос”, датируется XV в. Эта техника, хотя и была изобретена в пергаменный период, больше подходит для бумаги и книгопечатания.

Кроме того, если посмотреть любой каталог, например каталог латинских рукописей РНБ XIII–XIV вв., то в большинстве рукописных книг, которые в силу “масовости” теоретически могли переписываться методом “спуска полос” (Псалтирей, Бревиариев, “университетских” Библий и т.д. формата in-octavo), присутствуют тетради с различным количеством листов, а в некоторых из них есть и вставные одинарные листы. Рукописей, состоящих по преимуществу из тетрадей одного типа, судя по каталогам Л. И. Киселевой, порядка одной трети; среди них встречаются манускрипты разного формата.

Важный момент – расположение на краях листов пашин, полукруглых участков кожи более плохого качества близ конечностей животного, качество пергамента на разных листах тетради, способы нанесения наколов для разлиновки и сама разлиновка. Совокупность этих признаков, как правило, свидетельствует в пользу переписки в разрезанных тетрадях.

Не вполне оправданным с точки зрения критериев определения рукописей, переписанных в неразрезанный лист, является и увязывание вопроса о способах складывания с проблемой переписки методом “спуска полос”. Изучение краев листов показывает только, сформирована тетрадь из одной шкуры или нет, но не может показать, когда она была разрезана, до переписки или после нее, т.е. велась переписка в неразрезанный лист или в разрезанных бифолиумах, равно как не может она показать и когда в тетради были проставлены сигнатуры, до разрезания или после. С этой точки зрения нет основания и для связывания вопроса о складывании тетрадей с перепиской по пещиям, поскольку все сохранившиеся рукописи-“экземпляры” имеют разрезанные листы.

Таким образом, в выбранном ракурсе исследования (изучение краев листов) способы складывания тетрадей, переписка в неразрезанный лист и переписка по пещиям являются тремя разными исследовательскими задачами. Подход Л. Жилиссена в данном случае был более взвешенным и аккуратным, чем у последующих исследователей.

В. Г. Бухерт

К ИСТОРИИ СБОРА МАТЕРИАЛОВ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ОККУПАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Археография имеет дело с историческими источниками, однако, само понятие “исторический источник” не всегда исчерпывающим образом определяет значение и содержание документа, предназначенного к публикации. Чтобы прийти к такому выводу достаточно вспомнить о публикациях документов особого рода, например, о сборниках документальных материалов, изданных “Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников” (ЧГК)¹. Документированию свидетельств преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников придавалось большое значение². О деятельности ЧГК уже имеется ряд опубликованных исследований³, проблеме выявления и наказания военных преступников посвящены работы

¹ Точное название комиссии: “Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)”.

² См.: Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2015.

³ См.: *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975; *Кнышевский П. Н.* Добыча. Тайны германских репараций. М., 1994; *Епифанов А. Е.* Организация и деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию нацистских злодеяний: Дисс. на соиск. ст. канд. юрид. наук. М., 1996; *Он же.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. Волгоград, 1997; *Безыменский Л.* Информация по-советски // Знамя. 1998. № 5. С. 191–199; *Он же.* Восприятие Холокоста в Советском Союзе // Россия и современный мир. 1999. № 4 (25). С. 153–168; *Зинич М. С.* Похищенные сокровища: Вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2003; *Сорокина М. Ю.* Где свои, а где чужие? К истории расследования нацистских преступлений в СССР // Природа. 2005. № 11. С. 57–64; *Она же.* Операция “Умелые руки”, или Что увидел академик Бурденко в Орле // In memoriam: Сборник памяти Владимира Аллоя. СПб.; Париж, 2005. С. 361–389; *Евстафьева Т. А.* Отражение трагедии Бабьего Яра в материалах Киевской областной и городской комиссии содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии // Сторінки воєнної історії України. Київ, 2005. Вип. 9. Ч. 1. С. 56–64; Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области: документы / Под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград, 2008; *Степаненко С. Г.* Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению военных преступников фашистской Германии на территории Краснодарского края: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Майкоп, 2010; *Сорокина М. Ю.* Люди и Процедур: К истории расследования нацистских преступлений в СССР // Военно-исторический альманах Виктора Суворова. М., 2013. Вып. 2. С. 71–126; *Ковалев Б. Н.* Акты ЧГК (Чрезвычайной государственной комиссии) о преступлениях Голубой дивизии под Новгородом (1941–1941) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Сер. Гуманитарные науки.

И. П. Трайнина и А. Н. Трайнина⁴, Н. С. Алексеева⁵, А. Е. Епифанова⁶ и др.⁷ Изучено и написано немало, но привлечение новых источников и их изучение является по-прежнему актуальной задачей.

Первым, появившимся в центральной печати, известием о преступлении оккупантов было вечернее сообщение Совинформбюро от 5 июля 1941 г., опубликованное на следующий день в газете “Правда”. Из него стало известно о зверской расправе, учиненной над жителями занятого на второй день войны города Ломжа Белостокской области⁸. Выгнанных на улицу не успевших эвакуироваться женщин и детей немецкие офицеры “рубил на куски”, им “отрезали конечности, выкалывали глаза”⁹.

Факты злодеяний оккупационных войск отражены в трех нотах наркома иностранных дел В. М. Молотова¹⁰ (от 25 ноября 1941 г.¹¹, 6 января¹² и 27 апреля 1942 г.¹³). Первая из них – о преступлениях в отношении советских военнопленных, две других – в отношении гражданских лиц.

Если в первой ноте констатировалось нарушение германским правительством “элементарных принципов и норм международного права и международных

Великий Новгород. 2013. № 73 (Том 1). С. 88–92; *Гайдашев А. В.* Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в период Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Серия: История. Вып. 54. № 6 (297). С. 53–56; *Дроздов К. С.* К истории создания Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // АЕ за 2012 год. М., 2016. С. 153–164.

⁴ *Трайнин И. П.* Гитлеровский военный разбой и законы войны: Стеногр. публ. лекции, прочит. ... 12 окт. 1943 г. в Колонном зале Дома Союзов в г. Москве. М., 1943; *Он же.* Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности. М., 1943; *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев / Под ред. акад. А. Я. Вышинского. М., 1944.

⁵ *Алексеев Н. С.* Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. М., 1986.

⁶ *Епифанов А. Е.* К истории борьбы с гитлеровскими военными преступниками в боевых условиях и прифронтовой полосе (1941–1945 гг.) // Трагедия войны – трагедия плена: Сб. материалов. М., 1999. С. 226–241.

⁷ Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949; Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987.

⁸ Зверства фашистских варваров. Указатель фактов, опубликованных в печати. М., 1943. С. 85. Напрашивается аналогия с разгромом немецкими войсками населенного поляками, но принадлежавшего Российской империи города Калиша 3–8 августа 1914 г. Как писал об этом А. А. Керсновский: “Первые выстрелы раздались 19 июля вечером в самый день объявления войны, когда германский 5-й корпус захватил Калиш (где предался неслыханным зверствам)” (*Керсновский А. А.* История русской армии. М., 1994. Т. 3. С. 178–179).

⁹ Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 1. С. 29.

¹⁰ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – политический деятель, председатель СНК СССР (1930–1941), 1-й заместитель председателя СНК (Совета министров) СССР (1941–1957), нарком (министр) иностранных дел (1939–1949 и 1953–1956), почетный член АН СССР (1946–1959).

¹¹ Нота “О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных” (См.: Ноты народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова. М., 1942. С. 1–8).

¹² Нота “О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях” (См.: Ноты народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова. М., 1942. С. 9–32).

¹³ Нота “О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления” (См.: Ноты народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова. М., 1942. С. 33–79).

соглашений”¹⁴, то во второй уже сообщалось, что преступления представляют “определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которые сознательно развязывают в своей армии, среди офицеров и солдат самые низменные, зверские инстинкты”¹⁵. В третьей же ноте, кроме упоминания самих фактов, приводились выдержки из документов, захваченных в штабах разгромленных германских частей¹⁶.

По мере освобождения территорий, занятых противником, бойцы и командиры частей Красной Армии увидели следы чудовищных преступлений, совершенных оккупационными войсками. Возникла необходимость и, что самое главное, появилась возможность документирования фактов преступлений, соответственно встал вопрос об организации хранения соответствующих документов. Они сосредотачивались в Главном политическом управлении РККА (ГлавПУ РККА) и в армейских политотделах, в Главном разведывательном управлении Генерального штаба РККА и в разведотделах фронтов. В ГлавПУ РККА поступали “подлинные документы командования противника, его агентов и военнослужащих, попадающие в руки частей Красной армии в качестве боевых трофеев, а также письменные показания перебежчиков и военнопленных и их устные показания, запротоколированные соответствующими органами РККА”¹⁷. ГлавПУ РККА не только собирал, но и издавал материалы о преступлениях врага. Сначала он довольствовался перепечаткой сообщений Совинформбюро, опубликовав в 1941–1942 гг. 4 выпуска сборника “Чудовищные зверства немецких фашистов”¹⁸, и лишь с весны 1942 г. перешел к изданию документов. В течение 1942–1945 гг. ГлавПУ РККА издал 15 выпусков сборника “Зверства немецко-фашистских захватчиков”¹⁹. Предназначение сборника состояло в том, чтобы оказать помощь политработникам в воспитании у красноармейцев и младших командиров чувства ненависти к врагу и стремления “уничтожить немецких оккупантов всех до единого”²⁰.

Отнести этот сборник к пропагандистской литературе все же было бы неверно. В сборнике публиковались подлинные документы – в основном акты, составленные представителями советских воинских частей и местными жителями, свидетельствующие о фактах и обстоятельствах совершения преступлений оккупантами. ГлавПУ РККА был не единственным местом хранения документов подобного рода.

Одновременно издавались документы о зверствах немецких войск в первую мировую войну. Один из сборников (“Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг.” (М., 1942) был подготовлен к печати научными сотрудниками Научно-

---

¹⁴ Зверства фашистских варваров. С. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Третья нота заканчивалась довольно странным пассажем, в котором проводилась параллель между планами Гитлера и его сообщников и замыслами... Дон-Кихота, который “тоже как-то задавался целью перевернуть мир, однако кончил тем, что стал посмешищем для людей”. (См.: Зверства фашистских варваров. С. 28).

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7021 (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)). Оп. 116. Д. 326. Л. 48.

¹⁸ Чудовищные зверства немецких фашистов: (По материалам Советского Информбюро). М., 1941–1942. Вып. 1–4.

¹⁹ Зверства немецко-фашистских захватчиков: Документы. М., 1942–1945. Вып. 1–15.

²⁰ Зверства немецко-фашистских захватчиков: Документы. М., 1942. Вып. 1. С. 5.

издательского отдела УГА НКВД Д. М. Эпштейн²¹ и др. Сборник “Зверства немцев в войну 1914–1918 гг.” (Л., 1943), подготовленный З. З. Михайлович²² и Л. И. Полянкой²³, был издан Архивным отделом Управления НКВД по Ленинградской области. Во вступительных статьях к сборникам П. Г. Софинов²⁴ и Е. В. Тарле²⁵ проводили прямую связь между действиями немецких захватчиков в первую и вторую мировые войны.

Заместителем наркома внутренних дел СССР С. Н. Кругловым²⁶ 25 февраля 1942 г. был издан приказ № 057 «Об утверждении “Инструкции о порядке собирания, учета и хранения документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилиях германских властей в оккупированных ими советских районах”»²⁷.

Согласно “Инструкции”²⁸, документальные материалы подлежали, после их составления, немедленной передаче, в подлинниках, органам НКВД СССР. Все учреждения, организации и отдельные граждане обязаны были немедленно сдать подобного рода документы, собранные ранее, до издания приказа.

Предусмотренная приказом С. Н. Круглова система собирания документов, как писал 26 марта 1942 г. наркому внутренних дел СССР Л. П. Берия²⁹ заместитель начальника ГлавПУ РККА Ф. Ф. Кузнецов³⁰, “чрезвычайно затруднила бы, если бы не сделала практически невозможным оперативное использование их” в пропаганде в армии, среди местного населения и войск противника. Уже в силу одного этого обстоятельства предусмотренная приказом система сбора документов, считал Ф. Ф. Кузнецов, “нецелесообразна и неприемлема”³¹. Он добивался отмены приказа, но – безуспешно³². В “Инструкцию” все же были внесены изменения приказом за подписью С. Н. Круглова от 30 апреля 1942 г. Органам НКВД СССР, НКО СССР и Совинформбюро разрешено было передавать документы в УГА НКВД СССР не сразу же, как было предусмотрено ранее, а “после их соответствующего использования”³³.

²¹ Эпштейн Дора Михайловна (1913–2002) – историк, археограф, преподаватель МГИАИ (с 1946 г.).

²² Михайлович Зинаида Зельмановна (1902–1956) – архивист, начальник Архивного отдела УНКВД (УМВД СССР) ЛО (1940–1947) (См. о ней: *Ершова М. Г.* “Кто служит делу, а не лицам...” (Страницы к биографии Михайлович Зинаиды Зельмановны) // *Материалы научно-практической конференции Архивы в истории. История в архивах*, 25–26 сентября 2012 года. СПб., 2012. С. 129–135).

²³ Полянская Лидия Ивановна (1892–1970) – архивист, сотрудница ЦГИАЛ.

²⁴ Софинов Павел Георгиевич (1915–1964) – историк, профессор МГИАИ (1943–1947), МГПИ им. В.И. Ленина (с 1952 г.).

²⁵ Тарле Евгений Викторович (1875–1955) – историк, академик АН СССР (с 1927 г.).

²⁶ Круглов Сергей Никифорович (1907–1977) – комиссар ГБ 2 ранга, генерал-полковник, нарком, (с 1946 г. – министр) внутренних дел СССР (1945–1956).

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-5325 (Главное архивное управление при Совете министров СССР). Оп. 2. Д. 300. Л. 3–3 об.

²⁸ Там же. Л. 4–5.

²⁹ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский государственный и партийный деятель, маршал Советского Союза, нарком внутренних дел (1938–1945), зам. председателя СНК СССР (с 1941 г.).

³⁰ Кузнецов Федор Федотович (1904–1979) – военачальник, генерал-полковник, заместитель начальника ГлавПУ РККА (1938–1942), начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба, заместитель начальника Генерального штаба Советской Армии (1945–1947), начальник Главного политического управления Вооруженных Сил СССР (1949–1953), начальник Главного управления кадров Министерства обороны СССР (1953–1957), начальник Военно-политической академии им. В. И. Ленина (1957–1959).

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1195. Л. 8–10.

³² Там же. Л. 5.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 300. Л. 6.

До издания приказа от 25 февраля 1942 г. какое-либо “централизованное руководство” по организации сбора документов их учета и обеспечения сохранности отсутствовало³⁴. Это подтверждал и побывавший в Туле в служебной командировке заместитель начальника научно-издательского отдела УГА НКВД П. Г. Софинов в рапорте И. И. Никитинскому от 5 апреля 1942 г.³⁵ П. Г. Софинов убедился, что в Тульской области “проводится большая работа по учету всех фактов зверств, грабежей и насилий, чинимых немецкими захватчиками во время пребывания их в районах области”, однако вопрос о концентрации всех собранных материалов, по наблюдению П. Г. Софинова, до сих пор не разрешен. “Ценнейший документальный материал” отлагается “почти во всех” областных учреждениях и организациях, между тем “уже сейчас очень остро стоит вопрос об объединении собираемых материалов в целях их использования в общегосударственных масштабах”. Подобное положение, писал П. Г. Софинов, по-видимому, наблюдается не только в Тульской области, но и в других освобожденных областях. П. Г. Софинов ставил вопрос “о концентрации в одном определенном месте” всех материалов о бесчинствах фашистских захватчиков, материалов, “имеющих не только исключительную ценность для исторической науки, но и имеющих выдающееся политическое, дипломатическое и экономическое значение”. Сбор подобных материалов, писал далее П. Г. Софинов, является “только частью общего вопроса” о сборе и сохранении документальных материалов Великой Отечественной войны. “Единственно эффективным разрешением этого вопроса” П. Г. Софинов считал создание в системе НКВД “Единого государственного архива Великой Отечественной войны”, а также создание особой правительственной комиссии, которая бы занималась организацией сбора документальных материалов о войне³⁶.

Приказом от 6 мая 1942 г. за подписью заместителя наркома внутренних дел СССР Б. П. Обручникова³⁷ в составе Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР был образован отдел Отечественной войны³⁸ со специальной целью сбора документов, отражающих зверства, разрушения, грабежи и насилия германских нацистов на оккупированных ими территориях. Сюда поступали и другие документы, захваченные у врага: плакаты, воззвания и т. п.³⁹

Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании ЧГК был издан 2 ноября 1942 г.⁴⁰ Д. З. Мануильский⁴¹, член Совета военно-политической пропаганды Главного политического управления РККА Народного комиссариата обороны СССР писал Н. М. Швернику 14 ноября 1942 г. и просил его возложить на одного из членов ЧГК или ее сотрудника связь с VII отделом ГлавПУРККА “для рассмотрения и систематического использования поступающих документов”. Имелись

³⁴ Там же. Д. 308. Л. 21.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1195. Л. 1–2.

³⁶ См.: Софинов П. Г. Советские архивы в период Великой Отечественной войны // ИЖ. 1942. № 11. С. 64–65.

³⁷ Обручников Борис Павлович (1905–1988) – генерал-лейтенант, заместитель наркома (с 1946 г. министра) внутренних дел СССР (1941–1952).

³⁸ В приказе он назван “отделом фондов второй Отечественной войны народов СССР”.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 2. Д. 300. Л. 8.

⁴⁰ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–июль 1956). М., 1956. С. 96–98.

⁴¹ Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) – деятель российского и международного рабочего движения, академик АН УССР (с 1945 г.).

в виду “подлинные документы командования противника, его агентов и военнослужащих, попадающие в руки частей Красной армии в качестве боевых трофеев, а также письменные показания перебежчиков и военнопленных и их устные показания, запротоколированные соответствующими органами РККА”. Документы сосредоточены в VII отделе, “но надлежащим образом еще не используются”⁴².

Первое заседание ЧГК состоялось в Кремле 15 марта 1943 г., на нем присутствовали все члены ЧГК (за исключением А. А. Жданова⁴³, который как аккуратно пишет М. Ю. Сорокина, “почти не принимал реального участия в работе ЧГК”⁴⁴). Был рассмотрен “Проект положения о ЧГК”. Задачами Комиссии признавались: “полный учет” преступлений и нанесенного материального ущерба, объединение и согласование работы советских государственных органов по этому учету, определение размеров возмещения за нанесенный гражданам личный ущерб. Установление во всех случаях, “где это представится возможным”, личностей военных преступников, с целью предания их суду. На ЧГК возлагался сбор документальных данных, проверка их, подготовка и, “по мере необходимости”, публикация материалов о злодеяниях и нанесенном материальном ущербе. ЧГК разрешалось иметь “в необходимых случаях” своих уполномоченных в союзных (кроме РСФСР), автономных республиках, краях и областях. На том же заседании решено было командировать в освобожденные районы “для проверки и подготовки материалов”: Н. М. Шверника⁴⁵ и митрополита Николая⁴⁶ – в Вязьму, Б. Е. Веденева⁴⁷ – в Ростов, И. П. Трайнина⁴⁸ – в Краснодар, Е. В. Тарле⁴⁹ – в Воронеж. И. П. Трайнину, В. С. Гризодубовой⁵⁰ и А. Н. Толстому⁵¹ было поручено подготовить проект инструкции об учете преступлений в отношении мирных граждан и материального ущерба, причиненного им, фактов увода их “в немецкое рабство”. Е. В. Тарле, митрополиту Николаю и А. Н. Толстому – разработать проект инструкции об учете ущерба, причиненного художественным, культурным и историческим памятникам, а также зданиям, “оборудованию” и утвари религиозных культов. Наркомфину А. Г. Звереву⁵² и начальнику ЦСУ Госплана СССР В. Н. Ставровскому⁵³ поручалось разработать инструкцию об учете ущерба, нанесенного кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям, колхозам. Учет материального

⁴² ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 326. Л. 48.

⁴³ Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – советский государственный и партийный деятель, член Политбюро ЦК ВКП (б) (с 1939 г.).

⁴⁴ Сорокина М. Ю. Где свои, а где чужие? С. 59.

⁴⁵ Шверник Николай Михайлович (1888–1970) – государственный и партийный деятель, 1-й секретарь ВЦСПС (с 1930 г.).

⁴⁶ Николай (Борис Дорофеевич Ярушевич) (1891–1961) – митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины (1941–1944), митрополит Крутицкий и Коломенский (1944–1960).

⁴⁷ Веденев Борис Евгеньевич (1884/85–1946) – гидроэнергетик, академик АН СССР (с 1932 г.).

⁴⁸ Трайнин Илья Павлович (1886/87–1949) – юрист и общественный деятель, академик АН СССР (с 1939 г.).

⁴⁹ Тарле Евгений Викторович (1875–1955) – историк, академик АН СССР (с 1927 г.).

⁵⁰ Гризодубова Валентина Степановна (1909–1993) – летчица, полковник ВВС СССР, Герой Советского Союза (1938).

⁵¹ Толстой Алексей Николаевич (1882/83–1945) – писатель, общественный деятель, академик АН СССР (с 1939 г.).

⁵² Зверев Арсений Григорьевич (1900–1969) – государственный деятель, нарком (министр) финансов СССР (1938–1960).

⁵³ Ставровский Владимир Никонович (1905–1975) государственный деятель и ученый-статистик, управляющий ЦСУ Госплана СССР (1941–1948).

ущерба предприятиям союзного и республиканского значения Комиссия предполагала вести через наркоматы и центральные организации СССР и союзных республик. Председателем Комиссии был утвержден Н. М. Шверник, а ответственным секретарем выдвинул П. И. Богоявленский⁵⁴.

Положение о ЧГК было утверждено постановлением СНК СССР от 16 марта 1943 г. В республиках, краях и областях создавались комиссии содействия ЧГК под председательством 1-х секретарей окружных комитетов ВКП (б), секретарей крайкомов и обкомов ВКП (б)⁵⁵, начальников соответствующих управлений НКВД. В эти комиссии предполагалось также включать по 1–2 члена “из местных представителей”⁵⁶. Кроме того, были созданы городские, районные комиссии при общественных организациях, при каждом пострадавшем от захватчиков предприятия, учреждении, а также в городских домах для определения ущерба, понесенного отдельными гражданами.

После рассмотрения актов, представленных областными комиссиями, на заседаниях ЧГК рассматривался вопрос об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям тех или иных областей, республик, отдельно – гражданам, эвакуированным в союзные и автономные республики и области. В принятых ЧГК постановлениях указывались не только материальные потери, но и число убитых и замученных мирных граждан и военнопленных, и число “угнанных в немецкое рабство” по каждой из областей (республик). Таким образом, основными задачами ЧГК стали: учет преступлений и установление, в тех случаях, когда это представлялось возможным, личностей преступников, определение ущерба, нанесенного гражданам, колхозам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям⁵⁷ и публикация, по мере необходимости соответствующих документов, когда это признавалось необходимым.

А. Н. Толстой писал Н. М. Швернику 26 июня 1943 г. о ситуации в Ставропольском крае: “В Ставрополе, на Минводах и в Георгиевске были массовые убийства. На Минводах во рву они считают – лежат до 20 тысяч человек. Я договорился с НКВД, чтобы они по имеющимся у них материалам, – очень ценным и обстоятельным, – а также по дополнительным материалам, которые сейчас организуют, – составили акты – по всей юридической форме – заявлений свидетелей и потерпевших. Акты и подписи будут заверены нотариусом. В Минводах я намерен сделать раскопку (с противоголозом), которая должна быть снята на кинолентку”⁵⁸.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-7021 (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)). Оп. 116. Д. 2. Л. 1–5. П.И. Богоявленский был утвержден постановлением СНК СССР от 19 марта 1943 г. (Там же. Оп. 116. Д. 1а. Л. 12).

⁵⁵ Их заместителями были соответственно: председатели СНК республик, председатели крайисполкомов и облисполкомов.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 1а. Л. 13. Первое распоряжение ЧГК датировано 6 апреля 1943 г. (Там же. Оп. 116. Д. 137. Л. 1).

⁵⁷ См., например: Об установлении и учете ущерба, причиненного Академии наук СССР немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками. М.; Л., 1943; *Ильина И. Н.* Нацистские преступления против советской науки и культуры в документах Академии наук СССР 1940-х гг. // Одна на всех трагедия и одна победа: Международ. научно-практич. конф. к 80-летию начала Великой Отечественной войны: Сб. статей. Оренбург, 2021. С. 105–110.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 326. Л. 66–66 об.

На заседании ЧГК 4 августа 1943 г. был утвержден ее общий штат в составе 116 сотрудников⁵⁹ и ее структура, состоящая из рабочего органа Секретариата и его, возглавляемых начальниками, отделов:

– по учету злодеяний, совершенных [немецкими] оккупантами и их сообщниками над гражданами Советского Союза (начальник Д. И. Кудрявцев⁶⁰, затем – Р. М. Никитин⁶¹);

– по учету ущерба, причиненного советским гражданам (М. Г. Смирнова⁶²);

– по учету ущерба, причиненного колхозам, совхозам (С. Т. Рева⁶³, затем – Р. А. Трубников⁶⁴);

– по учету ущерба, причиненного [промышленности], транспорту, [связи] и коммунальному хозяйству (С. В. Семенов⁶⁵);

– по учету ущерба, причиненного кооперативным, профсоюзным и др. общественным организациям (В. Д. Шевцов⁶⁶, затем – А. М. Осколков⁶⁷);

– по учету ущерба, причиненного [культурным], научным и лечебным учреждениям, оборудованию и утвари религиозных культов (В. Н. Макаров⁶⁸);

– инспекторского отдела (М. П. Соболев⁶⁹)⁷⁰;

– архива ЧГК (начальник архива Т. А. Иллерицкая⁷¹, ей помогала З. Т. Маркина⁷²).
Хозяйственный отдел (С. С. Усанов⁷³).

Спецотдел ЧГК (Н. А. Зимогорова⁷⁴, С. В. Молчанова⁷⁵).

---

⁵⁹ Там же. Оп. 116. Д. 11.

⁶⁰ Кудрявцев Дмитрий Иванович (1896–?) – начальник отдела по учету злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками над гражданами Советского Союза (1943–1946).

⁶¹ Никитин Ростислав Михайлович (?–?) – начальник отдела по учету злодеяний (1946–1951).

⁶² Смирнова Марфа Григорьевна (1896–?) – начальник отдела по учету ущерба, причиненного советским гражданам (1943–1948).

⁶³ Рева Степан Тимофеевич (1892–?) – начальник отдела по учету ущерба, причиненного колхозам, совхозам (1944–1945).

⁶⁴ Трубников Роман Алексеевич (1904–?) – начальник отдела по учету ущерба, причиненного колхозам, совхозам (1945–1946).

⁶⁵ Семенов Сергей Васильевич (1889 –?) – начальник отдела по учету ущерба, причиненного промышленности, транспорту, связи и коммунальному хозяйству (1943–1946).

⁶⁶ Шевцов Владимир Дмитриевич (1898–?) – начальник отдела по учету ущерба, причиненного кооперативным, профсоюзным и др. общественным организациям (1943–1944).

⁶⁷ Осколков Александр Михайлович (1900–?) – начальник отдела по учету ущерба, причиненного кооперативным, профсоюзным и др. общественным организациям (1944–1945).

⁶⁸ Макаров Владимир Николаевич (1898–?) – начальник отдела по учету ущерба, причиненного культурным, научным и лечебным учреждениям, оборудованию и утвари религиозных культов (1943–1946). С 1946 г. отдел возглавила К. Г. Суровцева.

⁶⁹ Соболев Михаил Петрович (1897–?) – начальник Инспекторского отдела (1943–1946). С 1946 г. отдел возглавил В. Ф. Табелев.

⁷⁰ Позднее был организован также сводный отдел (с 1945 г. сводно-отчетный отдел), который возглавил Е. И. Смирнов.

⁷¹ Иллерицкая (урожд. Кудина) Татьяна Александровна (1911–?) – младший лейтенант ГБ, начальник архива ЧГК (1943–1951), сотрудница ЦГАОР СССР (1951–1959, 1966–1969), ЦГАСА (1959–1966). Т. А. Иллерицкая назначена начальником архива ЧГК с 1 июня 1943 г. (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 137. Л. 25).

⁷² Маркина Зоя Тимофеевна (1908–?) – архивариус (1943–1944), ст. архивариус (1944), помощник начальника (с 1945 г.) архива ЧГК (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 137. Л. 70; Д. 138. Л. 41).

⁷³ Усанов Сергей Семенович (?–?) – начальник Хозяйственного отдела (1945).

⁷⁴ Зимогорова Нина Александровна (1908–?) – начальник Спецотдела ЧГК (1943–1946), жена И. И. Никитинского.

⁷⁵ Молчанова Софья Васильевна (?–?) – начальник Спецотдела ЧГК (1946–1950).

Нормативными документами, определявшими работу ЧГК по сбору доказательств преступлений оккупантов, стали три инструкции, утвержденные СНК СССР 7 мая⁷⁶ и 17 июня⁷⁷ 1943 г.

19 февраля 1943 г. начальник Управления государственных архивов НКВД И. И. Никитинский⁷⁸ докладывал С. Н. Круглову, что местные органы в некоторых областях отказываются передавать архивным органам акты о зверствах оккупантов на том основании, что они должны теперь поступать в ЧГК, а в некоторых случаях отправляют их непосредственно в ЧГК⁷⁹. Кроме ГлавПУ РККА, отдела Отечественной войны ЦГАОР и архива ЧГК, было еще два места хранения документов подобного рода. На заседании ЧГК 8 сентября 1943 г. было принято постановление ЧГК, касающееся использования кинофотодокументов. Комитету по делам кинематографии при СНК СССР и ТАСС было поручено создать при отделе кинолетописи Центральной студии кинохроники и при Союзфото ТАСС специальные разделы, а также провести систематизацию всех имеющихся хроникальных фильмов и фотоснимков “в целях их использования как оригинальных документов, характеризующих злодеяния немецко-фашистских войск”⁸⁰. На том же заседании было решено создать при ЧГК Бюро экспертизы в составе: председатель И. Э. Грабарь⁸¹, зам. председателя С. П. Толстов⁸², Б. М. Иофан⁸³, В. Р. Вильямс⁸⁴, В. Н. Лазарев⁸⁵, В. Н. Шульгин⁸⁶, В. Н. Макаров⁸⁷. Был утвержден состав экспертов ЧГК и определены задачи Бюро экспертизы: 1) разработать методику оценки художественных, исторических, научных ценностей и памятников старины;

---

⁷⁶ Инструкция по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям. [М., 1943].

⁷⁷ Инструкция о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. [М., 1943]; Инструкция о порядке определения ущерба, причиненного гражданам СССР и их имуществу вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов и их сообщников. [М., 1943]. Они были утверждены на заседании ЧГК 31 мая 1943 г. (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 6). На заседании ЧГК 14 октября 1943 г. было принято решение упростить учет ущерба, причиненного немецко-фашистским захватчиками и их сообщниками гражданам СССР, изменив пункт 4 “Инструкции” разрешив областным, краевым и республиканским комиссиям, а также областным и краевым исполкомам советов депутатов трудящихся и СНК СССР и АССР устанавливать ущерб актом-списком (ГА РФ. Оп. 116. Д. 21. Л. 5–6). Тогда же было признано необходимым опубликование в печати “предварительных суммарных данных” о разрушениях и злодеяниях (Там же. Д. 21. Л. 6).

⁷⁸ Никитинский Иосиф Илларионович (1905–1974) – комиссар ГБ, генерал-майор, начальник ГАУ НКВД СССР (1940–1941), Управления государственных архивов НКВД (с 1946 г. МВД) СССР (1941–1947).

⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 2. Д. 308. Л. 22 об.

⁸⁰ Там же. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 17. Л. 7.

⁸¹ Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) – живописец и искусствовед, академик АН СССР (с 1943 г.), действительный член АХ СССР (с 1947 г.), народный художник (с 1956 г.).

⁸² Толстов Сергей Павлович (1907–1976) – археолог и этнограф, проф. МГУ (1939–1951), чл.-корр. АН СССР (с 1953 г.).

⁸³ Иофан Борис Михайлович (1891–1976) – архитектор, народный архитектор СССР (с 1970 г.).

⁸⁴ Вильямс Василий Робертович (1863–1939) – почвовед, академик АН СССР (с 1931 г.), АН БССР (с 1929 г.) и ВАСХНИЛ (с 1935 г.).

⁸⁵ Лазарев Виктор Никитич (1897–1946) – историк искусства, проф. МГУ (с 1935 г.), чл.-корр. АН (с 1943 г.).

⁸⁶ Шульгин Виктор Николаевич (1894–1965) – историк, педагог, музейный деятель, директор НИИ методов школьной работы (1922–1931).

⁸⁷ Макаров Владимир Николаевич (1898–?) – начальник отдела по учету ущерба, причиненного культурным, научным и лечебным учреждениям, оборудованию и утвари религиозных культов (1943–1946).

2) составить списки уничтоженных, разрушенных и похищенных художественных, исторических и научных ценностей с указанием равноценных произведений, находящихся в государственных музеях и частных собраниях Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Финляндии “могущих быть выдвинутыми в качестве возможных эквивалентов при натуральном возмещении убытков, причиненных СССР немецко-фашистскими захватчиками”⁸⁸.

25–30 сентября 1943 г. в Москве, в Доме ученых АН СССР состоялось Общее собрание АН СССР. Заседания проходили под председательством академика В. Л. Комарова⁸⁹. На заседание 30 сентября было сделано два доклада: академика И. П. Трайнина “Ответственность гитлеровской Германии за злодеяния и за ущерб, нанесенный агрессией”⁹⁰ и академика Е. В. Тарле⁹¹ “О преступлениях гитлеровской Германии и об их подготовке”⁹², затем состоялись выступления академиков А. Н. Толстого “Возмездия!”⁹³, Б. Е. Веденева “Наш счет немецко-фашистским захватчикам”⁹⁴, Н. Н. Бурденко⁹⁵ “Чудовищные преступления гитлеровских разбойников”⁹⁶. По докладу И. П. Трайнина Общее собрание приняло соответствующую резолюцию⁹⁷, в которой говорилось: “Потрясенные ужасом фашистских злодеяний, ученые Академии наук СССР вместе со всем советским народом выражают свою уверенность, что гитлеровское правительство и его агенты, организаторы убийств, грабежей и разрушений, понесут суровую кару за совершенные ими чудовищные преступления. Вместе со всем советским народом ученые Советского Союза требуют возмещения ущерба, нанесенного немецко-фашистскими агрессорами, и реституции материальных, исторических и культурно-художественных ценностей, которые были вывезены в фашистскую Германию и вассальные страны”.

12 января 1944 г. на своем заседании ЧГК постановила создать “Специальную комиссию по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близь Смоленска) военнопленных польских офицеров”⁹⁸ в составе: Н. Н. Бурденко (председатель), члены – А. Н. Толстой, митрополит Николай, председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант А. С. Гундоров⁹⁹, председатель Исполкома Совета обществ Красного Креста и Красного Полумесяца С. А. Колесников¹⁰⁰, нарком просвещения РСФСР академик

⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 17. Л. 6.

⁸⁹ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – ученый и организатор науки, академик РАН (с 1920 г.), президент (с 1936 г.) АН СССР (с 1936 г.).

⁹⁰ Общее собрание Академии наук СССР 25–30 сентября 1943 года: Доклады на Общем собрании АН СССР. М.; Л., 1944. С. 163–182.

⁹¹ Тарле Евгений Викторович (1875–1955) – историк, академик АН СССР (с 1927 г.).

⁹² Общее собрание Академии наук СССР 25–30 сентября 1943 года. С. 183–191.

⁹³ Там же. С. 192–194.

⁹⁴ Там же. С. 195–197.

⁹⁵ Бурденко Николай Нилович (1876–1946) – хирург, генерал-полковник медицинской службы, академик АН СССР (с 1939 г.), академик и президент (с 1944 г.) АМН СССР.

⁹⁶ Общее собрание Академии наук СССР 25–30 сентября 1943 года. С. 198–205. Бурденко отсутствовал в Москве, его доклад был зачитан.

⁹⁷ Там же. С. 308–309.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 32. Л. 1–2.

⁹⁹ Гундоров Александр Семенович (1895–1973) – военный и политический деятель, генерал-лейтенант инженерных войск, председатель Славянского комитета СССР (1947–1962).

¹⁰⁰ Колесников Сергей Алексеевич (1901–1985) – кардиохирург, первый зам. наркома здравоохранения СССР по лечебно-профилактической работе (1938–1945), председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

В. П. Потемкин¹⁰¹, начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии, генерал-полковник Е. И. Смирнов¹⁰², председатель Смоленского облисполкома Р. Е. Мельников¹⁰³. На заседании 23 марта 1944 г. ЧГК рассматривало, вопрос “о работе по исследованию и установлению метода расстрела немецко-фашистскими захватчиками советских граждан” (Катынское дело). Решено продолжать работу по представленному Н. Н. Бурденко и утвержденному ЧГК плану, создать редакционную комиссию для издания сборника документов “о результатах расследования обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близь Смоленска) польских офицеров” с рабочим несколько неуклюжим названием: “Какова идеология Гитлера и немецко-фашистского командования об уничтожении народов в исторической перспективе”¹⁰⁴. Было решено поручить Главному военно-санитарному управлению РККА дать указание военным судебным врачам и патологоанатомам войсковых соединений участвовать в эксгумации и исследовании трупов расстрелянных советских граждан, а также просить Л. П. Берия (НКВД) и В. Н. Меркулова¹⁰⁵ (НКГБ) дать распоряжение местным органам собирать материалы “характеризующие немецкий метод расстрела”¹⁰⁶.

12 февраля 1944 г. Н. М. Шверник¹⁰⁷ писал начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александрову¹⁰⁸ и просил его “в целях наиболее полного и точного учета всех злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками” дать указание редакциям газет, ТАСС и Наркомпросам союзных республик направлять все документы, “характеризующие зверства немецко-фашистских оккупантов”, в ЧГК¹⁰⁹.

21 июля 1944 г. на заседании ЧГК рассматривался вопрос “о расследовании злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Пушкинских горах”. Была создана специальная комиссия под председательством Н. С. Тихонова¹¹⁰, в составе: Л. М. Леонова¹¹¹, К. А. Федина¹¹², Л. С. Соболева¹¹³, П. И. Лебедева-

---

¹⁰¹ Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) – государственный, партийный деятель, нарком просвещения РСФСР (с 1940 г.), академик АН СССР (с 1943 г.), президент АПН РСФСР (с 1943 г.).

¹⁰² Смирнов Ефим Иванович (1904–1989) – военный и государственный деятель, генерал-полковник медицинской службы, академик АМН СССР (с 1948 г.).

¹⁰³ Мельников Роман Ефимович (1908–1988) – партийный и государственный деятель, председатель Смоленского облисполкома (1940–1945). Соответствующее сообщение “Специальной комиссии”, составленное в Смоленске и датировано 24 января 1944 г. (См.: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 32. Л. 5–68).

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 38а. Л. 4–5.

¹⁰⁵ Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953) – советский государственный и политический деятель, нарком (в 1946 г. министр) государственной безопасности СССР (1941, 1943–1946), министр государственного контроля СССР (1950–1953).

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 38. Л. 1–2.

¹⁰⁷ Шверник Николай Михайлович (1888–1970) – государственный и партийный деятель, 1-й секретарь ВЦСПС (с 1930 г.). (См. о нем: *Мельчин А. И.* Николай Михайлович Шверник: Биографический очерк. М., 1977).

¹⁰⁸ Александров Георгий Федорович (1908–1961) – философ, академик АН СССР (с 1946 г.), министр культуры СССР (1954–1955).

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 125. Д. 5. Л. 5а.

¹¹⁰ Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – писатель, общественный деятель.

¹¹¹ Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – писатель, академик АН СССР (с 1972 г.).

¹¹² Федин Константин Александрович (1892–1977) – писатель, общественный деятель, академик АН СССР (с 1958 г.).

¹¹³ Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971) – писатель.

Полянского¹¹⁴, В. А. Мануйлова¹¹⁵, Д. Д. Благого¹¹⁶, Н. К. Гудзия¹¹⁷, Б. В. Шапошников¹¹⁸, представителя ЧГК П. О. Савчука¹¹⁹. Соответствующее постановление ЧГК было принято на заседании 28 августа 1944 г.¹²⁰

Постановлением СНК СССР от 15 августа 1944 г. были назначены представителями СССР в “Польско-Советскую Чрезвычайную Комиссию по расследованию злодеяний немцев, совершенных в г. Люблине” Н. И. Гращенко¹²¹, В. И. Прозоровский¹²², а также сотрудник ЧГК Д. И. Кудрявцев¹²³. На заседании ЧГК 24 ноября 1944 г. рассматривался вопрос “о косвенном ущербе, вызванном военными действиями”. Б. Е. Веденееву, И. П. Трайнину и П. И. Богоявленскому было поручено представить предложение об исчислении ущерба, вызванного военными действиями¹²⁴.

В составлении актов о преступлениях и нанесении ущерба приняло участие 7 млн. человек¹²⁵. Всего ЧГК рассмотрено и изучено 54 тыс. актов и свыше 250 тыс. протоколов опросов свидетелей и заявлений о злодеяниях оккупантов¹²⁶, опубликовано 27 сообщений. Было установлено, что на оккупированной территории РСФСР было “казнено и замучено” 1,8 млн. советских граждан¹²⁷.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. устанавливал право рассмотрения дел о преступлениях немецких оккупантов советскими военными судами¹²⁸, что и было подтверждено декларацией трех держав, опубликованной 2 ноября 1943 г., устанавливающей, что “германские офицеры, солдаты и члены гитлеровской партии, которые имеют какое-либо отношение к зверствам, убийствам и казням в странах, захваченных германскими вооруженными силами, будут доставлены обратно в страны, где были совершены их ужасные преступления, для того, чтобы они подверглись обвинению и наказанию по законам

¹¹⁴ Лебедев-Полянский Павел Иванович (1881/82–1958) – литературовед, академик АН УССР (с 1946 г.).

¹¹⁵ Мануйлов Виктор Андроникович (1903–1987) – литературовед, мемуарист и сценарист.

¹¹⁶ Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) – литературовед, чл.-корр. АН СССР (с 1953 г.).

¹¹⁷ Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965) – литературовед, академик АН УССР (с 1945 г.).

¹¹⁸ Шапошников Борис Валентинович (1890–1956) – искусствовед, литературовед, музейный работник и художник.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 52. Савчук Порфирий Осипович (1906–?) – ст. инспектор Инспекторского отдела ЧГК (1943–1945).

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 59.

¹²¹ Гращенко Николай Иванович (1901–1965) – невролог, чл.-корр. АН СССР (с 1939 г.), академик АМН СССР (с 1944 г.) и АН БССР (с 1947 г.), президент АН БССР (1947–1951).

¹²² Прозоровский Виктор Ильич (1901–1986) – ученый-медик, судебно-медицинский эксперт, директор НИИ судебной медицины (1939–1979).

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 1а. Л. 22. Кудрявцев Дмитрий Иванович (1896–?) – начальник отдела по учету злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками над гражданами Советского Союза (1943–1946).

¹²⁴ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 71. Л. 11. На этом заседании в качестве члена ЧГК впервые упоминается Л. Н. Соловьев (Соловьев Леонид Николаевич (1906–1993) – партийный и государственный деятель, дипломат, секретарь ВЦСПС (1944–1954, 1959–1963), председатель Верховного совета РСФСР (1951–1955), посол в Монголии (1963–1968), зам. министра иностранных дел СССР (1968–1980), член ЧГК (с 1944 г.).

¹²⁵ *Лебедева Н. С.* Указ. соч. С. 28.

¹²⁶ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 8.

¹²⁷ *Кузьмин С. Т.* Сроку давности не подлежит. М., 1986. С. 94.

¹²⁸ *Епифанов А. Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. Волгоград, 1997

этих стран”¹²⁹. На Краснодарском процессе (14–17 июля 1943 г.), где были осуждены (в отличие от других подобных процессов) пособники оккупантов, но не сами немецкие военные преступники, были установлены факты применения немцами для массового истребления населения (с осени 1942 г.) душегубок (“газенавагенов”) (с окисью углерода)¹³⁰. Они были предметом расследования и на Харьковском процессе (15–18 декабря 1943 г.)¹³¹, который стал важен в качестве “первого юридического прецедента наказания нацистских военных преступников”¹³². В декабре 1945 г. – январе 1946 г. военными трибуналами было проведено 8 открытых судебных процессов: в Киеве¹³³, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске, Брянске, Великих Луках, Николаеве. В качестве обвиняемых было привлечено 85 человек (в т. ч. 18 генералов)¹³⁴, вынесено 66 смертных приговоров, 19 человек были приговорены к каторжным работам¹³⁵. Акты и сообщения ЧГК “стали одним из важнейших доказательств обвинения в Нюрнберге”¹³⁶. Сотрудники ЧГК С. Т. Кузьмин¹³⁷ и Е. И. Смирнов¹³⁸ были включены в состав советской делегации на процессе в Нюрнберге¹³⁹.

В соответствии с положением о ЧГК одним из направлений ее деятельности стало издание собранных ею документов. В 1943–1946 гг. ЧГК опубликовала 4 сборника документов (в 5 томах): сборник “Лагери смерти” (о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии), двухтомник “Документы обвиняют”, сборник “О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков” и, отдельно, сборник из 27, основанных на собранных документах, сообщений ЧГК, публиковавшихся

---

¹²⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. Документы и материалы. М., 1944. Т. 1: Документы и материалы. 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. С. 359, 363–364.

¹³⁰ Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М., 1943.

¹³¹ См.: Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. М., 1943.

¹³² *Лебедева Н. С.* Указ. соч. С. 30. Впечатления А. Н. Толстого от участия в Харьковском процессе см.: *Толстой А.* Статьи (1942–1943). М., 1943. С. 98–109; *Он же.* Начало возмездия // *Толстой А.* Военная публицистика. М., 1984. С. 282–292. 12 января 1944 г. состоялось последнее заседание ЧГК, на котором присутствовал А. Н. Толстой. В период Великой Отечественной войны А. Н. Толстой опубликовал около 80 очерков и статей. (См.: *Крестинский Ю.* Предисловие // *Толстой А. Н.* Публицистика. М., 1975. С. 21).

¹³³ См.: *Дубина К. К.* Злодеяния немцев в Киеве. М., 1945.

¹³⁴ *Утевский Б. С.* Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР / Под ред. Н. М. Рычкова. М., 1946. С. 5–6.

¹³⁵ Там же. С. 60.

¹³⁶ *Лебедева Н. С.* Указ. соч. С. 30.

¹³⁷ Кузьмин Сергей Трофимович (1907–?) – старший лейтенант, инспектор Инспекторского отдела ЧГК (1943–1946), начальник отдела по учету ущерба, причиненного промышленности, транспорту, связи и коммунальному хозяйству (1946). (См.: *Кузьмин С. Т.* Их закапывали живыми... // *Нацистских преступников – к ответу!* / Сост. Д. М. Погорельский. М., 1983. С. 44–55; *Он же.* Сроку давности не подлежит. М., 1985).

¹³⁸ Смирнов Ефим Иванович (1904–1989) – генерал, полковник медицинской службы, начальник Санитарного управления РККА (1939–1941), Главного военно-санитарного управления РККА (1942–1947), Главного военно-медицинского управления Министерства обороны СССР (1955–1960), академик АМН (с 1948 г.).

¹³⁹ См.: *Кузьмин С. Т.* Сроку давности не подлежит. М., 1986. С. 32. (См.: Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. Приговор пятого американского военного трибунала, вынесенного в Нюрнберге 28 октября 1948 года. М., 1964; Библиография работ о Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками. М., 1986).

ранее в газетах “Известия” и “Правда”¹⁴⁰. В этот сборник не вошли еще три отдельно изданных в 1946–1948 гг. сообщений ЧГК, касающихся убийств советских военнопленных на территории Польши¹⁴¹.

Огласке были преданы далеко не все из подготовленных ЧГК сообщений. В газетах “Известия” и “Правда”, а затем и в составе отдельного сборника было опубликовано 27 сообщений ЧГК, еще 28 сообщений¹⁴², так и не были опубликованы¹⁴³. Одно из них представляет особый интерес, так как является, по сути итоговым. Оно называется “О злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками на территории Советского Союза” и датировано 5 октября 1945 г.¹⁴⁴ В нем указывается, что ЧГК было собрано 4 млн. актов об ущербе, нанесенном гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР и 54.784 акта о злодеяниях, совершенных над советскими гражданами, установлено и взято на учет более 11 тысяч немецко-фашистских преступников¹⁴⁵. что на временно-оккупированной территории СССР фашисты замучили и убили 9.878.957 советских граждан, в т. ч. 3.863.568 советских военнопленных, 6.015.389 мирных граждан, угнали на каторжные работы 3.893.965 советских граждан¹⁴⁶. Установлено было также, что во время войны оккупантами разрушено и сожжено 1710 городов, свыше 70 тысяч сел и деревень, лишлось крова более 25 миллионов мирных советских граждан, причинен ущерб советскому народному хозяйству и советским гражданам в сумме 679 млрд. рублей в государственных ценах 1941 г.¹⁴⁷ Сведений о том, почему текст этого сообщения, впрочем, как и текст многих других сообщений ЧГК не был опубликован, установить не удалось, окончательные мотивы отклонения проектов в делах не указаны.

¹⁴⁰ См.: Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946.

¹⁴¹ Имеются в виду: Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о преступлениях, совершенных германским правительством и германским верховным командованием над советскими военнопленными в лагере “Ламсдорф”. М., 1946 (утверждено на заседании ЧГК 16 февраля 1946 г.); Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников об убийстве немцами советских военнопленных в районе города Остров-Мазовецкий в Польше. М., 1947 (утверждено на заседании ЧГК 10 сентября 1947 г.); Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин (Иван-Город) и в некоторых других немецких лагерях на территории Польши. (Документы и фотоснимки). М., 1948 (утверждено на заседании ЧГК 27 ноября 1947 г.).

¹⁴² Одно из них – “О преступлении финских фашистов на мысе Пуот-Ниemi”, 9 сентября 1944 г., касалось событий, предшествовавших Великой Отечественной войне. На мысе Пуот-Ниemi около Выборга 18 августа 1944 г. были обнаружены останки более 200 пленных бойцов и командиров, убитых в 1940 г. (См.: *Бухерт В. Г.* “Финны зверски истребили пленных бойцов и командиров Красной Армии...” Неопубликованное сообщение ЧГК 1944 г. // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: материалы Всероссийской науч. конф., г. Москва, Архив РАН–РГГУ, 25 июня 2019 г. М., 2019. С. 291–299).

¹⁴³ Проекты сообщений, как правило, не датированы, дата сообщений может быть установлена условно, например, по пометам о дне высылке сообщения В. М. Молотову, Г. Ф. Александрову, А. Я. Вышинскому. О другом сообщении см.: *Сак К. В., Соловьев С. М.* Неопубликованное сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о производстве мыла из человеческого жира // Историческая экспертиза. 2020. № 3 (24). С. 145–155.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 178. Дата отправки текста сообщения из ЧГК В. М. Молотову.

¹⁴⁵ Там же. Л. 6.

¹⁴⁶ Там же. Л. 5; *Немецкая каторга: Сб. документов / Сост. И. Эрбург.* М., 1943.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 178. Л. 4.

Проекты сообщений подлежали согласованию с В. М. Молотовым, А. Я. Вышинским¹⁴⁸ и начальником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Г. Ф. Александровым и только после этого могли быть опубликованы. Мотивы, по которым то или иное сообщение не было опубликовано, заслуживают отдельного исследования. Проекты сообщений, как правило, не датированы, дата сообщений может быть установлена условно, например, по пометам о дне высылке проекта сообщения В. М. Молотову, Г. Ф. Александрову, А. Я. Вышинскому. Окончательные мотивы отклонения проектов в делах не указаны.

Материалы, собранные ЧГК публиковались и впоследствии, когда ЧГК уже давно не функционировала. В связи с 3-й Международной конференцией по истории движения Сопротивления, состоявшейся 2–4 сентября 1963 г., в г. Карловы Вары (Чехословакия) был издан сборник документов, составленный по материалам ЧГК¹⁴⁹. В подготовке издания участвовала бывший начальник архива ЧГК Т. А. Иллерицкая¹⁵⁰.

Расследуя конкретные факты преступлений, ЧГК в то же время вела учет и общим (людским и материальным) потерям¹⁵¹.

В 1947 г. сотрудники продолжили ЧГК заниматься расследованием преступлений оккупантов, совершенных на территории Польши. Для этого была образована Комиссия в составе Д. И. Кудрявцева, Р. М. Никитина¹⁵², М. И. Авдеева¹⁵³. На заседании ЧГК 10 сентября 1947 г., где рассматривался текст сообщения “о результатах расследования дела об убийстве советских военнопленных в районе города Остров-Мазовецкий” было решено, в частности, “после приведения в порядок могил советских военнопленных, организовать похороны с открытием памятников на кладбищах в деревнях Гронды и Комарово и на могилах в противотанковых рвах близ деревни Гуты-Буйны с отдаванием воинских почестей и с выездом на похороны советских представителей”. Также решено было “провести учет бывших немецких лагерей на территории Польши, где замучены немцами мирные советские граждане и советские военнопленные”¹⁵⁴.

Последнее – 72-е заседание ЧГК – состоялось 27 ноября 1947 г. На нем, проводившемся опросом, решался вопрос об опубликовании сообщения ЧГК “Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин (Иван-Город) и в некоторых других немецких лагерях на территории Польши”¹⁵⁵. В связи с распоряжением Совета министров СССР от 9 июня 1951 г. Р. М. Никитину¹⁵⁶, Т. А. Иллерицкой и А. А. Рябченковой было предписано приступить к передаче в МВД СССР

¹⁴⁸ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – юрист, дипломат, прокурор СССР (1935–1939), министр иностранных дел СССР (1946–1949), академик АН СССР (с 1939 г.).

¹⁴⁹ См.: Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.). М., 1963 (2-е изд., доп. – М., 1968; 3-е изд. – М., 1985).

¹⁵⁰ Иллерицкая (урожд. Кудина) Татьяна Александровна (1911–?) – начальник архива ЧГК (1943–1951), сотрудница ЦГАОР СССР (1951–1959, 1966–1969), ЦГАСА (1959–1966).

¹⁵¹ См.: *Бухерт В. Г.* Данные ЧГК о людских потерях СССР в годы войны. Март 1946 г. // ИА. 2016. № 4. С. 27–34.

¹⁵² Никитин Ростислав Михайлович (?–?) – начальник отдела по учету злодеяний (1946–1951).

¹⁵³ Авдеев Михаил Иванович (1901–1978) – военный медик, педагог, полковник медицинской службы, чл.-корр. АМН СССР (с 1957 г.). ГА РФ, Р-7021. Оп. 116. Д. 129. Л. 1.

¹⁵⁴ ГА РФ, Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 130. Л. 1.

¹⁵⁵ Там же. Д. 134. Л. 1.

¹⁵⁶ Никитин Ростислав Михайлович (?–?) – начальник отдела по учету злодеяний (1946–1951).

документов, фотоальбомов и материальных ценностей ЧГК¹⁵⁷. Последнее распоряжение ЧГК датировано 28 августа 1951 г.¹⁵⁸. Но, как оказалось, ЧГК не была упразднена окончательно. Сохранился протокол ЧГК № 73 от 28 марта 1960 г., на котором присутствовали: Н. М. Шверник (председатель), члены ЧГК Т. Д. Лысенко¹⁵⁹, В. С. Гризодубова¹⁶⁰, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай¹⁶¹, ответственный секретарь П. И. Богоявленский. На нем обсуждался вопрос о проведении пресс-конференции ЧГК по делу министра правительства ФРГ Т. Оберлендера¹⁶² и было решено: 1. Провести пресс-конференцию 5 апреля в 11 часов утра в Октябрьском зале Дома Союзов; 2. Утвердить план пресс-конференции¹⁶³. Широкой общественности о том, что ЧГК, оказывается, не упразднена стало известно из пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, собранной в Москве 5 апреля 1960 г. для предъявления общественности фактов о нацистском прошлом Т. Оберлендера. На ней присутствовали Т. Д. Лысенко, В. С. Гризодубова, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, П. И. Богоявленский. По итогам заседания ЧГК был издан отчет¹⁶⁴.

Учитывая огромную ценность материалов ЧГК, традицию их издания следовало бы возобновить. Для начала, как представляется, нужно было бы подготовить новое, комментированное издание «Сборника сообщений ЧГК». Его необходимо дополнить упомянутыми сообщениями, ЧГК, не вошедшими в первое издание сборника и изданными отдельно, а также не изданными проектами сообщений. Это даст гораздо более полное представление о масштабах работы по учету военных преступлений захватчиков, которая велась в Советском Союзе как в годы войны, так и в первые послевоенные годы.

Приложение

№ 1

Б. Д. Удинцев¹⁶⁵ – А. Н. Толстому

Чкалов. 5 ноября 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

Узнав о высоком назначении Вас членом Чрезвычайной комиссии по выяснению убийств, причиненных немцами, прошу Вас в числе объектов, подлежащих учету, иметь в виду ценнейшую библиографическую библиотеку Всесоюзной книжной палаты. Эта библиотека

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р–7021. Оп. 116. Д. 141. Л. 81.

¹⁵⁸ Там же. Л. 85.

¹⁵⁹ Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – биолог и агроном, академик АН СССР (с 1939 г.), АН УССР (с 1934 г.), академик (с 1935 г.), президент (1938–1956, 1962–1962) ВАСХНИЛ.

¹⁶⁰ Гризодубова Валентина Степановна (1910–1993) – летчица, полковник, Герой Советского Союза (с 1938 г.).

¹⁶¹ Николай (в миру Борис Николаевич Ярушевич) (1891/92–1961) – митрополит Крутицкий и Коломенский (1944–1960).

¹⁶² Оберлендер (Oberländer) Теодор (1905–1998) – немецкий ультраконсервативный политический деятель, нацистский офицер и министр ФРГ по делам беженцев (1953–1960).

¹⁶³ ГА РФ. Ф. Р–7021. Оп. 116. Д. 390. Л. 1–2.

¹⁶⁴ Кровавые злодеяния Оберлендера: Отчет о пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся в Москве 5 апреля 1960 года. М., 1960.

¹⁶⁵ Удинцев Борис (1891–1973) – литературовед, директор научной библиотекой Государственного литературного музея (1945–1953), зав. сектором литературы в ФБОН АН СССР (1953–1957), племянник писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка и исследователь его жизни и творчества.

пострадала от июльских бомбежек 1941 г. Часть ее Палата эвакуировала в Чкалов. Я, как заведующий этой библиотекой, нахожусь временно в Чкалове с фондами и документами. Наше удивительное собрание книг включало в себя б[иблиоте]ку Лисовского¹⁶⁶, б[иблиоте]ку Библиогр[афического] о[бществ]а, б[иблиоте]ку Синод[альной] типографии. Московские библиографы хорошо знали наше собрание.

Я убедительнейше прошу Вас иметь нас в виду. В случае надобности я готов дать Комиссии все показания и все материалы.

По всем вопросам вызова меня прошу снестись с директором Палаты Александром Исакиевичем Бендик¹⁶⁷ – Кремлевская набережная, Всес[оюзная] книжная палата.

Мой адрес: Чкалов (областной) Григорьевская ул. 21.

Я племянник уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка¹⁶⁸, постоянно живу в Москве. Являюсь большим поклонником Вашего таланта и Ваших прекрасных книг

С уважением

Борис Удинцев

РГАСПИ. Ф. 269 (А. Н. Толстой). Оп. 1. Д. 35. Л. 1-1об. Автограф.

№ 2

А. И. Введенский¹⁶⁹ – Н. М. Швернику

Москва, Кремль
Первоиерарх православн[ых]
обновленч[еских] церквей в СССР
Профессор
Александр Введенский
20 ноября 1943 г.
№ 822

В Центральную комиссию по расследо-
ванию зверств фашистов тов. Шверник

В моих руках имеется ряд документов, свидетельствующих о зверствах фашистов на Северном Кавказе. Имея желание вручить эти документы непосредственно Вам, а также желая сделать личные сообщения, – прошу Вас указать мне день и час, в которые я могу быть Вами принят.

Мой адрес: Москва, 4-я Сокольническая. Д. 34

Телефон Е-1-91-56

Первоиерарх православных обновленческих церквей в СССР

Александр

ГА РФ. Ф. Р.-7021 (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)). Оп. 116. Д. 326. Л. 90. Машинопись, подпись – автограф, с печатью.

¹⁶⁶ Лисовский Николай Михайлович (1854–1920) – библиограф, книговед, профессор Московского университета (1916–1919).

¹⁶⁷ Бендик Александр Исакиевич (1903–1978) – востоковед, зав. библиотекой Института востоковедения АН СССР (1957–1968), зав. отделом ФБОН (ИНИОН) АН СССР (с 1968 г.)

¹⁶⁸ Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912) – писатель.

¹⁶⁹ Введенский Александр Иванович (1886–1946) – идеолог русской обновленческой церкви, “первоиерарх православных церквей в СССР” (с 1941 г.).

№ 3

А. Н. Толстой – Н. М. Швернику

[1944 г.]

Глубокоуважаемый Николай Михайлович.

Представляю Вам как очень ценного работника для Чрезвычайной комиссии Ираклия Луарсабовича Андронникова¹⁷⁰. Я знаю его много лет. Это человек высоко культурный, с серьезным опытом исследовательской работы и опытом систематизатора; разносторонне и весьма талантливый.

С февраля 1942 г. он работал на фронте, во фронтовых газетах. Сейчас служит в качестве газетного работника в Тбилиси, в красноармейской газете “Боец РККА” (в ведении ГлавПУРККА) и выполняет ту работу, которую могли бы делать люди и другой квалификации. Несомненно, что можно было бы его использовать целесообразнее.

Прилагаю при сем его автобиографию¹⁷¹.

[А. Толстой]

РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 19. Л. 1. Черновик, автограф.

№ 4

И. В. Шикин¹⁷² – Н. М. Швернику

Москва. 1 февраля 1944г.

Председателю Чрезвычайной
государственной комиссии
по установлению и расследованию злодеяний
немецко-фашистских захватчиков
и их сообщников
тов. Швернику Н. М.

Одним из важнейших документальных свидетельств злодеяний, совершаемых немецко-фашистскими захватчиками, являются трофейные фотографии, на которых жертвы гитлеровцев засняты рядом с их палачами. Подобные фотографии нередко обнаруживаются у пленных и убитых солдат и офицеров противника. К сожалению, до сих пор лишь в немногих случаях удавалось установить обстоятельства, изображенные на фотографии (время и место казни), а также личность казненных и их палачей. Для ликвидации этого недостатка ГлавПУРККА дано указание начальникам Политических управлений фронтов о том, чтобы при обнаружении подобных фотографий в каждом отдельном случае составлялся особый акт с указанием фамилии владельца фотографии и с приложением, если последний жив и находится в плену, его письменных показаний по поводу изъятых у него снимков. Все эти фотографии и акты будут мною по мере их поступления пересылаться Вам, как это практиковалось до сих пор.

Однако многие фотографии подобного рода поступают, как нам известно, в редакции различных газет и журналов, “Фотохронику” ТАСС и музеи от их корреспондентов на

¹⁷⁰ Андроников (Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908–1990) – писатель, литературовед, мастер устного рассказа.

¹⁷¹ Автобиография не приложена.

¹⁷² Шикин Иосиф Васильевич (1906–1973) – советский партийный и государственный деятель, генерал-полковник, зам. начальника Главного политического управления РККА (1942–1945), начальник Главного политического управления Вооруженных сил СССР (1945–1949).

фронтах. Со своей стороны, считал бы целесообразным сосредоточить все эти фотографии в Чрезвычайной комиссии.

Для опознания личности гитлеровцев, изображенных на подобных фотографиях, можно было бы применить опрос военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД СССР. В этих целях было бы целесообразным издать специальный альбом фотографий и разослать его в лагеря военнопленных. Возможно, что преступники, изображенные на фотографиях, сами находятся в советском плену, или, по крайней мере, будут опознаны знающими их солдатами, находящимися в лагерях. Так, например, пленный унтер-офицер Карл Бауэрлейн¹⁷³, находящийся у нас в плену, очевидец казни Зои Космодемьянской, вероятно, мог бы опознать немцев, изображенных на фотографиях, опубликованных в “Правде” 24.X.1943 года¹⁷⁴.

Заместитель начальника Главного политического управления Красной Армии

И. Шикин

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 125. Д. 5. Л. 5 б. Машинопись, подпись – автограф. На бланке Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной Армии.

№ 5

Н. Н. Бурденко – Н. М. Швернику

21 марта 1944 г.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович!

По слухам, кажется, довольно достоверным, полученных мною от военных врачей, в Виннице были массовые убийства, произведенные немцами. Немцы провокационно приписывают эти убийства Советским органам.

Хорошо было бы для установления техники умерщвления командировать в Винницу профессора Смирнова Л. И.¹⁷⁵ – патологоанатома Центрального нейрохирургического института, – который обрабатывает все черепа.

Позволяю Вам это писать потому, что прошедший опыт вскрытия могил не всегда был ценен.

С искренним уважением

Н. Бурденко¹⁷⁶

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 326. Л. 57. Машинопись, подпись – автограф.

№ 6

И. С. Фефер¹⁷⁷ – Архиву Чрезвычайной государственной комиссии

21 сентября 1945 г.

В Архив Чрезвычайной государственной комиссии.

Еврейский антифашистский комитет настоящим обязуется отобранный и полученный от Вас материал о зверствах и истреблении еврейского населения для Черной книги¹⁷⁸ не

¹⁷³ Бауэрлейн Карл (?–?) – унтер-офицер 10-й роты 332-го пехотного полка 197-й пехотной дивизии вермахта.

¹⁷⁴ См.: Довженко А. Смотрите, люди! // Правда. 1943. 24 окт.; Лидов П. Пять немецких фотографий // Там же.

¹⁷⁵ Смирнов Леонид Иосифович (1889–1955) – ученый-медик и педагог, чл.-корр. АМН СССР (с 1946 г.).

¹⁷⁶ На письме имеется резолюция Н. М. Шверника: “Принять предложение тов. Бурденко о командировании в Винницу профессора Смирнова Л.И. 23/III”.

¹⁷⁷ Фефер Исаак Соломонович (1900–1952) – поэт и общественный деятель.

¹⁷⁸ Черная книга: О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками

публиковать без соответствующего разрешения руководства Государственной чрезвычайной комиссии.

Член Президиума Еврейского
антифашистского Комитета в СССР
И. Фефер

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 404. Л. 14. Машинопись, подпись – автограф. На бланке Еврейского антифашистского комитета в СССР.

№ 7

Проекты неопубликованных сообщений ЧГК

1) (145¹⁷⁹) “О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству и культурно-просветительным учреждениям города Запорожье”¹⁸⁰, 70 л.

2) (146) “О разрушениях и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Житомире и некоторых районах области”¹⁸¹, 32 л.

3) (172) “О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ростовской, Воронежской и Орловской, областях, в Краснодарском крае и в Калмыцкой Автономной Республике”, 27 апреля 1943 г., 31 л.

4) (167) “О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Сталинграде и отдельных населенных пунктах Сталинградской области”, 15 июля 1943 г., 76 л.

5) (151) “О массовом уходе советских граждан в немецкое рабство”, 28 августа 1943 г., 14 л.

6) (142) “О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ворошиловграде и Ворошиловградской области”, 29 августа 1943 г., 14 л.

7) (154) “О злодеяниях и разрушениях немецко-румынских захватчиков в Крыму”, 7 сентября 1944 г., 101 л.

8) (149) “О разрушениях и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных улусах и гор. Элисте Калмыцкой АССР”, 10 сентября 1943 г., 27 л.

9) (152) “О злодеяниях немецко-фашистских и венгерских оккупантов в Курской области”, 18 сентября 1943 г., 128 л.

10) (156) “О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ленинградской области”, 20 сентября 1943 г., 173 л.

11) (169) “О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Спас-Деменске, Батурином и других районах Смоленской области”, 25 сентября 1943 г., 10 л.

12) (170) “О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Сумы Украинской ССР”, 25 октября 1943 г., 15 л.

13) (163) “О разрушениях промышленности, городского хозяйства, культурно-просветительных учреждений, исторических памятников и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков над мирным населением в городе Полтаве”, 15 ноября 1943 г., 105 л.

14) (166) “О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в городе Таганроге Ростовской области”, 22 ноября 1943 г., 6 л.

15) (144) “О разрушениях и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Гомеле”, 13 декабря 1943 г., 72 л.

во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. Вильнюс, 1993.

¹⁷⁹ Здесь и далее указан номер единицы хранения по описи 116 фонда Р-7021 (ГА РФ).

¹⁸⁰ Дата на документе отсутствует.

¹⁸¹ Дата на документе отсутствует.

16) (164) “О преступлениях немецко-фашистских захватчиков в городе Рославле”, 13 декабря 1943 г., 15 л.

17) (143) “О разрушениях и злодеяниях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям в Днепропетровске и Днепродзержинске”, 29 декабря 1943 г., 54 л.

18) (160) “О материальном ущербе, причиненном немецкими оккупантами гражданам, государственным предприятиям, учреждениям и общественным организациям города Новороссийска”, 19 ноября 1943 г., 44 л.

19) (161) “О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гор. Осипенко (Бердянск)”, 1944 г., 8 л.

20) (162) “О разрушениях и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Кременчуге Полтавской области”, 1944 г., 5 л.

21) (171) “О разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в Черниговской области”, 13 апреля 1944 г., 90 л.

22) (150) “О чудовищных злодеяниях немецких фашистов в Каменец-Подольской области”, 21 июля 1944 г., 156 л.

23) (174) «О мошеннической фабрикации румынскими оккупантами “большевистских зверств”», 1944 г., 22 л.

24) (158) «Об истреблении немцами советских военнопленных в Минском лагере “Шталаг № 352”», 9 января 1945 г., 66 л.

25) (176) «Об изготовлении немецкими “учеными” мыла и выделке человеческой кожи из трупов замученных и убитых в немецких концлагерях и тюрьмах граждан СССР, Польши и других государств», 8 августа 1945 г., 13 л.

26) (178) “О злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками на территории Советского Союза”, 5 октября 1945 г., 166 л.

27) (177) «Об истреблении немецкими властями в концентрационном лагере “Саксенгаузен” граждан СССР, Англии, Франции, Польши, Голландии, Бельгии, Венгрии и других государств», 8 октября 1945 г., 123 л.

№ 8

Сопроводительная записка к отчету о работе ЧГК

30 декабря 1945 г.

Товарищу Сталину И. В.

Товарищу Молотову В. М.

Товарищу Маленкову Г. М.

Во исполнение указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года Чрезвычайная государственная комиссия:

- а) провела учет злодейских преступлений немецких захватчиков и их сообщников;
- б) определила ущерб, причиненный немцами Советскому государству, колхозам и общественным организациям;
- в) определила ущерб, понесенный гражданами;
- г) установила имена немецко-фашистских преступников, виновных в организации или совершении злодеяний на советской территории, подвергавшейся оккупации, с целью предания этих преступников суду и их сурового наказания.

Расследование злодеяний и учета ущерба, причиненного немецкими захватчиками народному хозяйству и гражданам СССР, Чрезвычайная государственная комиссия произвела в Украинской, Белорусской, Латвийской, Литовской, Эстонской, Карело-Финской, Молдавской советских социалистических республиках, в 28 краях и областях РСФСР,

подвергавшихся оккупации, в 180 союзных и республиканских наркоматах и в 30 общественных организациях СССР.

Расследование массового истребления мирных граждан и советских военнопленных произведено в Сталинграде, Ленинграде, Севастополе, Минске, Киеве, Одессе, Смоленске, Новгороде, Пскове, Гомеле, Харькове, Орле, Курске, Воронеже, Ростове на Дону, Львове, Ровно, Сталино, Виннице, Полтаве, Каменец-Подольске, Кировограде, Тернополе, Риге, Вильнюсе, Каунасе, Таллине, Славуте, Озаричах, Катыни и во всех других городах и населенных пунктах, где совершали злодеяния немецко-фашистские захватчики и их сообщники.

Для расследования злодеяний, совершенных гитлеровцами, и учета ущерба, причиненного ими гражданам и народному хозяйству СССР, в республике, края и области, освобожденные от немецкой оккупации, выезжали члены Чрезвычайной государственной комиссии. В Ржев, Гжатск, Вязьму, Смоленск выезжал тов. Шверник Н. М., в Орел, Сталинград, Катынь, Минск, Смоленск – академик Бурденко Н. Н., в Сталинград, Одессу, Полесье, Ленинград – академик Трайнин И. П.¹⁸², в Краснодар – Гризодубова В. С., в Калинин – академик Веденеев Б. Е., в Киев, Ленинград, Смоленск, Крым, Катынь, Тулу – митрополит Николай Крутицкий, в Ставрополь, Ленинград, Харьков, Курск, Одессу – академик Толстой А. Н.

В помощь Чрезвычайной государственной комиссии для проведения работы по учету ущерба в областях, краях и республиках были созданы специальные комиссии. В каждую область и край для расследования злодеяний и учета ущерба Чрезвычайная государственная комиссия посылала своих ответственных работников.

К работе по расследованию злодеяний и по учету ущерба было привлечено свыше 7 миллионов рабочих, колхозников, интеллигентов, представителей партийных и общественных организаций, а также представителей духовенства различных религиозных культов.

Все документы по расследованию злодеяний и по определению ущерба по каждой области и краю рассматривались на заседаниях Чрезвычайной государственной комиссии¹⁸³.

¹⁸² Трайнин Илья Павлович (1886/87–1949) – юрист, академик АН СССР (с 1939 г.). С августа 1943 г. он являлся заместителем Н. М. Шверника как председателя ЧГК (ГА РФ. Оп. 116. Д. 14. Л. 1).

¹⁸³ Итоговый отчет об ущербе датирован маем 1946 г. (См.: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 246. Л. 21, 28). При подсчете учитывался ущерб от разрушения промышленности, транспорта, связи, колхозов, совхозов, МТС, индивидуальных крестьянских хозяйств, городов и сел, а также расходы на эвакуацию и последующую эвакуацию государственных предприятий, учреждений и организаций.

1. Ущерб, причиненный государственным предприятиям, учреждениям и общественным организациям в денежном выражении по видам имущества:

1. Общий ущерб – **289 092** млн. рублей, из них по:

РСФСР – 110 306
Украинская ССР – 104 532
Белорусская ССР – 30 129
Карело-Финская ССР – 4817
Молдавская ССР – 6294
Литовская ССР – 8960
Латвийская ССР – 12 425
Эстонская ССР – 11 629

2. Расходы по эвакуации государственных предприятий, учреждений и организаций:

Всего – **17 982** млн. руб., в том числе по:

РСФСР – 6444
Украинской ССР – 7642
Белорусской ССР – 1851
Карело-Финской ССР – 293
Молдавской ССР – 146
Литовской ССР – 140
Латвийской ССР – 295
Эстонская ССР – 1171

Итого, ущерб, причиненный народному хозяйству советских социалистических республик – **307 074** млн. руб.

В результате расследования злодеяний, совершенных гитлеровцами на территории СССР, подвергавшейся оккупации, Чрезвычайная государственная комиссия составила 54 тысячи актов и собрала свыше 250 тысяч заявлений очевидцев фашистских зверств, показаний свидетелей, фотодокументов, показаний военнопленных.

Чрезвычайная государственная комиссия произвела также расследование массового истребления гитлеровцами советских людей и граждан других государств в немецких «лагерях смерти» в Польше и в самой Германии – в Майданеке, Трешлинке, Освенциме, Данциге, Ораниенбурге, Штуттгофе.

При расследовании злодеяний были эксгумированы десятки тысяч трупов замученных и убитых. К расследованию злодеяний немцев были привлечены специалисты и ученые страны. В распоряжении Чрезвычайной государственной комиссии имеются материалы расследования, неопровержимо доказывающие преднамеренное уничтожение немцами свыше 9 миллионов советских граждан¹⁸⁴.

На основании материалов расследования Чрезвычайная государственная комиссия опубликовала в печати двадцать семь сообщений о злодеяниях и зверствах гитлеровских захватчиков¹⁸⁵.

Чрезвычайной государственной комиссией установлены имена свыше 11 тысяч фашистских преступников, совершивших массовые убийства, истязания советских людей, разрушение сел и городов, ограбление советских граждан.

Немецкие преступники занесены в специальную книгу, которая в копии передана для розыска их органам НКВД, НКГБ и СМЕРШ. По материалам расследования злодеяний проводится также учет имен пособников, работавших у немцев бургомистрами, старостами, полицейскими, карателями. Списки этих преступников переданы органам НКВД.

Чрезвычайная государственная комиссия произвела полный и точный учет разрушений и ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР как в натуральном, так и в денежном выражении.

По учету ущерба составлено около 4 миллионов актов, в том числе по:

- 1) государственным предприятиям и учреждениям – 145 905 актов;
- 2) кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям – 39 106 актов;
- 3) колхозам, совхозам и МТС – 121 325 актов.
- 4) гражданам – 3 618 680 актов.

Итоги учета ущерба опубликованы 13 сентября 1945 года в специальном сообщении Чрезвычайной государственной комиссии.

Чрезвычайной государственной комиссией подготовлены обвинительные материалы на главных военных преступников, документальные кинофильмы о разрушении городов, промышленности, транспорта, культурных учреждений, о разрушении церквей, о злодеяниях немцев в Освенциме и в Майданеке и переданы товарищу Вышинскому для предъявления Международному военному трибуналу.

Чрезвычайная государственная комиссия, на основании заявлений репатриированных советских граждан, установила имена немцев, истязавших и эксплуатировавших советских людей, угнанных в Германию. В Комиссию поступило более 100 тысяч заявлений, в которых репатриированные просят наказать немецких чиновников, предпринимателей и хозяев, виновных в надругательстве над советскими людьми, и взыскать с них ущерб, понесенный гражданами в связи с работой в неволе, увечьем или потерей трудоспособности.

¹⁸⁴ См.: *Бухерт В.Г.* Данные ЧГК о людских потерях СССР в годы войны. Март 1946 г. С. 27–34.

¹⁸⁵ См.: Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946.

Направляю Вам:

1) Отчет о работе Чрезвычайной государственной комиссии.

2) Приложения к отчету:

а) Основные показатели о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и причиненном ими ущербе гражданам, колхозам, общественным организациям и гражданам¹⁸⁶ СССР.

Отчет о работе Чрезвычайной государственной комиссии мною послан также товарищу Сталину И. В.

30/XII-[19]45 г.

Н. Шверник

АРАН. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 398. Л. 1-6. Машинопись, подпись – автограф.

---

¹⁸⁶ Так в тексте.

Е. Л. Киселева

**“ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОТОВЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ”: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ
КОМПЛЕКСА ДОКУМЕНТОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
И ЕГО НАУЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ***

В самом начале Великой Отечественной войны возникла идея создания общественного органа обличающего нацизм и его преступления. Указом Президиума Верховного Совета № 160/17 от 2 ноября 1942 г. была создана “Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...” (ЧГК).

Деятельность ЧГК, созданной в эпоху сталинизма, в условиях войны, на которую возлагалось “собрание документальных данных, их проверка и подготовка всех материалов о злодеяниях гитлеровских преступников и материальном ущербе, причиненном советским гражданам, колхозам и государству в результате оккупации советских территорий армиями гитлеровской Германии и ее сообщников”¹ и ее документальное наследие – свыше 43 тысяч единиц хранения за 1941–1951 гг., хранящихся в ГА РФ, в настоящее время стали предметом различных дискуссий. Однако, как нам представляется, они не являются результатом тщательного изучения деятельности комиссии и собранных ею документов, а вызваны скорее отношением к конкретному периоду отечественной истории.

Так, М. Ю. Сорокина называет комиссию “фантомом общественного обвинителя”, а ее документальное наследие “братской могилой, вскрывая которую, истории будут еще долго и иногда безуспешно разбираться, где свои, а где чужие, где палачи, а где жертвы”².

Нельзя не согласиться с мнением В. Н. Земскова, который много работал с документами ЧГК как массовым источником. В одной из своих статей, посвященной вопросу численности советских военнопленных в годы Второй мировой войны, он писал: «Следует воздерживаться от навешивания ярлыков “фальсифицированных”».

---

* Документам ЧГК был посвящен наш доклад на форуме к 70-летию Великой Отечественной войны в 2015 г. в Туле. См. об этом: *Киселева Е. Л.* Документы Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков как источник по истории Второй мировой войны // Великая Отечественная война: История и историческая память в России и мире: Сборник материалов международного научно-общественного форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 2 т. М., 2015. Т. 1. С. 57–74.

¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 113. Л. 163.

² *Сорокина М. Ю.* Люди и процедуры. К истории расследования нацистских преступлений в СССР // Военно-исторический альманах Виктора Суворова. М., 2013. Вып. 2. С.113.

Это – исторический источник, требующий серьезного критического анализа и осмысления»³.

В источниковедении, как известно, не существует понятия абсолютной достоверности источника. В каждом случае, изучая историческое явление, историк определяет достоверность источника или комплекса источников с точки зрения освещения конкретных сюжетов.

В рамках данной статьи мы хотели бы, исходя из положения, высказанного С. О. Шмидтом еще в 1972 г., согласно которому обогащение источниковой базы происходит «не только введением в оборот новых источников, но и путем более углубленного “прочтения” старых»⁴, обратиться к вопросу формирования комплекса документов ЧГК, что является одним из важных шагов на пути его более глубокого изучения.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи рассказать о том как формировались комплексы документов всех структурных подразделений ЧГК, остановимся на вопросе формирования комплекса документов Отдела по учету злодеяний, поскольку они использовались СССР на Нюрнбергском процессе и сейчас достаточно востребованы исследователями в связи с изучением различных проблем из истории Второй мировой войны.

Комплекс документов по учету ущерба колхозам, гражданам и учреждениям, а также документы Отдела культуры, связанные с учетом и возмещением ущерба нанесенного музеям, библиотекам, научным учреждениям – предмет отдельного источниковедческого исследования.

Говоря о комплексе документов отложившихся в составе **Отдела по учету злодеяний**, нельзя не сказать несколько слов об этом структурном подразделении в составе ЧГК. Штат этого отдела состоял из 4 человек: начальник; помощник начальника отдела, и два делопроизводителя. Позже он увеличился до шести за счет должностей помощников начальника. Как свидетельствуют личные дела сотрудников и другие документы по личному составу, практически весь руководящий состав отдела имел юридическое образование⁵.

---

³ Земсков В. Н. К вопросу об общей численности советских военнопленных и масштабах их смертности // Известия Самарского научного Центра РАН. 2013. Т. 15. № 5. С. 110.

⁴ См. об этом: Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 2–6 октября 1972 г.) // Источниковедение отечественной истории. 1976 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 241.

⁵ Начальник отдела – **Д. И. Кудрявцев**, 1896 г. рождения; в 1924 г. окончил отделение внешних сношений 1-го МГУ по специальности инженер-экономист, в 1940 г. получил юридическое образование по специальности международное право Факультета общественных наук, в марте 1941 г. окончил факультеты философии и литературы, международного права Университета марксизма-ленинизма при МГК ВКП (б). Сменивший его на этом посту – **Р. М. Никитин**, 1885 г. рождения, получил неполное высшее образование на юридическом факультете Ленинградского государственного университета. Помощники и старшие помощники: **Д. Г. Мельников**, 1906 г. рождения, 1931 г. окончил факультет советского права Ленинградского государственного университета. До начала войны доцент Ленинградского юридического института, кандидат наук, в ЧГК был направлен 19 сентября 1943 г. из Главной военной прокуратуры Красной Армии; **А. В. Лаптев**, 1906 г. рождения, в 1929 г. окончил факультет советского права 1-го МГУ, получив специальность судебно-прокурорский работник, в 1933–1938 гг. обучался в аспирантуре Московского юридического института по специальности уголовное право, в 1937–1938 гг. – заведующий кафедрой уголовного права Ленинградского юридического института НКЮ СССР, старший научный сотрудник Всесоюзного института юридических наук НКЮ СССР, с декабря 1938 г. – заведующий юридическим отделом Президиума Верховного Совета РСФСР, на работу в ЧГК поступил в июне 1943 г.; **А. В. Радковский**, 1915 г. рождения, в 1937–1941 гг. – студент Ленинградского юридического института, в мае 1942 г. окончил Военно-юридическую академию

Одним из основных задач в деятельности Отдела злодеяний был учет массового уничтожения гражданского населения на оккупированных территориях, насильственного вывоза на принудительные работы, а также фактов гибели советских военнопленных.

Для организации этой работы была разработана “Инструкция о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников”, утвержденная 17 июня 1943 г.⁶. Согласно пункту 5 этого документа, факты злодеяний устанавливались актами соответствующих местных комиссий, составленными на основании заявлений советских граждан, опроса потерпевших, свидетелей, врачебной экспертизы, а также осмотра места злодеяния. Они должны были составляться в двух экземплярах. Один экземпляр актов с приложениями отправлялся в ЧГК, вторые экземпляры оставались в распоряжении местных комиссий, которые дополнительно должны были составлять обобщенные сведения об установленных злодеяниях и также направлять их в ЧГК.

Таким образом, основная работа по сбору документов возлагалась на местные комиссии. В районах военных действий расследование фактов злодеяний проводилось войсковыми частями при участии военных врачей. Сотрудники Отдела злодеяний регулярно выезжали в командировки для координации работы местных комиссий.

Следует заметить, что документы, собранные местными комиссиями содействия ЧГК служили основой для проектов сообщений ЧГК, составление которых также входило в обязанности сотрудников Отдела злодеяний. В составе фонда сохранилась “Методика работы по составлению сообщения (коммюнике) Чрезвычайной Государственной Комиссии”, которой должны были руководствоваться сотрудники⁷.

Объем работы по проверке, анализу и систематизации материала, который возлагался на сотрудников этого отдела в период военного времени трудно переоценить.

Архив ЧГК и его документы

Понимание важности и необходимости собирания документальных материалов, отражающих историю Великой Отечественной войны, возникло в общественном сознании практически с ее началом. Было бы удивительно, если бы такого понимания не было в архивной отрасли, которая как известно, находилась в то время в системе НКВД.

В докладной записке начальника Управления государственными архивами НКВД СССР И. И. Никитинского председателю ЧГК М. Н. Швернику от 12 ноября 1942 г. сообщалось об уже проделанной управлением работе по собиранию материалов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в прифронтовой полосе, а также говорилось о необходимости организовать правильную научную обработку документальных материалов, для чего следует привлекать кадры, имеющие историко-архивоведческую подготовку и опыт работы с материалами Государственного архивного фонда СССР⁸.

Красной Армии по специальности военный юрист, до поступления на работу в ЧГК в сентябре 1943 г. работал в качестве преподавателя на кафедре судебного права вышеупомянутой академии.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 6. Л. 2–3.

⁷ Там же. Д. 331. Л. 1–16.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 14. Л. 24.

В структуре ЧГК на правах отдела изначально был предусмотрен архив, куда должны были поступать документальные материалы. Наверно не случайно начальником архива и его бессменным руководителем стала Т. А. Иллерицкая – выпускница Историко-архивного института, имевшая к тому времени достаточно большой опыт архивной работы.

Татьяна Александровна Иллерицкая, историк-архивист, о которой хотелось упомянуть особо. Родилась в 1911 г., в 1925–1932 г. работала на спичечной фабрике “Ревпуть”, в 1931–1935 гг. училась в МГИАИ, в 1935–1938 гг. – начальник Центрального государственного архива профдвижения, в 1938–1943 гг. – заместитель начальника отдела кадров ГАУ НКВД СССР, в 1945–1946 гг. – сотрудник Международного военного трибунала по делу главных военных преступников в Нюрнберге. После передачи архива ЧГК в ЦГАОР СССР в 1951–1954 гг. возглавляла отдел фондов ЧГК. С. В. Соменова, ранее заведующая архивохранилищем фондов высших органов государственной власти и управления СССР в ГА РФ, вспоминает: «Она была очень интересным человеком, профессионалом. Я всегда поражалась ее удивительной памяти. Она держала в голове все факты, могла “с закрытыми глазами” сказать, где найти нужную информацию»⁹.

В августе 1943 г. было утверждено “Положение об архиве”, а также “Инструкция о порядке учета, хранения и использования документальных материалов в архиве Чрезвычайной Государственной Комиссии”¹⁰.

Как свидетельствуют “Входящие журналы регистрации актов” массовое поступление документальных материалов из местных комиссий началось с января 1944 г. На долю сотрудников выпадал огромный объем работ, связанных с их приемом. В 1944 г. в архиве работали 12 человек. Документы привозились в Москву в мешках, зачастую повреждаясь при транспортировке, поэтому требовали предварительной реставрации. Нехватка бумаги заставляла местные комиссии использовать любые материалы, на которых можно было писать. Так, например, документы комиссии г. Сталино (ныне – Донецк) были составлены на обоях, а документы некоторых районных комиссий Великолукской области – на изоляционной бумаге. Денег на переплет не хватало. В акте проверке архива, проведенной в мае 1944 г. было зафиксировано, что из 450 000 актов половина не переплетена¹¹.

Однако к созданному архиву предъявлялись особые требования: документальные материалы, должны были быть “готовы к использованию в любое время”. Они были обусловлены тем, что ЧГК вела активную переписку с НКВД, Управлениями НКГБ, Главной военной прокуратурой, ГУПВИ, ГПУ РККА и другими инстанциями. С одной стороны ЧГК получала из этих учреждений различные документальные материалы о преступлениях нацизма, с другой стороны, по запросам этих же учреждений сотрудники отделов и архива, в свою очередь, выявляли интересующие сведения в собранных ею материалах.

Материалы этой секретной и совершенно секретной переписки формировались в отдельные дела описи 149. Поскольку она касалась в основном установления фактов преступлений нацистского режима и их конкретных исполнителей,

⁹ Цит. по: *Соменова С. В.* Воспоминания о работе в ЦГАОР СССР и ГА РФ // История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания / Отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2010. С. 544.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7021. Дело фонда. Т. 2. Л. 21–25.

¹¹ Там же. Л. 19.

этот комплекс существенно дополняет “материалы о злодеяниях”, собранные местными комиссиями.

При первом знакомстве с документальным собранием ЧГК бросается в глаза строгая систематизация документов. Поступившие в архив документальные материалы формировались в хронологическом порядке по территориальному признаку (по областям, а внутри областей по районам). Анализ журналов входящей и исходящей корреспонденции, сохранившихся в составе фонда, позволяет заметить, что сотрудники архива проводили большую поисковую работу и по запросам граждан, связанным с установлением судеб их родственников. Количество таких обращений особенно увеличивалось после опубликования в центральной печати очередного сообщения ЧГК.

Одновременно граждан интересовали перспективы и возможности возмещения ущерба, нанесенного их личным хозяйством. Так, согласно сохранившимся в составе фонда “Журналам входящей открытой корреспонденции общей канцелярии” количество обращений и писем граждан в 1943 г. составило 1646; в 1944 г. – 2505; в 1945 г. – 2156.

С целью оперативного поиска сотрудники дополнительно создавали картотеки: **предметно-географическую**, куда включались сведения о собранных материалах и отдельных документах по республикам, областям, районам; **тематическую**, где сведения о документах систематизировались по тематическим блокам: “Зверства над мирным населением”; “Уничтожение военнопленных”; “Уничтожение еврейского населения”, и др. Кроме того, в архиве ЧГК велась алфавитная картотека немецких военных преступников и их сообщников.

В Исторической справке “О деятельности Чрезвычайной Государственной Комиссии за 1942–1951 гг.”, составленной в октябре 1951 г. Т. А. Иллерицкой, говорилось о 76 264 карточках на немецких преступников и их сообщников¹².

В Акте обследования работы архива ЧГК от 23–26 мая 1944 г. сообщалось: «Сведения для картотеки берутся из показаний немецких военнопленных, из опроса и заявлений советских граждан, из актов, составленных на месте происшествий. Получить полные установочные данные о виновниках-немцах, которые необходимы для картотеки достаточно трудно. Поэтому на ряде карточек не имеется даже фамилии виновников-немцев, а дано лишь их служебное положение, например, “обер-лейтенант”, “солдат из части СС” и т.д. Сотрудники архива изучают различные материалы с целью получения необходимых сведений, ибо без установления фамилий виновников, года и места рождения использование картотеки не даст должного эффекта»¹³.

Кроме того, сотрудниками архива ЧГК на основе картотеки был издан типографским способом “Алфавитный список № 1 военнослужащих и гражданских чиновников государств, воевавших с СССР, изблеченных в активном участии в зверствах и злодеяниях, учиненных на территории СССР, подвергавшейся временной оккупации”¹⁴.

Рабочие материалы, создаваемые в архиве ЧГК, в том числе картотеки, именные указатели и сегодня являются ценным научно-справочным аппаратом, который

¹² ГА РФ. Р-7021. Дело фонда. Л. 46.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 118.

существенно облегчает историку архивно-эвристический этап исследовательской работы.

Необходимо заметить, что эти документы ЧГК существенно дополняют архивные комплексы Центрального ведомства управлений юстиции федеральных земель Германии по расследованию преступлений национал-социализма в Людвигсбурге, поэтому активно используются немецкой стороной в настоящее время для выявления участников массовых убийств в годы национал-социализма.

Основную группу документов Отдела по учету злодеяний составляют дела с типовыми заголовками **“Материалы о злодеяниях...”**, **“Акты о злодеяниях...”**, сформированные по географическому принципу. Они содержат акты областных районных, городских, сельсоветских комиссий, составленные по единой форме, разработанной ЧГК, а также разнообразные приложения к ним, включающие акты осмотра мест массовых захоронений, территорий мест принудительного содержания, протоколы допросов свидетелей, заявления граждан о гибели или насильственном вывозе их близких родственников, списки расстрелянных и насильственно вывезенных на принудительные работы, фотоматериалы, отдельные трофейные документы, фрагменты дневников и записок. Хотя такой источник как дневники и воспоминания носят случайный характер, само их наличие в материалах комиссий свидетельствует о том, что при сборе различных документальных доказательств члены комиссий все же не стремились намерено создавать некий идеальный образ всеобщего сопротивления оккупантам.

Так, в дневнике 20-летнего жителя г. Симферополя Игоря Носенко, расстрелянного 10 апреля 1944 г., фрагменты которого были переданы в городскую комиссию матерью содержится много интересных деталей о первых днях оккупации города, в том числе демонстрирующих реакцию населения¹⁵.

Самую большую группу источников составляют протоколы допросов. Бесспорно, изучая такой источник как протоколы допросов свидетелей, проживавших на оккупированной территории, а значит, по оценкам того времени, потенциальных коллаборантов исследователь должен принимать во внимание один психологический аспект, который, в ряде случаев, не мог не оказывать влияние на объективность тех или иных показаний – стремление несколько увеличить обличительную сторону повествования, дабы не быть заподозренным в симпатиях к нацистскому режиму. Читая эти документы, необходимо подобно переводчику снижать “эмоциональный накал” исходного текста. Однако эти источники при их внимательном и комплексном изучении могут дать множество “ненамеренных свидетельств” из повседневной жизни оккупированных территорий.

Обязательным “элементом” в приложениях к актам местных комиссий были документы, изданные оккупационными властями. Сотрудники Отдела злодеяний тщательно следили за тем, чтобы акты, присланные с мест, содержали все необходимые приложения, в особенности подлинники немецких документов, о чем свидетельствуют их заключения и докладные записки.

В феврале 1945 г. председателю Дрогобычской комиссии Отделом по учету злодеяний было направлено письмо с просьбой выслать подлинники немецких распоряжений и объявлений¹⁶. Так, в фонде ЧГК появились документы Еврейского совета г. Дрогобыч, собранные в отдельную опись¹⁷.

¹⁵ Там же. Оп. 9. Д. 50. Л. 76–83.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 129. Д. 35. Л. 29.

¹⁷ Опись 59 включает в себя 23 дела с протоколами, приказами, распоряжениями и объявлениями Еврейского совета г. Дрогобыч за 1941–1942 гг.

Однако материалы о злодеяниях нацистов поступали в ЧГК не только из местных комиссий. Так из Главного политического управления РККА в основном поступали “трофейные материалы”.

В апреле 1945 г. в ЧГК поступил большой комплекс документов – учетные карточки и свидетельства о смерти военнопленных лагеря Шталаг 318 (344) Ламсдорф. Из Центрального штаба партизанского движения были переданы списки граждан расстрелянных в отдельных районах Калининской области¹⁸. Кроме того, в комиссию поступали документы и от отдельных граждан. Многие выражали готовность рассказать об увиденном и пережитом. Так, например, после публикации 16 сентября 1944 г. «Сообщения Чрезвычайной советско-польской комиссии о чудовищных преступлениях немецких фашистов в “Майданеке”» организатор восстания в другом нацистском лагере “Собибор” Александр Печерский написал письмо в СНК СССР, где выражал свою готовность сообщить сведения о деятельности данного лагеря. Позже, о чем свидетельствует и пометка в деле из фонда ЧГК, показания Александра Печерского были представлены советской стороной на Нюрнбергском процессе¹⁹. Благодаря священнику православной церкви в г. Марибор в 1947 г. через Управление внешних сношений Генштаба в ЧГК поступили сведения о лагере Шталаг XVIII и наличии там захоронений советских военнопленных.²⁰

Не все из присланных писем с рассказами о пережитом или увиденном использовались в качестве документальных доказательств, но они сохранялись в архиве ЧГК.

Большую группу документов, собранных комиссией составляют опросные листы. В мае 1945 г. для “поименного учета немецких рабовладельцев, виновных в эксплуатации и истязании советских граждан для привлечения их к суду, а также возмещения затрат производимых на лечение и выплату пенсии в связи с утратой ими трудоспособности в немецкой неволе”, ЧГК был организован опрос советских граждан, возвращающихся на Родину. Комиссией была разработана типовая форма опросного листа²¹. Они должны были заполняться гражданами после возвращения на Родину, по месту постоянного жительства, заверяться представителями органов местной исполнительной власти и высылаться в ЧГК. Сотрудники ЧГК требовали, чтобы они направлялись в Москву в систематизированном виде с приложением алфавитных реестров²².

Однако эта работа велась на местах с большими трудностями. Председатели областных комиссий периодически сообщали о том, что работа приостановлена в связи с нехваткой бланков. Из Молдавии было прислано очень незначительное количество опросных листов, поскольку по данным районных комиссий, вернувшиеся на Родину граждане либо не подвергались насилию, либо уехали добровольно²³.

Тем не менее, в фонде ЧГК отложилось свыше 215 тысяч опросных листов. В связи с тем, что общее число репатриированных граждан было значительно большим, вопрос полноты этого комплекса, должен быть предметом особого источниковедческого исследования. Остается открытым вопрос о том, сколько заполненных

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 15. Л. 4, 9–16.

¹⁹ Там же. Оп. 115. Д. 8. Л. 153–154.

²⁰ Там же. Оп. 149. Д. 166. Л. 4.

²¹ Там же. Оп. 116. Д. 327. Л. 4.

²² Там же. Оп. 125. Д. 4. Л. 113.

²³ Там же. Л. 71, 81, 119, 120, 122, 137.

гражданами опросных листов осталось в местных комиссиях. Возможно, что, несмотря на официально объявленные цели опроса репатриированных, люди просто опасались репрессий со стороны власти и всячески избегали такого персонального учета. Поступившие в архив комиссии опросные листы также содержались в особом архивном порядке. В архиве комиссии эти документы группировались в дела по географическому признаку – по районам.

В комплексе с другими документами, в том числе немецкого происхождения, они являются ценным источником для изучения географии принудительного труда в Третьем Рейхе.

Как уже отмечалось, с начала деятельности комиссии в ЧГК из ГлавПУРРККА стали поступать самые разнообразные захваченные инструкции, приказы немецкого командования. Далеко не всегда их содержание было понятно сотрудникам, поскольку это были лишь отдельные документы вырванные из общего “контекста”, но они кропотливо собирались и описывались сотрудниками архива и были сформированы в отдельную опись – № 148.

Не менее ценный комплекс фотоматериалы ЧГК, который включает фотографии, изготовленные в ходе работы ЧГК и местных комиссий, а также так называемые трофейные фотографии.

“Методика работы по составлению сообщения (коммюнике) Чрезвычайной Государственной Комиссии”, упоминавшаяся выше, требовала от сотрудников отделов ЧГК в ходе служебных командировок через местные органы власти разыскивать фотографов работавших при оккупантах и получать от них негативы интересующие комиссию. Кроме того, “исключительные факты зверств” также должны были тщательно и подробно фотографироваться²⁴.

1 февраля 1944 г. заместитель начальника Главного политического управления РККА И. В. Шикин писал Н. М. Швернику: «Одним из важнейших документальных свидетельств злодеяний, совершаемых немецко-фашистскими захватчиками, являются трофейные фотографии... Подобные фотографии нередко обнаруживаются у пленных и убитых солдат и офицеров... Однако многие фотографии подобного рода поступают, как нам известно, в редакции различных газет и журналов, “Фотохронику ТАСС” и музеи и от их корреспондентов на фронтах. Со своей стороны, считал бы целесообразным сосредоточить все эти фотографии в Чрезвычайной комиссии»²⁵.

Результаты работы сотрудников ЧГК по сбору фотодокументов о злодеяниях нашли отражение в виде фотоальбомов, сохранившихся в составе фонда (Оп. 128). Здесь собраны фотографии о злодеяниях и разрушениях в период оккупации на территории бывшего СССР, на территории освобожденных концлагерей “Майданек”, “Освенцим” “Заксенхаузен”, а также “трофейные фотоснимки”.

Особую группу источников немецкого происхождения составляют материалы концлагерей и лагерей военнопленных. Эти документы поступали в ЧГК как главную комиссию по расследованию немецких преступлений и использовались в ходе Нюрнбергского процесса и других процессов над нацистскими преступниками. Однако далеко не все из поступивших документов сохранились в фонде ЧГК. Так,

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 331. Л. 7, 13.

²⁵ Там же. Оп. 125. Д. 5. Л. 56.

в 1946 г. в Главную военную прокуратуру были переданы документы по концлагерям “Равенсбрюк” и “Заксенхаузен”, которые ныне хранятся в РГВА в составе т.н. бывшего “Особого архива”. Туда же были переданы документы архива лагеря “Аушвиц-Биркенау”. Следует заметить, что в связи с тем, что учет военнопленных не являлся функцией ЧГК, документальные комплексы этой тематики, как правило, передавались в военное ведомство. Так, в 1951 г. из ЧГК в МВС СССР были переданы 35 папок с анкетами и больничными листами советских военнопленных Шталага 352, близ г. Минска. В свою очередь Главное политическое управление РККА передало в ЧГК трудовые книжки советских граждан, угнанных на принудительные работы.

Однако часть материалов концлагерей и лагерей военнопленных все же осталась в фонде ЧГК, вероятно потому, что в то время по этим документам невозможно было установить судьбу конкретного военнопленного, но они могли служить в качестве дополнительного материала на Нюрнбергском процессе. Это документы комендатуры концлагерей “Аушвиц”, “Гросс-Розен”. В отдельные описи собраны материалы лагерей военнопленных Шталаг 326 и Шталаг 336, Шталаг 318(344) (Ламсдорф), материалы расследований “фактов злодеяний” на территории Польши и Германии²⁶.

В 1951 г. в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 9 июня ЧГК прекратила свою деятельность ее документы, а также штаты сотрудников были переданы МВД СССР. В августе того же года документы ЧГК поступили на государственное хранение в ЦГАОР СССР.

Проблемы доступности и научного использования документов ЧГК.

При условии, что ЧГК должна была выполнять роль общественного обвинителя и информировать о преступлениях нацизма, ее документальные собрания были гораздо более доступней современникам, чем документы других архивов, хотя использование осуществлялось под жестким контролем ответственных работников. Это, порой, вызывало непонимание со стороны других учреждений вовлеченных в процесс “обнародования” преступлений нацизма, но вполне соответствовало советской архивной традиции. Председатель созданной специальной комиссии Совинформбюро для опубликования “за границей новых данных о злодеяниях фашистско-германских захватчиков” П. Троянский в своей докладной записке на имя заместителя начальника Совинформбюро С. А. Лозовского, датированной 10 апреля 1945 г., говоря о том, что их комиссии “не пристала роль бедных родственников на задворках архивных накоплений”, сообщал о сложностях в получении материалов, связанных с необходимостью их предварительного изучения сотрудниками ЧГК²⁷. Однако, вероятно, понимая, что работа государственной комиссии во многом была связана с проведением процессуальных следственных действий,

---

²⁶ Подробно об этом комплексе документов было рассказано в докладе, сделанном автором на международной конференции, организованной германским Фондом “Саксонские мемориалы” в 2010 г. в г. Дрездене. См.: *Kiseleva E. Dokumente über den Tod sowjetischer Kriegsgefangener im Archivbestand der “Ausserordentlichen Staatlichen Kommission für die Feststellung und Untersuchung von Gräueltaten der deutsch-faschistischen Eindringlinge...”* [Электронный ресурс]. URL: https://www.stsg.de/cms/sites/default/files/dateien/texte/Kiseljova_de.pdf (дата обращения: 24.09.2023)

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 326. Л. 29–32.

а, значит, далеко не все документы могли быть опубликованы, С. А. Лозовский предложил Н. М. Швернику послать за границу то, что ЧГК считает возможным и необходимым послать²⁸.

Представители зарубежных стран через НКВД – МИД направляли ходатайства об ознакомлении с документами комиссии. Так, согласно журналу регистрации исходящей корреспонденции представители Франции и Чехословакии были допущены к работе с документами ЧГК, а передача представителям Норвегии документов о преступлениях нацистов на территории СССР была признана нецелесообразной.

В 1947 г. для ознакомления с материалами концлагерей “Аушвиц” и “Майданек” были допущен посол Бельгии Легэ и его переводчик²⁹.

Как свидетельствует переписка, сохранившаяся в составе фонда ЧГК материалы, собранные комиссией активно использовались для патриотического воспитания: при подготовке выставок, проходивших в 1944–1946 гг. “Женщины в Великой Отечественной войне”, “Комсомол и молодежь Украины”, “Партизаны Украины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков”, при съемках фильма “Непокоренные” на киностудии “Мосфильм”. Копии документов ЧГК изготавливались для Комиссии по истории Великой Отечественной войны на Украине при АН УССР³⁰. Сотрудники архива издавали сборники документальных материалов, готовили для публикации в периодической печати отдельные документы³¹.

Конечно, с позиций дня сегодняшнего можно сомневаться в научной и археографической ценности этих публикаций, но следует учитывать, что идеологический аспект деятельности комиссии отражал и потребности массового сознания военного поколения советских людей в осмыслении пережитого и освобождения от “жестокой памяти”.

В последующие годы на большинство документов комиссии был наложен гриф “секретно”, который был снят с началом во второй половине 1990-х гг. выплат гражданам, насильственно вывезенным на принудительные работы в Германию.

Практическая работа с этими источниками, связанная с исполнением запросов граждан, неоднократно подтверждала его достоверность на уровне “микростории”, а значит, перспективность его научного использования в качестве источника.

Исследователь имеет дело с большим объемом параллельно и синхронно возникших свидетельств. Их анализ позволяет проводить “взаимопроверку” различных групп источников и определять их достоверность. Документы ЧГК дают возможность изучать массовое сознание людей – захватчиков и их жертв, феномен человеческого поступка, психологию героизма и предательства.

Большая часть документов концлагерей, отложившихся в составе фонда ЧГК, которые являются частями некогда единых комплексов смогли раскрыть свой информационный потенциал только сегодня в результате комплексного изучения источников, отложившихся порой в различных архивохранилищах. Так, изучение фрагмента показаний коменданта концлагеря “Маутхаузен” Цирайса и возможность

---

²⁸ Там же. Л. 28.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 125. Д. 5. Л. 82.

³⁰ ГА РФ. Р-7021. Оп. 125. Д. 4. Л. 49; Д. 5. Л. 60.

³¹ См.: Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. М., 1943–1946. Вып. 1–2. В качестве примера подготовки к публикации отдельных документов можно назвать сформированные в отдельные дела тематические подборки материалов о злодеяниях по г. Орлу (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 1, 6, 9)

изучения документов немецких архивов позволило нам атрибутировать один из трофейных документов, отложившийся в фонде ЧГК – фрагменты книги крематория концлагеря Гузен – филиала концлагеря “Маутхаузен”, а также обнаружить в составе комплекса документов по концлагерю “Майданек”, учетную книгу лагеря Шталага 352 – одного из самых крупных лагерей военнопленных, созданных на территории СССР³².

Начатая в ГА РФ с 2016 г., совместно с американским музеем Холокоста, работа по созданию электронного архива документов ЧГК, значительно расширила возможности комплексного анализа различных групп и видов источников этого фонда.

На стадии пилотного проекта было отобрано 3606 дел о преступлениях нацистов, совершенных в 62 регионах СССР, в том числе Белорусской, Украинской, Латвийской и др. республиках, Крымской АССР, Краснодарском, Ставропольском краях, Брянской, Калининской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Смоленской, Винницкой, Витебской, Волынской, Киевской, Львовской, Одесской и др. областях, что составит около 1 миллиона образов.

Создание в перспективе Электронного архива ЧГК с гибкой поисковой системой, подобно Электронному архиву Международной службы розыска³³ – ближайшая задача, отвечающая потребностям современного научного исследования.

Таким образом, сотрудники ЧГК должны были быть готовы в самые короткие сроки представить необходимые документы для изобличения нацистских преступников, наша же задача используя современные компьютерные технологии создать архив, который позволил бы исследователю одновременно изучать и сопоставлять различные источники для получения максимально объективного знания.

---

³² См. об этом: *Киселева Е. Л.* Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен // ОА. 2012. № 1. С. 29–34.

³³ *Киселева Е. Л.* Миллионы документов – миллионы судеб: размышления и впечатления о поездке в Международную службу розыска в Германии // ОА. 2017. № 3. С. 132–138.

Д. Д. Лотарева, К. С. Дроздов

АРХИВНЫЙ ФОНД КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ АН СССР: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ, СПЕЦИФИКА ДОКУМЕНТОВ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Огромную роль в сохранении памяти о событиях Великой Отечественной войны сыграла Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Президиуме АН СССР (далее Комиссия). Она была создана 10 декабря 1941 г. и работала по декабрь 1945 г. Руководителем Комиссии на всем протяжении ее работы был Исаак Израилевич Минц (1896–1991), из-за чего она стала известна научному сообществу под названием “Комиссия Минца”¹.

И. И. Минцу удалось наладить беспрецедентный в условиях войны систематический сбор сведений о событиях на фронте и в тылу. Конечной целью Минца было написание в будущем многотомной истории Великой Отечественной войны на основе застенографированных воспоминаний бойцов, командиров и политработников, в которых фиксировалась информация, не попадавшая в официальные приказы, распоряжения, боевые сводки и т.д. Он даже планировал создать на базе Комиссии специальный институт по изучению истории Великой Отечественной войны.

Несмотря на то, что по многим причинам этих целей Минцу достичь не удалось, в архиве Комиссии отложилось около 16 тысяч единиц хранения, причем четверть из них – это стенограммы и записи бесед с непосредственными участниками событий. Следует признать, что Комиссия проделала титаническую работу по сбору и фиксации устных рассказов современников о войне.

Комиссия по истории Великой Отечественной войны стала последним историко-документальным проектом в цепи грандиозных советских начинаний такого рода (“История партии”, “История фабрик и заводов”, “История Гражданской войны”). Сотрудники Комиссии в своей работе активно использовали те же методы устной истории, которые применялись ранее в выше названных проектах, тем более, что сам И. И. Минц возглавлял до войны Главную редакцию “Истории Гражданской войны”, где активно записывали воспоминания участников революции и гражданской войны.

Поскольку одним из главных моментов в деятельности Комиссии было стремление показать советского человека в качестве создателя своей судьбы, то важнейшим источником для создания эпопеи Великой Отечественной войны должны были стать стенограммы бесед с самими участниками этих событий. В письме заместителю начальника ГлавПура РККА от 10 августа 1942 г. Минц так сформулировал

¹ Подробнее об истории создания и деятельности Комиссии см.: *Лотарева Д. Д.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы // АЕ за 2011 год. М., 2014. С. 123–166.

цель работы Комиссии: “Нам поручено приготовить книгу по истории обороны Москвы. Мы приступили, прежде всего, к собиранию материалов, которые меньше всего отложились в архивах: творческая инициатива масс, участие в оборонительной работе, народное ополчение и т.п. Одновременно мы изучали материалы военные. Мне казалось, что для правильной картинки одного знакомства с документами мало. Нужно поговорить с бойцами, командирами, участниками великих событий, записать их рассказы. Поэтому одновременно с работой по собиранию документов и материалов мы решили познакомиться с историей нескольких боевых частей – танковых, пехотных и авиационных...”²

И это не было случайностью. Минц, вообще, рассматривал рассказы участников, если не как основной источник информации, то, как вполне равноценный официальной документации. Более того, Минц считал стенограммы в высшей степени надежным источником: “Наша история создается и пишется одновременно [...] В этом большие преимущества: события близки, много активных участников поделится своими воспоминаниями, отсюда большая достоверность и правдивость в изложении”³.

К концу 1942 г. окончательно сложилась методика интервьюирования участников событий войны. Она была изложена в обобщенном виде в специальной Инструкции: “Необходимо записать живые рассказы отдельных командиров, политработников, бойцов об отдельных боевых эпизодах, целых периодах жизни, встречах, мыслях, чувствах и т.д.

а) Эту работу надо проводить по заранее намеченному плану. Рекомендуется сначала записать рассказ командира и нач. штаба для получения канвы, основы всех действий части. Затем по определенному плану записать особо отличившихся героев, бойцов, командиров и политработников, стараясь избежать повторений.

б) При рассказах добиться возможно более полного и правдивого освещения фактов и событий с уточнением хронологических дат, названий мест.

в) Не забывать записать основные данные о каждом рассказчике: краткие данные с указанием даты и места рождения, имени, отчества, домашнего адреса, партийности и работы до войны. В отдельных случаях (в случае особого интереса) – биографию записать подробно.

Данную работу производить лучше всего с помощью стенографирования, а в случае отсутствия стенографистки, краткой записи от руки. Если позволит обстановка, следует запись прочитать рассказчику и подписаться ему. Надо указать, кто, когда и где произвел запись”⁴.

Сотрудники Комиссии старались брать интервью и у тех солдат и офицеров, которые находились в Москве в отпусках, командировках или на лечении. Обычно они просили отделы кадров фронтов или госпитальное начальство разрешить им приходить в Комиссию для беседы, иногда на несколько дней.

И. И. Минц, через 25 лет, в 1968 году, обосновывая необходимость сохранения архива Комиссии в Отделе рукописных фондов Института истории СССР (после разделения Института истории на два: упомянутый и Институт всеобщей истории), писал в записке на имя С. О. Шмидта (который возглавлял Комиссию по обследованию

² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 45.

³ Там же. Д. 7. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 38.

рукописного фонда): “По сути дела это записи боевых подвигов, составленные на второй день после их свершения, когда под руками были военные карты и другие данные, когда можно было пригласить на беседу начальника штаба соединения и проверить эти данные”⁵.

Все материалы, поступающие в архив Комиссии, были отнесены к тому или иному разделу:

- Раздел I – Воинские части,
- Раздел II – Партизанское движение,
- Раздел III – Оборона городов и отдельные операции,
- Раздел IV – Герои Советского Союза,
- Раздел V – Военная экономика и восстановление хозяйства,
- Раздел VI – Оккупационный режим,
- Раздел VII – Культура и быт,
- Раздел VIII – Национальные республики,
- Раздел IX – Оборона Москвы,
- Раздел X – Разные материалы.

Такая структура фонда сохранилась до сегодняшнего дня⁶. Каждая стенограмма рассказа, воспоминание или очерк, как правило, образуют отдельное дело.

Деятельность Комиссии необходимо рассматривать как крупнейший проект по инициативному документированию. Собранные Комиссией интервью явно не вписывались в парадно лакированный образ войны. В них отразилась война во всех ее противоречиях и ужасах. А устная история как способ формирования источниковой базы оказалась в СССР, несмотря на колоссальные традиции и достижения, не в почете. История должна была рассматриваться через призму официальных документов партии и государства, утверждающих генеральную линию развития советского общества. В исследовательской практике сложилась (была установлена) строгая иерархия источников, на вершине которой находились документы официального происхождения. Эго-документы, позволяющие проследить и отразить личный опыт участников исторического процесса, оказались на периферии научного и общественного внимания. Их привлекали, но чаще как иллюстрации к официальным документам. Тем не менее, архив Комиссии удалось сохранить, пусть и внимание исследователей к нему было явно меньшим, чем он того заслуживал.

Интервью с участниками военных действий, собранные сотрудниками Комиссии, являются уникальным источником для изучения проблемы “человек на войне”. В последнее десятилетие в России данная тематика институционализировалась в особое направление исторических исследований – военно-историческую антропологию⁷. Центральное место здесь продолжает занимать Великая Отечественная война. Интервью Комиссии дают уникальную возможность проследить психологическое состояние участников боев, их оценку совершающихся событий. В интервью солдат и гражданского населения описаны индивидуальные и коллективные

⁵ НА ИРИ РАН. Дело фонда 2.

⁶ Впоследствии были добавлены еще несколько разделов: раздел XI – тематические фото и фото Героев Советского Союза, XII – трофейные документы, XIII – тематические подборки газетных вырезок, брошюры, листовки, XIV – делопроизводство Комиссии.

⁷ *Сенявская Е. С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // *ОИ.* 2002. № 4. С. 135–145; *Она же.* История войн России XX века в человеческом измерении: Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. М., 2012.

стратегии выживания на фронте, оккупированных территориях или в тылу. По интервью можно проследить эффективность советской пропаганды в формировании образа врага. И это помимо того, что в собранных Комиссией свидетельствах зафиксированы многие факты, не задокументированные в экстремальных условиях войны в официальных документах.

Интервью, собранные сотрудниками Комиссии, что называется по горячим следам, обладают огромным информационным потенциалом для современных исследователей. Так, например, анализ и введение в научный оборот комплекса ранее неизвестных интервью Героев Советского Союза, отложившихся в архиве Комиссии, позволит впервые в отечественной историографии взглянуть на подвиг героя глазами самого героя, максимально отделить его от пропагандистского образа.

В 1942–1945 гг. сотрудниками Комиссии Минца были взяты многочисленные интервью у военнослужащих разного звания (солдат, офицеров, генералов) и разных воинских специальностей (пехотинцы, саперы, артиллеристы, летчики, моряки, морские пехотинцы и др.), принимавших участие в боях под Москвой и в Сталинграде, на Курской дуге, в форсировании Днепра и Сиваша, освобождении Украины, Крыма, штурме Кёнигсберга и т.д. В результате стенограммы не только дают эмоциональное, “человеческое” восприятие войны, но и подчас позволяют, взятые в комплексе, взглянуть на одну и ту же боевую операцию разными глазами и с разных сторон. Поскольку из солдатского окопа и из штабного блиндажа бой выглядел по-разному, (точно так же, как отличались описания боевой работы, например, у саперов и артиллеристов), эти уникальные источники позволяют вплотную подойти к разрешению сложной научной проблемы – полифоничному показу боя.

А верифицировать достоверность рассказов отличившихся бойцов и командиров позволяют сегодня базы данных “Подвиг народа” и “Память народа”, где в свободном доступе выложена информация из многочисленных наградных листов, в том числе и самих интервьюеров.

Говоря о перспективах использования материалов Комиссии, следует назвать несколько публикаций, которые были сделаны в последнее время на основе анализа стенограмм бесед. В первую очередь это книга, подготовленная Йоханом Хелльбеком “Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны)” (М., 2015). В ней впервые осуществлена комплексная публикация стенограмм интервью участников битвы за Сталинград. Причем, часть из этих интервью была собрана сотрудниками Комиссии в январе – феврале 1943 г., т.е. практически на поле боя.⁸

Также большой интерес представляет книга А.В. Марчукова о героях-покрышкинцах⁹. В ней полностью опубликован комплекс бесед с воинами 9-й Гвардейской истребительной авиационной дивизии. Эти тексты дополнены кропотливо собранными в ЦАМО данными о боевой деятельности летчиков, что является, на наш взгляд, очень важным методическим приемом изучения материалов Комиссии: анализ и сравнение сведений из стенограмм бесед с той информацией, которая нашла отражение в официальных приказах, оперативных сводках, докладах, наградных листах и т.д.

⁸ Необходимо отметить, что в книгу вошла лишь часть стенограмм интервью, взятых у участников битвы. Некоторые стенограммы приведены целиком, большая часть – в выдержках.

⁹ *Марчуков А. В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941–1945. М., 2014.

Статья К.С. Дроздова “Героев было не только двадцать восемь”¹⁰ также построена на основе интервью, взятых сотрудниками Комиссии в 1942–1948 гг. у бойцов и командиров 8-й гвардейской стрелковой дивизии И.В. Панфилова. Автор статьи, изучив материалы многочисленных стенограмм, пришел к выводу о том, что 16–17 ноября 1941 г. в оборонительных боях под Москвой героизм проявили бойцы, командиры и политработники из многих подразделений дивизии, в эти дни героизм был массовым, и поэтому говорить о том, что история военных подвигов панфиловцев – это сплошь мифотворчество советской пропаганды, совершенно неправомерно.

Кроме того, подходит к завершению работа коллектива ученых ИРИ РАН по написанию коллективной монографии “Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне”, которая посвящена деятельности Комиссии¹¹, а также активно идет разработка специального сайта, где будет размещаться вся актуальная информация, как по истории Комиссии, так и по архивному фонду в целом¹².

В целом, несмотря на появившиеся в последнее время исследования и публикации, необходимо признать явное несоответствие размаха деятельности Комиссии и богатства собранных ею материалов тому малому резонансу, который был вызван ее работой, как в обществе, так и в исторической науке.

---

¹⁰ Дроздов К. С. Героев было не только двадцать восемь // Родина. 2012. № 5. С. 6–11; № 7. С. 9–16.

¹¹ Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне: На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / [Авт. текста и коммент.: А. Г. Гуськов и др.]. М.; СПб., 2015. 381 с.

¹² Электронный ресурс, посвященный Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Президиуме АН СССР, размещен на официальном сайте ИРИ РАН, по адресу: <http://komiswow.ru> (дата обращения: 26.09.2023).

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.31168/041078-7.14

Э. В. Шульгина, Е. Е. Иванова, Е. Н. Казакова, Н. А. Кобяк

СИНОДАЛЬНЫЕ СВИТКИ И ГРАМОТЫ XV–XVIII ВВ. В СОБРАНИИ ГИМ: К ПОДГОТОВКЕ ИЗДАНИЯ

В 2014 г. был завершен начатый в 2012 г. проект¹ Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея и Археографической комиссии РАН по созданию научного описания и подготовке издания текстов свитков и грамот XV–XVIII вв., хранящихся в Синодальном собрании свитков и грамот. Данная коллекция поступила в музей из Синодальной Патриаршей библиотеки в 1920 г. и насчитывает 1432 ед. хр.

Небольшая часть свитков и грамот из Синодального собрания была опубликована в разное время. Так, в 1874–1885 гг. Н. И. Субботиным в Санкт-Петербурге были изданы “Материалы для истории раскола”². В 1897 г. Археографическая комиссия опубликовала дело о патриархе Никоне, содержащее комплекс подготовительных материалов к Собору 1666 г, следственные документы по делу патриарха Никона³. Отдельные документы публиковались в “Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси”⁴, описания нескольких документов даны в хронологическом перечне иммунитетных грамот XVI в. С. М. Каштанова, В. Д. Назарова, Б. Н. Флоры⁵, крестьянские челобитные XVII в. были опубликованы Э. В. Шульгиной в 1994 г.⁶, кроме того, единичные грамоты публиковались отдельно в работах разных исследователей⁷. В 2014 г. на конференции “Вспомогательные

---

¹ Грант РГНФ № 12-01-00251.

² Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1874–1894. Т. 1–9.

³ Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии по документам Московской синодальной (бывшей Патриаршей библиотеки). СПб., 1897.

⁴ АСЭИ: [в 3 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [отв. ред. Б. Д. Греков]. М., 1952–1964. Т. 1–3. См., например: Син. грам. № 1722, 1723, 1725, 1726–1736 и др.

⁵ Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. III // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 197–253.

⁶ Крестьянские челобитные XVII века. Из собраний Государственного исторического музея / Сост.: Н. В. Горбушина и др. М., 1994.

⁷ См., например: Ченцова В. Г. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654–1658. Документы. М., 2004; Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009; Юхименко Е. М. Новое о старце Ефреме Потемкине // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / Отв. ред.

исторические дисциплины в современном научном знании” Э. В. Шульгиной был сделан доклад с обзором коллекции Синодальных свитков и грамот, были озвучены предварительные итоги работы коллектива над Каталогом синодальных свитков и грамот XV–XVIII вв. в собрании ГИМ.

Эти ценнейшие документы не имеют до сих пор научного описания, соответствующего современным нормам археографии, а существующие в историографии сведения о коллекции чрезвычайно скудны. Вследствие чего материалы фонда оставались малоизвестными широкому кругу исследователей.

Хронологически данная коллекция, как уже было указано выше, охватывает период с конца XV по XVIII в.

Основная часть документов относится к XVII в. От XV и XVI вв. сохранилось лишь небольшое количество грамот (XV в. – 2 ед. хр., XVI в. – 11 ед. хр.), причем большинство из них представлено в списках. Из них следует отметить жалованную грамоту великого князя Василия Васильевича Ивану Раките, около 1450 г. (Син. грам. № 1580)⁸, духовную грамоту кн. Андрея Федоровича, 1482 г. (№ 1581), жалованную грамоту кн. Владимира Андреевича Старицкого, 1548 г. (№ 1582), а также жалованные грамоты на вотчины и тарханские грамоты (№ 1541, 1564, 1575, 1585) и жалованную грамоту царя Бориса Годунова патриарху Иову на вотчины, 1599 г. (№ 1001).

Грамот XVII в. насчитывается около 1332 ед. хр., XVIII в. – 27 ед. хр., также есть некоторое количество грамот, не имеющих “белой даты”.

Собрание свитков Синодального собрания включает в себя помимо актового материала Патриаршей библиотеки документы Успенского собора и Вознесенского женского монастыря в Кремле (дела о размежевании спорных земель – № 1841–1861/1), осмотра ризницы Большого Успенского собора (№ 1831); Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, материалы, касающиеся повседневной и хозяйственной деятельности Волоколамского и Соловецкого монастырей и их московских подворий (№ 1800–1825 – Соловецкое подворье; № 1720–1799 – Волоколамское подворье), московского подворья митрополитов Сарских и Подонских (№ 1491, 2105, 2109–2125). Особенный интерес представляет дело 1665 г. “об игумене Боровского Пафнутьева монастыря Тихоне, по доносу на него князя Репнина, что он расхищает монастырское имущество” (№ 1228). Большой интерес представляет также комплекс грамот, связанный со строительством новых и ремонтом обветшавших церковных зданий и монастырских построек, плотин, рыбных садков и пр. (№ 1384, 1386, 1743). В них не только приводятся актуальные цены на строительные и отделочные материалы, но указывается их необходимое количество и сорт того или иного материала: “...патриарх указал в Московском уезде в своем святейшаго патриарха дворцовом селе Троицком построить каменные подклеты и деревянные брусяные хоромы против росписи и чертежа, а приказную старую и старцову, и прикашикову избы и старые конюшни, и сараи разобрать и перенести на иные места, а приказную избу с сенми и с чардаком построит внов на ином месте, а та то всякое строение всякой товар: сваи и белоступенной и аршинной

и сост. Е. М. Юхименко. М., 2010. Вып. 4. С. 21–56; *Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия. Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. М., 2011. При издании текстов грамот эти и другие публикации будут отмечены в библиографии к каждой из грамот.

⁸ Поскольку все упоминаемые в настоящей статье документы относятся к одной коллекции, в дальнейшем мы упоминаем только номер.

и трех четвертной и лещеди⁹, и бутовой камен, и щебен, и глину, и песок, и кирпичь, и известь, и связное и свицкое железо, и лесные всякие припасы что к тому строению понадобится...” (№ 1437, 1693 г.; см. также № 1436).

Можно отметить ряд документов церковно-административного и хозяйственного характера, позволяющий судить о взаимоотношениях церкви и государства, церкви и частных землевладельцев (№ 1395, 1404, 2120). Здесь же содержатся описи церковной утвари (№ 1756, 1771, 1774, 1776, 1794) с интересными пояснениями ризничего и ключарей относительно отсутствия того или иного предмета (см., например, № 1830/1: “...Ризы протопопские, большие, участок / серебряной, двойной, з золотом, оплечье / низано жемчугом большим по червча/тому бархату... И по скаске протопопы Тимофея / да ключарей то-де оплечье было прежде / сего на стырых камчатых ризах / по таусинной камке, из старых риз сня/то и переделано вновь по червчатому / бархату, и положены на новые / участковые серебряные ризы, // что пожаловала государыня благоверная / царица и великая княгиня Евдокея Лукья/новна...”), описи вкладов в различные монастыри (№ 1026, 1749, 1800, 1803) с подробным перечнем предметов, часто с указанием их цены.

Отдельно следует упомянуть “Дело по иску икон братьями Пушкиными с князей Оболенских” 1691 г. (№ 1405), в котором долгая тяжба ведется по поводу икон княгини Татьяны Федоровны – третьей жены окольного Матвея Ведениковича Оболенского¹⁰ и тетки истцов Петра и Федора Пушкиных. Иконы эти изначально принадлежали семье Оболенских¹¹, и неясно, из-за чего идут споры: но на момент их возникновения, уже с 1686 г., иконы были в церкви Преподобного Дмитрия Прилуцкого на Девичьем Поле в Москве¹², и только на самом последнем составе свитка¹³ выясняется, что дело не в иконах, а в другом, весьма значимом имуществе: “ларечной кузни и низанья, и платья, и судов медных, и всякого домового заводу, кроме иконь, по цене на триста рублей, да за продажные две вотчины денег семь тысяч восемь сот рублей”.

Тексты этих свитков дают репрезентативное представление о разнообразии жизни и административно-хозяйственной деятельности нескольких крупнейших русских монастырей в XVII столетии.

Большую часть коллекции составляют документы Патриаршего казенного приказа, архива патриархов России. Это документы внешнеполитического и церковно-

⁹ Словарь В. И. Даля: “Лещедь и лещадь ж. един. и собирает. плита, колотый на слои и обтесанный камень, плитняк; тонкий квадратный кирпич, для выстилки полов; особый кирпич, для устилки печных подов; чугунная плита для той же потребности”.

¹⁰ Князь. Окольный (1683). Стольник с 1658 г. Ум. в 1687 г. Первая жена с 1655 г. – Кондырева Евдокия Тимофеевна, дочь Тимофея Васильевича Кондырева. Вторая жена с 26. 02. 1671 г. – Поливанова Евдокия Матвеевна (в первом браке была замужем за Александром Ивановичем Чичериным), дочь Матвея Ивановича Поливанова. Третья жена с 12. 07. 1676 г. – Пушкина Татьяна Федоровна (вдова князя Михаила Семеновича Прозоровского, ум. в 1670 г.), единственная дочь Федора Тимофеевича Пушкина и его супруги Марьи. Ум. с 1676 по 1688 г.

¹¹ “...Образа месного Спаса Вседержителя, да образа Спаса Нерукотворенного в киоте с празники, да образа месного Пресвятыя Богородицы Одегитрия, образа месного Луки евангелиста, образа месного Николая чудотворца в киоте с празники, образа Пресвятыя Богородицы Знамения в киоте с празники, образа Сергия чудотворца в киоте, образа Николая чудотворца, образа царя Константина и матери ево Елены, венцы и цаты, оклады серебряны чеканные и резные золочаны с камнем, а у образа Знамения Богородицы убрис и ожерелья и рясы жемчужные”.

¹² “...По переписке ис патриарша розряду в тои церкви Дмитрея Селунского святыя иконы против их, исцова, челобитья явились же...”

¹³ Всего в свитке 19 сстав, размер 670,2 x 16,2 см.

административного характера: подлинные патриаршие грамоты настояльные, поздравительные, духовные, несудимые; указы, донесения, отписки, челобитные к патриархам и т.д. Среди них духовная грамота патриарха Иова 1605 г. (№ 1003), настояльные грамоты патриархов Иоасафа I 1634 г. (№ 1017), Иосифа 1642 г. (№ 1032), Иоасафа II 1667 г. (№ 1233), Питирима, митрополита Сарского и Подонского, 1655 г. с автографом патриарха Никона (№ 1040) и 1672 г. (№ 1298) и др. (всего в собрании 19 настояльных грамот), несколько грамот к патриарху Адриану от восточных патриархов (№ 2321, 2323, 2324) и других лиц (№ 1557, 2326, 2327, 2328), ставленные грамоты за 1662–1710 гг., выданные патриархами разным духовным лицам при посвящении их в тот или иной духовный сан (№ 1094, 1320, 1495).

Этот же комплекс содержит переписку российских патриархов и митрополитов с восточными патриархами. Особенно следует выделить греческие грамоты XVI – начала XVIII в., их более пятидесяти. Эти важнейшие подлинные грамоты на русском и греческом языках за подписями восточных патриархов свидетельствуют о тесной связи Русской православной церкви с Христианским Востоком¹⁴.

Также можно выделить комплекс документов, характеризующих отношения Московского патриархата и Киевской митрополии, – автографы крупных церковных писателей и просветителей: ряд грамот архиепископа Черниговского Лазаря Барановича к патриарху Иоасафу II по поводу издания его книги “Трубы словес” в царской типографии 1669 г. (№ 1274, 1274, 1284) и 1672 г. с просьбой милости во принять две его книги “Жития святых” и “О еже при житии человеческом слушаемых” (№ 1293); грамоты – автографы архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля к патриарху Иоасафу II 1669 г. с преподношением своего сочинения “Мир с Богом человеку” (№ 1256), архиепископа Лазаря Барановича к патриарху Иоасафу II 1669 г. с просьбой благословить издание его сочинения “Трубы словес на нарочитые дни” (№ 1259). В грамоте патриарха Иоакима 1690 г. говорится о необходимости исправления уже набранных листов Миней четых Дмитрия Ростовского: “в книгах новонапечатанных зде, в Лавре Киево-Печерской, о Житиях святых на три месяца, обретаются некая погрешения, недосмотром случившаяся”, поэтому два листа следует перепечатать (№ 1387).

Обращает на себя внимание неизвестное ранее по печатным изданиям сочинение патриарха Иоакима: “Глас патриарха Иоакима ко всем православным христианам об удалении от мятежников” (№ 1379). В Словаре Евгения Болховитинова¹⁵ оно также не названо. Данная грамота не имеет даты и датируется описателями 1674 г., июля 26 – 1690 г., марта 17 – на основании времени правления патриарха Иоакима.

С темой просвещения связаны, например, грамоты на основании в Москве училища при церкви Св. ап. Иоанна Богослова в Бронной слободе в 1668 г. (№ 1235) и Славяно-греко-латинской академии в Богоявленском монастыре в Москве (1306/1–3) и др.

В собрании Синодальных свитков и грамот есть автографы гетманов войска Запорожского. Среди них можно отметить грамоты гетмана Дамиана Игнатовича Северского к патриарху Иоасафу II за 1669–1670 гг. (№ 1257, 1258, 1641, 1647,

¹⁴ Данный комплекс готовился к публикации Б. Л. Фонкичем и Е. В. Ухановой.

¹⁵ *Евгений (Болховитинов), митр.* Исторический словарь писателей духовного чина. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 225–228.

1648) с заверениями о преданности войска Запорожского русскому царю, а также грамоты с благодарностью патриарху за заступничество перед царем в оказании помощи пушками, ядрами, свинцом, порохом войску Запорожскому. А также несколько подлинных грамот гетмана Ивана Мазепы к патриарху (№ 1390, 1406, 1456, 1485), грамота с просьбой “благодарно принять и посвятить” в архиепископы Черниговские архимандрита Иоанна Максимовича с автографом самого Иоанна Максимовича (№ 1533) и др.

Кроме того, в коллекции документов Патриаршего приказа имеются административно-хозяйственные материалы: судебные дела по вопросам межевания, по разделу имущества, по назначению или смещению духовенства; многочисленные челобитные с поручными записями о получении мест дьяка, подьячего (№ 1045, 1050, 1053), казначея, сторожа (№ 1037, 1038, 1328, 1364), привратника (№ 1365), повара (№ 1039), портного (№ 1343), конюха в Патриаршем казенном приказе, истопника (№ 1227), на места священника в разных приходах.

Патриарший двор был крупнейшим вотчинником, и в собрании Синодальных свитков и грамот сохранились материалы по управлению его обширными владениями: расписки о приеме денег в Патриаршую казну с патриарших вотчин за 1578–1600 гг. (№ 1375), список домовых вотчин патриарха Адриана 1692 г. (№ 1409). В этом комплексе можно отметить один интересный документ – “Доклад патриарху Адриану о причинах разорения крестьян в его подмосковных вотчинах”, в котором предлагается замена натурального оброка денежными сборами. В нескольких грамотах содержатся материалы по патриаршим нижегородским и астраханским рыбным и икряным промыслам за 1692 г. (№ 1362, 1414, 1421, 1422, 1425 1477), по ведению и управлению соловецкими соляными промыслами (№ 1222, 1223).

Особый интерес представляют несколько грамот, связанных с игуменьей Путивльского Духова женского монастыря Анисией¹⁶, которую обвинили в колдовских действиях – наговоре на челобитную и на соленые вишни, предназначенные в подарок царевне Софье Алексеевне (№ 1393 – 1690 г., № 1404 – 1691 г.).

Данные свитки представляют это дело со стороны разных его участников. Причем во второй грамоте речь идет не столько о самой игуменье Анисии, сколько об игумене Севского Молченского монастыря Феодосии¹⁷, который, используя свой духовный сан, осуществляет поставление “на мзде”, захват чужих земель, а игуменья Анисия упоминается как пример коварного, двуличного и несправедливого отношения к ней названного священнослужителя.

Жизнь монастырей в петровскую эпоху хорошо представлена на примере вотчин Костромского Богоявленского монастыря – поселений Красный Яр, Белый Яр, Крестово городище, Ицкое устье и др. Это документы, касающиеся сбора пошлин на жалованье драгунам и на корм драгунским лошадям (№ 1974, 1977, 1978), на

---

¹⁶ Свято-духовский женский монастырь в Путивле, основан в XVI в., впервые упоминается в архивных документах, датированных 1595 г. Игуменья Анисья упоминается в документах 1697 г. – жалоба Петру I на строителей, затягивающих постройку каменного Спасо-Преображенского собора, начавшуюся в 1617 г. Монастырь упразднен в 1770 г. У Строева (*Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви.* СПб., 1877. Стб. 646) упомянут Духов Новодевич, Свято-Духовский Киево-Печерский монастырь, где игуменья Анисья значится под 1659–1679 гг., возможно, она же в 1700–1701 гг.

¹⁷ Игумен Феодосий – 1687–1691 гг. в Молченском монастыре в Путивле (*Строев П. Списки иерархов...* Стб. 635).

корабельную починку в Адмиралтейский приказ (№ 1895, 1899), на строительство канала от Ладоги до Шлиссельбурга (№ 1953, 1961, 1967), документы о посылке людей на работу в Соликамск, на заводы Демидовых и на суда Строгановых (№ 1997, 1998).

Кроме документов Патриаршего казенного приказа в коллекции имеются материалы Дворцового приказа, большая часть которых относится к XVII в. О некоторых грамотах XV–XVI вв., входящих в данный комплекс, было уже упомянуто выше. Также следует отметить жалованные грамоты царя Ивана IV Васильевича в подлинниках и списках 1541–1585 гг. (№ 995–1000) и царя Алексея Михайловича патриарху Иоасафу II на вотчины 1670 г. (№ 1286).

Особый интерес представляют документы, касающиеся исполнения царских наказов в области военного дела. Это материалы, относящиеся к сбору войск и денежных средств на финансирование военных действий против турецкого султана и Крымского ханства (№ 1660, 1673, 1684, 1687), укрепления пограничных “черт” в Сибири (№ 1631–1634, 1652–1654, 1667–1677, 1680–1687).

Также можно выделить комплекс документов, касающихся пограничной крепости Курмыш (№ 1586, 1588, 1590, 1594). Среди них – уникальная грамота князя Дмитрия Пожарского, датированная 2 декабря 1611 г., с призывом дворян и прочим людям идти на ратную службу в Нижний Новгород и “под Москву” (№ 1589)¹⁸.

В собрании хранится ряд материалов, связанных с канонизационными процессами середины – второй половины XVII столетия. Среди таких материалов, например, “Государевы и архиерейские грамоты о святом Артемии Веркольском”¹⁹ (№ 1032), которые подтверждают сведения позднего источника об освидетельствовании мощей святого в 1639 г., известного Н. П. Барсукова²⁰.

Другой интересный документ касается следствия, проведенного по делу о мощах потомков ростовского князя Константина Всеволодовича – княгини Ксении, вдовы князя Василия Всеволодовича, ее дочери Анастасии, выданной замуж за младшего сына смоленского князя Ростислава Мстиславовича – Федора, и их сына Михаила. Причт и прихожане Петропавловской церкви, стоящей на месте древнего монастыря, дважды делали попытки канонизации этих святых²¹, но им удалось

---

¹⁸ С осени 1611 г. в Нижнем Новгороде началось формирование Второго ополчения. Стимулом к его созданию послужило воззвание патриарха Гермогена к жителям Нижнего Новгорода о продолжении борьбы за освобождение от поляков. Инициаторами движения выступили посадские люди, прежде всего новый земский староста Кузьма Минин. Главой ополчения был избран стольник князь Дмитрий Пожарский, за финансовое и материальное обеспечение ополчения отвечал Кузьма Минин, который назывался с этого времени “выборным человеком”.

¹⁹ Артемий Веркольский (1532 – † 6 июля 1545), — канонизирован в 1619 г., когда были составлены служба (см.: РГБ. Ф. 310. № 378) и житие. Память совершается 23 июня (6 июля). Память “святого и преподобного Артемия Веркополского, иж в Кевроле” (без указания дня) внесена в месяцеслов Симона (Азарьина) (РГБ. МДА. № 201. Л. 335 об.; сер. 50-х гг. XVII в.). Включена в Милютинский список ВМЧ под 23 июля (ГИМ. Син. 807. Л. 1321). См. также: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно биографических сказаний. Л., 1973. С. 249–261, 290–292.

²⁰ *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 62.

²¹ Розыск по делу 1589 г. см.: РГБ. Ф. 711, разд. 1. № 143. Текст издан по списку РГБ: *Анхимова Ю. В.* Церковь Петра и Павла в Ярославле: легенды и исторические реалии // Ярославская старина: Из архива русской провинции. Ярославль, 1992. С. 5–13. См. также: *Голубинский Е. Е.* История канонизации русских святых в русской церкви. М., 1903. С. 463–474.

только придать захороненным статус местночтимых святых. Позднее, в 1692 г., по челобитью владыке Иоасафу было произведено новое освидетельствование мощей, результаты которого отразились в “Следствии по челобитной Ярославских граждан к митрополиту Ростовскому Иоасафу о мощах кн. Михаила, кн. Анастасии и Ксении” 27 февраля 1692 г. (№ 1412-1) и “Сказках о чудесах, совершенных святыми” с описанием 20 чудес, произошедших в период с 1689 по 1692 г. (№ 1412-2).

Большой интерес для исследователей представляют документы, раскрывающие роль женщин в семейной и общественной жизни, участие женщин в производстве, торговле, а также имущественные права женщин разных сословий, в том числе и на земельную собственность. Особо хотелось бы обратить внимание на разводные дела, которые были не редкостью в Российском государстве, о них во множестве упоминают различные источники, но настоящих разводных грамот сохранилось немного. Одним из таких дел было следствие, проведенное “по челобитью к патриарху Адриану Варвары Васильевны Барковой, о разводе с мужем ее Андреем Барковым”²² 1692 г. (№ 1411). Причиной обращения было жестокое обращение с женой: “...муж ее Андрей с нею законно не жил, а жил незаконно з дворовыми своими жонками и з девами, а ее в те годы бил и увечил смертным боем и голодом морил и держал взаперти во особой хоромине, а как ее бил и мучил и в те поры велит ее таскать за косы по полу человеку своему”, хотел насильно постричь ее в монастырь с целью завладения ее немалым имуществом: поместьем с санными покосами, кабальными людьми, 600 рублей денег. См. также “Дело о разводе с мужем Иринки, дочери Федора Пущина, человека княгини Лобановой-Ростовской, за ее 4-х летнюю безвестную пропажу” 1695 г. (№ 1488).

Особенный интерес для истории палеографии, а также судебной почерковедческой экспертизы представляет “Свидетельство подлинности подписи руки Ивана Железнякова в духовном завещании” (№ 1474 – 1694 г., Духовное завещание Ивана Железнякова № 1473). Старые подъячие “свидетельствовали писмами двема мировыми челобитными, у которых писано рука приложена ево ж Ивановым именем Железнякова, и зговорною записью, как он женился у Ивана Максимова сына Бадьева на сестре ево Марфе за рукою ж что он, Иван, за нею взял приданое и росписался, которые положил в патриаршем розряде отец ево духовной Николской поп Алексей для свидетельства тое ево, Ивановы, руки”. Комиссия из 15 “патриарша розряду старых подъячих” на основании сравнения почерка Железнова на трех документах – двух мировых челобитных (= заявление о достижении соглашения спорящих сторон до суда) и сговорной записи, представляющей собой частноправовой акт – договор об имуществе брачующихся, – решила, что духовная “подписью и словами понаходит, толко де на духовной приложена рука подробняе...”

Как видно из краткого обзора, хранящееся в фондах ОР ГИМ собрание Синодальных свитков и грамот содержит материалы самого разнообразного характера.

В результате работы был составлен и уточнен список свитков и грамот собрания ОР ГИМ, включающий, помимо поисковой информации (шифр, название документа), сведения о старых шифрах, предварительную датировку, характеристику почерка. Были уточнены названия некоторых грамот (например, грамота № 2105 включала 16 челобитных разных лиц под одним номером и названием), имена упомянутых в них лиц (№ 1395), отмечены случаи употребления повседневных

²² Борков Андрей Федорович, в боярских списках – стольник в начальных людях (1706, 1710).

имен наряду с крестильными (Гауха²³ Статей²⁴ – Иван Марков Воронков – № 2093; Надар²⁵ Гаврилов – № 2120)²⁶, топонимы, содержание отдельных документов и их датировки.

Полученные в результате работ сведения позволяют в ряде случаев дополнить и уточнить данные таких авторитетных справочников, как “Списки русских иерархов и настоятелей монастырей российской церкви” П. М. Строева²⁷, “Материалы для историко-географического исследования о православных монастырях в Российской империи” В. В. Зверинского²⁸, “Источники русской агиографии” Н. П. Барсукова²⁹ и недавно вышедшего фундаментального справочника Н. Ф. Демидовой “Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700)”³⁰.

Из перечня грамот были исключены уже опубликованные документы. Археологическое описание и набор текстов осуществлялись на основе методических рекомендаций 1990 г.³¹ и публикации крестьянских челобитных 1994 г.³² Авторами

---

²³ Возможно, от имени Гаухар – персидскому по происхождению. В переводе на русский язык это имя имеет значение: “суть, главное, ценное составляющее чего-либо, ядро” или “благородный, драгоценный камень”. Имя было популярным и в ряде других восточных языков: таджикском, узбекском и казахском. Существует еще один вариант толкования имени Гаухар, согласно которому персидское слово “гаухар” имеет также значение “блеск меча”. В связи с этим, именем Гаухар нередко нарекают и представителей сильного пола, возможно, в честь великого полководца Гаухара, считавшегося основателем новой столицы Египта (в 969 г.). См.: Мусульманские имена. Словарь-справочник. СПб., 2007; *Гафуров А. Г.* Лев и Кипарис: О восточных именах. М., 1971.

²⁴ Возможно от Стахей или Стахий по имени одного из 70 апостолов, о нем упоминает ап. Павел в Послании к римлянам (Рим. 16:9).

²⁵ Существует несколько вариантов перевода для имени Надар: персидское имя – “бедняк”; образовано от арабского НаDIR – “красивый” или от НаDR – “редкостный, бесспорный”. В варианте “Надан”, крестьянин, 1545 г., Новгород, имя зафиксировано в “Ономастиконе” С. Б. Веселовского (см.: *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / Под ред. В. И. Буганова, Б. В. Левшина; текст подгот. к печати Э. Г. Чумаченко. М., 1974. С. 212).

²⁶ В последние годы значительный интерес возник к изучению проблем, связанных с принципами родового имянаречения в Древней Руси, выбора династических имен, варьирования родового имени, дополнительных христианских имен и почитания святых, соотношения языческих и христианских имен. Как правило, эти работы основаны на изучении имен, принятых в правящих династиях. См., например: *Гунтуис А. А., Успенский Ф. Б.* К вопросу о соотношении языческого и христианского имени. Древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // *Славяне и их соседи. Христианский мир между Римом и Константинополем: Материалы конференции.* М., 2000. С. 29–36; *Успенский Б. А.* Словарь Н. М. Тупикова и принципы имянаречения в Древней Руси // *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004. С. 881–891; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Агиография и выбор имени в Древней Руси // *Славяноведение.* 2005. № 4. С. 25–42; *Они же.* Заметки о дополнительных христианских именах и почитании святых в культуре средневековой Руси // *Вереница литер:* К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 273–291.

²⁷ *Строев П.* Списки иерархов.

²⁸ *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. СПб., 1890. Т. 1: Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–95 по 1 июля 1890 год[а]; СПб., 1892. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов; СПб., 1897. Т. 3: Монастыри закрытые до царствования Императрицы Екатерины II.

²⁹ *Барсуков Н.* Источники русской агиографии.

³⁰ *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М., 2011.

³¹ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд. М., 1990.

³² Крестьянские челобитные XVII века...

также учитывались Методические рекомендации С. М. Каштанова, частично опубликованные в 2017 г.³³

При подготовке публикации были определены следующие принципы издания.

Порядок следования элементов описания грамот и свитков: шифр, датировка в формате ГТТГММДД, название, язык, тип письма, размер в см (ДхШ), количество сстав, скрепа (если есть), филигранные.

Установлены научно-критические приемы передачи текста в соответствии с правилами издания исторических документов.

Текст набран современным алфавитом, кириллические буквы заменены на соответствующие им современные, кириллическая цифирь – на арабскую. Конец строки отмечен /, выносные буквы внесены в строку без специального обозначения. Утраты текста обозначены квадратными скобками с отточием внутри, нечитаемый текст – знаками вопроса. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами русского языка. Вставки, приписки на полях и оборотах грамот и свитков внесены в текст в соответствующих местах и приведены в сносках. В сносках же приведен зачеркнутый текст. Сначала набран текст лицевой стороны грамот и свитков, затем оборотной.

Следом за текстом приведены архивные пометы и актуальная сохранность, согласованы правила воспроизведения вставок и зачеркиваний, приписок, подчеркиваний отдельных мест. Ошибки или описки писца сопровождаются примечанием “так в тексте”; исправления в тексте также отмечаются в примечаниях.

---

³³ Каштанов С. М. Методические рекомендации для издания подлинников древнерусских грамот в МРМА (“Monumenta Palaeographica Medii Aevi”). Series Rossica. Т. 1 // Академическая археография в России XVIII–XXI веков: (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН). М., 2017. С. 395–415.

Приложение

Син. грам. № 994. 1541 г. 29 июня. – Жалованная грамота царя Ивана Грозного на Балахну о сборе вечных пошин в пользу причта, 7049 г., июня 29.

Подлинник, русская скоропись, бумага, 1 л., чернила, 36,5x22 см.

Филигрань: Рука – разновидность знака Пиккар Т. XVII. Ч. VI, № 1944 – 1533, 1534 гг.

К середине нижнего поля прикреплена на шнуре красновосковая круглой формы вислая печать. На ней изображения: на одной стороне св. Георгия Победоносца, по кругу – надпись “[...] Божию милост[и]ю][2]осподарь В[...]”, на другой стороне – двуглавого орла, по кругу – надпись “И вел[...][...]олодимер[...] Моск[...]вски Новградьски [...]”.. Ø1 – 42 мм, Ø – 42 мм. Печать с утратой примерно ¼, разбита.

Се яз, князь великий Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал еси на Балахну вознесенского [про]топо/па Федора з братьею или хто по нем иной протопоп у Вознесенья будет, что мне били / челом балахонцы, городские люди лутчие и средние, и молодые о томъ, что у них на Ба/лахне церковь соборная поставлена ново, а протопоп у них устроен потому ж, как и в Нижнем Нове/городе, а церковное освященье и знамена венчалные емлют они в Нижнем Нове/городе, / и коли у них лучитца церковь свящати или кому женитися, и они о том ездят в Нижней / [Н]овгород, и спаской протопоп з братьею их волочат и¹ их емлют от священья и от зна/мян не по указу, а они-де ныне одолжали и охудали для Казанские войны, и тягость / им от того великая. И нам бы балахонцов всех пожаловати, велети ведати

---

¹ Далее утрачен фрагмент бумаги с несколькими буквами.

церков/ное освящение и венцы, и знамена давати на Балахне вознесенскому протопопу Федору / з братьею или хто по нем иной протопоп и попы будут, и пошлина имати от церков освящения / от знамян по старине, как в Нижнем Новгороде идет, чтоб им, городским людям и деревень/ским, которые около посада обошли, а приходят на Балахну, в том волокиты в Нижнем / Новгороде не было. А преж того балахонские венцы и церковное освящение было за нижегород/ским протопопом з братьею, потому что на Балахне тогда города не было. Да и отец / наш Иасаф, митрополит всеа Руси, нам о том говорил, что пригож быти церковному / священию и знамена давати на Балахне вознесенскому протопопу з братьею. И яз, князь / великий, балахонского протопопа Федора з братьею или хто по нем иной протопоп и по/пы в том соборе будут пожаловал, велел еси на Балахне в городе и на посаде, и кото/рые деревни около посада блиско обошли, а приход их на Балахну ж город, венцы и церковное освящение ведати и церков/ное освящение ведати вознесенскому протопопу з братьею, что на Балахне, и пошлина им / от венцов и от церковного освящения имати по старине, от знамени с отрока давати по два / алтына, а со вдовца – вдвое², потому ж как наперед того в Нижнем Новгороде / спасьской протопоп з братьею пошлину имал. А спасьскому протопопу, что в Нижнем / Новгороде, по грамоте по жаловальной на Балахне в церковное освящение и в венцы / не вступатися.

Дана грамота на Москве лета 7040 девятаго, июня / в 29 день. //

Князь великий Иван Васильевич / всеа Руси. /

Лета 7107го [февраля в] 28 царь и великий князь Борис Федорович / всеа Руси сее жаловальное грамоты слушал и, выслушав, з Балахны / вознесенского протопопа Стефана з братьею или хто по нем / иной протопопъ с Вознесеня пожаловал, велел / им сю грамоту подписати на свое цареве и великово князя Бориса / Федоровича всеа Руси имя, и сее у них грамоты рушити не велел / никому ничем, а велел у них ходити о всем, потому как в сей грамоте на/писано. А подписал государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси диак / Смирной Васильив. / Приказа боарин и дворецкой князь Иван Иванович Кубенской. //

Архивные пометы: на обороте – в левом верхнем углу почерком XVII в. 222 кириллическими цифрами, в правом верхнем углу скорописью XVII в. помета “Балахна”; в правом нижнем углу – курсивом XX в. ГИМ 80370/1 № 994.

Син. грам. № 1001. 1599 г. 27 февраля. – Жалованная грамота царя Бориса Годунова, данная патриарху Иову на его домовые вотчины, 7107 г., февраля 27.

Список, русская деловая скоропись, бумага, 1 л., чернила, 112,5x33–34 см.

Филиграни: 1) Гербовый щит с литерой “В” под короной, поверх которой розетка, под щитом – лента с надписью “Nicolas Lebe” – вариант знака Лихачев № 1958, 1594 г.; 2) Герб города Амстердама + FL³ – вероятно, шестая разновидность по классификации Т. В. Диановой, границы бытования – 1658–1702 гг.⁴

Божию милостию мы, великий государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси самодержец, и сын наш / царевич князь Федор Борисович всеа Руси милости ради Божия и Пречистые Богородицы, и великих чудотвор/цев Петра и Алексея, и Ионы и для отца своего Иева, паприарха Московского и всеа Руси, / что поминал нам и грамоту жаловальную блаженные памяти государя, царя и великого князя / Ивана Васильевича всеа Руси положил верху, какова была дана Афонасию митрополиту всеа Руси. И нам бы та грамота велети переписати на свое цареве и великого князя / Бориса Федоровича всеа Руси

² Написано более темными чернилами по стертому тексту.

³ Филигрань плохо просматривается.

⁴ Дианова Т. В. Филигранны XVII–XVIII вв. “Герб города Амстердама”. М., 1998. С. 7.

имя. И дати своя царская жаловалная грамота, како/ва была у Офонасия, митрополита всеа Руси. И мы для отца своего Иева, патриарха / Московского и всеа Руси, велели тое грамоту переписать на свое царское имя и дати сю / свою царскую жаловалную грамоту по старине, какова была грамота прежде сего у Офо/насия, митрополита всеа Руси. Бояре наши и по городам наместницы и волостели, / и их тиуни его патриарших монастырей архимаритов⁵ и игуменов, и священников, и старцов, / и всяких его приказных людей, и детей боярских, и их людей, и патриарховых крестьян, / и монастырей его слуг и крестьян, которые живут на Москве в патриарховых и его монастырей в слободах / и по городом в патриарших волостях и в селех, и в деревнях, и на церковных патриарших местех, / в городех, и в посадах, и в его монастырех, которово города уезде ни буди, и у которых патри/арших у приказных людей, и у детей боярских будет отчины и купли, и тех монастырей архи/маритов⁶, и игуменов, и священников, и старцов, и патриарших приказных людей, и де/тей боярских, и крестьян, и монастырей его слуг, и их людей, и крестьян не судят ни в чем, / опричь душегубства, ни кормов своих на них не емлют и не всылают к ним ни по что. Тако же / есмь тех крестьян пожаловали, наместнича и волостели на двора не делают ни к со/тцким, ни к десятцким, с тяглыми людми ни в которые проторы не тянут и сен наших / не косят, и закосного, и лугового, и тукового, и подымново, и поворотново, и в воры на лосии, / на медвежьи, и на волчьи, и на лисьи поля не ходят. А ловчие наши и псари к ним / не въезжают и станов у них не чинят, и собак наших не кормят, и себе кормов и проводников, / и подвод, и никоторых пошлин, ни поборов своих не емлют. А кому будет искати чего / нашим посадцким или дворцовых сел крестьяном или митрополичим, или боярским / и княжим, и монастырским на патриарших архимаритех⁷ и на игуменех, и на священникех, / и на старцах, и на патриарших приказных людех, и на детех боярских, и на их людех, / и на крестьянех, и монастырей его на слугах, и на крестьянех, и они посылают отца нашего / Иева, патриарха Московского и всеа Руси; неделщиков, а судит их отец наш Иев, патриарх, / или его приказные люди. А наши неделщики по тех его архимаритов⁸ и игуменов, / и священников, и старцов, и по их слуг, и по патриарших детей боярских, и по их людех, / и по крестьян, и по монастырских крестьян не ездят и на поруки их не дают, и сроков на них / не наметьвают. А накинута на них срок сильно, и тот срок не в срок, и безсудная не в безсудную. / А кому будет чего патриаршим искати на наших детех боярских и на их людех, и на кресть/янех, и на митрополичих и на монастырских людех, и на крестьянех, и патриарши / по тех посылают наших неделщиков. А сужу их яз, царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси, / или наши бояре. А явитца в отца нашего патриарших волостях и в селех, и в деревнях / или в его монастырех, и в монастырских селех, и в деревнях, и у патриарших приказных людей, / и у детей боярских, и у их людей, и у крестьян мертвой, убитой человек, и наместницы / наши; и волостели, и их тиуни душегубца судят над убитою головою, а продажу ему / чинят по уставной грамоте по волостной. А не будет уставной грамоты, и они продажу / емлют на душегубце по Судебнику. А опричь душегубца патриаршим продажи не чинити / никоторые. А не будет убитому душегубца в лицех и наместником, и волостелем, / и их тиуном на патриарших веры четыре рубли, а убитого велети схоронити. А опричь / им того продажи не чинити никоторые. А будет мертвого к патриарше земле вода при/несет или хто з древа убьетца, или от своих рук утераетца, или возом сотрет, или / в воде утонет, или гром убьет, или ково зверь съест, а ведомо будет патриаршим / старостам и крестьяном лутчим людем, и в том нашим

⁵ Так в тексте.

⁶ Так в тексте.

⁷ Так в тексте.

⁸ Так в тексте.

наместником и волостелем, и их тиуном / на патриарших веры и продажи нет. А велети им хоронити безденежно. Тако же есмь / тех архимаритов⁹ и игуменов, и священников, и старцов, и патриарших приказных людей, / и детей боярских, и их людей, и крестьян, и монастырей его слуг и крестьян пожаловали, / в те его патриарши и монастырей его в села и в деревни и его приказных людей и детей боярских / в вотчины и в поместья наместников наших и волостелей тиуни и доivotчики, и иные / наместники и волостелины люди, чей кто ни буди, и наши селчане и деревенщики, и псари, / и конюхи, и боярские, и княжьи люди, и крестьяне, и митрополичи, и монастырьские, и иной / кто ни буди, на пиры и на братчины к ним незваны не ездят, и по боровне збирают. А кто к ним / приедет незван на пир и на братчину или учнет поборы збирати сильно, и они того вышлют / вон беспенно. А учинитца у них туто какова гибель, и тому та гибель платити вдвое / без суда и без правды. А ныне бояре и воеводы ратные, и всякие ездоки в тех монастырех / и в селех, и в деревнях кормов у них силно не емлют и подводу у них, и проводников силно не емлют же. / А кто у них станет или возмет корму, или подводу силно, и тому платити вдвое, а от нас ему / быти в опале. А которые свои царские грамоты дадим и на грамотчики, а на сю / нашу царскую жаловальную грамоту грамоты нет некоторые. А явят сю нашу / грамоту нашим наместником или волостелем, и их тиуном, а явленного с нее не дают. / Дана ся наша царская жаловальная грамота на Москве лета 7107го февраля / в 27 день. //

Божию милостию великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец. /

Божию милостию мы, великий государь, царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии самодержец, милости ради Божия и Пречистые Богородицы, и великих чудотворцов Петра / и Алексея, и Ионы, и для отца своего патриарха Ермогена Московского и всеа Русии / сее грамоты рушати не велел¹⁰ никому ничем, а велел [хо]дити¹¹ од сем по то[му]¹², / как в сей грамоте писано лета 7115го апреля в 25 день. А подписал государев, / царев и великого князя Василя Ивановича всеа Русии диака Никон Олексеев. /

Далее другим почерком и другими чернилами скорописью XVII в.:

Божию милостию мы, великий государь, царь и великий князь Михаило Фе[до]/рович всеа Русии самодержец милости ради Божия и Пречистые Богородицы, / и великих чудотворцов Петра и Алексея, и Ионы сее жаловальные грамоты рушати не велел никому ничем, велел хо[д]ити од сем по тому, как в сей грамоте писано лета / 7122го сентября в 7 день. А подписал государев, царев и великого князя Михаила / Федоровича всеа Русии диака Добрыня Семенов. /

Далее другим почерком и другими чернилами скорописью XVII в.:

Божию милостию мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа / Великия и Малыя и Белья Росии самодержец милости Божия и Пречистыя Богородицы, / и великих чудотворцов Петра и Алексея, Ионы и Филиппа, митрополитов / Московских и всеа Русии, се жалованной грамоте нарушить не желали / никому ничем, а велели ходить од сем по тому, как в сей писано / лета 7165го февраля в 23 день. А подписал великого государя царя и великого / князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца диака Василя Михайлов. /

Далее другим почерком и другими чернилами скорописью XVI в.:

Великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии диака Василя Нелюбов.

⁹ Так в тексте.

¹⁰ Реставрационная наклейка.

¹¹ Реставрационная наклейка.

¹² Реставрационная наклейка.

Архивные пометы: на обороте – помета по верхнему полю почерком XVI в. “Грамота жалованная несудимая 107го году” и номер “№ 9”; ниже – курсивом XX в. – № 1001 ГИМ 80370/9; ниже курсивом XIX в. – новой № 2 по первой нумерации.

Грамота реставрирована в 90-е гг. XX в., лист в нижней части надставлен реставрационной бумагой XX в.

Сни. грам. № 1015. 1633 г. март. – Жалованная грамота патриарха Филарета Никитича Нижегородского домового Благовещенского монастыря архимандриту Ионе 7141 г., март.

Подлинник, русская деловая скоропись, бумага, 2 л., чернила, 52x40,5 см.

Филенгрии: 1) “Кувшин” (вазобразный двуручный кувшинчик) – вариант знака Гераклитов, № 912 – 1633 г.; 2) Герб – вариант знака Дианова, Костюхина, № 213 – 1633 г.

К середине нижнего поля на бумажном “языке” на красном шнуре прикреплен красновосковая круглой формы вислая печать. На ней изображения: на одной стороне Божией Матери, на другой стороне – благословляющей двоеперстно руки, по кругу – надпись “Божиею милостию патриарх царствующаго града Москвы и всеа Руси Филарет”. Ø1 – 45 мм, Ø – 45 мм.

ИС/ХС Никон, Божиею милостию архиепископ царствующаго великаго града Москвы / и всея Великия и Малыя и Белья России патриарх¹³. /

Божею милостию се аз, смиренный великий господин и государь святейшай Филарет, патриарх царствующаго града Москвы и всеа Руси, пожаловал / есмь из Нижнева Новогорода нашия домовые вотчины Благовещенского монастыря архимарита¹⁴ Иону з братьею, что он бил нам челом, а сказал: / по нашему указу платят-де они с того Благовещенского монастыря да села Гнилиц, да селца Спаского нашу церковную дань в одноряд в Нижнем Нове/городе, а с селца Плотинского да с селца Митина нашу церковную дань платят на Москве вдвое. И нам бы их пожаловать, велети им з Благове/щенского монастыря и с церковей, которые в их вотчинах, нашу церковную дань и венежные пошлыны на Москве в нашу казну на срок на Рождество / Христово, а десятильником бы и поповским старостам в Нижнем нашия церковные дани с них не имать и ни в чем тех церковей попов не суди и не ведают. / И аз, смиренный великий господин и государь святейший Филарет, патриарх царствующаго града Москвы и всеа Руси, Благовещенского монастыря архимарита¹⁵ / Иону з братьею пожаловал, велел им дати свою жаловальную грамоту, и не надо бе им наше зборное, ни петровское, ни к старостам поповским / с тяглыми попы не тянут. А наши десятильники и старосты поповские, и их заказчики их вотчин попов и их церковных причетников не судят / ни в чем, и не въезжают и не всылают к ним ни по что, и кормов своих и конских, и иных пошлын с них не емлют. А кому будет до них какое / дело, ино их сужу, аз, смиренный великий господин и государь святейший Филарет, патриарх царствующаго града Москвы и всеа Руси, или кому при/кажу бояром и приказным своим людем. А срочать им, попом, наши приставы перед нами стати на три срока в году на Рождество Христово, / да на Петров день и Павлов, святых апостол, да на Семен день Летопроводца. А мимо тех сроков управных и зазывных грамот по них не емлют / и приставов не посылают. А платити им наша церковная дань на Москве в нашу казну по окладным книгам нынешняго 151го году вдвое: с церкви Благовеще/ния Пречистые Богородицы, что в патриарше Благовещенском монастыре вверх по Оке реке, – дани по рублю по тридцати по одному алтыну по две деньги десятиль/ничих и заезда – по семи алтына; с церкви Преображения

¹³ Подпись-автограф архиеп. Никона приписана на верхнем поле перед текстом.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ Так в тексте.

Господня, что в вотчине Благовещенского монастыря в селе Спаском, – дани по осми алтын десятиличих / и заезда – по два алтына; с церкви Николы Чюдотворца села Гнилиц – дани по девяти алтын по две деньги десятильничихъ и заезда – по осми денег; / а с церкви Покрова Святей Богородицы, что в селе Плотинскомъ, дани платити вдвое ж по прежнему – по пяти рублев по пятнадцати алтын две денги / десятиличих и заезда – по девяти алтын; с церкви Рожества Пречистые Богородицы, что в селе в Митине, – дани вдвое ж, по четыре рубли по дватцати по / одному алтыну по четыре деньги десятилича и заезда – по девяти алтын по две денги на год. А казенных платежных пошлин – по семи / алтын с церкви. А что впредь у которые церкви приходу прибудет ис пуста в живущее или от ыных церквей приходные люди учнут приходить / к тем церквам и тех церквей попом или хто у тех церквей иные попы будут, и с того прибылого приходу платить наша церковная дань в нашу казну по нашему / уложению. А венчати тех церквей попом в своих приходех отроков и вдовцов, молитвы говорити и умерших скорою смертью похоронити без десятиличих / и бе[с]¹⁶ старост, поповских знамян и бес похоронных паметей. А ково имянем отроков тех церквей попы в своих приходех учнут венчати или вдовцом молитвы / говорити, и как про то сыскивати накрепко, чтоб женились ни в роду, ни в племяни, ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в кресном братстве и не четвертым / браком, и не от живы жены муж, и не от жива мужа жена, а четвертой бы брак отнюдь не именовался. А вечных пошлин имати с отрока по два / алтына по три денги, з двоженца – по четыре алтына по три денги, с троженца – по шти алтын по три денги, с похоронные – по гривне, с почеревые – / по четыре алтына. А похороняти им, попом, над которыми людьми случитца скорая смерть – кусом подавитца или хто ково ножем зарежет или / убьет, или хто сам з древа убьетца, или утонет не нарощно, или отравною смертью умрет от ково, а не сам себя отравит, и про тех лю/дей, обыскав накрепко, отпевати и похороняти их у церкви Божии тако ж, как и прочих православных крестьян. А которой человек / вина оъетца самъ или удавитца, или ножем зарежетца, или с качели убьетца, или своею охотою, купаючись, утонет, или сам себя отравит или ка/кое дурно сам над собою учинит своим руками, и тех людей у церкви Божии не похороняти и над ними не отпевати, а класти их в убогих дому /, а не будет убогих дому, и их класть в поле по бугром, от церкви далече. А вечные знамена и имена женихом и невестом, и похорон/ные памяти писати в книги подлинно. Да те денги и книги тех церквей попом за своими руками привозити к Москве з данью вместе. / И платить в нашем в Казенном приказе на срок, на Рожество Христово, ежегодно беспереводно, а ис чюжих приходов отнюдь / тех церквей попом без десятиличих и бе[с]¹⁷ старост поповских знамян свадеб не венчати и умерших / скорою смертью бес похоронных памятей не похороняти. А дана ся наша жаловалная грамота, в царству/ющем граде Москве, лета 7141го марта в¹⁸ день. /

Посередине нижнего поля другими чернилами – подпись-автограф: Смиренный Филарет, / Божию милостию патрия/рх Московский и всея Ру/сии. //

Другими чернилами скорописью XVII в. подпись-автограф: Смиренный Иоасаф, Божию милостию патриарх Московский и всеа Русии. /

Далее другими чернилами скорописью XVII в. подпись-автограф: Смиренный Иосиф, Божию милостию патриарх Московский и всеа Русии. /

Далее печать черными чернилами: Божию милостию Иоасаф патриарх. / Питирим, милостию Божию патриарх Московский и всея России. //

Архивные пометы: в правом нижнем углу л. 1 – помета скорописью XVII в. “Печати те взять”; в середине верхнего поля л. 2 об. – помета “55”; далее помета скорописью

¹⁶ Пропущена буква с.

¹⁷ Пропущена буква с.

¹⁸ Далее оставлено место для числа.

XVII в. “Грамота Благовещенского м¹⁹ 141го году”, пометы “138я”, “нижней”; курсивом XIX в. номер “№ 51”, “68”, “1”, “13 вер. кр. печать”, “№ 51”; ниже – курсивом XX в. – № 1015 ГИМ 80370/23.

Син. грам. № 1017. 1634 г. февраль. – Настольная грамота Иосафа, патриарха Московского, 1634 г., февраль.

Подлинник, русская скоропись, бумага, 2 л., чернила, золото, 76x49 см.

Филигрань: Буква “М” – Дианова, Костюхина, № 43 – 1634 г.

К нижнему полю л. 1 привешены на красных шелковых шнурах 6 красновосковых и на черных шелковых шнурах 4 черновосковые круглой формы вислые печати церковных иерархов, начальные буквы титулов вышиты соответственно красным и черным шнурами на бумаге.

Первая печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “Божиею милостию смиренный Киприан митрополит Великого Новаграда и Великих Лук”. Ø1 – 35 мм, Ø – 35 мм.

Вторая печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “Божиею милостию смиренный преосвященный Матвей митрополит Казаньский и Свяяжский”. Ø1 – 31 мм, Ø – 34 мм.

Третья печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “Божиею милостию смиренный преосвященный Варлам митрополит Ростовский и Ярославский”. Ø1 – 33 мм, Ø – 35 мм.

Четвертая печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “[Божиею милостию смиренный] Павел митрополит Сарский и Подонский”. Ø1 – 42 мм, Ø – 42 мм.

Пятая печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “Божиею милостию смиренный Иосиф, митрополит Севастейский и вся Великия Армения”. Ø1 – 40 мм, Ø – 40 мм.

Шестая печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “Божиею [милост]ию смиренный архиепископ Вологоцкии и Великопермский”. Ø1 – 37 мм, Ø – 37 мм.

Седьмая печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “[Божие]ю милост[ию] смиренный [Иоси]ф архиепископ Суждальский и Таруский”. Ø1 – 37 мм, Ø – 37 мм. У печати утрачена примерно 1/3 справа.

Восьмая печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “Божиею милостию смиренный Антоний архиепископ Рязанский и Муромский”. Ø1 – 34 мм, Ø – 34 мм. У печати утрачена примерно 1/3 внизу.

Девятая печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “[Божиею милостию смиренный Е]вфимий архиепископ Тверской и Кашинский”. Ø1 – 34 мм, Ø – 34 мм. У печати утрачено примерно 3/4 в верхней части.

Десятая печать – на ней изображение на одной стороне Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на руках, на другой стороне – надпись “Божиею милостию смиренный Рофаил епископ Коломенский и Кошьрский”. Ø1 – 37 мм, Ø – 37 мм.

Благодатию и Человеколюбием Святыя и Единосущныя Животворящия и Неразделимыя Троица Отца и Сына и Святого Духа. / Великого и самодержавнаго скипетродержателя

¹⁹ “М” – канцелярское сокращение на месте слова “монастыря”.

государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича / всеа Руси его царьско-го величества богомолцы, пресвященныя митропалиты²⁰ и архиепископы, и епископы, – / Киприян, митрополит Ноугородский и Великолуцкий, Матфей, митрополит Казанский и Свияжский, Варлам, / митрополит Ростовский и Ярославский, Павел, митрополит Сарский и Подонский, Иосиф, митрополит / Савастийский, Варлам, архиепископ Вологоцкий и Великопермьский, Иосиф, архиепископ / Суздальский и Таруский, Антоней, архиепископ Резанский и Муромский, Еуфимей, / архиепископ Тверский и Кашинский, Макарей, архиепископ Астраханский и Терский, / архиепископ²¹ Псковский и Зборский, Макарей, архиепископ Сибирский и Тобольский, / Рофаил, епископ Коломенский и Каширский, преже сего беаше по совету и по повелению / блаженныя памяти благоверного и христоролюбиваго государя нашего царя и великого князя Феодара²² / Ивановича всеа Руси самодержца Иеремей, патриарх Цареградский, благословил и поставил / в Московское государство и всеа великия Росии в соборную и апосталскую церковь Пречистые, в дом / Честнаго и Славнаго Ея Успения и великих чудотворцов Петра и Олексея, и Ионы, и согласные / грамоты ото всех святейших вселенских четырех патриархов, ото Александрейского патриарха Селивестра и от Цареградского патриарха Иеремея, и от Антиохейскаго патриарха Иоакима, и от Ерусалимского / патриарха Софрония, и пресвященных митрополитов и архиепископов, и епископов, и всего вселенского освященного собора за их / руками и за печатми прислал в 99м году. И по тем советным прежебывшим грамотам по поставлении блаженныя памяти / Иева, патриарха Московского и всеа Руси, повелено поставляти патриархов в Московском государстве митрополитом / и архиепископом, и епископом руским на Московское государстве в соборную и апостолскую церковь Пречистые Владычица наша Богородица и Присно/девы Марии Честнаго и Славнаго Ея Успения и великих чудотворцов Петра и Алексея, и Ионы, а в Царьград для поставления / патриаршеского не ездити и не посылати. И ныне по прежебывшим патриаршеским советным грамотам и по настолной блаженныя / памяти великого господина и государя и отца нашего святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси, якоже / преж божественная и соборная святая и апостолская церкви прият и повелением самодержавного благочестиваго и христоролюбиваго / государя нашего и царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, такоже и смирения нашего святителства мы, выше/реченныя митрополиты и архиепископы, и епископы, и благороднии бояре, и князи, и честно явлении сановнии²³ людие, и архимариты²⁴, / и игумены, и протопопы, и весь освященный чин, и все христоимянитое исполнение Господня людства избрахом и поставихом / в патриархи бывшаго архиепископа Псковскаго и Изборского Иосафа, мужа оного достойнаго и праведнаго, и без/злובהго, и премудраго, и святого, и боголюбиваго, и с великою нужею воздаше его на превысочайший престол Великия и Апо/столския Церкви по преданию святых апостол и святых отец, и прежних бывших патриарх. И вы, сынове православнии, суще / о Христе, благороднии бояре и князи, архимариты²⁵ и игумены, и весь освященный чин, и вси православнии людие того патри/аршества все ему ко отцу нашему великому господину святейшему Иасафу, патриарху царствующаго града Москвы / и всея великия Росии, имейте благое повиновение и покорение, и во всем послушание, и духовную любовь и честь возда/вайте ему по прежебывшему евангельскому Христову завещанию ко святым Его учеником и апостолом, глаголющему: / “Слушай вас, – рече, – Мене слушает, а отменяйся

²⁰ Так в тексте.

²¹ Перед словом “архиепископ” оставлено место для имени.

²² Так в тексте.

²³ Слог “на” приписан над словом тем же почерком.

²⁴ Так в тексте.

²⁵ Так в тексте.

вас – Мене отмечается, отмечая же ся Мене – отмечаетца Пославшаго Мя”²⁶, и “Приемляй пророка во имя пророче – мзду пророчю примет и приемляй праведника во имя праведниче – мзду праведничю / примет”²⁷, и сего ради ведяще, и се елико кто честь воздаст святителю, и та честь к Самому Христу восходит, от Него же / мзды чают сторицею. А он, великий господин и отец наш, святейший Иосаф, патриарх царствующаго града Москвы / и всеа Великия Росии, должен есть по прежебывшему, исправляти соборную и апостолскую церковь и творити в ней елика до/стоит патриархом в своем патриаршестве, и о евангелских и о апостольских, и отеческих преданий правилных святя церкви / блости, елика сила во всем своем патриаршестве вся церковная управления по правилному преданию всяко извещание / исправляти, и архиерейской и патриаршеской чин и херотонисати в чтецы²⁸ и в подьяконы, и во дьяконы, и протодьяконы, и прото/попы, и игумены, и архимариты²⁹, и епископы, и архиепископы, и митрополиты, тако ж и учити люди православные христиан/скому закону, и заблудьших наставляти ко истинному пути, яко ж подабае благочестивым святителем, не имея ни в чем же опа/сения и никоего же забавления, и неверных от различных вер еретических обращати в нашу православную истинную / христианскую веру греческаго закона. И сего убо ради дана бысть ему, великому господину и отцу нашему святейшему / Иосафу, патриарху Московскому и всеа Великия Росии, сия наша настольная грамота на утверждения его в царству/ющем и в преимянитом граде Москве в дому Пречистые Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Успения и великих чудотвор/цов Петра и Алексея, и Ионы Московских и всеа Руси. И к сей настольной грамоте мы, вышереченные митрополиты / и архиепископы, и епископы руки свои приложили и печати привесили. И сию настольную с своими руками и за / печатми отдали отцу своему великому господину нашему святейшему Иосафу, патриарху Московскому и всеа / Великия Росии, лета 7142 месяца февраля в³⁰ день³¹ индикта. /

Далее разными почерками подписи церковных иерархов:

Смирный Киприян, Божию милостию митрополит Великаго Новаграда и Великих Лук.

Смирный Матфей, Божию милостию митрополит Казанский / и Свияжский.

Смирный Варлам, Божию милостию митрополит Ростовский и Ерославский. /

Смирный Павел, Божию милостию митрополит Сарский и Подонский.

Ὁ ταλεινὸς Ἰωσήφ ἐλέω Θε<εο>ῦ μ<ητ>ροπολίτης / Σεβαστείας καὶ πάσης Μεγάλης Ἀρμενίας³².

Смирный Варлам, Божию милостию архиепископ Вологодцкий и Великопермский. /

Смирный Иосиф, Божию милостию архиепископ Суздальский и Тарусский.

Смирный Антоний, Божию милостию / архиепископ Рязанский и Муромский.

Смирный Еуфимей, Божию милостию архиепископ Тверский и Кашинский. /

Смирный Рофаил, Божию милостию / епископ Коломенский и Кошырский.

Архивные пометы: л. 1 об. – в правом верхнем углу помета скорописью XVII в.: “Настольная грамота / святейшаго Иосафа, / патриарха Московскаго / и всеа Росии, которой / был после Филарета / патриарха”; л. 2 об. – в левом верхнем углу плохо читаемая помета XVII в. “Иосаф патриарх”; ниже помета курсивом XIX в. “№ 96/7”; в левом верхнем углу помета красным карандашом “№ 96 – 2 сч”; далее курсивом XX в. “№ 1017 – 41 г. ГИМ № 80370/25”.

²⁶ Лк. 10; 16.

²⁷ Мф. 10; 41.

²⁸ В тексте написано “четцы”.

²⁹ Так в тексте.

³⁰ Далее оставлено место для числа.

³¹ Далее оставлено место для индикта.

³² Смирный Иосиф, милостью Божией митрополит Севастийский и всей Великой Армении.

Син. грам. 1448. 1693 г. ноября. – Указ патриарха Адриана в Домовый Новинский монастырь об обязанностях игумена, келаря и казначея.

Список, русская скоропись, бумага, чернила, 312,5х16 см. Филиграни: 1) Голова шута (фрагменты трех знаков) – вариант знака Дианова, № 190 – 1692 г.; 2) Герб города Амстердама (фрагмент двух знаков) – вероятно, первая разновидность по классификации Т. В. Диановой, границы бытования – 1660–1739 гг.³³; 3) Якорь (фрагмент знака) – разновидность знака Дианова, Костюхина, № 1290 – 1692 г.

В нынешнем в 201м году ноября в³⁴ / великий господин святейший кир Адриан, / архиепископ Московский и всея Росии и всех / северных стран патриарх, указал в своем / домовом Новинском монастыре игумену и келарю, / и казначею управлять монастырские дела во / всякой духовной общесоветной любви и истинне, / кому которые належат, не преступая / положенных пределов, которые на ком положены, / по нижеписанным статьям. И аще тако / исполнят, да будет посреде их Бог³⁵ мира³⁶ и любви / и его архипастырское благословение. А за неисполнение и враждующему належашая – церковная / казнь, яко преслушнику Церкви. /

Игумену /

Церковное и братское, и церковником правление, / и во всяких монастырских и вотчинных делах над / келарем и казначеем яко предводителю раз/смотрение, а о всяком строении и делех во / благое произведение иметь общесоветие, чтоб / всякое дело строилось и розправлялось за ево, игу/менским, и соборным разсуждением и ведомством / праведно, без всякаго неправого вымысла и вражды. /

А приходящих монахов и крылошан принимать / в монастырь, разсматривая в них жития и всякого доброго дела, чтоб которые угодны были к / церковной и монастырским всяким службам розве/дывая и разсматривая в них, чтоб были не / озорники и не лжетворцы, и не хищники и чтоб / от них в монастыре озорничества и лжетворства, и какой монастырской казне похищения не было. /

А постриженников того монастыря за какие / вины и безвинно от монастыря не отлучать, а в / приключившихся великих винах монахов посылать / в смирение по обычаю монастырскому, чтоб были до указу / в смирении и в бережении. А об винах их докла/дывать святейшаго патриарха ему, игумену, и чинить / тому винному смирение по указу, каков об том / винном святейшаго патриарха указе состоится. / А в малых винах и делех монахов и ослушников / чинить смирение по монастырскому обыкновению кому за / какую вину что надлежит разсмотрително, а не му/чителски, и не мстя по какой злобе. А келарю / и казначею монахов и крылошан, и всяких служебников без ево, игуменского, ведома не принимать, / так же и из монастыря не высылать, и никаким сми/рением и наказанием не смирать и в те дела / не вступатся. /

А в монастырские всякие службы выбрать и устроить / из монахов добрых и знающих, кому / которая служба надлежит по обычаю, и то обще / советуя с келарем и с казначеем, и с прочим / братством на соборе. И тем монахом вручат / те службы с собору всячески с приказанием о исти/нном врученном служении и со всяким исправле/нием, и отдавать им, все всякому особно, что / в какой службе есть на лицо с перепискою, и прика/зывать им держать записные книги приходу и / росходу и делать за смету, что чего впредь к на/стоящему году про братской и про монастырской обиход / надобно, чтоб то и скупить в настоящее время дешевою ценою, и возвещать о том обо всем / по часту келарю.

³³ Дианова Т. В. Филиграни XVII–XVIII вв. “Герб города Амстердама”. С. 5–6.

³⁴ Далее оставлено место для даты.

³⁵ Написано по стертому.

³⁶ Написано по стертому.

А келарю, рассматривая о том, / учинить роспись и, применяясь к прежним росходам, / докладывать и обще советовать с ним же игуме/ном, и, положи на мере, закрепя тое роспис / своею рукою, отдавать казначею. А казначею / по той росписи покупать что доведется без передачи, / доброе объявляя именно пред игуменом и келарем / покупное и цену, почему которое в том купится, / и отдавать тем монахом, на ком которая служба / положена налицо з запискою же. Так же / про монастырской росход для топленья келей и пова/рни, и для пивных и квасных варь, что будет / в покупке дров или иных каких монастырских / запасов на всякие монастырские нужды сметить, / а по сметам чинить по вышеписанному же о вся/ких припасех росписи, и те росписи объявля / игумену и, обще заруча, отдавать казначею же / для покупки. А казначею по росписям покупать / дрова и лес настоящею ценою и велеть возить / на монастырь, а на монастыре приемщику велеть при/имать именно дрова и класть в сажени, а лес / в стопы, а в росходных своих книгах записывать / имянно, что у кого именем и по какой цене куплено, и кому в которую службу чего отдано будет. / А росписи впредь для спору клеить в столп. А служебным монахом так же у себя велеть держать приходные и росходные книги впредь / для всякого счету и отповеди, и в том их / считать и смечатца по полугоду чтоб ис памяти которая статья не вышла. /

А в села посылать монахов ему, игумену, и келарю, и казначею, обще с собору всей братьи добрых, / чтоб кого с такое дело было и чтоб от них в селех / в денежных зборех и в хлебных всяких, и в под/рядах воровства с прибавкою для корыстей и крестья/ном налог и обид не было. И велеть им / быть в селах урочные годы по своему рассмотре/нию и по их к монастырю безкорыстной и радетелной службе. /

А слуг в села на приказы отпущать по очереди, / а не по прихотям, на урочные годы добрых же / и знающих во всякой росправе вместо годового / их жалованья, и рассматривая,³⁷ от которых бы / монастырским крестьяном разоренья и обид, и налог не было. / И игумену и келарю, и казначею давать / тем слугам наказные памяти за своими руками / и за монастырскими печатми. А на кого мо/нахов и на слуг от крестьян в каких налогах / какое в чем будет или в обиде челобитье, / и им, игумену и келарю, и казначею, советовав, / о том посылать розыскивать добрых же людей. / А во время розыску ведать той им вотчины / не велеть. И по розыску тех монахов и слуг, / буде явится чья какая винность, из сел / переманять с общаго же совету и собору. / А что на ком по розыску доведется, что взят какой / монастырской казны или чьего какова иску, и то, на / тех людей доправа, денги отдавать казначею, / а хлеб в житницы, а исцов иск исцом / з запискою. А буде и крестьяня ложно в челобитье / явятся для свободного себе воровства, видя не/потачку или раденье к монастырю, и о таких чинить / рассмотрение наказательное, и за безчестье правежем, / да и в начале челобитчиков выспрашивать³⁸ на сло/вах, не составом ли каким, чтоб напрасной / волокиты и приказным в делех остановки и без/честья не учинить. /

А как из вотчин от поселских старцов и от слуг / присланы будут отписки, и те отписки принимать / ему же, игумену, и, распечатывая, прочитав, а, прочет, отсылать кому которая отписка прилична, буде / о денгах и з денгами – отсылать к казначею, а каз/начею, принимая те денги, велеть давать / отписи безволокитно; а о хлебе и о всяких / запасах – и те отписки отсылать к келарю, / а ему, келарю, о приеме тех запасов посылать к служебным старцом памяти, а служебным старцам / велеть принимать против ево, келарских, паметей / всякие запасы сполна з запискою, а в росход давать / в меру, и потому же с ымянною запискою, и, приняв, к келарю присылать ведомство, а келарю, / то ведомство под отпискою подклея, давать крестья/ном о приеме отпуск без всякого задержания. / А какие отписки будут о вотчинных земляных делах / или о крестьянских ссорах, и о посторонних обидах, /

³⁷ Часть слова после приставки написана по стертому.

³⁸ Вторая буква в исправлена из другой буквы.

и те отписки велеть прочитать на соборе и советуя / о том соборне, и что мочно о том чинить по / рассмотрению. А чего учинить у себя невозможно, / и о том бить челом святейшему патриарху, чтобы / монастырским крестьяном ни от кого ни в каких обидах, / а в земле от сторонних людей оскуженным не быть. /

А кому всяких чинов людем понадобится / взять какие под монастырские земли под дворовое / строенье, или под какое кладбище, или какое иное / монастырское угодье на оброк или на откуп на / урочные годы, и те люди принесут о том / в монастырь челобитные, и те челобитные у тех / людей принимать ему ж, игумену, и помечать что / тех мест и угодей досматривать и описывать / келарю, и келарю велеть по тем челобитным / тех мест и угодей досматривать и меж / описывать и мерять, и разматривать, до/ведутся ль те места или угодья сторонним людем / в оброк отдать, и буде доведутся, и почему / надлежит obroку или откупу в монастырь иметь, / и тое описку и досмотр, и меру ему, келарю, закрепя своею рукою, приносить на собор к нему, / игумену. А ему, игумену, общесоветовав з брат/ством, помечая на тех досмотрах, отдавать / те места и угодья челобитчиком – кому до/ведется не из малого obroку. А буде о тех же / земляных местах или угодьях будут иные чело/битчики и ему, игумену, созвав келаря и казначея, / и пред собою давать в том торг, да кто / с торгу obroку или откупу даст болши, тому / ту землю или какое угодье из obroку и отдать, / рассмотря же добрым людем с поручными записми / и з знатными поруками, и записывать те / поручные записи в приказах, чтоб от незапи/сных в воровствах каких не быть монастырю / в разоренье и в вытях, и земли в отъеме. И те / помеченые дела отдавать келарю для взятыя по тех людах, кому какие угодья и земли от/даны будут³⁹, поручных записей з добрыми поруками. / И чтоб за теми поруками с тех угодей и з земли оброт/чиком оброчные и откупные денги платить / в монастырь по вся годы сполна без доимки по / срокам. И, сверша те поручные записи и за/писав, отсылать к казначею. А казначею, учиня / о том особую книгу и закрепя своею рукою, / велеть те записи записывать в книгу. А подли/нные записи держать в монастырской казне во / всяком бережении. И те новооброчные денги / писать в приходную книгу. А дела подлинные оста/влять в келарской впредь для ведома и спору, и по / тому же записывать в книге, и приказывать / казначею выбирать оброчные денги против по/ручных записей на сроки. А как срокам пройдут / урочные числа, и ему, казначею, зделав роспись, / что на ком доведется взять или донять на прошлой / год оброчных и откупных денег, и кто по ком пору/чен, и тем порутчиком имянную роспись за рукою. / И тое роспис подать на соборе игумену, а ему, игу/мену, приказывать келарю с теми оброчники и с их / порутчики не в платеже тех оброчных и откупных / денег управляется монастырским и приказным управлением, / чтоб платили вскоре, и чтоб впредь будущих годех / отнюдь доимки ни на ком ни на которой год не было. / А далних сроков и ни на малые числа отнюдь не давать. / А для нужды и бедности давать сроку по рассмотре/нию с общаго совета и повещать оброчникам о пла/теже оброчных денег безпрестанно заранее, что от/нюдь ни на ком доимки не было. А келарю и казначею / в оброчных денгах без ево, игуменского, ведома сроков никому / не давать и ни на ком не таить. А которые люди на сроки / и после сроков оброчных и откупных денег пла/тить не станут, и им монастырской земли и никаких / угодей в оброк не отдавать, а на ослушниках оброчные / денги править, а на силников бить челом святейшему / патриарху. А которые денги доправлены будут, / и те денги отсылать к казначею, и велеть ему за/писывать в приходные книги. А прошлых лет до/имку, которая по вышеписанное число запущена, / и всяких чинов на людах з земли и с ьных каких / угодей не взята, ему, игумену, посоветовав с ними, / келарем и казначеем, и со всем общебратством, / наипаче о взятыя тех денег и о выборе доимки / за те прошлые годы радеть единодушно, чтоб та / доимка в нынешнем,

³⁹ Слово вписано в строку другим почерком и другими чернилами.

в 201м, году выбрать вся сполна, / и об ослушниках и силниках той доимки не в платеже / чинить о всем по вышеписанному указу. Так же / которым дворяном и всяких чинов домовым людем / по их челобитью велено будет под дворы отвести на / монастырской земле места, и принесут о том в / монастырь святейшаго патриарха из Дворцового приказу / за дьячьими приписми памяти, и против тех / памятей розыскивать и досматривать в монастыре / во всяких делах и в отдаточных книгах не было / у тех людей о том прежде сего челобитья, и не отведены ли / им под дворовое строение где на монастырской земле места. И буде / сыщется, что тем людем отведены были места, и они, / построя хоромное строенье, посторонним людем продали, / а о которых челобитья и отводов им прежде сего / не бывало, а бьют челом вновь, и по тем памя/тям и по розыску докладывать святейшаго патриарха. А без доклада дворяном и всяким чинов / домовым людем под дворы отнюдь земли не отдавать, / потому что многие дворяня бьют челом ложно и, взяв / места, построя хоромы, сами не живут и продают по/сторонним людем, и тем корыстуются. А чтоб тем посторонним / людем с той земли платить оброк, того в купчих своих не / пишут. А те люди, купя у них дворы, многие в монастырь с тех / дворов оброку не платят, а владеют тою землею на/силно безоброчно. /

Далее другими почерком: А келарю, будучи в монастыре, пещися о всякой / братской пище и о годовых припасех, чтоб / братскую всякую пищу про монастырской расход / что надлежит купить в год в подобное / время дешевою ценою, применясь к прежним расходам, / советуя⁴⁰ о⁴¹ том с игуменом и, / сметя, что чего и⁴² какова⁴³ запасу в год / надобно, чтоб впредь в рознь чего за недо/статком не покупать. И писать ему тому / всему росписи, и те росписи за своею рукою / для той покупки всяких запасов с игуменского ведома отдавать казначею, а казна/чею чинить о том, как писано выше сего. /

Да ему же, келарю, ведать всякое монастырское и вот/чинное, и мелничное строение и починку. А какое / прилучится строение, или где какая починка, / и в котором месте, и ему, келарю, того стро/ения и починок досматривать самому и опи/сывать имянно, и сметить. А буде где / что доведется построить вновь, и тому / строению учинить чертежь, и потому ж, сметя, / написать сметную роспись, что к тому строенью / или к починке лесных и железных, и иных вся/ких припасов будет надобно, и что от того / дела доведется дать плотником и иным каким / работным людем за работу, и отдела, и при/водить в совершенство, во что то строение / станет. А, сметя все и написав / тому строению роспись и чертеж, объявить на соборе игу/мену. И буде на соборе приговорят против / чертежа и росписи, то строение построить / или починить, и ему, келарю, ту сметную / роспись за рукою отдать казначею. А ему, / казначею, против той росписи всякие припасы / покупать и в расходные книги записывать / имянно, у кого именем лесу или чего иного куплено, и на какое строение. И те сметные росписи / клеить в столп же впредь для ведома. А ко/торое строение где будет строится, в монастыре / или за монастырем, или где в подмосковной вотчине, / или на мельнице, и ему, келарю, того строенья над/сматривать самому почасту, чтоб зделано было / прочно и в малые б годы не розвалилось и не огнило, / и кровель ветром не рознесло, и от частных починок / монастырской казне лишней утери не было. /

Далее другими почерком: А когда прилучатся у игумена или у келаря / приказные люди, а понадобится про них / купить рыбы или иного чего, и им, игу/мену и келарю, присылать к казначею росписи ж, / а в росписях писать имянно, кто приказных / людей именем и которого приказу, и какое до них / дело. И казначею против тех росписей по/купать и записывать

⁴⁰ Буква я написана по стертому, далее стерто несколько букв.

⁴¹ Написано по стертому.

⁴² Написано по стертому.

⁴³ Первая буква к написана по стертому.

в книги имянно ж, и у кого / в келье про тех приказных людей или про / иных каких гостей стол был, а прилучится от какова дела тем приказным / людям что кому дать в почесть денег / или запасу. И келарю о том предлагать игу/мену и с ево, игуменского, совету и по разсмо/трению, чтоб монастырским делам оstonовки / за тем не было, и о том писать росписи ж / имянно. И те росписи посылать к казначею же. / А казначею против тех росписей те / денги отсылать к игумену и к келарю в кельи, / а у себя записывать в расход имянно. /

А когда прилучится какое нужное дело / в которой монастырской вотчине, и ему, келарю, / возвещать про то дело игумену и казначею, / и братье, и с совету их ехать в тое вотчину. И, будучи в той вотчине, управление / или строение чинить по рассмотрению. А буде / случится какое убивственное или межевое / дело, и о том писать ко игумену, а игу/мену бить челом святейшему патриарху, и / с указу святейшаго патриарха те дела делать, / чему которое дело надлежит. А что пона/добится денег, и ему, келарю, по тому ж присы/лать к игумену роспись за рукою. А в росписи писать / имянно, на что и на какие расходы те денги / ему надобны. А игумену тое роспись отдавать / казначею. А ему, казначею, по той ево келарской / росписи послав к нему денги⁴⁴, записывать в расходные книги. А келарю – куды он те денги издержит, / в расход учинить роспись же, и объявя тое / роспись игумену, отдавать для ведома казначею. /

А держать в монастыре пять человек слуг, в келарском да / в казенном – два человека подъячих, конюхов семь человек, / поваров четыре человека, а иных служебников / в монастыре и по селам держать против слу/жеб и без которых монастырской службе про/быть не мочно. А лишних служебников / и гуляков, кроме указного числа, буде указ/ным числом мочно монастырская служба испра/вить, не держать, а принимать всяких / служебников в монастырь с общесратства, с собору / добрых и знатных людей, з записми и с по/руками, а записи держать в казне. /

А пива варить в монастыре против меры / и держать про братской расход и про приказ/ных людей по чину монастырскому, а им, / игумену и келарю, и казначею, иметь в / кельи не возбранно, толко умеренное же, / а не в пьянство. Также в прилучные / господские праздники да поставится братье / и мед, да игумену же в келью ради гостей и / приказных людей купить в год десять ведр / вина простова, три ведра двойного, пять пуд / меду. Также келарю для приказных людей / десять ведр вина простого, три ведра / двойного, пять пуд меду, казначею пять ведр вина простого, полтора ведра вина двойного, три пуда меду. А болши того / указного числа вина и меду не покупать. /

Да келарю же, будучи в монастыре, ведать коню/шенной и скотской дворы и монастырских слуг, / и служебников, и вотчинных крестьян судом / и розправою. А ково за какие вины доведется / смирить или какие вотчинные земляные и / всякие зделки учинить, или где крестьяном земли отвести, или оброк на что нало/жить, или с чего сложить, или доведе/тся кого принять в монастырь в слуги и / в служебники на какое убылое место, и то / все делать ему, келарю, с согласия игуменскова / и братскова, а без согласия / игуменскова и братскова вышепомянутых дел собою отнюдь не делать. /

А казначею ведать в казне всякую монастырскую / казну и денежной приход, и всякие мана/стырские покупки, и збирать денги со всяким / радением по вся годы без доимки. /

А им, келарю, в казначейские дела, а ему, / казначею, в келарские дела отнюдь не вступатся, и тем меж себя вражды и душевред/ства не чинить. И за то, яко преслушником / церкве, церковные казни не понести, но присно / быть в мире и любви духовной.

Архивные пометы: на обороте на верхнем поле помета чернилами XIX в. – № 147, 13, № 1448, 4 ари. 6 в., далее красными чернилами №144-186, №147, в.к.; далее почерком XX в.: ГИМ 80370/461, Син. св. 1448.

⁴⁴ *Притисано над строкой другим почерком.*

Б. Н. Морозов

**“ОБРАЗОВ ВО ХРАМУ В НИКОЛЕ ЧУДОТВОРЦЕ – МОЛИТСЯ
ФЕДОР ИВАНОВИЧ” И “КНИГИ У НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА”
(ОПИСЬ ИКОН И КНИГ ВОЕВОДЫ Ф. И. МИХАЛКОВА
НАЧАЛА XVII В.)**

Изучая историю рода Михалковых (потомков древних переяславских вотчинников и тверских бояр XIV–XV вв.), можно выделить две ветви, младшая из которых сыграла определенную роль в развитии отечественной культуры первой четверти XVII в., в том числе книжной. Речь идет о потомках великокняжеского дьяка первой половины XVI в. Тимофея Федоровича Михалкова, дети которого Андрей и Полуект Михалковы прочно вышли в круг московской элиты эпохи Ивана Грозного, хотя думных чинов не получали. Внуки воеводы и дипломата А. Т. Михалкова, благодаря родству его жены Марии Шестовой с женой боярина Ф. Н. Романова – Ксенией Шестовой, а главное – по соседству костромских вотчин Шестовых (обе были последними представительницами этого рода – ветви старомосковских бояр Морозовых), видимо, с детства были близки с будущим царем Михаилом Романовым. Именно они – братья Борис и Михаил Салтыковы (их мать старица Евникия Михалкова-Салтыкова – наперсница великой старицы Марфы Ивановны) – и их двоюродный брат Константин Михалков сопровождали семью Романовых из села Домнина, где им грозила опасность (история с Сусаниным) в Костромской Ипатьевский монастырь. Там, принимая неформальное участие в переговорах с делегацией Земского собора (я предполагаю, что наиболее “книжный” из братьев, Борис Салтыков, был автором программной речи матери избранного царя с условиями принятия ее сыном управления разоренным в Смуту государством), они (будучи еще молодыми людьми) создали своеобразное временное правительство в противовес московским боярам, вовсе не поддерживавшим на соборе кандидатуру Михаила Федоровича. Б. М. Салтыков стал во главе Приказа Большого дворца (от поступлений денежных средств из дворцовых вотчин зависела поддержка служилых людей и казаков), М. М. Салтыков – кравчим и оружничим, К. И. Михалков – постельничим и печатником.

Возглавив в мае 1613 г. кремлевскую администрацию, они не только быстро восстановили царскую резиденцию, но и так организовали работу Оружейной палаты и других дворцовых мастерских, что изготовленные там уже в 1614–1619 гг. иконы, парадное оружие, драгоценная посуда являются шедеврами русского искусства и украшением нынешних Музеев Московского Кремля. Менее известно о деятельности Кремлевской типографии (Печатный двор на Никольской улице лежал в руинах), которой управлял непосредственно Б. М. Салтыков. В 1614–1619 гг. в ней было напечатано 10 богослужебных книг¹. Кроме своей непосредственной

¹ Починская И. В. “Царского величества друкарня” 1614–1619 гг. // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 216–236.

функции – наладить службу в разоренных храмах, – издание этих книг имело важную политическую цель: они содержали риторические послесловия, прославляющие новую династию (это были единственные в то время средства массовой информации, причем выпускавшиеся большими тиражами). Руководил рассылкой данных изданий – вкладами от имени Михаила Федоровича – его постельничий Константин Михалков. Он же собирал и хранил личную царскую библиотеку. Хотя и небольшая по составу, она содержала такие ценнейшие светские памятники, как “Книга государеву избранью и поставленью” (она будет иллюстрирована в 1653 г.), подносной оригинал “Сказания Авраамия Палицына”, “Книга Аристотелева, в полдеств”² – уже само это название говорит об уровне просвещения царского окружения, через которое книги попадали к царю. Очевидно, благодаря усилиям всех трех братьев – Салтыковых и Михалкова – был спасен уникальный памятник русской культуры и образованности – Травник Любчанина 1534 г., хранившийся в постельной казне Ивана Грозного. Для создания в 1616 г. его роскошной копии были задействованы и дворцовые изографы и книгописцы, и врачи-иноземцы Аптекарского приказа (им руководил кравчий М. М. Салтыков).

Эта выдвинувшаяся ветвь рода угасла со смертью бездетного К. И. Михалкова в 1630 г. Его отец умер совсем молодым и не оставил большого потомства (была еще дочь Ирина, замужем за боярином князем С. А. Хованским), брат деда, Полукт Михалков, был казнен Иваном Грозным уже после отмены опричнины, его двое сыновей умерли в раннем возрасте.

Старшая же ветвь рода Михалковых происходит от брата дьяка Тимофея Федоровича – Дмитрия Федоровича, также мелкого переяславского вотчинника (упоминается в земельных документах с конца XV в.), единственное известие о службе которого великокняжеским приставом относится к 1509 г. У него было четыре сына, трое из которых были убиты в различных походах XVI в. И хотя младший сын, Иван Меньшой “Ивашка” Дмитриевич Михалков (убит под Пайдою в 1573 г.), был записан в Тысячную книгу 1550 г. и в Дворовую тетрадь царя Ивана IV, его дети, Яков (ум. в 1588/1589) и Федор Ивановичи, служили в провинции “по городу Романову”, но были в конце XVI в. в составе верхушки романовской корпорации – в “выборе” (т.е. формально также входили в Государев двор).

Федор Иванович Михалков (троюродный брат постельничего К. И. Михалкова), об уникальном документе из архива которого речь пойдет далее, является прямым предком всех дворян Михалковых XVIII – начала XX в. и их нынешних известных потомков. Его служба пришлось на годы Смутного времени в России, начало которого, по моему мнению, восходит к династическому кризису – смерти “природного” царя Федора Ивановича и началу правления выборного царя Бориса Годунова. Как раз со своеобразным маневром Годунова, призванным укрепить его авторитет среди служилых людей, связано первое упоминание Федора Михалкова в разрядах (что само по себе являлось повышением его служебного статуса). Во время известного Серпуховского похода царя Бориса в мае 1598 г., когда он, еще не проведя коронации, встал во главе всей русской армии, романовский “выборный дворянин” Михалков был назначен приставом к татарскому царевичу Шихиму Шеморханскому, номинально поставленному первым воеводой сторожевого полка (реально полком, конечно, командовали “младшие” русские воеводы)³. Федор

² *Луттов С. П.* Книга в России в XVII в. Л., 1970. С. 112.

³ *Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1994. Т. 4. С. 1, 25, 33.*

Михалков должен был везде сопровождать своего подопечного царевича Шихима (в том числе на пирах в царском шатре) и, таким образом, находиться в непосредственной близости от Бориса Годунова. Но особая придворная карьера у него после этого похода не прослеживается.

В течении всей Смуты Федора Михалкова посылают на самые опасные задания: в 1602–1603 гг. он послан на борьбу с отрядами разбойников, в которых превратились боярские холопы, прогнанные хозяевами со дворов в результате страшного голода; в январе 1605 г. он, очевидно, участвует в кровопролитном сражении при Добрыничах, когда было разбито войско первого Самозванца, но с его воцарением назначается впервые воеводой (пока вторым) в важный пограничный город Михайлов.

Когда борьба Лжедмитрия II с царем Василием Шуйским превратилась в России в ожесточенную гражданскую войну – войну одного города с другим – Ф.И. Михалков как глава местной служилой корпорации занимает пост воеводы в городе Романове. В его личном архиве сохранились (что свидетельствует не только о его внимании к историческим документам, но и его потомков) две грамоты Василия Шуйского от 7 и 11 мая 1610 г. – ценнейшие источники о положении в Верхнем Поволжье, накануне свержения этого боярского царя и еще большим обострением обстановки в стране⁴. Первая грамота – указ о назначении романовского воеводы Ф.И. Михалкова воеводой в важный промышленный город Тотьму (сменить присягнувшего Самозванцу воеводу К.Д. Строганова). Во второй Ф.И. Михалкову предписано уже не ехать в Тотьму, а срочно двигаться в Ярославль, взяв с собою из Романова всю артиллерию, служилых людей и добровольцев из посадских. Очевидно, в Москву пришли вести об опасности потери контроля над регионом Верхней Волги.

События Смутного времени в Ярославле и Романове отразились в двух местных памятниках древнерусской литературы: “Сказании о иконе Богоматери Казанской Ярославской” и “Повести о построении Нового девича монастыря в Ярославле”⁵. В них рассказывается, как Казанская икона (ранний список иконы 1579 г.) явилась в 1588 г. жителю Романова и двадцать лет была одной из главных местных святынь. При отходе “литовцев и поляков” из разоренного Романова в 1609 г. икону захватил “литовец православного исповедания” (очевидно, белорус) поручик Якоб Любский и передал ее в Ярославле торговому человеку Василию Лыткину. В честь чудотворной иконы в Ярославле был основан женский Казанский монастырь. Но после освобождения Романова от тушинцев жители города, очевидно, поддержанные воеводой Ф. И. Михалковым (о его особом интересе к подобным памятникам см. далее), обратились к царю Василию Шуйскому с просьбой вернуть из Ярославля их местнотимую икону. Но окончательное слово было за патриархом Гермогеном, который указал оставить данный чудотворный список Казанской иконы в Ярославле, а для Романова сделать новый. Это может служить косвенным подтверждением того, что никаких особых военных действий в это время не происходило. И “воровских людей приходу”, об опасности которого писалось в царской грамоте Ф. И. Михалкову, не случилось. В тех же текстах указано, что список

⁴ Морозов Б. Н. История рода Михалковых в XV–XVII веках. М., 2020. С. 110–111.

⁵ См.: Буланин Д. М. Сказание о иконе Богоматери Казанской Ярославской // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4. С. 570–572.

Романовско-Ярославской иконы был передан в Романов в марте 1611 г. Образ Казанской Божией Матери стал, как известно, символом борьбы русского народа со Смутой и освобождения Москвы в конце 1612 г.

В этих сражения I и II ополчений воевода Ф. И. Михалков принимал самое активное участие, вероятно, во главе отряда романовских служилых людей. О его вхождении в I ополчение свидетельствует недавно заново изученный боярский список 1611 г., согласно которому Федор Иванович наконец получает чин “дворянина московского”⁶. А о его мужестве в боях за очищение Москвы от поляков в составе войск Минина и Пожарского говорится в ценнейшем историческом источнике, который ранее никогда не изучался исследователями, хотя он более 100 лет хранится в фондах Государственного исторического музея (об истории передачи архивов Михалковых в ГИМ и другие хранилища см. далее). Речь идет о жалованной вотчинной грамоте 13 февраля 1613 г. Ф. И. Михалкову “за его многие службы и за кровь, и за радение”, что он “против полских и литовских людей стоял” и “Московское государство очистилось”⁷. До настоящего времени была известна только одна подобная грамота, написанная также в период избирательного Земского собора 7 февраля 1613 г., причем в позднейших копиях. Но и на основании той грамоты историки делали выводы, что подобные грамоты могут “дать ключ к пониманию событий, происходивших на избирательном земском соборе после 7 февраля”, когда на заседании собора произошел перерыв и чаша весов склонилась в пользу Михаила Романова⁸. Грамота о заслугах Ф. И. Михалкова подлинная, ее значение для науки велико.

Последнее назначение на воеводство Ф. И. Михалкова относится уже ко второму году царствования Михаила Романова. В сентябре 1614 г. Земский собор принял решение об усилении борьбы с рецидивами Смуты и укреплению московской власти на местах. Сразу после известия об этом в “Дворцовых разрядах” идет список воевод по всем русским городам. Под заголовком “В Казанских пригородах” после Свяжска указано: “В Чебоксарех воевода Федор Иванов сын Михалков”⁹. Федор Иванович был на этом воеводстве недолго. Он скончался до 12 июня 1615 г. – в этот день вклад по его душе в Троице-Сергиев монастырь сделали жена Ефросинья Васильевна и дети Федор и Василий Меньшой Михалковы¹⁰. За этот вклад он был записан в монастырский Синодик уже с монашеским именем Филарет и погребен в монастыре. Где и когда происходило его пострижение, неизвестно. Вероятно, кончина немолодого воеводы могла быть ускорена переживаниями в связи с гибелью его старшего сына Василия Большого Федоровича Михалкова “убиенного от казаков” 14 декабря 1613 г. Записано об этом в двух документах середины XVII в., сохранившихся в родовом архиве, в “Памяти родительской, как которого не стало и в которое время помянуть его” (в ней указана точная дата), и в родословии,

⁶ Лисейцев Д. В. К вопросу о времени и обстоятельствах составления Боярского списка 1611 г. // Исследования по источниковедению истории России. М., 2012. С. 50–58.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 388 (Жалованные грамоты). № 7. Л. 1 (большой формат). Грамота впервые опубликована: Морозов Б. Н. История рода Михалковых. С. 116.

⁸ Павлов А. П. “Совет всея земли” и избирательная борьба в 1613 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII в. Рязань, 2011. С. 77–78; Козляков В. Н. Избрание на царство Михаила Романова // Герои смуты. М., 2012. С. 273–301.

⁹ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1: 1612–1628. Стб. 142–144.

¹⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 64.

выполненном в виде таблицы¹¹. Составление этих редких родословных документов потомками и родичами Ф. И. Михалкова (его двоюродный брат Артамон-Алай Михалков и его сын Богдан Артамонович были привлечены в 1610-е гг. родственниками – кремлевскими администраторами – к придворной службе) является одним из свидетельств письменной культуры и этой ветви рода.

Об этом же ярко говорит и находка в РГАЛИ (Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 125, 125 об.) публикуемого особого историко-культурного источника – Описи икон и книг, находящихся в домовом Никольском храме Ф.И. Михалкова, необычный состав которых несомненно зависел от его мемориальных церковно-иконографических и церковно-литературных интересов.

Она написана на обеих сторонах одного листа бумаги столбцового формата скорописью конца XVI – начала XVII в. Филиграния на этом листе не просматриваются, но датировка текста определяется наличием среди книг Минеи общей “печатной”. Как известно, Минея общая была впервые кириллическим шрифтом напечатана в Москве Андроником Невежей при царе Борисе Годунове в 1600 г. (в двух вариантах – в 4-ку и в лист). Затем другим известным русским печатником Никитой Фофановым – в конце царствования Василия Шуйского – в ноябре 1609 г. Следующее издание Минеи общей вышло в 1618 г., как раз в Кремлевской типографии, организованной родственниками Ф. И. Михалкова, но его уже не было в живых.

Фонд 1711 (ранее ф. 1232) имеет название: “Михалковы: Сергей Владимирович (1913–2009) – поэт; Сергей Владимирович (1789–1843) и Владимир Сергеевич (1817–1900) – коллекционеры автографов”. Он состоит в основном из творческого архива поэта, а также из небольшой части переписки его прадеда и прапрадеда, отложившейся в Государственном литературном музее и в 1941 вместе с его документальными фондами поступившей в ЦГАЛИ¹². Опись же икон и книг начала XVII в. находится в большом неразобранном комплексе хозяйственных документов конца XVII – начала XVIII в., отложившихся в усадебном архиве родового имения Михалковых – села Петровского (на окраине современного Рыбинска), включенных в опись 5 (она, в отличие от первых четырех описей, почему-то до сих пор никак не аннотирована на сайте РГАЛИ).

Документы из описи 5 фонда 1711 поступили в начале 1980-х в РГАЛИ (тогда ЦГАЛИ) из Рыбинского филиала Ярославского областного архива благодаря усилиям и влиянию тогдашнего председателя Союза писателей РСФСР Сергея Владимировича Михалкова. Можно сказать, что таким образом он завершил исполнение желания своего прадеда В. С. Михалкова – выдающегося библиофила – передать свою библиотеку и ценнейший родовой архив Михалковых XVI – начала XIX в. в центральные государственные хранилища – Библиотеку Академии наук и Исторический музей. Работа по реализации его завещания началась в 1910 г., когда значительная часть его огромной библиотеки отцом С. В. Михалкова – В. А. Михалковым – была перевезена в БАН, а затем основная часть архивных материалов поступила в ГИМ¹³.

¹¹ Факсимильное издание: *Морозов Б. Н.* История рода Михалковых. С. 22–25.

¹² В домашнем архиве С. В. Михалкова сохранился интересный документ – справка 1972 г., подписанная руководством ЦГАЛИ СССР Н. Б. Волковой и В. А. Черных, о том, что семейный архив его предков XVIII–XIX (Ф. 1232) “представляет определенную историко-литературную ценность”. Справка была предназначена для представления в ВООПИК.

¹³ Поступившие также в БАН архивные материалы были переданы в нынешний СПБИН РАН (Ф. 86 – 488 ед. хр. – 1622–1859 гг.). В ОПИ ГИМ. Ф. 401 (назван как личный В. С. Михалкова) – 219 ед. хр. –

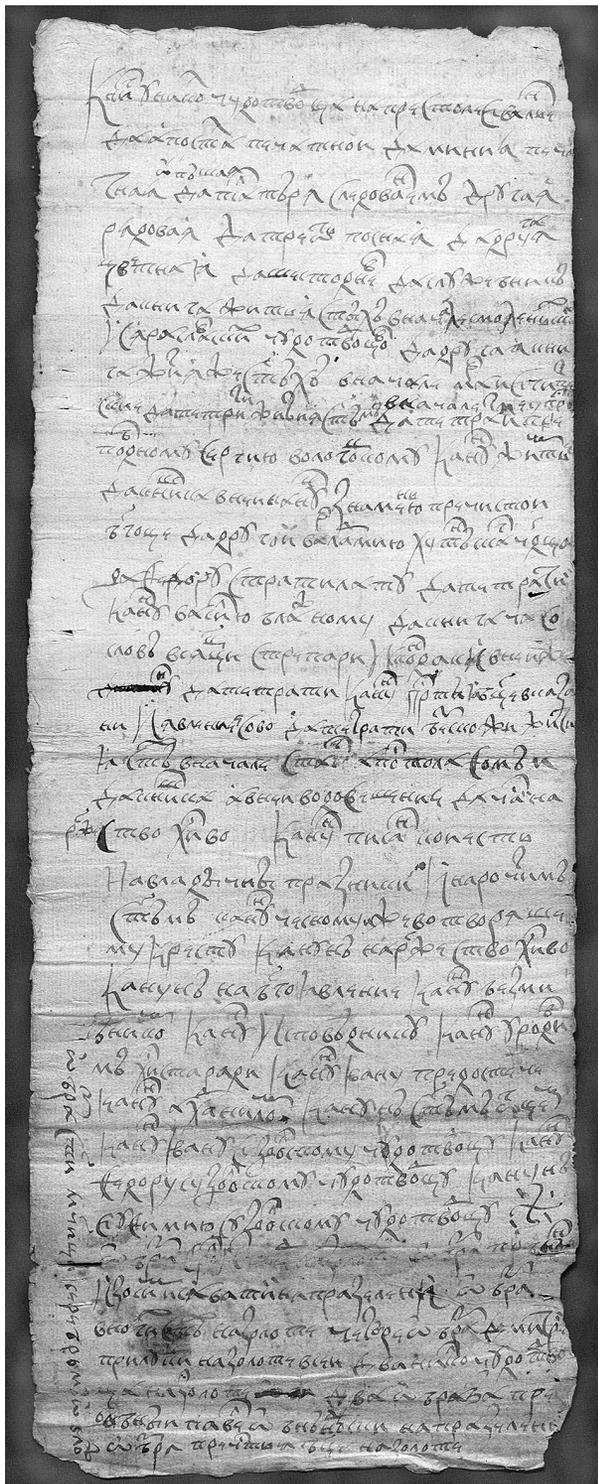

Рис. 2. “Книги у Николы Чудотворца” (РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 125 об.)

Тогда же началось и издание редких михалковских документов. В 1914 г. председатель Археографической комиссии граф С. Д. Шереметев в своем альманахе “Старина и новизна” издал наиболее значительные историко-биографические документы рода Михалковых XVI–XVIII вв.¹⁴ Причем следует подчеркнуть, что состав публикуемых документов зависел от их хронологической подборки в специальную большую папку¹⁵, которая была образована в ходе разборе и описания архива села Петровского, куда кроме документов Михалковых попали целые комплексы из архивов родственных фамилий: князей Ухтомских, дворян Кузьминых, Тихменевых и др. Разбором этих обширных архивов занимался с “дерптской” основательностью сам библиофил В. С. Михалков (первый из рода получивший университетское образование), привлекавший также специального библиотекаря и архивариуса А. Ю. Вотье¹⁶.

Поэт и драматург С. В. Михалков, зная о публикации 1914 г. (она сохранилась в его домашнем архиве), в начале 1980-х гг. решил продолжить издание древних родовых документов¹⁷. К сожалению, проект подготовки сборника документов не был завершен. Но новые интересные находки были сделаны как раз в комплексе неразобранных документов, перевезенных из Рыбинска в РГАЛИ. Собственно, основной массив столбцов XVII в. из усадьбы Петровское (свыше 200 л.), когда-то поединично пронумерованных, (и, возможно, как-то описанных), сейчас перемешан в большой папке (Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6). Еще в 1980-е гг. в ней были обнаружены челобитные внука воеводы Ф. И. Михалкова стольника Дмитрия Васильевича Михалкова (ум. 1684) с описанием 11 своих военных служб с 1643 г., в том числе участия во всех походах в составе русской армии во время русско-польской войны 1654–1667 гг.¹⁸ А при подготовке книги “История рода Михалковых. XV–XVII века” – редчайшие источники – письма-грамотки (хозяйственные отчеты) сельского старосты вдове Д. В. Михалкова – Маремьяне Ивановне¹⁹ (во втором браке

1613–1916 гг.; Вотчинные грамоты Михалковым XVII в. большого формата попали в коллекцию “Жалованные грамоты” – ОПИ ГИМ. Ф. 388. № 7, 19, 52, 100.

¹⁴ Г. С. Ш. Из архива Михалковых // Старина и новизна: Историч. сб. 1914. Кн. 17. С. 1–44.

¹⁵ Эта папка-альбом XIX в. с подклеенными на большие листы бумаги документами составляет ныне самостоятельный фонд ОР РНБ № 546, который имеет название “Собрание грамот акад. А. С. Орлова”. В 1914 г. он находился в селе Назарьево Звенигородского уезда, где провел последние годы В. С. Михалков (1817–1900).

¹⁶ Сахаров И. Село Петровское и его обитатели. Из истории культурной жизни Ярославского края // Верхневолжская правда. 1986. 12 октября (начало статьи в номере за 11 октября). Отклик на эту публикацию: Черных В. Добрый пример (рубрика: “После выступления газеты”) // Верхневолжская правда. 1986. 4 ноября (В. А. Черных, выступая в качестве ученого секретаря Археографической комиссии АН СССР, подчеркивает научное значение сохраненного Михалковыми родового архива и библиотеки В. С. Михалкова и указывает на их хранение в ЦГАЛИ, ГИМ и БАН).

¹⁷ Планировался также сборник с перепиской Михалковых XIX в., которую переводила в начале 1980-х гг. с французского языка доцент ЛГПИ им. Герцена Н. Ю. Сахарова. В домашнем архиве С. В. Михалкова сохранилось ее письмо председателю АК АН СССР С. О. Шмидту с просьбой поддержать издание.

¹⁸ Фразу одной из этих челобитных о ране, полученной Д. В. Михалковым в Конотопской битве 1659 г. (“ранен тяжело саблею, великою раною – большы половины пересечена шея...”), С. В. Михалков цитировал в своих автобиографических книгах уже в 1990-е гг.

¹⁹ Переписка М. И. Михалковой с мужем была так же, как и родовые грамоты, оформлена при разборе архива в усадьбе Петровское в специальный альбом (ОПИ ГИМ. Ф. 401. № 116). Из него были взяты “грамотки” для публикации лингвистами: Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. С. 38–43. Но не менее ценные источники русского разговорного языка XVII в. – письма старосты, хранившиеся тогда в Рыбинском архиве, остались им неизвестными и только сейчас входят в научный оборот: Морозов Б. Н. История рода Михалковых. С. 319–321.

княгиня Ухтомская); закладная кабала 1687 г. на московский двор Михалковых на Рождественке (с подробным описанием строений), заложенный не кому-нибудь, а приехавшему за год до этого в Россию из Речи Посполитой авантюристу “князю Александру Борисовичу Курбскому”, выдававшему себя за правнука знаменитого эмигранта князя А. М. Курбского (РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 95).

Никаких других документов ранее второй половины XVII в., кроме Описи икон и книг Ф. И. Михалкова, в этой кипе столбцов нет. Все датированные грамоты и акты давно были выделены при разборе усадебного архива, о котором упоминалось выше. Здесь же большинство документов не датировано, представлено черновиками, написанными разными небрежными почерками, иногда выглядящими весьма архаично. Поэтому глаз мог пропустить этот лист, со скорописью переходного периода – от стандартизированной XVI в. к более индивидуальной начала XVII в.

Чем же выделяется эта опись среди других подобных описей церковного имущества XVI–XVII вв., которые известны по писцовым или хозяйственным монастырским описаниям? Во-первых, здесь целенаправленно описаны только иконы и книги, а не другая утварь, необходимая для богослужения, которая обычно также подлежала строгому учету. Во-вторых, среди большого количества (50) икон не все отражают характерное построение древнерусского иконостаса (местный, деисусный, праздничный, пророческий, праотеческие ряды), и многие образа представлены в нескольких вариантах, а кроме описанных 10 книг, необходимых при богослужении – “на престоле”, описано 10 рукописей, в основном агиографического содержания, и еще 12 канонов (отдельных рукописей или соединенных вместе?) праздникам и святым.

Конечно, как уже отмечалось, это отражение особенностей функционирования церкви, тесно связанной с личностью и семьей ее владельца. Об этом прямо сказано в заголовке первого описания: “Образов во храму в Николе Чудотворце – молится Федор Иванович”. К сожалению, в каком имении Ф. И. Михалкова (главные из них в Романовском уезде) была церковь Николая Чудотворца, установить не удалось. Возможно, эта домовая церковь была у него на городском дворе – в Романове или в Москве, но сведений о них у нас нет. Его сын стольник В. Ф. Михалков (ум. 1637) имел московский двор, но неизвестно, достался ли он ему от отца (он продал этот двор в 1630 г. из-за долгов)²⁰. Также неизвестно происхождение московского двора на улице Рождественке внука Ф. И. Михалкова – Д. В. Михалкова, но примечательно, что он располагался рядом с храмом именно Николая Чудотворца “Божедомского” (сейчас он называется “в Звонарях”, сохранился в виде постройки в стиле барокко, но специалисты считают, что в основе его стен части предыдущего каменного храма XVII в.). Следует также обратить внимание на особую заботу небогатого стольника Дмитрия Васильевича Михалкова о храмовом строительстве (родовую традицию?). Главным пунктом его завещания, написанного (собственноручно!) перед одним из походов, является продажа его вотчин в Рязанском и Рязском уездах и строительство на эти деньги церкви в родовом поместье Романовского уезда. Жене (детей пока нет) выделяются только оставшиеся от этой продажи деньги и только в том случае, если она, после его возможной гибели в походе, не выйдет замуж. Его духовнику и душеприказчику – “*Николы Божедомскаго священношерею Федору Панфильевичу*” завещается 10 рублей. Кроме

²⁰ Морозов Б. Н. История рода Михалковых. С. 201–202.

того, очевидно традиционно, Михалковы были связаны с одним из храмов города Романова, поэтому 4 рубля по духовной Д. В. Михалкова предназначались “отцу духовному на Романове Григорью”. Также он приказывает передать 3 рубля “своему попу... на весь крылос” – значит, на его дворе также был храм?

Конечно, полный иконографический и искусствоведческий анализ икон Федора Ивановича Михалкова могут сделать специалисты. Но соотнесение ряда образов с упоминавшимся уже оригинальным родословным памятником середины XVII в. “Род Михалковых. Память родительская, как которого не стало и в которое время помянуть его”, где указаны небесные покровители его родственников, дает важную информацию.

“**Образ преподобный Федор Секиот, преподобная Еуфросинья**” (л. 128, вторая и третья строки снизу) – несомненно, семейная икона Ф. И. Михалкова. В “Памяти родительской” указано: “А Федор Иванович во иноцех Филарет, ангил ево – Федора Секиота, память творить апреля 12 число. А жены его Ефросинии, а во иноцех Евдокеи, ангил ея – преподобного отца нашего Венедикта Римского, и Олександра (?), и преподобные матери наши Ефросинии, а память ей творить марта в 14 день”.

“Памяти” в данном случае не дни поминания тезоименитых святых, а дни “ангелов”, поминаемых в день крещения. Преп. Федора Сикеота, еп. Анастасиупольского (ум. 613), православная церковь поминает 22 апреля (здесь и далее старый стиль), а Федора Михалкова, очевидно, крестили 12 апреля, но назвали в честь поминаемого через 10 дней святого. День крещения Ефросинии Михалковой 14 марта, ее “ангел-хранитель” – преп. Венедикт иг. Нурсийский (ум. 547). Она могла быть названа в честь преп. Ефросинии Полоцкой (ум. 1173, память 23 мая), но скорее в честь популярной на Руси преп. Ефросинии Суздальской (ум. 1250, память 16 и 23 сентября). За это может говорить указанный в описи редкий по иконографии “**Образ мученик Мерькурей, преподобная Еуфросинья**”. Возможно, что недавно (в конце XVI в.) канонизированный воин муч. Меркурий Смоленский (ум. 1240, память 24 ноября) был объединен с Ефросинией Суздальской общей темой борьбы с татарами.

Очевидно, Федор и Ефросиния Михалковы особо почитали суздальских святых – в конце описания книг отмечены “**Кануны чудотворцам**” Иоанну, Федору и Евфимию Суздальским. Иоанн еп. Суздальский (ум. 1373 г., память 15 октября) и Федор еп. Ростовский и Суздальский (ум. ок. 1023, память 8 июня) до XVIII в. были местночтимыми святыми, хотя их жития были составлены еще во второй половине XVI в.²¹ Тогда же, очевидно, сложился и общий Канон Иоанну и Федору Суздальским, ранний список которого был в Никольском храме Ф. И. Михалкова. Характерно, что в иконографии также сложился обычай общих изображений святителей Иоанна и Федора и преподобных Евфимия и Евфросинии Суздальских²², двое из которых были соименны этой чете Михалковых.

Ф. И. Михалков мог особо молиться и домовый иконе – “**Образ князь Михаил Черниговской и боярин (е)го Федор, с левою руку Спасова образа**”. Ведь, кроме соименного ему муч. Федора Черниговского, князь Михаил Всеволодович (ум. 1244, общие памяти с его, тогда же погибшим боярином, 20 сентября

²¹ Усачев А. С. Житие св. Иоанна, еп. Суздальского // ВЦИ. 2008. № 2 (10). С. 5–22.

²² Преображенский А. С. Иоанн еп. Суздальский. Иконография // ПЭ. М., 2011. Т. 23. С. 207–217.

и 14 февраля) мог почитаться как покровитель основателя рода – Михаила-Михалки Ивановича, а боярин Федор – как покровитель сына родоначальника, Федора Ивановича Михайлова-Михалкова, жившего в конце XV в.

К семейным иконам, очевидно, относился и **“Образ Василия Кесарийского да Василия Блаженного на золоте”**. Василий Кесарийский (Василий Великий, ок. 330–379, память 1 января) согласно “Памяти родительской” – “ангел” старшего сына Ф. И. Михалкова, Василия Большого (крещен 1 января, убит 14 декабря 1613 г.). Василий Блаженный (ум. 1557, память 8 августа), известный при жизни своими пророчествами, был канонизирован только в 1588 г. и, вероятно, также мог стать небесным покровителем обоих сыновей Василиев Ф. И. Михалкова – Василий Меньшой (крещен 12 апреля на память Василия Исповедника, ум. в 1637). В связи с этим среди богослужебных рукописей его домовою Никольской церкви были **“Тетрати Канун Василию Блаженому”**, сама форма которых говорит о том, что служба новопрославленному святому недавно составлена.

Про отца Ф. И. Михалкова в “Памяти родительской” указано *“Ивана Дмитриевича поколение, убили ево под Па[и]дою на четвертой день после Крещенья, а память его – Ивана Милостиваго месяца ноября в 12 день”*. Икон Иоанна Милостивого патр. Александрийского (ум. между 616–620) в Никольской церкви не было, но вполне вероятно, что своего отца Ф. И. Михалков мог почитать, обращаясь к имеющимся образам Иоанна Богослова и Иоанна Предтечи. Также среди книг имелись описанные отдельно Канон Иоанну Предтече и упоминавшийся Канон Иоанну Суздальскому.

Вероятно, в связи с памятью деда Ф. И. Михалкова, Дмитрия Федоровича Михалкова, в его церкви присутствовали целых **“Четыре образа Дмитрей Прилуцкий, на золоте всеи”**. Почитание ученика Сергия Радонежского преп. Дмитрия Прилуцкого (ум. ок. 1408, память 11 февраля) установилось вскоре после его кончины и с конца XV в. стало общерусским. Тогда же начали распространяться и его иконы, одна из которых почиталась чудотворной, в связи с помощью святого великому князю Ивану III в 1503 г. в его походе на Казань (был установлен специальный праздник ее Сретения в Вологде 3 июня). Эта икона до нас не дошла, но в Вологде до сих пор сохраняется образ Дмитрия Прилуцкого с житием, созданный в конце XV – начале XVI в. знаменитым мастером Дионисием (ВГИАХМЗ).

Основное количество икон домовою церкви Николая Чудотворца, как требовал канон, принадлежит образам Спаса, Богородицы (ей посвящено особенно много образов – 10), их Праздникам, Ветхозаветным и Новозаветным персонажам (но, как отмечалось, их недостаточно для полного иконостаса), византийским святым (в основном тезоименитым членам семьи Ф. И. Михалкова). Специально отмечен **“Образ Николы Чудотворца месной”**. Описаны еще три иконы этого особо почитаемого на Руси святого, в том числе **“Образ Никола Чудотворец Можайской”**.

Русским святым было посвящено 16 икон. Кроме упомянутых были образы (перечислены в хронологии жизни изображенных лиц): **“Борис и Глеб”** (убиты 1015), **“преподобной Аврамей да Ефремей”** (преп. Авраамий Смоленский, 1172 или 1150 – 1221 или 1224; преп. Ефрем Смоленский, ум. после 1238), **“Ярославские чудотворци”** (князь Федор Ростиславич Чермный, ок. 1240 или 1233 – 1299; его дети: князь Давыд Федорович, ум. 1313; князь Константин Федорович, ум. не позднее 1321), **“Петр митрополит”** (Петр, митр. Киевский и всея Руси, ум. 1326),

“Сергий преподобной” (преп. Сергий Радонежский, 1312 или 1314 – 1392), **“Никона Чудотворца”** (преп. Никон Радонежский, 1352–1426), **“Два образа преподобный Павел Обьнорский”** (преп. Павел Комельский, 1317–1428), **“преподобные Изосима и Саватий”** (преп. Зосима Соловецкий, ум. 1478; преп. Савватий Соловецкий, ум. 1435).

С событиями русской истории связаны указанные в описи две Богородичные иконы. **“Образ Пречистая Богородицы Знамение”** ассоциируется с известным чудом от древнейшего списка этой иконы, спасшей Новгород во время осады его суздальскими войсками во главе с сыном князя Андрея Боголюбского Мстиславом Андреевичем в 1170 г. Это событие, описанное в особом литературном памятнике, стало также самостоятельным иконографическим сюжетом – **“Битва новгородцев с суздальцами”**²³. В описи книг Ф. И. Михалкова был **“Канун Знаменью Пречистой Богородице”**, причем в одной рукописи с другим новгородским памятником – каноном **“Варламию Хутыньского чудотворца”**, и с каноном **“Федору Стратилату”**, который также мог почитаться его покровителем.

“Образ Пречистая Богородицы Казанская”, единственная из всех икон, отмеченная в описи **“в киоте”**, с момента своего явления в Казани в 1579 г. играла особую роль в истории Российского государства: в том же году ее список был отправлен в Москву царю Ивану Грозному. В 1594 г. казанский митрополит Гермоген сочинил **“Повесть и чудеса Пречистые Богородицы, честнаго и славнаго Ея явления образа, иже в Казани”**. Став патриархом в разгар Смуты, Гермоген благословлял Казанской иконой I и II ополчения на борьбу с поляками (в обоих служил Ф. И. Михалков). Среди рукописей Ф. И. Михалкова были **“Тетрати Канун Пресвятые Богородице в Казани и явление...”** В конце этого описания неясно читается: **“и сово”**. В качестве гипотезы можно предположить чтение: **“и с(л)ово”** и соотнести с текстом **“Слова о явлении святыя иконы Пречистыя Богородицы честнаго ея Одигитрия, иже есть в Казани”**, представляющего собой старшую догермогеновскую редакцию **“Повести о явлении Казанской иконы”**²⁴. Выше уже была описана история явления Казанской иконы в 1588 г. жителю Романова, которая затем была захвачена поляками и жители боролись за ее возвращение в город в 1610 г., когда там воеводой был Ф. И. Михалков. Вполне возможно, данный образ, которому **“молился Федор Иванович”**, был списком иконе Богоматери Казанской Ярославской.

Вторая часть описи домового храма Ф. И. Михалкова, помещенная на обороте листа с перечнем икон, озаглавлена: **“Книги у Николы Чудотворца”**. Вообще, продолжать любой текст на обороте документов на столбцовых листах в то время было не принято. Ведь такие листы в процессе делопроизводства подклеивались в собственно **“столбец”** – свиток, и читать на его обороте было неудобно. Но для не крупного поместно-вотчинного хозяйства, где большие дела не формировались, могли писать и на обороте, зачастую используя для черновиков старые документы. Для данной описи, носящей вовсе не черновой, а белой важный учетный характер, такая экономия бумаги может быть объяснена просто ее дефицитом, как раз в период Смутного времени.

²³ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Л., 1973. С. 95–148.

²⁴ См. об этом **“Слове”**: Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. S. 209–219.

Как уже отмечалось, определяет нижнюю дату всего документа включенная в опись **“Миния печатная, опшшая”**, которая издавалась в Москве в 1600 и 1609 гг. (верхнюю – пострижение и смерть Ф. И. Михалкова – 1615 г.). Она отмечена среди **“Книг на престоле”** в Никольской церкви, составлявших полный богослужебный комплекс – приспособленные для службы Ветхозаветные и Новозаветные тексты: Псалтырь (обычная и “следованная” – с дополнительными текстами, в том числе календарно-астрономическими), Евангелие, Апостол, – и специальные тексты: две Триоди, Шестоднев (сокращенный Октоих) и Служебник. **“Апостал печатной”** издавался в Москве в 1564, 1597, 1607 гг. (следующий раз уже в 1621 г.). Следовательно, остальные книги на “престоле” были рукописные, хотя Псалтырь, Триоди (Постная и Цветная) и Служебник в конце XVI – начале XVII в. в Москве также издавались.

Но, конечно, особый интерес представляет опись остальных рукописей в домовом храме Николая Чудотворца Федора Ивановича Михалкова, имеющая оригинальный характер не только по их содержанию, но и по форме. Вначале описаны две рукописные книги под заголовками: **“Книга Жития святых”**. Как это было принято в описях древнерусских библиотек, они охарактеризованы по начальному произведению, первый – **“...в начале Смоленских и Ярославских чудотворцов”**; второй – **“...в начале Марии Египетские”**. Следовательно, можно предположить, что рукописи представляли собой сборники житий, первый – русских, а второй – византийских святых. В первом случае речь, несомненно, идет о “Житии благоверных князей Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина, Ярославских чудотворцев” (память которых 19 сентября, поэтому данный текст и открывал сборник) – их образ был в Никольской церкви. Память популярной на Руси Марии Египетской – 1 апреля, но ее житие могли поместить в начале храмовой рукописи, поскольку оно предназначалось не только для домашнего чтения, но и для чтения при особом богослужении четверга пятой седмицы Великого поста (народное название – “Марьино стояние”) вместе с пением Великого покаянного канона Андрея Критского.

Следующий сборник также озаглавлен **“Жития святых, в начале Еупракс[ии]”**. Прежде чем высказать предположение, о какой святой Евпраксии идет речь, следует остановиться на указанной форме этого сборника – **“тетрати”**. Следовательно, этим термином подчеркивалось, что рукопись не имеет твердый переплет, а состоит из отдельных тетрадей, возможно, и как-то скрепленных. Всего в описи отмечено пять рукописей в “тетрадах”, причем в описании еще одного житийного сборника – **“Жития святых, в начале святаго апостола Фомы”** – добавлено **“тетрати без кожи”**. Выше, при комментировании образов, уже отмечался тот факт, что имеющиеся рукописи канонов Василию Блаженному и Богородице Казанской, представленные в отдельных тетрадах, как раз могут говорить о том, что данные тексты были недавно (в конце XVI в.) составлены и не были включены в богослужебные сборники.

Непереплетенные книги “в тетрадах” (причем объемные) иногда встречались и в крупных библиотеках того времени. Так, в описи 1620 г. распродажи в Москве книг промышленника Н. Г. Строганова (ум. 1618 без потомства), которой руководил боярин Б. М. Салтыков (троюродный племянник Ф. И. Михалкова), отмечены две “книги” – два сборника сочинений Максима Грека “в тетратех”, про одну книгу специально отмечено – “не переплетена”. Известно, что труды опального при

Иване Грозном ученого монаха стали активно копироваться в конце XVI в., когда формировалась библиотека Н. Г. Строганова. Интересно, что указание описи 1620 г. “15 тетрадей канонных письменных, цена 10 денег проданы ключнику Богдану Хомутову” позволяет уточнить наше предположение, что 12 канонных, описанных после других книг Ф. И. Михалкова, также представляют собой отдельные тетради, удобные для держания в руках при богослужении²⁵. Процесс сочинения в подобных тетрадях новых песнопений канонизированным в конце XVI в. русским святым и составление из них черновиков будущих сборников можно видеть в уникальном комплексе – библиотеке-архиве государевых певчих дьяков конца XVI – первой половины XVII в.²⁶

Можно сделать вывод, что в домовая церковь Ф. И. Михалкова собирались новые агиографические и служебные тексты, преимущественно связанные с образами, отражающими поминальную традицию его семьи. Безусловно, это делалось и с определенным личным участием самого воеводы, хотя значительную часть своей жизни он провел в походах. Возникает вопрос: с какой целью была составлена данная опись и кто мог быть ее составителем? Совсем не исключено и участие самого Федора Ивановича, хотя он и упомянут в заголовке в третьем лице. В связи с этим следует обратить внимание на наличие в тексте ряда повторяющихся странных ошибок: буква “в” пишется вместо “с”, “ь” вместо “ы” и т.д. Профессиональный писец вряд ли бы их сделал, хотя в целом скоропись уверенная и четкая.

Возвращаясь к комментарию содержания тетрадей с Житием Евпраксии, можно сделать следующие предположения. В Великие Чети Миней под 25 июля включен пространственный текст (более 10 л. с об. в большой лист) славянского перевода Жития Евпраксии Константинопольской (ум. 413). Но учитывая, что в церкви Ф. И. Михалкова в тетрадях собрались новые памятники, то возможно, это редкий текст, связанный с русской св. Евпраксией. Наиболее известна из них мученица княгиня Евпраксия Зарайская (ум. 1237, память 10 июня в Соборе Рязанских святых). Ее почитание связано с образом Николая Зарайского и Повестью, ему посвященной, куда входит Сказание о разорении Рязани Батыем. Отдельное житие неизвестно.

Другой русской княгиней, жившей в то же время, была благоверная прмц. Евпраксия Псковская (убита в 1243 г., сразу проявились ее чудеса, память в 3-ю Неделю по Пятидесятнице). Ее отождествляли с преп. княгиней Ефросиньей Псковской, приписывали Евпраксии имя Ефросиния до пострижения. Существуют их совместные иконы, но позднейшего времени. Имя Ефросиния носила жена Ф. И. Михалкова, но житие Евпраксии-Ефросинии Псковской также неизвестно.

Наконец, в конце XVI в. в Москве, в связи с основанием Зачатьевского монастыря, началось почитание преп. Иулиании и Евпраксии – настоятельницы и старицы стоявшего на этом месте Алексеевского монастыря; обе они считались сестрами московского митрополита Алексия. Они были похоронены в особой церкви, где им, очевидно, служились специальные молебны. Но их житие составлено только к прославлению в 2001 г., хотя чудеса, записывались с XIX в.

²⁵ Опись библиотеки Н. Г. Строганова 1620 г. / Подгот. Н. А. Мудрова, Б. Н. Морозов. Екатеринбург, 1991. С. 51, 52, 54, 56, 58.

²⁶ Морозов Б. Н. Библиотека-архив государевых певчих дьяков конца XVI – первой половины XVII в. // Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. М., 2008. С. 428–445.

К известным памятникам северной агиографии относится **“Преподобному Сергию Вологодскому, канун (с) житьем”**. Сергей Нуромский и Обнорский (ум. 1412, память 7 октября), ученик преп. Сергия Радонежского, друг и собеседник Павла Обнорского и Комельского чьему образу молился Ф. И. Михалков. Опять же, в его церкви тексты о Сергии Нуромском были представлены в тетрадах, поскольку его канонизация была проведена в 1580-е гг.

Поминать других многочисленных православных святых в церкви Николая Чудотворца могли по расширенному Месяцеслову – **“Свящци с тропари и кондаки”**, помещенному в сборнике с Часословом и еще одним текстом, описание которого зачеркнуто. Другая специальная богослужбная рукопись названа **“Книшка, а в ней Водосвещение, да часи (!) на Рожество Христово”**. Слово “книжка”, очевидно, означает, что это рукопись небольшая, возможно, форматом в восьмую долю листа. Также книжкой назван сборник с Каноном иконе Знамение (о нем см. выше).

Таким образом, в рассмотренной описи, вторая книжная часть которой является ранним памятником отечественной библиографии и археографии, отразилась заметная традиция Михалковых в поминании членов рода, а также их определенная письменная, книжная культура. Ведь еще прадед воеводы начала XVII в. Федора Ивановича Михалкова, переяславский вотчинник Федор Иванович Михайлов-Михалков, в конце XV в. мог собственноручно подписать акт в качестве послуха²⁷. Неслучайно его младший сын Тимофей Федорович стал дьяком, а правнуки завели типографию в Кремле. Через несколько столетий потомок воеводы – помещик-библиофил – будет сохранять и разбирать родовой архив, а еще через сто лет его потомок писатель продолжит его начинания, в результате которых станет известен и этот редкий документ.

Приложение

(л. 128) **Образов во храму в Николе Чудотворце – молится Федор Иванович**

Образ Спасов, обложен серебром, с правою руку Пречистая Богородица²⁸, серебром обложен.

Образ Пречистая Богородици, на празелени.

Образ Рожество Христово, на золоте.

Образ Благовещение, на зо(лоте)²⁹.

Образ Василей Кисариски[й] да Василей Блаженный, на золоте.

Образ Михаил Архангил, на золоте.

Образ Илья Пророк, на золоте.

Образ князь Михаил Черниговской и боярин (е)го Федор, с левою руку Спасова Образа.

Образ Пречистая Богородици Знамение³⁰, обложен серебром.

Образ Пречистая Богородици Казаньския, в киоте.

Образ Воскресение Христово, на золоте.

²⁷ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 617. С. 529, 530. Факсимильное воспроизведение грамоты: *Морозов Б. Н.* История рода Михалковых. С. 39.

²⁸ Далее до конца строки одно (?) слово стерто и следующие два слова – “серебром облож(ен)” – были написаны также по стертому на следующей строке и, из-за нехватки места, второе слово было сокращено.

²⁹ Написано над строкой, не дописано.

³⁰ Слово написано по стертому, в конце строки его часть “Зна”, а следующая часть “мение” на следующей строке, причем в ее начале осталась не стертая буква “с”.

Образ Богоявление, на золоте.
 Образ Сергей преподобной, на золоте.
 Образ Петр³¹ митрополит, на золоте.
 Образ преподобной Варми (?)³², серебром обложен.
 Образ Ярославские чудотворцы, на золоте.
 Образ Никола Чудотворец Можайской, серебром обложен.
 Образ Егорей Стратотерпец, на золоте.
 Образ Фрол и Лавер, на золоте.
 Образ Федор Стратилат, на золоте.
 Образ Борис и Глеб, на золоте.
 Образ преподобной Аврамей да Ефремей, на празелени.
 Образ мученик Мерьюрей, преподобная Еуфросинья, на празелени.
 Образ Рождество Пречистая Богородица³³, на празелени.
 Образ Положения риз Пречистыя Богородицы, на празелени.
 Образ Успение Пречистыя Богородицы, на празелени.
 Образ Иван Богослов, на празелени.
 Образ славные (?)³⁴, серебром обложен.
 Образов четыре деянием³⁵.
 Образ Спасов, на празелени.
 Пречистыя Богородица, на празелени.
 Другая Пречистая, на празелени.
 Иван Предотеца, на празелени.
 Образ Николы Чудотворца месной с чедел (?)³⁶, на золоте
 Образ Никона Чудотворца, серебром обложен, з гриввьнами³⁷.
 Образ на плач Пречистыя Богородицы, на золоте.
 Образ преподобный Федор Секиот, преподобная Еуфросинья, иные альнал (?)³⁸, на золоте. //

(л. 128 об.) Образ преподобные Изосима и Саватий, на празелени³⁹.
 Образ многих⁴⁰ святых на золоте.
 Четыре образа Дмитрий Прилуцкий, на золоте всеи.
 Два Николы Чудотворца, на золоте⁴¹.
 Два образа преподобный Павел Обьнорский, на празелени.
 Образ Пречистыя Богородица, на золоте.
 Образ святии мученицы, серебром обложен⁴².

³¹ Буква “ь” в конце слова написана как “ы”.

³² Так в рукописи. Последняя буква “и” написана крупно поверх первоначальной буквы “а” (?). Слово “преподобной” приписано сверху. Писец мог написать “в” вместо “м” – см. примеч. 40, 47.

³³ В конце слова буква “и” исправлена на “а”, или наоборот.

³⁴ Так в рукописи. Но возможно чтение выносной “в” как “д” – “славные” – складные?

³⁵ Так в рукописи. Без указания краски основы.

³⁶ Так в рукописи.

³⁷ В рукописи: “з риввьнами”, после второго “в” зачеркнуто “нь”.

³⁸ Так в рукописи. Буквы “на” замазаны. Возможно, имелось ввиду: “аггелы”.

³⁹ Это и следующие описания икон расположены в конце л. 128 об. после описи книг, которая отделена от них орнаментальным знаком в виде креста с загнутыми краями и четырьмя точками-чертами по краям. Этот знак можно рассматривать и как знак вставки данного текста в основную опись икон на л. 128. Перед этим первым описанием было стерто: “Образ ... на золоте”.

⁴⁰ В рукописи: “вних”, см. примеч. 32, 47.

⁴¹ Далее одно слово замазано.

⁴² Все описание написано по левому полю, по вертикали листа.

Книги у Николы Чудотворца

На престоле:

Евангелъе. Да Апостал печатной. Да Миния печатная, опъшая⁴³. Да Псалтыря⁴⁴ следованьем. Другая рядовая. Да Треоть Посная. Да другая Цветная. Да Шестоднев. Да Служебник. Да книга Житья святых, в начале Смоленских и Ярославских чудотворцов. Да другая книга Жития же святых, в начале Марии Египетские. Да тетрати Жития святых⁴⁵, в начале Еупракс[ии]⁴⁶. Да тетрати преподобному Сергию Вологоцкому, канун (с) житьем. Да книшка, в ней Канун Знаменью Пречистой Богородице, да другой Варламию Хутыньскаго чудотворца, да Федору Стратилату. Да тетрати Канун Василию Блаженому. Да книга Часослов, свящци⁴⁷ с тропари и кондаки, в ней же ...⁴⁸. Да тетрати Канун Пресвятыя Богородице в Казани и явление ... сово⁴⁹. Да тетрати без кожи⁵⁰ Жития святых, в начале святаго⁵¹ апостола Фомы⁵². Да книшка, а в ней Водосвешение, да часи на Рожество Христово.

Кануны писаны, кои есть на Владычны праздники
и нарочитым святым⁵³

Канун Чесному и Животворящему Кресту. Канун на Рожество Христово. Канун на Богоявление. Канун безмизником⁵⁴. Канун исповеднику. Канун уродивым Христа ради. Канун Ивану Предестечи⁵⁵. Канун архангилом. Канун святым⁵⁶ отцем. Канун Ивану Суздольскому чудотворцу. Канун Федору Суздольскому чудотворцу. Канун Еуфимию Суздольскому чудотворцу⁵⁷.

РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 128–128 об.

⁴³ Приписано над строкой.

⁴⁴ Вместо буквы “ы” написана буква “ь”.

⁴⁵ Вместо буквы “ы” написана буква “ь”.

⁴⁶ Все описание написано коричневыми чернилами (в отличие от первой половины текста на этом листе – черными чернилами) по стертому (?). Начиная с окончания слова “святым” текст написан над строкой, конец последнего слова плохо читается.

⁴⁷ В рукописи: “всящци”, см. примеч. 32, 40.

⁴⁸ Далее весь текст на листе написан коричневыми чернилами, в том числе слово, завершающее это описание, которое зачеркнуто – “д. . .ну”.

⁴⁹ Значение слова, достаточно четко читающегося, непонятно (что характерно и для ряда слов в данной описи). Кроме того, перед ним (между двух слов) вписана буква, возможно, читающаяся как “и”. В качестве гипотезы можно предположить чтение: “и с(л)ово” (см. выше в тексте).

⁵⁰ В рукописи: “без с кожи”, буква “з” выносная, т.е. писец сначала написал “бес кожи”.

⁵¹ Это слово и, возможно, следующее написаны по подчищенному (чернила более “жирные”).

⁵² Вместо буквы “ы” написана буква “ь”, а в конце слова – всего описания – буква “и”.

⁵³ Вместо буквы “ы” написана буква “ь”.

⁵⁴ Так в рукописи. “Безмездником”.

⁵⁵ Так в рукописи.

⁵⁶ Вместо буквы “ы” написана буква “ь”.

⁵⁷ Далее до конца листа идет текст описания икон, см. примеч. 39.

Н. А. Комочев

НЕМЕЦКИЕ ГРАМОТЫ XVI–XVIII ВВ. В СОБРАНИИ ГПИБ

В собрании Государственной публичной исторической библиотеки России хранится коллекция из шестнадцати немецких грамот XVI–XVIII вв.¹ Материалы по своему происхождению относятся к двум документальным комплексам: пять грамот касаются привилегий ремесленным корпорациям г. Легницы (Нижняя Силезия), одиннадцать представляют собой часть родового архива баронов Экшtedтов (Померания). Настоящая работа посвящена описанию данного собрания².

*Привилегии цеховым ремесленникам г. Легницы XVI–XVII вв.*³

Легница (пол. Legnica, сил. Lignica, нем. Liegnitz), расположенная на юго-западе современной Польши – один из старейших городов Нижней Силезии, с XII в. была столицей Легницкого герцогства⁴. Несмотря на вхождение с 1526 г. в монархию Габсбургов, легницкая династия продолжала существовать до второй половины XVII в. После смерти последнего из герцогов, Георга IV Вильгельма⁵ (1675), герцогство в составе земель Чешской короны перешло к Священной Римской империи под управлением австрийских Габсбургов. В 1742 г. Мария-Терезия передала

¹ Автор благодарит главного библиотекаря ЦСПИ ГПИБ Николая Анатольевича Зеленьяк-Кудрейко за возможность работы с документами и ценные указания. Сделанное им в начале 2010-х гг. описание грамот для печатного каталога собраний ГПИБ, насколько нам известно, до сих пор остается неопубликованным.

² Практически единственным руководством по дипломатике немецких документов рассматриваемого времени на русском языке является фундаментальный труд: *Таценко Т. Н.* Немецкие территориальные государства XVI в. в документах Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. СПб., 2017. См. также немецкие руководства: *Meisner H. O.* Aktenkunde. Ein Handbuch für Archivbenutzer mit besonderer Berücksichtigung Brandenburg-Preußens. Berlin, 1935; *Idem.* Urkunden- und Aktenlehre der Neuzeit. 2-te Aufl. Leipzig, 1952; *Schmid G.* Aktenkunde des Staates. Potsdam, [1959]. Teil I–II и др.

³ Краткий обзор см. также: *Комочев Н. А.* Привилегии ремесленным корпорациям г. Легницы (по материалам грамот из собрания ГПИБ) // Чертковские чтения. Материалы первой научн. конф. 26–27 сентября 2011 г. М., 2012. С. 266–274; *Он же.* Грамота герцога Кристиана о привилегиях ткачам и суконщикам Легницы. Июнь 1668 г. // ИА. 2012. № 6. С. 162–175.

⁴ Об истории Легницы см.: *Meißner J. G.* Kurze Beschreibung von Schlesien. Liegnitz, 1795. S. 295–313; *Liegnitz: 700 Jahre eine Stadt deutschen Rechts* / Hrsg. von T. Schönborn. Breslau, 1942. Анализ изданий легницких актов раннего времени: *Jurek T.* Schlesische Urkundenbücher und Schlesisches Urkundenbuch – Geschichte und Perspektiven der Urkundenpublikationen zu Schlesien // Regionale Urkundenbücher. Die Vorträge der 12. Tagung der Commission Internationale de Diplomatique (Nöla. Mitteilungen aus dem Niederösterreichischen Landesarchiv. Bd. 14) St. Pölten, 2010. S. 162–179. Легницкие акты до 1455 г. изданы: *Urkundenbuch der Stadt Liegnitz und ihres Weichbildes bis zum Jahre 1455* / Hg. von F. W. Schirrmacher. Liegnitz, 1866. Для раннего периода истории Силезии см. также: *Tzschoppe G. A., Stenzel G. A.* Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte und der Einführung und Verbreitung deutscher Kolonisten und Rechte Schlesien und der Ober-Lausitz. Hamburg, 1832.

⁵ Здесь и далее за основу нами взяты немецкие транскрипции имен. Для идентификации географических объектов, упоминаемых в грамотах, полезен справочник: *Verzeichniß aller im Herzogthum Schlesien preußischen Antheils und der Grafschaft Glaß befindlichen Städte, Marktstecken und Döfner.* Brieg, 1797.

Силезию Пруссии. В составе Германии эта территория была до конца Второй мировой войны, а в 1945 г. перешла Польше⁶.

Рассматриваемые грамоты на немецком языке выданы от имени герцогов – представителей правившей в Легнице династии Силезских Пястов. Основателем интересующей нас старшей ветви был Владислав II Изгнанник⁷, его сын Болеслав (ум. 1201) был уже князем Легницы. Потомки Болеслава в десятом и последующих коленах – герцоги, фигурирующие в грамотах. Они принадлежат к последним правителям династии, которая прервалась после смерти Георга IV Вильгельма в 1675 г.⁸

Все грамоты касаются привилегий ремесленных цехов города Легницы⁹.

1. 1630 декабря 30. – *Привилегия герцога Георга Рудольфа легницкой корпорации суконщиков* (“*Tuchmacher*”).

На одном листе пергамена, имеющего размеры: по верхнему краю 660 мм, по нижнему – 658 мм, по правому – 422 мм, по левому – 418 мм. Пергамен складывался в несколько раз, имеются следы двух вертикальных и двух горизонтальных сгибов. Нижняя часть листа (шириной по левому краю 77 мм и по правому – 72 мм) отогнута для прикрепления печати. Текст составляет 37 строк без учета расположенных ниже подписей и расположен в форме ровного прямоугольника, оставляющего поля шириной слева 57 мм, справа – 34–36 мм. Верхнее поле до высоты верхней строки составляет 35 мм, нижняя строка вплотную подходит к сгибу пергамена.

Текст написан одним почерком темно-коричневыми чернилами, средняя длина и высота букв составляет 2 мм. Первая строка, содержащая основной титул герцога¹⁰, написана парадным шрифтом, средняя высота букв строки составляет 10 мм, ширина – 5 мм. При этом первая буква (“V”) – инициал с росчерками, выходящими на поля рукописи. Внутри инициала просматривается хризмон в виде креста, оплетенного волнистой змейкой. Вторая строка написана курсивом, буквы также

⁶ Об источниках по истории Легницы XV–XVII столетий см.: *Thebesii G. Liegnißische Jahrbücher, worinnen so wohl die Merckwürdigkeiten dieser Stadt, alß auch die Geschichte der piastischen Hertzoge in Schlesien...* Jauer, 1733. О политической и культурной истории Силезии в XV–XVII вв.: *Geschichte Schlesiens / Hg. von L. Petry, J. J. Menzel, W. Irgang. St. Michael, 1983. Bd. 1. S. 284–303; Bartsch H. Geschichte Schlesiens. Land unterm schwarzen Adler mit dem Silbermond: seine Geschichte, sein Werden, Erblühen und Vergehen. Würzburg, 1985. S. 87–147. Свод общих законодательных актов, действовавших в Силезии в XVI–XVII вв., см.: *Kayser- und Königl. das Erbherzogthum Schlesien concernirende privilegia, statuta und sanctiones pragmaticae. Breßlau, 1731. Об отношениях Силезии с Пруссией: Exposition fidele, des droits incontestables de la maison royale de Prusse...sur plusieurs principautés duchés et seigneuries de la Silesie. S.l., 1740.**

⁷ Его мать была дочерью киевского великого князя Святополка II Изяславича.

⁸ Последним мужчиной из рода Пястов был легницкий граф Август (1627–1679), дядя Георга Вильгельма. По женской линии род пресекался со смертью сестры Георга Каролины Легницкой (ум. 1707), жены герцога шлезвиг-гольштейн-зондербург-визенбургского Фридриха.

⁹ Из работ по истории ремесла и городов в раннее новое время см., например: *Dascher O. Das Textiltgewerbe in Hessen-Kassel von 16. bis 19. Jh. (Veröffentlichungen der Kommission für Hessen und Waldeck. Bd. 28). Marburg, 1968.; Schichtung und Entwicklung der Gesellschaft in Polen und Deutschland im 16. und 17. Jahrhundert: Parallelen, Verknüpfungen, Vergleiche / Hrsg. von M. Biskup, K. Zernack. Wiesbaden, 1983; Bräuer H. Gesellen im sächsischen Zunft Handwerk des 15. und 16. Jahrhundert. Weimar, 1989; Schilling H. Die Stadt in der frühen Neuzeit. München, 1993.*

¹⁰ “Von Gottes Gnaden Wir George Rudolff, Hertzog in Schlesien zur Liegnitz, Brigg undt Goldberg, Röm. | Kay. May[s]t. Geheimer Rats undt Kämmerer”. Разделение первой и второй строк здесь и далее показано вертикальной чертой, в круглых скобках приведены буквы, вводимые при раскрытии сокращений, в квадратных скобках указаны восстановленные (дополненные) буквы, пропущенные в оригинале.

несколько увеличены по сравнению с основным текстом: высота 3 мм, ширина – 2 мм. Таким же курсивом написаны отдельные слова в тексте, в том числе обозначающие тематические разделы. На обороте грамоты отчетливо видно, что проводилась разлиновка листа пергамена острым металлическим предметом.

Печать прикреплена на шнурке, проходящем в двух местах насквозь через пергамен в месте сгиба листа внизу, затем через печать и выходящем также двумя концами. Шнур толщиной 5 мм по цвету полосатый (светло-коричневый и белый), на концах расщеплен в виде кисточек. Печать представляет собой слепок желтого воска с обломанными краями толщиной 15 мм (материковая часть¹¹). В середине слепка на лицевой стороне углубление, залитое красным воском, в котором находится оттиск печати диаметром 67 мм и толщиной 1,5 мм (штемпельная часть).

Оттиск на печати представляет собой герб на четверчастном щите вырезанной (германской) формы. Изображения на щите симметричны: два верхних сегмента заполнены изображениями орла с поднятыми крыльями и шахматного квадрата, два нижних – шахматного квадрата и орла. Над щитом расположены три шлема. Первый из них (правая геральдическая сторона) увенчан сидящей птицей с поднятыми крыльями, изображенной в профиль. Второй шлем завершает павлин с распущенным хвостом в круге. Третий – головной убор (?) в форме обращенного вниз треугольника с шахматным узором. Вокруг щита и шлемов в изобилии изображены цветы¹². Текст на печати идет по краю в направлении по часовой стрелке. Буквы частично утрачены из-за обломанного края, но подлежат восстановлению по смыслу: “+ V(ON). G(OTTES). GN(ADEN). GEOR[G RUD]OLPH HERCOG IN SCHLESIIEN ZUR LIGNICZ VND BRICG”.

На лицевой стороне грамоты на отвороте имеется трудно различимая надпись карандашом из четырех слов, уверенно читается только последнее: “Gesch... v. Gotlieb Berger”. Ниже записи в правом углу – печатная наклейка с цифрой “5”. На обороте грамоты в центре листа имеется запись черными чернилами: “Tuchmacher Privilegium”, внизу красными чернилами: “№ 689”. В верхней части листа – штамп ГПИБ (№ 70472, 1997 г.) и запись инвентарного номера (ОИК-371 рук).

II. 1659 февраля 7. – Грамота герцога Людвига цеху легницких ткачей и суконщиков (“Leinwehber-Parchner-und Tüchnerzunft”) на подтверждение привилегии герцога Георга Рудольфа от 7 февраля 1651 г.¹³. с включением текста подтверждаемой грамоты.

Грамота представляет собой тетрадь на четырех листах, полученную путем складывания пополам двух скрепленных шнуром печати пергаменных листов. Размеры по лицевой стороне (в сложенном виде): по верхнему краю 283 мм, по нижнему – 272 мм, по левому – 338 мм, по правому – 340 мм. Размеры разворота следующие: по верхнему краю 540 мм, по нижнему – 539 мм, по левому – 335 мм, по правому – 337 мм. Грамота имеет следы неровного сгиба по горизонтали.

Печать прикреплена на шнурке, который проходит по корешку грамоты с лицевой и с оборотной сторон. Шнур имеет толщину 3 мм, по цвету полосатый (светло-коричневый и белый). Оттиск красновосковой печати окружен слепком

¹¹ Терминологию см.: *Кашианов С. М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // ПИ. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 205.

¹² См. изображение описанного нами герба на щите вырезанной (германской формы), относящееся к XIV в.: *Thebesii G. Liegnißische Jahrbücher...* Teil 2. Вклейка на С. 130, первое снизу изображение.

¹³ Отметим характерную традицию подтверждать грамоту тем же числом, каким помечена предыдущая.

желтого воска, слепок в свою очередь помещен в круглый деревянный корпус. Два конца шнура, выходя из корешка грамоты, проходят через корпус для печати и выходят из него наружу. Корпус выточен на токарном станке, содержит рельефные элементы, его общий диаметр – 125 мм при толщине 32 мм. Диаметр красновосковой печати 70 мм. Изображение на печати соответствует ранее описанному с теми отличиями, что герб помещен в данном случае в овальном щите, а павлин с распущенным хвостом не помещен в круг. Круговая надпись на печати следующая: “V(ON). G(OTTES). G(NADEN). LUDWIG HERZOG IN SCHLESISIEN ZUR LIEGNIZ BRIEG VND GOLDBERG”.

Текст грамоты начинается со второго листа. На лицевой стороне первого листа внизу имеется запись красными чернилами “XI 109”. Здесь же в верхней части страницы запись карандашом инвентарного номера (“ОИК-369 рук”) и штамп ГПИБ (№ 70493, 1997 г.) На обороте первого листа имеется бумажная наклейка прямоугольной формы со скошенными углами. Текст наклейки более поздний, чем текст грамоты. Несколько слов написано неразборчиво: “... den Herrn Otto Peter Liegnitz von der ... Zit. XI. № 109”. На последнем листе, содержащем текст (л. 4) внизу имеется мелкая запись: “Confirmation der Leinweber Züchner und Parchner Privilegii”.

Публикацию текстов обеих грамот по более позднему списку (с учетом разночтений) на языке оригинала и в переводе на русский см.: *Комочев Н. А.* Грамота герцога Кристиана о привилегиях ткачам и суконщикам Легницы. Июнь 1668 г. // *ИА.* 2012. № 6. С. 162–175.

III. 1668 июня 22. – Привилегия герцога Кристиана цеху легницких ткачей и суконщиков с включением текстов грамот герцогов Людвига от 7 февраля 1659 г., Георга Рудольфа от 7 февраля 1651 г., Фридриха I 1482 г., Фридриха II 1520 и 1521 гг.

Тетрадь на шести листах, составленная из сложенных в два раза трех пергаменных листов. Размеры грамоты в сложенном виде: по верхнему и нижнему краям – по 290 мм, по левому и правому – по 383 мм. Размеры разворота листов по верхнему и нижнему краям – 580 мм, по левому и правому – по 385 мм.

Красно-белый шнур печати проходит через весь корешок грамоты с лицевой и с оборотной сторон. Крепление печати соответствует вышеописанному – красновосковый оттиск помещен в оболочку желтого воска, а тот, в свою очередь, в деревянный корпус. Диаметр корпуса составляет 110 мм при толщине 34 мм. Оттиск печати имеет овальную форму, его размеры по осям симметрии 50 мм (высота) и 45 мм (ширина). Изображение на печати при меньших размерах соответствует предыдущему. Текст на печати: “+ D(EL). G(RATIA). CHRISTIANUS DUX SILESIAE LIGNICENSIS BREG ET WOLAW”.

На последнем листе, содержащем текст (л. 6) внизу имеется запись: “Confirmation den Ligl. Leinweber und Zücher Zunft...” (далее текст залит). На л. 2 в нижнем правом углу наклеена печатная цифра “8”, рядом сделана запись карандашом “1668”. На первом листе (пустом) стоит штамп ГПИБ (“№ 70491, 1997 г”). Запись инвентарного номера (ОИК-370 рук) сделана на л. 6 об.

С точки зрения дипломатики грамоту можно отнести к подтвердительным видимусам (*vidimus confirmatif*) или иначе транссумптам (*Transsumpt*), включающим тексты подтверждаемых грамот и содержащим соответствующие удостоверительные формулы¹⁴.

¹⁴ См.: *Vocabulaire international de la diplomatie* / Ed. M. Milagros Cárcel Ortí. València, 1997. P. 34–35.

Грамота опубликована на языке оригинала и в переводе на русский: *Комочев Н. А.* Грамота герцога Кристиана о привилегиях ткачам и суконщикам Легницы. Июнь 1668 г. // ИА. 2012. № 6. С. 162–175.

IV. 1673 июня 30. – Привилегия герцогини Луизы¹⁵ корпорации легницких пивоваров.

Грамота представляет собой бумажную тетрадь без переплета на 14 листах. Ее размеры по верхнему и нижнему краям – 217 мм, а по левому и правому – 333 мм.

После окончания текста на л. 13 имеется красновосковый оттиск печати под бумажной кустодией ромбовидной формы. Шнур красно-белого цвета проходит через грамоту и идет вдоль корешка тетради. Оттиск печати круглой формы имеет диаметр 50 мм. Герб на печати (на щите) значительно более усложнен по сравнению с описанными ранее гербами легницких герцогов и включает не менее 10 элементов. Основой является чередование одноглавых орлов и шахматных квадратов. Вместо трех шлемов над гербом, как было на более ранних печатях, в данном случае шлемов шесть. На первом в профиль изображена птица с поднятым крылом, на втором – павлин с распущенным хвостом в круге, на третьем – украшение треугольной формы с шахматным рисунком, на четвертом – корона, на которой сидит медведь (или собака), изображенный в короне и с ошейником, на пятом – две перекрещенные поднятые руки с факелами в форме рожков, на шестом – корона, на которой помещен головной убор (?) лучевой формы (в виде колосьев).

Текст на печати следующий: “V(ON) G(OTTES) G(NADEN) LOUISE. HERZ(OGIN). I(N). S(CHLEZIEN). ZV. LIG(NITZ). BR(IEG) V(ND) WOL(AU) GEB(OHRENE) F(ÜRSTIN) Z(U) ANH(ALT). WIT(TENBERG). OBER VOR M(ÜNDERIN) VND. V(OR). REGENTIN”.

На бумаге имеется филигрань из двух частей. Первая из них – герб легницких герцогов (?) в четырехчастном щите (просматривается на лл. 1, 5, 8, 9, 11, 12, 13), вторая – герб города Легницы (?) – два перекрещенных ключа на щите вырезанной формы, увенчанном крестом (л. 2, 3, 4, 6, 7, 10, 14).

Пометы на рукописи следующие. На л. 1 слева на поле имеется наклейка красного цвета с цифрой “660”, справа запись карандашом: “ОИК рук. ин. Б. Ф.”. Слева внизу штамп ГПИБ: “№ 70494, 1997 г.”, запись инвентарного номера имеется на л. 14 (“ОИК-360 рук”).

V. 1678 ноября 23. – Привилегия императора Священной Римской империи Леопольда¹⁶ корпорации легницких беретчиков, носочников и перчаточников.

Переплетенная тетрадь с обложкой на 26 листах, два из которых – форзацы. Форзацы бумажные, остальные листы тонкого пергамена. Размеры листа переплета: по верхнему краю – 286 мм, по нижнему – 283 мм, по левому – 319 мм, по правому – 312 мм. Размеры разворота: по верхнему краю – 554 мм, по нижнему – 550 мм, по левому – 310 мм, правому – 311 мм. Переплет обтянут пергаменом, на нем тиснение: в центре на лицевой стороне переплета овальный медальон, изображающий

¹⁵ Луиза, дочь Иоганна Казимира Ангальт-Дессаусского, с 1648 г. была женой легницкого герцога Кристиана. Выдача грамоты от ее имени показывает, что фактическое управления герцогством осуществляла именно герцогиня, хотя формально в это время правил ее сын, малолетний Георг Вильгельм.

¹⁶ Император Священной Римской империи Леопольд I Габсбург (1640–1705) в отечественной историографии более известен тем, что с его именем связано посольство в Москву 1661–1662 гг., деятельность которого была подробно описана Августином фон Мейербергом.

мужчину с длинными волосами в лавровом венке; медальон окружен рамками с цветочным орнаментом. Портрет в медальоне зачеркнут карандашом, под ним сделана карандашная запись: “Portrait Kaiser Leopold I”. Над портретом надпись черными чернилами: “Tit. V”, ниже наклеена печатная цифра “9”. Из четырех завязок уцелели две – верхняя на первой обложке и нижняя на последней. Завязки выполнены из ткани желтого цвета.

Шнур от печати имеет толщину 3 мм. Он проходит вдоль всего корешка грамоты с внутренней стороны. На этом участке цвет шнура черно-желтый, ниже цвет становится красно-белым. Печать красного воска с оттиском диаметром 105 мм помещена в деревянный корпус диаметром 138 мм и толщиной 25 мм. На печати изображен двуглавый имперский орел с раскрытыми крыльями, увенчанный короной. На груди у орла щит вырезанной формы также с короной. Изображение на щите плохо просматривается из-за слома печати. На шее у орла орденовая цепь, над плечами буквы “S” и “B”. Вокруг тела орла расположены 6 территориальных гербов. Текст на печати (с учетом утраченных мест) следующий: “+ LEOPOLDUS D. G. ... RO...GER HUNG BO... REX ARCHIDUX AVST DUX BURG MARH MORAI LUCEM AC SYLES DUX MARCHIO LUS”¹⁷.

Сама по себе выдача ремесленникам подтверждающей грамоты от имени Габсбургов представляется в качестве необходимой процедуры после окончательного формального вхождения Легницы в состав империи. В основе содержания грамоты – подтверждение акта герцога Людвига, основанного, в свою очередь, на грамоте Георга Рудольфа от 24 ноября 1641 г.

Таким образом, рассмотренные грамоты образуют три самостоятельных группы. Первая связана с привилегиями ткачам и суконщикам: грамоты Георга Рудольфа, Людвига и Кристиана. Грамота Кристиана, как самая поздняя из них, представляет собой в определенной степени итоговый документ, так как содержит тексты пяти предшествующих грамот, в том числе акты XV–XVI вв. Ко второй группе относится грамота герцогини Луизы пивоварам Легницы. Третья группа представлена грамотой императора Леопольда корпорации беретчиков, носочников и перчаточников, в которой приводятся более ранние документы.

***Грамоты из архива баронов Экштедтов XVI–XVIII вв.*¹⁸**

Бароны фон Экштедты (Eickstedt, Eickstädt, Eichstadt) – достаточно известный и разветвленный немецкий дворянский род. Документальные сведения о нем известны с начала XII в. Считается, что зарождение рода Экштедтов произошло в Саксонии, но наиболее заметная ветвь, с представителями которой связаны и рассматриваемые грамоты, издавна проживала в Померании. Как указывает исследователь истории рода, барон Карл Август Людвиг фон Экштедт, писавший в середине XIX в. – основная часть семейного архива померанской ветви рода Экштедтов сохранялась в Элемпенове (Elempenowes Archiv), а затем была перевезена в Гогенхольц (Hohenholz), часть документов сохранялась в земельном архиве Штеттина (Archiv

¹⁷ Leopoldus D(ei) G(ratia) [Electus] Ro[manorum Imperator], Ger(maniae), Hung(ariae), Bo[hemiae], Rex, Archidux Aust(riae), Dux Burg(undiae), Marh(io) Mora(viae), Dux) Lucem(burgiae) ac Syles(iae), Dux Marchio Lus(atiae).

¹⁸ Краткий обзор см. *Камочев Н. А.* Грамоты из архива баронов Экштедтов XV–XVIII веков // Вестник РГГУ: научный журнал. Серия “Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность”. М., 2015. № 2 (145). С. 112–118.

des Lehnshofes zu Stettin)¹⁹. Таким образом, главная часть архива содержалась в родовых резиденциях и доступ к ней имели почти исключительно родственники.

Основным доступным нам исследованием по истории рода Экштедтов является упомянутая книга К. А. Л. фон Экштедта. В ней подробно разобрана генеалогия рода, в том числе померанской ветви, и приведены тексты всех документов, которые были доступны автору. Приводятся здесь также заголовки грамот, известных ему только по упоминаниям и генеалогические сведения об отдельных представителях рода²⁰. В своем исследовании К. А. Л. фон Экштедт использовал более ранние работы: книгу И. И. Штейнбрюка 1801 г., также имевшего доступ к семейным архивам, и собрание актов рода, изданное в 1838 г.²¹. Материал двух названных книг был им переработан и дополнен. Некоторые экземпляры книги К. А. Л. фон Экштедта, предназначенные для родственников, были дополнены портретами, видами родовых владений и другими иллюстрациями²².

Упоминание некоторых из рассматриваемых грамот и публикация двух из них в названной книге (по копиям) свидетельствует о том, что документы из ГПИБ первоначально могли находиться в составе родового архива Экштедтов. При этом рассматриваемые нами подлинные грамоты К. А. Л. фон Экштедту были или неизвестны вовсе, или известны только по упоминаниям, копиям. Следовательно, данные источники уже давно, по крайней мере, ранее середины XIX в., были оторваны от родового архива Экштедтов.

Приступим к обзору грамот, следуя их хронологии. Из одиннадцати грамот семь представляют собой публичные акты, а четыре – частные. Все грамоты – подлинники на немецком языке, написанные на пергамене. Какие-либо шифры для рассматриваемых грамот в ГПИБ отсутствуют, поэтому мы обозначаем их в соответствии с действующей карандашной нумерацией (№ 3–13).

VI. 1578 апреля 19. – Грамота герцога Померании Эрнста-Людвига Вальтину фон Экштедту (Valtin von Eickstedt) на местечко Хольцес в Тёрникенбрухе без права охоты на красную и черную (кабаны) дичь²³, но с передачей двух повозок и 40 сажень леса и кустарника (для изгородей) из княжеских угодий.

Хронологически наиболее ранней грамотой из архива Экштедтов, сохранившейся в ГПИБ, является грамота герцога Померании Эрнста-Людвига Вальтину фон Экштедту, датированная 19 апреля 1578 г. (грамота № 3). В книге Экштедта она упоминается как отсутствующая и снабжена следующим заголовком: “Donation und gesamte Handbeschreibung von dem Herzog Ernst Ludwig von Pommern, für Baltin auf Damitzow, über einen Ort Holzes im Törnickenbruche, nemlich von dem Coblentzischen Bruche an, die Länge || hinauf bis auf den Grasweg bei dem Riesensteige, die

¹⁹ *Eickstedt C. A. L. Familienbuch des dynastischen Geschlechts der v. Eickstedt in Thüringen, Pommern, den Marken und Schlesien. Ratibor: Druck und Lithographie von V. Wichura in Ratibor, 1860. S. 297.* За указание данной книги выражаем признательность Н. А. Зеленьку-Кудрейко.

²⁰ В качестве дополнительного источника сведений о представителях рода Экштедтов в первой половине XVII в. отметим книгу Макса Бэра: *Bär M. Die Politik Pommerns während des dreißigjährigen Krieges. Leipzig, 1896.* Для локализации населенных пунктов и других географических объектов полезны ранние справочники: *Sundling J. P. Pommerisches Atlas oder geographische Beschreibung des Herzogthums Pommern. Potsdam, 1724; Oelrichs J. C. C. Zuverlässige historisch-geographische Nachrichten vom Herzogthum Pommern und Fürstenthum Rügen. Berlin, 1771.*

²¹ С этими двумя исследованиями нам не удалось познакомиться.

²² *Eickstedt C. A. L. Familienbuch... S. VI.* Очевидно, количество таких экземпляров было незначительным.

²³ Под “красной” дичью можно понимать медведей, оленей, лосей, под “черной” – кабанов и др.

Breite aber von dem Bache Jorckenitz bis wieder an die Heide, jedoch ohne die Jagt auf Hoch-und Schwarzwild, gegen Abtretung der ihm früher verschriebenen 2 freien Wagen Holz aus der Fürstlichen Heide und 40 Faden langen Holzes und nothdürftigen Zaunstrauchs aus Fürstlichen Heiden. Gesamthänder Alexander. 1578, 19 April. (Fehlt)²⁴.

Грамота написана на листе пергамена со следами складок (в 6 раз). Первая строка текста, содержащая начало герцогского титула, написана укрупненным и парадным шрифтом, с инициалом “V” и выделением заглавных букв слов первой строки. Размеры листа: по верхнему краю 442 мм, по нижнему – 439 мм, по левому 268 мм, по правому – 273 мм. Текст написан темно-коричневыми чернилами. В нижней части листа в середине – подпись имени герцога: “Ernestus Ludovicus manu p[ro]pria”. На отгибе в нижнем правом углу листа светло-коричневыми чернилами проставлена дата – “1578”. Имеется шнур от печати, представляющий собой пергаменный обрезок шириной 13 мм и длиной 130 мм. Он книзу раздваивается и в месте раздвоения обвязан веревочкой. Печать не сохранилась, но в тексте грамоты ее наличие упоминается (“Urkuntlich mit unserm hirunten anhangendenn Zugesigel...”). Текст на оборотной стороне грамоты имеется только на той части листа, которая в свернутом виде оказывалась сверху. Написан он довольно небрежно и сильно выцвел, практически не читается. Удастся прочесть только отдельные слова: “...Christoff Frederic...Eicksted...Coblentz d. 30ten Augu 1815”.

VII. 1579 апреля 30. – Грамота герцога Померании Эрнста-Людвига Вальтину фон Экиштедту на деревни Кобленц и Кругсдорф.

Касается тех же контрагентов, что и предыдущая (грамота № 4). Размеры: по верхнему краю – 642 мм, по нижнему – 645 мм, по левому – 400 мм, по правому – 398 мм. На печати красного воска просматриваются только отдельные буквы: “Ernestv...” Задняя сторона печати – простой желтый воск. Шнур широкий, изначально малинового цвета, выцветший до желто-коричневого. Рассматриваемая грамота – оригинал, в то время как К. фон Экиштедту документ был известен только по копии, имеющей в конце характерные подтверждающие записи, отсутствующие в оригинале. Заголовок, данный при первой публикации, следующий: “Lehnbrief von Herzog Ernst Ludwig v. Pommern für Baltin auf Damitzow, über Coblenz, in Folge und laut vorstehender Punctuation, ferner das Dorf Krugsdorf. Als nächster Gesamthänder wird Alexander beliehen; nach deren und ihrer männlichen Leibes-Lehnserben Abgang aber Hans und dessen Brüder, dergestalt, dass diese beiden Dörfer und ihre Zugehörungen an Hans und dessen männliche Leibes-Lehnserben alsdann allein verfallen, und erst auf den Fall, dass Hans keine männliche Leibes-Lehnserben verlassen sollte, auf dessen andere Brüder. 1579, 30. April”²⁵.

Текст опубликован по копии: *Eickstedt C. A. L. Op. cit. № 42. S. 348–353.*

VIII. 1579 мая 24. – Купчая о продаже братьями Фридрихом и Эрнстом Экиштедтами ряда наследственных владений.

По имеющейся нумерации – грамота № 5. Размеры: по верхнему краю – 663 мм, по нижнему – 645, по левому – 433, по правому – 452. Грамота интересна наличием сохранившихся семи печатей, прикрепленных шнурками из полосок пергамена. Печати представляют собой восковые слепки коричневого цвета, в центре которых в углублении – оттиски овальных печатей с гербами участников сделки. На лентах–шнурах размещены подписи имен владельцев печатей.

²⁴ *Eickstedt C. A. L. Op. cit. № 38. S. 302.*

²⁵ *Ibid. № 42. S. 348.*

IX. 1579 мая 24. – Ленная грамота герцога (курфюрста бранденбургского) Иоганна Георга Вальтину фон Экиштедту на владение Кобленцким озером с угодьями.

По имеющейся нумерации – грамота № 6. Размеры: по верхнему краю – 369 мм, по нижнему – 363 мм, по левому – 213, по правому – 211. Восковая печать на пергаменном шнуре сохранилась частично, изображения на ней не просматриваются.

X. 1586 июня 20. – Договор о разделе имущества между братьями Гансом, Фридрихом, Каспором фон Экиштедтами.

По имеющейся нумерации – грамота № 7. Размеры: по верхнему и нижнему краям – 610 мм, по левому – 532 мм, по правому – 535 мм. К нижнему краю грамоты на длинных пергаменных полосках прикреплены пять печатей. Каждая из них помещена в круглый деревянный корпус, выточенный на токарном станке. Каждый корпус для печати внутри залит воском, а в середине выполнен овальный оттиск печати с гербом. Диаметр корпусов от печатей – 30 мм, сами оттиски печатей имеют размеры 15x11 мм.

XI. 1607 сентября 29 (Михайлов день). – Купчая на деревни Кобленц и Кругсдорф с угодьями, проданные Гансом Экиштедтом своему брату Иоахиму, с подтверждением герцога Померании Филиппа Юлиуса от 27 января 1608.

По имеющейся нумерации – грамота № 8. К тексту основной грамоты шнуром от печати прикреплен отдельный лист с текстом подтверждения, заверенным герцогом. Размеры основной грамоты: по верхнему и нижнему краям – 736 мм, по левому краю – 524, по правому – 508 мм. Размеры подтверждающей герцогской грамоты: по верхнему краю – 285 мм, по нижнему – 298 мм, по левому – 168, по правому – 165 мм. Сделка была совершена при участии брата обоих контрагентов Дубислава и сына Ганса, Эрнста Дубислава, их печати прикреплены к тексту основной грамоты. Атрибутировать печати позволяют записи имен, сделанные на нижнем поле листа, сами же печати представляют собой восковые слепки без всяких изображений и записей, помещенные в круглые деревянные корпуса. К герцогской грамоте прикреплена печать красного воска с гербом.

Текст обеих грамот опубликован, однако, по всей видимости, по спискам, а не по подлинникам, о чем свидетельствует наличие в публикации позднейших (XIX в.) записей о достоверности списка.

Публ. по копии: *Eickstedt C. A. L. Op. cit. № 56. S. 369–374.*

Заголовок грамоты при публикации: “Hans verkauft seinem Bruder Joachim die Dörfer Coblenz und Krugsdorf mit allen ihren Pertinenzien, mit Consens seines Bruders Dubslaff, des Hans Sohn, Ernst Dubslaff, hat den Kauf-Contract mit unterschrieben. 1607 am Michaelistage. Mit der fürstlichen Confirmation vom 27. Januar 1608”²⁶.

XII. 1628. – Грамота герцога Померании Богуслава XIV²⁷ Людвигу фон Экиштедту на владение Куссовым.

По имеющейся нумерации – грамота № 9. Размеры: по верхнему краю – 358 мм, по нижнему – 351 мм, по левому – 190 мм, по правому – 185 мм. Текст значительно выцвел, печать и шнур не сохранились, имеются только дырки в месте крепления шнура.

XIII. 1634 октября 10. – Договор о продаже наследственных имений Кобленц и Кругсдорф Дубиславу Кристофу фон Экиштедту (продавцы – его родственники

²⁶ Ibid. № 56. S. 369.

²⁷ Богуслав XIV (1580–1637) – последний померанский герцог, после его смерти земли Померании были разделены между Бранденбургом и Швецией.

Людвиг, Адам, Маркус, Балтин, Иоахим), совершенный в Михайлов день (29 сентября) и ратифицированный герцогом Померании Богуславом XIV.

Грамота (№ 10) написана на трех листах пергамена, сложенных пополам в виде тетради. Для скрепления листов по корешку тетради грамота прошита шнуром. Размеры грамоты в сложенном виде: по верхнему краю – 279 мм, по нижнему – 278 мм, по левому – 357 мм, по правому – 360 мм. В нижней части грамоты на пергаменных полосках прикреплены пять печатей в металлических круглых корпусах.

У К. Экштедта упоминается как отсутствующая со следующим заголовком: “Herzog Bogislauffs XIV. von Pommern Confirmation des Verkaufs vom Coblenz, Krugsdorff und Pertinenzien, am Tage Michaeli Archangeli 1634 an Dubslaff Christoff durch Ludwig, Adam, Marcus, Baltin und Joachim, Gebrüdern und Gevettern. 1634, 10. October. (Fehlt)”. См.: *Eickstedt C. A. L. Op. cit. № 78. S. 308.*

XIV. 1683 апреля 7. – Грамота маркграфа Бранденбурга, прусского курфюрста герцога Фридриха-Вильгельма Дубиславу (Дубитатту) фон Экштедту на владение Кобленцским озером с окрестностями.

По имеющейся нумерации – грамота № 11. На листе пергамена, сложенном в шесть раз. Размеры: по верхнему краю – 526 мм, по нижнему – 520 мм, по левом краю – 202 мм, по правому краю – 197 мм. Сохранился шнур от печати, сама печать оборвана, текст покрыт пятнами, очевидно, его заливали водой. Можно отметить большое изящество в написании первой строки текста, выполнении инициала (с росчерками по всему левому полю листа) и заглавных букв в строке. В нижнем правом углу листа, на сгибе для прикрепления печати запись: “Lucius von Kaseln, Daniil...Secretari[us]”. На обороте грамоты читается: “№ 14 1683. Dubislaff Eichstedt ... Dorffe Zarrentin”, ниже: “Lehnbrief über ein Antheil von 3 ... Theil des ... in Zarentin und Marggraf Friedrich Wilhelm zu Brandenburg an Dubstatt von Eichstedt de a= 1683”.

XV. 1711 сентября 11. – Грамота короля прусского Фридриха Вильгельма I²⁸ Адаму-Бернду фон Экштедту (Adam-Berndt von Eichstäde) на право владение Марфином.

По имеющейся нумерации – грамота № 12. На листе пергамена, со следами складок (складывался в 6 раз). Размеры: по верхнему краю – 583 мм, по нижнему краю – 550 мм, по левому краю 303 мм, по правому краю – 305 мм. Печать не сохранилась, имеются дырки и обрывки шнура. Лист имеет следы повреждений и подклеек.

У К. Экштедта упоминается как отсутствующая со следующим заголовком: “Lehnbrief von der Pommerschen Regierung zu Stargard, unter König Friedrich I., für Adam Berndt und seine männliche Leibes-Lehnserben, über Marfin. 1711, 11. September. (Fehlt)”. См.: *Eickstedt C. A. L. Op. cit. № 106. S. 315.*

XVI. 1714 марта 20. – Грамота прусского короля Фридриха Вильгельма I Адаму-Бернду фон Экштедту (Adam-Berndt von Eichstäde) на владение Марфином.

По имеющейся нумерации – грамота № 13. Размеры: по верхнему краю – 553 мм, по нижнему – 548 мм, по левому – 309 мм, по правому – 329 мм. Первая строка написана парадным шрифтом, высота букв 20 мм, ширина 7 мм. Следующие четыре строки написаны увеличенным шрифтом, средняя высота букв – 5 мм, шири-

²⁸ Фридрих Вильгельм I – прусский король в 1713–1740 гг., отец известного Фридриха II.

на – 2 мм. Размеры букв остального текста по высоте – 2 мм, по ширине – 1,5 мм. Шнур от печати черно-белый, с кисточками на концах. Сама печать не сохранилась.

У К. Экштедта упоминается как отсутствующая со следующим заголовком: “Confirmation und Lehnbrief von der Pommerschen Regierung zu Stargard unter König Friedrich Wilhelm I., für Adam Bernd (Es wird darin erwähnt, dass Marfin originaliter ein Bredelower Lehn gewesen sei), über Marfin. 1714. 20. Mätz. (Fehlt)”. См.: *Eickstedt C. A. L. Op. cit. № 107. S. 315.*

Проведенный обзор позволяет сделать некоторые общие наблюдения относительно дипломатики грамот рассматриваемой эпохи²⁹. Акты показывают большую устойчивость традиции написания грамот на одном большом листе пергамена. Бумага, как мы видим, в случае с грамотами из архива Экштедтов, не использовалась вовсе. Только в одном случае (грамота от 10 октября 1634 г.), наблюдается использование более новой тетрадной формы. Показательна по-своему и датировка грамот. Если первоначально дата указывалась в словесном выражении (например, в грамоте от 7 апреля 1683 г.: “...am siebenden Aprilis nach Christi unsers liebes Herrn und Seeligmachers Gebuhrt im eintausendsechshundertdreyundachtzigsten Jahre”), то в документах, относящихся к XVIII вв., год обозначается уже арабскими цифрами.

Печати на грамотах также претерпевали изменения. Сравнительно поздней традицией следует считать их помещение в деревянные, а затем и в металлические корпуса. Устойчивой оказывается традиция прикрепления печатей (особенно частных лиц) на полосках пергамена, а не шнурах. Печати на шнурах в нашем случае крепились только к четырем грамотам. Печати красного цвета, по-видимому, использовались преимущественно представителями власти.

На всех документах имеется нумерация и краткие заголовки, составлявшиеся в целях удобства хранения и использования. Записи делались на той части листа, которая в свернутом виде оказывалась сверху. В отличие от современного архивного хранения, которое для пергаменных листов предполагает хранение их в развернутом виде в больших папках, рассматриваемые документы хранились в свернутом виде. Это привело к появлению заметных складок на пергаменных листах, что характерно для всех изучаемых документов.

Таким образом, рассматриваемые грамоты существенно дополняют известный в историографии корпус документов Легницы и актов из архива баронов Экштедтов, дают ценный материал по истории и дипломатике раннего Нового времени.

---

²⁹ Общие вопросы дипломатики немецких актов этого периода затрагивались в классических работах: *Heuberger R. Allgemeine Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, Berlin, 1921. S. 46–62; Meisner H. O. Urkunden- und Aktenlehre der Neuzeit. 2-te Aufl. Leipzig, 1952. Полезный очерк об историографии и истории археографии в Померании XIX – первой половине XX вв. см.: Unterstell R. Klio in Pommern. Die Geschichte der pommerschen Historiographie 1815 bis 1945. Köln, Weimar, Wien, 1996. Издание ранних актов Померании: Pommersches Urkundenbuch. Stettin, 1868–1881. Bd. I–II.*

П. А. Трибунский

ОБЗОР ФОНДА П. Н. МИЛЮКОВА В “ДОМЕ-МУЗЕЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ”*

Культурный центр “Дом-музей Марины Цветаевой” был открыт в Москве в 1992 г. В 1998 г. центр пополнился архивными материалами, переданными Российским фондом культуры. Среди упомянутых бумаг были и документы, относящиеся к жизни и деятельности историка и политика Павла Николаевича Милюкова (1859–1943). По свидетельству В. В. Леонидова, доставившего милюковские материалы из Парижа в Москву, они были приобретены фондом культуры во второй половине 1990-х гг. у антиквара и библиофила А. Савина (1946–1999), владельца букинистического магазина “Le Bibliophile Russe”.

После передачи в “Дом-музей Марины Цветаевой” милюковские материалы практически сразу стали объектом изучения: на московской конференции, посвященной 140-летию со дня рождения П.Н. Милюкова, о составе коллекции сообщил А. Д. Степанский (1999). По результатам конференции был выпущен сборник статей и материалов, в котором свое место нашла и краткая заметка упомянутого автора с описанием милюковских документов¹. Историография конца XX в. не могла похвастаться тщательным изучением эмигрантского периода жизни и деятельности Милюкова, в результате чего причины создания и бытования документов из коллекции, а также повод к формированию именно такого набора материалов, остались неизвестными. Настоящий обзор имеет цель дать описание комплекса документов Милюкова, попавших на хранение в “Дом-музей Марины Цветаевой”, показав обстоятельства его возникновения.

“Дом-музей Марины Цветаевой” относится к учреждениям музейного типа, в которых документы учитываются как музейные предметы: в книге поступлений делается суммарная запись с присвоением коллекции единого номера. Входящим в коллекцию предметам присваиваются дробные номера, соответствующие их количеству. В результате чего комплекс материалов П. Н. Милюкова, учтенный в музее как состоящий из 60 единиц², в архиве, скорее всего, был бы объединен в 10–12 дел, исходя из характера документов.

Коллекция документов П.Н. Милюкова в “Доме-музее Марины Цветаевой” может быть разделена на пять традиционных блоков: переписка (49 №), материалы

* Считаю своим приятным долгом поблагодарить за помощь и консультации сотрудников “Дома-музея Марины Цветаевой” Ю. А. Чурсину и К. А. Логущкину, сотрудника “Дома русского зарубежья им. А. Солженицына” В. В. Леонидова.

¹ *Степанский А. Д.* Документы П. Н. Милюкова в Доме-музее Марины Цветаевой // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат: материалы междунар. конф., Москва, 26–27 мая 1999 г. / Редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред) и др. М., 2000. С. 424–427.

² ГБУК г. Москвы “Дом-музей Марины Цветаевой”. ДМЦ КП-698/1 – 698/60. Далее ссылки даются в тексте статьи.

для биографии (2 №), творческие материалы (2 №), фотографии (4 №), материалы третьих лиц (3 №).

Наиболее объемный блок – переписка, куда входят 698/1–46, 698/49–51. Первые 17 номеров коллекции – это машинописные копии писем П. Н. Милюкова писателю М. А. Осоргину за 2 августа 1940 – 30 октября 1942 гг. (698/1–17), выполненные по старой орфографии. Копии отпечатаны на двух машинках, с кириллическим и латинским шрифтами. Следующие 17 номеров (698/18–34) представляют собой копии с 698/1–17. Оригиналы писем находятся во французском Музее современной истории в личном фонде М. А. и Т. А. Осоргиных³. Каково же происхождение копий писем Осоргину, оказавшихся в Москве? Есть все основания предполагать, что копии были сняты во второй половине 1940-х гг. с оригиналов, бывших в распоряжении супруги покойного писателя. Т. А. Бакунина-Осоргина в мае 1945 г. окончательно перевезла бумаги супруга из Шабри в Париж. Находившийся в столице журналист Я. Б. Полонский летом 1945 г. начал подготовку писем П. Н. Милюкова, обращенных к нему, к публикации. Полонский также хотел присовокупить письма Милюкова М. А. Осоргину, с каковой целью обратился к Бакуниной-Осоргиной. Последняя предоставила Полонскому неполные копии писем П. Н. Милюкова⁴, выпустив нелестные отзывы о писательнице А. Ф. Даманской (послания от 4 февраля 1941 г. и 9 мая 1942 г.), и убрав фамилию юриста Б. С. Миркина-Гецевича, упомянутого в не вполне уважительном контексте (4 июня 1942 г.). Издание не состоялось, и копии писем Милюкова Осоргину остались у Я. Б. Полонского, которому наследовал его сын, библиофил А. Я. Полонский (1925–1990). По-видимому, от последнего указанные копии попали к А. Савину, а оттуда – в Москву.

В пользу того, что А. Савин стал обладателем архива семьи Полонских (видимо, неполного), свидетельствует оказавшаяся в описываемой коллекции часть переписки П. Н. Милюкова и Я. Б. Полонского (698/35–45, 50). Ряд номеров (698/35–39) представляет собой ксерокопии первых страниц писем Милюкова Полонскому за период с 15 августа 1940 по 19 мая 1942 г. Оригиналы этих посланий хранятся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, куда их в 1982 г. передал А. Я. Полонский⁵. Наряду с копиями в коллекции есть оригиналы писем Милюкова Полонскому (698/40–45), крайние даты которых 7 июня 1940 г. – 20 февраля 1943 г., и черновое ответное письмо Полонского Милюкову от 3 декабря 1941 г. (698/50). В письмах Полонскому содержатся данные о здоровье и настроениях Милюкова, продовольственном положении на юге Франции, сведения об общих знакомых (М. В. Вишняк, И. И. Бунаков-Фондаминский, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, М. А. Осоргин, И. П. Демидов, Н. В. Тесленко, К. Д. Бальмонт, Е. В. Ратнер, А. Ф. Даманская, О. Г. Зелюк, В. А. Азов, А. И. Лурье). В письмах Милюков несколько раз обращался к фигуре Осоргина, с которым

³ La Contemporaine: bibliothèque, archives, musée des mondes contemporains. F Δ Rés 841 (2) (12).

⁴ Т. А. Осоргина – А. Я. и А. А. Поляковым, 25 июня 1945 г.; Т. А. Осоргина – А. А. Полякову, 26 сентября 1945 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (далее – ВА). А. А. Poliakov papers. Box 2, folder “Osorgina, Tat’iana”.

⁵ ОР РГБ. Ф. 743 (Коллекция единичных поступлений архивных материалов). К. 42. Д. 58. Оригиналы пяти писем, копии которых оказались в “Доме-музее Марины Цветаевой”, см.: Там же. Л. 3–4 об., 5–6, 10–11 об., 45–46, 65–66 об.

у него возникла оживленная переписка в 1940–1942 гг. Письма содержат уникальные сведения о работе Милюкова над воспоминаниями, для составления которых Полонский доставлял книги и копии статей, о распространении эссе Милюкова “Правда о большевизме”, подготовленном в ответ на статью М. В. Вишняка “Правда антибольшевизма” (Новый журнал. 1942. № 2). В письме от 3 декабря 1941 г. Полонский обсуждал дела на советско-германском фронте, сообщал о позиции меньшевистского журнала “Новый путь” по вопросу войны, информировал о коллаборационизме супругов Мережковских и Н. Н. Берберовой. Судя по письму, Полонский посетил Р. Г. Грузенберг, из библиотеки покойного мужа которой, он организовал отpravку книг для готовившего воспоминания Милюкова, равно как и обещал содействие в поиске номеров “Русских записок”, в которых во второй половине 1930-х гг. печатались мемуары историка.

Переписка П. Н. Милюкова с другими корреспондентами, отложившаяся в упомянутой коллекции, малочисленна: черновое письмо М. А. Алданова Милюкову от 4 июля 1940 г. (698/51), письмо Милюкова Алданову от 9 июля 1940 г. (698/46), черновик телеграммы Милюкова В. А. Могилевскому, отправленной 13 августа 1940 г. (698/49). В письме от 4 июля 1940 г. Алданов приглашал Милюков переехать из Виши в По, где собралась большая группа сотрудников “Последних новостей”. Рассуждая о судьбе печатного органа, Алданов видел два пути выхода из кризиса: переезд в США и возобновление газеты на новом месте, или полная ликвидация предприятия. В ответном письме от 9 июля 1940 г. не имевший возможности приехать в По Милюков отвергал идею издания русской газеты в США для Европы, одновременно избегая однозначного ответа на вопрос о продолжении “Последних новостей” на юге Франции. Как показали дальнейшие события, точка зрения осторожного Милюкова возобладала: уехавшие в США сотрудники “Последних новостей” не смогли создать новую газету, на юге Франции ее издание также не возобновилось. Короткая телеграмма Милюкова Могилевскому от 13 августа 1940 г. посвящена бытовым вопросам, и сопровождается пояснением ситуации, вызвавшей телеграмму.

Блок материалов для биографии П. Н. Милюкова весьма скромнен и состоит из двух автографов. Первый – “О моем пожизненном пользовании библиотекой О. О. Грузенберга” (1942 г., (698/48)). Его появление связано с распоряжением душеприказчика Зараховича о разрешении Милюкову пожизненно пользоваться библиотекой скончавшегося юриста О. О. Грузенберга (1866–1940). Историк выдвинул свои возражения против пользования библиотекой, каковая могла быть продана заинтересованным лицам или организациям. Но потребность в книгах для работы над воспоминаниями возобладала над первоначальными соображениями, и Милюков попросил Полонского сообщить о составе библиотеки, а позже – выслать ряд книг⁶. Перечень полученных книг Милюков переправил Полонскому (“Получены мною из библиотеки О. О. Грузенберга для пользования книги...” (13 октября 1942 г., (698/47)).

Немногочисленны творческие материалы П. Н. Милюкова в коллекции. Машинопись “Из дневника П. Н. Милюкова” (698/56) состоит из 194 листов. Она выполнена по новой орфографии, в тексте присутствует небольшая рукописная правка рукой Н. Н. Кнорринга, в редких случаях иностранные слова вписаны от руки. Текст

⁶ ОР РГБ. Ф. 743. К. 42. Д. 58. Л. 79, 80 об., 82, 84, 86, 89.

представляет собой 26 отрывков из дневниковых записей Милюкова за 1918–1920 гг. О событиях 1918 г. повествует 20 отрывков, о конце 1918 – начале 1919 г. – 1, о 1919 г. – 4, о 1920 г. – 1. В упомянутой расшифровке основное внимание сосредоточено на следующих событиях: деятельность Милюкова на Украине, его немецкая ориентация, съезд кадетов в Екатеринодаре, совещание в Яссах, поездка делегации совещания в Турцию, Италию, Францию, политическая деятельность Милюкова в Великобритании, отставка А. И. Деникина, встреча Милюкова с ним в Париже. Все отрывки невелики по объему, акцент сделан на важных событиях, второстепенные детали опущены. Указанная машинопись находится в непосредственной связи с аналогичной работой в ОР РГБ⁷. Сравнение двух вариантов одноименной машинописи позволяет утверждать, что вариант “Из дневника П. Н. Милюкова” в ОР РГБ представляет собой более исправную версию, нежели та, что хранится в “Доме-музее Марины Цветаевой”. К варианту РГБ присоединено незаглавленное предисловие Кнорринга (в “Доме-музее Марины Цветаевой” оно учтено как отдельная единица (698/59)), в котором приводится история подготовки дневника Милюкова к изданию в 1939 г., судьбе отдельных его расшифровок, и сообщается о том, что Кнорринг с собственного экземпляра снял копию для “Общества любителей русской книги”⁸. В тексте явная описка – подобное общество неизвестно исследователям эмигрантского Парижа. Речь должна идти об “Обществе друзей русской книги в Париже”. Традиционно исследователи считают, что общество не пережило Вторую мировую войну⁹. В таком случае слова Кнорринга о копии для общества выглядят странно. Однако другой документ в обозреваемой коллекции – расписка Кнорринга от 8 мая 1949 г. о получении денег за переписку дневников Милюкова для “Временника русской книги” (698/60) – позволяет утверждать, что в той или иной форме общество возродилось после войны, и даже собиралось возобновить издание своего “Временника”.

Показательна личность человека, преподнесшего в 1970 г. машинопись “Из дневника П. Н. Милюкова” в дар Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (ныне – РГБ): все тот же А. Я. Полонский, к которому машинопись попала, очевидно, от отца, Я. Б. Полонского, члена бюро и генерального секретаря “Общества друзей русской книги в Париже”, одного из редакторов “Временника” общества. О причине изготовления копии с расшифровки дневника Милюкова в 1949 г. можно только строить предположения. Есть основания полагать, что Я. Б. Полонский собирался почтить память историка и политического деятеля в год 90-летия со дня рождения Милюкова. В 1949 г. издать выдержки из дневников Милюкова Полонскому не удалось, а через два года инициатора не стало. А. Я. Полонский издательские планы отца осуществлять не стал, после же обнаружения оригиналов дневников Милюкова и частичной публикации их в “Новом журнале” (см. ниже), он счел возможным подарить упомянутую машинопись советской библиотеке.

⁷ Там же. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей. Единичные поступления). К. 1343. Д. 4. Подробнее об этом варианте выдержек из дневников П. Н. Милюкова см.: *Трибунский П. А.* И снова Милюков // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. Vol. 2. P. 143–150.

⁸ Там же. Л. 1–5. Сходная информация содержится в письме Н. Н. Кнорринга Б. И. Элькину, душеприказчику П. Н. Милюкова, от 21 июля 1949 г. (Н. Н. Кнорринг – Б. И. Элькину, 21 июля 1949 г. // *ВА. Р. Н. Miliukov papers*. Box 17).

⁹ См., например: *Телицын В. Л.* П. Н. Апостол и “Общество друзей русской книги в Париже” // *Новый исторический вестник*. 2001. № 1. С. 98.

Вторая копия машинописи осталась в распоряжении А.Я. Полонского, от которого перешла А. Савину, от него – попала в Москву.

Машинопись лекции П. Н. Милюкова “Переоценка внешней политики” (698/57) состоит из 12 листов. Машинопись не датирована, однако ее связь с предисловием Н.Н. Кнорринга (см. ниже) очевидна, и набор лекции был осуществлен после 1946 г. “Переоценка внешней политики” – одна из четырех лекций цикла под общим названием “Концы и начала” об исторических основах русской революции, прочитанного Милюковым в Лондоне в Essex Hall по-русски перед русской аудиторией, 17, 21, 24 и 28 октября 1919 г.¹⁰ 7 ноября 1919 г. там же состоялись прения по лекциям, которые Милюков зафиксировал в записной книжке за ноябрь 1919 г.¹¹

В разделе “Фотографии” находятся 4 снимка: портрет П. Н. Милюкова (1929 г.) (698/52), фото Милюкова на фоне гор (Мюррен, Швейцария, 1938 г.) (698/53), фото Милюкова в домашней обстановке (Монпелье, Франция, 1941 г.) (698/54), фото Милюкова на балконе (Экс-ле-Бен, Франция, 1941 г.) (698/55). Первое фото содержит дарственную надпись от Н. В. Милюковой Я. Б. Полонскому. На остальных фото есть пояснительные надписи о дате и месте съемок, третья и четвертая фотографии сделаны Н. В. Милюковой.

Немногочисленные материалы третьих лиц имеют непосредственное отношение к творческим материалам П. Н. Милюкова. Первый документ – машинописный текст авторства Н. Н. Кнорринга, без заглавия, начинающийся со слов “28 января 1939 г. Павлу Николаевичу Милюкову исполнялось 80 лет...” (698/59). Как уже говорилось выше, это предисловие к выдержкам из дневников Милюкова, выполненных для “Общества друзей русской книги в Париже”. Аналогичное предисловие имеется в варианте “Из дневника П. Н. Милюкова” в ОР РГБ (см. выше). Хотя предисловие не имеет даты, но другие изученные материалы позволяют датировать его 1949 г.

Работа Н. Н. Кнорринга, без заглавия, начинающаяся со слов “Лекция П.Н. Милюкова, которая предлагается вниманию читателей...” (698/58), не имеет датировки, однако из ее текста следует, что она появилась после 1946 г. По сути, это предисловие к предполагаемой (но не состоявшейся) публикации лекции “Переоценка внешней политики” Милюкова (см. выше). В предисловии было дано краткое изложение всех четырех лекций. Кнорринг заключал, что патриотические взгляды Милюкова многих эмигрантов сподвигли перейти на позиции оборончества.

Отдельно учтена расписка Н. Н. Кнорринга от 8 мая 1949 г. о получении в Париже 5400 франков за переписку дневников П. Н. Милюкова для “Временника русской книги” (698/60).

Обзор документов в коллекции П. Н. Милюкова в “Доме-музее Марины Цветаевой” был бы неполным без указания публикаций означенных материалов. В 2016 г. письма П. Н. Милюкова к М. А. Осоргину за 1940–1942 гг. были опубликованы по копиям, хранящимся в “Доме-музее Марины Цветаевой”¹². Публикацию следует

¹⁰ А. С. Милюкова – А. С. Петрункевич, 15 октября 1919 г. // ВА. S.V. Panina papers. Box 4, folder “Miliukova, Anna Sergeevna”.

¹¹ Милюков П. Н. Записная книжка. № IX // ВА. P. N. Miliukov papers. Box 9.

¹² “...И какой-нибудь magistrandus выберет эту тему для докторской диссертации” (Письма П. Н. Милюкова к М. А. Осоргину, 1940–1942 гг.) / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. Л. Телицына, О. Ю. Тесленко // Вестник истории, литературы, искусства. 2016. Т. 11. С. 455–478.

признать весьма неудовлетворительной: письма воспроизведены не по оригиналам, в текстах писем присутствуют необъяснимые пропуски и искажения слов, два письма вообще не воспроизведены (698/3, 698/10). Заметим, что публикация, подготовленная по копиям писем из собрания Т. А. Бакуниной-Осоргиной (оригиналы она передала в 1979 г. в Библиотеку современной международной документации (Bibliothèque de documentation internationale contemporaine), с 2018 г. – Музей современной истории)¹³, также не свободна от недостатков: в “Новый журнал” были представлены лишь избранные письма, в которых редакция журнала сделала сокращения, зачастую неоговоренные и неотмеченные¹⁴.

Избранные письма П. Н. Милюкова Я. Б. Полонскому по оригиналам были опубликованы А. Я. Полонским в 1980 г. в журнале “Время и мы”¹⁵, через 2 года он передал их на хранение в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина, где они находятся и поныне. Оригинальные 5 писем Милюкова Полонскому и одно послание Полонского Милюкову в коллекции “Дома-музея Марины Цветаевой” пока не привлекли внимания публикаторов.

Выдержки из дневников П.Н. Милюкова не публиковались, и вряд ли будут опубликованы, учитывая их вторичный характер по отношению к оригиналу. Заметим, что в 1961–1962 гг. отрывки из дневника Милюкова по иной расшифровке были напечатаны в “Новом журнале”¹⁶. В 2005 г. в свет вышло издание дневников Милюкова за 1918–1921 гг., в основу которого легла, по-видимому, одна из расшифровок, выполненных в 1939 г. Н. Н. Кноррингом. Заявление публикаторов об издании дневника по оригинальным милюковским записям не выдерживает критики¹⁷.

Из материалов третьих лиц, отложившихся в коллекции, наибольшее внимание публикаторов привлекло предисловие Н. Н. Кнорринга к выдержкам из дневников П. Н. Милюкова. В 2000 г. пересказ труда Кнорринга с обширными цитатами воспроизвел в статье А. Д. Степанский¹⁸, в 2011 г. полный текст предисловия опубликовала И. М. Невзорова¹⁹. Выдержки из дневников Милюкова, выполненные для “Общества друзей русской книги в Париже” в 1949 г., неверно идентифицированы Невзоровой как предвоенная расшифровка дневников Милюкова.

Коллекция П. Н. Милюкова в “Доме-музее Марины Цветаевой” состоит по большей части из копий документов, выполненных в 1940-х гг. и отложившихся в семье Я. Б. Полонского, от сына которого указанные материалы перешли в собственность библиофила А. Савина, а через него попали в Москву. Заметим, что

¹³ Письма П. Н. Милюкова М. А. Осоргину 1940–1942 годов / Публ. Т. А. Осоргиной-Бакуниной; вступ. ст., коммент. С. Брейар // Новый журнал. 1988. Кн. 172/173. С. 527–552.

¹⁴ См. корректуру публикации писем П. Н. Милюкова М. А. Осоргину в фонде “Нового журнала” (Amherst Center for Russian Culture. The Journal New Review (Novyi Zhurnal) records. Box 28, folder 33 “Pis'ma P. N. Miliukova M. A. Osorginu 1940–1942 godov”).

¹⁵ Глазами Милюкова – оккупация Франции и Восточный фронт. Письма П. Н. Милюкова Я. Б. Полонскому (1940–1942) // Время и мы. 1980. Кн. 51. С. 178–209; Кн. 52. С. 188–208.

¹⁶ Дневник П. Н. Милюкова (Переговоры с немцами в 1918 году) // Новый журнал. 1961. Кн. 66. С. 173–203; Дневник П. Н. Милюкова (Милюков и Белая армия) // Там же. 1962. Кн. 67. С. 180–218.

¹⁷ Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921 / [Сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Канищевой; подгот. К. Г. Ляшенко]. М., 2004 (обл. 2005). Критическую оценку упомянутого издания см.: *Трибунский П. А.* Дневник П. Н. Милюкова: наблюдения над публикаторской практикой в современной России // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2008. Vol. 1. P. 189–220.

¹⁸ *Степанский А. Д.* Указ. соч. С. 424–425.

¹⁹ *Невзорова И.* Материал к творческим биографиям П. Н. Милюкова, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Кнорринга // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 35. С. 106–110.

оригиналы писем и лучшую копию выдержек из дневников Милюкова А. Я. Полонский предпочел передать в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина самостоятельно. Вместе с тем коллекция содержит ряд оригинальных материалов, которые способны продвинуть вперед изучение эмигрантского периода жизни и деятельности Милюкова.

И. Ю. Непряхин

В.И. КОРЕЦКИЙ И ЕГО ЛИЧНЫЙ ФОНД В АРХИВЕ РАН

Вадим Иванович Корецкий (1927–1985) – известный советский историк, специализировавшийся на вопросах эпохи Московского царства, в особенности – закреощения крестьян, народных восстаний в XVI–XVII вв., а также на проблемах позднего русского летописания.

Родился В. И. Корецкий 31 августа 1927 г. в Воронеже в семье железнодорожного служащего Ивана Васильевича Корецкого и педагога-воспитателя Татьяны Васильевны Корецкой (Катаевой)¹. В 1934 г. поступил в среднюю школу, которую не успел окончить из-за начала Великой Отечественной войны, а в 1942 г. семья отправилась в эвакуацию в Петропавловск (Казахская ССР)². В 1944 г. Корецкий окончил школу и поступил на подготовительное отделение Московского электро-механического института инженеров железнодорожного транспорта, а в 1945 г. – на первый курс этого института³. Со второго курса, в 1946 г., Корецкий был переведен на экономический факультет Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ), где окончил два курса (учился до 1947 г.)⁴. В МИИТ В. И. Корецкий принимал активное участие в общественной жизни института (был членом факультетского бюро ВЛКСМ)⁵, и был направлен на дополнительное обучение на исторический факультет Вечернего университета марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б), который он окончил в 1947 г.⁶

Именно в этот период В. И. Корецкий окончательно принял решение связать свою жизнь с исторической наукой – в феврале 1948 г. он перевелся на исторический факультет МГУ⁷. Курс, на который попал В. И. Корецкий, оказался уникальным, многие его сокурсники в будущем стали авторитетными учеными-историками. Среди “коллег по парте” Корецкого были Л. М. Брагина, А. Д. Горский, Н. А. Горская (Кожина), И. Д. Ковальченко, И. И. Орлик-Гарлик, Н. Н. Покровский, К. Н. Сванидзе, А. А. Сванидзе (Крыжановская), К. Н. Тарновский, Я. Н. Щапов и др.⁸ Во время учебы в МГУ научным руководителем и наставником Корецкого был Л. В. Черепнин, под его руководством В. И. Корецкий защитил дипломную

¹ Вадим Иванович Корецкий [некролог] // ВИ. 1985. № 6. С. 189; *Горский А. Д.* Вадим Иванович Корецкий (1927–1985) // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 339; АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 334. Л. 3.

² АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 334. Л. 1, 3.

³ Там же. Л. 1, 3–3 об.

⁴ Там же. Л. 3 об., 13 об.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 3 об.; Д. 311. Л. 1–3.

⁷ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 334. Л. 3 об.

⁸ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 359. Л. 1; о курсе В. И. Корецкого см. также: *Орлик И. И.* Наш курс. Истфак МГУ 1947–1952 гг. (окончание) // НиНИ. 2003. №1. С. 160–180; Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских (К 75-летию со дня рождения Н. Н. Покровского) // Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. СПб., 2022. С. 542–547.

работу “Классовая борьба в XVI в. и учреждение опричнины”⁹. В будущем В. И. Корецкий был признан одним из самых выдающихся учеников Л. В. Черепнина¹⁰.

В 1952 г. В. И. Корецкий окончил исторический факультет МГУ с отличием. В 1952–1956 гг. состоял в аспирантуре по кафедре истории СССР МГУ¹¹, где в 1957 г. и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме “Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII в.”¹² (опубликована в виде монографии¹³). После защиты В. И. Корецкий поступил на работу младшим научным сотрудником сектора истории религии и атеизма ИИ АН СССР¹⁴. В 1965 г., когда сектор был расформирован, Корецкий перешел в сектор истории СССР периода феодализма, в группу истории крестьянства, а позже – в группу по изданию Полного собрания русских летописей¹⁵.

Именно на 1960–1970-е гг. приходится пик творческой активности Корецкого-ученого, он публикует большое количество научных статей, а также исторических источников. Свои научные интересы он концентрирует на двух важнейших темах – истории закрепощения крестьян и позднем русском летописании.

В 1970 г. В. И. Корецкий принял участие в XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва) и в Международном историческом симпозиуме в Сполето (Италия), в 1972 г. – в совещании итальянских и советских историков в Москве¹⁶. В течение всей работы в институте, В. И. Корецкий принимал активнейшее участие в аграрных симпозиумах, конференциях по проблемам крестьянства и т.п.

В 1971 г. В. И. Корецкий избран старшим научным сотрудником ИИ АН СССР, а в 1975 г. переведен в сектор источниковедения этого института¹⁷. В том же году вышла его важнейшая монография – “Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России”¹⁸, которая была представлена на ВДНХ среди работ Института истории¹⁹. В 1976 г. на основе этой книги Корецкий защитил докторскую диссертацию²⁰. За время своей работы Корецкий входил в ученые советы ЦГАДА, музеев Московского Кремля, музея-заповедника “Коломенское”, являлся членом АК АН СССР²¹. Очень короткий период В. И. Корецкий преподавал на историческом факультете МГУ, где вел курсы, посвященные тематике своих исследований²².

⁹ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 4.

¹⁰ Горский А. Д. Указ. соч. С. 340; Вадим Иванович Корецкий [некролог] // ВИ. 1985. № 6. С. 189; Орлик И. И. Указ. соч. С. 162.

¹¹ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 334. Л. 10; Горский А. Д. Указ. соч. С. 339; Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. СПб., 2022. С. 29.

¹² АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 334. Л. 10–11; Вадим Иванович Корецкий [некролог] // ВИ. 1985. № 6. С. 189.

¹³ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

¹⁴ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 334. Л. 10; Горский А. Д. Указ. соч. С. 339. Именно в этот сектор В. И. Корецкий попал благодаря тому, что большое внимание уделял ереси Феодосия Косого, что отразилось в его дипломной работе, а также будущих статьях и публикациях, см.: АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 4.

¹⁵ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 334. Л. 11; Горский А. Д. Указ. соч. С. 339.

¹⁶ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 334. Л. 11.

¹⁷ Горский А. Д. Указ. соч. С. 339.

¹⁸ Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

¹⁹ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 334. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 11–12.

²¹ Науменко Г. И. Корецкий Вадим Иванович // Историки России XX века: Биобиблиограф. словарь. Саратов, 2005. Т. 1 (А–Л). С. 464.

²² Горский А. Д. Указ. соч. С. 341.

В начале 1980-х гг. Корецкий еще больше концентрирует свое внимание на истории позднего русского летописания, готовя специальную монографию по этой тематике²³. Труд оказался незавершенным, 28 января 1985 г. В. И. Корецкий скончался в возрасте 57 лет²⁴. Похоронен ученый на Новом Хованском кладбище Москвы²⁵.

Вклад В. И. Корецкого в историческую науку заключается в его плодотворной архивной и археографической работе, благодаря которой исследователи смогли познакомиться с новыми документами XVI–XVII вв. Как отмечали многие современники, уникальным талантом ученого была способность находить новые исторические источники в уже давно “разведанных” архивохранилищах²⁶. В. И. Корецкий – автор более чем 120 трудов²⁷. Тематически его научное наследие можно разделить на 4 части: 1) история религиозного вольнодумства; 2) история крестьянского закрепощения; 3) народные восстания и “Крестьянская война” в России; 4) история позднего русского летописания²⁸.

Первым направлением научных исследований В. И. Корецкого стали социальные вопросы религиозного вольнодумства (“еретических учений”) в XVI в. Работая под руководством Л. В. Черепнина, он обратил внимание на проявление “классовой борьбы” в ереси Феодосия Косого, распространение учения которого связывал с учреждением на Руси опричнины²⁹. Эта идея стала главной темой одной из первых статей Корецкого, посвященной социальной сущности религиозного учения Косого³⁰. Позже, работая в секторе истории религии и атеизма ИИ АН СССР, ученый продолжил рассматривать особенности проявления “крестьянских недовольств”

---

²³ См.: *Корецкий В. И., Клосс Б. М.* В. Н. Татищев и начало русского летописания // Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981. С. 5–13; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981. С. 223–243; *Корецкий В. И.* К вопросу о неофициальном летописании времен опричнины // Летописи и хроники, 1984 г. М., 1984. С. 88–112; *Буганов В. И., Клосс Б. М., Кучкин В. А., Муравьева Л. Л., Корецкий В. И.* Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы. М., 1984. С. 6–16, и др.

²⁴ *Горский А. Д.* Указ. соч. С. 339.

²⁵ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 347. Л. 1.

²⁶ *Горский А. Д.* Указ. соч. С. 340; *Орлик И. И.* Указ. соч. С. 162; *Буганов В. И.* История феодальной России в трудах В. И. Корецкого // ИСССР. 1986. № 2. С. 113; *Мироненко М. П.* Деятельность Археографической комиссии в 1986 г. // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 310; *Буганов В. И.* Послесловие от редактора // *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 268.

²⁷ Список (как кажется, не полный) научных трудов В. И. Корецкого опубликован: Список печатных трудов В. И. Корецкого / Сост. Л. Е. Морозова // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 264–268; ср.: АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 315.

²⁸ Мы не ставим цель дать полную характеристику научных трудов В. И. Корецкого, но хотим лишь сделать акцент на наиболее важных его трудах; Наиболее полно проанализированы труды в статье В. И. Буганова: *Буганов В. И.* История феодальной России в трудах В. И. Корецкого // ИСССР. 1986. № 2. С. 113–128; более краткие обзоры творчества Корецкого см.: *Горский А. Д.* Указ. соч. С. 340–341; *Буганов В. И.* Послесловие от редактора // *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 266–270; *Мироненко М. П.* Указ. соч. С. 310–312; *Науменко Г. И.* Указ. соч. С. 463–464.

²⁹ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 4.

³⁰ *Корецкий В. И.* К вопросу о социальной сущности “нового учения” Феодосия Косого (XVI в.) // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1956. № 2. С. 105–124; о небольшой дискуссии вокруг этой статьи см. *Непряхин И. Ю.* Критика одного исследования: письмо А. И. Клибанова В. И. Корецкому о Феодосии Косом // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. М., 2021. Вып. 4. С. 217–233.

в антицерковных выступлениях в Средневековой Руси³¹. Вероятно, именно благодаря тому, что В. И. Корецкий начинал как историк религиозных движений, его перу принадлежит одна из первых рецензий на фундаментальную монографию А. И. Клибанова о так называемых “реформационных” движениях на Руси³². Стоит отметить, что в своих работах о религиозных выступлениях В. И. Корецкий обращал внимание в первую очередь на социальный аспект протестов, минуя доктринальные и философские вопросы “новых” религиозных учений того времени. Тем не менее, стоит отметить большой вклад Корецкого в изучение идей Феодосия Косого. В ходе своей работы в архивохранилищах ученый обнаружил ранее неизвестные антиеретические сочинения Зиновия Отенского, главного обличителя Косого³³. Уже в начале своего научного пути он опубликовал две статьи, посвященные религиозному разномыслию в России эпохи нового времени³⁴.

Наибольший интерес у В. И. Корецкого вызывали вопросы крестьянского закрепощения и крестьянских выступлений. Именно этим темам были посвящены две монографии историка (первая была издана на основе кандидатской диссертации³⁵, а вторая стала основой для докторской диссертации³⁶). Изучая особенности формирования крепостного права в России автор обращал внимание на сопротивление народных масс этим процессам, а отдельные работы ученого посвящены лидерам “Крестьянской войны” и ее социальному составу³⁷. Важно отметить, что Корецкий принимал участие в дискуссии конца 1950-х – начала 1960-х гг. о “Крестьянской войне”, где выступал с тезисом о нескольких ее этапах. Согласно мнению историка, начало “Крестьянской войны” относится к восстанию Хлопка в 1603 г., а выступления под предводительством И. И. Болотникова есть кульминационный момент всей “войны”³⁸. Важной частью работы В. И. Корецкий считал

³¹ См., например: *Корецкий В. И.* Известие о неповиновении крестьян в вотчине Антониева-Сийского монастыря во второй половине XVI в. // ИА. 1957. № 4. С. 231–232; *Он же.* Борьба крестьян с монастырями в России XVI – начала XVII в. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. 6. С. 437–450; *Он же.* Голод 1601–1603 гг. в России и церковь // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1959. Т. 7. С. 218–256.

³² *Корецкий В. И.* Рец. на кн. Клибанов А. И. Реформационные движения в России XIV – первой половине XVI в. М., 1960. 412 с. // Наука и религия. 1961. № 5. С. 92–94.

³³ *Корецкий В. И.* Вновь найденное противоеретическое произведение Зиновия Отенского // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 166–182; *Он же.* Новые послания Зиновия Отенского // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 119–134.

³⁴ *Корецкий В. И.* Очерк истории религиозного сектантства на Тамбовщине (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1961. Т. 9. С. 35–76; *Он же.* Вольнодумец XVIII в. Дмитрий Тверитинов // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Т. 11. С. 244–266.

³⁵ *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

³⁶ *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

³⁷ *Корецкий В. И.* К истории восстания Хлопка (Новые материалы) // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 209–222; *Он же.* Некоторые социально-политические вопросы восстания Болотникова // Тезисы докладов и сообщений 13 сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вильнюс–Каунас). М., 1971. С. 49–52; *Он же.* О формировании И. И. Болотникова как вождя крестьянского восстания // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 122–147; *Он же.* Иван Исаевич Болотников // ВИ. 1974. № 5. С. 123–136.

³⁸ *Буганов В. И.* Послесловие от редактора // Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 269; *Буганов В. И.* История Феодальной России в трудах В. И. Корецкого // ИСССР. 1986. № 2. С. 120–121; об этой дискуссии см.: *Зимин А. А.* Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII века // ВИ. 1958. № 3. С. 97–113;

издание памятников о ходе народного восстания в начале XVII в. Он стал инициатором создания большого сборника документов на эту тему, но план не был реализован при его жизни³⁹.

Третьим направлением исследований В. И. Корецкого были проблемы позднего русского летописания (после введения опричнины Иваном IV и до окончания Смутного времени). Продолжая тенденции, заложенные А. Н. Насоновым и М. Н. Тихомировым, Корецкий выявлял в российских архивохранилищах летописные записи, которые стали подтверждением предположения о сохранении летописной традиции в России во второй половине XVI–XVII вв. Это и позволило говорить ему о существовании после опричнины оригинальных летописных памятников⁴⁰, чему Корецкий посвятил ряд статей⁴¹, а также готовил специальную монографию, опубликованную посмертно⁴². Хотя некоторые тезисы ученого о развитии позднего летописания и его судьбы подвергаются критике⁴³, несомненно, признан вклад Корецкого в большую поисковую и археографическую работу, ведь именно он выявил новые летописные данные, которыми пополнился источниковый фонд отечественной исторической науки⁴⁴.

***

Вопрос о сохранении архивного наследия В. И. Корецкого был поставлен практически сразу после его смерти, когда на совместном заседании АК АН СССР и

Смирнов И. И. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века // ВИ. 1958. № 12. С. 116–131; *Черепнин Л. В.* Введение. Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. (К теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 12.

³⁹ Предисловие // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сб. док. М., 2003. С. 9–10; *Овчинников Р. В.* Об издании источников по истории Крестьянской войны в России начала XVII века (Историко-библиографический обзор публикаций) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей памяти В. И. Буганова. М., 2001. С. 168–169. Интересно, что В. И. Корецкому приписывается издание: “Крестьянская война в России начала XVII в.: Сб. док. / Сост. В. И. Корецкий” (М., 1981. Т. 1), см.: Вадим Иванович Корецкий [некролог] // ВИ. 1985. № 6. С. 189; *Науменко Г. И.* Указ. соч. С. 464. Однако мы не обнаруживаем этот труд ни в библиотечных каталогах, ни в списках трудов Корецкого (Список печатных трудов В. И. Корецкого / Сост. Л. Е. Морозова // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 267; АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 315. Л. 141). Известно, что в апреле 1981 г. В. И. Корецкий еще только работал над составлением сборника документов (АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 320. Л. 9 об., 11), но каких-либо сведений о завершении работы не выявлено. Вероятно, мы имеем дело с ошибкой, которая проявилась в ходе составления списка основных работ ученого.

⁴⁰ *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 4–10; *Зиборов В. К.* Русское летописание XI–XVIII веков. СПб., 2002. С. 10; *Солодкин Я. Г.* Очерки по истории общерусского летописания XVI – первой трети XVII веков. Нижневартовск, 2008. С. 3–6.

⁴¹ *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 282–290; *Он же.* “История Иосифа о разорении русском” – летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 251–285; *Он же.* Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева // Летописи и хроники, 1976 г. М., 1976. С. 113–141; *Он же.* К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины // Летописи и хроники, 1984 г. М., 1984. С. 88–112; *Буганов В. И., Клосс Б. М., Кучкин В. А., Муравьева Л. Л., Корецкий В. И.* Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы. М., 1984. С. 6–16.

⁴² *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986.

⁴³ *Солодкин Я. Г.* Указ. соч. С. 5.

⁴⁴ *Буганов В. И., Корецкий В. И.* Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ // ЗОР ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 127–167; *Корецкий В. И.* Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // ЗОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 191–208; *Он же.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники, 1984 г. М., 1984. С. 187–218.

сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода ИИ СССР АН СССР в 1986 г. прозвучал доклад ученика Корецкого А. В. Лаврентьева “Научный архив В. И. Корецкого”. Докладчик отметил, что уже в 1986 г. началась работа по систематизации документов историка для формирования в будущем архивного фонда⁴⁵. Однако документы из личного архива Корецкого поступили в АРАН только в 1990 и в 2002 гг.

Стоит отметить, что документы (и предметы) из личного архива семьи Корецких были также частично переданы в ГИМ и Музей-заповедник “Куликово поле” (г. Тула). В ОПИ ГИМ был сформирован фонд № 577, куда вошли некоторые личные документы В. И. Корецкого и его родителей, несколько писем ученому от матери, а также большое количество оттисков статей разных лиц с дарственными надписями ему. В нумизматическую коллекцию ГИМ поступила коллекция значков и памятных медалей В. И. Корецкого. В ГИМ были переданы и некоторые личные вещи ученого. Фонды ГИМ также пополнились большим количеством фотографий историка, его родственников и коллег, всего на хранение было передано 56 фотографий за 1930–1980-е гг.⁴⁶ Обширная личная библиотека В. И. Корецкого стала достоянием Музея-заповедника “Куликово поле” г. Тулы⁴⁷.

В 1990 и 2002 гг. в АРАН поступил самый большой массив документов из личного архива Корецких. На эти документы была составлена опись, состоящая из 617 ед. хр. за 1873–2005 гг., которая тематически разделена на 6 разделов⁴⁸.

Первый раздел: Научные труды и другие творческие материалы состоит из 4 подразделов. В первый подраздел – Научные исследования, проекты (144 ед. хр. за 1949–1985 гг.) вошли тексты статей, докладов и монографий В. И. Корецкого. Среди сохранившихся работ ученого имеются его первые, студенческие и аспирантские исследования, которые были отмечены как доклады высокого уровня на студенческих конференциях МГУ. Темы этих докладов крайне разнообразны: “Аграрный строй Северо-Восточной Германии и проблема второго издания крепостничества” (научный руководитель – С. Д. Сказкин) (Д. 1); “Брестский мир” (Д. 2), “Борьба советской власти за мир от Октября до Бреста” (Д. 3). Органично к этим докладам примыкает дипломная работа В. И. Корецкого “Классовая борьба в XVI в. и учреждение опричнины” (Д. 4), которая наметила будущие крупные научные работы историка. Стоит отметить, что к дипломной работе, как и ко многим другим своим работам, Корецкий прилагал рабочие материалы, использованные в ходе подготовки труда (выписки из архивных документов, литературы и проч.), отчего исследователь может увидеть не только итоговой текст и правки в нем, но и подготовительные материалы к нему.

Как отмечал А. В. Лаврентьев, практически все труды В. И. Корецкий смог опубликовать при жизни⁴⁹, тем не менее, состав архива позволяет увидеть не только готовые к печати материалы, но и варианты этих работ.

Обратившись к архивному наследию В. И. Корецкого, исследователь может обнаружить практически весь комплекс опубликованных работ историка в их

⁴⁵ Мироненко М. П. Указ. соч. С. 311.

⁴⁶ АРАН. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 333. Л. 9–10.

⁴⁷ Там же. Л. 1; О библиотеке см. также: <https://kulpole.ru/article/vladelcheskie-kollekcii-v-nauchnoj-publichnoj-biblioteke-muzeya-zapovednika> (дата обращения: 26.09.2022).

⁴⁸ Далее ссылки на номера дел Ф. 2124 даются в тексте статьи.

⁴⁹ Мироненко М. П. Указ. соч. С. 311.

рукописном и машинописном вариантах. Так, в личном фонде историка имеются статьи по истории религиозных движений в России: «К вопросу о социальной сущности “нового учения” Феодосия Косого» (Д. 6), «Очерк истории религиозного сектантства на Тамбовщине (вторая половина XVIII – начало XX в.» (Д. 30), «Христологические споры в России (середина XVI в.» (Д. 36), «Вольнодумец XVIII века Дмитрий Тверитинов» (Д. 47), «Вновь найденное противоеретическое произведение Зиновия Отенского» (Д. 50), «Новые послания Зиновия Отенского» (Д. 74).

Наибольший вклад В. И. Корецкий внес в изучение истории закрепощения крестьян в XVI–XVII вв. В архиве сохранились варианты текстов кандидатской (Д. 12–14) и докторской (Д. 94–101) диссертаций Корецкого, посвященных юридическому оформлению крепостничества в России в эпоху позднего средневековья. Кроме того, имеется большое количество статей, тезисов и докладов ученого, посвященных этой теме (Д. 24, 31, 33, 37, 38, 46, 49, 51 и др.). Следует отметить, что среди этих документов имеются материалы дискуссии В. И. Корецкого с В. М. Панеяхом о месте бобылей в процессе закрепощения: варианты статьи Корецкого «Сельское бобыльство в России и процесс закрепощения» (Д. 54), ответ на рецензию В. М. Панеяха «Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого)» (Д. 86). Большой интерес представляют рукописи статей Корецкого о народном сопротивлении государственному гнету – восстаниям под предводительством Хлопка (Д. 55) и И. И. Болотникова (Д. 34, 58, 62, 67, 79, 82, 91, 105).

Немалое число трудов В. И. Корецкого, посвящено русскому летописанию (Д. 107, 109, 110, 116, 123, 138, 140–142). Особо ценен факт сохранения в рукописном наследии ученого материалов о методологии поиска и работы с летописными источниками конца XVI – начала XVII вв. (Д. 131, 133, 138). Важно отметить, что, согласно В. И. Корецкому, В. Н. Татищев мог пользоваться не дошедшими до нас летописными материалами, в подтверждение этого советский ученый приводил аргументы, привлекая как творческое наследие Татищева, так и его переписку, статьи на эту тему сохранились в личном фонде (Д. 88, 112). Интересно, что в статье «История Иосифа о разорении русском» – летописный источник В. Н. Татищева» (Д. 88) имеются подготовительные к ней материалы, позволяющие увидеть ход работы историка над доказательной базой исследования.

В. И. Корецкий принимал активное участие и в составлении коллективных трудов. В архиве есть главы к «Хрестоматии по истории СССР, XVI–XVII вв.»; к «Истории СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2» (в соавторстве с А. А. Зиминым) (Д. 41); к книге «Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): Критические очерки» (Д. 45); материалы к изданию «Москва: Иллюстрированная история в двух томах» (Д. 137); к «Истории крестьянства в СССР» (Д. 143). Сохранились варианты монографии В. И. Корецкого, В. И. Буганова и Г. Д. Бурдея «Из истории русского города XVI – начала XVII в. (Серпухов, Серпуховский край)»⁵⁰ (Д. 124).

Из неопубликованных научных работ историка представляют определенный интерес две группы архивных дел. Во-первых, небольшие заметки и тексты докладов В. И. Корецкого о роли Ивана Грозного в советской историографии (Д. 8, 18, 60). В них исследователь может увидеть то, как в советской историографии

⁵⁰ Буганов В. И., Бурдей Г. Д., Корецкий В. И. Из истории русского города XVI–XVII веков (Серпухов и Серпуховский край). Саратов, 1981.

проводилось развенчание “культа Ивана Грозного” в 1950–1960-е гг., а также узнать мнение на происходящий процесс молодого историка, недавнего выпускника МГУ. Во-вторых, документы, связанные с планированием В. И. Корецким своих трудов. Во время работы в ИИ АН СССР ученый разрабатывал планы специальных монографий, которые, к сожалению, не были реализованы. Среди них: сборник “Документы приказного делопроизводства по истории крестьянского закрепощения и феодального землевладения XVI – начала XVII в.” (Д. 10), “Рассказы из русской истории. Книга для чтения” (Д. 26), “Русские вольнодумцы” (Д. 28). Из этих планов видно, какие темы планировались к разработке Корецким, и как изменялись его творческие амбиции.

Во второй подраздел “Научных трудов и других творческих материалов” вошли рецензии и отзывы В. И. Корецкого на работы разных лиц (9 ед. хр. за 1957–1985 гг.). В этой группе документов имеются рецензии историка (Д. 146–150, 152), отзывы на кандидатские (Д. 145) и докторские (Д. 151) диссертации разных лиц, отзывы на статьи, доклады и монографии других исследователей (Д. 144). Документы этого раздела позволяют изучить манеру критики Корецким чужих трудов, а также удостовериться в “доброжелательности” таких отзывов ученого⁵¹.

Третий, достаточно обширный подраздел, “Научно-популярные работы” (85 ед. хр. за 1946–1985 гг.) в основном представлен небольшими статьями В. И. Корецкого, подготовленными для БСЭ, СИЭ и других крупных универсальных и отраслевых энциклопедий (Д. 153–220, 223–229; 231–233). Кроме энциклопедических статей в этом подразделе отложились и научно-популярные статьи Корецкого об ополчении под руководством Минина и Пожарского (Д. 221), о загадках XVII в. (Д. 222), а также небольшие заметки для газеты “Неделя” и журнала “Знание – сила”, посвященные концу династии Рюриковичей (Д. 234–237).

Особое место в личном фонде В. И. Корецкого занимает четвертый подраздел, вобравший в себя рабочие материалы к трудам ученого (67 ед. хр. за 1940–1985 гг.; Д. 238–305). Эти документы позволяют составить представление о методах поиска и подбора ученым исторического материала для будущих работ. Среди этого раздела находятся как выписки по разным интересовавшим историка темам, так и целые транскрипции и фотокопии отдельных русских средневековых текстов.

Важное место для исследователя биографии В. И. Корецкого будет иметь второй раздел фонда – “Биографические документы”, в котором сконцентрировались источники, свидетельствующие о жизни и творчестве историка. Так, в первый подраздел – Личные документы (28 ед. хр. за 1943–2005 гг.) – вошли подлинные грамоты за успехи в учебной (Д. 306) и студенческой научной жизни (Д. 312, 313); документы о получении образования в разных учебных заведениях – МИИТ (Д. 307 – зачетная книжка и справка об обучении), Вечернем университете марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б) (Д. 311 – свидетельство и справка об окончании), МГУ (Д. 314 – диплом и приложение к нему). Отложились в фонде и подлинные дипломы кандидата и доктора исторических наук (Д. 316). Реконструировать научную жизнь ученого позволяют пригласительные билеты на различные конференции (Д. 321), справки о командировках (Д. 326), отношения и пропуска в архивы (Д. 319) и библиотеки (Д. 324). Кроме того, в этот раздел помещены отчеты Корецкого о работе в ИИ АН СССР (Д. 320) и составленные им собственноручно

⁵¹ Мироненко М. П. Указ. соч. С. 311–312.

списки трудов (Д. 315 – хронология дела – от 1957 до 1982 г.). Кроме того, в этот раздел вошли сдаточная опись личного архива ученого (Д. 332) и материалы о передаче документов ученого в ГИМ, а библиотеки – в музей-заповедник “Куликово поле” (Д. 333). Сохранились и автобиографии Корецкого, они помещены в отдельный подраздел (Автобиографические документы – 1 ед. хр. за 1947–1952 гг.), на основании которых исследователь сможет уточнить отдельные вехи жизни ученого.

В третий подраздел “Биографических документов” – Документы об учебе фондообразователя (5 ед. хр. за 1944–1978 гг.) вошли материалы, отражающие разные этапы образования В. И. Корецкого. Особенно ценными, на наш взгляд, в указанном подразделе являются конспекты лекций Л. В. Черепнина и М. Н. Тихомирова по истории Руси.

Четвертый подраздел – Документы о фондообразователе (10 ед. хр. за 1952–2003 гг.) – представлен характеристиками (Д. 340) и отзывами на работы В. И. Корецкого (Д. 341); кроме того, в нем содержатся различные заметки об ученом (Д. 342–345, 347), а также телеграммы разных лиц вдове Корецкого в связи с его смертью (Д. 346).

Подраздел “Документы имущественно-хозяйственного и бытового характера” (1 ед. хр. за 1972–1982 гг.) состоит из справок, прошений и заявлений В. И. Корецкого по вопросам улучшения его жилищных условий (Д. 350).

Достаточно большой и интересный массив документов представлен в подразделе “Фотографии и другие изобразительные материалы” (27 ед. хр. за 1939–2003 гг.). Среди них портреты ученого (Д. 351), его детская фотография (Д. 352), большое количество фотографий в компании сокурсников и во время обучения (Д. 354–356, 359, 360), общие фотографии: коллектив сотрудников ИИ АН СССР (Д. 362), членов научной сессии по истории феодализма Поволжья и Приуралья в г. Чебоксары (Д. 364). Совместные кадры В.И. Корецкого с коллегами – Н. Н. Покровским (Д. 365), И. Д. Ковальченко (Д. 366), М. И. Автократовой (Д. 368), Н. А. Горской (Д. 369). Кроме того, в фонде отложились фотографии жены, родителей и других родственников ученого (Д. 370–376). Особо ценной, уникальной единицей хранения (Д. 377) является неизвестный ранее масляный портрет историка Б. Н. Тихомирова (1898–1937), младшего брата М. Н. Тихомирова, погибшего в годы сталинских репрессий⁵². Автор его – художник Ю. Б. Кафенгауз (сын историка Б. Б. Кафенгауза), создавший портрет и самого М. Н. Тихомирова. Интересно, что портрет, датированный 1964 г., очевидно, был написан по принадлежащей М. Н. Тихомирову любительской фотографии, запечатлевшей Бориса ребенком в Коломенском под Москвой в начале XX в.⁵³ Принимая во внимание трагическую судьбу героя портрета, нельзя не думать, что инициатива его создания исходила лично от М. Н. Тихомирова. К сожалению, не удалось установить определенно, каким путем он оказался в архиве В. И. Корецкого.

Третий раздел описи – Документы о деятельности включает в себя два подраздела. Первый: Документы о редакционной деятельности и деятельности по изданию

⁵² См. о нем.: *Артизов А. Н.* Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939). Материалы о жизни и деятельности // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 110–123.

⁵³ Оригинал фотографии сохранился в фонде М. Н. Тихомирова: Ф. 694. Оп. 2. Д. 227. Л. 1; и фотография, и портрет опубликованы в кн.: Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками / Авт.-сост.: А. В. Мельников, Н. А. Комочев, В. В. Тихонов. М., 2022, полосы 2 и 21 вклейки.

трудов фондообразователя (22 ед. хр. за 1956–1984 гг.) представляет собой собрание документов о работе В. И. Корецкого в различных редакционных коллегиях (Д. 386–388, 392, 393, 396), а также заявления ученого о публикации статей, монографий и сборников документов (Д. 378, 382, 389, 394, 398). Как консультант Корецкий принимал участие в создании исторических фильмов “Век минувший во всей его истине” и “Борис Годунов”, о чем также сохранились документы в его личном фонде (Д. 390, 391, 399).

Второй подраздел – Документы о педагогической деятельности (5 ед. хр. за 1962–1983 гг.) состоит из составленных историком спецкурсов по истории Руси в XVI–XVII вв. (Д. 400–401), переписки о чтении серии лекций в Ростовском государственном университете (Д. 402), а также докладов и курсовых работ, подготовленных студентами Корецкого (Д. 403, 404).

Достаточно богатым является раздел “Переписка”. Его первый подраздел – Письма фондообразователя (31 ед. хр. за 1944–1985 гг.) представлен, во-первых, черновиками писем Корецкого крупным отечественным историкам: Ю. Г. Алексееву (Д. 405), З. Я. Бояршиновой (Д. 406), С. Н. Валку (Д. 407), Д. С. Лихачеву (Д. 419), А. Г. Манькову (Д. 421), Я. Г. Солодкину (Д. 427) и др. Кроме того, важной частью подраздела является огромное количество писем Корецкого матери (Д. 414–416), которые могут стать основой для подробной реконструкции жизни ученого, а также – письма отцу (Д. 417) и жене (Д. 413).

Второй подраздел – Письма к фондообразователю (111 ед. хр. за 1955–1985 гг.) также является крайне богатым. Среди корреспондентов Корецкого – З. Я. Бояршинова (Д. 447), С. Н. Валк (Д. 449), Л. А. Дмитриев (Д. 459), Я. С. Лурье (Д. 486), В. И. Малышев (Д. 488), Р. Г. Скрынников (Д. 514), И. И. Смирнов (Д. 515) и многие другие.

Пятый раздел – Документы родственников (36 ед. хр. за 1925–1985 гг.) состоит из личных документов матери и отца Корецкого (Д. 552–556, 562, 563). Достаточно большой пласт документов в этом подразделе занимает переписка Татьяны Васильевны Корецкой с родственниками и знакомыми (Д. 564–582), благодаря которым исследователь может реконструировать особенности повседневной жизни советского человека.

Шестой раздел описи – Материалы других лиц (34 ед. хр. за 1928–1985 гг.) включил в себя преимущественно статьи коллег В. И. Корецкого, которые отложились в его собрании. Здесь также и документы В. И. Буганова (Д. 587–598), среди которых письма ему от А. Г. Манькова (Д. 595), В. Г. Пуцко (Д. 596) и О. В. Творогова (Д. 597). Такой пласт документов показывает тесную связь двух историков, работавших над вопросами русского летописания.

Личный фонд В. И. Корецкого представляет собой крупное архивное собрание, отличающееся относительной полнотой, а также особо интересными и уникальными документами, позволяющими глубже исследовать не только особенности развития советской исторической науки, но и отдельные аспекты повседневной жизни в СССР.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ МАРГАРИТЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ БЫЧКОВОЙ*

1959

Публ.: Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись / Подгот. к печ.: В. И. Буганов и др.; раб. над корректурой: М. Е. Бычкова и др.; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.; Л. 413 с.

1961

Родословные книги середины XVI века // Труды МГИАИ. М. Т. 16: Труды НСО. История СССР, специальные ист. дисциплины / Под ред. С. О. Шмидта. С. 475–480.

1963

Редакция родословных книг второй половины XVI века // Археографический ежегодник за 1962 год. М. С. 126–133.

Научно-организационная работа: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М. 483 с.

1965

Публ. и указ.: Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. 390 с.

Публ. и указ.: Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. 240 с.

1966

Указ.: Разрядная книга. 1475–1598 г. / подгот. текста, введ. ст. и ред. В. И. Буганов; именной указ. (с. 545–599) сост. М. Е. Бычкова, К. И. Безродная и др. М. 614 с.

Сост.: Родословная таблица великих и удельных князей владимирских и московских XII–XVI вв. // История СССР. С древнейших времен до наших дней. М. Т. 2. С. 599–605.

1967

Памяти Михаила Николаевича Тихомирова / [М. Е. Бычкова, З. Г. Самодурова] // ВВ. Т. 27. С. 360–362. Совм. с З. Г. Самодуровой. Без подп.

Сост., подгот. к печ., коммент. и библиогр.: Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы рос. Министерства иностранных дел. Сер. первая. 1801–1815 гг. Т. 5. Апр. 1809 г. – янв. 1811 г. М. 784 с. Совм. с др.

1968

Обзор Родословных книг XVI–XVII вв. // АЕ за 1966 год. М. С. 254–275.

Родословные книги XVI–XVII веков как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 25 с.

1969

От составителя [вспомогательных указателей] // Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. С. 534.

Указатель имен // Там же. С. 535–568.

Указатель географических названий // Там же. С. 568–581.

1970

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел / выявл., подгот. к печ., коммент., библи. М. Е. Бычкова и др. Серия первая. 1801–1815 гг. Т. 7: янв. 1813 г. – май 1814 г. М. 872 с.

* Сост.: Р. Б. Казаков, О. И. Хоруженко.

Обзор родословных книг XVI–XVII вв. // АЕ за 1968 год. М. С. 255–256.

Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. ст. М. 468 с. *Научно-организационная работа: М. Е. Бычкова, Т. Н. Алексинская.*

1974

Генеалогические источники в исследовании истории боярского землевладения XIV–XVI вв. // Тезисы докладов и сообщений XV Сессии Межреспубл. симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 7–13 сент. 1974 г. М. Вып. 1. С. 61–64.

Отдельные моменты в истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. // Польша и Русь: черты общности и своеобразия в ист. развитии Руси и Польши XII–XIV вв.: сб. ст. М. С. 365–377. *Член редкол.*

1975

Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство феодальной России: сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М. С. 133–140.

Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник / Отв. ред. А. А. Зимин. М. 215 с. *Рец.: Кобрин В. Б. // ИСССР. М., 1978. № 3. С. 185–187; Kleimola A. // Russian Review. Hanford, 1977. Vol. 36. № 1. P. 82–83; Gajewska G. // Studia źródłoznawcze. Warszawa; Poznań. 1977. T. 22. S. 167–168; Shields N. M. // Kritica. Cambridge. 1976. Vol. 12. № 2. P. 83–95.*

1976

Генеалогические источники в исследовании истории боярского землевладения XIV–XVI вв. // Материалы XV Сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда. Вып. 1. С. 37–44.

Генеалогия в советской исторической литературе // ВИД. Л. Вып. 7. С. 43–56.

Конференция советских и польских историков в Сухуми // Сов. славяноведение. № 4. С. 132–135.

Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения: сб. ст. М. С. 292–303. *Член редкол.*

Legenda o pochodzeniu wielkich książąt litewskich: redakcje moskiewskie z końca XV i z XVI wieku // Studia Źródłoznawcze: Commentationes. Warszawa; Poznań. T. 20. S. 183–199.

1977

Родословие Глинских из Румянцевского собрания // ЗОР ГБЛ. М. Вып. 38. С. 104–125.

Степан Борисович Веселовский – генеалог // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований: сб. ст. М. С. 42–56. *Сост.: Редкие источники по истории России: сб. публ.: в 2 вып. М. Т. 1–2.*

1978

Генеалогия в “Истории о великом князе Московском” А.М. Курбского // Древняя Русь и славяне: сб. ст. М. С. 221–225.

Предисл. и публ.: Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с лицами князьями // АЕ за 1977 год. М. С. 353–356.

1979

Русско-литовские политические контакты XV – начала XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв.: сб. ст. М. С. 135–146. *Член редкол.*

1980

О политике русского правительства в отношении дворян, выезжавших из-за рубежа в XVII веке // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV–XVIII вв.: чтения, посвященные памяти акад. Льва Владимировича Черепнина: тез. докл. и сообщений. М. С. 84–87.

Polskie źródłoznawstwo w Petersburgu w końcu XIX wieku // Polsko-rosyjskie

związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa. S. 155–173.

1981

Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Вып. 12. С. 90–109.

Литовская метрика – совместное издание советских и польских историков // ИСССР. № 4. С. 214–215.

Польские традиции в русской генеалогии XVII века // Сов. славяноведение. № 5. С. 39–50.

Родословная роспись Кузминых-Каравачевых и Фефилачевых [публ. текста] // Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М. С. 148–151.

Юзеф Вольф в Петербурге: (из ист. генеалогических исслед. в последней четверти XIX в.) // История и историки: историогр. ежегод., 1978. М. С. 252–262.

1982

Деятельность Русского генеалогического общества // ИСССР. № 5. С. 115–120.

О социальном составе тысячников // Россия на путях централизации: сб. ст. М. С. 175–178. *Член редкол.*

Роль скандинавских этнических элементов в формировании русского дворянства: (до XVIII в.) // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Тарту. Ч. 1. С. 130–131.

Публ.: Грамота Бориса Прозоровского 29 ноября 1692 г. о строительстве Посольского двора // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода: сборник. М. С. 136–137.

1983

Виды русских генеалогических источников (XV–XVIII вв.) и методика их исследования // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: тез. докл. М. С. 187–194.

Некоторые задачи генеалогического исследования // ВИД. Л. Вып. 14. С. 3–22.

1984

Международные связи советских историков. О сотрудничестве историков СССР и Польши // ВИ. № 8. С. 151–152. Совм. с Н. Ф. Бугай.

Подгот. публ. и вступ. ст.: Описание Новгородского 1617 года / под общ. ред. В.Л. Янина. М. 2 ч. 320 с. (Памятники отеч. истории; вып. 3).

1985

Пер.: Ловмянский Х. Русь и норманны. М. 304 с.

1986

Роль государства в феодальном освоении земель в Великом княжестве Литовском. Последняя четверть XV – начало XVI в.: (к вопросу об образовании феодальной вотчины) // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС: XXI сес. Всесоюз. симпоз. по изуч. пробл. аграр. истории: тез. докл. и сообщ. М. С. 216–218.

Россия XVII в. глазами шведов (по материалам “Дел о выездах иностранцев” ЦГАДА) // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М. Ч. 1. С. 105–107.

Состав класса феодалов России в XVI в.: ист.-генеал. исслед. / Отв. ред. С. М. Каштанов. М. 221 с.

Сост.: Новгород Великий в XVII в.: док. по ист. градостроительства М. 308 с. Совм. с А. Н. Медушевским.

1988

Документы ЛМ [Литовской метрики] как источник деятельности канцелярии ВКЛ (конец XV – первая четверть XVI в.) // Литовская Метрика: тез. докл. межресп. науч. конф., апр. 1988 г. Вильнюс. С. 31–33.

О сословной структуре класса феодалов России в XVII в. // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв.: сб. науч. тр. М. С. 29–42.

1989

- Генеалогия в современном краеведении // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению, апрель 1989 г.: тез. докл. и сообщений Пенза. С. 111–112.
- Родословные росписи XVI–XVII вв. в системе памятников русской общественной мысли // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования: тез. докл. и сообщений. М. С. 87–89.
- Сословная структура правящего класса и III Литовский статут // Третий Литовский статут 1588 года: материалы Респ. науч. конф., посвящ. 400-летию Третьего статута. Вильнюс. С. 139–142.
- Шведы в Новгороде в XVII – начале XVIII вв. // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М. С. 37–39.

1990

- Николаас Витсен о русской церкви и патриархе Никоне // Церковь, общество и государство в феодальной России: сб. ст. М. С. 293–298.
- Русский феодал глазами иностранцев XVI–XVII вв. (методы источниковедческого анализа) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: тез. докл. и сообщений Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. М. Ч. 1. С. 33–34.
- Сведения о повседневной жизни русского общества XVI–XVII вв. в русских и иностранных источниках: (методы сравнит. анализа источников) // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: тез. докл. и сообщений V Всесоюз. конф. Киев. С. 65–66.

1991

- Белорусские предки Ивана Грозного // Наш радавод: материалы междунар. науч. конф. по регион. истории Вост. Европы “Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии, XIII – начала XX вв.”. Гродно. С. 37–39.

- Белорусские предки Ивана Грозного // Наш радавод: материалы междунар. науч. конф. по регион. истории Вост. Европы “Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии, XIII – начала XX вв.”. Гродно. Кн. 3, ч. 3. С. 468–470.
- Генеалогические таблицы: очередная публикация рубрики (начало см. “Родина” №№ 2–4) рассказывает о том, как собрать досье для составления родословия семьи] // Родина. № 5. С. 35–37.
- Генеалогия в изучении формирования сословной структуры русского общества // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: чтения, посвящ. памяти А. Л. Станиславского: тез. докл. и сообщений. М. С. 52–53.
- Древо рода // Родина. № 2. С. 80–85. Совм. с Л. Кузой.

Семейный летописец // Родина. № 4. С. 35–37.

Публ. и предисл.: Древо познания: [публ. текста лекции Л. М. Савелова] // Родина. № 3. С. 39–42.

1992

- Роковой пояс [О картине П. П. Чистякова “Софья Витовтовна, срывающая пояс с Василия Косого”] // Родина. № 2. С. 36–37; ил. Совм. с Г. Н. Бочаровым.
- Комментарий [к ст. Н. Федорова “О письменах”] // Родина. № 8–9. С. 163.
- Сказание о венце [“Сказание о князьях Владимирских”] // Родина. № 8–9. С. 123–128. Совм. с Л. Кузой.
- Чл. редкол.:* Летопись историко-родословного общества в Москве. М. Вып. 1 (45). 87 с.

1993

- Ветвь Романовых идет из древнейшего боярского рода Кошкиных – Захарьиных – Юрьевых // Родина. № 1. С. 32–33.
- Вспомогательные исторические дисциплины в 20-е годы. Деятельность Н. П. Лихачева // Источниковедение XX столетия:

тез. докл. и сообщений науч. конф. М. С. 85–86.

Великое княжество Литовское // История Европы с древнейших времен до наших дней: в 8 т. М. Т. 3. С. 114–118.

Идеи власти и подданства в генеалогической литературе XV–XVI вв. // Историческая генеалогия: ежекварт. науч. журн. Екатеринбург; Париж. № 2. С. 4–9. *Член редкол.*

Интеллектуалы русского средневековья // “Scribantur haec...”: проблема автора и авторства в истории культуры: науч. конф. М. С. 29–30.

История страны – это история семей, ее населяющих: [беседа с М. Бычковой] / записала С. Беляева // Поиск: еженед. М. 17–23 сент. С. 16.

Обзор итогов “круглого стола” “Российская геральдика и генеалогия” // Второй конгресс соотечественников, 7–12 сент. 1992 г.: материалы. СПб. С. 77–82. Совм. с С. В. Думиным.

Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: воплощение идеи власти государства // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 34, № 1–2. P. 245–255.

Первый русский дворянский герб // Гербовед. М. № 2 (4). С. 33–42.

1994

“Бархатная книга” // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М. Т. 1. С. 169–170.

Генеалогия // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М. Т. 1. С. 526.

Регалии власти русских государей: европейские реалии и византийская легенда // Россия и Запад: диалог культур: сборник трудов конф. Москва, 1–3 нояб. 1994. М.

Родословие князей Глинских // Историческая генеалогия: ежекварт. науч. журн. Екатеринбург; Париж. № 3. С. 25–27. *Чл. редкол.*

Чл. редкол.: Летопись историко-родословного общества в Москве. М. Вып. 2 (46). 124 с.

1995

“А в вашем шкафу есть скелет?”: интервью // Учительская газ. 4 мая. С. 14.

Византийские традиции и реалии формирования сословий в России (XVI–XVII вв.) // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: материалы IX Международ. семинара ист. исслед. “От Рима к Третьему Риму”. М. С. 251–259.

Генеалогия в общественном сознании допетровской Руси // Известия Русского генеалогического общества. СПб. Вып. 2. С. 66–68.

Московские самодержцы. История возведения на престол. Обряды и регалии. М. 70 с. (Природное и культ. наследие Москвы).

Рим и император Август в русских родословиях XVI–XVII вв. // Россия в X–XVIII вв.: проблемы истории и источниковедения: тез. докл. и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М. Ч. 1–2. С. 132–135.

Россия и Литва // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность: материалы конф. Москва, март 1993 г. М. С. 92–99.

Русское и иностранное происхождение родоначальников боярских родов: исторические реалии и родословные легенды // Элита и этнос Средневековья: сб. ст. М. С. 53–58.

Энциклопедия для детей. М. Т. 5, ч. 1: История России и ее ближайших соседей. 672 с.: ил. Из содерж.: Генеалогия в России. С. 46–50; Символы царской власти. С. 50–55; Боярская дума. С. 356–360; Цари из рода Романовых. С. 385–390; Чины и должности высшего дворянства. Государев двор. С. 390–396; Монастыри России. С. 586–595.

1996

Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнит.-ист. изучения полит. строя. М. 175 с.

Магия власти // Терра инкогнита. 1996. № 4–5.

Юриковичи: правители, воины, защитники // Терра инкогнита. № 2–3.

Смерть Ивана Грозного // Терра инкогнита. № 2–3.

1997

Гербы русских дворян конца XVII в. // Гербовед. М. № 7(19). С. 104–109.

“Дары императора Константина”: из истории русских регалий власти // У источника: сб. ст. в честь чл.-корр. Рос. акад. наук Сергея Михайловича Каштанова: в 2 ч. М. Ч. 1. С. 282–308.

Легенды московских бояр. М. 51 с.

Правящий класс Русского государства (XV–XVII вв.) // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М. С. 236–260.

Римская тема в русских генеалогических сочинениях XV–XVII вв. // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в.: тр. VI междунар. семинара ист. исслед. “От Рима к Третьему Риму”. М. С. 266–274.

Российский двуглавый орел // Терра инкогнита. М. № 11. Под псевдонимом.

Формирование правящего класса Великого княжества Литовского в XVI веке // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М. С. 216–235.

Энциклопедия для детей. М. Т. 5, ч. 2. Из содерж.: Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839). С. 254–263; Государственные деятели николаевского времени. С. 344–351; Русский город XVIII–XIX веков. С. 639–648.

Вступ. ст., публ. и коммент.: Страница истории Невеля // Невельский сборник: ст. и воспоминания. СПб. Вып. 2. С. 125–128.

Чл. редкол.: Летопись историко-родословного общества в Москве. М. Вып. 4–5 (48–49). 200 с.

1998

Восточные и западные мотивы в памятниках русской генеалогии XVII в. // Рос-

сия – Восток – Запад: сб. ст. М. С. 155–163.

Древо желающих. Николай I и его потомки по мужской линии // Итоги. № 27(112). С. 18–20. Совм. с М.И. Смирновым.

Поляки в Москве во второй половине XVII в.: влияние польской культуры на традиции русской жизни // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М. С. 77–83.

Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравн.-ист. изучения полит. строя: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 33 с.

1999

Двуглавый орел в российской государственной символике конца XV–XVII вв. // Гербовед. № 38. С. 39–44.

Международные связи России в 70-е годы XV – первой половине XVI века / М. Е. Бычкова, А.В. Виноградов // История внешней политики России. Конец XV – XVII век: (от свержения ордынского ига до Северной войны). М. С. 106–133. Совм. с А.В. Виноградовым.

“Могучих предков правнук бедный...”: (комментарий к схеме “Предки А.С. Пушкина”) // Предки А.С. Пушкина: (поколенная роспись). М. С. 3–7. Совм. с М.И. Смирновым.

Рим и император Август в русских родословиях XVI–XVII вв. // Россия в IX–XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения: сб. ст. и тез. докл. Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. М. С. 100–102.

Русская генеалогия / авт. кол.: Бычкова М. Е. (науч. рук.) и др. М. 230 с. (Вспомогательные исторические дисциплины: энциклопедия). Из содерж.: Генеалогия. С. 10–16; Генеалогические документы. С. 16–27; Некоторые законы генеалогии. С. 27–29; Термины родства. С. 29–31; Государев родословец. С. 38–39; Бархатная книга. С. 40–43; “Генеалогия” Лаврентия Хурелича. С. 49–50; “Генеалогия” Римских-Корсаковых. С. 50–53; Гербы дворян XVII в. С. 53–58; “Дело о гербах”

1743 г. С. 58–62. Совм. с О.И. Хоруженко; Разрядный приказ. С. 86–87; Палата родословных дел. С. 88–91; Посольский приказ. С. 91–94; Русское генеалогическое общество в Санкт-Петербурге. С. 100–104; Иностранное дворянство до XVIII в. С. 161–162; Чины и звания. С. 170–172; Иван Елизарович Цыплятев. С. 178–179; Матвей Григорьевич Спиридов. С. 190–191. Совм. с О. В. Рыковой; Петр Владимирович Долгоруков. С. 191–193; Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. С. 193–194; Николай Владимирович Мятлев. С. 199; Николай Петрович Лихачев. С. 200–201; Николай Флегонтович Иконников. С. 215–216. Совм. с О. В. Рыковой; Степан Борисович Веселовский. С. 216–218; Александр Александрович Зимин. С. 219–220.

2000

Географические знания в России XVI–XVII веков: (по данным родословных документов) // Исследования по истории России XVI–XVIII вв.: сб. в честь 70-летия Я. Е. Водарского. М. С. 14–26.

Зарождение чиновничьего аппарата Русского государства. Генеалогические заметки // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Натальи Федоровны Демидовой. М.; Новосибирск. С. 64–72.

Князь Михаил Глинский на службе в Литве и России // Человек XVI столетия: (сб. ст.). М. С. 108–116.

Судебник 1497 г. и Чин поставления на великое княжество 1498 г.: идея власти государя // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М. С. 172–183.

“Что значит именно родные”: [очерк развития рус. генеалогии как научной дисциплины]. М. 147 с. (Памятники рус. ист. мысли).

2001

К. В. Базилевич – несколько страниц жизни... // Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства: вторая половина XV века.

М. С. 5–12. (Памятники рус. ист. мысли). Роль Русской Православной Церкви в формировании идеи государственной власти России (к. XV – XVII вв.). Текст: электронный // Некоммерческое партнерство «Научно-Информационное Агентство «НАСЛЕДИЕ ОТЕЧЕСТВА»». М. URL: http://old.nasledie.ru/pravosl/22_5/article.php?art=3,свободный (дата обращения: 20.02.2020).

Роль Русской Православной Церкви в формировании идеи государственной власти России (к. XV – XVII вв.). Текст: электронный // Православное информационное агентство “Русская линия”. М. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=428> (дата создания д-та: 15.12.2001).

Русская средневековая геральдика в польских гербовниках XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: тез. докл. и сообщ. науч. конф. М. С. 137–138.

Ред.: Русский родословец. М. № 1.

Отв. ред.: Мукомолов А. Ф. На Южноуральских заводах. М. Кн. 1–2.

2002

История рода // Наука и жизнь. № 10. С. 100–101.

К 140-летию Н. П. Лихачева // Русский родословец: альманах. М. № 1(2). С. 49–53.

Легенда о происхождении Боратынских // К 200-летию Боратынского: сб. материалов междунар. науч. конф. М. С. 330–340.

Предки П. А. Столыпина: буклет. М. 1 л.: ил. Совм. с М. И. Смирновым.

2003

Варяги и Ладога в российском общественном сознании XVII в. // Ладога и истоки Российской государственности и культуры: междунар. науч.-практ. конф. СПб.

Отражение идеи государственной власти в России середины XVI в. (Сказание о князьях владимирских и близкие к нему тексты) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (14): Тез. докл.

участников II междунар. конф. “Комплексный подход в изучении древней Руси”. С. 9 (совм. с Л. П. Найденовой).

2004

Генеалогия в России: история и перспективы. 274 с. Совм. с М. И. Смирновым. Польский геральдист XVI в. о древних гербах русских земель // Историческая география России: новые подходы: сб. ст., посвящ. 70-летию В. М. Кабузана. М. С. 89–97.

Отв. ред.: Мукомолов А. Ф. На Южноуральских заводах. М. Кн. 3–5.

2005

Легенда о происхождении рода и герба Боротыньских // Гербоведь. М. № 80. С. 31–36.

Мотивы “Сказания о князьях владимирских” в официальных документах середины XVI в. // Герменевтика древнерусской литературы. М. Сб. 12. С. 660–674.

Общественные движения в России, Польше и Литве в связи с женитьбой Александра Ягеллончика на великой княжне Елене Ивановне // *Życie jest wszędzie...: Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II Wojny światowej* jest wszędzie: zbiór materiałów z konferencji, 16-17 września 2003 r., Warszawa. Warszawa. S. 37–43.

Российская символика в работах М. Агоштон // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 19. Заседание 9 ноября 2005 г. М. С. 3–4.

Формирование русской государственной идеи в XVI–XVII веках // Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков. М. С. 59–68.

Царское место Ивана IV: отражение идеи государственной власти в России // Церковь в истории России: сб. ст. М. Сб. 6. С. 6–17. Совм. с Л. П. Найденовой.

2006

Взгляд в прошлое // Зиновьев В. В. Зиновьевы в истории Российского государства:

(тысяча лет древнему роду) / В. В. Зиновьев, С. Ю. Баранов, И. Н. Извеков. Ставрополь. С. 10–11. *Рецензент изд.*

Гербы русских земель в польском гербовнике XVI в. // Гербоведь. М. № 90. С. 79–82.

Династические браки русских великих князей в XIV–XVI вв. // Исследования по истории средневековой Руси: к 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.; СПб. С. 262–267.

Место генеалогии в формировании общественного сознания в России XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф. М. С. 165–167.

Мотивы “Сказания о князьях владимирских” в официальных документах середины XVI в. // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. М. № 1. С. 183–191.

Николай Петрович Лихачев (12(24).04.1862–14.04.1936): [докл. на заседании Ученого совета ИРИ РАН 4 апр. 2002 г.] // Труды Института российской истории. М. Вып. 6. С. 18–33. В обсужд. докл. уч.: Я. Н. Щапов, Н. М. Рогожин, В. А. Кучкин, Ю. А. Тихонов, А. И. Аксенов, Н. А. Соболева, Р. А. Киреева, Н. В. Сидницина.

Николай Петрович Лихачев (12(24).04.1862–14.04.1936.) Текст: электронный // Электронная библиотека ИРИ РАН / Информационно-аналит. отдел ИРИ РАН. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article&section=8&id=74>, свободный (дата обращения: 18.10.2021).

Регалии власти московских государей и формирование идеи государственной власти // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в ист. развитии от расцвета до крушения: (материалы науч. конф.). М. С. 128–148.

Русский Север в записках иностранцев первой половины XVI в. // Сельская Россия: прошлое и настоящее: (ист. судьбы северной деревни): материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.; Сыктывкар. С. 23–25.

Святость символов власти московских государей // Проблема святых и святости в истории России: материалы XX Международ. семинара ист. исслед. “От Рима к Третьему Риму”. М. С. 174–182.

Публ.: Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись / Подгот. к печ.: В. И. Буганов и др.; раб. над корректурой: М. Е. Бычкова и др.; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М. 416 с.

2007

Выход из Смуты: на путях совершенствования гос. власти: (достижения и издержки) // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв. М. С. 53–65. Чл. редкол.

География России в “Трактате о двух Сарматиях” Матвея Меховского // Проблемы исторической географии и демографии России: сборник. М. Вып. 1. С. 184–197.

Идея царской власти в публицистике конца XV – первой половины XVI в. // Вестник Общества исследователей Древней Руси за 2002–2003 гг. М. С. 288–298.

Иностранцы в Москве. XVI–XVII вв. // Москва многонациональная: истоки, эволюция, проблемы современности: сб. ст. М. С. 69–97.

Культ императора Константина в русской публицистике и памятниках изобразительного искусства XVI–XVII вв. // Единство гуманитарного знания: новый синтез: материалы XIX междунар. науч. конф. М. С. 89–93.

Российская символика в работах М. Агостон // Гербоведь (Приложение к научно-популярному журналу). М. № 2. С. 41–42.

Русское и иностранное происхождение родоначальников боярских родов: исторические реалии и родословные вымыслы // Социальная идентичность средневекового человека: (сборник). М. С. 271–276.

2008

Генеалогия на рубеже веков // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории

в системе гуманитарного знания: материалы XX науч. конф. М. Т. 1. С. 93–96. Палеографические и кодикологические особенности рукописи XVI в. с произведениями Максима Грека из Национальной библиотеки в Париже // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона: материалы Междунар. науч. конф. М. С. 50–53.

“Царствующий град Москва”: формирование идеи исторической преемственности российского великодержавия в трудах светских и церковных авторов XVI–XVII веков // Столица и провинция в истории России и Польши: к пятидесятилетию Соглашения о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Польской академией наук: сборник. М. С. 61–69.

Отв. ред.: Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2 т. Т. 1. Казань. 315 с.

Консульт.: Национальный атлас России: в 4 т. Т. 4. История. Культура. М. 495 с.

Консульт.: Национальный атлас России. Т. 4. URL: <https://национальныйатлас.рф/cd4/index.html>, свободный (дата обращения: 20.02.2020). Текст. Изображение: электронные.

2009

Магия власти. Обряды возведения на престол. Царские регалии. М. 212 с.

Вспомогательные исторические дисциплины: исследовательский опыт и перспективы // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: материалы XXI международной научной конференции. Москва, 29–31 янв. 2009 г. М. С. 13–17.

Рождение идеи государственной власти в России в XVI в. // Исторические уроки развития российской государственности. X–XX вв.: сб. материалов межрегион. науч. конф. Ярославль. С. 14–24.

Роль Поволжских городов в управлении России XVI–XVII вв. // Смутное время начала XVII в. Проблематика, методы, концептуальные подходы: сб.

материалов межрегион. общественно-науч. конф. Ярославль. С. 44–56.

Современные принципы издания кириллических документов Литовской метрики: [докл. на заседании Ученого совета ИРИ РАН 1 дек. 2005 г.] // Труды Института российской истории. М. Вып. 8. С. 70–86. Совм. с О. И. Хоруженко.

Современные принципы издания кириллических документов Литовской метрики. Текст: электронный // Электронная библиотека ИРИ РАН / Информационно-аналит. отдел ИРИ РАН. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article&section=8&id=112>, свободный (дата обращения: 18.10.2021). Текст: электронный. Совм. с О. И. Хоруженко.

Сост.: Произведения Максима Грека: Рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки. М. Совм. с: А. Лангелером, Л. П. Найденовой.

Отв. ред.: Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2 т. Т. 2. Казань. 463 с.

Вступ. ст. к публ.: Договор 1440 г. между Псковом и Великим княжеством Литовским: [публикация] / подгот. текста: А. А. Бондаренко, О. И. Хоруженко; [вступ. ст. М. Е. Бычковой (с. 231–234)] // Вестник РГГУ. № 4/09. С. 231–237.

Публ. и указ.: Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. 389 с.

Публ. и указ.: Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. XX, 240 с.

2010

Источниковедение в трудах А. А. Зимина // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII Междунар. науч. конф. М. С. 83–90.

Источниковедение в трудах А. А. Зимина:

(к 90-летию со дня рождения) // Вестник РГГУ. М. № 7 (50). С. 211–219.

2011

География России XVI в. в записках иностранцев // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. М. С. 115–125.

Консульт.: Национальный атлас России: в 4 т. Т. 4. История и культура. М. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Текст. Изображение: электронные.

2012

Отв. сост.: Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики. М.; СПб. 664 с. Совм. с О. И. Хоруженко, А. В. Виноградовым. *Рец.*: Dubonis A. // Lithuanian historical studies Т. 17. Р. 187–195.

Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / Сост. и авт. предисл.: О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. М. 367 с. (Ист. исслед.).

2013

Отв. ред.: Рукописный трактат “О коронах” начала XVIII в.: памятник русско-венгерских культурных. М.; Печ. 256 с.

2015

Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / Сост. и авт. предисл.: О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. М. 367 с. (Ист. исслед.). Текст: электронный.

2016

Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / Сост. и авт. предисл.: О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. М. 367 с. (Ист. исслед.).

2018

Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика /

Сост. и авт. предисл.: О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. М. 367 с. (Ист. исслед.).

Сост.: Акты Российского государства: государственные и корпоративные архивы XIII–XVII вв. Акты, относящиеся к истории Западной России. Вып. 1. 6-я книга записей Литовской Метрики. Сборник документов канцелярии великого князя Литовского Александра Ягеллончика. 1494–1506 гг. 2-е изд., испр. и доп. М. 704 с. (Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII веков; т. 1). Совм. с. О. И. Хоруженко, А. В. Виноградовым.

2019

Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / Сост. и авт. предисл.: О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. 3-е изд. М. 367 с. (Ист. исслед.).

2020

Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / Сост. и авт. предисл.: О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. 4-е изд. М. 367 с. (Ист. исслед.).

**СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Б. С. ИЛИЗАРОВА
ЗА 2013–2023 гг.*
(К 80-летию со дня рождения)**

2013

Тайная жизнь Сталина: По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 5-е изд. М.: Вече. 432 с. *Рец.: Савельев А.Л.* Портрет вождя на фоне чтения. Книга о Сталине // Библиотека в школе. 2013. № 4 (307). С. 54–56; *Савельев А.* Два академика // Первое сентября: Научно-методический журнал для учителей истории и обществоведения. 2013. №. 10. С. 40–44.

Хроногеография исторического героя, исследователя, читателя // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международ. науч. конф., Москва, 31 января–3 февраля 2013 г. М. Ч. 2. С. 327–328.

2014

Народный архив. Живые голоса эпохи. М.: Вече. 483 с.

“От книги проф. Виппера об Иване Грозном можно ожидать многого” // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания: [по материалам Международ. науч. конф. (Пятые Зиминские чтения), 25–26 февраля 2010 г., Москва]. М. С. 340–558.

Преломления сталинского дискурса: “центр – периферия” в советском имперском строительстве // Центры и периферии европейского мироустройства. М. С. 273–289.

Роковая трансформация образа Ивана Грозного в трудах Р. Ю. Виппера // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова. С. 150–170.

Стенографический отчет о научной сессии Института истории АН СССР по теме “Иван Грозный и его время”, июнь 1942 г. Ташкент // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М. С. 193–195.

Диалог: Ричард Темпест – Борис Илизаров: История как память историка. Моральная оценка прошлого – граница беспристрастия историка? [видео-интервью] // Гефтер: интернет-журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/12337> (дата обращения: 25.09.2023).

Социальная память человечества: структуры и формы // Гефтер: интернет-журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/12244> (дата обращения: 25.09.2023).

2015

Иосиф Сталин в личинах и масках человека, вождя, ученого. М.: АСТ. 735 с., илл. *Содерж.:* Тайная жизнь И. В. Сталина (По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма) (6-е изд.); Почетный академик И.В. Сталин и академик Н.Я. Марр (О языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах с нею связанных) (2-е изд.).

Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин, 22 апреля 1870–21 января 1924. М.: Комсомольская правда. 95 с. (Сер.: “Правители России”. Т. 26).

* Начало списка см.: АЕ за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 371–378.

“Испытывал затруднения не с поиском информации, а с ее освоением, организацией и осмыслением”. Б. С. Илизаров о работе с документальным наследием В. И. Ленина // ОА. № 5. С. 81–87.

Источниковедение и методика исторического портретирования // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Материалы XXVII Международ. науч. конф. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М. С. 221–222.

Ленинизм совсем не сталинизм // Историк: Журнал об актуальном прошлом. № 4. С. 22–25.

2016

Документы ЦК ВКП (б) о формировании образа Ивана Грозного в литературе // ОА. № 1. С. 46–56.

Свобода для историка: утопия или реальность? // История: Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. № 2 (618). С. 16–21.

2017

А. Н. Толстой – И. В. Сталин – Иван Грозный: зеркало для героя // Алексей Толстой: Диалоги со временем: Материалы Международ. науч. конф. М. Вып. 2. С. 234–256.

Книга как средство политической манифестации: (О некоторых особенностях прижизненных изданий произведений И. В. Сталина) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международ. науч. конф., Москва, 13–14 апреля 2017. М. С. 158–160.

2018

Архивы с приоткрытыми дверями? (мнение историка-архивиста) // Документ. Архив. Информационное общество: Материалы III-й Международ. научно-практич. конф., Москва, РГТУ, 28 сентября 2017 г.; Пушкино, Московский областной архивный центр, 29 сентября 2017 г. М. С. 53–64.

Два уникальных Историко-революционных календаря на 1939 и 1940 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международ. науч. конф. М. С. 180–182.

Документы РГАЛИ о кинорежиссере С. М. Эйзенштейне как историке // ОА. № 5. С. 53–63.

О библиотеках и архиве И. В. Сталина // Румянцевские чтения–2018: Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: историческая ретроспектива и взгляд в будущее: К 190-летию со времени основания Румянцевского музея: Материалы Международ. научно-практич. конф. М. С. 356–360.

“Хлеб” единым... Ал. Н. Толстой и его повесть “Хлеб (Оборона Царицына)”. 1937 г. // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времен: К 80-летию со дня рождения Анатолия Евгеньевича Иванова. М. С. 327–354.

Рец. на кн.: Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. М., 2017. 329 с. // ОА. № 2. С. 107–110.

Историја и митологија у стваралаштву Сергеја Ајзенштајна: Александар Невски и Валкирија / История и мифология в творчестве С. М. Эйзенштейна: Александр Невский и Валькирия // Arheon: Journal of the Archives of Vojvodina. Vol. 1. №. 1. P. 339–350. На серб. яз.

2019

Сталин, Иван Грозный и другие. М. 448 с. *Рец.: Исаков В. // РИ. 2021. № 2. С. 226–230.*

Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 7-е изд. М. 431 с.

В амбарах памяти не отделить зерна от плевел // Социологическое обозрение. Т. 18. № 1. С. 266–271. Совм. с Е. В. Булюлиной.

Вспомогательные исторические дисциплины и научная практика // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы

XXXII Международ. науч. конф. Москва, 11–12 апреля 2019 г. М. С. 5–7.

Источники кинофильма С. М. Эйзенштейна “Иван Грозный”: к вопросу о соотношении вербального, визуального и исторического компонентов // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки. М. С. 1002–1003.

Научные книги с авторскими маргиналиями из библиотек И. В. Сталина // История науки: источники, памятники, наследие: Третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945). М. С. 97–101.

Правка И. В. Сталина на учебнике истории СССР (по материалам его архива и библиотеки) // Румянцевские чтения–2019: Материалы Международ. научно-практич. конф. В 3 ч. М. Ч. 1. С. 340–344.

Травма прошлого или “обезьяна гения” // 20 секция (по современной мифологии) XIII Конгресса антропологов в Казани, 24–25 ноября 2019 г. “Прошлое”: теория и практика (де)конструирования в научном и политическом дискурсах. Казань. С. 308–322.

2020

Архивы в системе социальной и исторической памяти. Новые аспекты // Документ. Архив. Информационное общество: Материалы IV-й Международ. научно-практич. конф. М. С. 74–81.

Об одном выступлении А. А. Зимина // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: Опыт использования, современные проблемы и задачи: VII Зиминские чтения: К 100-летию со дня рождения А. А. Зимина: Материалы Международ. науч. конф. М. С. 99–110.

Сталин о Гитлере и Германии, Гитлер о Сталине и России // Новая газета. 21 июля. Потусторонние диалоги: Сталин о Гитлере и Германии, Гитлер о Сталине и Рос-

сии // Фонд “Либеральная миссия”. [Электронный ресурс]. URL: <https://liberal.ru/povestka/7569> (дата обращения: 25.09.2023).

2021

История в фильме и история фильма С. Эйзенштейна “Александр Невский” // Александр Невский и его образ в исторической памяти: Историко-документальная выставка 30 сентября–7 ноября 2021 г. М. С. 154–181.

Историческая автобиография (На примере автобиографии Сталина) // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы VI Международ. научно-практич. конф., Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск. С. 303–305.

Социальная память и архивы: историографический и практический аспекты // ОА. № 4. С. 18–31.

2022

Борис Семенович Илизаров: [Интервью] // Клименко А. Ю. Историко-архивный: Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. 1940–1990-е годы. М. С. 216–221.

Заметка С. М. Каштанова “О типе русского государства в XIV–XVI вв.” (К проблеме синхронности исторических явлений) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIV Всерос. науч. конф. с международ. участием, Москва, 7–8 апреля 2022 г. М. С. 33–35.

Критика концепции Пьера Нора “Места памяти” (Архивоведческий аспект) // Документ. Архив. Информационное общество: Материалы V Международ. научно-практич. конф. (к 10-летию 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей). Москва, РГГУ, 13–14 сентября 2021 г. М. С. 49–61.

2023

Выступление С. О. Шмидта 14 мая 1956 г. в Институте истории АН СССР (Борьба с “культулом личности Ивана Грозного”) //

Сигурд Оттович Шмидт: Педагог. Ученый. Просветитель: Сборник статей по материалам Международ. науч. конф., Москва, 15–16 апреля 2022 г. М. С. 91–95 (Шмидтовские чтения. Вып. 1).

Концепция социальной памяти в свете мышлений Зигмунда Баумана о “Ретро-топии” // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы VII Между-

народ. научно-практич. конф. В 2 т. Витебск. Т. 2. С. 276–278.

Пометы и замечания И. В. Сталина на книгах с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса (по документам личного фонда И. В. Сталина в РГАСПИ) // Архивный поиск: Сборник научных статей и публикаций. М. Вып. 6. С. 323–334.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. Г. БУХЕРТА (К 60-летию со дня рождения)*

1988

Распространение подложных указов среди старообрядцев в первой половине XIX в. // АЕ за 1987 год. М. С. 200–204.

1989

П. А. Вяземский – служащий Межевой канцелярии // СА. № 1. С. 64–67.

Из истории рода Лермонтовых // СА. № 5. С. 62–64.

Численность и социальный состав старообрядцев Нижегородского края по итогам переписей первой половины XVIII в. // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск. С. 126–131.

1990

К истории профсоюзного движения в период революции 1905–1906 гг. (Всероссийский союз землемеров) // СА. № 3. С. 80–81.

1991

История архива Межевой канцелярии (Центрального межевого архива) 1768–1939 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.

Е. И. Якушкин на службе в Межевом корпусе // СА. № 2. С. 45–47.

1992

Проект декрета СНК РСФСР 1919 г. “О переработке в бумагу записей капиталистического хозяйства и прежних правительственных учреждений” // АЕ за 1990 год. М. С. 113–120.

Н. М. Языков – служащий Межевой канцелярии // ОА. № 2. С. 93–95.

Межевая канцелярия // Центральный государственный архив древних актов: Путеводитель. М. Т. 2. С. 174–176 (аннотация опубликована без подписи).

Канцелярия главного директора Межевого корпуса и Управление Межевой частью Министерства юстиции // Там же. С. 176–177 (аннотация опубликована без подписи).

1994

А. Н. Афанасьев в Московском главном архиве МИД // ОА. № 2. С. 97–100.

Исследовательская работа К. И. Арсеньева с архивными источниками // Мир источниковедения (сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М., Пенза. С. 258–260.

О работе П. И. Бартенева в архивах Министерства иностранных дел // АЕ за 1991 год. М. С. 99–104.

Письма Б. Д. Грекова С. Д. Шереметеву // ОА. № 3. С. 81–83.

1995

Г. В. Есипов и создание Общего архива Министерства императорского двора // ОА. № 4. С. 32–37.

Д. Н. Блудов и археографические проекты 40–50-х годов XIX века // АЕ за 1993 год. М. С. 128–139.

Из истории публикации документов “дела патриарха Никона” // Там же. М. С. 324–341.

Когда был основан архив Оружейной палаты // ОА. № 1. С. 78–79.

“...і выказвалі вялікае спачуванне” // Беларуская мінуўшчына: Гісторыка-

* Сост. Л. И. Шохин.

22 мая 2015 г. исполнилось 60 лет со дня рождения видного российского историка-архивиста, археографа и историографа, многолетнего сотрудника РГАДА, старшего научного сотрудника Архива РАН, члена Археографической комиссии РАН, кандидата исторических наук, Владимира Генриховича Бухерта.

публіцыстычны ілюстраваны часопіс.
Мінск. № 6. С. 46–47.

1996

Археографическая деятельность князя
М. А. Оболенского // АЕ за 1994 год.
М. С. 155–164.

Б. Д. Греков в архиве Успенского Тихвин-
ского монастыря // Там же. С. 222–226.

Как создавался “Очерк истории Министер-
ства иностранных дел” (1900–1902 гг.)
// Там же. С. 281–285.

Московские архивы в 1812–1813 гг. // ОА.
№ 1. С. 94–98.

1997

Архив Межевой канцелярии (1768–
1918 гг.): Учебное пособие / Отв. ред.
С. О. Шмидт. М. 111 с.

Архив Межевой канцелярии в 1812–1813 гг.
// Москва в 1912 году. Материалы науч-
ной конференции, посвященной 180-ле-
тию Отечественной войны 1812 года.
М. С. 39–44.

“Вполне преданный революционной про-
паганде” (С. Ф. Платонов под “неглас-
ным наблюдением” полиции) // АЕ за
1995 год. М. С. 151–152.

Докладная записка К. К. Злобина об из-
дании документов по истории дипло-
матии // Там же. С. 345–348.

Письма С. Ф. Платонова А. Ф. Кони // Там
же. С. 351–354.

О проекте создания исторического атласа
Москвы (1879–1880 гг.) // АЕ за 1997
год. М. С. 140–143.

Архив на Воздвиженке // Там же. С. 242–
253.

Письмо Н. И. Костомарова графине
А. Д. Блудовой // ОА. № 4. С. 80–82.

Канцелярия архиепископа Московского и
всего Руси // Центральный государствен-
ный архив древних актов: Путеводи-
тель. М. Т. 3. Ч. 2. С. 732–733 (аннотация
опубликована без подписи).

1998

Д. Н. Блудов и создание Государственно-
го архива МИД // АЕ за 1996 год. М.
С. 138–142.

Неизвестные письма А. И. Мусина-Пушки-
на // Мусины-Пушкины в истории Рос-
сии. Рыбинск. С. 107–118.

“Дела свалились с плеч, и я опять стал
самим собой”. Письма В. О. Ключев-
ского М. А. Хрущевой. 1885–1907 гг. //
ИА. № 3. С. 164–192.

1999

Доношение нижегородского епископа Пи-
тирима нижегородскому вице-губерна-
тору Ю. А. Ржевскому // Российский ар-
хив. М. Вып. 9. С. 31–33.

В. Н. Татищев о старообрядцах // Там же.
С. 34–35.

Из бумаг Я. И. Булгакова // Там же. С. 59–
61.

Записка П. С. Валуева по истории Оружей-
ной палаты // Там же. С. 61–63.

Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру //
Там же. С. 181–192.

Письма А. Хыждеу к М. А. Оболенскому
// Там же. С. 205–207.

“Ищу помощи у Вас”. Письма сербского
митрополита Михаила И. С. Аксакову
и графине А. Д. Блудовой // Источник.
№ 4 (40). С. 32–34.

Из воспоминаний современников о С. Ф. Пла-
тонове // АЕ за 1998 год. М. С. 302–305.

С. Ф. Платонов о царевиче Димитрии //
Там же. С. 372–376.

Письма С. Ф. Платонова Я. Л. Барскову и
С. А. Белокурову // Там же. С. 377–387.

“В Вашу любовь к России я твердо ве-
рю”. Письма С. Ф. Платонова графу
С. Д. Шереметеву. 1898–1918 гг. // ИА.
№ 4. С. 173–204.

Дела местных судебных учреждений о ста-
рообрядцах и сектантах // Централь-
ный государственный архив древних
актов: Путеводитель. М. Т. 4. С. 30–31
(аннотация опубликована без подписи).

Канцелярия Центрального межевого ар-
хива // Центральный государственный
архив древних актов: Путеводитель. М.
Т. 3. С. 452–453 (аннотация опубликова-
на без подписи).

2000

Московское отделение Общего архива Министерства императорского двора // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М. С. 402–405.

С. Ф. Платонов и “кружок русских историков” // АЕ за 1999 год. М. С. 126–143.

Обзор переписки М. А. Оболенского с историками Я. И. Беренниковым, Н. Г. Устряловым и А. Хыждеу // Там же. С. 277–285. Совм. с Л. И. Шохиним.

“Вылечиться ему надежды, кажется, нет” // Источник. № 5 (47). С. 9–11.

2001

Основание Исторического общества при Московском университете // АЕ за 2000 год. М. С. 195–206.

Новооткрытые письма С. Ф. Платонова к Д. Б. Рязанову // Там же. С. 390–394.

Рец. на кн.: Мемуары графа С. Д. Шереметева / Публ. подгот. Л. И. Шохин. М., 2001 // ОА. № 4. С. 96–99.

“Особенно опасно дискредитировать исторические народные идеалы...” // Источник. № 3 (51). С. 5–10.

“Трудно бороться со спячкой, со сном умов, с хладом сердец” // Там же. С. 11–13.

Письма И. С. Аксакова А. Д. Блудовой // Российский архив. М. Вып. 11. С. 337–349.

2002

О публикации документов МГАМИД по истории русско-грузинских отношений // АЕ за 2001 год. М. С. 102–104.

“Мы в настоящее время стоим на крайне опасном пути”. Записки русского дипломата барона Ф. Р. Остен-Сакена // Источник. № 1(55). С. 12–14.

“Я Константину, конечно, потакать никак не намерена”. Письмо императрицы Екатерины II // Источник. № 2 (56). С. 18–19.

“Ничем от русских не отличать”. Документы XVIII века об отношении русской администрации к жителям Алеутских островов // Там же. С. 20–24.

“Населен он дикими купцами”. Письмо “генерала Дитятина” // Источник. № 3 (57). С. 16–17.

“Война была ведена с нашей стороны с крайней жестокостью”. Из истории присоединения Средней Азии к Российской империи // Там же. С. 57–61.

“Начало бухарской распри положил Абрамов” Письмо коменданта г. Ходжента полковника П. Г. Фавицкого // Там же. С. 62–63.

“Мы стали твердою ногою на Аму-Дарье”. Хивинский поход 1873 г. в описании великого князя Николая Константиновича // Источник. № 4 (58). С. 14–22.

“Не было и не будет времени более благоприятного для такой работы”. Три письма Е. И. Якушкина // Там же. С. 23–24.

“Многое можно было бы сказать еще на эту тему”. Размышления о событиях Смутного времени // Там же. С. 25–27.

“Братская финская социалистическая республика всегда будет заодно с нами”. Как решался вопрос о русско-финляндской границе в 1918 году // Там же. С. 58–60.

“Живу весьма счастливо и покойно”. Письма П. П. Свинына // Источник. № 5 (59). С. 15–17.

“Сведения наши о Кашгарии, ее положении, производительности и торговле весьма бедны”. Письмо генерала Г. А. Колпаковского // Источник. № 6 (60). С. 16–18.

“Поездка сошла вполне благополучно”. Письмо капитана Л. Г. Корнилова // Там же. С. 19–20.

2003

Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1: Письма С. Ф. Платонова. 1883–1930. М. 388 с. *Рец.: Кистерёв С. Н. // Очерки феодальной России. М., 2006, Вып. 10. С. 326–331;*

Рокитянский Я.Г. // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 6. С. 568–570.

Общество истории и древностей российских при Московском университете в 1917–1929 гг. // АЕ за 2002 год. М. С. 149–165.

“Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего”. Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. № 1 (61). С. 5–21; № 2 (62). С. 8–23.

“Ради пресечения доньне в спорах и в завладении земель происходящих убивств”. Земельный вопрос в России // Источник. № 2 (62). С. 13–18.

“Я всецело предался служению краю”. Письмо М. Г. Черняева к императору Александру III // Источник. № 3 (63). С. 14–15.

“Бой был ужасный и ожесточенный с обеих сторон”. Свидетельства участника Русско-японской войны // Там же. С. 16–20.

М. И. Сердюков и А. Д. Меншиков // Российский архив. Новая серия. М. Т. ММII. С. 12–13.

В. Н. Татищев и П. И. Шувалов о межевании в России // Там же. С. 13–18.

Туркестанские письма Н. Ф. Петровского // Там же. С. 450–517.

2005

О проекте участия А. С. Павлова и В. О. Ключевского в описании рукописей московской Синодальной библиотеки // В. О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. В 2 кн. М. Кн. 1. С. 192–199.

Борис Васильевич Ключевский // Там же. С. 199–209.

Пушкинское отделение Общества изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга и его окрестностей (1924–1925) // АЕ за 2004 год. М. С. 106–110.

Московская секция Государственной академии истории материальной культуры (1919–1929) // Там же. С. 409–427.

2006

Финляндские землемеры в России (30-е – 60-е годы XIX в.) // Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению. М. С. 541–554.

“Только благодаря Вашей помощи...” Письма Г. Е. Грум-Гржимайло графу С. Д. Шереметеву. 1887–1889 гг. // ИА. № 2. С. 178–191.

П. Ф. Юдин о беседах с Мао Цзэдуном // ИА. № 4. С. 14–28.

2007

Павловские курсы (1899–1907 гг.) // АЕ за 2005 год. М. С. 281–290.

Докладная записка Г. Г. Шпета 1920 г. об организации Кабинета этнической и социальной психологии в МГУ // Там же. С. 512–513.

Записка Е. В. Тарле «О “завещании” Петра I» // Там же. С. 513–515.

“С китайцами мы живем пока ладно”. Письма российского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского к Д. Ф. Кобеко. 1883–1895 гг. // ИА. № 1. С. 167–196.

2008

“Компанию ведем только с англичанами, занятный народ”. Письмо писателя Б. А. Пильняка к А. Г. Калашникову. 1923 г. // ИА. № 3. С. 218–220.

2009

“Память об этих событиях будет восстановлена во всей полноте”. Письмо Н. М. Черняевой к А. М. Панкратовой. 1951 г. // ИА. № 2. С. 211–214.

“И гнусная же у нас теперь в Юрьеве атмосфера!”. Письма И. И. Лаппо к М. К. Любавскому 1914–1915 гг. // ИА. № 4. С. 97–103.

“Это истинно патриотическое дело”. (В. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1936–1941 гг.) // История и перспективы развития краеведения и москвоведения: первые Всероссийские краеведческие чтения (Москва, 15–17 апреля 2007 г.): посвящается 85-летию со дня рождения

С. О. Шмидта / Отв. ред. В. Ф. Козлов. М. С. 18–27.

“Финляндцы заявляют ныне права на совершенно независимое от России существование”. Письма К. Ф. и Б. К. Ординов. 1885–1909 гг. // ИА. № 6. С. 113–132.

С. Д. Чечулин и его труд “Чечулины, их родственники и свойственники” (из фонда Архива РАН) // Архив Академии наук – достояние национальной и мировой науки и культуры. М. С. 229–237.

2010

Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. М. 358 с.

“Учеными в научном смысле слова им нет нужды быть”. Письмо К. К. Злобина к В. И. Вестману. 1872 г. // ВА. № 2. С. 294–297.

“Финны стояли в недоумении”. В. Д. Бонч-Бруевич о признании государственной независимости Финляндии. 1917 г. // ИА. № 4. С. 122–126.

2011

“История в человеке” – академик М. В. Нечкина. Документальная монография / Под ред. Е. Л. Рудницкой, С. В. МIRONENKO. М., 2011. (подготовка текста публикации и комментариев, в соавторстве).

“Мне хотелось бы теперь поработать в Вятке для улучшения архивного дела”. Докладная записка П. Н. Луппова. 1918 г. // ВА. № 1 (113). С. 249–253.

О плане экспедиции Научно-исследовательского института по Китаю к границам Синьцзяна. 1931 г. // Восточный архив. № 1 (23). С. 81–83.

“Настоятельнейшие нужды Памирского района”. Записка И. И. Зарубина. 1917 г. // Восточный архив. № 2 (24). С. 30–32.

У истоков отечественной африканистики. Неопубликованная лекция Г. А. Нерсисова // Там же. С. 76–85.

“Мы переживаем удивительные дни”. Лекция О. Ю. Шмидта об экспеди-

ции на Северный полюс. 1937 г. // ИА. № 4. С. 11–24.

“О. Ю. Шмидт отличался способностью быстро схватывать разные вопросы”. Воспоминания П. Г. Шидловского. 1946 г. // Там же. С. 25–38.

“Для моего морального тонуса Ваш приезд дал очень много”. Письма О. Ю. Шмидта к А. Г. Калашникову. 1946–1951 гг. // Там же. С. 39–42.

“Мне очень трудно заменить этого незаменимого человека” (Письмо великого князя Константина Константиновича императору Николаю II с рекомендацией С. Ф. Платонова на пост директора Публичной библиотеки) // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб. С. 101–102.

“Кончина Вашего сына была прекрасна”: Два письма С. Ф. Платонова великому князю Константину Константиновичу // Там же. С. 103–104.

С. Ф. Платонов в Обществе “Маяк” // Там же. С. 105–110.

С. Ф. Платонов в Обществе российских архивных деятелей // Там же. С. 111–118.

С. Ф. Платонов в Комиссии для научного издания документов ритуальных процессов в России Народного комиссариата просвещения РСФСР (1919–1920 гг.) // Там же. С. 119–129.

“Ежегодно питаю надежду попасть к Вам”. Письма С. Ф. Платонова к М. А. Волошину. 1924–1929 гг. // Там же. С. 137–145.

“Очень хотелось бы Вас повидать мой милый, хороший друг!” (Из писем Нины Сергеевны Платоновой) // Там же. С. 193–197.

К истории приобретения архива С. Ф. Платонова (Из переписки В. Д. Бонч-Бруевича) // Там же. С. 228–231.

С. Ф. Платонов о Шелонской военной операции 1471 г. // Там же. С. 244–251.

Представление и докладные записки профессора И. Е. Евсеева о состоянии порховских архивов // АЕ за 2006 год. М. С. 393–397.

Докладные записки М. И. Смирнова о состоянии переславских архивов // Там же. С. 397–400.

Письмо А. А. Семенова Т. Г. Трапезникову о состоянии музейного дела в Туркестане // Там же. С. 400–402.

О деятельности М. О. Гершензона – архивиста // Там же. С. 402–409.

Статьи Д. С. Лихачева для Краткого биографического словаря “Выдающиеся деятели нашей Родины” // Там же. С. 425–433.

Письмо академика Н. М. Дружинина от 17 декабря 1954 г. президенту АН СССР академику А. Н. Несмеянову о содействии в освобождении Н. Н. Улащика // Там же. С. 433–435.

2012

Профессор Башарин: переписка с историками (1950–1974 гг.) / Сост. В. Г. Бухерт, отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск, 2012.

“Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса”. Письма Е. Ф. Шмурло из Рима к М. А. Дьяконову. 1893–1917 гг. // ИА. № 1. С. 126–154.

Г. А. Нересов о В. Б. Луцком и С. Р. Смирнове // Восточный архив. № 1 (25). С. 81–86.

Генерал Скобелев об Абдуррахмане Автоточи // Восточный архив. № 2 (26). С. 44–46.

Краткий биографический словарь “Выдающиеся деятели нашей Родины” (1946–1952 гг.) // АЕ за 2007–2008 годы. М. С. 346–359.

Неизданная работа А. М. Фокина 1943 г. “Ключевский и Платонов” // Там же. С. 513–528.

“Учебник должен пользоваться непрекрасимым авторитетом”. Беседы И. В. Сталина с учеными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. // ИА № 5. С. 3–31.

2013

Совещания профессоров русской истории и истории русского права российских университетов (Москва, 26–28 марта

1915 г.) // АЕ за 2009–2010 годы. М. С. 180–195.

Письма архиепископа Луки (В. Ф. Войно-Ясенецкого) А. М. Фокину 1934–1937 гг. и воспоминания А. М. Фокина об архиепископе Луке (В. Ф. Войно-Ясенецком) 1968 г. // Там же. С. 471–487.

“Без просвещения свобода не имеет большой цены и крепости”. Статья А. С. Лаппо–Данилевского о необходимости создания Института социальных наук. Июль 1918 г. // ИА. № 2. С. 4–13.

“Тема моей диссертации не является случайной...” К истории кризиса в советско-турецких отношениях в 1945–1947 гг. // Восточный архив. № 1 (27). С. 62–71.

О плане научной экспедиции Б. А. Федченко в Персию и Турцию. 1916 год // Восточный архив. № 2 (28). С. 28–31.

“Весь ход развития культурной революции перекрестнул нашу Коммунистическую академию”. К истории подготовки ликвидации Коммунистической академии при ЦИК СССР. 1934 г. // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. Материалы Международной научной конференции. Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г. М. С. 329–335.

“Мною исследована история развития якутского языка до наших дней” (К 120-летию П. А. Ойунского) // Якутский архив. № 1 (44). С. 56–65.

2014

В защиту советской арабистики. Письма В. Б. Луцкого Н. С. Хрущеву и А. М. Панкратовой. 1953 г. // Восточный архив. № 1 (29). С. 68–75.

“Мы лазили под все шкафы, шарили во всех углах”. Доклад Г. М. Кржижановского в Обществе историков-марксистов. 1929 г. // ИА. № 1. С. 93–110.

Письма В. И. Шункова к Н. В. Устюгову и С. В. Бахрушину. 1942–1945 гг. // АЕ за 2011 год. М. С. 455–480.

“Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой...” Письмо А. С. Лаппо-Данилевского М. А. Дьякову от 12.05.1890 г. // Мир историка. Историографический сборник. Омск. Вып. 9. С. 60–64. Совм. с В. П. Корзун.

“Позвольте Вам выразить искреннюю признательность комиссии...” Письма А. С. Лаппо-Данилевского по поводу издания сборника “Русская наука” // Там же. С. 65–69. Совм. с В. П. Корзун.

“Нам нужно очень тщательно соизмерять наши первые шаги в Цареграде...” Записка академика Ф. И. Успенского. 1915 г. // III Международная научная конференция “Архивное востоковедение”. Москва, 12–14 ноября 1914 г. М. С. 27–28.

2015

“Ваше письмо получил я далеко, на берегу Эльбы”. Письма Я. Г. Ухсяк к А. И. Яковлеву. 1943–1945 гг. // Исторический вестник (Чебоксары). № 1 (4). С. 8–21.

“Нам нужно очень тщательно соизмерять наши первые шаги в Цареграде...” Записка академика Ф. И. Успенского. 1915 г. // Восточный архив. № 1 (31). С. 60–65.

“Привет вам из холодной Якутии”: [Письма О. В. Ионовой к С. В. Бахрушину. 1944–1948 гг.] // Якутский архив. № 2 (48). С. 93–101.

“Точными данными о потерях 250-й испанской дивизии мы не располагаем”. Справка Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР об участии испанских военных формирований во Второй мировой войне. 1946 г. // ИА. № 2. С. 74–83.

“У Вернадских тяга к людям никогда не ослабевала”: Воспоминания А. М. Фокина о Н. Е. Вернадской. 1969 г. // ИА. № 6. С. 74–90.

Статьи в энциклопедических словарях

Немцы в России. Энциклопедия. М., 1999. Т. 1.
Бюлер Ф. А. С. 301–302.

Отечественная история: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3.
Межевание. С. 524; Межевая канцелярия. С. 524–525 (совм. с П. Б. Ремпелем).

Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2008. Т.1.
Всероссийский союз землемеров. С. 463; “Землемерное дело”. С. 829; Землемерно-таксаторские классы. С. 829; Землемерные училища. С. 829–830 (совм. с Ю. С. Воробьевой); Кислов Никанор Магвеевич. С. 986; Комитет для составления Устава межевого управления и других проектов по межевой части. С. 1027; Королёв Филипп Николаевич. С. 1072; Корпус гражданских топографов. С. 1073; Мариинское межевое училище. С. 1291; Межевание. С. 1309–1311; Межевая канцелярия. С. 1310–1311; Межевой корпус. С. 1312.

Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2009. Т. 2.
Общество русских землемеров. С. 112; Ржаницын Александр Александрович. С. 526; Седашев Василий Никитич. С. 642–643; Школа межевых топографов. С. 1177.

Московская энциклопедия. М., 2010. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 3.
Мещерский Иосиф Александрович. С. 8; Оболенский Михаил Андреевич. С. 234–235.

Российское научное зарубежье: биобиблиографический справочник / Ред-сост. М. Ю. Сорокина. М., 2011.
Бубнов Николай Михайлович. С. 130; Сопоцько Лев Аркадьевич. С. 158.

III. ПУБЛИКАЦИИ

DOI 10.31168/041078-7.22

ПОСОЛЬСКАЯ КНИГА ПО СВЯЗЯМ РОССИИ С ПЕРСИЕЙ 15 МАРТА – 26 АПРЕЛЯ 1629 г.

Публикуемая книга является восьмой “персидской” посольской книгой XVII в. из дипломатической коллекции РГАДА (Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Кн. 8. 1629 г. Л. I–I об., 1–65). Среди семи “персидских” посольских книг за первую половину XVII в. она выделяется по формату (2°), размеру (33,1 см × 20,4 см), объему и содержанию (фрагмент приема персидского посла Магмет Сали-бека/Магмет Али-бека у царя Михаила Федоровича и решение государя на изложенную послом жалобу; 15 марта – 26 апреля 1629 г.).

Книга представляет собой сборник, состоящий из 9 тетрадей (далее – т.; 1 т.: Л. 1–8 об.; 2 т.: Л. 9–16 об.; 3 т.: Л. 17–24; 4 т.: Л. 25–32 об.; 5 т.: Л. 33–39 об.; 6 т.: Л. 40–43 об.; 7 т.: Л. 44–51 об.; 8 т.: Л. 52–58 об.; 9 т.: Л. 59–65), переплетенных в кодекс, заключенный в обложку и перевязанный бечевкой. Обложка состоит из плотной гладкой кожи бурого цвета толщиной 0,1 см и картона толщиной 0,4 см. На обложке вытиснены золотом дата и номер дела: “7137/1629”, “№ 8”.

Состояние книги относительно хорошее: на обложке имеются потертости кожи, однако она не утрачена даже фрагментарно, имеется “язычок”-застежка (5,5 см) и прорезь для нее, золотая краска тиснения сохранена; тетради рукописи пострадали от влаги, имеются сильные подтеки с пятнами грязно-бурого цвета (Л. 39 об.–40, 48 об.–52). Между второй и третьей тетрадями книги – корешковый фрагмент (1,5 см) аккуратно срезанного листа (Л. 8 об.–9).

Все тетради книги написаны скорописью XVII в. В рукописи можно выделить четыре почерка, у первого имеются две разновидности (тетради: 1. Л. 1–1 об., 3–3 об., 59–65; 1А. Л. 7–14 об., 14 об.–20; 2. 2–2 об., 4–7, 20–21 об.; 3. Л. 25–43 об.; 4. Л. 44–58 об.).

В книге имеется сигнатура (буквенное обозначение тетрадей; тетради: 1. Л. 1–8 об.; 2. Л. 9–16 об.; 3. Л. 17–21 об.; 4. Л. 25–32 об.; 5. Л. 33–39 об.; 6. Л. 40–43 об.; 7. Л. 44–51 об.; 8. Л. 52–58 об.; 9. Л. 59–65) и фолиация (нумерация листов рукописи арабскими цифрами).

На каждом листе книги, в центре правого поля, расположены печати МГАМИД.

Основной текст представлен двумя типами филиграней: “герб города Амстердама” и “голова шута”. Филигрань “герб города Амстердама” – двумя видами: а) массивным крестом, венчающим корону, и лигатурой “ЕРО” (тетради: 1, 4, 5, 6, 7); б) небольшим верхним крестом и полумесяцем под ним над короной без лигатуры (тетради: 2, 8). Общее количество тетрадей с двумя видами знака “герб города

Амстердама” – 6,5 (тетради: 1, 2, 4, 5, 6, 7, ½ 8). Бумага с данным знаком светлая и плотная, для второго вида характерна повышенная плотность. Подобная бумага с гербом г. Амстердама датируется концом 70-х гг. XVII в.¹

Филигрань “голова шута” представлена двумя видами 7-зубцового улыбающегося (“веселого”) шута: а) с фрагментарной косичкой, носом с горбинкой, двумя прядками волос, острым подбородком (тетради: 3, ½ 8); б) с косичкой, прямым носом, толстой шеей, добродушным взглядом (тетрадь 9). Бумага с данным знаком светлая и гладкая, для второго вида в последней тетради книги характерна повышенная плотность бумажной массы. Общее количество тетрадей с двумя видами знака “голова шута” – 2,5 (тетради: 3, ½ 8, 9). В альбомах филиграней рукописи со схожими знаками датируются второй половиной XVII в.²

Начальный и конечный листы обложки имеют третий тип филиграней – русский аналог знака “Pro patria” (“Pro Patria”) XIX в.

Книга была составлена во второй половине XVII в., что подтверждается анализом филиграней, соотношением текста рукописи с первоисточниками в столбцах и отсутствием упоминания ее в Описях Посольского приказа. Рукописные тетради были сформированы и переплетены в книгу после 1673 г.³

В оглавлении к книге, составленном архивистами в XVIII в., подробно излагается содержание тетрадей (Л. I–I об.). Оно состоит из трех пунктов; в кратком виде представлено Н. М. Рогожиным. Содержание: 1. Выписка о приезде посла Магмет Али-бека. 2. Запись переговоров посла Магмет Али-бека с боярином князем И. Б. Черкасским. 3. Дело о посольстве Г. Тюфякина, Г. Фефилагьева и дьяка Ф. Панова⁴.

События, описываемые в книге, относятся к весне 1629 г. (период Великого поста и Пасхи, 42 дня), выдавшейся очень насыщенной для России и Персии (в марте – рождение долгожданного наследника, царевича Алексея Михайловича; в апреле – восстание феодальной знати и крестьян в иранской провинции Гилян против центральной власти после воцарения внука шаха Аббаса I – Сефи I⁵).

В книге повествуется о приехавшем в Россию персидском послем, доверенном человеке шаха Сефи I, Магмет Сали-беке (Али-беке) и о данной ему аудиенции царем Михаилом Федоровичем в Теремном дворце Московского Кремля (“Выписка о бытии персидского посла у государя на приезде”).

Повествование в книге начинается с подробного описания царской аудиенции, данной персидскому послу Магмет Сали-беку (его имя не упомянуто в путеводителе

¹ Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII вв.: Каталог. М., 1997. № 10. 1678–1680 гг.; Она же. Филигранные XVII–XVIII вв.: Герб города Амстердама. М., 1998. С. 54. № 160. 1689 г.; *Герасимов А. А.* Филигранные XVII в. М., 1963. С. 36. № 51–64. 1670–1700-е гг.

² *Герасимов А. А.* Филигранные XVII в. С. 197–207. № 1331–1394. 1660–1690-е гг.; *Дианова Т. В.* Филигранные XVII–XVIII вв.: Каталог. № 307. 1658 г.

³ *Рогожин Н. М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 187 (раздел “Реконструкция первоначального корпуса посольских книг”): “Первоисточники этой книги в 1673 году были еще в столбцах”.

⁴ Там же. С. 187; *Рогожин Н. М., Богуславский А. А.* Посольские книги конца XV – начала XVIII вв.: База данных. Фонд 77. Сношения России с Персией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html#fd77> (дата обращения: 10.10.2021).

⁵ *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович. М., 2006. С. 25; *Олеарий А.* Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. М., 1870. С. 706–708; *История Ирана с древнейших времен.* Л., 1958. С. 186–187.

по фондам РГАДА при перечислении “кызылбашских послов, купчин и гонцов” с 1589 по 1711 г.⁶; в росписях последующих “персидских” посольских книг он фигурирует постоянно).

Сюжет рукописи заключается в торжественной речи посла, обращенной к государю (Л. 4 об.–5), переговорах его с “ближними боярами” царя (Л. 13–43 об.), в распросных речах государевых послов (Л. 44–58) и в решении царя “о положении опалы на них” (Л. 59–65).

Большая часть книги – это речь посла Магмет Сали-бека о проступках “упрямого” Г. В. Тюфякина в Персии (Л. 14–42), остальное – описание действий царя (совет с боярами и ответ послу, допрос “с пристрастием” кн. Г. В. Тюфякина и толмача Парамона Барыбина, вынесение им опалы и “наказанья великого” 20–26 апреля 1629 г. в виде отписки их поместий и вотчин на государя; Л. 42–65).

На царской аудиенции присутствовали родственники государя, князья и воеводы, думные дьяки: “ближний боярин” И. Б. Черкасский, бояре М. Б. Шеин и С. В. Головин, дьяки Ефим Телепнев и Федор Лихачев. Поименованы приставы посла: кн. Р. П. Пожарский (по правую сторону от посла), Иван Хохлов (по левую сторону) и дьяк Яков Ключарев (последний был из новопожалованных “дьяков по приказам” – 1627 г.)⁷.

Подробного маршрута следования посольства от посольского двора к Теремному дворцу Московского Кремля в книге нет, но сохранено описание следования миссии между Архангельским и Благовещенским соборами, встречи и “явления” посла царю; традиционно указываются детали праздничного средневекового боярского костюма “встречников” и одяния государевых рынд – детей боярских князей Ф. Б. Татева и П. Ф. Волконского (по правую сторону), И. Б. Татева и И. Ф. Волконского (по левую сторону); перечисляются “встречники” посла и объявлявшие о нем царю: кн. А. Д. Приемков-Ростовский и дьяк Иван Переносов (приказ Большой казны)⁸, кн. А. А. Хованский и дьяк Баим Болтин (из “новопожалованных”)⁹, окольничий А. В. Измаилов.

В ходе переговоров с послом помимо традиционных речей было объявлено многолетие новорожденному царевичу с перечислением именных подарков от шаха младенцу, патриарху Филарету и Михаилу Федоровичу (Л. 4 об., 5, 6). Посол отвечал по делу предыдущего посольства во главе с Русам-беком (Русан-беком) и Булат-беком (1625 г.), которые “делали непригожие дела, были у царского величества в непослушанье”, за что были отправлены шахом в тюрьму. Посол жаловался на русских дипломатов кн. Г. В. Тюфякина “со товарищи” (1625–1627 гг.; Л. 12 об.), “розгневивших Аббас шахово величество” своими действиями, и просил ответных мер у царя (Л. 13 об.).

В обращении к послу бояр неоднократно упоминается шах Аббас I, к которому после воцарения направлял послов, посланников и гонцов Михаил Федорович. Последней дипломатической миссией к шаху Аббасу I от русского царя было посольство под руководством кн. Г. В. Тюфякина, на действия которого и жаловался

⁶ ЦГАДА (РГАДА). Путеводитель. Т. 1. С. 290–291.

⁷ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М., 2009. С. 279, 516.

⁸ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М., 2011. С. 430; Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства... С. 279.

⁹ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства... С. 516.

Магмет Сали-бек (Л. 13 об.: “о розгневишем Аббас шахово величество” “упрямом” русском после).

В речи Магмет Сали-бека и в распросных речах кн. Г. В. Тюфякина “со товарищи” упоминаются главы иранских провинций и доверенные люди шаха, с которыми контактировал русский посол, перечислены предыдущие персидские послы в Россию, упомянута их дальнейшая судьба.

Текст рукописи подтверждает дату начала правления следующего шаха, внука Аббаса I, Сефи I (Сафи) (1629–1642), начавшего править Персией после кончины своего деда и подавления феодальных восстаний в ряде иранских провинций (апрель 1629 г., Гилян)¹⁰.

Значимость аудиенции, описываемой в “персидской” посольской книге № 8, была высока. Сказался и факт вынесения наказания представителям русской дипломатической миссии. При составлении последующих книг к тексту рукописи обращались служащие Посольского приказа. Вероятно, печальный исход событий хорошо запомнился представителям следующего русского посольства под руководством посла кн. С. И. Исленьева и дьяка А. О. Плещеева (1629 г.).

В “персидской” посольской книге № 8 (1629 г.) отражены история пребывания одного из русских посольств в Персии и реакция на эту миссию царя Михаила Федоровича; упомянуты 46 действующих лиц и 20 географических объектов.

При публикации “персидской” посольской книги № 8 использованы рекомендации “Правил издания исторических документов в СССР” (М., 1990) для исторических источников XVII в. Слитно написанный текст передается в современной традиции, с разделением на слова, предложения и абзацы – в соответствии с законченными в смысловом отношении отрезками. Разделение на строки не обозначено, чтобы не разрушать целостность восприятия текста. В круглых скобках строчными буквами обозначены листы и их обороты в тексте. Строчные и прописные буквы употребляются с учетом современных правил орфографии: начало предложения, имена, отчества, фамилии (прозвища), географические наименования пишутся с прописной буквы. Знаки препинания расставлены по современным правилам пунктуации. Восстановленные части слов заключаются в квадратные скобки. Буквенная цифирь, обозначающая числа, передается арабскими цифрами. Титла не воспроизводятся. Слова, написанные под титлами, раскрываются: пропущенные буквы помещаются в круглых скобках, выносная буква оформляется курсивом. Знаки препинания, ударения, придыхания не воспроизводятся. При транскрибировании текста сохранены орфографические и фонетические особенности языка, являвшиеся и не являвшиеся нормой для своего времени.

О. Б. Бокарева

**1629 г. 15 марта – 26 апреля. Москва. – Посольская
книга по связям России с Персией № 8**

(л. 1)¹ 7137-з(о) марта в 15 де(нь) указал великїи г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь ї великїи кн(я)зь Михайло Федорович всеа Русїи быти у себя, г(о)с(у)д(а)ря, на дворѣ ї у бояр в отвѣте кизылбашскому послу Магмет Сали беку².

¹⁰ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия... С. 706–708 (упоминание о свадьбе шаха Сефи I и дочери Сунчала Черкасского, обосновавшегося в Кабарде).

А в отвѣте указал г(о)с(у)д(а)рь быти с послом бояром: ближнему боярину і наместнику Казанскому, кн(я)зю Івану Борисовичю Черкасскому да боярину і намѣстнику Тверскому Михаилу Борисовичю Шеину, да боярину і намѣстнику Брянскому Семену Васильевичю Головину, да думным дьяком³.

И того ж дни кызылбашской посол Магмет Сали бек у г(о)с(у)д(а)ря на дворе і у бояр в отвѣте был⁴.

А посланы под⁵ посла і ѣхали с ним || (л. 1 об.) ко г(о)с(у)д(а)рю в город приставы ево: кн(я)зь Роман Пожарской, да Иван Хохлов, да дьяк Яков Ключарев⁶.

А сани под посла посыланы нарядные с санником з добрым і с медвѣдом⁷ белым з г(о)с(у)д(а)р(е)вы конюшни⁸. Да под шаховых дворовых и под посолских людеи 15 лошадей с сѣдлы с стремянным конюхом⁹.

А ѣхали с послом в город приставы с обеих сторон: с правую сторону княз[ь] Роман Пожарской, а с лѣвую сторону Иван Хохлов, а позади посла дьяк Яков Ключарев¹⁰; а перед послом несли дары от посла || (л. 2) к великому г(о)с(у)д(а)рю, ц(а)р(е)вичю, кн(я)зю Алексѣю Михайловичю посолские люди¹¹.

А шаховы посолские люди ѣхали перед послом¹². А перед ними ѣхали в город дети боярские і дворовые люди, і конюхи, и подьячие в цвѣтном платьѣ на лошадях, 100 ч(е)л(о)в(е)к¹³. А приехав посол в город, вышел іс сани против Казенные полаты середняго быка, подався к Благовѣщенью, а люди его сѣли¹⁴ с лошадеи против угла Архангелские паперти¹⁵.

А г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і великий кн(я)зь Михайло Федорович всеа Русии сидѣл в Золотои, в середней, || (л. 2 об.) в подписной¹⁶ полате в своем ц(а)рском мѣсте, в венцѣ в¹⁷ ц(а)рском и¹⁸ диадиме, с скифетром, в большом наряде¹⁹.

А по обе стороны г(о)с(у)д(а)ря стояли рынды в бѣлом платьѣ і в золотых чепях²⁰. С правую сторону – княз[ь] Ѳедоров княж Борисов с(ы)н Татев, да княз[ь] Петр княж Ѳедоров с(ы)н Волконской²¹. С лѣвую сторону – княз[ь] Иван княж Борисов с(ы)н Татев, да княз[ь] Иван княж Ѳедоров с(ы)н Волконской, а бояря и околничие, и дворяня болшии сидѣли в золоте, в черных шапках по обе стороны²², а в сенех перед Золотою полатою сидѣли дворяня и дьяки, и приказные людѣ, || (л. 3) и гости в золотех²³.

А по крыльцу і по средние леснице стояли дворяня ж і дѣтї боярские, і приказные люди, и под[ъ]ячие в чистом платьѣ²⁴.

А стрелцы всѣх приказов стояли с пищалми от средние лѣсницы і до Фроловских ворот, площадью Ыльинскою, улицою до посолского двора, гдѣ стоит кызылбашской посол²⁵.

А как посол вшел на переходы к сѣнем, і стрѣтили посла у проходные полаты на рундукѣ в дверех дворянин, кн(я)зь Александр Данилов с(ы)н Приѣмков Ростовской да дьяк Иван Переносов. ||

(л. 3 об.) А другая, болшая, встрѣча была от г(о)с(у)д(а)ря; вышел из Золотые полаты у дверей, дворянин, кн(я)зь Андрѣй кн(я)зь Андрѣев с(ы)н Хованской да д[ь]як Баим Болтин²⁶.

А встрѣта, встрѣчники мольлы²⁷: Великий г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і великий кн(я)зь Михайл Ѳедорович всеа Русии самодержец і многих г(о)с(у)д(а)рств г(о)с(у)д(а)рь і обладатель, любя брата своего, великого г(о)с(у)д(а)ря в(а)шего, Аббас шахово величества, а тебѣ, посла его, Магмет Сали бека, жалуа, велѣл тебѣ встрѣтит[ь] дворянину своему, кн(я)зю Андрѣю Андрѣевичю Хованскому да мнѣ, дьяку Баиму Бальтину. ||

(л. 4) И шли оба встрѣшники перед послом к г(о)с(у)д(а)рю в полату²⁸. А как посол вошел ко г(о)с(у)д(а)рю в полату, и явил его г(о)с(у)д(а)рю, челом ударить околнечеи Артемеи Васильевич Измаилов²⁹. А мольл³⁰: Великий г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і великий кн(я)зь³¹ Михайл Ѳедорович всеа Русии самодержец і многих г(о)с(у)д(а)рств г(о)с(у)д(а)рь і обладатель брата в(а)шего, великого г(о)с(у)д(а)ря персицкого, Аббас шахова величества посол Магмет Сали бек вам, великому г(о)с(у)д(а)рю, челом ударил и на в(а)шем ц(а)рском жалованье челом бьет. И посол бил челом г(о)с(у)д(а)рю на г(о)с(у)д(а)р(е)ве || (л. 4 об.) жалованье, что г(о)с(у)д(а)рь пожаловал, посылат к нему с столом³².

А после того посол поздравлял г(о)с(у)д(а)ря с ц(а)р(е)вичем, со князем Алексѣем Михайловичем. А мольл³³: Великий г(о)с(у)д(а)рь и ц(а)рь, і великий кн(я)зь Михаило Ѳедорович всеа Русіи самодержец и многих г(о)с(у)д(а)рств г(о)с(у)д(а)рь и облаадатель, даи, Г(о)с(по)ди, вы, великий г(о)с(у)д(а)рь, здоров был с с(ы)ном своим, с великим г(о)с(у)д(а)рем, с ц(а)р(е)вичем, со кн(я)зем Алексѣем Михаиловичем на многие лѣта³⁴.

А как посол поздравленье исправил³⁵, и явил г(о)с(у)д(а)рю, ц(а)р(е)вичю *от* посла поминки околничеи Артемеи Иванович Измаилов. || (л. 5) А мольл: Великий г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і великий кн(я)зь Михаило Ѳедорович всеа Русіи самодержец і многих г(о)с(у)д(а)рств г(о)с(у)д(а)рь и облаадатель, брат в(а)шего великого г(о)с(у)д(а)ря персицкого, Аббас шахов посол Магмет Сали бек с(ы)на в(а)шего, ц(а)рского величества, великому г(о)с(у)д(а)рю, ц(а)р(е)вичю, кн(я)зю Алексею Михаиловичю челом бьет³⁶:

аргамак гнед иноход,
сарка рабаковая³⁷ в золоте з бирюски,
бархат золотной,
бархат семицветной,
скатерть ткана з золотом,
бархат гладкой зелен³⁸, ||
(л. 5 об.) бархат шахматной,
зуфь червчата,
кушак золотной,
ковер цвѣтной³⁹.

И г(о)с(у)д(а)рь пожаловал, велѣл посла сѣсти на скамеике, а скамеика была по прежнему⁴⁰.

А посидѣв мало, велѣл г(о)с(у)д(а)рь посолскому думному дьяку Ефиму Телепневу послы мольги рѣч[ь]⁴¹.

И по г(о)с(у)д(а)реву, ц(а)р(е)ву і великоз(о) кн(я)зю Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу думной дьяк Ефим Телепнев говорил послу рѣчь, а мольл: || (л. 6) Магмет Сали⁴² бек⁴³, Великий г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і великий кн(я)зь Михаило Ѳедорович всеа Русіи самодержец и многих г(о)с(у)д(а)рств г(о)с(у)д(а)рь и облаадатель велѣл тебе говорит[ь]: пришел еси к н(а)ш(е)му ц(а)рскому величеству и ко *отцу* н(а)ш(е)му, к великому г(о)с(у)д(а)рю, св(я)гѣишему патриарху Ѳиларету Никитичю Московскому і всеа Русіи *от* брата н(а)шего любительного, *от* великого г(о)с(у)д(а)ря, Аббас шахова величества в послѣх з грамотами и с поминки, да с тобою *ж*, послом Магмет Сали беком, ко *отцу* н(а)ш(е)му, к великому г(о)с(у)д(а)рю, св(я)гѣишему патриарху, брат н(а)ш, Аббас шахово величество, прислал⁴⁴ || (л. 6 об.) посох обложен золотом с камением. А в посоху мощи св(я)таго великом(у)ч(е)н(и)ка Георгия, и мы, ц(а)рское величество, и *от(е)ц*, великий г(о)с(у)д(а)рь, св(я)гѣиший патриарх брата н(а)шего любительного, Аббас шахова величества, грамоты и посох, и поминки принялі і выслушалі грамоты любительно, а что еси будучи у нас, великих г(о)с(у)д(а)рей, на посолстве говорил н(а)ш(е)му ц(а)рскому величеству, что с тобою *от* брата н(а)ш(е)го любительного, Аббас шахова величества, приказ словесной о н(а)ших ц(а)рских дѣлах. И нам бы, великому г(о)с(у)д(а)рю, велѣти тѣх дѣл выслушаті у себя, кому мы, великий г(о)с(у)д(а)рь, укажем; и мы, великий г(о)с(у)д(а)рь, для того велѣлі || (л. 7) тебѣ видет[ь] н(а)ши ц(а)рские очи. И тѣх дѣл велѣли у тебя выслушать и *отвѣт*⁴⁵ учинит[ь] бодрину н(а)ш(е)му ближнему и намѣстнику Казанскому, кн(я)зю Ивану Борисовичю Черкасскому да бодрину и намѣстнику Тверскому Михаилу Борисовичю Шеину, да боярину и намѣстнику Брянскому Семену Васильевичю Головину, да думным н(а)шим дьяком; и ты *б* шол во *отвѣт*⁴⁶.

А как думной дьяк Ефим ізговорил рѣчь, и г(о)с(у)д(а)р[ь] велѣл послу с приставы *итти* в *Отвѣтную*⁴⁷ полату, а встрѣчиники проводили его до тѣх же мѣст, гдѣ встречали⁴⁸.

А после того послал г(о)с(у)д(а)рь х кызылбашскому || (л. 7 об.) послу *от* себя с *отвѣтом* бояр, кн(я)зѣ Івана Борисовича Черкаского с товарищи, а были бояре в золоте с образцы, с низами і в золотых чепях, і в черных шапках⁴⁹.

А как бояра и думнои дьяк вошли в Отвѣтную полату и посол встрѣтил среди полаты, а явил бояр послу думнои дьяк Ефим Телепнев, а молыл⁵⁰: Ц(а)рского величества боярин ближней и намѣстник Казанскои, кн(я)зь Іван Борисович Черкаскои⁵¹, боярин і намѣстник Тверскои Михаило Борисович Шеин, боярин и намѣстник Брянскои Семен Василевич Головин да думнои дьяк Федор Лихачев. ||

(л. 8) И бояре, і дьяки с послом корошевалиса, а корошевался⁵², сели по мѣстам; в болшом мѣсте *от* Москвы-рѣки сидѣл боярин, кн(я)зь Иван Боярисович⁵³ Черкаской да боярин Михаило Борисович Шеин, да боярин Семен Василевич Головин⁵⁴.

А посол сидѣл *против* бояр на другои лавке, что *от* Стрѣтенѣ Г(о)с(по)днѣ, а думные дьяки подлѣ бояр на скамейке *против* посла, і говорили бояре: боярин ближней і намѣстник Казанскои, кн(я)зь Иван Борисович Черкаскои с товарищи послу рѣч[ь]: || (л. 8 об.) Б(о)га в Тро(и)це славимаго і во единстве поклоняемаго м(и)л(о)стию, великіи г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і великіи кн(я)зь Михаил Федорович всеа Русіи, самодержец и многих г(о)с(у)д(а)рств г(о)с(у)д(а)рь и обладатель велѣл тебе, послу Магмет Сали беку, говорити⁵⁵: Пришел еси к н(а)шему ц(а)рскому величеству *от* брата н(а)шего любителноѡ, *от* великого г(о)с(у)д(а)рѣ, Аббас шахова величества, в послѣх з грамотами и с поминки, и мы, великіи г(о)с(у)д(а)рь и *от*(е)ц н(а)ш, великіи г(о)с(у)д(а)рь, св(я)тѣишии патриарх Филарет Никитич Московскіи і всеа Русіи, брата н(а)шего любителноѡ, великого г(о)с(у)д(а)рѣ, Аббас шахова величества, грамоты і в поминки принали і выслушали || (л. 9)⁵⁶ грамоты брата н(а)шего любителноѡ, а что в грамоте своей, брат н(а)ш, великіи г(о)с(у)д(а)рь, Аббас шахово величество, к нам, великому г(о)с(у)д(а)рю, писал, что брат наш, Аббас шахово величество с нами, великим г(о)с(у)д(а)рем, хочет быть в крѣпкой братцкой дружбе і в любви свѣше прежнего, і что будет нам, великому г(о)с(у)д(а)рю, годно у него, брата н(а)шего⁵⁷, і то н(а)ше хотѣнье хочет во всем исполняти, и мы, великіи г(о)с(у)д(а)рь і *от*(е)ц н(а)ш, великіи г(о)с(у)д(а)рь, св(я)тѣишии патриарх Филарет Никитич Московскіи і всеа Русіи, то все *от* брата н(а)шего, *от* великого г(о)с(у)д(а)рѣ, Аббас шахова величества, приіуем в любов[ь] і в сердечную дружбу и хотим || (л. 9 об.) мы, великіи г(о)с(у)д(а)рь, н(а)ше ц(а)рское величество, с ним, братом н(а)шим, быть в братцкой дружбе і в любви навеки, свѣше всѣх великих г(о)с(у)д(а)рей, а что в грамоте своей⁵⁸ брат н(а)ш, великіи г(о)с(у)д(а)рь, Аббас шахово величество⁵⁹, с нами, г(о)с(у)д(а)рем, хочет быть в крѣпкой братцкой дружбе и в любви свѣше прежняго⁶⁰, и мы, великіи г(о)с(у)д(а)рь, брату н(а)шему, Аббас шахову величеству, желаем на его великих г(о)с(у)д(а)рствѣх долгоденства и счастливоѡ пребыванья і над недруги его одолѣнья, і г(о)с(у)д(а)рствѣх его разширенья⁶¹ и прибавленья, и *против* его, брата н(а)шего, любви н(а)шею г(о)с(у)д(а)рскою любовью || (л. 10)⁶² хотим ему *воздават*[ь]; а как еси был у нас, великого г(о)с(у)д(а)рѣ, на посольстве і ты⁶³ говорил н(а)шему ц(а)рскому величеству, что с тобою к н(а)шему ц(а)рскому величеству *от* брата н(а)шего, Аббас шахова величества, приказ о нѣкоторых дѣлех к н(а)шему ц(а)рскому величеству, тѣх дѣл велети у тебя выслушати, кому⁶⁴ мы, великіи г(о)с(у)д(а)рь, укажем, і ѡ которых дѣлех приказано с тобою⁶⁵ *от* великого г(о)с(у)д(а)рѣ, Аббас шахова величества, говорить, и мы, великіи г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і кн(я)зь Михаил Федорович всеа Русіи самодержец, велѣли у тебѣ тѣх дѣл выслушати н(а)шего ц(а)рского величества бояром: боярину ближнему і намѣстнику || (л. 10 об.) Казанскому, кн(я)зю Івану Борисовичю Черкаскому да боярину і намѣстнику Тверскому Михайлу Борисовичю Шеину, да боярину и намѣстнику Брянскому Семену Василевичю Головину, да нам, думным дьяком, и ты б тѣ дѣла б, с тобою приказано *от* великого г(о)с(у)д(а)рѣ, Аббас шахова величества, об[ъ]явил боярем н(а)шим⁶⁶.

И посол, выслушав у бояр и у дьяков рѣчи, говорил: Великий г(о)с(у)д(а)рь н(а)ш, Аббас шахово величество, прислал меня к ц(а)рскому величеству в послех. || (л. 11) А наказал со мною брату своему, великому г(о)с(у)д(а)рю, ц(а)рю і великому кн(я)зю Михайлу Ѳедоровичю всеа Русїи, его ц(а)рскому величеству об[ъ]явити, что у него, Аббас шахова величества, з братом его, с великим г(о)с(у)д(а)рем, издавних лѣт братственная дружба и любовь навеки; и которых своих послов Аббас шахово величество⁶⁷ присылает к брату своему, к великому г(о)с(у)д(а)рю, к его ц(а)рскому величеству, для братственной дружбы и любви, и он, Аббас шахово величество, тѣм послом своим наказывает, чтоб они были у ц(а)рского величества во всяком его повелѣнїе і в послушан[ъ]е. ||

(л. 11 об.) А как, де, Аббас шахово величество посылал к брату своему, к великому г(о)с(у)д(а)рю, послов своих Русан бека, да Булат бека для братственной дружбы и любви, и Аббас шахову, де, величеству вѣдомо учинилось: Аббас шахова величества от торговых людей, которые были ц(а)рского величества в земле с товары, что посол Русам бек, будучи ц(а)рского величества в землѣ дѣла⁶⁸ всякіе непригожие дѣлал и был у ц(а)рского величества в непослушанье⁶⁹.

И как Аббас шахова величества послы Русам бек да Булат бек пришли от великого г(о)с(у)д(а)ря || (л. 12) к Аббас шахову величеству, а с ними ц(а)рское величество прислал ка⁷⁰ Аббас шахову величеству послов своих, кн(я)зя Григорья Тюфякина с товарищи, и Аббас шахово величество велѣл про посла своего, про Русам бека, сыскати своими людьми, которые⁷¹ были у ц(а)рского величества с ними, с Русам беком да з Булат беком вмѣсте; и Аббас шахова величества люди про тѣ⁷² его, Ресам бековы, непригожіе дѣла, что дѣлал мимо шахова указу, сказал и правду, и Русам бек в том учал было запиратца, и на тѣ его дѣла свидѣтельствовал Булат бек, что его, ц(а)рского величества, в земле дѣлал непригожие⁷³ дѣла || (л. 12 об.) и у ц(а)рского величества был в непослушанье⁷⁴.

А потом ц(а)рское величество писал ка Аббас шахову величеству в грамоте своей на того ж Русам бека, что он в его, ц(а)рского величества, в землѣ дѣлал непригожіе дѣла и был у него, великого г(о)с(у)д(а)ря, в непослушанье⁷⁵, и Аббас шахово величество велѣл призвать ц(а)рского величества людей, толмачей, и при них велѣл Русам бека сковать і на шею положить желѣза, и посадить в тюр[ъ]му⁷⁶, і велѣл его беречь до своего, Аббас шахова величества, указу, а жену его і дѣтей, и животы, все велѣл взяти на себя, а после того велѣл его казнити || (л. 13) смертною казнью, і про то, про все г(о)с(у)д(а)рь его, Аббас шахово величество, велѣл ц(а)рскому величеству об[ъ]явити, что впредь на обе стороны посылати послов, людей добрых і вѣрных, которые б меж великих г(о)с(у)д(а)р(е)и умели дружбу и любовь подкрѣпити, и были б у обоих великих г(о)с(у)д(а)рей в послушанье, а дурна б никакова не дѣлали⁷⁷.

Да посол же говорил: Наказал ему г(о)с(у)д(а)рь его, Аббас шахова величество, брату своему, великому г(о)с(у)д(а)рю, его ц(а)рскому величеству, об[ъ]явили, что его, ц(а)рского величества, прежніе послы, князь Григорей Тюфякин с товарищи, которые были присланы || (л. 13 об.) ка Аббас шахову величеству о дружбе и о любви, дѣлал непригоже: как пришли г(о)с(у)д(а)ря его в землю, а Аббас шахово величество в ту пору был под городом, под Багдадом, и Аббас шахову величеству ц(а)рского величества про послов учинилось вѣдомо, что они пришли в его, Аббас шахово величество, в землю, і Аббас шахово величество послал к приказным своим людям во все города, которыми мѣсты идти ц(а)рского величества послом, велѣл подводы и кормы дават[ъ] довольно і во всем велѣл чинити честь, і Аббас шахово величество приказные люди по шахову⁷⁸ указу так и дѣлали – ц(а)рского величества послом кормы и подводы || (л. 14) давали і честь воздавали во всем, а послы ц(а)рского величества был Булат бек, и шах писал ис под Багдада ц(а)рского величества к послом, что они ц(а)рского величества любительные поминки, кречеты, прислали к нему под Балдат⁷⁹ з г(о)с(у)д(а)р(е)вы кречетники⁸⁰.

А *будет* за какими *послат*[ъ] им птиц нелъзе и они *б* прислали к нему птицы з Булат бек-ком, а хотел де шах под Бальдатом тешитца, и ц(а)рского величества⁸¹ послы кречетов с кречетники не прислали и Булат беку их не дали, и тѣм Аббас шахово величество розгневили⁸².

А как шах пришел ис под || (л. 14 об.) Балдата, указ был, и велѣл г(о)с(у)д(а)р(е)вым послом быть у себѣ на посолстве, и послы принесли ка Аббас шаху птиц живых, две или три, а то все принесли птичьи⁸³ хвосты да пере⁸⁴.

А в статейном списке кн(я)зю Григор[ъ]я Тюфякина с товарищи о той *стат*[ъ]е написано⁸⁵: Как ѡни, кн(я)зь Григорей с товарищи, были в Казбине, и к ним приходили Дорога да Календар, да Булат бек, и подали им шахову грамоту, а сказали им, что тое грамоту шах прислал к ним ис под Балдата, а велѣл їм кречеты, которые ц(а)рское величество || (л. 15) прислал к шахову величеству в поминках, *прислат*[ъ] к себе под Бальдат с ним, з Булат бек-ком, и они *б*, кн(я)зь Григорей с товарищи, кречеты к шаху послали с ним, з Булат бек-ком⁸⁶.

И кн(я)зь Григорей с товарищи Дороге ї Калентарю, и Булат беку говорили, что ц(а)рское величество прислал их к шахову величеству, а велѣл⁸⁷ им свое, ц(а)рское величества, здоров[ъ]е ї шахову величеству известити, а шахово здоровье *видет*[ъ]; да потом ц(а)рское величество велѣл шахову величеству свои любительные поминки лвить, а начальное дѣло то, что г(о)с(у)д(а)р(е)во здоровье *об*[ъ]явить, а шахова⁸⁸ ведѣтъ, и они почитают всего болши г(о)с(у)д(а)рское здоровье. || (л. 15 об.) А поминки негде дѣнутца, а тог(о) ни у которых г(о)с(у)д(а)рей не повелось, что у послов поминки *имат*[ъ] наперед посолства, и у шахова величества наперед того николи не бывало ж, да и ц(а)рское величество у шаховых послов поминки велит *принимат*[ъ]⁸⁹ на посолстве, а до посолства поминков *имать* не велит⁹⁰.

Ї Дорога, ї Календар, и Булат бек кн(я)зю Григорью с товарищи сказали, что ѡни о том *отпишут* к шахову величеству⁹¹.

Ї после того Дорога и Календар, и Булат бек, *приходя* ко кн(я)зю Григорью с товарищи, говорили и неодинова, *чтоб* они кречаты || (л. 16) к шахову величеству послали, ї кн(я)зь Григорей с товарищи говорили им *прежние* свои рѣчи⁹².

А после того приходили ко кн(я)зю Григорью с товарищи Булат бек да Магмет Сали бек, и подали им *от* шаха грамоту, а говорили им, что ѡни *приѣхали от* шаха ис полков, а тое грамоту шах прислал с ними к ним, а велѣл им говорити, что прислал к нему к шахову⁹³ величеству ц(а)рское величество в поминках кречаты, и он, де, шахово величество, писал к ним наперед сего, *чтоб* они тѣ кречаты⁹⁴, Григорей с товарищи, *ево*⁹⁵ шаховы грамоты не послушали; кречатов к нему не прислали, и за то,⁹⁶ *де, он, шах, на них, на кн(я)зю Григорья с товарищи, кручиновать*. || (л. 16 об.) Ї в том их *непослушает, хочет писат*[ъ] к ц(а)рскому величеству⁹⁷.

И кн(я)зь Григорей с товарищи Булат бек и Магмет Сали беку говорили *прежня* свои рѣчи⁹⁸. В г(о)с(у)д(а)р(у)ве наказе у кн(я)зю Григорья с товарищи написано: Как кн(я)зь Григорей с товарищи поидут к шаху на посолство и будут у шаха на дворѣ, и приставы или *встрѣчники* повелят им *итти* к шаху в полату, а поминки, что посланы с ними *от* г(о)с(у)д(а)ря к шаху, *велят* нести после їх или наперед, || (л. 17) ї кн(я)зю Григорью с товарищи велѣно поминки нести с собою *вмѣсте* по посолскому обычаю⁹⁹.

А *будет* шах *пришлет* ї велит им да посолства поминки *прислат*[ъ] к себе, *всѣ* или кречеты одни, или какие *нибуд*[ъ] поминки¹⁰⁰, и кн(я)зю Григорью с товарищи *однолично* поминков *никаких* и кречатов наперед посолства *посылать* не велено, а велѣно *затѣ*¹⁰¹ *стоять* *накрепко*¹⁰².

А *будет* *велит* шах *взяти*, что у них сулено, и кн(я)зю || (л. 17 об.) Григорью с товарищи велѣно *от* поминков *отступитца*, а *молить*: То дѣлаетца *мимо* *прежня* *обычай* ї не потому, как шах к ц(а)рскому величеству в грамоте *своеи* писал, и послы говорили, что ѡн с царским величеством *учинится* в *братцкои* *крепкои* *дружбе* и *любви* *свыше* *прежняго*,

и мы против шаха *стояти* не можем, а шах тѣм к ц(а)рскому величеству нелюбьем окажется и ц(а)рског(о) величества имени дѣлаецца нечет, и над послы того не бывает нигдѣ, а как аж даст Б(о)г, будут у ц(а)рского величества и они, о том ц(а)рскому величеству известят; і в том волен Б(о)г, да великій г(о)с(у)д(а)рь, его ц(а)рское величество. ||

(л. 18) А сколько послы шаху на посолстве живых птиц поднесли и сколько птиц на море померло, и того в stateинном списке не написано, а подал кн(я)зь Григорей с товарищи в посолском приказе птицам роспис[ь], і в той росписи написано: поднесли они шаху на посолстве живых птиц – 9 кречатов сѣрых, да чеглук¹⁰³ сѣр ж, да ястреб белой, а умерло в дороге 16 птиц, и они тѣх мертвых птиц перье и хвосты объявили шаху в то *ж* время¹⁰⁴.

Посол же говорил бояром: Прислал ц(а)рское величество к Аббас шахову величеству по шахову прошенью¹⁰⁵ оконничных мастеров; || (л. 18 об.) і Аббас шахово величество прислал ц(а)рского величества к послом, чтоб они оконничных мастеров прислали к нему наперед себя в город в Өарабат для того, что у него околничное дѣло поспѣло і покаместа им, послом, у него на посолстве бытъ будет время, а мастера б в то время дѣлали¹⁰⁶, что б дѣло его не стало, и ц(а)рского величества послы околничных мастеров к шаху не прислали, і Аббас шахово величество присылал ц(а)рского величества к послом его Магмет Салу бека, что б они околничных мастеров дали¹⁰⁷; и послы, де, оконничных мастеров дали не вовремя, спустя после того, как к ним шах посылал, м(е)с(я)ца с четыре || (л. 19) іли с пять, и тѣм Аббас шахово величество прогневили, а дѣлу молчанье¹⁰⁸ учинилось¹⁰⁹.

А в stateинном списке кн(я)зя Григорья с товарищи о той стат[ь]ѣ написано¹¹⁰: Өеврала в 7 де[нь] присылал ко князю Григорью с товарищи Дорога ч(е)л(о)века своего, а приказывал с ним к ним: Писал, де, к нему, Дороге, шахово величество, а велѣл ему у них, у кн(я)зя Григорья с товарищи, взят[ь] околничных мастеров, и они б, кн(я)зь Григорей с товарищи, околничных мастеров к нему прислали. ||

(л. 19 об.) І кн(я)зь Григорей с товарищи к Дороге с ч(е)л(о)в(е)ком его приказали, что писал к ц(а)рскому величеству шахово величество, чтоб ц(а)рское величество прислал к нему околничных мастеров, и ц(а)рское величество к шахову величеству околничных мастеров прислал, и как, аж даст Бог, будут они у шахова величества на посолстве и посолство исправят, и ц(а)рского величества поминки явят, и они того дни¹¹¹ шахову величеству про околничных мастеров известят. А ныне им чему вѣрить, что Дорога¹¹² присылает людей своих? А будет у него¹¹³, Дороги¹¹⁴, есть о том шахов указ, что они¹¹⁵ велѣно у них взят[ь] околничных мастеров, и Дорога для б того побывал у них сам. ||

(л. 20) И после того приходили ко кн(я)зю Григорью с товарищи Булат бек да Магмет Сали бек и говорили им, кн(я)зю Григорью с товарищи, что они приѣхали от шаха ис полков, а велѣл, де, им шах говорити¹¹⁶: Вѣдомо шахову величеству учинилось, что ц(а)рское величество прислал к нему с ними, со кн(я)зем Григорьем с товарищи, околничных мастеров и тогда шах писал к казбулскому Дороге, а велѣл ему тѣх околничных мастеров у них взять и отослать в Өарабат, и Дорога, де, по ево приказу к ним, ко кн(я)зю¹¹⁷ Григорью с товарищи, для околничных мастеров присылал, и они, де, околничных мастеров не дали. И они, кн(я)зь Григорей с товарищи, околничных мастеров прислали к нему, к Магмет Сали беку, и он, де, Махмет Салбек, по шахову || (л. 20 об.) указу отпустил их в Өарабат для того, что у шаха есть слюда и они б тое слюду передѣлали¹¹⁸.

И кн(я)зь Григорей с товарищи Булат беку и Магмет Сали беку говорили, что ц(а)рское величество к шахову величеству околничных мастеров прислал и будет шахово величество околничных мастеров взят[ь] у них велит, и околничные мастера у них готовы, а Дорога присылал к ним ч(е)л(о)века просит[ь] околничных мастеров, и они к нему приказали, будет у него о том шахов указ есть, что ему околничных мастеров велѣно у них взять, и он у них позван сам и Дорога, де, у них не бывал. ||

(л. 21) И Магмет Сали бек кн(я)зю Григорью с товарищи сказал, что он тѣ их рѣчи отпишет к шахову величеству и о том, как шах укажем¹¹⁹.

И июля в 7 *де(нь)* приходил ко кн(я)зю Григорью с товарищи Магмет Сали бек и говорил им, что писал он, Магмет Сали бек, их, кн(я)зя Григорья с товарищи, рѣчи от околничных мастеров к шахову величеству и шахово, де, величество велѣл ему у них околничных мастеров *взят[ь]* и *отпустить* в *Фарабат*¹²⁰.

И кн(я)зь Григорей с товарищи ему сказал, что околничные мастера у них готовы, и отпустили они околничных мастеров в *Фарабат* июня в 10 *день*¹²¹. ||

(л. 25) Да посол же Магмет Сали бек бодром говорил, как Аббас шахово величество пришел в город в Касбин и велѣл послом быть к себе на посолство, и послал к ним под них лошади с сѣдлы, а приказал к ним, сколько им надобно лошадей и людей, столько и послать велѣл, а в тѣ поры у Аббас шахова величества были послы турецкие и немецкие, и индѣйские, и арамейские, и ц(а)рского величества послы, как Аббас шахову величеству приказали, что им для иных послов на посолство итти *нелзѣ* и на посолство не пошли, а Аббас шахово величество хотѣл того, чтоб ц(а)рского величества послов || (л. 25 об.) видѣли у него иных г(о)с(у)д(а)реи послы, и хотѣл ц(а)рского величества послом перед тѣми послы для брацкие дружбы и любви *воздат[ь]* честь и посадити выше всѣх послов, и Аббас шахово величество, видя их непослушан[ь]е, велѣл у себя быть на посолстве одним им и тѣм ц(а)рского величества послы Аббас шахово величество конечна прогнѣвили¹²².

А в статейном списке кн(я)зя Григорья с товарищи написано¹²³: Как шах ис под Багдада пришел в Казбин, а с ним пришли турецкие послы, || (л. 26) которые пришли к шаху под Богдатом от турецкого, от везир Атафиз¹²⁴ паши, и кн(я)зь Григорей с товарищи посылали к Булат беку *говорит[ь]*, чтоб шах велѣл их взять на посолство, а как шах велит им быть на посолство, и в то бы время у шаха турецких послов не было¹²⁵.

И ко кн(я)зю Григор[ь]ю с товарищи приходил Булат бек и говорил им: Присылали, де, вы ко мнѣ, чтоб мнѣ шаху *известит[ь]*, чтоб вас шах велѣл взять на посолство¹²⁶ и в то б время у шаха послов и посланников, и турецкого посла не было, и он, де, Булат бек, || (л. 26 об.) шаховых очей не видал, а выходил, де, от шаха к нему шахов ближней ч(е)л(о)в(е)к Исуп Ага и он, де, Булат бек, их слово ему говорил, и Исуп, де, Ага к шаху ходил и их, кн(я)зь Григорья с товарищи, слова шаху *извещал*, и шах, де, на посолство к себѣ *быт[ь]* велѣл, а как, де, они, кн(я)зь Григорей с товарищи, у шаха на посолстве *будут* и в то, де, время у шаха послов и посланников не будет, а после, де, того посолства шах *велит* им, кн(я)зю Григор[ь]ю, быти у себя у стола, и у стола, де, ними *будут* турецкие послы. ||

(л. 27) И кн(я)зь Григорей с товарищи Булат беку говорили, что они к шаху на посолство итти готовы, а при турецких послѣх у шаха *быт[ь]* им не пригоже, и прежде того николи не бывало, чтоб в том г(о)с(у)д(а)рской дружбе и любви помешки не было¹²⁷.

И Булат бек кн(я)зю Григорью с товарищи *говорил*: Только, де, они, кн(я)зь Григорей с товарищи, у шаха при турецких послѣх не¹²⁸ *будут* и им, де, вперед шахова жалованья к себе не видать и навесьть от себя от шаха большой гнѣв, шах, де, для их, кн(я)зь Григор[ь]а с товарищи, пришел в Казбин и хотѣл им при турецких послѣх учинити честь, и им шаховых очей не видать долго, *пойдет* шах в *Фарабат* вскоре.

И кн(я)зь Григорей с товарищи Булат беку говорили: В том вѣ дает Бог да шахово величество, им мимо г(о)с(у)д(а)ря своего повелѣнья *инако* учинится *нелзя*, при турецких послѣх у шаха *быт[ь]* им непригоже.

И Булат бек от кн(я)зя Григор[ь]а с товарищи пошел з двора *сердитца* и говорил, идучи с переводчиком и с толмачи, что он такое || (л. 28) их упрямство не токмо *сказат[ь]* шаху и шаховым ближним людям *сказат[ь]* не смѣет¹²⁹.

И после того *приѣзжал* ко кн(я)зю Григор[ь]ю с товарищи Булат бек и говорил им, что он, Булат бек, их, кн(я)зя Григорья с товарищи, рѣчи *сказывал* шахову *ближнему* ч(е)л(о)в(е)ку Исуп Агѣ, и Исуп, де, Ага про то шаху *извещал*, и шах, де, велѣл им, кн(я)зю Григор[ь]ю

с товарищи, *быт[ь]* у себя на посолстве, а после посолства у стола однем, а послов и посланников *апричь* их не будет, а турскому, *де*, послу *быт[ь]* у шаха после их *на завтрее*. || (л. 28 об.) И кн(я)зь Григорей с товарищи *был* у шаха на посолстве в саду одни¹³⁰.

А в г(о)с(у)д(а)р(е)ве наказе у кн(я)зя Григор[ь]я с товарищи написано¹³¹: Как им шах велит *быт[ь]* у себя на посолстве, и им велено приказать к шаховым ближним людям, чтоб у шаха в то время иных г(о)с(у)д(а)рей послов и посланников не было, да будет иных г(о)с(у)д(а)р(е)й послов и посланников не будет, и им велено к шаху на посолство идти, а только будет в то время будет у шаха иных г(о)с(у)д(а)рей послы и посланники, и им велено сказать[ь], что из иных г(о)с(у)д(а)рей при || (л. 29) послѣх и посланниках на посолство идти и посолства правит[ь] непригоже, и *преж* того николи того не бывало, а как были на Москвѣ у ц(а)рского величества шахов посол Русам бек, и он о том ц(а)рского величества бояром говорил, чтоб г(о)с(у)д(а)р(е)вы послы вперед к шаху на посолство и к столу ходили с ыными послы вмѣсте, и царское величество на то не произволил потому, что меж ц(а)рского величества и шахова величества крѣпкая любовь и дружба, и при иных послѣх г(о)с(у)д(а)р(е)вым послом на посолстве и у стола у шаха быть не пригоже, чтоб в той г(о)с(у)д(а)рской дружбе помешки не было, да только провѣдают, что будут в тѣ || (л. 29 об.) поры иных г(о)с(у)д(а)рей послы еси на посолство ходит[ь] не велено, а приказывати о том с приставы, что им мимо ц(а)рского величества наказу учинит[ь], и иных г(о)с(у)д(а)рей при послѣх на посолстве *быт[ь]* непригоже, а только им учинит[ь] мимо ц(а)рского величества указу, и им быть от г(о)с(у)д(а)ря в великой опале і в казни¹³². А нѣчто в то время, как они придут на посолство, будут у кизылбашского шаха турецкого салтана из иных г(о)с(у)д(а)рей послы и посланники, и гонцы, а им того не скажит, а провѣдают от них уж в тѣ поры, как || (л. 30) придут на двор, и им в полатку к шаху не ходити и посолства не править, а говорить приставом, чтоб им шах велѣл у себя на посолстве *быт[ь]* одним, опричь и иных г(о)с(у)д(а)рей послов и посланников, и гонцов, и о том велено приказыват[ь] накрепко, а для остереганья до посолства велено приставов допросит[ь], как им у шаха быть на посолстве, как их шах примет, и не будет ли в то время иных г(о)с(у)д(а)рей послов и посланников, да и про всякие тамошние мѣры велено ропросити и провѣдать, чтоб им вѣдат[ь] о всем наперед, а смотря по тамошней мѣре будет надобно, ино велено || (л. 30 об.) приставов, чѣм и подарит[ь] от себя, только б про все провѣдат[ь] наперед, чтоб чего изневесть не было¹³³. А будет учнет шах приказыват[ь], что у них будет и иных г(о)с(у)д(а)рей послы или посланники турецкого, или бухарского, или индѣйского, из ино-го которого г(о)с(у)д(а)рства, только он для ц(а)рского величества любви учинит им, г(о)с(у)д(а)р(е)вым послом, почеть, выслушает их посолства наперед иных послов и сѣсти им велит выше всѣх послов, знает он, как им для г(о)с(у)д(а)р(е)вы любви почести учинити, а бесчестья им никоторого не учинит, и учнет о том шах приказывает. || (л. 31) И говорить накрепко¹³⁴.

И кн(я)зю Григорью с товарищи велено говорит[ь] с приставы: В том волен Бог, да шахово величество, а наперед сего того николи не бывало, чтоб г(о)с(у)д(а)р(е)вым послом или посланником *быт[ь]* у шахова величества при иных г(о)с(у)д(а)рей послѣх или посланниках, и на посолство при иных послѣх и посланниках ходит[ь] не велено¹³⁵. А будет шах прикажет к ним с тѣм, что будет у него в то время, как им *быт[ь]* у него на посолстве, индѣйские и бухарские, и юргенские || (л. 31 об.) послы, да кумыцкие кн(я)зи и мурзы, а наперед шах примет и сѣсти велит выше всѣх им, ц(а)рского величества послом, и учинити им во всем перед ним послы почеть болшую мимо всѣх послов, а бесчестья им никоторого не будет, в том бы ему верили, а турецких послов в то время не будет¹³⁶. И кн(я)зю Григорью с товарищи велено говорит[ь], чтоб над ними шахово величество в том неволи не учинил, велѣл *быт[ь]* у себя на посолстве одним, а иными бы послом и посланником в то время *быт[ь]* не велѣл. ||

(л. 32) И *буде* шах о том упрямитца и прикажет к ним, что он им для ц(а)рского величества имени честь во всем *хочет* учинит[ь] болши всѣх послов и посланников, а они шаха в том не слушают и гневят, и им велено провѣдать подлинно, какие турские послы в то время у шаха не *будут*, да *будет* про то провѣдают подлинно, что в то время у шаха турских послов и посланников не *будет*, а бухарских и иных послов *похочет* *буде* их шах посадит[ь] выше, и кн(я)зю Григор[ь]ю с товарищи велено говорит[ь]: *Коли* шахово величество на то произвоил и в том ево воля и, хотя им о том *от* ц(а)рского величества и не на|| (л. 32 об.)казано и они емлют то на себя, и на посолство *идут*, а шах бы учинил по своему приказу, как к ним о том приказывал для ц(а)рского величества имени, учинил бы им честь – посолства их *выслушал* наперед и посадил бы их выше иных г(о)с(у)д(а)реи и послов, да *будет* шах к ним прикажет, что он так учинит, им на посолство *идти* велено и при индѣйских послѣх посолство *правит*[ь], а сѣсти выше их, а ниже некоторых послов не садиться, а при турских послѣх на посолство *однолично ходит*[ь] и с ними сидѣть не велено. ||

(л. 33)¹³⁷ А *буде* придут к шаху на двор, а провѣдают, у шаха *будут* в то время турские послы, и кн(я)зю Григор[ь]ю с товарищи велено воротити[сѧ] назад, а при турских послѣх на посолство *ходит*[ь] и с ними *вмѣсте сидѣт*[ь] не велено, а велено приказать с приставами, что им при турских послѣх посолства *правити* и *сидѣт*[ь] с ними не доведетца для того, чтоб в том *меж* г(о)с(у)д(а)ря и шаха *братцкой любви помѣшки* не было¹³⁸.

Посол же бояром говорил: После, *де*, посолства Аббас шахово величество присылал ц(а)рского величества || (л. 33 об.) к послом з Булат беком 50 лошадеи с сѣдлы, а велѣл им *сказать*[ь], чтоб они для своего покою *ѣхали погулят*[ь], и они, *де*, Аббас шахова величества не послушали, *гулят*[ь] не поѣхали и лошади прислали назад¹³⁹.

А после, *де*, того другие Аббас шахово величество в Казбине посылал к послом лошади, а приказал к ним, чтоб они *ѣхали на лобное мѣсто*, на площад[ь], *смотрит*[ь] конского учения и игор, и послы, *де*, и того не послушали, на площад[ь] *гулят*[ь] не поѣхали и тѣм шаха розгневили. ||

(л. 34) Да посол же говорил бояром: Посылали Аббас шахово величество ц(а)рского величества к послом, велѣл им *быть у себя*, а хотѣл послов *отпустит*[ь] к ц(а)рскому величеству, а хотѣл с ними Аббас шахово величество к брату своему, к великому г(о)с(у)д(а)рю, к его ц(а)рскому величеству и к *отцу* его, к великому г(о)с(у)д(а)рю, св(я)тѣишему патриарху Филарету Никитичю Московскому и *всѣа Русии приказат*[ь] *словесной приказ*, а *ѣхат*[ь] им шах велѣл к себе на двор в том платьѣ, которое пожаловал им шах, *прислал*¹⁴⁰ на приѣзде, и с послы, *де*, к Аббас шахову величеству *приказали*, что им в том *плат*[ь]е итти *нелзѣ* и за Тѣрек к Аббас шахову величеству || (л. 34 об.) не пошли, и тѣм они Аббас шахово величество конечно *розгнѣвали*, стало то Аббас шахову величеству в великое подивленье, сколько *от* ц(а)рского величества к Аббас шахову величеству послов не *прихаживало*, а таких послов упрямых не бывало, и, видя то, шах, что послы не поѣхали, послал с Калентаром своим двѣ грамоты; одна писана к ц(а)рскому величеству о *братственной дружбе и любви*, а другая ко *отцу* его, к великому г(о)с(у)д(а)рю, св(я)тѣишему патриарху Филарету Никитичю Московскому¹⁴¹ и *всѣа Русии*. А велѣл тѣ грамоты *отдат*[ь] Булат беку, а Булат беку велѣл *отдат*[ь] царского величества || (л. 35) послом, а *сказать* им велѣл, что они тѣ грамоты довели до ц(а)рского величества и Калентар, *де*, грамоты Булат беку *отдал*, а Булат бек *отдал* их г(о)с(у)д(а)р(е)вым послом, и послы, *де*, тѣ грамоты взяли и повезли их ис Казбина с собою и, как *приѣхали* в Шемаху и шемахѣнской, *де*, *воевода Казак хан* *приѣзжал* к ним на *подвор*[ь]е, *навѣщат*[ь] их и о *здоров*[ь]е *спросит*[ь], а на *други*, *де*, день ц(а)рского величества послы *приѣзжали* к Казак¹⁴² хану, и *быв* у него, и б Аббас шахова величества грамоты у Казак хана оставили, а царскому величеству с собою не повезли, и Казак хан им говорил, чтоб || (л. 35 об.) они тѣ грамоты взяли, *извели* их к г(о)с(у)д(а)рю с собою, и они, *де*, грамот не взяли, *покинули* их у Казак хана, и шахово,

де, величество наказал с ним о том об[ъ]явити, чтоб царское величество вперед к Аббас шахову величеству послов своих присылал таких, чтоб они были у Аббас шахова величества в повелен[ъ]е і в послушан[ъ]е, чтоб меж ими г(о)с(у)д(а)ри дружба и любов[ъ] множилас[ъ], да и о том Аббас шахово величество с ним наказал, которые ц(а)рского величества послы вперед будут у шахова величества, а учнут делат[ъ] что самоволством, и тѣм бы ц(а)рское величество поволил || (л. 36) Аббас шахову величеству наказанье над ними учинит[ъ], а которые послы Аббас шахова величества будут у ц(а)рского величества и учнут, что дѣлат [ъ] не по царского величества указу, и ц(а)рское б величество велѣл над тѣми наказан[ъ]е учинит[ъ], как ему ц(а)рскому величеству будет годно, а Аббас шахово величество за то не стоит, чтоб меж их великих г(о)с(у)д(а)рей дружба и любов[ъ] множилас[ъ], а не нарушалась¹⁴³.

А в г(о)с(у)д(а)р(е)ве наказе у кн(я)зя Григор[ъ]я с товарищи про шахово плат[ъ]е написано: || (л. 36 об.) Нѣчто шах пришлет к ним свое жалован[ъ]е, платье, на подвор[ъ]е, а прикажет і велит им к себѣ ѣхати в своем плат[ъ]е¹⁴⁴.

И кн(я)зю Григор[ъ]ю с товарищи велено говорит[ъ], что к ним шах свое жалован[ъ]е плат[ъ]е прислал, и они его г(о)с(у)д(а)рскому жалован[ъ]ю ради, а в чем им ѣхати к шаху на двор, и у них есть свое плат[ъ]е – царского величества жалован[ъ]е, а в шахово жалован[ъ]е им ѣхати нельзя, и на их платье здешнее плат[ъ]е не взойдет, потому что русское плат[ъ]е широко и долго, а их кизылбашское платье своеобразно, коротко и уско, разве будет || (л. 37) положить то платье на себя под испод за кафтанов[о] мѣсто и то учинити мочно, да потому велено и учинит[ъ], чтоб тѣм шаха не розгнѣвить¹⁴⁵.

А буде на них плат[ъ]е положит перед шахом, и им велено на шахово жалован[ъ]е бит[ъ] челом и платье на себя положить, и перед шахом плат[ъ]я с себя не здавати и ѣхать в шахово плат[ъ]е до подворья¹⁴⁶.

А в статенином списке кн(я)зя Григорья с товарищи написано: ||

(л. 37 об.) Приходил к ним Булат бѣк и говорил им: Шахово, де, величество велѣл им быть к себѣ в своем жалован[ъ]е, в плат[ъ]е, что к ним прислал, и они б шахово жалован[ъ]е, вздѣв на себя, ѣхали к шаху, а своего, де, плат[ъ]я вздеват[ъ] им шах не велѣл¹⁴⁷. И кн(я)зю Григорей с товарищи Булат беку говорили, что шахово величество свое жалован[ъ]е – платье, к ним прислал, и они его г(о)с(у)д(а)рскому жалован[ъ]ю ради, а в чѣм им ѣхати, и у них есть свое платье – ц(а)рского величества жалован[ъ]е, а в шахово им жалован[ъ]е ѣхат[ъ] нельзя, || (л. 38) и на их платье здешнее их платье не взойдет, потому что русское платье широко и долго, а кизылбашское платье своеобразно, коротко и уско, разве будет положит[ъ] то платье на себя под испод, за кафтанов[о] мѣсто, и то учинит[ъ] мочно¹⁴⁸.

И после того приходил Булат бѣк ко кн(я)зю Григорью с товарищи и говорил им, что шах велѣл им быть к себе в своем платье¹⁴⁹.

И кн(я)зю Григорей с товарищи говорил ему прежние свои рѣчи. ||

(л. 38 об.) И после того приѣзжал ко кн(я)зю Григорью с товарищи Булат бек же и говорил им, что шах пошел в Өарабат и он, де, Булат бек их слово шаху извещал на походе, и шах, де, велѣл их отпустить[ъ] казбинскому Дороге Нанды-беку і пристава и подводы велѣл им дать до Дербени и до Тарков¹⁵⁰.

А после того приходил ко кн(я)зю Григор[ъ]ю с товарищи пристава их Имбреим бек, а приносил шаховы двѣ грамоты, а говорил им, что тѣ грамоты прислал к нему шах, а велѣл их отдат[ъ] им кн(я)зю Григор[ъ]ю с товарищи, а они б отвезли к ц(а)рскому величеству. ||

(л. 39) И кн(я)зю Григорей с товарищи Ибреим беку говорили, что им к ц(а)рскому величеству шаховых грамот вестъ непригоже, великий г(о)с(у)д(а)рь, его ц(а)рское величество к шахову величеству присылает грамоты свои с своими послы и с посланники, а к ц(а)рскому величеству шах преж сего прислал¹⁵¹ грамоты свои с своими же послы и с посланники,

и шаховых грамот у пристава они не взяли¹⁵². Да посол же говорил: Велѣл, де, ему г(о)с(у)д(а)рь ево, Аббас шахово величество брату своему, великому || (л. 39 об.)¹⁵³ г(о)с(у)д(а)рю, его ц(а)рскому величеству, об[ъ]явит[ъ]: Которые, де, ц(а)рского величества купчины приѣзжают Аббас шахова величества в землю и по указу Аббас шахова величества во всем им купит[ъ] и продат[ъ]¹⁵⁴ поволно, а Аббас шахова величества купчинам ц(а)рского величества в землѣ по городом воеводы в торговле чинят неволю про обиход Аббас шахова величества птиц¹⁵⁵, кречатов и ястребов, и ногайского асырю купить не дают, а которые, де, и купят и у них тѣ птицы и асыр[ъ] отнимают, и они, де, о том бьют челом воеводам. ||

(л. 40) Да посол же говорил бояром: Велѣл, де, ему г(о)с(у)д(а)рь его, Аббас шахово величество брату своему, великому г(о)с(у)д(а)рю, его ц(а)рскому величеству, об[ъ]явити: Которые, де, Аббас шахова величества послы приѣзжают к ц(а)рскому величеству и ц(а)рское, де, величество тѣх Аббас шахова величества послов отпускает назад к Аббас шахову величеству, а с ними вмѣсте послылает ц(а)рское величество к Абас шахову величеству своих послов и тѣх, де, послов ис Асторахани¹⁵⁶ отпускает на шахову землю морем, и на море, де, г(о)с(у)д(а)р(е)ве казне чинятца многие убытки, потому что водяной || (л. 40 об.) морской ход тяжел, и ц(а)рское б величество велѣл вперед послов ис Астарахани к Абас шахову величеству отпускает[ъ] морем до Терка, а с Терка б сухим путем на Шемаху, а сухим, де, путем послом ѣхати легко и безстрашно, а как ц(а)рского величества послы пойдут к Аббас шахову величеству, и Аббас шахово величество велит посылат[ъ] из Шемахи подвод по пятисот и по штисот или сколько надобно, о том бы ц(а)рское величество велѣть послать указ свой и повелѣнье в Астарахань и на Терек. ||

(л. 41) И бояря говорили, о которых дѣлех он говорил с ними, и они о тѣх дѣлех донесут до ц(а)рского величества, а что он говорил о послех, чтоб ц(а)рское величество велѣл послом, которых учнет к Абас шахову величеству посылат[ъ], приказывать, чтоб они были у Аббас шахова величества в послушан[ъ]е, и ц(а)рское величество и так послом, которые к Аббас шахову величеству посылает, приказывает, чтоб они были у Аббас шахова величества в повелѣн[ъ]е || (л. 41 об.) і в послушанье и на гнѣв Аббас шахова величества не приводили, толко о том о всем донесут они до ц(а)рского величества¹⁵⁷.

И ходили бояря и д[ъ]яки рѣчи его сказывать г(о)с(у)д(а)рю і великому г(о)с(у)д(а)рю, святѣйшему патриарху. || (л. 42) А посол дожидался в отвѣтной полате¹⁵⁸.

И г(о)с(у)д(а)рь, і великій г(о)с(у)д(а)рь, св(я)тѣйший патриарх велѣли думному¹⁵⁹ дяку Ефиму Телепневу послу сказать, что || (л. 42 об.) бояря и они, дяки, до ц(а)рского величества и до великогѡ г(о)с(у)д(а)ря, св(я)тѣйшаго патриарха, рѣчи его доносили, и г(о)с(у)д(а)рь, і великій г(о)с(у)д(а)рь, святѣйшии патриарх, указали на тѣ его рѣчи отвѣт дать || (л. 43) иным временем, а его посла велѣли отпустить на подворье¹⁶⁰.

И по г(о)с(у)д(а)р(е)ву, и г(о)с(у)д(а)ря, св(я)тѣйшаго патриарха || (л. 43 об.) указу думной дяк Ефим Телепнев послы сказал и отпустил его на подвор[ъ]е с приставом его, а г(о)с(у)д(а)р(е)во жалован[ъ]е, стол, сказал послу при г(о)с(у)д(а)ре в полате, как еще в отвѣте не был, а послан с столом назавтрее столник, кн(я)зь Ѳедор княж Семенов сын Куракин. ||

(л. 44¹⁶¹) И апрѣля в 17 де[нь] указал г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і великій кн(я)зь Михаил Ѳедорович всеа Русіи сего отвѣтного и прежняго на кн(я)зь Григорья Тюфякина с товарищи извѣтного списков слушать бояром¹⁶².

И того ж дни по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу бояря сего отвѣтного и прежняго извѣтного списков слушали и приговорили: Княз[ъ] Григорья Тюфякина с товарищи и подячих и толмачей, которые были с ними в Кизылбашех, распросит[ъ] против отвѣтного списка, как¹⁶³ их шах из Казбина велѣл ко г(о)с(у)д(а)рю к Москве отпустить и прислал к ним двѣ грамоты: одна ко г(о)с(у)д(а)рю, а другая ко отцу ево г(о)с(у)д(а)р(е)ву, к великому г(о)с(у)д(а)рю, || (л. 44 об.) святѣйшему патриарху Ѳиларету Никитичю Московскому і всеа Русіи,

и они тѣ грамоты взяли ли, *буде взяли* и для чего, *приѣхав* в Шемаху, тѣ грамоту у шемахинского воеводы, у Казан хана, *покунули*¹⁶⁴.

И того *ж* числа думнои дьяк Ефим Телепнев князя Григорья Тюфякина с товарищи и под[б]ячих, и толмачей про ту *стат[б]ю* *роспрашивал* *порознь*¹⁶⁵.

И князь[б] Григорей с товарищи *сказали*, что они шаховых грамот ко г(о)с(у)д(а)рю и к великому г(о)с(у)д(а)рю, *святѣишему* патриарху в Казбине ни у *кого* не имывали, і в Шемахѣ || (л. 45) у шемахинского воеводы у Казан хана не покидывали как, *де*, они были в Казбине и шах из Казбина *поѣхал* в *Ѡарабат*. А их князь[б] Григорья с товарищи *велѣл* из Казбина *отпустить* ко г(о)с(у)д(а)рю к Москве, а на *отпуске* шах к себѣ их *неимал*, и на *третей* д(е)нь приходили к ним Булат бек да *пристав* их Ибреим бѣк, приносили *двѣ* грамоты, а *говорили* им, что прислал к ним тѣ грамоты шах з *дороги*, а *велѣл*¹⁶⁶ их *отдать* им, князь[б] Григорью с товарищи, и они *б*, князь[б] Григорей с товарищи, тѣ грамоты у них *взяли*, и *отвезли* к ц(а)рскому величеству. И они, *де*, князь Григорей с товарищи тѣх || (л. 45 об.) грамот у них не *взяли*, а *сказали*, что им тѣх грамот *взят[б]* *непригож*, потому что ц(а)рское величество к Аббас шахову величеству грамоты присылает с *послы* своими, да и шахово величество *наперед* сего свои грамоты к ц(а)рскому величеству *присылывал* с своими *ж* *послы*, а н(ы)не шах *дѣлает* мимо *прежней* *обычаи*, *посылает* к ц(а)рскому величеству грамоты свои с ними, а они, князь[б] Григорей с товарищи, у шаха и на *отпуске* не были и *очев* ево не *видали*. А *после*, *де*, того, как *оні*, князь[б] Григорей с товарищи, из Казбина *пришли* в Шемаху і в Шемахѣ, *де*, приносили к ним *тѣж* грамоты. || (л. 46)¹⁶⁷ *Пристав* их, Ибреим бѣк, да шемахинского воеводы Казан ханов ч(е)л(о)в(е)к, а *говорили* им, *чтоб* они тѣ грамоты у них *взяли* и они, *де*, князь[б] Григорей с товарищи грамот у них не *взяли*, а *говорили* им *прежние* свои рѣчи, да и потому, *де*, они, князь[б] Григорей с товарищи, шаховых грамот не *взяли*, что у них в г(о)с(у)д(а)р(е)во *наказе* о том, что грамоты *взять* не *написано*¹⁶⁸.

А под[б]ячие Ёвашка Романов, Ёвашка Скобелцын, да толмачи¹⁶⁹ Петр Красников, Андрѣи Раков, Парамон Барыбин *сказали*: Как, *де*, *пошел* шах из Казбина в *Ѡарабат*, а князя Григорья Тюфякина || (л. 46 об.) с товарищи *велѣл* *отпустить* ко г(о)с(у)д(а)рю к Москве, а на *отпуске* их шах к себѣ не *имал*, что они на *отпуске* к шаху не *пошли*¹⁷⁰ *в ево* *плат[б]*. И *после*, *де*, того, дни с *три* *спустя*, как шах из Казбина *пошел* в *Ѡарабат*, приходили ко кн(я)зю Григорью с товарищи в Казбине Булат бек, да *пристав* их Ибреим бѣк, а *приносили* к ним шаховы *двѣ* грамоты и *говорили* им, *чтоб* они тѣ грамоты у них *взяли* и *отвезли* к ц(а)рскому величеству. И кн(я)зь Григорей с товарищи тѣх грамот у них не *взяли*. А *сказали* им, что у них в г(о)с(у)д(а)р(е)во *наказе* о том, что грамоты *взят[б]* не *написано*, да и *для* того, что они у шаха¹⁷¹ на *отпуске* не *были*, а как, *де*, кн(я)зь Григорей с товарищи із Казбина || (л. 47) *пришли* в Шемаху і в Шемахѣ приходили ко кн(я)зю Григорью с товарищи *пристав* их Ибреим¹⁷² бѣк да шемахинского воеводы Казан ханов ч(е)л(о)в(е)к. А *приносили* к ним тѣ *ж* шаховы грамоты и *говорили* им, *чтоб* они тѣ грамоты у них *взяли*, и князь Григорей с товарищи тѣх грамот у них не *взяли* *ж*.¹⁷³

А один ч(е)л(о)в(е)к из них толмач Парамон Барыбин *сказал*: Как, *де*, князь[б] Григорей с товарищи *пришли* в Шемаху и *ево*, *де*, Парамона из Шемахи *отпустили* к великому¹⁷⁴ г(о)с(у)д(а)рю к Москве *напред* себя, а при нем *пристав* Ибреим бѣк, да шемахинского воеводы Казан ханов ч(е)л(о)в(е)к ко кн(я)зю Григорью || (л. 47 об.) с товарищи грамот не *принашивали*, а то, *де*, он *слышал* *от* *товарищеи* своих, что *после* *ево* *приносили* ко кн(я)зю Григор[б]ю с товарищи *пристав* их Ибреим бѣк да шемахинского воеводы Казан ханов ч(е)л(о)в(е)к грамоты. И они, *де*, кн(я)зь Григорей с товарищи грамот у них не *взяли*.¹⁷⁵

А про г(о)с(у)д(а)р(е)ву и про великого г(о)с(у)д(а)ря, св(я)тѣишаго патриарха чаши *допрашиваны* толмач Петр Красников, Парамон Барыбин, Андрѣи Раков *порознь*, шах про их г(о)с(у)д(а)рское *здоровье* чаши *пил* ли. И *послом* *подавал* ли. И *толмачи* *всѣ* *сказали* *одни* рѣчи, что шах про г(о)с(у)д(а)р(е)во *многолѣтное* *здоровь[б]* *е* *чашу* *пил*. И *смотря* на

небо, || (л. 48) по своему вѣре Б(о)га молил, и кн(я)зь Григорью Тюфякину про г(о)с(у)д(а)р(е)во здоровье чашу подал. И кн(я)зь Григорей той чаши не допил. И шах, де, Григорью Θεфила[т]ѣву да д[ѣ]яку Θεодору Панову чаш не подавал, да пил сам чашу про великого г(о)с(у)д(а)ря, святѣишаго патриарха, а послом никому про г(о)с(у)д(а)р(е)во и патриархово здоров[ѣ]е шах чаши не подавал. А как, де, шах про г(о)с(у)д(а)р(е)во здоров[ѣ]е чашу пил і в то время кн(я)зь Григорей Тюфякин послал под[ѣ]ячего Івашка¹⁷⁶ Романова ко всѣм к ним, г(о)с(у)д(а)р(е)вым людям, чтоб они для того встали, что шах пьет про г(о)с(у)д(а)р(е)во здоров[ѣ]е чашу. И они, де, в ту пору всѣ стояли. ||

(л. 48 об.) А под[ѣ]ячей Івашка Романов сказал: Как, де, шах звал к себѣ г(о)с(у)д(а)р(е)вых послов гость и сперва налил чашу золотую шарапу¹⁷⁷ и, смотря на небо, по своему вѣре Б(о)га молил. А после говорил, что он пьет чашу про многолѣтное здоровье великого г(о)с(у)д(а)ря, ц(а)ря і великого кн(я)зя Михаила Θεодоровича всеа Росіи самодержца, и кн(я)зь Григорей, де, то слыша, велѣл призвать ево, Івашка, к себѣ. І велѣл сказать всѣм г(о)с(у)д(а)р(е)вым людям, чтоб они всѣ встали, а для чего встать велѣл, и того, де, он, Івашка, недослышел. И ему, де, приказал дьяк Θεодор Панов, что шах пьет чашу про г(о)с(у)д(а)р(е)во многолѣтное здоров[ѣ]е. ||

(л. 49) И для б того всѣ г(о)с(у)д(а)р(е)вы люди встали. И он, де, то слово всѣм г(о)с(у)д(а)р(е)вым людям и сказал, і г(о)с(у)д(а)р(е)вы люди тотчас і встали, а как, де, шах про г(о)с(у)д(а)р(е)во здоров[ѣ]е чашу выпил. И после того подал чашу кн(я)зю Григорью. И кн(я)зь Григорей той чаши не допил. И шах, де, Григорью Θεфила[т]ѣву да д[ѣ]яку Θεодору Панову чаши не подал. Да пил чашу сам про г(о)с(у)д(а)р(е)во и патриархово здоровье. А послом никому чаши не подавал¹⁷⁸.

И с под[ѣ]ячим с Ъвашком Романовым¹⁷⁹ ставлен с очей на очи дьяк Θεодор Панов и ропрашиван, чтоб он Θεодор сказал правду, как то дѣялося. ||

(л. 49 об.) И дьяк Θεодор Панов сказал, что шах про г(о)с(у)д(а)р(е)во и про великого г(о)с(у)д(а)ря, святѣишаго патриарха чаш не пивал, и князь Григорей и он, Θεодор, под[ѣ]ячего Івашка к г(о)с(у)д(а)р(е)вым людям с тѣм, что будто шах пьет чашу про г(о)с(у)д(а)р(е)во здоров[ѣ]е не посылавали, то на них взвелі ложно. А пил шах и ім пит[ѣ]е подавал просто¹⁸⁰.

А под[ѣ]ячей Івашка з дьяком, с Θεодором, с очей на очи говорил прежние свои рѣчи, что шах про г(о)с(у)д(а)р(е)во и про великого г(о)с(у)д(а)ря, святѣишаго патриарха, здоров[ѣ]е чаши пил. И ево, Івашка, князь[ѣ] Григорей и он, Θεодор, с тѣм ко г(о)с(у)д(а)р(е)вым людям, ко всѣм посылали || (л. 50) апрѣля в 18 де[нь]. Указал г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і великий кн(я)зь Михаилу Θεодоровичу всеа Росіи сыскного дѣла, что извещал на кн(я)зь Григорья Тюфякина толмач Парамонко Барыбин, и отвѣтного списка, что говорил бояром в отвѣте кизылбашскои посол Магмет Сали бек по шахову приказу. И послѣдняго допросу князя Григорья Тюфякина с товарищи и под[ѣ]ячие, и толмачи роспросные речи слушали¹⁸¹.

И по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу бояря сыскного¹⁸² и отвѣтного, и допросного списков слушалі. И говорили:¹⁸³ По первой стат[ѣ]ѣ, что извещал на князь[ѣ] Григорья Тюфякина || (л. 50 об.) с товарищи толмач Парамонка Барыбин, что князь[ѣ] Григорей, ѣдучи шаховскою землею, дѣлал не по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу, гдѣ ему в шаховых¹⁸⁴ городѣх для г(о)с(у)д(а)р(е)ва имени воздавали почесть. А он против того чести не воздавал. И подарков не давал. А кому и давал, и то худое. И приѣхав в Казбин, ѣхал не указною дорогою. И не тѣми мѣсты, которыми дорога готовлена. И шел дорогою самоволством. И ставился на дворех насилством, не на тѣх дворех, гдѣ приготовлено. И что имал кормы, а г(о)с(у)д(а)р(е)вым людям давал мало. А иным и не давал, и толмачи, и переводчик – || (л. 51) всѣ в роспросе тож сказали, что Парамонко ж Барыбин. И то учинити по сыску, что г(о)с(у)д(а)рь укажет.

А про г(о)с(у)д(а)р(е)ву і великого г(о)с(у)д(а)ря, святѣишаго патриарха чашу, что извещал Парамонко ж Барыбин и подячие, как князь[ѣ] Григорей был у шаха на посолстве и у стола и дѣлал не по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу, і в речах своих шаха прогневил, а как после

стола пил г(о)с(у)д(а)р(е)ву чашу і великого г(о)с(у)д(а)ря, св(я)тѣшишаго патриарха, и княз[ь] Григорью г(о)с(у)д(а)р(е)ву чашу подал. И княз[ь] Григорей г(о)с(у)д(а)р(е)вы чаши не допил, и столник шахов, приняв у княз[ь] Григор[ь]я опивки, чево княз[ь] Григорей не допил, вылил в воду. А шаху || (л. 51 об.) то стало за великую досаду, и княз[ь] Григорей с товарищи в том запирались, будто шах г(о)с(у)д(а)р(е)вы чаши і великого г(о)с(у)д(а)ря, святѣшишаго патриарха, не пил. И їм не подавал, а г(о)с(у)д(а)р(е)вы люди всѣ, которые были со князем Григорьем Тюфякиным с товарищи, под[ь]ячие и переводчик, и толмачей, и кречетники, и ястребники в сыску тож, что и Парамонко извещал, а иные, которые сидѣли далеко, кречетники и ястребники, сказали, что княз[ь] Григорей присылал к ним в стол под[ь]ячего Ёвашку Романова сказывать, что шах пьет г(о)с(у)д(а)рского здоровья[ь] чашу и они б всѣ встали. ||

(л. 52) А кн(я)зь Григорей Тюфякин с товарищи в том запирались, будто шах г(о)с(у)д(а)р(е)ва і великого г(о)с(у)д(а)ря, святѣшишаго патриарха чаши не пил, и їм не подавал. И о той статьѣ бояря говорили, что про ту стат[ь]ю сыскают[ь] подлинно, того под[ь]ячего Ёвашка Романова и ѳных, хто доведетца, пытать да потому и учинит[ь].¹⁸⁵

Да кн(я)зь Григорья ж Тюфякина извещал толмач Парамонко Барыбин, что княз[ь] Григорей Тюфякин, ѣдучи назад в Ардевиле, велѣл украсть татарченка. И за то в Ардевиле на кн(я)зь¹⁸⁶ Григорья с товарищи приходилї шумом и позором¹⁸⁷. ||

(л. 52 об.) А товарищи молчали ему. И г(о)с(у)д(а)рю про то не известили и по нем покрывалї, в том виновати ж. А в винѣ их, что г(о)с(у)д(а)рь укажет¹⁸⁸.

А что посол говорил бояром в отвѣте, про г(о)с(у)д(а)р(е)вых послов, про кн(я)зь Григорья с товарищи, что они к шаху не послали наперед себя птиц и оконничных мастеров, а в наказе у них написано, что наперед себя, не быв на посолстве, не велено посылат[ь] птиц, а про оконничные мастера в указе нѣт, і в том г(о)с(у)д(а)рь волен, а они дѣлали по наказу. ||

(л. 53) А что посол ж говорил бояром в отвѣте, что г(о)с(у)д(а)р(е)вы послы, княз[ь] Григорей Тюфякин с товарищи, не поѣхалї к шаху к столу, а шах их хотѣл почтить, посадить выше всѣх послов и турских¹⁸⁹.

Да послы ж г(о)с(у)д(а)р(е)вы не послушали шаха, не ѣздили на поле. А с шахом ѣздили на поле турецкие послы, и за ту шаху на г(о)с(у)д(а)р(е)вых послов стало за великую кручину, что у шаха у стола не былї и гулять не ѣздили¹⁹⁰.

А в г(о)с(у)д(а)р(е)ве наказе написано: ни с которыми послы у шаха на посолстве и у стола не быть. ||

(л. 53 об.) А про турецких послов написано имянно, что при турецких послѣх отнюд[ь] к шаху на посолство и к столу не ходить¹⁹¹.

Ї в том г(о)с(у)д(а)рь волен, а послы дѣлали по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу.¹⁹² И про ту стат[ь]ю говорилї бояря, что о том говорити в отвѣте кизылбашскому послу, что княз[ь] Григорей с товарищи учинили то по прежнему обычаю, преж сего г(о)с(у)д(а)р(е)вы послы у шаха на посолстве и у стола с ѳными, ни с которыми послы в мѣсте не бывали. Ї вперед[ь] бытии непригож, для того, || (л. 54) что у Аббас шахова величества бывают многих г(о)с(у)д(а)рств послы такие, с которыми г(о)с(у)д(а)рствы у ц(а)рского величества недружба. И толко будут у Аббас шахова величества на посолстве и у стола вмѣсте. И чтоб какие ссоры не учинилось меж их, а меж бы ц(а)рского величества и шахова величества дружбе и любви их г(о)с(у)д(а)рском нарушения не было¹⁹³.

А что посол шахов говорил бояром в отвѣте, что шах посылат к послом грамоты к великому г(о)с(у)д(а)рю и к великому г(о)с(у)д(а)рю, св(я)тѣшему патриарху и послы, взяв¹⁹⁴ грамоты, везли до Шемахи і в Шемахѣ покинулї у шемахинского воеводы, у Казан хана. И г(о)с(у)д(а)рь бы про то велѣл сыскать своими || (л. 54 об.) г(о)с(у)д(а)р(е)выми людми¹⁹⁵.

И про то сыскivano, а по сыску обявилось, что шах послом г(о)с(у)д(а)р(е)вым на отпуске у себя быть не велѣл. А грамоты прислал з Булат беком да с приставом Абреил

беком, и послы, кн(я)зь Григорей с товарищи, грамот у них не взяли, а в другие тѣ же грамоты пристав отдавал им в Шемахѣ. И они грамот у них не взяли же, потому что шах г(о)с(у)д(а)р(е)вым послом на отпуске быть у себя не велѣл, осердяся за то, что к нему в ево платѣ не поѣхали¹⁹⁶.

А наперед того г(о)с(у)д(а)р(е)вы послы бывали у шаха, и шах с ними || (л. 55) грамот ко г(о)с(у)д(а)рю и к великому г(о)с(у)д(а)рю, святѣишему патриарху не посылавал, а присылал с своими послы¹⁹⁷.

Так же бывают у г(о)с(у)д(а)ря от Аббас шаха послы. И г(о)с(у)д(а)рь с шаховыми послы к Аббас шаху грамот не посылает. А посылает с своими г(о)с(у)д(а)р(е)выми послы¹⁹⁸.

И про ту стат[ь]ю бояря говорили, что о том Аббаз шахову послу выговорить, что учинил то Аббас шахово величество нелюбов[ь]ю, что послом г(о)с(у)д(а)р(е)вым не велѣл¹⁹⁹ у себя быть на отпуске, а грамоты прислал к ним на подворье, а которые преже сего послы от г(о)с(у)д(а)ря были у шаха. И шах г(о)с(у)д(а)р(е)вым послом || (л. 55 об.) на приѣзде и на отпуске быти у себя велѣл, а грамоты ко г(о)с(у)д(а)рю присылал с своими послы, а не з г(о)с(у)д(а)р(е)выми²⁰⁰.

А которые Аббас шаховы послы бывали у г(о)с(у)д(а)ря на приѣзде и на отпуске, и г(о)с(у)д(а)рь с шаховыми послы грамот не посылавал. А посылал с своими г(о)с(у)д(а)р(е)выми послы²⁰¹.

А н(ы)не Аббас шах учинил мимо прежней обычаи, кабы нелюбов[ь]ю оказался, а у Аббаз шаха в ево г(о)с(у)д(а)р(с)тве бывают при нем многие послы иных г(о)с(у)д(а)р(с)тв и то им все вѣдомо, что учинитца г(о)с(у)д(а)р(е)вым послом, и то поставят себѣ в подвлияние, что так учинилос[ь] вѣдают то, что Аббаз шахово величество з г(о)с(у)д(а)рем н(а)шим, с его || (л. 56) ц(а)рским величеством, в болшой крѣпкой дружбе и любви, і в братстве, ни с которыми г(о)с(у)д(а)ри такие дружбы не имѣет, что с ц(а)рским величеством, а то учинилось неприятным обычаем, что ц(а)рского величества послом на отпуске у себя быть не велѣл. И которые ц(а)рскому величеству недруги свѣдают про то и тому будут ради²⁰².

А что г(о)с(у)д(а)р(е)вы послы, княз[ь] Григорей Тюфякин с товарищи, к Аббаз шахову величеству не поѣхали в ево жалован[ь]е в плат[ь]е. И то они учинили по прежнему обычаю²⁰³. Преже того г(о)с(у)д(а)р(е)вы послы, которые бывали у Аббаз шахова величества, к шаху в ево жалован[ь]е, в плат[ь]е, к нему не ѣзживали, потому что || (л. 56 об.) кизылбашское платѣ своеобычно и руским людям непристойно. И послы, княз[ь] Григорей Тюфякин с товарищи, учинили то по прежнему обычаю. А мимо прежнего обычая учинить не смѣли. А как у ц(а)рского величества послы бывают у Аббаз шахова величества. И ц(а)рское величество жалует им своим г(о)с(у)д(а)рским жалован[ь]ем, платѣем. И они в г(о)с(у)д(а)р(е)ве жалован[ь]е ѣздят до подворья, а к ц(а)рскому величеству в его г(о)с(у)д(а)рском жалованье, в платѣ, не ѣздят. И за то Аббаз шахову величеству на г(о)с(у)д(а)р(е)вых послов кручины держать нѣ за что²⁰⁴.

А выговоря о том, мольте || (л. 57) шахову послу, да хотя так учинилось, что Аббаз шах г(о)с(у)д(а)р(е)вым послом на отпуске бытъ у себя не велѣл. И грамоты к ним присылал на подворье. Только ц(а)рское величество повѣрил брата своего, Аббаз шахова величества, писму и твоим речам, что еси говорил нам в отвѣте, что ц(а)рского величества послы у шаха были в непослушанье. И дѣлалі самоволством. И тѣм Аббаз шахово величество прогневили²⁰⁵.

И за то ц(а)рское величество на послов своих, на кн(я)зь Григорья²⁰⁶ Тюфякина с товарищи, положил опалу свою г(о)с(у)д(а)рскую, и наказан[ь]е велѣл им учинить великое. ||

(л. 57 об.) А что к ц(а)рскому величеству Аббаз шахово величество с ним, послом Магмет Сали бѣком, наказывал, чтоб ц(а)рское величество впред[ь] к Аббаз шахову величеству послов своих присылал таких, чтоб они были у Аббаз шахова величества в повелѣний і в послушаний, чтоб меж ими, г(о)с(у)д(а)ри, дружба и любов[ь] множилась, да и о том

Аббаз шахово величество с ним к ц(а)рскому величеству наказал, а велѣл ц(а)рскому величеству об[ѣ]явить, которые ц(а)рского величества послы впредь будут у шахова величества, а учнут дѣлат[ѣ] что самоволством, и тѣм бы ц(а)рское величество поволил Аббаз шахову велич[е]|| (л. 58) ству наказанье над ними чинит[ѣ]. А которые послы Аббаз шахова величества будут у ц(а)рского величества и учнут что дѣлат[ѣ] не по ц(а)рского величества указу, и ц(а)рского величество велѣл над тѣми наказание учинить, как его ц(а)рского величеству будет годно²⁰⁷.

Ї великій г(о)с(у)д(а)рь н(а)ш, его ц(а)рское величество, которых послов своих посылает к брату своему, к г(о)с(у)д(а)рю в(а)шему, к Аббаз²⁰⁸ шахову величеству и тѣм ц(а)рское величество наказывает имянно, чтоб они, будучи у шахова величества, дѣлали || (л. 58 об.) все по его г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу и честь бы воздавали Аббаз шахову величеству во всем так ж, что его ц(а)рскому лицу, и невѣж[е]ства им, и непослушания некоторого чинить не велѣл. А того николѣ ни в которых г(о)с(у)д(а)р(с)твах не повелось, что над послы в чужих г(о)с(у)д(а)рствах наказание чинит[ѣ]. Буде ц(а)рского величества послы, будучи у Аббаз шахова величества, учнут что не по пригожу дѣлат[ѣ]. И Аббаз шахово величество о том писал к ц(а)рскому величеству. И ц(а)рское величество по их винѣ велит им наказан[ѣ]е учинить в своем г(о)с(у)д(а)рстве. А буде Аббаз шахова величества послы, будучи у ц(а)рского величества, учнут дѣлат[ѣ] какие непригожие дела. И ц(а)рское величество учнет писат[ѣ] к Аббаз шахову величеству, а наказан[ѣ]е некоторого учинит[ѣ] не велит. А толко учинит то, что послом чинить наказание на обе стороны, ѣ свѣдают то в ыных окр(е)стных г(о)с(у)д(а)р(с)твах. И то покажетца им кабы меж ц(а)рского велчества ѣ Аббаз шахова величества дружбе ѣ любви нарушение. ||

(л. 59)²⁰⁹ 7137-го апрѣля в 20 де[нь] г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь ѣ великій кн(я)зь Михайло Ѳедорович всеа Русіи сысткного²¹⁰ списка, что извещал на кн(я)зя Григорья Тюфякина с товарищи толмач Парамонко Барабин. И отвѣтного списка, что говорил в отвѣте бояром, кн(я)зю Івану Борисовичю Черкаскому с товарищи, кизылбашской посол Мамет Сали бек, слушали. И положили на кн(я)зя Григорья Тюфякина и на Григор[ѣ]я Ѳефилатьева, и на д[ѣ]яка Ѳедора Панова свою г(о)с(у)д(а)р(е)ву опалу за то, что они, будучи у Аббас шаха на посолстве и у стола,²¹¹ дѣлали не по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу, а как после стола Аббас шах пил г(о)с(у)д(а)р(е)ву чашу ѣ великого г(о)с(у)д(а)ря, святѣшаго || (л. 59 об.) патриарха, и князь Григорей г(о)с(у)д(а)р(е)вы чаши не допил, а опивки его шахов столник вылил в воду, и шаху то стало за великую досаду. А кн(я)зь Григорей с товарищи в том заперлися, будто шах г(о)с(у)д(а)р(е)вы чаши ѣ великого г(о)с(у)д(а)ря, святѣшаго патриарха, чаши не пил и им не подавал. А г(о)с(у)д(а)р(е)вы люди всѣ, которые были со кн(я)зем Григорьем с товарищи – под[ѣ]ячие и переводчик, и толмачи, и кречетники, и ястребники – всѣ сказали, что шах г(о)с(у)д(а)р(е)вы чашу пил, и кн(я)зь Григорей ко г(о)с(у)д(а)р(е)вым людям посылал сказывать, что шах г(о)с(у)д(а)рского здоровья пьет чашу, и то кн(я)зь Григорей Тюфякин о товарищи учинили || (л. 60) воровством и измѣною, и за тѣ вины довелис[ѣ] было см(е)ртные казни²¹².

И г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь и велкій кн(я)зь Михайло Ѳедорович всеа Русіи для с(ы)на своего, бл(а)городнаго и бл(а)говѣрнаго ц(а)р(е)в(и)ча, кн(я)зя Алексѣя Михайловича и за прошен[ѣ]ем отца своего, велкого г(о)с(у)д(а)ря, святѣшаго патриарха Ѳиларета Никитича Московского ѣ всеа Русіи смертную казнь им отдал, а велѣл ѣх до своего г(о)с(у)д(а)р(е)ва указу посадит[ѣ] в тюр[ѣ]му, а помѣстья, вотчины поимат[ѣ] и отдать помѣстья в роздачу²¹³. А вотчины поимать во дворец и впред[ѣ] быти им во дворцѣ, || (л. 60 об.) да и за то г(о)с(у)д(а)рь положил опалу свою на кн(я)зь Григорья Тюфякина с товарищи, что они по шахову прошенью не послали к нему наперед себя оконничных мастеров. А послали ѣх спустя долгое время, а в г(о)с(у)д(а)р(е)ве наказе того не написано, что к шаху оконничных мастеров не посылал²¹⁴.

Да и за то г(о)с(у)д(а)рь положил опалу свою на кн(я)зя Григорья Тюфякина с товарищи, писал ко г(о)с(у)д(а)рю Аббас шах, что на *отпуске* послом кн(я)зю Григорью с товарищи велѣл быти у себя и хотѣл с ними послат[ъ] ко г(о)с(у)д(а)рю и ко г(о)с(у)д(а)рю, святѣишему патриарху || (л. 61) грамоты и словесно приказати, и они к шаху на *отпуск* не поѣхали, и Аббас шах прислал к ним грамоты на подворье, и они и на подворье грамот не взяли и тѣм шаха прогневили, и тою своею измѣною великого г(о)с(у)д(а)ря, ц(а)рское величество с Аббас шахом учинить в *ссоре*²¹⁵.

Да кн(я)зь Григорей *же*, ѣдучи к шаху шаховою землею, дуровал: ѣхал не указною дорогою и на дворех ставился самоволством не тут, гдѣ указано, все дѣлал дуростью и гордостью, а г(о)с(у)д(а)р(е)ву имяни к безчестью.²¹⁶ ||

(л. 61 об.) А гдѣ ему в шахове землѣ шаховы люди по шахову указу воздавали честь, и он *против* того чести им никакие не воздавал и подарков не давал, а кому и дал и то худое²¹⁷.

Да кн(я)зь Григорей *жс*, ѣдучи назад, велѣл украсть в Ардевиле татарченка, и за то на них в Ардевиле приходили великим шумом и позором, а г(о)с(у)д(а)рьскому имени то не к чести, а приѣхав в Кумыки, тогѡ татарченка продал²¹⁸.

Да кн(я)зь Григорей *жс*, ѣдучи назад, || (л. 62) в Кумыках велѣл кречетнику Ёвашку Чаплыгину украсть дѣвку і вывез еѣ ис в Кумык, схороня в сундук. А кумыцкие люди за то приходили великим шумом, и за то им был позор великой, а кречетник Ёвашко в той дѣвке целовал кумыкам кр(е)ст, что он дѣвки не крадывал и у него будто нет, а приѣхав г(о)с(у)д(а)рю к Москве, во всем в том запирался, а товарищи ево, Григорей Офилятѣев и диак Ѳедор Панов, г(о)с(у)д(а)рю на него в таких воровских измѣнных статьях не известили, по нем покрывали, і их вина такова *жс*²¹⁹. ||

(л. 62 об.) И тѣ всѣ их вины велѣли кн(я)зю Григорью Тюфякину с товарищи *об[ъ]я*-вить в Посолском приказе передо всѣми людьми и, *об[ъ]я*вя, послати в тюрьму до г(о)с(у)д(а)р(е)ва указу, а о помѣстьях и о *вотчинах* послать память в Помѣсной приказ і в приказ Большого двorca²²⁰. А под[ъ]ячих, *де*, Ёвашка Скобелцына и Ёвашка Романов, а г(о)с(у)д(а)рь и святѣиший г(о)с(у)д(а)рь, патриарх велѣли *свободит[ъ]*, для того, что они по кн(я)зь Григорью с товарищи не покрывали, сказали правду. || (л. 63) А кречетника Ёвашка Чаплыгина за то воровство, что он в Кумыках украл дѣвку і в ней кумыкам кр(е)ст целовал, будто не крадывал, велѣл г(о)с(у)д(а)рь битъ батоги нещадно і *впред[ъ]* у своего г(о)с(у)д(а)р(е)ва дѣла в кречетниках быть не велѣт²²¹.

А толмачю Парамонку Барыбыну г(о)с(у)д(а)рь и святѣиший г(о)с(у)д(а)рь, патриарх тое вину, что он сплутал в Кизылбашех, побранясь с толмачом с Петрушею Красниковым, мольл пьянством, что он знает дорогу в Ардевиле, *отдали* ему тое егѡ вину для того, что он на кн(я)зь Григорья с товарищи²²² || (л. 63 об.) сказал правду²²³.

И по г(о)с(у)д(а)р(е)ву и великого г(о)с(у)д(а)ря, святѣишаго патриарха указу кн(я)зю Григорью Тюфякину и Григорью Ѳефилатѣеву, і дьяку Ѳедору Панову вины их сказаны и посланы в тюрьму апрѣля в 22 *де[нь]*²²⁴.

А кречетник Ёвашко Чаплыгин за воровство бит батоги і в кречетниках быть не велено.

А *о* помѣстьях и *о* *вотчинах* || (л. 64) кн(я)зя Григорья Тюфякина с товарищи в Помѣстной приказ *памят[ъ]* послана такова²²⁵.

Лѣта 7137-го, апрѣля в 26 *день*²²⁶ по г(о)с(у)д(а)р(е)ву, ц(а)р(е)ву і великого кн(я)зя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи указу боярину, кн(я)зю Андрѣю Васил[ъ]евичю Ситцкому да Якову Михаилевичю Бабарыкину, да *о[бъ]*яком Кокошкину, да Венедикту Махову, да Василью Ключареву указал г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь і великій кн(я)зь Михайло Ѳедорович всеа Русіи *отписати*²²⁷ || (л. 64 об.) на себя, г(о)с(у)д(а)ря, у столника, у кн(я)зя Григорья Тюфякина, да у Григорья Ѳефилатѣева, да у *д[ъ]*яка у Ѳедора Панова за их вину в городех и подмосковные помѣстья і *вотчины*, а *отписав*, указал г(о)с(у)д(а)рь тѣ их помѣстья роздати в роздачу, а *вотчины* указал г(о)с(у)д(а)рь *отписать* на себя, г(о)с(у)д(а)ря, і *вѣдать* их

во дворцѣ, и по г(о)с(у)д(а)р(е)ву, ц(а)р(е)ву і великого кн(я)зя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу боярину, кн(я)зю Андрѣю Васильевичю Ситцкому да Якову Михайловичю Бабарыкину, да д[Ъ]яком Неупокою Кокоскину, да Венедикту Махову, да Василью Ключареву велѣти послать || (л. 65) в городы і в подмосковные помѣстья, гдѣ у кн(я)зя Григорья с товарищи помѣстья і вотчины, а велѣтъ им тѣ их помѣстья і вотчины отписать на г(о)с(у)д(а)ря и роздать помѣстья в роздачу, доложа г(о)с(у)д(а)ря, а вотчины велѣтъ отписать на г(о)с(у)д(а)ря во дворец, буде такие вотчины ѡтписываны из Помѣснаго приказу, а не из дворца, а кого именем во княж Григорьевы²²⁸ Тюфякина с товарищи в помѣстья і вотчины ѡтписывать пошлют и о том отписать в Посолскои приказ²²⁹. ||

РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–65.

Именной указатель

№№	Персоналия	Место упоминания в тексте (листы)	Примечание
1.	Аббас I	4, 5, 6, 6 об., 8 об., 9, 9 об., 10, 11–14 об., 18, 18 об., 19, 25, 25 об., 33, 33 об., 34, 34 об., 35, 35 об., 36, 39, 39 об., 40, 40 об., 41, 41 об., 45 об., 54, 55, 55 об., 56, 56 об., 57, 57 об., 58, 58 об., 59, 60 об., 61.	персидский шах из династии Сефевидов
2.	Атафиг паша	26	турецкий везирь
3.	Бабарыкин (Боборыкин) Яков Михайлович	64, 64 об.	дворянин
4.	Барыбин Парамон Мака- ров сын	46, 47, 47 об., 50, 50 об., 51, 51 об., 52, 59, 63	толмач
5.	Болтин Баим (Обоим) (Сидор) Федорович	3 об.	дьяк
6.	Булат бек	11 об., 14, 14 об., 15, 15 об., 16, 16 об., 20, 20 об., 26, 26 об., 27, 28, 33 об., 34 об., 35, 37 об., 38, 38 об., 45, 46 об., 54 об.	персидский посол
7.	Волконский Петр Федорович	2 об.	князь, рында
8.	Головин Семен Василь- евич	1, 7, 7 об., 8, 10 об.	боярин, наместник Брянский
9.	Дорога	14 об., 15, 15 об., 19, 19 об.	человек шаха из Каз- бина
10.	Ибреим (Абреим) бек	38 об., 39, 45, 46, 46 об., 47, 47 об., 54 об.	пристав
11.	Измайлов Артемий Ва- сильевич	4	окольничий
12.	Измайлов Артемий Ива- нович	4 об.	окольничий
13.	Исуп Ага	26 об., 28	шахов ближний чело- век

14.	Казак хан	35, 35 об., 45, 46, 47, 47 об., 54	шемахинский воевода
15.	Календар (Калентар)	14 об., 15, 15 об., 34 об., 35	человек шаха из Казбина
16.	Ключарев Василий Яковлевич,	64, 64 об.	дьяк
17.	Ключарев Яков	1 об.	дьяк, пристав к персидскому послу
18.	Кокошкин Неупокой Андреевич	64, 64 об.	дьяк
19.	Красников Петр	46, 47 об., 63	толмач
20.	Куракин Федор Семенович	43 об.	князь, стольник
21.	Лихачев Федор Федорович	7 об.	думный дьяк
22.	Магмет Сали бек	1, 1 об., 1, 3, 4, 5, 6, 8 об., 16, 16 об., 18 об., 20, 20 об., 21, 25, 50, 57 об., 59	персидский посол
23.	Махов Венедикт	64, 64 об.	дьяк
24.	Панов Федор	1 об., 48, 48 об., 49, 49 об., 59, 62, 63 об., 64 об.	дьяк
25.	Переносов Иван Григорьевич	3	дьяк
26.	Пожарский Роман Петрович	1 об.	князь, пристав персидского посла, дворянин московский
27.	Приимков-Ростовский Александр Данилович	3	князь, дворянин московский
28.	Раков Андрей	46, 47 об.	толмач
29.	Романов Михаил Федорович	1, 2, 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об., 6, 8 об., 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 13, 13 об., 14, 14 об., 18, 18 об., 44, 48 об., 50, 59, 60, 64, 64 об.	царь
30.	Романов Филарет Никитич	6, 8 об., 9, 34, Л. 34 об., 44 об., 60	патриарх
31.	Романов Алексей Михайлович	2, 4, 4 об., 5, 60.	царевич, князь
32.	Романов Иван	46, 48, 48 об., 49, 49 об., 51 об., 52, 62 об.	подьячий
33.	Русан бек	11 об., 12 об., 29	персидский посол
34.	Св. вмч. Георгий	6 об.	посох с его мощами прислал в подарок патриарху шах Аббас I
35.	Ситцкий (Сицкий) Андрей Васильевич	64, 64 об.	князь, боярин
36.	Скобелцын Иван	46, 62 об.	подьячий
37.	Татев Федор Борисович,	2 об.	князь, рында

38.	Телепнев Ефим Григорьевич	5 об., 7, 7 об., 42, 43 об., 44 об.	думный дьяк
39.	Тюфякин Григорий (Григорей)	1 об., 12, 13, 14 об., 15, 15 об., 16, 16 об., 17, 17 об., 18, 19, 20, 20 об., 25 об., 26, 26 об., 27, 28, 28 об., 31, 31 об., 32, 33, 36, 36 об., 37 об., 38, 38 об., 39, 44, 44 об., 45, 45 об., 46, 46 об., 47, 47 об., 48, 48 об., 49, 49 об., 50, 51, 51 об., 52, 52 об., 53, 53 об., 54 об., 56, 56 об., 57, 59, 59 об., 60 об., 61, 61 об., 62 об., 63 об., 64, 64 об., 65	князь, посол в Персию, сын Василия Тюфякина, русского посла в Персию XVI в.
40.	Фефилатьев Григорей Иванович	1 об., 48, 49, 59, 62, 63 об., 64 об.	дворянин московский, член посольства к шаху Аббасу I
41.	Хованский Андрей Андреевич	3 об.	князь, дворянин
42.	Хохлов Иван Данилович	1 об.	пристав к персидскому послу
43.	Чаплыгин Иван Петрович	62, 63, 63 об.	кречетник
44.	Человек (безымянный) Дороги	19, 19 об.	
45.	Черкасский Иван Борисович	1, 7, 7 об., 8, 10 об., 59	боярин, князь, наместник Казанский, двоюродный брат и ближний боярин царя Михаила Федоровича
46.	Шейн Михаил Борисович	1, 7, 7 об., 8, 10 об.	боярин, воевода, наместник Тверской

Географический указатель

№№	Объект	Место упоминания в тексте	Примечания
1.	Ардебиль	52, 61 об.	
2.	Астрахань	40	
3.	Багдад	13 об., 14, 14 об., 15, 25 об., 26	
4.	Брянск	1, 7, 7 об.	
5.	Дербень	38 об., 40 об.	
6.	Казань	1, 7, 7 об., 8, 10	
7.	Казбин	14 об., 25, 44, 44 об., 45, 45 об., 46, 46 об., 50 об.	
8.	Кизылбаши	44	
9.	Кумыки	62, 63	
10.	Москва	8, 29, 45, 46 об.	
11.	Персия	1 об.	
12.	Ростов	2 об.	
13.	Русь	1, 1 об., 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об., 6, 8 об., 9 об., 11, 44, 44 об., 59, 60, 64, 64 об.	

14.	Тарки	38 об., 40об.	
15.	Тверь	1, 7, 10	
16.	Терек	40 об.	
17.	Турские	31 об., 32, 33, 53 об.	послы
18.	Фарабат	18, 20 об., 24 об., 38 об., 45, 46, 46 об.	
19.	Ховань	3 об.	
20.	Шемаха	40 об., 44 об., 45 об., 47, 54, 54 об.	

Предметно-терминологический указатель

№№	Объект	Место упоминания в тексте	Примечания
1.	Аргамак иноход	5	
2.	Архангельская паперть	2	
3.	Бархат гладкий зеленый	5	
4.	Бархат золотой	5	
5.	Бархат семицветный	5	
6.	Бархат шахматный	5	
7.	Бить багогами	63 об.	
8.	Благовещенье	2	церковь
9.	Ближний боярин	1	
10.	Большой наряд	2 об.	царский
11.	Бояре в золоте с образцы	7 об.	“с золотыми чепями и в черных шапках”
12.	Быть в ответе		на приеме
13.	Быть на отпуске	45 об., 46 об., 57	
14.	Быть у стола, ходить к столу, послан со столом	26 об., 29, 43 об., 51	
15.	Водяной морской ход	40	
16.	Воровские изменные статьи	62	
17.	Вотчины поимать во дворец	60, 64 об.	
18.	Встречники	3 об., 4, 7	
19.	Дворовые (шаховы) люди	1об.	
20.	Дворяня	2 об.	русские
21.	Дети боярские	2, 3	
22.	Диадема	2 об.	
23.	Думный дьяк	1, 5 об., 7, 7 об., 8, 10 об., 42, 43 об., 44 об.	
24.	Животы	12 об.	люди
25.	Запираться	12	“запиратца”, скрывать
26.	Золотая палата	2, 2 об., 3 об.	подписная
27.	Зуфь червчата	5 об.	
28.	Изветное письмо	1 об.	
29.	Ильинская пл.	3	
30.	Исправить поздравление	4 об.	
31.	Казенная палата	2	

32.	Ковер цветной	5 об.	
33.	Корошеваться	8	“бояре и дьяки с послом корошевались”
34.	Кречетники, ястребники	51 об., 59 об., 62, 63	
35.	Кушак золотой	5 об.	
36.	Места	8	“сели по местам”
37.	Наказ государев	46	
38.	Околничные мастера	18 об., 19, 19 об., 20, 20 об., 21, 52 об., 60 об.	
39.	Опала	59, 60 об.	
40.	Опивки	51	
41.	Ответная палата	7, 7 об., 42	
42.	Платье (подарок)	33, 54 об., 56, 56 об.	от шаха русским послам
43.	Повольный торг	39 об.	
44.	Поместный приказ	64, 65	
45.	Посольские (шаховы) люди	1 об., 2	
46.	Посольские дары, поминки: кречеты серые чеплухи, ястреб белый, ногайский ясырь (пленные)	1 об., 6, 14, 15, 15 об., 16, 16 об., 17, 17 об., 18, 19, 39	
47.	Посольский двор	3, 30	в том числе у шаха
48.	Посольский приказ	62 об., 65	
49.	Посох обложен золотом с камнями	6 об.	
50.	Править посольство	29, 32 об.	
51.	Приказ Большого дворца	62 об.	
52.	Приказные люди	3	русские, “в чистом платье”
53.	Приставы, встречники	1 об., 16 об., 29 об., 33, 54 об.	к послам
54.	Роздать поместья в роздачу	60, 64 об., 65	
55.	Рынды	2 об.	
56.	Сад	28 об.	прием послов у шаха
57.	Сани посольские	1 об., 2	
58.	Сарка рабаковская	5	
59.	Сидеть напротив Сретенья Господня	8	
60.	Скамейка	5 об.	под посла
61.	Скатерть тканя з золотом	5	
62.	Скипетр	2 об.	
63.	Слюда	20 об.	
64.	Смертная казнь	60 об.	
65.	Список: Изветный ответный и прежний сыскной, ответный и допросный; учинить по сыску	44, 50, 51, 59	
66.	Стан шаха	53	

67.	Стольник шахов	59 об.	
68.	Стремянной конюх	1 об.	
69.	Толмач	44, 44 об., 46, 47, 47 об., 50, 50 об., 51, 59, 63	
70.	У проходной палаты на рундуке	3	
71.	Фроловские ворота	3	
72.	Царский венец	2 об.	
73.	Царское место	2 об.	
74.	Цветное платье	2	лучшее
75.	Целовать крест	62, 63	
76.	Чаша задравная золотая	47 об., 48, 48 об., 49, 49 об., 51, 51 об., 52, 59 об.	
77.	Шарап	48 об.	

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В конце листа по центру дана литерная пагинация, обозначающая номер тетради (“α”). В правом нижнем углу расположена литерная пагинация, дублирующая уже указанную. Она также выполнена коричневыми чернилами, расположена вплотную к нижнему краю, в 18,9 см от левого поля и на расстоянии 1,4 см от правого поля. Почерк – делопроизводственная скоропись первой половины XVII в.
- ² Далее часть строки оставлена чистой, интервал между строками – 2 см.
- ³ Далее часть строки оставлена чистой, интервал между строками – 1,9 см.
- ⁴ Далее часть строки оставлена чистой, интервал между строками – 1,9 см. Правее находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2 см. В правом нижнем углу, в 1,5 см до конца правого поля, размещена литерная пагинация, обозначающая 1 тетрадь (α, под титлом). Пагинация дублируется коричневыми чернилами в середине нижнего поля книги. В слове “посланы” после “с” черными чернилами вписана “h”.
- ⁵ Буква “d” написана черными чернилами.
- ⁶ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ⁷ Медведно – шкура медведя в качестве покрывала для саней (см.: Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987. С. 246).
- ⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,2 см.
- ¹¹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ¹² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ¹³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,5 см.
- ¹⁴ Буква “и” переделана из другой буквы тем же почерком.
- ¹⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,7 см.
- ¹⁶ Подписная Грановитая палата Московского Кремля.
- ¹⁷ Буква “и” написана по смытому или соскобленному тексту.
- ¹⁸ Приписано коричневыми чернилами на строке.
- ¹⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ²⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ²¹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ²² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ²³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3 см.
- ²⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ²⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см. Правее от строки на 2 см находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,5 см.
- ²⁶ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ²⁷ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.

- ²⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,1 см.
- ²⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ³⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,5 см.
- ³¹ Правее от строки на 1 см находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,6 см.
- ³² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ³³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ³⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,5 см.
- ³⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ³⁶ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,1 см. Тут же расположена печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 6 см.
- ³⁷ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ³⁸ Все строки с перечислением подарков помечены вертикальными линиями красно-коричневого цвета.
- ³⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,3 см.
- ⁴⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,3 см.
- ⁴¹ Слово написано по смытому или соскобленному тексту. Часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,4 см.
- ⁴² Над строкой написано “Сели” более бледными чернилами.
- ⁴³ Далее отступ на 3 см.
- ⁴⁴ Правее от строки на 1,3 см находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 4,3 см.
- ⁴⁵ Слово написано по смытому или соскобленному тексту.
- ⁴⁶ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,9 см. На правом поле расположена печать синяя МГАМИД, от которой до конца поля 1,3 см.
- ⁴⁷ Набережная (Ответная) палата, располагалась в южной части Государева двора Московского Кремля.
- ⁴⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ⁴⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ⁵⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ⁵¹ Буква “и” в конце слова написана виде выносной запятой над строкой.
- ⁵² Слово написано по смытому или соскобленному тексту.
- ⁵³ Так в ркп.
- ⁵⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,2 см. На полях расположена печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,2 см
- ⁵⁵ Конец слова “-ми” написан по смытому или соскобленному тексту.
- ⁵⁶ В конце листа по центру дана буквенная пагинация, обозначающая номер тетради (“6”).
- ⁵⁷ Правее от строки на 0,7 см находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,2 см.
- ⁵⁸ На полях слева у следующей строки надпись черными чернилами: “+к нам великому г(о)с(у)д(а)рю писал что брат н(а)ш Аббас шахово величество”.
- ⁵⁹ После слова имеется помета в виде креста, написанная черными чернилами.
- ⁶⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,9 см.
- ⁶¹ Слово написано по смытому или соскобленному тексту после приставки “раз-”.
- ⁶² Текст написан черными чернилами.
- ⁶³ “Ї ты” написано по смытому или соскобленному тексту.
- ⁶⁴ В ркп. слово повторено дважды.
- ⁶⁵ Правее от строки на 1,3 см находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1 см.
- ⁶⁶ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3 см.
- ⁶⁷ Правее от строки на 0,4 см находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,5 см.
- ⁶⁸ Над словом написано сверху: дѣла.
- ⁶⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3 см.
- ⁷⁰ Так в ркп.
- ⁷¹ В конце слова на бумаге видна клякса.
- ⁷² Правее от строки на 0,4 см находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,6 см.
- ⁷³ Окончание слова “-ие” написано по смытому или соскобленному тексту.
- ⁷⁴ Далее прочерк, интервал между строками – 2,5 см.
- ⁷⁵ Далее прочерк, интервал между строками – 1,6 см.
- ⁷⁶ Буква “у” в конце слова написано по смытому или соскобленному тексту.
- ⁷⁷ Далее отступ на 3,1 см. Правее от последней строки на 1,8 см находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,5 см.
- ⁷⁸ Окончание слова “-ову” написано черными чернилами по смытому или соскобленному тексту.

- ⁷⁹ Так в ркп.
- ⁸⁰ Справа на полях помета теми же чернилами: “+ мѣрами г(о)с(у)д(а)р(е)вы кречетники”.
- ⁸¹ Вплотную к слову “*величества*”, находится печать синяя МГАМИД, от которой до края поля 2,8 см.
- ⁸² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,9 см.
- ⁸³ Слово написано по смытому тексту или соскобленному тексту.
- ⁸⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ⁸⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,9 см.
- ⁸⁶ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ⁸⁷ Правее от строки на 1,4 см находится печать синяя МГАМИД, от которой до края правого (внешнего) поля 1,2 см.
- ⁸⁸ Слово написано по смытому или соскобленному тексту.
- ⁸⁹ Слово написано теми же чернилами над строкой.
- ⁹⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ⁹¹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ⁹² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ⁹³ Правее от строки на 0,2 см находится печать синяя МГАМИД.
- ⁹⁴ Тут же на полях надпись теми же чернилами: “к нему прислали и он князь” (под титулом).
- ⁹⁵ Слово написано по смытому или соскобленному тексту.
- ⁹⁶ Слово написано по смытому или соскобленному тексту.
- ⁹⁷ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ⁹⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,1 см.
- ⁹⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹⁰⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3 см.
- ¹⁰¹ Последняя часть слова написана по смытому или соскобленному тексту.
- ¹⁰² На полях справа, у слов “*никаких посольства не велено*” в 1,7 см находится печать синяя МГАМИД. Отступ на 1,9 см.
- ¹⁰³ Возможно, речь идет о птице чеглок (сокол-белогорлик). Верхняя часть птицы аспидно-серая без рисунка, остальная часть бурая.
- ¹⁰⁴ Правее текста, в 6,5 см, на полях находится печать синяя МГАМИД. Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,95 см.
- ¹⁰⁵ Буква “н” написана по смытому соскобленному тексту.
- ¹⁰⁶ Конец слова написан по смытому или соскобленному тексту.
- ¹⁰⁷ Конец слова написан над строкой.
- ¹⁰⁸ Конец слова “-нѣ” написан по смытому или соскобленному тексту.
- ¹⁰⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹¹⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3 см.
- ¹¹¹ Слово написано по смытому или соскобленному тексту.
- ¹¹² Слово написано по смытому или соскобленному тексту.
- ¹¹³ Буква “н” исправлена из другой буквы.
- ¹¹⁴ Конец слова “-зи” написан по смытому или соскобленному тексту.
- ¹¹⁵ Далее на странице пробел на 1,5 см.
- ¹¹⁶ Здесь в слове буква “л” исправлена теми же чернилами на “м”.
- ¹¹⁷ Правее текста, в 1,6 см, находится печать синяя МГАМИД.
- ¹¹⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ¹¹⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹²⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,2 см.
- ¹²¹ Следующие листы не пронумерованы: Л. 22, 23, 24 (чистые).
- ¹²² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,5 см.
- ¹²³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,3 см.
- ¹²⁴ Слово вызвало затруднения при прочтении.
- ¹²⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ¹²⁶ Далее в строке поставлен крест теми же чернилами и такой же величины, что и строчные буквы. На полях справа помета в виде креста коричневыми чернилами (от строки в 1,2 см, этот знак имеет величину – 1,5 см и надпись: “а как шах велит вам быт[ь] на посольстве”).
- ¹²⁷ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ¹²⁸ Правее текста, в 0,7 см, печать синяя МГАМИД.
- ¹²⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ¹³⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.

- ¹³¹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ¹³² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ¹³³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ¹³⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,3 см.
- ¹³⁵ Правее текста, в 9,2 см, расположена печать синяя МГАМИД. Часть строки оставлена чистой, интервал между строками – 3,4 см.
- ¹³⁶ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 4,8 см.
- ¹³⁷ Начало новой тетради.
- ¹³⁸ Правее текста, в 12,3 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,4 см. Часть строки оставлена чистой, интервал между строками – 3,3 см.
- ¹³⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ¹⁴⁰ Правее текста, в 1 см, расположена печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,3 см.
- ¹⁴¹ В слове, где буква “о”, находится клякса.
- ¹⁴² Правее текста, в 0,6 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,5 см.
- ¹⁴³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,2 см. Правее текста, в 9,3 см, расположена печать синяя МГАМИД.
- ¹⁴⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,3 см.
- ¹⁴⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ¹⁴⁶ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см. Правее текста, в 9,45 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1 см.
- ¹⁴⁷ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,55 см.
- ¹⁴⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ¹⁴⁹ Правее текста, в 10,5 см, находится печать синяя МГАМИД. Часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,2 см.
- ¹⁵⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ¹⁵¹ Буква “с” написана по кляксе.
- ¹⁵² Далее по прежнему слову написано новое слово “взяли”. Правее текста, в 2,5 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,2 см.
- ¹⁵³ На листе следы коפותи, сажи.
- ¹⁵⁴ Начальная буква “и” исправлена из другой буквы.
- ¹⁵⁵ Два слова “величества” “птиц” написаны бледно.
- ¹⁵⁶ Правее текста, в 1,5 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля – 2,2 см.
- ¹⁵⁷ Далее несколько строк оставлены чистыми. Интервал между строками – 8,4 см.
- ¹⁵⁸ Далее несколько строк оставлены чистыми. Интервал между строками – 8,7 см.
- ¹⁵⁹ Правее текста, в 1,8 см, находится печать синяя МГАМИД, которой до конца правого поля – 1,9 см.
- ¹⁶⁰ Далее несколько строк оставлены чистыми. Интервал между строками – 11,8 см. Правее текста, в 1,8 см, находится печать синяя МГАМИД.
- ¹⁶¹ Следующая тетрадь и другой почерк.
- ¹⁶² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹⁶³ Правее текста находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,5 см.
- ¹⁶⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹⁶⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ¹⁶⁶ Правее текста, в 1 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,9 см.
- ¹⁶⁷ Внизу листа на нижнем поле имеется дырка диаметром 1×0,7 см.
- ¹⁶⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,2 см.
- ¹⁶⁹ Правее текста, в 0,3 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,7 см.
- ¹⁷⁰ Далее сверху строки написано черными чернилами тонким пером “в ево”.
- ¹⁷¹ Далее сверху над строкой написано черными чернилами тонким пером “на отпуске”.
- ¹⁷² Буква “м” обведена жирно чернилами.
- ¹⁷³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹⁷⁴ Правее текста, в 1,1 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,2 см.
- ¹⁷⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,6 см.
- ¹⁷⁶ Правее текста, в 2,5 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,1 см.
- ¹⁷⁷ Спиртной напиток, вино.
- ¹⁷⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹⁷⁹ Правее текста, в 1,1 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,5 см.
- ¹⁸⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,2 см.

- ¹⁸¹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,75 см.
- ¹⁸² Правее текст, в 1 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,6 см.
- ¹⁸³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹⁸⁴ Начало слова “ша-” написано над строчкой.
- ¹⁸⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,5 см.
- ¹⁸⁶ Правее текста, в 0,4 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,7 см.
- ¹⁸⁷ Следующая тетрадь.
- ¹⁸⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ¹⁸⁹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,1 см.
- ¹⁹⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,4 см. Правее текста, в 1,2 см, находится печать синяя МГАМИД.
- ¹⁹¹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,2 см.
- ¹⁹² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ¹⁹³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,1 см.
- ¹⁹⁴ Правее текста, в 1 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,7 см.
- ¹⁹⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,1 см.
- ¹⁹⁶ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,05 см.
- ¹⁹⁷ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,2 см.
- ¹⁹⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ¹⁹⁹ Правее текста, в 1,1 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1 см.
- ²⁰⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,95 см.
- ²⁰¹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ²⁰² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ²⁰³ Правее текста, в 0,8 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,3 см.
- ²⁰⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 1,9 см.
- ²⁰⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2 см.
- ²⁰⁶ Правее текста, в 1,5 см, находится печать синяя МГАМИД.
- ²⁰⁷ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,5 см.
- ²⁰⁸ Правее текста, в 0,75 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,3 см.
- ²⁰⁹ Далее текст написан другим почерком с более тонким нажимом пера.
- ²¹⁰ Так в ркп.
- ²¹¹ Правее текста, в 2,1 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,1 см.
- ²¹² Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,9 см.
- ²¹³ Правее текста, в 1,6 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,7 см.
- ²¹⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 2,1 см.
- ²¹⁵ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,2 см.
- ²¹⁶ Правее текста, в 1,9 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,75 см.
- ²¹⁷ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ²¹⁸ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,2 см.
- ²¹⁹ Правее текста, в 7,6 см, находится печать синяя МГАМИД.
- ²²⁰ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,4 см.
- ²²¹ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,3 см.
- ²²² Правее текста, в 2 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 1,6 см.
- ²²³ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3 см.
- ²²⁴ Далее часть строки оставлена чистой. Интервал между строками – 3,3 см.
- ²²⁵ Далее несколько строк оставлены чистыми. Интервал между ними – 5,5 см.
- ²²⁶ Слово написано над строчкой сверху теми же чернилами.
- ²²⁷ Правее текста, в 1,8 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 2,5 см.
- ²²⁸ Буква “ы” выписана из буквы “а”.
- ²²⁹ Правее слова “приказ”, в 8,8 см, находится печать синяя МГАМИД, от которой до конца правого поля 3 см.

Палеографический комментарий

Обложка книги выполнена из картона, покрытого кожей коричневого цвета, толщина картона – 0,4 см, толщина кожи – 0,1 см. Она имеет кожаную застежку-“язычок” длиной 5–6 см и прорезь для нее размером 3,5 см. На обложке вытиснены золотом даты и номер дела (по корешку книги, в 6,3 см от конца верхнего поля):

2 см от надписи “Персид. книга” (размер строки – 2 см):

7137

1629

Вниз от этой надписи на 19,3 см другая надпись “№ 8”, золотом, шириной в 1,2 см.

На обороте обложки карандашом (в 5 см сверху, от левого края – 5,5 см, справа – 8,8 см) помета: “1/20 пр”, правее от нее (на 1,8 см) печать синяя МГАМИД. Вниз от печати (на 1,3 см) по центру чернилами написано: “на 65 листах”. Ниже на 0,4 см карандашом помета: “АО”. Еще ниже на 2 см: “в настоящей книге № 8 написано и пронумеровано листов 1 + 65”.

На Л. I. – сверху (в 1 см от верха по центру коричневыми чернилами витиеватым почерком): “№ 8”. В правом верхнем углу в 0,9–1 см от верха пагинация карандашом: “Г”.

Ниже на 1,3 см по центру вытиснена надпись:

7137 — 1629 году

марта 15 апреля 26

Далее на л. I–I об. – оглавление книги: “7137/1629 году марта 15 – апреля 26 выписка о бытии в Россіи персидского посла Магмет Сали бѣка і о имѣвшем у него разговорѣ о дѣлѣхъ с бояриномъ князь Іваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ с товарищи. 1629. Марта 15. Записка о бытности персидского посла Магмет Сали бѣка у г(о)с(у)д(а)ря на приѣздѣ. Лист 1–7. Записка, о чемъ предлагалъ посолъ в отвѣтъ. Лист 7–43. Записка о слушаніи боярами извѣтного, на бывшихъ в Персіи г(о)с(у)д(а)р(е)выхъ пословъ кн(я)зь Григорья Тюфякина с товарищи, списка, о непорядочныхъ ихъ тамъ поступкахъ. Лист 44–58. Записка о положеніи на реченныхъ пословъ, кн(я)зя Григор[ъ] Тюфякина, Григорья Фефилятева и дьяка Федора Панова г(о)с(у)д(а)ревой опалы, и о взятіи вотчин ихъ на г(о)с(у)д(а)ря, а помѣстья роздать другимъ в роздачу. Лист 59–65”.

Пагинация коричневыми чернилами в верхнем правом углу в 1,1 см от верхнего края книги и в 2 см от правого края.

Пагинация буквенная внизу листа по центру. Она нужна для обозначения тетрадей в книге:

1. Л. I (а, под титлом) (Л. I–8 об.) – 8 листов.

По центру на Л. 4 об.–5 бечевкой скреплены листы тетради.

2. Л. 9 (в, под титлом) – Л. 16 об. (скреплены Л. 12 об.–13).

3. Л. 17 (г, под титлом) – 21 об. (+ Л. 22, 23, 24).

4. Л. 25 (д, под титлом) – Л. 32 об. Другой почерк, мельче. Скреплены далее.

5. Л. 33 (е, под титлом) – Л. 39 об. (скреплены далее).

6. Л. 40 (с, под титлом) – Л. 43 об.

7. Л. 44 (з, под титлом) – Л. 51 об. (скреплены Л. 47 об.–48).

8. Л. 52 (и, под титлом) – Л. 58 об.

9. Л. 59 (ф, под титлом) – Л. 65.

DOI 10.31168/041078-7.23

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА СЯМСКОМУ БОГОРОДИЦЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОМУ МОНАСТЫРЮ (1624) В СОБРАНИИ ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА РГГУ

На кафедре вспомогательных исторических дисциплин и археографии Историко-архивного института хранится коллекция подлинных документов XVII в., включающая ряд столбцов¹ и жалованную грамоту Сямскому Богородице-Рождественскому монастырю 1624 г.² Впервые введенная в научный оборот известным

¹ Обзор коллекции столбцов см.: *Комочев Н. А., Худин К. С.* Коллекция столбцов в собрании кафедры вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ // АЕ за 2013 год. М., 2019. С. 232–238.

² Публикация грамоты первоначально готовилась в качестве учебной работы слушателей спецкурса д.и.н., проф., чл.-корр. РАН С. М. Каштанова по дипломатике в Историко-архивном институте РГГУ. В наборе текста на раннем этапе принимал участие также Б. Б. Борисов. Подготовленный студентами вариант публикации не сохранился. Для настоящего издания транскрипция, описание грамоты и вступительная статья выполнены заново по оригиналу.

вологодским краеведом Н. И. Суворовым (1881), грамота вошла в перечни С. М. Каштанова (1968) и М. С. Черкасовой (2012), но до сих пор не стала предметом специального изучения.

Рассматриваемый источник уже в 1940–1950-е гг. наряду с другими документами находился в собрании кафедры, составляя часть организованной при ней музейной экспозиции. Считается, что грамота попала в институт благодаря профессору И. Ф. Колесникову. Ранее она могла находиться в архиве Московского археологического института, где И. Ф. Колесников преподавал, а также служил на должности казначея и заведующего архивом³. На такое предположение наводит тот факт, что в архиве МАИ были документы, попавшие потом в Историко-архивный институт и составляющие теперь фонд “Коллекция рукописей кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ” в РГАДА (Ф. 1487). Среди них жалованная грамота царя Федора Ивановича Спасо-Ефимьеву монастырю 1587 г. и жалованная грамота царя Алексея Михайловича патриарху Никону на рыбные ловли 1653 г⁴. Грамоты с такими наименованиями и датами известны как принадлежащие ранее Археологическому институту⁵. К собранию И. Ф. Колесникова восходят и некоторые другие документы, ранее хранившиеся в МГИАИ (ныне в РГАДА).

Предшествующие грамоты

В публикуемом тексте содержится достаточно много сведений о монастыре и связанных с ним источниках, подробно рассмотрена предыстория выдачи грамоты. Согласно известным данным, Сямский Богородице-Рождественский монастырь был основан в 1524 г. по случаю явления Богоматери местному крестьянину Ивану Родионову⁶. В других случаях указывают 1525 г⁷. В публикуемой грамоте в качестве даты основания монастыря фигурирует 7032 г., что подтверждает первую датировку.

Примерно тогда же, при Василии III, монастырь получил жалованную грамоту, которая до нашего времени не дошла, но ее содержание достаточно ясно охарактеризовано в публикуемом тексте. Василий III пожаловал Сямскому монастырю “на свечи и на ладан” деревню Долгую Поляну, а “на дрова” пустошь Мартюков Починок со всеми угодьями и с рыбными ловлями, повелел давать годовую хлебную, денежную и соляную ругу. Эта наиболее ранняя грамота может быть определена

³ Памятная книжка для слушателей императорского Московского археологического института имени императора Николая II. М., 1916. С. 30. Рукописи даже выдавались слушателям для ознакомления на дом И. Ф. Колесниковым и В. К. Клейном. Для хранения их на дому требовалась особая папка, продававшаяся в библиотеке института за 60 копеек (Там же. С. 22).

⁴ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель / Сост. Ю. М. Эскин. М., 1999. Т. 4. С. 51.

⁵ Их частичное фотолитографическое изображение см.: Сборник снимков с русского письма XI–XVIII вв. / Под ред. И. Ф. Колесникова. 2-е изд. М., 1913. Ч. 1. № 39; То же. Ч. 2. № 12.

⁶ *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. СПб., 1892. Т. 2. С. 349; *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 755; *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. (Репринт изд. 1852 г.). М., 2000. С. 62; Сямский монастырь // *Энциклопедический словарь* / Издат.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 32 (63). С. 411.

⁷ Вологодский сборник статей церковно-историко-статистического содержания. Вологда, 1869. С. 7, 24; ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 254.

как жалованная данная, ружная и тарханная⁸ на д. Долгую Поляну (Боландино) и пуст. Мартюков⁹ починок с угодьями и рыбными ловлями. Весьма вероятно, что грамота Василия III является первым документом, фиксирующим основание монастыря, и именно к ее тексту восходят наиболее архаические нормы публикуемой грамоты 1624 г. Есть упоминание о том, что грамота Василия III была подтверждена царем Иваном Васильевичем¹⁰. Отсутствие более подробных уточнений свидетельствует о том, что подтверждение, скорее всего, было сделано на обороте той же грамоты и пожалования изменениям не подвергались.

При царе Федоре Ивановиче монастырь получил подтверждение грамоты Василия III (за приписью дьяка Смирного Васильева), согласно которому руга замеснялась пустошами Исаково, Бобырево и Брюхачево. Возможно, речь здесь идет о выдаче новой грамоты. Положение дел было закреплено подтверждением, выданным при Борисе Годунове – вероятнее всего, припись была сделана на грамоте Федора Ивановича, так как отдельная грамота Бориса Годунова не упоминается. Согласно публикуемому тексту, все эти грамоты были утрачены “в литовское разоренье” в 1613/14 г.

При Лжедмитрии I (12 сентября 1605 г.) монастырю была выдана новая грамота, подлинник которой сохранился¹¹. В ней помимо подтверждений земельных владений присутствовал и несудимый раздел. О его наличии в более ранних грамотах ничего не известно. Хотя можно предположить, что несудимый раздел мог быть, по крайней мере, уже в жалованной грамоте царя Федора Ивановича, так как в грамоте Лжедмитрия речь идет только о переписке старой грамоты на его имя.

Диспозиция жалованной грамоты Лжедмитрия включает текст о владении деревней Долгая Поляна “со всеми с лесы и с луги” и пустошами Исаково, Бобырево, Брюхачево “со всеми угодьи и с пожнями против сотные грамоты”. В этих пустошах, как сообщается далее, согласно книгам письма Алексея Третьякова и Алексея Шапилова 1589/90 г., было всего 86 чети земли в поле.

Далее следует несудимый раздел, отражающий в сокращенном виде те льготы, которые присутствуют и в публикуемой грамоте: вологодские наместники и волостели не судят монастырских людей, “опричь душегубства и розбоя с поличным”; монастырских людей судит игумен или его приказчики; в случае суда городских, волостных или сельских людей с монастырскими людьми нормы те же, что и в грамоте 1624 г. (с более архаическими формулировками – упоминаниями тиуна, наместника, волостеля); в случае иска на монастырских властей их должен был судить царский дворецкий.

При Михаиле Федоровиче 18 августа 1613 г. монастырю была выдана новая жалованная грамота, которая хронологически непосредственно предшествует

⁸ В перечне С. М. Каштанова (1968) фигурирует предположительно как тарханно-несудимая, хотя о существовании несудимого раздела прямо при описании этой грамоты в тексте 1624 г. не говорится.

⁹ В перечне С. М. Каштанова (1968) – Мартянов починок.

¹⁰ РГАДА. ГКЭ, по Вологде № 76/2647. 1613, августа 18. Жалованная грамота Михаила Федоровича Игумену Рождественского Сямского монастыря Иоиллю на деревню Долгую Поляну и пустоши Исакову, Бобыреву и Брюхачево с пожнями.

¹¹ РГАДА. ГКЭ, по Вологде № 66/2637. Опул.: Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 204. № 136. Упом.: *Тебекин Д. А.* Перечень иммунитетных грамот 1584–1610 // АЕ за 1979 год. М., 1981. № 498. С. 230; *Черкасова М. С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 213.

публикуемой ниже¹². На ее обороте находятся подтверждения царя Михаила Федоровича от 2 мая 1624 г. и Алексея Михайловича от 15 сентября 1647 г.

В тексте грамоты 1613 г. статьи с наименованием вотчин и несудимый раздел дословно совпадают с аналогичными статьями в грамоте Лжедмитрия (“что дана им в прошлом во 114-м году при ростриге”), изменено только имя игумена. Неизменность пожалований подчеркивается в тексте самой грамоты: “И дал им сю свою царскую жаловальную новую грамоту такову ж, как у них в прежних грамотах было написано”.

Грамота 1613 г. весьма краткая, фиксирует наличие земельных владений и подтверждает несудимые привилегии. Она также интересна своими двумя подтвержденными записями. Первая запись (дьяка Прокофия Пахирева) сделана одновременно с публикуемой грамотой 1624 г. Второе подтверждение царя Алексея Михайловича (дьяк Иван Федоров) присутствует здесь же, а вовсе не на обороте публикуемой грамоты 1624 г., что было бы логичней. Все это говорит о том, что грамота 1613 г. долгое время использовалась в монастыре в качестве сохраняющего свою силу документа.

Дальнейшие обстоятельства подробно изложены в тексте публикуемой грамоты. В 1621/22 г. действовавшие по приказу воеводы В. Бутурлина вологодские писцы и мерщики Семен Воейков с подьячими Семеном Приваловым и Иваном Сидоровым переписывали монастырские вотчины и положили их в тягло, без всякого учета предоставленных монастырю щедрых тарханских привилегий. Реакцией стала монастырская челобитная от 21 июня 1623 г., содержащая просьбу о подтверждении прежнего иммунитетного статуса на основании жалованной грамоты 1613 г. Для выяснения обстоятельств в приказы Большого Дворца и Большой Приход по царскому указу были направлены памяти с запросами. Содержание ответных памятей, а также переписных книг С. Воейкова приводится в публикуемом тексте. Запутанные обстоятельства потребовали дополнительного “обыска” на месте. Руководствуясь царским указом, воевода И. Салтыков отправил в монастырь пушкаря М. Жаравина, который вернулся из экспедиции с обыскными списками (их содержание также приводится). После всех этих уточнений и делопроизводительной переписки, занявших около года, была составлена публикуемая грамота, включающая упоминания и цитирования всех названных выше источников, за исключением грамоты Лжедмитрия I как не вполне легитимной. Новая грамота, несмотря на исключение тарханских привилегий, оставляла за монастырем значительные льготы.

Обстоятельства происхождения и формуляр грамоты 1624 г.

Появление грамоты 1624 г. связано не только с обозначенными выше конкретными обстоятельствами, но также с массовым пересмотром жалованных грамот в 1620-х гг., вызванным необходимостью упорядочивания налоговых привилегий монастырей. Политическая мера была направлена на сокращение тарханских привилегий, невыгодных государству с финансовой стороны. Законодательной основой стало “новое уложение”, точный текст которого неизвестен, но содержание

¹² РГАДА. ГКЭ, по Вологде № 76/2647. Упом.: Черкасова М. С. Указ. соч. С. 213–214.

его становится понятным на основании изучения жалованных грамот. Согласно “новому уложению”, с городов, поместных, вотчинных и церковных земель должны были взиматься основные государственные налоги: ямские деньги, стрелецкие хлебные запасы, выполняться “городовое и острожное дело”.

В историографии история “нового уложения” рассматривалась неоднократно. Так, В. А. Незабитовский на основании сопоставления опубликованных грамот датировал уложение 1620/21 гг.¹³. Основным его содержанием автор считал ограничение тарханных грамот¹⁴, заключающееся в формуле: “опричь ямских денег и стрелецких хлебных запасов и городового и острожного дела, и ямские им деньги и стрелецкие хлебные запасы давати и городовое и острожное дело делати по писцовым и по дозорным книгам с живущаго с сошными людьми вместе”¹⁵.

А. С. Лаппо-Данилевский также представлял “новое уложение” как меру по ограничению податных привилегий тарханщиков и относил его к 1620–1621 гг. Им был отмечен ряд исключений для грамот патриарху и Троице-Сергиеву монастырю: некоторые монастыри могли иногда освобождаться от городового и острожного дела, но не от ямских денег и стрелецкого хлеба¹⁶.

В работе С. Б. Веселовского¹⁷ был поставлен вопрос о необходимости изучения “нового уложения” на основании всех известных грамот. Он предположил, что пересмотру в 1620–1630-е гг. подвергались все жалованные грамоты, а не только грамоты монастырям и духовенству. В содержание “нового уложения” С. Б. Веселовский также вкладывал только изменения в податном иммунитете.

Еще одним исследователем “нового уложения” стал Е. Д. Шашевский, предпринявший попытку изучения “нового уложения” на основе сравнения прежних и подтвержденных грамот. Он выделял три-четыре этапа в выработке “нового уложения”, начавшего создаваться с 1619 г. В рамках “нового уложения” Е. Д. Шашевский рассматривал: ограничение податного иммунитета (необходимость выплачивать ямские деньги, стрелецкие хлебные запасы, делать городовое и острожное дело), установление общего срока для суда по искам и ответам (кроме дел о душегубстве, разбое и татьбе с поличным), отмена беспошлинной продажи, необходимость представления для беспошлинной торговли списков жалованных грамот с приписью дьяка¹⁸.

¹³ Незабитовский В. А. О податной системе в Московском государстве со времени установления единодержавия до введения подушного оклада Петром Великим (Историческое исследование, написанное в 1852 г. на степень магистра государственного права) // Незабитовский В. А. Собр. соч. Киев, 1884. С. 6, 43.

¹⁴ Тарханными В. А. Незабитовский считал в первую очередь те грамоты, которые “распространялись не только на тягло, подати и повинности, но даже на неокладные сборы разного рода, или, так называемые в настоящее время – пошлины” (Незабитовский В. А. О податной системе в Московском государстве. С. 5).

¹⁵ Там же. С. 6. Точное современное обоснование определения тарханных грамот как освобождения от главных прямых налогов см.: Каишанов С. М. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот // ИА. 1956. № 3. С. 216–217; [Он же. Комментарий к гл. 43 Судебника 1550 г.] // Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. С. 287–289; Он же. Из опыта актовой археографии // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 54–57; Он же. Актовая археография. М., 1998. С. 107–112, 150–151.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 63–64.

¹⁷ Веселовский С. Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620–1630-е гг. в Сыскных приказах. М., 1907.

¹⁸ Шашевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1. С. 330–331.

Пересмотром жалованных грамот на основании “нового уложения” согласно упомянутому исследованию С. Б. Веселовского занимался специальный Сыскной приказ. На причастность публикуемой грамоты данному учреждению указывают имена дьяка Прокофия Пахирева и подьячего Григория Старого, работавших на момент составления грамоты в Сыском приказе¹⁹. О том же свидетельствуют и формулы, имеющиеся в грамоте 1624 г., которые, по мнению С. Б. Веселовского, характерны для пересмотренных жалованных грамот: “...велели... жалованную грамоту... переписать вновь по... новому уложению”, “...никаких податей и денежных всяких поборов и казачьих хлебных запасов и кормов с сошными людьми не давати, оприч нашего государского указу ямских денег и стрелецких хлебных запасов и городского и острожного дела”²⁰. Кроме того, именно для грамот за приписью Прокофия Пахирева характерна формула: “по нашему указу положили”²¹.

Непосредственным основанием пересмотра публикуемой грамоты, как и многих других, явился указ от 2 февраля 1623 г., содержащий распоряжение собрать все тарханные и несудимые грамоты духовным адресатам и переписать их по “новому уложению”²². Этот указ иногда отождествляют с “новым уложением”²³, что маловероятно хотя бы потому, что понятия “уложение” и “указ” в XVII в. имели различное содержание. В памяти от 15 апреля 1625 года из приказа Сыских дел в Новгородскую четверть, в составе которой сохранился указ, написано, что с выдаваемых по “новому уложению” грамот делались списки: “с тех грамот даваны им же списки слово в слово за дьячьєю приписью; а те списки велено им возити по городом для воевод и приказных людей, а подлинные жалованные грамоты велено им для береженья держати в монастырех в казне”²⁴.

Именно нормы “нового уложения” существенно отличают жалованную грамоту 1624 г. от предшествующих монастырских грамот. Диспозиция в ней существенно расширена. В несудимый раздел добавлены формулы: “и кормов своих и конских на них не емлют и не всылают к ним ни по что”. В статье о “сместном” суде не встречаются термины “тиун”, “наместник”, “волостель”, а упоминаются “воеводы”, “дьяки”, “приказные люди”. Новой нормой является и установление трех сроков для судебных дел на монастырских людей. Впервые в жалованных грамотах Сямскому монастырю включены статьи о душегубстве, о пожаловании на пиры и на братчины. Вместе с тем в грамоте 1624 г. отсутствует положение о суде для светских лиц, – возможно, эту норму посчитали излишней в грамоте, адресованной монастырю.

В целом формуляр жалованной грамоты 1624 г. представляется более разработанным по сравнению с предыдущими: более распространенная наррация, наличие санкций. Сопоставим нормы иммунитетных частей диспозиций трех грамот, подлинники которых известны – 1605, 1613 и 1624 годов.

¹⁹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 402–403, 488.

²⁰ Веселовский С. Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот. С. 12

²¹ Там же. С. 8.

²² Веселовский С. Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот. С. 22–23; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер, под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. № 126. С. 116.

²³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Комментарии / Под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. М., 1987. С. 148.

²⁴ Веселовский С. Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот. С. 22–23.

Содержание	Грамота 1605 г.	Грамота 1613 г.	Грамота 1624 г.
Податные льготы	—	—	“Стоеих монастырские вотчины их монастырским людем и крестьяном наших никаких податей и денежных всяких поборов и казачьих хлебных запасов и кормов с сошными людми не давати, опроче ямских денег и стрелецких хлебных запасов и городового и острожново дела. И ямские им денги и стрелецкие хлебные запасы давати и городовое и острожное дело делати по писцовым и по дозорным книгам з живущего с сошными людми вместе”
Неподсудность светским властям	“А хто у них на той монастырской земле учнет жити людеи и наместницы наши вологодцкие и волостели, и сямские тех их людеи не судят ни в чем, опроч душегубства и розбоя с поличным”	“А хто у них на той монастырской земле учнет жити людеи и наместницы наши вологодцкие и волостели, и сямские тех их людеи не судят ни в чем, опроч душегубства и розбоя с поличным”	“воеводы наши и дьяки и всякие приказные люди игумена и братьею и их монастырских людеи и крестьян не судят ни в чем, опроче душегубства и разбоя и татьбы с поличным”
Освобождение от конских кормов	—	—	“И кормов своих и конских на них не емлют и не всылают к ним ни по что”
Подсудность игумену	“А судит их игумен Тихон з братьею сам во всем, или кому своим приказным людем прикажет”	“А судит их игумен Иоил з братьею сам во всем, или кому своим приказным людем прикажет”	“А ведает и судит монастырских людеи и крестьян игумен з братиею сами во всем, или кому прикожут”

Сместный суд	“А случитца суд смесной городцким и волостным и сельским людем с монастырскими людми, и тиун и посельские судят, а игумен с ними же судит, или кому прикажет”	“А случитца суд смесной городцким и волосным и сельским людем с монастырскими людми, и тиун и посельские судят, а игумен с ними же судит, или кому прикажет”	“А случитца суд сместной монастырским людем и крестьяном з городцким или с волостными людми, и воеводы наши и дьяки и приказные люди их судят, а игумен з братьею или их приказщик с ними ж судят”
Подсудность в случае сметного суда	“А прав будет или виноват городцкой или волостной, и он наместнику и волостелю. А прав будет или виноват монастырской, и он в правде и в вине игумену з братьею”	“А прав будет или виноват городцкой или волосной, и он наместнику и волостелю. А прав будет или виноват монастырской, и он в правде и в вине игумену з братею”	“А прав ли будет или виноват монастырской человек, и он в правде и о вине игумену з братиею или их приказчику”
Вмешательство светских властей в монастырский суд	—	—	“А воеводы наши и дьяки в монастырского человека не вступаются ни в правого, ни в виноватого”
Подсудность игумена, братии и монастырских крестьян	“А чеве будет кому искати на игумене и на дьяконе, и на старцах, и на их приказщике, ино их судит наш дворецкой”	“А чеве будет кому искати на игумене и на дьяконе, и на старцах, и на их приказщике, ино их судит наш дворецкой”	“А кому будет чего искати на игумене з братиею и на их слугах и на крестьянех, или им на ком чего искати и по нашему государскому указу в судных делех искати им и отвечать в приказе Болшого Дворца в году на три сроки...А в духовном деле игумена з братею судит богомолец наш архиепископ Вологоцкии и Великопермский”
Дополнительные статьи	—	—	[Статьи одушегубстве]
	—	—	[Статьи о пирах и братчинах]

Как видно, несудимый раздел в грамотах 1605 и 1613 годов совпадает дословно, за исключением имени игумена. Статьи о душегубстве и о пирах и братчинах присутствуют только в опубликованной грамоте и, судя по всему, исторически восходят к грамотам XVI в. Легко заметить, что в грамоте 1613 г. используются более архаичные термины – наместники и волостели, вместо которых в 1624 г. названы воеводы и дьяки; тиун вместо воеводы; суд дворецкого вместо суда в приказе Большого Дворца.

Вместе с тем, довольно необычно видеть в новой грамоте такой, казалось бы, архаичский элемент, как статью о пирах и братчинах, отсутствовавшую в предыдущих грамотах. Л. В. Черепнин считал, что пиры и братчины – это коллективные собрания, во время которых угощались за праздничным столом, пережиток языческого культа; на таких собраниях могли обсуждаться мирские дела. В жалованных грамотах Троице-Сергиеву монастырю такие пожалования появляются со второй половины XV в.²⁵ Специальную работу статьям о пирах и братчинах в грамотах посвятила А. Л. Хорошкевич²⁶.

В качестве “незванных гостей” могли выступать представители администрации, “боярские люди”, великокняжеские или боярские сельчане. Смысл норм по Л. В. Черепнину заключался в повышении популярности княжеской власти, охране интересов вотчинников и администрации²⁷. Присутствие этих норм в грамоте 1624 г. говорит о том, что они сохранили свою актуальность и в XVII в.

Все сказанное позволяет предположить, что “новое уложение” имело более широкое содержание, чем считалось ранее и касалось не только податного, но и судебного иммунитета.

Землевладение Сямского монастыря в первой трети XVII в.

Сямский Богородице-Рождественский монастырь относится к числу небольших монастырей Вологодской епархии, расположен он примерно в 70 км от Вологды.

На основании местных сказаний известно, что еще до начала XVI столетия в полуверсте на запад от современного места расположения монастыря существовала Покровская Сямская церковь, ее новое здание относится к 1813–1817 гг.²⁸. В основанном затем монастыре (1524) настоятельство было сначала игуменское, а с 1764 г. строительское, в этом же году монастырь получил статус заштатного²⁹. Правда, у П. М. Строева список строителей монастыря начинается с 1681 г.³⁰. В списке

²⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 309. Л. В. Черепнин видел в пирах и братчинах “организационную форму, через которую проявлялась консолидация классовых интересов крестьянства” (Там же. С. 311). О сущности и форме проведения братчин см.: Попов А. Н. Пир и братчина // АИЮС. М., 1854. Кн. 2. Половина 2. Отд. VI. С. 19–41; Зеленин Д. К. Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая // Сб. ст. в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академиею наук по почину его учеников. Л., 1928. С. 130–136.

²⁶ Хорошкевич А. Л. “Незванный гость” на праздниках средневековой Руси // Феодализм в России: Сб. ст. и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 184–192.

²⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 310.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 353. № 11. Д. 55. Л. 3, 11. Сведения и ведомости по Покровской Сямской церкви Вологодского уезда (историческая справка, церковное имущество, причт, его состав, приходское училище и пр.) 1895–1896.

²⁹ Вологодский сборник статей церковно-историко-статистического содержания. Вологда, 1869. С. 7, 24.

³⁰ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российских церквей. С. 755.

игуменов Сямского монастыря здесь упоминаются Тихон (1605), Иоиль (1613), Севастьян (1624), Феодосий (1630), Авраамий (1647), Иосиф (сентябрь 1663)³¹.

Из публикуемой грамоты известно, что в 1584/1585 г. игуменом в монастыре был Дионисий. Игумен Тихон упоминается там же еще в связи с жалованной грамотой царя Федора Ивановича. Возможно, он и игумен Тихон, упоминаемый в 1605 г. у П. Строева – одно лицо. Игумен Ефрем и казначей старец Феодосий упоминаются в купчей от 1 апреля 1617 г. на серебряное кадило стоимостью 12 рублей 20 алтын, проданное ими архиепископу Вологодскому и Великопермскому Макарию³².

После 1918 г. монастырь был упразднен и долгое время не действовал³³. В советские годы в сохранившихся постройках размещалась общеобразовательная школа. Возобновление богослужений и монастырской жизни началось с 2012 г., в настоящее время ведутся реставрационные и строительные работы.

О хозяйстве монастыря первой трети XVII в. можно узнать из сохранившихся сотных выписей. Одна из них датирована 23 апреля 1624 г., дана Федором Ивановичем Измайловым и подьячим Михаилом Бухаровым³⁴. Другая сотная выпись, данная Семеном Гавриловым Коробинным и подьячим Федором Стоговым с книг письма 7136 (1627/1628), 7137 (1628/1629), 7138 (1629/1630) гг., датирована 12 октября 1630 г.³⁵. Для сравнения данные этих выписей можно свести в таблицу. При учете земель здесь всегда имеется в виду “средняя земля”.

1624 г.	1630 г.
Постройки: ц. Рождества Богородицы, ц. с трапезною Св. Мученицы Параскевы (обе “древяны на каменное дело”). 13 келий и 3 пустых.	Постройки: ц. Рождества Богородицы, ц. Параскевы Пятницы (“обе деревянные верх”). 1 келья игуменская, 12 келий братских.
Пашни под монастырем нет, двор конюшенный.	Двор коровий
Сельцо, что была деревня Баландина (Долгая Поляна, Деревенька) на р. Крутце: двор монастырский (в нем живут детеньши) – пашни паханные наездом 3 четв., перелогом – 27 четв.; крестьян 4 двора (4 человека) и 2 пустых – пашни паханные 1 четв., перелогом 2 чети в поле, “а в дву потомуж”; сена за сельцом всего 385 копен; рыбные ловли на монастырь.	Сельцо, что была деревня Боландино (Долгая Поляна, Дрествянка) на р. Крутце: двор монастырский (в нем живут детеньши) – пашни паханные 10 четей; 4 человека крестьян, 1 двор бобыльский – пашни паханные осьмина, перелогом – 9 чети с осьминою в поле, лесом поросло – 13 чети в поле; сена всего 385 копен; рыбные ловли на монастырь.
Деревня Бубарево (Бабирево) на р. Даниловице: 4 двора крестьянских (4 человека), пашни паханные 1 четв., перелогом – 27 чети в поле; сена 70 копен; леса, болота – 1 десятина.	Деревня Бубарево (Бабирево) на р. Даниловице: крестьян 2 двора (5 человек), двор бобыльский (1 человек), 1 двор пустой. Пашни паханные осьмина, перелогом 17 чети с осьминою в поле, лесом поросло 10 чети в поле; сена – 70 копен; леса, болота – 1 десятина.

³¹ Там же.

³² РИБ. СПб., 1875. Т. 2. С. 1102–1103. № 258.

³³ Вологодская и Кирилловская епархия // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 254.

³⁴ РГАДА. ГКЭ, по Вологде. № 119/2690. Л. 1–5.

³⁵ Там же. № 155/2726. Л. 1–3.

Деревня Исаково на р. Даниловице: 4 двора крестьянских (4 человека), пашни 1 четв., перелогом – 29 чети в поле; сена 70 копен; леса, болота – 2 десятины.	Деревня Исаково на р. Даниловице: 3 двора крестьянских (3 человека), 1 двор бобыльский (2 человека). Пашни – четв без третника, перелогом 19 чети с третником в поле, лесом поросло 10 чети в поле; сена 70 копен.
Деревня Брюхачева на Суходоле: 3 двора крестьянских (3 человека) и место дворовое; пашни – 1 четв. без полуосьмины, перелогом 27 чети с полуосьминою в поле; сена 80 копен. Пустошь, что был починок Амарчуков (Болохнин) на Черной Гязи: место дворовое, пашни перелогом 10 чети, лесом поросло 8 чети в поле; сена 40 копен; леса пашенного 10 десятин.	Деревня Брюхачева на Суходоле: 2 двора крестьянских (2 человека), двор бобыльский (1 человек). Пашни паханные – осьмина, перелогом – 17 чети с осьминою, лесом поросло 10 чети в поле; сена 80 копен. Пустошь, что был починок Амарчуков (Болахнин) на Черной Гязи: место дворовое, пашни перелогом 8 чети в поле, лесом поросло 10 чети в поле; сена 40 копен; леса пашенного 10 десятин.
—	Деревня Деревенка на р. Крутце: 2 двора крестьянских (2 человека). Пашни паханные – третник, перелогом – 7 чети с полутретником; лесом поросло 20 чети в поле; сена 65 копен; леса нет.
—	Пустошь, что был починок Роскат Яковище: место дворовое, пашни перелогом 3 четверти; лесом поросло 7 чети в поле; сена; леса непашенного 2 десятины.
Всего: сельцо, 3 деревни, 1 пустошь. Двор монастырский, двор конюшенный, 15 дворов крестьянских живущих, 2 двора пустых, место дворовое. Монастырские пашни наездом – 3 четверти и перелогом – 27 чети. Крестьянские пашни – 4 четверти без полуосьмины и перелогом 102 четверти с полуосьминою. Лесом поросло 8 чети. Всего земли – 144 четверти в поле. Сена 645 копен. Леса пашенного – 10 десятин, непашенного – 3 десятины.	Всего: сельцо, 4 деревни живущих, 2 пустоши. Двор монастырский, двор коровий. 10 дворов крестьянских (15 человек), 5 дворов бобыльских (6 человек, 1 двор пустой, 2 места дворовых. Монастырские пашни 10 четвертей. Крестьянские пашни 2 четверти с осьминою, перелогом – 82 четверти, лесом поросло – 80 четвертей. Всего земли 174 чети с осьминою в поле. Сена 725 копен. Леса пашенного 10 десятин, леса непашенного и болота – 3 десятины. Сошного письма – четверть сохи, не дошло в сошное письмо осьмины пашни.

Как видно из таблицы, за 6 лет монастырские земли сильно запустели, поросли лесом, выделились бобыльские дворы. Это было вызвано, вероятно, тем, что при увеличении площади земли (в 1624 г. – 144 четверти, в 1630 г. – 174 четверти с осьминою) количество жилых дворов не возросло (15 дворов в 1624 г., 10 дворов крестьянских и 5 дворов бобыльских в 1630 г.). Площадь обрабатываемой земли существенно снизилась (пашни – 4 четверти без полуосьмины в 1624 г., 2 четверти с осьминою в 1630 г.; перелога – 102 четверти с полуосьминою в 1624 г., и 82 четверти в 1630 г.). Если в 1624 г. лесом поросло 8 чети, то в 1630 г. – 80 четвертей.

Данные сотных выписей нельзя считать абсолютно достоверными. В публикуемой жалованной грамоте 1624 года упоминаются монастырские переписные

книги Семена Воейкова и подьячих Семена Привалова и Ивана Сидорова, в которых сообщается, что в монастыре “в живущем” 5 деревень да пустоши, а в них 9 дворов крестьянских да двор бобыльский, и пашни в живущем худые земли выть, на льготе – полчети выти, пустоет – 2 выти без получети.

В то же время в предшествовавших грамотах Михаила Федоровича и Лжедмитрия есть ссылки на книги письма Алексея Третьякова и подьячего Алексея Шапилова 7098 г. согласно которым в пустошах монастыря (Исаково, Бобырево, Брюхацево) всего худые земли (“пашни и перелогом и лесом поросли”) 86 чети в поле³⁶.

В жалованных грамотах упоминаются деревня Долгая Поляна и три пустоши, а в сотных выписях речь идет о селце и деревнях. В грамотах, очевидно, были сохранены более ранние наименования, уже не соответствующие реальности: пустоши стали деревнями, а деревня – селцом. При этом пустошь Марчуков (Амарчуков) Починок сохранила свой статус со времен великого князя Василия Ивановича и под таким именем фигурирует и в сотных, и в жалованных грамотах.

В отношении численности братии монастыря данные также несколько различаются. В упоминаемых в публикуемой грамоте обыскных списках Махайко Наравина (около 1624 г.) названы игумен, 17 человек попов, дьякон, 32 человека старцев, старост, целовальников, крестьян – 424 человека. Это больше, чем указывается в сотных выписях. Согласно упоминаемой там же расходной окладной книге 7103 г. (1594/95 г.) руга давалась игумену, дьякону и пяти старцам.

Палеографические и археографические особенности

Основной текст публикуемой грамоты написан одним почерком (подьячий Григорий Старого), имеется припись дьяка Прокофия Пахирева. Изобразительные элементы представлены инициалом, буквы которого составляют слово “Божиею”. Близкие инициалы встречаются, например, в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича рыбакам и всем крестьянам Ярославского уезда Борисоглебской слободки от 17 декабря 1626 г.³⁷, жалованной грамоте царя Михаила Федоровича [от 22 августа 1627 г.]³⁸, жалованной грамоте царя Михаила Федоровича Антониде Собининой с детьми на пустошь Коробово от 30 января 1633 г.³⁹. Следующее слово (“милостию”) начинается с малого инициала и выделено черными чернилами. Весь остальной текст написан коричневыми чернилами. Края надорваны и обтрепаны, присутствуют многочисленные следы складок. Печати и следов ее крепления не сохранилось.

При публикации по подлиннику вышедшие из употребления буквы сохранены, выносные обозначены курсивом, а вводимые в строку при раскрытии титл помещены в круглых скобках. Имеющиеся в документе незначительные утраты текста, подлежащие восстановлению, обозначены в квадратных скобках. Знаки препинания расставлены по современным правилам, абзацы – по смыслу. Отдельные

³⁶ РГАДА. ГКЭ, по Вологде №№ 66/2637 и 76/2647.

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 389. Д. 19. Инициал в этой грамоте по размерам больше, чем в публикуемой.

³⁸ Фотографию см.: Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 6. (Т. 10–11). М., 1996. Ил. XXVI. Датировка нами также дана по фотографии.

³⁹ Вывод сделан по фотографии нач. XX в., приведенной в книге: Зонтиков Н. А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997. С. 67.

палеографические особенности отмечены в примечаниях, расположенных после текста документа.

С. М. Каушанов, Н. А. Комочев

1624 мая 2. Москва. – Жалованная обельная, несудимая трехсрочная, заповедная от ездоков и незваных гостей грамота ц. Михаила Федоровича игумену Сямского Богородице-Рождественского монастыря Савостьяну с братиею на дер. Долгую Поляну (Боландина), пустоши Исаково, Бобырево, Брюхачево с угодьями в Сямской вол. Вологодского у.

Б(о)жиею^{1*} м(о)л(о)стїю^{2*} мы, великий г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь і великий князь(ь) Михаило Федорович всеа Русии самодержец, пожаловали есма | б(о)гомощю своих Р(о)жества Пр(е)ч(и)стые Б(огоро)д(и)цы чудотворноꙋ(о) образа і Ризположения Самского м(о)н(а)ст(ы)ра, что в Волог(о)цком уѣзде в Сямской волости, игумена Савостьяна з братиею или кто по нем в том м(о)н(а)ст(ы)рѣ иныи | игумень и братиѣи будутъ.

В прошлом во 131-м году по н(а)ш(е)му указу положили они перед нами н(а)шу жало|валную грамоту 121-го(о) году за припис(ь)ю дїака н(а)ш(е)го Ивана Болотникова, а в той грамоте написано: | вотчина их м(о)н(а)ст(ы)рскаа в той Сямской волости на рѣчке на Крутцѣ во Орязинском приселе | д(е)р(е)вня Долгаа Поля[на]^{3*} с [лес]ы^{4*} и с лу[ги]^{3*} и со всѣми угодья, что к той д(е)р(е)вне изстари потагло. Да им же дано в Сямско[у]^{3*} же волости в денежн[ы]е^{3*} і в хлѣбные и в соляные руги мѣсто: пустошь Исаково, | пустошь Бобырево на рѣчке на Даниловице, пустошь Брюхачево на Крутом Враге со всѣми угод(ь)и и с пожнями против сотные грамоты.

Да в прошлом же во 131-м году июня въ 21 ден(ь)^{5*} | били они нам челом, а сказали: даны де имъ в том м(о)н(а)ст(ы)рѣ прежнихъ г(о)с(у)д(а)рей ц(а)рей і великих кн(я)зей всеа Русии | і н(а)ш(е)го жалованья вотчины в Волог(о)цком уѣзде в Сямской волости: д(е)р(е)вня Боландина, а Долгая | Поляна тож с пустоши и со всѣми угод(ь)и в н(а)шие в годовые в денежные і в хлѣбные и в соляные руги | мѣсто. І в прошлом же де во 130-м году приезжал с Вологды Семень Воеиковъ да под(ь)ячей Семень При|валовъ переписывати ихъ м(о)н(а)стырские вотчины, і положили де они ту ихъ м(о)н(а)стырскую вотчину | в тягло четыре чети без полушмины, а преже де сего та ихъ м(о)н(а)ст(ы)рскаа вотчина в тяглѣ не бывала и н(а)ших | никаких податей и городовых подѣлокъ и ямскихъ д(е)н(е)гъ не платили, і подводи не давали. И н(ы)не де на них по тому | Семенову писму Воеикова н(а)ши подати и городовые подѣлки, і ямские денги, і подводи на них правятъ, | і нам бы ихъ пожаловати, с тоѣ м(о)н(а)стырские вотчины н(а)ших никаких доходов правити не велѣти.

И по н(а)ш(е)му указу | о том посылана памѣт(ь) в Приказ Болшоꙋ(о) дворца, а велено ис кн(и)гъ выписати, что к тому м(о)н(а)ст(ы)рю в вотчине сел и д(е)р(е)в(е)нь, | і починков, і пустошей, и селищъ, і заимищъ, і в них пашни и всякихъ угодей, і в сошное писмо в тагло с сошными | людьми та ихъ вотчина положена ли.

И ис Приказу Болшоꙋ(о) Дворца в памѣти за припис(ь)ю дїака Ивана Федо|рова написано: в прошлом во 130-м году по н(а)ш(е)му указу на Вологде і в Волог(о)цком уѣзде воеводе Василью | Бутурлину да д(ь)аку Тимофею Агѣеву м(о)н(а)ст(ы)рѣ і м(о)н(а)ст(ы)рские вотчины і кр(е)стьянъ велено переписыват(ь) для | вѣдома. І воевода Василеи Бутурлинъ і дьякъ Тимоѣеи Аггѣевъ для переписки волог(о)цких м(о)н(а)ст(ы)рей | посылали Семена Воеикова да под(ь)ячих Семена Привалова да Ивана Сидорова, і м(о)н(а)стырские переписные кн(и)ги прислали к нам, к Москвѣ, в Приказ Болшоꙋ(о) Дворца.

І в тѣхъ Семеновыхъ кн(и)гах Воеикова | написано: м(о)н(а)ст(ы)рѣ Р(о)жества Пр(е)ч(и)стые Б(огоро)д(и)цы і Ризположения на рекѣ на Сяме, а к м(о)н(а)ст(ы)рю в живущем пять | д(е)р(е)в(е)нь, да пустоши^{6*}, а в них девят(ь) дворов кр(е)стьянскихъ да двор бобыльском. Пашни в живущем ху|дые земли выт(ь) да на лготе полчети выти, да в пусте двѣ выти без

получети. А по скаске игумена | Наѡанаила и старцов даны де им тѣ д(е)р(е)вни в м(о)н(а)с-т(ы)рь к Пр(е)ч(и)стои Б(огоро)д(и)це за денежную і за хлѣбную ругу^{7*} | при прежнихъ г(о)с(у)д(а)рехъ ц(а)рѣхъ і великихъ кн(я)зехъ всеа Русіи.

И для хлѣбные і денежные руги в приказ Болшова Дворца и в Большой Приход посланы памяти.

И ис приказу Большого Дворца в памяти | за припис(ь)ю дїака Ивана Федорова 131-г(о) августа въ 21 *де(нь)* написано: в приказе Большого Дворца | в розходной в окладной кн(и)ге 103-г(о) году, какова сыскана после разоренья, на Вологду в м(о)н(а)ст(ы)рь Пр(е)ч(и)стые Б(огоро)д(и)цы что в Сяме, н(а)шие годовые хлѣбные руги по окладу игумену чѣтыре *чѣти* ржи, овса *тож*; | дьякону двѣ *чѣти* ржи, овса *тож*; пяти ч(е)л(о)в(е)комъ старцом по *чѣти* ржи, а овса потому *ж* ч(е)л(о)в(е)ку; і всего один|натцат(ь) *чѣти* ржи, овса *тож*. И на 103-и год та руга дана имъ по окладу сполна, а вьныхъ годѣхъ до расорен(ь)я^{8*} | і после расоренья в *тот* м(о)н(а)ст(ы)рь хлѣбные руги [в] окладе и в даче не сыскано.

Да в памяти із Болшо(о) | Приходу за припис(ь)ю дїака Трет(ь)яка Копнина написано: в приказе Большого Приходу в ружной в окладной | кн(и)ге 93-г(о) году пр(е)ч(и)стенскому игумену Деонисью, что в Сямской волости, по окладу н(а)ш(е)го жалованья | сорокъ алт(ы)нѣ да за сол(ь) гривна. А которог(о) году та руга давана *по кн(и)гам*, і в котором году в м(о)н(а)ст(ы)рь давать не веле|но, и тог(о) в приказе Большого Приходу не вѣдомо. А после московского расоренья в приказе Большого | Приходу тоѣ руги имъ в *тот* м(о)н(а)с-т(ы)рь не давано.

И по н(а)ш(е)му указу послана н(а)ша грамота на Вологду к воеводу к Ивану Салтыкову да к дїаку к Василью Ларионову, а велено им послати ково | пригоже і около тово Р(о)жественного м(о)н(а)ст(ы)ря обыскати архимандриты і игумены, і протопопы, і попы^{9*}, | і дьяконы по священству, і старцы і старицы по иноческому обещан(ь)ю, а дворяны і дет|ми боярскими и их приказщики, і старосты, і целовальники, і кр(е)стьяны всякими тутошними і окол|ними людьми по н(а)шему кр(е)стному целованью: *тот* Р(о)жественной м(о)н(а)ст(ы)рь сколь давно поставленъ; | і в томъ м(о)н(а)ст(ы)ре жаловальные тарханские грамоты прежнихъ г(о)с(у)д(а)рей ц(а)рей і великихъ кн(я)зей всеа Русіи | на тоѣ ихъ м(о)н(а)ст(ы)рскую вотчину были *л(ь)*; і буде были і которыхъ г(о)с(у)д(а)рей ц(а)рей і великихъ кн(я)зей всеа | Русіи, і в которыхъ годѣхъ даны, і ково именемъ дїаковъ за приписми; і тѣ у нихъ гра|моты в м(о)н(а)ст(ы)рѣ утеряли(ь) ли і сколь давно утерялись; і та имъ вотчина в *тот* м(о)н(а)ст(ы)рь | в н(а)шие руги денежные і хлѣбные і в соляные мѣсто даны *ли*; і с тоѣ они вотчины какие н(а)ши по|дати наперед сего платили *ли*, і по которой год платили *ли*, і н(ы)не платят *ли*, і какие подати платят *ли*.

И в н(ы)нешнем во 132-м году генваря въ 3 *де(нь)* писали к нам с Вологды воевода н(а)шъ Иван Салтыков, | да д(ь)якъ Василеи Ларионов: посылали они в Вологодской уѣздъ около того Сямского м(о)н(а)ст(ы)ря обы|скиват(ь) пушкаря Махаико Жаравина. И пушкарь(ь) де Махаико привез к нимъ про *тот* Сямской м(о)н(а)ст(ы)рь | обыскные списки за обыскныхъ людей руками, і тѣ обыскные списки прислали они к нам к Москвѣ.

И в обы|скныхъ спискахъ написано: в обыскѣ обыскныхъ людей Вологодска(о) уѣзда архимарить да игумень | да семнатцат(ь) ч(е)л(о)в(е)къ попов да дьяконъ^{10*}, да тритцат(ь) два ч(е)л(о)в(е)ка старцовъ, да старость і целовальников | і кр(е)стьянъ чѣтыреста дватцат(ь) чѣтыре ч(е)л(о)в(е)ки, і всего чѣтыреста семьдесятъ шесть ч(е)л(о)в(е)къ. Архимарит | і игумень, і попы, і д(ь)яконы сказали по священству, а старцы по иноческому обещанью, а старосты і целовальники і кр(е)стьяны по н(а)ш(е)му кр(е)стному целованью: Вологодскаго *де* уѣзда Р(о)жества Пр(е)ч(и)стые Б(огоро)д(и)цы^{8*} | Самской м(о)н(а)ст(ы)рь поставленъ *от* давнихъ лѣтъ по явлению чудотворнаго Ея образа в лѣта 7032-и | при державе бл(а)женныя памяти великаго кн(я)зя Василья Ивановича всеа Русіи. И пожаловал де | великии кн(я)зь Василеи Ивановичъ всеа Русіи к тому м(о)н(а)ст(ы)рю на свечи і на

ладань д(е)р(е)вно Долгую Поля|ну а Боландино тож, да на дрова пустошь Мартюков По-
чинокъ со всѣми угод(ь)и и с рыбными ловлями. | Да в *той же* де^{11*} м(о)н(а)ст(ы)рь игумену
с братьею велено давати годовая хлѣбная и денежная, | и соляная руга. И г(о)с(у)д(а)-
р(е)ва *де* жаловална тарханна грамота игумену з братиею дана была. | И после *де* то-
го по челобитью тог(о) м(о)н(а)ст(ы)ря игумена Тихона з братьею бл(а)женныя памяти
г(о)с(у)д(а)рь^{8*} | ц(а)рь і великіи кн(я)зь Ѳедор Иванович всеа Русіи пожаловал, тоѣ ихъ
грамоту велѣл переписать | на свое г(о)с(у)д(а)р(е)во имя, а в хлѣбныя *де* и в денежныя
і в соляныя руги мѣсто пожаловал в *той* м(о)н(а)ст(ы)рь г(о)с(у)д(а)рь | ц(а)рь і великіи
кн(я)зь Ѳедоръ Иванович всеа Русіи в Сямской волости в вотчину пустоши(ь) Исаково, | пу-
стошь Бобырево на рѣчке на Даниловице, пустошь Брюхачево со всѣми угод(ь)и, і велѣл
де тѣ | пустоши вписать в ту *же* свою жаловальную грамоту. А припис(ь) *де* у тоѣ грамоты
была | дѣяка Смирново Васильева. И при ц(а)рѣ *де* Борисе та грамота подписана была *ж*.
А денеж|ных *де* никаких доходов и оброков, и запасовъ, и кормовъ, і амских д(е)н(е)гъ,
и городскихъ подѣлокъ | с тоѣ монастырскіе вотчины не плачивали, и подводъ никому не
давали по 130-и год, | потому что *де* та д(е)р(е)вня і пустоши даны в *той* м(о)н(а)ст(ы)рь
вмѣсто руги. А во 130-м *де* | году, какъ переписывали ту ихъ вотчину Семень Воеиковъ
да под(ь)ячи Семень Привалов, и ту *де* | іхъ м(о)н(а)ст(ы)рскую вотчину в тягло в сошное
письмо положили. А платит(ь) *де* им в сошном писмѣ | с тоѣ вотчины з живущего съ четы-
рех *четі* без полуосмины. А прежних *де* г(о)с(у)д(а)рей ц(а)рей | і великих кн(я)зей всеа
Русіи жаловальныя грамоты в *той* Сямском м(о)н(а)ст(ы)ре в прошлом во 122-м | году в ли-
товское разоренье утерялися.

А по н(а)ш(е)му г(о)с(у)д(а)рскому по новому уложению со всѣх | н(а)ших городов
с помѣстных и с вотчинных земель, і с м(о)н(а)ст(ы)рских, і с ц(е)рковных земель амские |
денги и стрелецкіе хлѣбныя запасы имати велено, и городовое и острожное дѣло дѣлат(ь) |
указано по писцовым и по дозорным кн(и)гамъ з живущего.

И мы, великіи г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь і великіи | кн(я)зь Михаилъ Федорович всеа Русіи
и ѿт(е)ць н(а)шъ великіи г(о)с(у)д(а)рь св(я)тѣишии патриархъ Филарет | Никитичъ
Московский і всеа Русіи Сямскаг(о) м(о)н(а)ст(ы)ря игумена Савостьяна з братиею или
кто | по нем в *той* м(о)н(а)ст(ы)рѣ иныи игумень і братіиа будутъ, пожаловали, велѣли имъ
тоѣ н(а)шу жаловальную^{12*} | грамоту переписать внов(ь) по н(а)ш(е)му г(о)с(у)д(а)рскому
по новому уложению, і велѣли имъ дати сю н(а)шу г(о)с(у)д(а)рскую | жаловальную грамо-
ту, и тою м(о)н(а)ст(ы)рскую вотчиною д(е)р(е)внями и починки, і пустошми, і селищи,
і заими|щи с лесы и с луги, і с рыбными ловлями, і со всѣми угод(ь)и велѣли имъ владѣти
по пережнему.

И по сей | н(а)шей г(о)с(у)д(а)рской жаловальной грамоте і хто у них в *той* ихъ м(о)н(а)с-
т(ы)рской вотчине учнет жити | м(о)н(а)стырскихъ людей и кр(е)стьянъ, и по н(а)ш(е)-
му г(о)с(у)д(а)рскому указу с тоѣ ихъ м(о)н(а)стырскіе вотчины ихъ м(о)н(а)стыр|скимъ
людem и кр(е)стьяномъ н(а)шихъ никакихъ податей и денежныхъ всякихъ поборовъ и казачьихъ
хлѣбныхъ запасовъ | и кормовъ с сошными людьми не давати, опрочѣ ямскихъ денегъ и стре-
лецкихъ хлѣбныхъ запасовъ | и городового и острожного дѣла. А ямскіе имъ денги и стре-
лецкіе хлѣбныя запасы дават(ь) | и городовое и острожное дѣло дѣлати по писцовымъ
и по дозорнымъ кн(и)гамъ з живущего с сош|ными людьми вмѣсте.

Также есми ихъ пожаловали: воеводы н(а)ши і дѣяки і всякіе приказныя | люди игуме-
на с братьею і ихъ м(о)н(а)стырскихъ людей и кр(е)стьянъ не судятъ ни в чемъ, опрочѣ д(у)-
ше|губства и разбоя и там(ь)бы с поличнымъ, и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ не емлютъ
и не всылаютъ | к нимъ ни по что. А вѣдает и судитъ м(о)н(а)стырскихъ людей и кр(е)стьянъ
игумень з братиею сами | во всемъ или кому прикожуютъ. А случится судъ смѣстной м(о)н(а)с-
тырскимъ людямъ и кр(е)стьяномъ | з городскими или с волостными людьми, і воеводы н(а)-
ши і дѣяки і приказныя люди іхъ судятъ, | а игумень з братьею или ихъ приказщикъ с ними

жс судит. А прав ли *будет* или виноват м(о)н(а)стыр|скои ч(е)л(о)в(е)къ, и он в правде и в винѣ игумену з братиею или их приказщику. А воеводы н(а)ши и дия|ки в м(о)н(а)стыр-ского ч(е)л(о)в(е)ка не вступаютъ ни в право(о), ни в виноватого. А кому *будет* чего искати | на игумене з братиею и на их слугах и на кр(е)стьянех, или им на комъ чего искати, и по н(а)ш(е)му г(о)с(у)д(а)рскому | указу в судных дѣлех искати имъ и *отвечати* в приказе Большого Дворца в году на три сро|ки: на Рожество Хр(и)стово, да на Троицынъ день, да на Семень день Лѣтопроводца, а опречь | тѣхъ н(а)ших указныхъ трех сроковъ на иные сроки их не судити никому. А кто на них накинеть срокъ | не по тѣмъ н(а)шимъ указнымъ трем срокомъ, и мы имъ к тѣмъ срокомъ ѣздити не велѣли. А хто по | них и судимую или засывную или правую грамоту или пристава возметь не по тѣм же срокомъ, | і те грамоты не в грамоты, а пристав ѣзду лишень. А в д(у)ховном дѣле игумена з брат(ь)ею | судить б(о)гомолецъ н(а)шь архиеп(и)с(ко)пѣ Вологодцкии і Великопермьскии.

Также есми их пожаловали: учинится у них в м(о)н(а)ст(ь)рскои вотчине д(у)шегубство, а не *будет* д(у)шегубца в лицах, и они | того убитого воеводам и дьякомъ н(а)шимъ и приказнымъ людемъ *явят*, а за убитую голову дадут | вѣры два рубли, а кр(е)стьяномъ ихъ в томъ вѣры и *продажи* нѣтъ. А *будет* д(у)шегубецъ | в лицах, и они его *отдадутъ* воеводамъ н(а)шимъ и д(ь)якомъ, а кр(е)стьяномъ ихъ в томъ вѣры и *продажи* | нѣтъ же.

Также есми их пожаловали: учинится у них д(у)шегубство безхитростно: ково громъ | *убьет*, или с древа или с хоромины *убьется*, или мертвого на ихъ м(о)н(а)стырскую землю водою | *принесет*, или кто в водѣ *утонет*, и они того мертвого по тому *жс* воеводамъ и дьякомъ | і приказнымъ людемъ *явят*, и про то *сыщут*, что учинилос(ь) без хитрости, и в томъ м(о)н(а)стырскимъ | людемъ и кр(е)стьяномъ вѣры и *продажи* нѣтъ же.

Также есми их пожаловали: на пиры | і на братчины к нимъ не званы не *ходят* ни хто, а кто к нимъ на пир или на братьчину *придет* | пити не звань, и они тог(о) *сошлют* вонъ безпенно, а не *пойдет* вонъ, да *учнетъ* пити силно, | а учинится у них на томъ пиру при томъ *незваномъ* какая гибел(ь), и тому *незваному* та | *гибел(ь)* платити без суда и без правды.

А хто *через* сю н(а)шу г(о)с(у)д(а)рскую жаловал|ную грамоту игумена з братьею і ихъ м(о)н(а)стырскихъ людемъ і кр(е)стьянъ чѣмъ *изо|бидити*, и тому *от* нас, великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого кн(я)зя Михаила Федоровича | *всера* Русіи *быти* в *опале*.

Дана ся н(а)ша г(о)с(у)д(а)рская жаловалнаіа грамота на Москвѣ, лѣта 7132-г(о) маіаи въ 2 ден(ь)^{13*}.

Кафедра вспомогательных исторических дисциплин и археографии ИАИ РГГУ. Оригинал. Размеры: по верхнему краю – 25, по нижнему – 15, по левому 130, по правому – 121 см. *На обороте вверху запись:* “Ц(а)рь і великий князь Михаилъ Федоровичъ *всера* Русіи *самодержецъ*”; *по двумъ сторонамъ:* “А подписал г(о)с(у)д(а)р(е)въ ц(а)р(е)въ і великог(о) кн(я)зъ Михаилъ Федоровичъ *всера* Русіи”; “Діакъ”. *На лицевой стороне внизу продолжение:* “Проккофеи Пахиревъ”. *Внизу на обороте в правомъ углу:* “Справилъ Гришка Старог(о)”. *Вверху на обороте почеркомъ XIX в.:* “Жалованная 7132 Сямскому м. въ Вологодскомъ уѣздѣ”. *В верхнемъ левомъ углу на обороте синими чернилами почеркомъ XX в.:* “Инв. 421”.

Публ. (по подлиннику): Суворовъ Н. Сямский Богородице-Рождественский монастырь Вологодской епархии // Прибавления к Вологодскимъ епархиальнымъ ведомостямъ (год семнадцатый). Часть неофициальная. 1881. № 1. С. 4-10; *Он же.* Сямский Богородице-Рождественский монастырь Вологодской епархии. Вологда, 1896. С. 23-30⁴⁰.

Иssl. и уп: Каушановъ С. М., Назаровъ В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетныхъ грамотъ XVI в. Ч. 3 // АЕ за 1966 год. М., 1968. № 1-89. С. 208; Черкасова М. С. Архивы вологодскихъ монастырей и церквей XV-XVII вв. Исследование и опыт

⁴⁰ Данное издание приводится по перечню М. С. Черкасовой (см. далее), указанную книгу нам обнаружить не удалось.

реконструкции. Вологда, 2012. С. 214⁴¹; *Комочев Н. А.* О реформе церковного иммунитета в первой трети XVII в. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сб. ст. межд. конф. М., 2018. С. 37–43.

ПРИМЕЧАНИЯ

^{1*} Буквы слова образуют инициал.

^{2*} Слово написано черными чернилами и начинается с малого инициала (“м”).

^{3*} В этом месте в листе образовалась дыра, из-за чего часть букв оказалась утрачена.

^{4*} Буквы слова написаны бледно.

^{5*} Слово написано тем же почерком на правом поле.

^{6*} В слове “и” исправлено из “ь”.

^{7*} Начало новой строки отмечено на левом поле прямым крестом.

^{8*} Начало новой строки отмечено на левом поле косым крестом.

^{9*} Слово вписано на правом поле тем же почерком.

^{10*} В слове вместо “к” стоит “п”.

^{11*} Над словом стоит выносная “и”.

^{12*} Буква “у” в слове написана с длинным росчерком, занимающим почти все правое поле.

^{13*} Строку продолжает запись: “Прокофеи Пахирев”, относящаяся по смыслу к тексту на обороте грамоты.

---

⁴¹ При описании грамоты здесь в качестве подъячего ошибочно указан Семен Привалов.

DOI 10.31168/041078-7.24

ЧЕЛОБИТНЫЕ О РАЗМЕЖЕВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ В ПОВЕЛЬСКОМ СТАНЕ ДМИТРОВСКОГО УЕЗДА КОНЦА XVII В.

Публикуются тексты столбцов из коллекции, хранящейся в собрании лаборатории документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института РГГУ¹. Коллекция сформировалась на факультете не позднее начала 1960-х гг., когда была образована первая в стране кафедра документоведения². В настоящее время столбцы хранятся в лаборатории, основанной в 2014 г. и включающей также собрание учебно-методических материалов, справочных изданий по делопроизводству и другим профильным дисциплинам. Документы используются при изучении студентами курсов по истории делопроизводства. Учитывая многолетнюю традицию, данную коллекцию можно рассматривать как исторически сложившееся собрание кафедры документоведения Историко-архивного института. До сих пор документы не были введены в научный оборот, что является задачей настоящей публикации.

По своему содержанию и происхождению столбцы относятся к нескольким документальным комплексам.

Наиболее крупный из них включает девятнадцать челобитных (к ним прилагает одна сказка) по вопросам земельного межевания, связанные с работой

---

¹ Автор выражает благодарность зав. кафедрой документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов к.и.н. Ю. М. Кукариной и зав. лабораторией Е. А. Ефименко за возможность работы с документами.

² Первое ее название – кафедра советского делопроизводства.

в Повельском стане Дмитровского уезда писцов Мокея Ефимьевича Маслова и подьячего Кузмы Рудеева (1684–1686)³. Часть документов расклеена на отдельные листы (№ 1–12, 19–20), часть входит в состав единого столбца (№ 13–18). На всех челобитных данной группы имеется позднейшая нумерация арабскими цифрами, по-видимому, соответствующая первоначальному порядку дела.

Особняком стоят: отрывок дела (челобитная и указная) об отдаче подьячему вологодской приказной избы Ивану Борисову порозжего места в Вологде (1697); память о даче отпускной из Приказа Холопьяго суда (1692); недатированный отрывок из выписи.

Документы систематизированы нами в соответствии с расположением их в составе приказных дел и с учетом хронологии, нумерация в публикации – порядковая. Хронология недатированных столбцов установлена на основании делопроизводственных помет. Столбцы и каждый документ в отдельности снабжены заголовками и археографическими легендами. При передаче текста вышедшие из употребления буквы сохраняются, титла раскрываются, причем буквы, вводимые при этом, заключаются в круглые скобки, а выносные помещаются в строке и выделяются курсивом. Пунктуация, разделение на слова, предложения и абзацы, использование заглавных и строчных букв осуществляются по современным правилам языка. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Восстановленные по формуляру или по смыслу буквы и слова приведены в квадратных скобках. Зачеркивания слов в тексте столбцов сохранены. Границы строк отмечаются прямой вертикальной чертой, границы листов – двумя вертикальными чертами. Записи на обороте приводятся в порядке их появления на документе – вначале записи рукоприкладств, потом пометы делопроизводственного характера. Записи по составам представляют собой отдельные слоги, которые ввиду фрагментарности собрания во многих случаях не поддаются прочтению. Сведения о позднейшей нумерации приведены в легендах.

Н. А. Комочев

№ 1–20. 1684–1686. – Дело о размежевании земельных владений в Повельском стане Дмитровского уезда

№ 1

Ок. 1684 октября. – Челобитная строителя Кирилло-Белозерского м-ря старца Макария Олтуфьева и архимандрита дмитровского Борисоглебского м-ря Тихона о размежевании

³ Известно несколько книг, составленных М. Е. Масловым и К. Рудеевым: 1) 7193 (1685) г. Писцовая и межевая книга посадской выгонной земли города и вотчинных земель в Повельском стане; 2) 7193 и 7194 (1685 и 1686) гг. Писцовая книга поместных и вотчинных земель в Повельском стане; 3) 7193 и 7194 (1685 и 1686) гг. Межевая книга посадской земли города и поместных и вотчинных земель в Повельском стане. См.: Описание книг писцовых, переписных, дозорных, перечневых, платежных и межевых // ОДИБ МАМЮ. СПб., 1869. Кн. 1. С. 65. № 652, 653, 654. Встречаются упоминания и в других источниках: так, межевые книги “писма и межеванья Мокея Маслова, да подьячего Кузмы Рудеева 193 и 194 году в Повельском стану” упомянуты в царской послушной грамоте от 13 марта 1694 г. властям Новоспасского монастыря: Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1863. Т. 2. № 168. Стб. 679–680. В более позднее время подьячий К. Рудеев работал уже с другим межевщиком. См.: 7196 (1688) г. июня. Межевая книга вотчинных земель окольничего Венедикта Андреевича Змеева в пустошах: Никиткиной и Шароковом-Селище (Сосенского стана), межеванья стольника Константина Дементьевича Кофтырева и подьячего Козьмы Рудеева // Описание книг писцовых... С. 151. № 1546.

писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель од. Семенковой, Афонасовой и пустошей Кромино и Муравьево Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с прежним разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земь Іоанну Алеѣвичу, Петру Алеѣвичю всеа Велик[ия] | и Малыя и Бѣлыя Росіи самодер[жцемъ] | бьют челом в(а)ши г(о)с(у)д(а)р(е)вы б(о)гомолцы Кирилова | м(о)н(а)ст(ы)ря московские службы строител(ь) старец | Макарей Олтуевъ да Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря, | что в Дмитрове на посаде архи-мандритъ Тихон | с братьею.

Домовые, г(о)с(у)д(а)ри, наши м(о)н(а)ст(ы)рьские | вотчинки в Дмитровском уѣзде в Повелскомъ | стану д(е)р(е)вня Семенкова да пустош(ь) Кромино да д(е)р(е)вня Оюнасово, да пустош(ь) Мурав(ь)ево. І в прошлом, г(о)с(у)д(а)ри, во 157-м году, тѣ наши | м(о)н(а)ст(ы)рьские вотчины межевщикъ Ѳедор Івановичъ Голенищевъ Кутузов да под(ь)ячей Дми|треи Молчанов розмежевали и того, г(о)с(у)д(а)ри, | ихъ межеван(ь)я во многих мѣстех амы | саплыли и гранное д(е)р(е)вье поваялось. |

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Іоаннъ Алеѣвичъ, Петръ Алеѣвичъ всеа Великия | и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, | пожалуйте нас, б(о)гомолцов своих, велите, | г(о)с(у)д(а)ри, дмитровским писцомъ Макею Еуѡим(ь)евичю Масло-ву да под(ь)ячему Козме Рудѣеву промѣж тѣми н(а)шими м(о)н(а)ст(ы)рьскими се|млями внов(ь) между поновить куды Кири|лова м(о)н(а)ст(ы)ря кр(е)стьяне Дениско Іванов да | Оноѡреико Васил(ь)ивъ да Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря | кр(е)стьяне Терешка Михаи-лов да Игнашко Ми|киѡоров укажутъ. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуитесь. ||

[На обороте:] [К сеи] челобитноу Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря | ст]ряпчеи Івашка Поморцо[в руку | при]ложил. |

К сеи челобитноу [Борисо]глѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря | Івашко Гаварилав⁴ р[уку] | при-ложилъ. ||

Столбец в один сстав, начало оборвано, с оборотной стороны подклеен с левой и пра-вой стороны.

№ 2

1684 октября 23. – Челобитная строителя Кирилло-Белозерского м-ря старца Макария Олтуфьева и архимандрита дмитровского Борисоглѣбского м-ря Тихона о размежеваних писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель с. Афонасова Повельского ст. Дмитровского у. по прежним писцовым книгам и отводу монастырских крестьян.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земь Іоанну Алеѣвичю, Петру | Алеѣвичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодер|жцемъ бьют челом б(о)гомолцы в(а)ши г(о)-с(у)д(а)р(е)вы Кирилова м(о)н(а)ст(ы)р[я] | московские службы строитель старецъ Макарей Алтуевъ | да из Дмитрова Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря архимандритъ Тихон | з братьею.

Домовые, г(о)с(у)д(а)ри, м(о)н(а)ст(ы)рьские н(а)ши вотчинки | в Дмитровском уѣзде в Повелском стану за Кириловыми м(о)н(а)ст(ы)рем | полд(е)р(е)вни Аюнасова, а что к тои полуд(е)р(е)вни Аюнасову | пашни і сѣнных покосов і всяких угодеи, и то написано | в прежних писцовых кн(и)гахъ і в крѣпостях і в договор|ныхъ полюбовных записях. А что, г(о)с(у)д(а)ри, в другои половине | тои д(е)р(е)вни Аюнасове за Борисоглѣбским м(о)н(а)-ст(ы)ремъ | написано по писцовымъ кн(и)гамъ каких угодеи | і кто чем изстари владѣл, и то подлинно вѣдаютъ | Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря кр(е)стьяне Ермолко Никитин, Артюшка Григор(ь)ивъ да Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря кр(е)стьяне | Терешка Михайлов да Игнашка Никиѡоровъ. |

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Іоаннъ Алеѣвичъ, Петръ Алеѣвичъ всеа Великия и Малыя | і Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте нас, б(о)го-молцов | своих, велите, г(о)с(у)д(а)ри, дмитровским писцомъ Мокѣю | Евѡим(ь)евичю

⁴ По-видимому, имеется в виду Гаврилов.

Маслову да под(ь)ячему Козмъ Рудѣиву, | куды тѣ наши м(о)н(а)ст(ы)рьские кр(е)стьяне укажутъ, | mezi и признаки учинит(ь) и написать в писцовые | кн(и)ги. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйте, пожалуйте. ||

[На обороте:] К сеи челобитной Кирилова м(о)н(а)с[т(ы)ря] | стряпчеи Ивашко Поморц[о]в | [руку] приложилъ. |

[К сеи челобитной] Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря, что в | [Дмитро]ве на посаде слуша Ивашко | Га[в[ри]лов руку приложилъ. ||

[Запись вверху на обороте:] 193-г(о) октября въ 23 де(нь) взят к дѣлу.

Столбец в один сстав, подклеен с оборота с левой и правой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 3”, левее на поле запись карандашом: “3”.

№ 3

1684 октября 26. – Челобитная крестьян новгородского митрополита Корнилия и дмитровского Борисоглѣбского монастыря о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудевым земель дд. Афонасовой и Копорок Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земь Іоанну | Алеѣвичю, Петру Алеѣвичю всеа | Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самѡдержцемъ быют челом сироты в(а)ши вотчины преосв(я)щенного Корниліи митро[полита] Великого Новаграда і Великих | Лукъ, Дмитровского уѣзду села Ил(ь)инског(о) | кр(е)стьяне Ѳатѣико Васильевъ, Макарко | Лукьяновъ д(е)р(е)вни Дмитровки Богдашка Си[д]оров, Макарко Кирилов, д(е)р(е)вни Копорок Ам[д]рюшка Ермолаевъ с товарищи, да Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря, что в Дмитрове | на посаде полуд(е)р(е)вни Аѡнасова кр(е)с[т]іане Терешка Михайловъ, Игнашка Ми[к]иѡоровъ с товарищи.

В писцовых, г(о)с(у)д(а)ри, межевых кн(и)гах Андрѣя Сагряского да под(ь)ячег[о] Гаврила Володимерова 135-г(о) и 136-г(о) году | написана межа межъ земель и сennyх | покосов вотчины преосв(я)щенного митрополита | д(е)р(е)вни что была пустошь Копорокъ да вотчины | Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря половины д(е)р(е)вни Аѡна[совы] на берегу реки Іахромы іама и от [я]мы | Большою Дмитровскою дорогою к городу Дмитрову, | а по которую сторону той Большои Дмитровскои | дороги та іама, того имянно не написанѡ | и старожилѡв у нас, сиротъ в(а)шихъ, на ту яму, | гдѣ она, нѣтъ. И н(ы)не мы, сироты в(а)ши, погово[ря] межъ себя полюбовно, учинили mezi с признаки: | от реки Іахромы по правую сторону Большои Дмитровскои | дороги через бугоръ, которои бугоръ против д(е)р(е)вни | Дмитровки прямо через лугъ и через пашню | до межника, которои межникъ межъ земел(ь) | вотчины Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря и Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря | д(е)р(е)вни Аѡнасовы у Большои Дмитровскои | дороги | ѣдучи с Москвы на лѣвои сторонѣ.

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри, | ц(а)ри і великие кн(я)зи Іоаннъ Алеѣвичъ, | Петръ Алеѣвичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самѡдержцемъ Іоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя | и Белья Росіи самодержцы, пожалуйте нас, | сирот своихъ, велите, г(о)с(у)д(а)ри, писцомъ Мокѣю | Еуѡим(ь)евичю Маслову да под(ь)ячему Кузмъ Рудѣеву против сего н(а)шего полюбовного челобит(ь)я размежеват(ь). Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйте. ||

[На обороте:] К сеи челобитной села Ил(ь)инского рожественскои по[п] | Маѣимъ вмѣсто прихожанъ и дѣтей св[ѡих] | духовныхъ села Ил(ь)инского з деревнями [кре]стьянъ Ѳатѣика Васил(ь)евъ с товарищ[и] по | ихъ велѣнию руку приложилъ. |

К сеи челобитной Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря | что в Дмитрове на посаде касенной под(ь)яч[чей] | Ѳетка Степановъ вмѣсто кр(е)стьян то[е] | д(е)р(е)вни Оѡнасова Терешка с товарищ[и] | по ихъ велѣнию руку приложилъ. ||

[Запись вверху на обороте:] 193-го октября въ 26 де(нь) взят к дѣлу.

Столбец в один став, подклеен с оборота с левой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 4”, левее на поле запись карандашом: “4”.

№ 4

1685 мая. – Челобитная архимандрита Дмитровского Борисоглебского м-ря Калистрата и старца Кирилло-Белозерского м-ря Макария Олтуфьева о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошами Борисоглебского монастыря Кошцейцевым, Образцовым и пустошами Кириллова монастыря Васильцевым, Небогатого в Повельском ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимь кн(я)земь Іоанну Алеѣѣвичю, | Петру Алеѣѣвичю всеа Великия и Малыя і Бѣлыя Росіи | самодержцемь бьютъ челом б(о)г(о)мол(е)ць вашъ Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря архимандритъ Калистрат да Кирилова | м(о)н(а)ст(ы)ря соборнои старецъ Макарей Олтуѣевъ, строи|тель Аѳонас(ъ)ева м(о)н(а)ст(ы)ря.

Вн(ы)нѣшем, г(о)с(у)д(а)ри, во 193-м году | бил челом вамъ, великимь г(о)с(у)д(а)ремь, а дмитровским писцом | Мокѣю Еуѳим(ъ)евичю Маслову да под(ъ)ячему Козмѣ Рудиеву подал челобитную Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря строитель | старецъ Макарей что от м(о)н(а)ст(ы)рских наших вотчинных Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря от пустоши Кошцейцовы да от пустоши | Образцова вотчинную их пустош(ь) Василцово Матоговцово | тож і с припускою пустошью Небогатого по писцовым | книгамъ отмѣжевать. І я, б(о)гомолецъ вашъ, архиман|дрит Калистратъ, поговоря с строителем старцом Макарием меж себѣ, полюбовно меж тѣми своими вот|чинными Борисоглѣбского і Кирилова м(о)н(а)ст(ы)рей пустошми | в меже положили наш полюбовнои свои договор.

М(и)л(о)с(е)рдѣи г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Іоаннъ Алеѣѣвичъ, Петръ | Алеѣѣвичъ всеа Великия и Малыя і Бѣлыя Росіи | самодержцы пожалуйте нас, б(о)гомолцовъ своих, | велите, г(о)с(у)д(а)ри, писцомъ Мокѣю Еуѳим(ъ)евичю да под(ъ)ячему Козмѣ Рудиеву меж вотчинными нашими Бори|соглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря пустошми Кошцейцовым и Образцо|вымъ і Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря пустоши Василцова | а Матѣицово тож и с припускою пустошью Небога|тovo по полюбовному нашему договору, куды в о|бѣ стороны кр(е)стьянишка нашъ Костюнка Григор(ъ)евъ, Ігнашка Никиѳоров, Ермолко Никитин, Дениско | Ивановъ межу укажутъ, размежевать, і ямы | і грани учинить. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйте(сь), пожалуйте. ||

[На обороте:] К сеи челобитной архимандрит Кали[страт] | руку приложилъ. |

[К сеи челобитной] Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря московские службы [строите]ль Макарей руку приложилъ. ||

[Запись вверху на обороте:] [1]93-го маи[я]... взят к дѣлу.

Столбец в один став, подклеен с оборота с левой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 5”, левее на поле запись карандашом: “5”.

№ 5

1685 мая 22. – Челобитная архимандрита московского Симонова монастыря Гавриила и подьячего Поместного приказа Ивана Палицына о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошами Жары, Масюково, Головина и пустошью Тартышево в Повельском ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимь кн(я)земь Іоанну Алеѣѣвичю, Петру Алеѣѣвичю всеа Великия и Малыя і Бѣлыя Росіи самодержцемь бьютъ челом б(о)гомолцы ваши | Пр(е)ч(и)стые Б(огоро)д(и)цы Симонова м(о)н(а)ст(ы)ря архимандритъ Гавриил | з братьею да холопъ вашъ Помѣсного приказу под(ъ)ячеи | Івашка Палицын.

В Дмитровском, г(о)с(у)д(а)ри, уѣзде в Повелском | стану домовые н(а)ши м(о)н(а)ст(ы)рские пустоши: пустош(ь) Жары | пустошь Михалева тож, пустошь Масюково | а Княжиха тож, пустошь Головина а Буланиха тож, | а у меня, холопа вашег(о), в том же Дмитровском уѣзде | в Повелском стану пустошь Тартышево. А тѣ наши, | б(о)гомолцовъ вашихъ, пустоши и мя, холопа вашег(о), пустош(ь) | Тартышева семлею сошлис(ь) смѣжны, а тѣм нашимъ | пустошамъ меж и грани нѣт.

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие | кн(я)зи Иоаннъ Алеѣвичъ, Петръ Алеѣвичъ всеа Великия | и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте нас, | б(о)гомолцовъ своихъ, и меня, холопа своего, велите, | г(о)с(у)д(а)ри, по н(а)шему полюбовному челобит(ь)ю меж наших семел(ь) | писцомъ Мокѣю Еуѡимѣвичю Маслову да под(ь)ячему | Кузмѣ Рудѣву межевые признаки учинит(ь), грани | поставить и ямы покопать и ту н(а)шу полюбовную | между в писцовые межевые кн(и)ги написать. | А тѣмъ н(а)шимъ пустошамъ между отведет Помѣсног(о) | приказу под(ь)ячего Васил(ь)я Соѡнова д(е)р(е)вни Иван|ковой кр(е)стьянин Гришка Андрѣ[в]ѣ. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуитесь. ||

[На обороте:] К сеи челобитной Ивашка Палицын руку [приложил]. |

К сеи челобитной Пр(е)ч(и)стые Б(огоро)д(и)цы Симонова [м(о)н(а)ст(ы)ря] | служка Гараска Кулаковскии руку прило[жил]. ||

[Запись вверху на обороте:] 193-г(о) мая в 22 де(нь).

Столбец в один сстав, подклеен с оборота с левой и правой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 7”, левее на поле запись карандашом: “7”.

№ 6

1685 мая 27. – Челобитная архимандрита московского Симонова монастыря Гавриила, подьячих Поместного приказа Ивана и Андрея Александровых детей Титова с сестрой Маланьей крестьян Савки Андреева с товарищи о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошами Головиной и Трофимово в Повельском ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земъ Иоанну Алеѣвичю, Петру | Алеѣвичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержц[емъ] | быют челом б(о)гомолцы в(а)ши Пр(е)ч(и)стыя Б(огоро)д(и)цы Симонова м(о)н(а)ст(ы)ря | архимандрит Гавриил з брат(ь)ею да сироты ваши Помес|ного приказу под(ь)ячих Ивана да Андрѣя Алеѣандровых | детеи Титова да д(е)вки Мелани Петровы дочери | Титова селца Верхнева Парѣва а Клячино | і Ванково тож кр(е)стьянишка староста Савка Андрѣв | с товарищи.

М(о)н(а)ст(ы)рская н(а)ша домовая пустошь | Головина Буланиха тож, а н(а)ши сиротъ вашихъ | пустош(ь) Троѡимово семлѣю сошлися смежны, а меж | и грани темъ нашимъ пустошамъ нѣт.

М(и)л(о)с(е)рдые | г(о)с(у)д(а)ри, ц(а)ри і великие кн(я)зи Иоаннъ Алеѣвичъ, Петръ | Алеѣвичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, | пожалуйте нас, б(о)гомолцовъ и сиротъ своихъ, велите, г(о)с(у)д(а)ри, по н(а)шему полюбовному челобитью меж техъ н(а)шихъ се|мел(ь) писцомъ Мокѣю Еуѡим(ь)евичю Маслову да под(ь)ячему | Кузме Рудѣву межевые признаки учинит(ь), гра|ни і всякие межевые признаки описат(ь). А от межи | столника кн(я)зь Васил(ь)я княж Ѳедорова с(ы)на Елецког(о) | пустоши Бяколихи і меж нашими пустошми между отведеть д(е)р(е)вни Одинцова кр(е)стьянин | Ивашко Андрѣвѣв, а мы ему в том меж|вом отводе вѣрим. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуитесь. ||

[На обороте:] К сеи челобитной Пр(е)ч(и)стые Б(огоро)д(и)цы Симонова [м(о)н(а)ст(ы)ря] | слушка Гараска Кулаковскии руку прило[жил]. |

К сеи челобитной Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря ст[р]яп[чи] Ивашка Гаврилов вмѣсто старосты Са[вки] | Андрѣва с товарищи по их велѣнию ру[ку] | приложил. ||

[Запись сверху на обороте:] 193-г(о) мая въ 27 де(нь).

Столбец в один сстав, частично подклеен с оборота с левой и правой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 9”, левее на поле запись карандашом: “9”.

№ 7

1685 мая 29. – Челобитная князя Федора Васильевича Елецкого и подьячих Поместного приказа Ивана, Андрея Александровых детей Титова с сестрой Маланьей о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между сц. Архангельским и пустошами Далбево и Труфаново в Повельском ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земь Иоанну Алеѣвичю, | Петру Алеѣвичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя | Росіи самодер[жце]мь бьют челом холопы в(а)ши Ѳедка княж | Васил(ь)евъ с(ы)нъ Елецкои да Помѣсного приказу под(ь)ячие | Ивашка да Ондрюшка Алеѣандровы дети да раба | в(а)ша д(е)вка Малашка Петрова дочь Титовы. |

В Дмитровском, г(о)с(у)д(а)ри, уѣзде смежно у меня, холопа в(а)шег(о) | Ѳедки, селцо Архангел(ь)ское да пустош(ь) что было селцо | Далбѣво Нахабино тож с нами холопы вашими | Ивашком да Ондрюшкою да с рабою вашею девкою | Малашкою пустош(ь) Труфаново. А старых писцовых межеи и грании і всяких признаков меж тѣмъ | селцом Архангел(ь)скимъ и пустошми нѣт.

М(и)л(о)с(е)рдые | г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Иоаннъ Алеѣвичъ, | Петръ Алеѣвичъ всеа Великия и Малыя | и Бѣлыя Росіи | самодержцы, пожалуйте | нас, холопей и рабу свою, велите, г(о)с(у)д(а)ри, меж | селцом Архангел(ь)скимъ и пустошми межи і всіакие признаки учинить и описать вновь | по сему н(а)шему полюбовному челобитью | по отводу кр(е)стьян наших селца Архангел(ь)ского | Акимка Терентьева да селца Ванкова | Савки Андрѣва. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся | пожалуйте. ||

[На обороте:] К сеи челобитной Васка Елецкои по повелѣн(ь)ю | своего кн(я)зя Ѳедора Васил(ь)евича рук[у] | приложил. |

К сеи челобитной Ондрюшка Титов і вмѣсто бр[а]та своего і вмѣсто сестры сво[е]и дѣвки | Мелани Петровы дочери Титова рук[у] | приложил. ||

[Запись сверху на обороте:] 193-г(о) мая въ 29 де(нь) взят к дѣлу.

Столбец в один сстав, подклеен с оборота с левой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 10”, левее на поле запись карандашом: “10”.

№ 8

Ок. 1685 мая. – Челобитная Ивана Афанасьевича Кучина и подьячих Поместного приказа Ивана, Андрея Александровых детей Титова с сестрой Маланьей о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между дд. Окулово и Одинцово в Повельском ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земь Иоанну Алеѣвичю, | Петру Алеѣвичю всеа Великия і Малыя и Бѣлыя | Росіи самодержцемь бьют челом холопы в(а)ши Ивашко | Аѳонас(ь)евъ с(ы)нъ Кучин да Помѣсного приказу под(ь)ячие | Ивашко да Ондрюшка Алеѣандровы дѣти Титовы да раба в(а)ша дѣвка Молашка Петрова дочь Титова.

В Дмит[р]овском, г(о)с(у)д(а)ри, уѣзде, в Повелскомъ стану помѣсная, г(о)с(у)д(а)ри, | са мною Ивашкою Кучиньм д(е)р(е)вня Окулово, а смежна, г(о)с(у)д(а)ри, | с вотчинною землею Ивана да Ондрѣя Титовых да з дѣвкой | Моланею Петровою дочерью Титова з д(е)р(е)внею Одинцовою, а меж теми землями нашими старых меж и гра[н]еи і всяких признаков нѣт. И н(ы)не мы, холопы в(а)ши | и я раба в(а)ша, поговоря меж себя полюбовно, куды | поведут кр(е)стьяне н(а)ши: мои, холопа в(а)шего Ивашковъ | кр(е)стьянин Кучина

д(е)р(е)вни Окулова Васка Савот(ь)яновъ, | а н(а)ши, холопеи в(а)ших и рабы вашей вотчинной н(а)шей д(е)р(е)вни | Одинцова кр(е)стьяне Ивашко Гаврилов да Ивашко Григор(ь)евъ.

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Иоаннь | Алеѣвичъ, Петръ Алеѣвичъ всеа Великия | и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте | нас, холопеи своих и меня, рабу свою, велите, г(о)с(у)д(а)ри, | межъ тѣх н(а)ших земел(ь) межі учинит(ь) і всякие признаки описат(ь) по сему н(а)шему полюбовному челобит(ь)ю | по розводу кр(е)стьянъ н(а)ших писцом Мокѣю Еуѡим(ь)евичю | Маслову да под(ь)ячему Кузме Рудѣиву. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся. ||

[На обороте:] К сеи челобитной Глѣбо Кучин по велен(ь)ю отца своего Ивана | Аѡнас(ь)івича Кучина по іво веленью руку | приложилъ.

К сеи челобитной Андрюшка Титов і вмѣсто бра[та] | своего родного і вмѣсто сестры своей дѣвки Ма[лани] | Петровы дочери Титова руку приложилъ. ||

Столбец в один сстав, подклеен с оборота с левой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 12”, левее на поле запись карандашом: “12”.

№ 9

Ок. 1685 мая. – Челобитная подъячих Поместного приказа Ивана, Андрея Александровых детей Титова с сестрой Маланьей и человека думного дворянина П.С. Хитрово Федора Галахова о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между д. Одинцовой и с. Подлипнице Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с прежним разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земъ Иоанну Алеѣвичю, Петру | Алеѣвичю всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіи самодержцем | бьют челом холопы в(а)ши Помѣсного приказу под(ь)ачи Ивашко да Ондрюшка Алеѣандровы дѣти Титовы да раба в(а)ша дѣвка | Малашка Петрова дочь Титова да сирота в(а)шъ думного | дворянина Петра Савича Хитрово ч(е)л(о)в(е)къ іво Ѳедака Галахов. |

Вотчинка у нас, холопеи в(а)ших, и у рабы в(а)шей в Дмитровскомъ уѣзде в Повельскомъ стану д(е)р(е)вня Одинцово, а у г(о)с(у)д(а)ря | моего помѣс(ть)е село Подлипнице и межъ тех земел(ь) в прошлом | во 182-м году писалъ (?) Алеѣи Чепчюгов и дозировал писецъ | Ѳедор Из[ъ]единов да под(ь)ачи Ѳедор Бишов во 185-м году | и написали: между и грани поставлены и амы поко[п]аны от рѣчки от Хомиловца по урочищам до Вышегородскои | дороги и до земли Чюдова м(о)н(а)ст(ы)ря д(е)р(е)вни Борисова. І у нас, | холопеи в(а)ших и у рабы в(а)шей и у г(о)с(у)д(а)ря моего в тои меже | спору нѣт.

М(и)л(о)с(е)рдьи г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Иоаннь | Алеѣвичъ, Петръ Алеѣвичъ всеа Великия и Малыя | и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте нас, х[о]лопеи своих и рабу свою и сироту свою, велите, | г(о)с(у)д(а)ри, по тои писцовой меже писцом Мокѣю Еуѡим(ь)евичю | Маслову да под(ь)ачему Кузме Рудѣиву внов(ь) подно[в]ить і всякие признаки учинит(ь). Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся. ||

[На обороте:] К сеи челобитной Андрюшка Титов і вмѣсто брата своего родного і вмѣсто сестры | своей дѣвки Молан(ь)і Петровы дочери Титова руку приложил. |

К сеи челобитной думного дворянина Петра Сав[и]ча Хитрово ч(е)л(о)в(е)къ іво Ѳедака Иванов вмѣсто Ѳедора | Галахова по іво вѣлѣнью руку приложилъ. ||

Столбец в один сстав, подклеен с оборота с левой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 14”, левее на поле запись карандашом: “14”.

№ 10

1685 мая 27. – Челобитная архимандрита [московского] Донского монастыря Никола и архимандрита дмитровского Борисоглебского монастыря Калистрата с братьею о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошами Шишикино и Лаврово Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с прежним разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земь Іоанну Алеѣвъичю, Петру Алеѣвъичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ бьют челом б(о)гомолцы ваши м(о)н(а)ст(ы)ря Пр(е)св(я)тые Б(огоро)д(и)цы Донские архимандрит | Никон с братею да Димитрова города Борисоглѣбского | м(о)н(а)ст(ы)ря архимандрит Калистрат с братею.

В Дмитровском, г(о)с(у)д(а)ри, уѣзде, в Повелском стану приписного мо[настыря] Р(о)ж(е)ства Пр(е)св(я)тые Б(огоро)д(и)цы Медвѣдевы пусты[ни] пустош(ь) Шишкино, да Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря н(а)ша | домовая вотчинная пустош(ь) что было село Лаврово | межevano і в писцовых межевых кн(и)гах написаны | смежны, а писцовые межи и грани меж тѣх н(а)ших | пустошеи были и н(ы)нѣ тѣ межевые признаки | и дерев(ь)е з гран(я)ми посвоялис(ь), а иные выгнили. |

М(и)л(о)с(е)рдьи г(о)с(у)д(а)ри, ц(а)ри і великие кн(я)зи Иоаннъ Алеѣвъичь, Петръ Алеѣвъичь всеа Великия и Малыя | и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте нас, б(о)гомолц[ов] своих, велите, г(о)с(у)д(а)ри, писцом Мокѣю Еуѡим(ь)евичю Маслову да подьячему Кузмѣ Рудѣву меж тѣх | н(а)ших пустошеи до рѣчки Овдѣвки по сему н(а)шему полюбобному челобит(ь)ю межи и грани учинить | і всякие межевые признаки учинит(ь) же и описать | по отводу Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря подм(о)н(а)ст(ы)рные | слободы служебника Якушка Степанова, а мы | ему в том отводе межи вѣрим. Ц(а)ри, г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся. |

[На обороте:] К сеи полюбобной челобитной Донского м(о)н(а)ст(ы)ря | стряпчи Ивашко Васильев руку прилож[ил].

К сеи полюбобной челобитной Бор[исо]глѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря стряпчи Ів[ашко] Гаврилов руку приложилъ.

[Запись сверху на обороте:] 193-г(о) мая въ 27 де(нь) взят к дѣлу и вел[ено] старожилу между отвест⁵.

Столбец в один сстав, на лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: "№ 16".

№ 11

1685 мая 26. – Челобитная князя Василия Федоровича Елецкого и подьячих Поместного приказа Ивана, Андрея Александровых детей Титова с сестрой Маланьей крестьян Савки Андреева с товарищи о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошами Офремово и Трофимово, а также пустошью Симонова м-ря Головиной в Повельском ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбобным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земь Іоанну Алеѣвъичю, | Петру Алеѣвъичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя | Росіи самодержцемъ бьют челом холоп вашъ Васка | княж Ѳеодоров с(ы)нъ Елецкой да сироты ваши Помѣс[ного] приказу под(ь)ячих Ивана да Андрѣя Алеѣandro|вых детеи Титова да дѣвки Моланѣ Петро|вы дочери Титова селца Верхнево Парѣ|ева а Клячино и Ванково тож кр(е)стьянишка ста[rоста] Савка Андрѣев с товарищи.

Вотчинка у меня, холопа | вашего Васки, пустош(ь) Офремово а н(ы)не по кр(е)стьян|скому прозванию Бякалиха смежна с Ъвановою да | с Ондрѣвою да дѣвки Милан(ь)і с вотчинною землею | Титовых с пустошью Троѡимовым, а писцовых | меж и грании меж тех наших пустошеи нѣт.

М(и)л(о)с(е)рдье | г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Иоаннъ Алеѣвъичь, | Петръ Алеѣвъичь всеа Великия и Малыя | и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте меня, | холопа своего и нас, сирот своих, велите, г(о)с(у)д(а)ри, пис[цом] Мокѣю Еуѡим(ь)евичю Маслову да под(ь)ячему Кузме | Рудееву меж тех н(а)ших пустошеи да вотчинной | земли Симонова

⁵ Написано в верхней части листа.

м(о)н(а)ст(ы)ря пустоши Головина | Буланиха тож по сему н(а)шему полюбовному челобитью межи и грани учинит(ь) і всякие межевые | признаки описат(ь) по отводу д(е)р(е)вни Одинцова кр(е)стьянина Івашки Андрѣва, а мы ему в том отводе межи|вом верим. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтея, пожалуйте. ||

[На обороте:] К сеи челобитной столника князя Васил(ь)я [Фе]лдоровича Елецкова ч(е)л(о)в(е)къ ево Максим[ка] Михайловъ по ево приказу руку прил[ожил]. |

К сеи челобитной Борисоглѣбского м(о)н(а)ст[и]ря | стряпчей Івашко Га[в]риловъ вмѣсто с[та]росты Савки Андрѣва с товары[щи] | руку приложил по их велѣнию. ||

[Запись вверху на обороте:] [1]93-[г(о)] мая въ 26 де(нь) взят къ дѣлу.

Столбец в один сстав, подклеен с оборота с левой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 17”, левее на поле запись карандашом: “17”.

№ 12

1685 (?) мая 30. – Челобитная приказчика боярыни А.Л. Нарышкиной Афанасия Нежданова и человека подъячего Ф.Ф. Годовикова Прохора Юрьева о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошами Богданова и Сареева Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимь кн(я)земь Іоанну Алеѣѣвичю, Петру Алеѣѣвичю всеа Великия і Малыя | і Бѣлыя Росіи самодержцемь бьют челом сироты | ваши боярыни Анны Леонтьевны Нарышкиной | села Пересветова прикащик Ошонка Нежданов да под(ь)ячего Ѳедора Ѳедорова с(ы)на Годовикова селца | Драчова ч(е)л(о)в(е)къ ево Пронка Юрьвъ.

В Дмитровском, г(о)с(у)д(а)ри, уѣзде в Повельском стану г(о)с(у)д(а)р(ы)ни моеи боярыни Анны Леонтьевны пустошь что было селцо | Богданова смежна с вотчинною землею под(ь)ячего Ѳедора Годовикова с пустошью Сареевымь, а меж тѣми | пустошми старых меж и грани і всяких признаков нѣт. | И н(ы)не мы, сироты ваши, по приказу г(о)с(у)д(а)рей своих | я, Ошонка, і Пронка меж себя договорилис(ь), меж тѣх пустошей между учинит(ь) полюбовно, куды поведеть | вотчины Чюдова м(о)н(а)ст(ы)ря селца Борисова кр(е)стьянинъ | Ашонка Андрѣвъ.

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие | кн(я)зи Іоаннъ Алеѣѣвичъ, Петръ Алеѣѣвичъ | всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіи самодержцы, | пожалуйте нас, сирот своих, велите, г(о)с(у)д(а)ри, меж тѣх пустошей | Богданова і Сареева между учинит(ь) і всякие признаки | описат(ь) по сему нашему полюбовному челобит(ь)ю по розводу кр(е)стьянина Ошонки Андрѣва писцом Мокѣю | Еуѡимьевичю Маслову, да под(ь)ячему Кузме | Рудѣву. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуетеся пожалуйте. ||

[На обороте:] К сеи полюбовной челобитной боярыни Анны Левонтьевны Нарышкиной ч(е)л(о)в(е)къ еѣ Петрушка Соф[онов] | вмѣсто ч(е)л(о)в(е)ка г(о)с(у)д(а)р(ы)ни своеи Аюнас(ь) Нежда[нова] | по іво велѣн(ь)ю руку приложил. |

К сеи челобитной Дмитрова города площадной п[од(ь)я]чей Ѳедка Борисовъ вмѣсто Ѳедорова | ч(е)л(о)в(е)ка Годовикова Пронки Юрьева по ів[о] | велѣнию руку приложилъ. ||

[Запись вверху на обороте:] 19[3]-г(о) мая въ 30 де(нь) взят к дѣлу.

Столбец в один сстав, подклеен с оборота с левой стороны. На лицевой стороне сверху позднейшая запись черными чернилами: “№ 20”, левее на поле запись карандашом: “20”.

№ 13

1685 [май-август]. – Челобитная архимандрита Троице-Сергиева монастыря и вдовы Агафьи Наумовны Сабуровой о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между с. Кузнецовым с пустошами Владычино и Иваннишево Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с прежним разделом.

... къ Живоначалные |... вкои Певцов сошлис(ь) | ... в Повелском стану смежно у ме[ня] | ... Кузнецовым да с пустош(ь)ю | ... холопа в(а)шего троецкие пусто[ши] | ... ево пустош(ь) Лодычино, пустош(ь) Ив[а]нишево, а писцовые, г(о)с(у)д(а)ри, признаки меж тех пустош[ей] | во многих мѣстех поистерялис(ь).

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри | і великие кн(я)зи Иоаннъ Алеѣвичъ, Петръ Алеѣвичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя | Россіи самодержцы, пожалуйте нас, меня рабу | и холопа своихъ, велите, г(о)с(у)д(а)ри, писцомъ Мо[к]ѣю Еуѡимъевичю Маслову, да под(ь)ячему Кузме | Рудѣву меж того селца Кузнецова и пустош[ей] | ... и меж троецких пустошей розмежева[[ть] | і всякие признаки учинить внов(ь) по полюбовному н(а)шему челобит(ь)ю и по старому владѣнью, | а меж тѣх семел(ь) меж розведуть и старое | владѣн(ь)е укажут Живоначалные Троицы | Сергиева м(о)н(а)ст(ь)ря села Лоявидова при-селка | Жестылева кр(е)ст(ь)янин Матюшка прозвище Онучи, да селца Кузнецова кр(е)стьянин | Левка Мартянов. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри смилуйтеся. ||

На обороте: [оторванной верхней части листа]: К сеи челобитной Тро[и]цкаго Сер[ги]іва м(о)н(а)ст(ь)ря служка Иевк[о] Пѣдов руку приложил. ||

На обороте: [нижней части листа]: К сеи челобитной вдовы Ака[ѡы] | Наумовны человек Митька Микиѡоровъ руку приложил.

Столбец в один сстав, скленный со следующим документом. Разорван на две части по горизонтали, верхняя часть первого отрывка утрачена.

№ 14

1685 августа 5. – Челобитная вдовы Агафьи Наумовны Сабуровой и стряпчего московского Рождественского монастыря Климъ Скурихина о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошами Покотово, Захарово (Зайково) и пустошью Опаркино Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимъ кн(я)земь Иоанну Алеѣвичу, | Петру Алеѣвичу всеа Великия и Малыя і Бѣлыя | Россіи самодержцемъ бьетъ челом роба в(а)ша вдова | Агаѡица Наумова дочь столника Матѣевско[г(о)] | жена Сабурова да сирота ваш Рожествѣна д(е)в(и)ча | м(о)н(а)ст(ь)ря что на Трубе стряпчей Климко Скурихинъ. |

В Дмитровском, г(о)с(у)д(а)ри, уѣзде в Повелском стану у меня | рабы в(а)шей Агаѡице вотчинные пустоши: пустош(ь) | Покотово, да пустош(ь) Сахарово Саиково тож смежно | у меня, сироты в(а)шего, с м(о)н(а)ст(ь)рьскою пустош(ь)ю Опарки|ным, а меж тѣх пустошей старых меж и грании нетъ. |

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри | і великие кн(я)зи Иоаннъ | Алеѣвичъ, Петръ Алеѣвичъ всеа | Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте меня рабу свою и сироту своего, | велите, г(о)с(у)д(а)ри писцомъ Мо[к]ѣю Еуѡимъевичю | Маслову да под(ь)ячему Кузме Рудѣву меж тех | н(а)ших вотчинных пустошей по сему н(а)шему | полюбовному челобитью внов(ь) между учинить | і всякие признаки описать, а меж тѣх пустош(ь) | межі отведет селца Кузнецова кр(е)стьянин | Федка Овдокимов. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся. ||

[На обороте:] К сеи челобитной | вдовы Агаѡи Наум[о]вны человек ее Митька Ми[к]и-ѡоровъ ру[ку при]ложил. |

[Ниже другим почерком:] Р(о)ж(е)ственного д(е)в(и)ча м(о)н(а)ст(ь)ря стряпчей К[лим]ко Скурихин руку приложил. ||

[Запись сверху на обороте:] 193-г(о) августа въ 5 де(нь) взят к делу.

Столбец в один сстав, склеен с предыдущим и последующим. На лицевой стороне в верхнем поле по центру проставлен позднейший номер черными чернилами: “№ 62” и левее карандашом: “62”.

№ 15

1685 августа 5. – Челобитная архимандрита московского Спасо-Андроникова монастыря Пахомия с братией и архимандрита дмитровского Рождественского монастыря Калистрата с братией о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошами Бешенцово, Титово, пустошами Потапово и Максимково Повельско-го ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)реми г(о)с(у)д(а)реми і великимъ кн(я)земъ Іоанну Алеѣѣвичю, Петру Алеѣѣвичю всеа Великия і Малыя | и Бѣлыя Росіи самодержцемъ бьют челом б(о)гомолцы | ваши Всем(и)л(о)стиваго Сп(а)са Ондронникова м(о)н(а)ст(ы)ря | архимандрит Пахомиі s братею да Борисоглѣбского | м(о)н(а)ст(ы)ря, что в Дмитрове на посаде архимандр[ит] | Калистрат s братею.

В Дмитровском, г(о)с(у)д(а)ри, | уѣзде в Повелском стану д(е)р(е)внишка н(а)ша | м(о)н(а)ст(ы)рская, что была пустош(ь) Бѣшенцова, | да пустош(ь) Титово сошлис(ь) смежны Борисоглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря с пустошми с Потаповою да с Маѣим|ковым. И меж тех, г(о)с(у)д(а)ри, н(а)ших м(о)н(а)ст(ы)рских пусто|шеи при писцах при Андрѣ Сагряском да при | под(ь)ячем Гавриле Володимерове не меже|вано.

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Іоаннъ | Алеѣѣвичъ, Петръ Алеѣѣвичъ всеа Великия | і Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте | нас, б(о)гомолцов своих, велите, г(о)с(у)д(а)ри, писцом Мокѣю | Еуѣим(ь)ѣвичю Маслову да подьячому Кузмѣ Рудѣив[у] | меж д(е)р(е)вни Бѣшенцовы и меж пустоши Титкова | и борисоглѣбских пустошеи Потапова и Маѣим|кова по сему н(а)шему полюбовному челобит(ь)ю | размежеват(ь) і всякие писцовые и межевые | признаки учинит(ь). А между, г(о)с(у)д(а)ри, укажутъ | Ондронникова м(о)н(а)ст(ы)ря вотчины д(е)р(е)вни Бѣшенцова кр(е)стьянин Полунка Вавиловъ да Бори|соглѣбского м(о)н(а)ст(ы)ря кр(е)стьянин д(е)р(е)вни Костино | Демка Терентѣвъ. Ц(а)ри, г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся. ||

[На обороте:] К сеи полюбовной челобитной Всем(и)л(о)сти|ваго Сп(а)са Андронникова м(о)н(а)ст(ы)ря | под(ь)ячей Васка Левонѣвъ рук[у] | приложилъ. |

К сеи полюбовной челобитной Борис[о]глѣбскаго м(о)н(а)ст(ы)ря слушка Івашка | Гаврилов руку приложилъ. ||

[Запись вверху на обороте:] 193-г(о) августа въ 4 де(нь) взят к делу.

Столбец в один став, склеен с предыдущим и последующим. На лицевой стороне в верхнем поле по центру проставлен позднейший номер черными чернилами: “№ 63” и левее карандашом: “63”.

№ 16

1685 [августа]. – Челобитная архимандритов московского Спасо-Андроникова монастыря Пахомия и переславского Успенского Горицкого монастыря Гурия с братиею о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошью Бешенцово и сц. Новое Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)реми г(о)с(у)д(а)реми і великимъ кн(я)земъ Іоанну | Алеѣѣвичю, Петру Алеѣѣвичю всеа Великия | и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ бьют | челомъ б(о)гомолцы в(а)ши Всемилостиваго Сп(а)са Андронникова м(о)н(а)ст(ы)ря архимандритъ Пахоми[и] | да Переславл Залѣского Успения Пр(е)ч(и)стые | Б(огоро)д(и)цы Горитцкаго м(о)н(а)ст(ы)ря архимандритъ Гуриі | з братею.

В Дмитровскомъ, г(о)с(у)д(а)ри, уѣзде в Повел|скомъ стану у нас, б(о)гомолцев в(а)ших, м(о)н(а)ст(ы)рские | н(а)ши пустоши селцо Бѣшенцово с пустошми | да селцо Новое с пустошми смежно, а межъ | и грании меж тѣх н(а)ших пустошеи н(ы)нѣ сыскать | невозможно и н(ы)нѣ мы, б(о)гомолцы в(а)ши, пого|вора меж себя, полюбовно договорилися, что | тѣ земли розвести по сему н(а)шему полюбовно|му челобитью.

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри, ц(а)ри і великие кн(я)зи | Иоаннъ Алеѣвъичъ, Петръ Алеѣвъичъ | всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи | самодержцы, пожалуйте нас, б(о)гомощевъ | своихъ, велите, г(о)с(у)д(а)ри, писцомъ Мокѣю Еуѡимѣвичю Маслову да подъячему Козмѣ Рудѣеву тѣ н(а)ши земли розмежевать и признаки | і грани учинить по сему н(а)шему челобитью. | А между межъ тѣхъ н(а)шихъ земель(ь) *отведуть* | кр(е)стьяня Полунка Вавило да Ошонка Никитин. | Ц(а)ри, г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся, пожалуйте. ||

[На обороте:] Всем(и)л(о)стиваго Сп(а)са Андронникова | м(о)н(а)ст(ы)ря служба Васка Леонтьивъ ру[ку] | приложилъ. |

Пр(е)ч(и)стые Б(огоро)д(и)цы Горитцкого м(о)н(а)ст(ы)ря слушка Фе[...] | Васильеву руку приложилъ. ||

Столбец в один став, склеен с предыдущим и последующим. На лицевой стороне в верхнем поле по центру проставлен позднейший номер черными чернилами: "№ 64" и левее карандашом: "64".

№ 17

1685 августа 11. – Челобитная приказчика с. Даниловского (владение князей Прозоровских) Ивана Бородина и Петра Федорова, человека стольника С. С. Зубова о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между дд. Сапогово Полево и Роговой Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)ремь г(о)с(у)д(а)ремь і великимь кн(я)земь Иоанну Алеѣвъичю, Петру Алеѣвъичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемь | бьют челом сироты ваши бояр кн(я)зя Петра Ивановича да | кн(я)зя Бориса Ивановича Просоровских села Даниловского | прикащикъ Ивашко Бородин да столника Степана | Степановича Зубова ч(е)л(о)в(е)къ ево Петрушка Федоров.

В Дмитр[овском], г(о)с(у)д(а)ри, уѣзде в Повельском стану вотчина, г(о)с(у)д(а)реи | моихъ бояр кн(я)зя Петра Ивановича да кн(я)зя Бориса | Ивановича д(е)р(е)вни Сапогова Полево, а земля сошлас(ь) | з землѣю ево Стевана Субова д(е)р(е)вни Рогова и промежъ, | г(о)с(у)д(а)ри, техъ вышеписанныхъ г(о)с(у)д(а)реи н(а)шихъ земель(ь) писцовою межи нѣт. И мы, сироты в(а)ши, межъ себя договорилис(ь) от писцового столба, которои столбъ промежъ земель(ь) г(о)с(у)д(а)ря | моево столника Степана Степановича д(е)р(е)вни Рогова да Р(о)ж(де)ств(е)ного д(е)в(и)ча м(о)н(а)ст(ы)ря что на Москвѣ | за Неглинною на Трубѣ, пустоши ихъ степашковы *нет* | того столба: прямо розчискою до врашка налево | земля г(о)с(у)д(а)реи моихъ бояр кн(я)зя Петра Ивановича да кн(я)зя | Бориса Ивановича д(е)р(е)вни Сапогово, а направо земля | за розчискою *от* столба ево Степана Субова.

М(и)л(о)с(е)рдыі | г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Иоаннъ Алеѣвъичъ, Петръ | Алеѣвъичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи | самодержцы, пожалуйте нас, сиротъ своихъ, велите, | г(о)с(у)д(а)ри, по *отводу* моему, сироты вашего, Ивашкину, | *от* того вышеписанного столба через Дмитровскую дорогу прямо по розчиске до врага и тем врагомъ вниз | в речку в Здериношку и тою речкою до писцовою староу ямы, | которая яма межъ земель(ь) д(е)р(е)вни Рогова и пустоши Семенковы розмежеват(ь) писцомъ Мокѣю Еуѡимѣвичю | Маслову да под(ь)ячему Кузме Рудѣеву. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся. ||

[На обороте:] К сеи челобитной бояр кн(я)зя Петра Иванович[а] | да кн(я)зя Бориса Ивановича Просоровски[х] | села Даниловского прикащикъ Ивашко Бор[исов] | руку приложилъ. |

К сеи челобитной села Михаиловскаго зна[мен]ской поп Иванъ вместо Пет[ра] Федорова п[о его] | велению руку приложил. ||

[Запись вверху на обороте:] 193-го августа въ 11 де(нь) взята к делу.

Столбец в один став, склеен с предыдущим и последующим. На лицевой стороне в верхнем поле по центру проставлен позднейший номер черными чернилами: “№ 65” и левее карандашом: “65”.

№ 18

[1685–1686]. – Челобитная подьячего Разрядного приказа Федора Дурова и крестьян [дмитровского] Успенского собора д. Андреевны Алексея Захарова с товарищи о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между их пустошами в Повельском ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)реми г(о)с(у)д(а)реми і великимъ кн(я)земъ Іоанну Алеѣвъичю, | Петру Алеѣвъичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя | Росіи самодержцемъ бьютъ челом холопъ вашъ Розрядного приказу под(ь)ячехи Ѳедка Дуров, да сироты ваши Успенског(о) | Болшого собору д(е)р(е)вни Андреевны кр(е)стьяня Алешка | Захаров с товарищи.

Смежна у меня, холопа вашего, вотчинные мои пустошенки в Дмитровском уѣздѣ в Повельскомъ | стану того жъ Повельского стану с соборными пустошами | пустоши Григорково Мокосево тож с соборною пустошью | с Старым пустошъ Долгая с соборною жъ пустошью Панковым. | А в прошлых, г(о)с(у)д(а)ри, г(о)дѣх тѣ пустоши не размежевали. | І н(ы)не я, холопъ вашъ, и мы, сироты ваши, поговоря меж | себя полюбовно, росыскався, договорилис(ь) между учинит(ь) | старинными межевыми признаки.

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри, | ц(а)ри і великие кн(я)зи Іоаннъ Алеѣвъичъ, Петръ | Алеѣвъичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи | самодержцы, пожалуйте нас, холопа і сиротъ своих, | велите, г(о)с(у)д(а)ри, меж тѣх пустошей писцом Мокѣю | Еуоимовичю Маслову да под(ь)ячеху Кузмѣ Рудѣиву | размежеват(ь) і в писцовые кн(и)ги написат(ь) против полюбовного | н(а)шего договору. А между, г(о)с(у)д(а)ри, отведут мои холопа | вашего кр(е)стьянин Микишка Швелев да Успенског(о) | Болшого собору кр(е)стьянин Алешка Захаров. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся. ||

[На обороте:] К сеи челобитной Ѳедка Дуров руку приложил. |

К сеи челобитной погоста Р(о)ж(е)ства Б(огоро)д(и)цы что на Якоти поп | Димитрей вместо кр(е)стьянина Алеѣѣ Захарова | с товарищи по іво велению руку приложил. ||

Столбец в один став, склеен с предыдущим и последующим. На лицевой стороне в верхнем поле по центру проставлен позднейший номер черными чернилами: “№ 66” и левее карандашом: “66”.

№ 19

[1686]. – Челобитная Матвея Ивановича Засецкого, вдовы Авдотьи Коржавиной с детьми, Тимофея Тимофеева, Авдея Юрьева о размежевании писцами М. Масловым и К. Рудеевым земель между пустошами Новое Никольское, Парфенцово, Копырино с пустошью Яснево Повельского ст. Дмитровского у. в соответствии с полюбовным разделом.

Ц(а)реми г(о)с(у)д(а)реми і великимъ кн(я)земъ Іоанну Алеѣвъичю, Петру Алеѣвъичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ бьютъ челом холопи ваши | Матюшка Ивановъ с(ы)нъ Засецкой да раба в(а)ша вдо|ва Дунка Семеновская жена Григор(ь)ева с(ы)на Коржавина з дет|мі, да сироты в(а)ши григоривъ ч(е)л(о)в(е)къ Григор(ь)евича Борно|волокова Тимошка Тимоѳеивъ, да яковлевъ ч(е)л(о)в(е)къ Іва|новича Толбузина Авдюшка Юривъ – мои холопа в(а)шего | Матюшкины, да г(о)с(у)д(а)реи н(а)ших Григор(ь)я Борноволокова да Яко|ва Толбузина.

Пустош(ь) что было село Новое Николско[е] | тож с припускными пустошами Парѳенцово да пус|тоши Копырино смежны с помѣсною моѣю рабы в(а)шей | землю пустоши Яснев, а писцовых меж нѣтъ. И н(ы)нѣ | мы, поговоря меж себя полюбовно, договорились |

меж тѣхъ своихъ земель межю учинит(ь) полюбовно, | как отведуть кр(е)стьяна н(а)ши
мои холопа в(а)шего | кр(е)стьянинъ Самошка Дементѣвъ да мои рабы в(а)шей | кр(е)стья-
нинъ Мартинка Адамовъ.

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри, | ц(а)ри і великие кн(я)зи Иоаннъ Алеѣвевичъ, Петръ
Алеѣвевичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи само|держцы, пожалуйте нас: меня, холопа
своего | и меня, рабу св[о]ю и нас, сирот своих, велите, г(о)с(у)д(а)ри, | писцомъ Мокѣю
Еуѡимѣвичю Маслову да под(ь)ячѣму Кузме Рудѣву мѣжъ тѣхъ земел(ь) межи учинить |
і в писцовые кн(и)ги написат(ь), куды тѣ н(а)ши кр(е)стьяне | поведут, и мы имъ в томъ
отводе вѣримъ. Ц(а)ри, | г(о)с(у)д(а)ри, смилуйтеся. ||

[На обороте:] К сеи челобитной Матюшка Саруцкой руку приложил. |

К сеи полюбовной челобитной думьного дваренина Петр[а] | Савича Хитрово ч(е)л(о)-
в(е)къ ево Мишка Агурцовъ вместо вдовы | Ов[д]от(ь)и Оѡнасевы дочери Коржавино[и]
по ее велен(ь)ю руку прило[жил]. |

*Столбец в один сстав, на лицевой стороне в верхнем поле по центру проставлен позд-
нейший номер черными чернилами: “№ 95” и левее карандашом: “96”.*

№ 20

*1686 мая 9. – Сказка Михаила Огурцова и Мартина Адамова писцам М. Маслову и К. Ру-
дееву о существующем разделе сц. Дятково Повельского ст. Дмитровского у. между дум-
ным дворянином Петром Савичем Хитрово и вдовой Авдотьей Коржавиной.*

194-г(о) мая въ 9 де(нь) писцомъ Мокѣю Еуѡимѣвичю | Маслову да под(ь)ячѣму Куз-
ме Рудѣву думного дворянина Петра Савича Хитрова | ч(е)л(о)в(е)къ іво Мишка Огурцов
да вдовы Авдот(ь)и | Семеновские жены Коржавина ч(е)л(о)в(е)къ ѣе Ма[р]тинка Адамов
сказали: за г(о)с(у)д(а)ри н(а)шими | в Дмитровскомъ уѣзде в Повелскомъ стану | помѣстье
селцо Дятково за г(о)с(у)д(а)ремъ моимъ | того селца Дяткова две три, а за вдовою Ав-
дотьей Аѡнас(ь)внвою з дѣтьми того | селца Дяткова треть, а пашнею и санными⁶ | по-
косы владѣють через полосу полю|бовно, а об раздѣле и об межеван(ь)е паш[н]и и санных
покосов і всяких угодѣи меж | своих дач в томъ селце Дяткове вели|кимъ г(о)с(у)д(а)ремъ
не челобитчики. |

*[На обороте:] К сеи сказке думного дворянина Петра Савича Хитрово ч(е)л(о)в(е)къ
ев[о] | Мишка Огурцовъ руку при[л]ожилъ⁷.*

К сеи скаське Микита Каржавин рук[у] приложи[лъ]⁸.

[Запись вверху на обороте:] Взят к дѣлу и записан в кн(и)гу.

*Столбец в один сстав, на лицевой стороне в верхнем поле по центру проставлен позд-
нейший номер черными чернилами: “№ 96” и левее карандашом: “97”.*

№ 21–22. [1697]. Дело об отдаче подьячему вологодской приказной избы Ивану Борисову порожнего места в г. Вологде

№ 21

*[ок. 1697] – Челобитная подьячего вологодской приказной избы Ивана Борисова об от-
даче ему порожнего места, примыкающего к его двору в Вологде.*

...⁹ | бьетъ челом ...¹⁰ [приказ]ннѡи избы подьячѣи Івашко ... | на Вологде, г(о)с(у)д(а)рь,
внутри горо[да]... | моег(о) холопа ... его дворишка ... | пустоє порозжеѣ мѣсто ... | истари

⁶ После буквы “ы” в оригинале ошибочно поставлена буква “е”.

⁷ Буквы “ложилъ” дописаны на лицевой стороне, после основного текста.

⁸ Буквы “лъ” дописаны на лицевой стороне, после основного текста.

⁹ [Царю государю и великому князю Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи
самодержцу]

¹⁰ [холоп твой Вологодской]

впусте и ниhto из ... | ... и строения никакова *на том мѣсте* не | бывало и ... меня холопа | твоего то мѣсто ни с кѣм ~~сынны~~ не | смѣжно, а мѣрюю того пустого мѣста в длину *от дворишка моего* | *десять(ь)* сажень поперегъ *от проѣз|жеи* улицы подле моѣво ~~холопа твое|его~~ дворишка до мѣсть гдѣ | *преж сего* были полаты *восмь* сажень | с аршином. А *мнѣ* холопу¹¹ твоего | са утеснением з дворишка про домов|нои свои обиход дровишекъ и брев|нишекъ положить негде ~~а без тво|его~~ великого г(о)с(у)д(а)ря указу того мѣста | к дворишку ~~своему пригороди|тъ~~ | не смѣю.

См(илуйся) пожалуй меня, | холопа своего, вели, г(о)с(у)д(а)рь, то порозжее | мѣсто за приказную мою работу | *отдать* мнѣ холопу своему¹² | ~~изпригородит(ь)~~ к дворишку ~~своему~~ | ~~вмѣсто и сад~~ бесоброчно потѣму | на Вологду вели государь дать свою | великого г(о)с(у)д(а)ря грамоту с прочетом ...

Столбец в один сстав, склеен с последующим, начало утрачено. Текст частично восстановлен нами по смыслу и формуляру в примечаниях. В тексте имеются многочисленные зачеркивания чернилами того же цвета, что придает документу вид черновика. Зачеркивания при публикации сохранены. Записи на обороте отсутствуют.

№ 22

1697 февраля 1. – Указная с прочетом грамота ц. Петра Алексеевича на Вологду стольникам и воеводам И.К. и И.И. Захаровым об отдаче порожнего места на Вологде подъячму Вологодской приказной избы Ивану Борисову по его челобитной.

Сот великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого | кн(я)зя Петра Алеѣевича всеа Великия | і Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца | на Вологду столникомъ н(а)шим і воеводам | Ивану Кириловичю да Ивану Ивановичю | Захаровымъ.

Бил челомъ намъ | великому г(о)с(у)д(а)рю вологодские приказны[е] | избы под(ь)яччи Иван Борисовъ на Вологде *де* внутри города подле его *ива|нова* двора есть порозжее мѣсто | лежить изстари впусте и ниhto | имъ не владѣть и строения ника|кова на томъ мѣсте не быва[ло] | и oprичъ ево, Ивана, то мѣсто | ни с кѣмъ не смежно, а мѣрюю *де* | того мѣста в длину *от ворот* ево *десять* | сажень поперегъ *от проѣз|жеи* улицы | подле ево двора до мѣсть же гдѣ | *преж сего* были полаты – *восмь* | сажень с аршиномъ, а ему *де* Ивану | за утеснение двора про домовои свои || обиход дровъ и бревен положить | нѣгдѣ.

И намъ великому г(о)с(у)д(а)рю | пожаловати *б* ево велѣть, тѣ | порозжее мѣсто за приказную ево | Иванову работу *отдать* ему бесоброчно | и о томъ дать бы ему на Вологду к вамъ н(а)шу великого г(о)с(у)д(а)ря | грамоту с прочетомъ.

И какъ | к вамъ сѣ н(а)ша великого г(о)с(у)д(а)ря | грамота придетъ, і вы *буде* то | вышеписанное мѣсто *лежит* изстари | впусте и ниhto им не владеет | и строения на томъ мѣсте | никакова нет отдала вологодские | приказные избы под(ь)яччму Ивану | Борисову.

А прочет сию н(а)шу | великого г(о)с(у)д(а)ря грамоту, велѣли | списать с неѣ списокъ да тотъ | список закрепя своею рукою оста... | ... [на Вологде в приказной избѣ, а по] ... [на]шу великого г(о)с(у)д(а)ря грамот[у] | ... [Вологод]ие приказные избы под(ь)яччи | ... *впред(ь)* для иных н(а)ших воивод | ... *людеи*.

Писан на Мос[кве лѣта] 7205-г(о) февраля въ 1 *де(нь)*.

[*На обороте*]: На Вологду столникомъ н(а)шимъ і воеводам Ивану Кириловичю | да Ивану Ивановичю Захаровымъ. |

205-г(о) мая въ 24 *де(нь)* великого г(о)с(у)д(а)ря грамоту пода[л]ъ | вологодскимъ приказной избы под(ь)яччи Иван Борисовъ. |

¹¹ *Перед этим зачеркнуто “у меня”, в слове “холопу” буква “у” исправлена из “а”.*

¹² *В слове буква “с” исправлена из “г”.*

[На обороте у края перпендикулярно тексту:] полполтины взято.

[Правее предыдущей записи:] Борисов.

[На сставе:] Диакъ Андреи Городецкои.

Столбец в двух сставах, склеенный с предыдущим, отдельные фрагменты текста утрачены.

№ 23. 1692. – Из дела о даче отпускной послуживцу Ивану Иванову сыну Чистякову

№ 23

1692 июля 13. – Отрывок из памяти о даче отпускной из Приказа Холопьяго суда человеку (послуживцу) Г.Я. Мясоедова Ивану Иванову сыну Чистякову

Лѣта 7200-г(о) июля в 13 де(нь) по указу великих | г(о)с(у)д(а)рей ц(а)рей і великихъ кн(я)зеи Иоанна Алеѣѣвича, Петра Алеѣѣвича всеа | Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи само|держцевъ околничей Ѳедоръ Ти|хоновичъ Зыковъ с товарищи | дали отпускную ис приказу Холоп(ь)я суда | послуживцу Григор(ь)я Іаковлева сына Мѣ|соѣдова Івашке Иванову сыну Чистя|кову.

Потому в н(ы)нешнемъ въ 200-мъ году | апрѣля въ 7 де(нь) бил челом великимъ г(о)с(у)д(а)ремъ | ц(а)ремъ і великимъ кн(я)земъ Иоанну | Алеѣѣвичю, Петру Алеѣѣвичю | всеа Великия и Малыя и Бѣлыя | Росіи самодержцемъ он, Івашко, а в при|казе Холопья суда околничему | Ѳедору Тихоновичю Зыкову с то|варищи подал челобитную. А в чело|битной ево написано: в н(ы)нешнемъ де | въ 200-мъ году боярина іво Григор(ь)я Мѣ|соѣдова не стало, а после де ево о|стался брат ево роднои Івань Месо|дов и н(ы)нѣ де ево з двора сослал, а отпу|скною ему не далъ, і великие г(о)с(у)д(а)ри по|жаловали б ево, велѣли б ему дать | отпускную ис приказу Холоп(ь)я суда, | а брата ево Григор(ь)ева Івана Месо|дова допросит(ь), для чего ему отпу|скною не дал. На челобитной помѣ|та дѣяка Павки Мухина 200-г(о) | апрѣля въ 7 де(нь): допросит(ь) противъ | сего челобит(ь)я. Да к тои челобитной при|казу Холопья суда площадной под(ь)|ячей Митка Тимоѣевъ вмѣсто | Івашка Иванова по іво велѣнью руку | приложил, і апрѣля въ 19 де(нь) приставъ | Михаило Якимовъ сказал что де Івана | Мѣсоедова на Москвѣ нѣтъ и апрѣ|ля въ 22 де(нь) бил челом великимъ г(о)с(у)д(а)ремъ | он же Івашко Ивановъ в н(ы)нешнемъ де 200 году || ...

Столбец на одном сставе, окончание утрачено, имеются неразборчивые записи отдельных букв на обороте.

№ 24. Выпись (отрывок)

№ 24

[середина – вторая половина XVII в.]. – Отрывок выписи на неустановленные владения

... с Матюшкою да с Про|шкою] | Олѣр(ь)евыми дѣт(ь)ми. Во дворе | Ѳомка да Титко Сергѣевы | дѣти с племянником с Ыва|шкомъ Кузминымъ да | бобыль. Во дворе Мартюшка | Кузминъ. Да ис тое жъ | д(е)р(е)вни Спиридонкова, Сы|тино тожь, кр(е)стьяне | Ѳролко да Родка да Василиско | да Івашко Васильевы | дѣти Помытнина. У Ѳролка | с(ы)нъ Сенка да Дороевико | Никитин з детми з Гришкою || да с Онтипокою, збежали во сто | четыре десять осмь году, | да Сенка Сооонов, збежал | во сто четыредесять | шестомъ году. Поч[инок], что | была пустошь Санино, | Кузмино тожь, а в нем | живут наимуа в дву | дворех дѣти боярские | Івань да Ілья да | Ондрѣи да Любимъ Лу|кьяновы дѣти Си|пягина. И всего са | нимъ пять дворов | кр(е)стьянскихъ людеі, в нихъ | семнатцать¹³ ч(е)л(о)в(е)къ, двор | бобылскоі,

¹³ Напротив слова на левом поле стоит отметка в виде “х” близкими по цвету чернилами.

людеи в них тож. | Да в том же стану | в помѣстье за Ѳедоромъ | Костянтиновымъ с(ы)-
номъ | Свинынымъ, что было || за братьями ево за | Никитою да за Ортемьемъ | Костянти-
новыми дѣтми | Свиныными усадище, | что была д(е)р(е)вня | Кузмино, Подонское тож, |
а в немъ двор помѣщиков | да садворных старинныхъ | людеи. Во дворе Алешка да | Арееико
Кириловы дѣти. | У Алешки с(ы)нъ Сенка да | Сенка Аѳонасьевъ с(ы)нъ | Судаецъ. Во дворе
Прохорко | прозвище Цыбра Проко|ѳеевъ с сыном с Мишкою, | да с ним же живеть | с(ы)-
на ево Але|зандра | Свинына проданои ч(е)л(о)в(е)къ | Ивашко Григорьевъ с(ы)нъ | Кривои,
да кр(е)стьянъ | во дворе Стенка да Ѳочка | Игнатъевы дѣти, || у Стенки с(ы)нъ Никонко. |
Во дворе Емелка да Тимошка Ѳа|тѣевы дѣти. Во дворе бобыл(ь) | Ивашко Андрѣевъ с сы-
ном | с Ывашкомъ, да ис того ж | Усадища бобылка вдова | Аленица Ѳокина жена | ...

Отрывок столбца в четырех сставах, начало и окончание отсутствуют, имеются записи отдельных букв на обороте.

DOI 10.31168/041078-7.25

НЕИЗВЕСТНЫЙ МОЛДАВСКИЙ СПИСОК ЕВРОПЕЙСКОГО ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ НА 1621–1630 гг.

В рукописном славянском списке Синтагмы Матфея Властаря 1611 г. (Саратов. Библиотека СГУ. № 208)¹ сохранилась запись, содержащая пророческую часть из так называемого “Сказания о двух старцах”² эсхатологического содержания, выполненная чернилами полууставом нач. XVII в. кириллицей на молдавском языке неизвестным читателем.

Сюжет самого “Сказания о двух старцах” повествует о том, что в каком-то городе (Неаполе, Марбурге, Палермо и других) появлялись два старца, странно одетых и говоривших на необычных языках. Они проповедовали о гневе Бога на людей за их грехи и предсказывали скорый конец света. Местные власти города после ареста и допроса пророков отправляли их в Рим, по дороге в который являлись чудеса – спадали с них оковы, рассыпалась перевозившая их телега и т. п. Сообщение о появлении этих старцев включало перечень их пророчеств, обычно охватывающих ближайшие 10 лет. Это предсказания войн, голода, землетрясений, необычных небесных явлений и т. д. После того как указанная в тексте дата конца света проходила, следующие переписчики и издатели сказания обновляли даты пророчеств еще на следующие годы. Характерно, что “пророческая” часть в большинстве редакций этого сочинения имеет точные даты и отличается относительной стабильностью сюжетов пророчеств.

Это произведение неоднократно с вариациями публиковалось в европейской прессе на протяжении XVII–XVIII столетий и имело вид обычного газетного сообщения. В конце XVII – начале XVIII в. “Сказание о двух старцах” получило распространение в России и на Украине. Многолетнее же бытование текста на русской

¹ Паскаль А. Д. О рукописной традиции славянской версии Синтагмы Матфея Властаря в Молдавском княжестве XV–XVII вв. // Русин. 2021. № 64. С. 41. Рукопись создана как вклад сучавского митрополита Анастасии Кримки в молдавский монастырь Бисерикань (скит Иосиф). Запись с пророчествами сохранилась на л. 332 об.

² Шамин С. М. “Сказание о двух старцах”: К вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // ВЦИ. 2008. № 10. С. 221–248.

почве привело к появлению его литературных обработок, прежде всего в старообрядческой среде.

Как выяснил С. М. Шамин, на протяжении XVII в. “Сказание о двух старцах” не менее шести раз переводилось в Посольском приказе, что позволило ему предположить, что именно Посольский приказ в подавляющем большинстве случаев становился источником распространения сочинения в русских рукописных сборниках. Впервые этот текст, как черновой перевод, по наблюдению исследователя, был переведен на русский язык в 1620 г. в составе “Перевода с вестовой немецкой тетрати, что деялося во Устреии, и в Полше, и в Шлежи, и в Францовской, и в Голанской, и в Агленской, и в Ытилянской, и в Угорской земле, и в ыных местях н[ы]-нешнег[о] 1620 году, по руски 128 году”³.

Следующая редакция “Сказания о двух старцах” относится к 1660-х гг. с пророчествами на 1661–1670 гг. и представлена в русской рукописной традиции довольно широко – С. М. Шамин указал четыре списка, из которых два являются документами Посольского приказа⁴.

В редакции 1670 г. с пророчествами на 1678–1689 гг. сообщалось: “Выписано из stateинного списка посланника Василя Тяпкина. Как он был в Полше на резиденции во 183-м году, и прислал к Москве в Посолской приказ полское письмо **о пророчестве ж, которое в Парижу во Францыи, в костеле святого Дионисия**⁵ написано было в лето 1614 го по новому...”⁶

В редакции 1678 г. “Сказания о двух старцах” также читаем, что “...и подтверждающая пророчеством **в Париже на некоторой части камене гробу святого Дионисия**, которое пророчество еврейским языком те статьи описует...”⁷ Его передали в Посольский приказ в виде “письма” (т. е. летучего листка) польские послы. Эта “новость” попала из Франции в польский город Яворов, а пророчества относились к 1678–1689 гг.⁸

В редакции 1755 года с пророчествами на 1756–1764 гг. сообщалось: “**1755-го году обретено во Ареопагии на гробе с(вя)таго Дионисия Ареопагита такое писание...**”⁹

Обнаруженный же молдавский список европейского эсхатологического “Пророчества из костела святого Дионисия” в качестве читательской записи, также содержит упоминание о том, что оно “было найдено **на гробнице св. Дионисия**” (см. публикацию текста далее).

При этом найденный молдавский список обнаруживает ряд пророчеств, сходных по содержанию с пророчествами в ряде указанных выше русских списков, хотя и относящихся к различным прогнозным годам (выделено нами курсивом):

³ Вести Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М., 1972. № 3. С. 33.

⁴ Шамин С. М. “Сказание о двух старцах”... С. 222–223.

⁵ “Пророчество из костела святого Дионисия” (термин С. М. Шамина).

⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 7. (См.: Шамин С. М. “Сказание о двух старцах”... С. 247–248; *Он же*. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 293).

⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 8–11.

⁸ Шамин С. М. “Сказание о двух старцах”... С. 229; 242–243.

⁹ ГИМ, собр. Уварова, № 1949 (627) (474). Л. 367–368. (См.: Шамин С. М. “Сказание о двух старцах”... С. 248).

Молдавская редакция 1621 г. (Саратов. Библиотека СГУ. № 208. Л. 332 об.) (перевод автора)	Редакция 1670 г. (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 7.)	Редакция 1678 г. (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 9–11)	Редакция 1755 г. (ГИМ. собр. Уварова. № 1949 (627) (474). Л. 367–368)
<p>Пророчество, которое было найдено на гробнице св. Дионисия в мраморном гробу. Оно прислано послом из Франции Боргезеу кир Динариул. написано на еврейском (языке). из еврейского (переведено) на латинский, а сейчас переведено и на польский язык.</p> <p>Пророчество первое. которое говорит</p> <p>В лето 7129 (1621). <i>Большая война во всей французской стране.</i></p> <p>В лето 7130 (1622). <i>папа. не будет.</i></p> <p>В лето 7131 (1623). <i>Божьи руки будут над всем светом.</i></p> <p>В лето 7132 (1624). <i>немногие люди познают Бога.</i></p> <p>В лето 7133 (1625). <i>поднимется великий властитель (воин). который захватит весь мир.</i></p> <p>В лето 7134 (1626). <i>знаки на небе около полуночи будут. и луна померкнет.</i></p> <p>В лето 7135 (1627). <i>три части земли содрогнутся.</i></p> <p>В лето 7136 (1628). <i>вся земля во всем мире содрогнется.</i></p> <p>В лето 7137 (1629). <i>неверующие поверят в Бога все.</i></p> <p>В лето 7138 (1630). <i>все дни (каждый день) не будет ничего нового будет только стадо и император</i></p>	<p>Выписано из ста-теинного списка посланника Василя Тяпкина. Как он был в Полше на резиденции во 183-м году, и прислал к Москве в Посолской приказ полское письмо о пророчестве ж, которое в Парижу во Францыи, в костеле свя-таго Дионисия напи-сано было в лето 1614 го по новому.</p> <p>А обретены те про-рочества в лето 1670-го по-новому ж.</p> <p>В лето 1672-м Кипр от Сиона отступит.</p> <p>В лето 1673-м гнев Божии над ними.</p> <p><i>В лето 1674-м неко-торым Бог отпу-стит.</i></p> <p><i>В лето 1675-м война по всем свете.</i></p> <p>В лето 1676-м Аф-рика будет горети.</p> <p><i>В лето 1678-м Ев-ропа будет тряс-тися.</i></p> <p>В лето 1679-м глад будет по всему свету.</p> <p><i>В лето 1680-м будет едино стадо и един пастырь.</i></p> <p>Се письмо списано вперед для спору и для ведома.</p>	<p>186 го, а от Рож-дства Христова 1678 го мая в 2 день вести из Французской земли в Яворов присланы.</p> <p>Во град Мирию Французские зем-ли пришли два му-жа стары, а обeim по сту лет. А про-поведают они о Судном дни,</p> <p>В 1678 м гнев Божии над королем Европы.</p> <p>В 1679 м також де пребывати будет.</p> <p>В 1680 м <i>не будет пастыря.</i></p> <p>В 1681 м страх от грома на всякого нападет.</p> <p>В 1682 м огонь с небеси будет и <i>трус землие.</i></p> <p>В 1683 м про-светит муж свиде-тельством христи-анским благопри-ятную страну.</p> <p>В 1684 м тоже пре-бывати будет.</p> <p>В 1685 м Африка гореть будет и ре-ки в кровь претво-ряются.</p> <p>В 1686 м римляне прихвально вста-нут.</p> <p>В 1687 м Европа, Азия, Африка гла-дом изнищуют.</p> <p>В 1688 м народ вос-танет и сам потре-бится.</p> <p>В 1689 м единого Бога персы позна-ют и <i>будет едино</i></p>	<p>Список с ведомости нынешнаго 1755 го-ду июня 17 день.</p> <p>В городе Пари-же обретено на над-гробной доске свя-таго священномуче-ника Дионисия Арео-пагита написано.</p> <p>С 1755 году <i>будет ведома брань велика и продолжится и на семьсот пятьдесят шестой год.</i></p> <p>1757 году <i>оскудеет пастырь.</i></p> <p>1758 будет гнев Божии на весь свет пролиется.</p> <p>1759 год <i>от не-которых Бог позна.</i></p> <p><i>1760 году восстанет муж велик.</i></p> <p>1761 год звезды и аер загорится и Луна в кровь преложится.</p> <p>1762 год вся земля згинет, Азия, Европа, Африка от страха смятется.</p> <p>1763 году <i>трясение будет во всеи земли.</i></p> <p>1764 году <i>невернии познают Бога и будет едино стадо и един пастырь.</i></p>

<p>Вся эта правда была выяснена (открылась) и сейчас недавно это было отправлено Польскому королю.</p>		<p><i>стадо и един пастырь.</i> Се писмо писано вперед для ведома. А подали таково писмо полские послы во 186 году. Да таково ж дано думному дяку Лариону Ивановичю.</p>	
--	--	---	--

Таким образом, перед нами редкий ранний неизвестный образец краткого варианта так называемого “Сказания о двух старцах” эсхатологического содержания, а именно – “Пророчества из костела святого Дионисия” на молдавском языке.

Нам известны лишь два значительно более поздних похожих списка подобного перевода этого произведения в состав следующих рукописей: 1) Сборник. сер. XIX в. (Библиотека Румынской академии. № 4934. Л. 71–73)¹⁰ с пророчеством на 1848–1896 г. 2) Сборник. ок. 1857–1859 г. (Библиотека Румынской академии. № 5467. л. 164 об.–167)¹¹. Однако в них присутствуют заголовки с указанием о том, что тексты пророчеств были якобы найдены в Неаполе в монастыре св. Бенедикта. Обнаруженный нами список характеризуется почти полным отсутствием привязки к историко-географическим реалиям, за исключением упоминания событий во Франции, и представляет собой, по-видимому, особую краткую редакцию подобного пророчества, европейский оригинал которого, использованный для перевода, найти не удалось.

Публикуемый ниже текст записи воспроизводится с соблюдением орфографии и пунктуации кириллического оригинала при сохранении выносных букв, с транскрипцией автором текста латиницей и переводом на русский язык.

А. Д. Паскаль

["ПРОРОЧЕСТВА ИЗ КОСТЕЛА СВЯТОГО ДИОНИСИЯ"]

Пророція ҃е са гъси сѣтъ моѣмънтѣ свѣтълѣши Дивнисе ꙗ трѣ сирѣно ꙗ де мар'моуре. шаѣ тримѣ солѣ де фра'ца. Prorocia ce s-au găsit sunt mormîntul cvîntului Dionisie întru sicriul de marmure. ş-au trimis solul de Franţa. Пророчество, которое было найдено на гробнице св. Дионисия в мраморном гробу. оно прислано послом из Франции.

лѣи Бѣгезеѣ ки' Динариѣ. скри' жидовѣще. ди ꙗ жидовѣще аѣ скоѣ ꙗ ли'вѣз лѣтинѣ'къ. акмѣ саѣ скоѣ ши ꙗ ли'вѣз лѣши'къ: lui Borgezeu chir Dinariul. scris jidoveşte. di în jidoveşte au scos în limbă lătinescă. acmu sau scos şi în limbă leşiscu. Боргезеу кир Динариул. написано на еврейском (языке). из еврейского (переведено) на латинский, а сейчас переведено и на польский язык.

Пророція ꙗ тѣю. ҃е спѣне, Prorocia întâiu. ce spune, Пророчество первое. которое говорит в лѣтѣ. ꙗ зѣрд. Ша'те маре ꙗ тоа' цара фрѣ'часкъ. v leto 7129 (1621 г.). oaste mare în toată țara Francească. В лето 7129 (1621). Большая война во всей французской стране.

в лѣтѣ. ꙗ зѣрл. папѣ. нѣ ва фи. (v leto 7130 (1622 г.). papă. nu va fi.) В лето 7130 (1622). папа. не будет.

в лѣтѣ. ꙗ зѣрл. мзи' а лѣ' Дѣ'незѣ, ва фи пре'пре тоатѣ лѣмѣ v leto 7131 (1623). mâni a lui Dumnezău, va fi prespre toată lume. В лето 7131 (1623 г.). Божьи руки будут над всем светом.

¹⁰ *Ştrempel Gabriel*. Catalogul manuscriselor româneşti. B.A.R. 4414–5920. Bucureşti., 1992. P. 161.

¹¹ *Ibid.* P. 310.

в лѣтѣ. ꙗзрѣ. пѣцини вамене воѣ кѣноаце пре Дѣмнеажѣ. v leto 7132 (1624 г.). puțini oamene vor cunoaște pre Dumnezău. В лето 7132 (1624). немногие люди познают Бога.

в лѣтѣ. ꙗзрѣ. съ ва скѣла ъ витѣѣ маре. кареле ва кѣпри де тоаѣ лѣмѣ. v leto 7133 (1625). să va scula un vitez mare. carele va cuprinde toată lume. В лето 7133 (1625 г.). поднимется великий властитель (воин), который захватит весь мир.

в лѣтѣ. ꙗзрѣ. сѣмне пре черю де пре амѣаѣѣ ноаѣте вор фи. ши лѣна съ ва ꙗ крѣѣта. v leto 7134 (1626 . semne pre ceriu despre amiază noapte vor fi. și luna să va în crunta.) В лето 7134 (1626 г.). знаки на небе около полуночи будут. и луна померкнет.

в лѣтѣ. ꙗзрѣ. треи пѣци де пѣмѣѣтѣ съ воѣ кѣ тремѣра. v leto 7135 (1627). trei părți de pămîntă să vor cu tremura. В лето 7135 (1627 г.). три части земли содрогнутся.

в лѣтѣ. ꙗзрѣ. тот пѣмѣнтѣл ꙗ тоатѣ лѣмѣ съ ва кѣ тремѣра. v leto 7136 (1628). tot pămîntul în toată lume să va cu tremura. В лето 7136 (1628 г.). вся земля во всем мире содрогнется.

в лѣтѣ. ꙗзрѣ. некредитѣшиши воѣ крѣде тѣци ꙗ трѣѣ Дѣмнеажѣ. v leto 7137 (1629). necredințășii vor crede toți întru Dumnezău. В лето 7137 (1629 г.). неверующие поверят в Бога все.

в лѣтѣ. ꙗзрѣ. тоателе циле ꙗ трѣѣ нимикѣ воѣ фи ноуи ли ꙗѣва ва фи в тѣмѣѣ ши ъ пѣратѣ. v leto 7138 (1630). toatele zile întru nimic vor fi noi ai ceva va fi o turmu și unpărată. o turmă și împărat. В лето 7138 (1630 г.). Все дни (каждый день) не будет ничего нового будет только стадо и император

ꙗ ачѣѣтѣ тоате адеѣраѣ саѣ афлаѣ. ши акмѣ де кѣрѣѣѣ аѣ фот тримиѣ ачѣѣ лѣкрѣ ла краюѣ лешѣкѣ. Aceste toate adevărat s-au aflat. și acmu curundă a fost trimis acest lucru la craiul Leșescă. Вся эта правда была выяснена (открылась) и сейчас недавно это было отправлено Польскому королю.

Саратов. Библиотека СГУ. № 208. Л. 332 об.

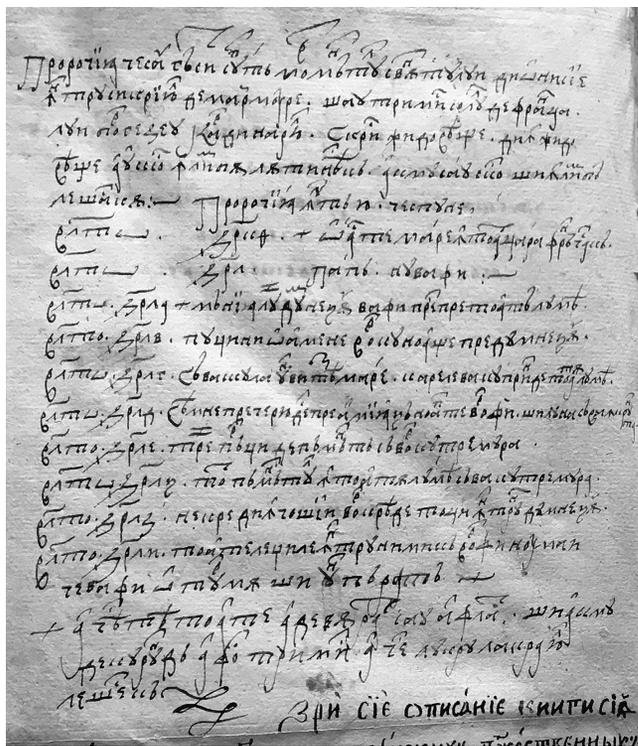

Рис. 1. “Пророчества из костела святого Дионисия” (Саратов. Библиотека СГУ. № 208. Л. 332 об.)

РУКОПИСЬ С. Б. ВЕСЕЛОВСКОГО О СИНОДИКЕ УСПЕНСКОГО СОБОРА

В фонде академика Степана Борисовича Веселовского (1876–1952) в Архиве Российской академии наук находится неопубликованная рукопись, которая озаглавлена как “Черновик работы о синодике Успенского собора”¹. Рукопись написана чернилами в книге с коленкоровой обложкой и кожаным переплетом, на котором золотом вытиснены две линии и слово “JOURNAL”. В данной книге не только черновик исследования, но также подготовительные материалы, связанные с изучением С. Б. Веселовским синодика недели православия Успенского собора:

на Л. 2–11 об. расположены “Записи списка из собрания Щукина (Моск. Ист. музей, № 536), которых нет в харатейном списке Патриаршей ризницы”. Это – выписки с Л. 192–481 синодика из собрания П. И. Щукина Исторического музея², перечисляющие имена убитых в различных сражениях, сгоревших в “царев приход крымского царя Девлет Кирея”, “пострадавших за православие в междоусобную брань”;

на Л. 12–19 – выписки из текста синодика Успенского собора, опубликованного в VI т. “Древней российской вивлиофики”, помета автора – “сверено со списком из собрания Щукина”;

на Л. 19 об.–41 об. находятся исторические и генеалогические комментарии к синодику Успенского собора; всего 68 пронумерованных комментариев и отдельные комментарии вне нумерации;

на Л. 43–64 об. помещен указатель к синодику, завершающийся надписью: “Окончил 12/IV 1931 г. 9 1/2 час утра. Первый день Пасхи”. Указатель составлен к публикации “Древней российской вивлиофики”.

Далее (начиная с Л. 65) помещен текст исследования. Оно состоит из двух частей, обозначенных автором как “Этюд I” и “II этюд”. По-видимому, данная работа не была завершена – отсутствуют характеристика списков и публикации, общая оценка памятника. Несмотря на это, источниковедческие наблюдения С. Б. Веселовского представляют большую ценность. Синодик недели православия Успенского собора – интереснейший памятник мемориальной традиции эпохи Средневековья и источник по истории и генеалогии правящего сословия XIV–XVII вв. – до настоящего времени должным образом не опубликован и недостаточно изучен. В 1775 г. один из его списков (Харатейный или Пергаменный; также употребляется название Троицкая книга; ГИМ. Синодальное собрание. № 667) был напечатан Н. И. Новиковым в составе “Древней российской вивлиофики”³, в соединении с текстом какого-то другого синодика (последний факт установлен М. Е. Бычковой⁴). В 1788 г. эта публикация повторена в VI томе второго издания “Древней российской вивлиофики”⁵. Других публикаций памятника не существует. История

¹ АРАН. Ф. 620 (С. Б. Веселовский). Оп. 1. Д. 87. Л. 1–88 об.

² ОР ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 536.

³ ДРВ. СПб., 1775. Ч. VIII. С. 1–90.

⁴ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 169.

⁵ ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. VI. С. 420–481.

синодика и его общая характеристика содержатся в работах К. Т. Никольского, Ф. И. Успенского, Е. В. Петухова, В. В. Дергачева (как памятника литургики)⁶, Н. Н. Голицына, Г. Н. Моисеевой, В. И. Корецкого, С. В. Конева (как исторического источника)⁷. В недавнее время обстоятельную работу о принципах формирования этого синодика опубликовал М. М. Бенцианов⁸. Как источник его использовали в историко-генеалогических исследованиях М. Е. Бычкова, А. В. Кузьмин, С. Н. Абуков, С. Н. Келембет, Р. А. Беспалов и другие исследователи⁹. Однако этот памятник требует более углубленного изучения, в связи с чем работа С. Б. Веселовского не утратила актуальность.

Обращение С. Б. Веселовского к синодикам-помянникам связано с его изучением истории и генеалогии боярских родов. Судя по материалам архива, историк начал исследовать синодики в конце 1920-х гг. Им были привлечены в качестве источников синодики крупнейших монастырей (Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, московских Богоявленского и Чудова и др.), часть из которых была скопирована или сделаны выписки, сохранившиеся в архиве ученого¹⁰.

Синодики в начале XX в. активно использовались для изучения генеалогии и истории феодального сословия. Но, несмотря на определенные успехи в расшифровке поминальных записей, генеалоги признавали, что синодики “дают материал малопригодный сам по себе” (Н. П. Лихачев)¹¹. С. Б. Веселовский разделял скептицизм предшественников, но лишь отчасти. “...Данные синодиков, взятые сами по себе, в большинстве случаев совершенно непригодны, – писал ученый. – Но в соединении с родословными материалами, в случае, когда известно родословное древо, они являются очень ценным пополнением и коррективом для

---

⁶ *Никольский К. Т.* Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Историческое исследование о Чине православия. СПб., 1879. С. 24–26, 58–60; Рец. М. И. Горчакова на книгу К. Никольского – Отчет о двадцать третьем присуждении наград графа Уварова // ЖМНП. 1880. № 11. С. 7–10; *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891. С. 111–115; *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории синодика. СПб., 1895. С. 7–61; *Дергачев В. В.* Вселенский синодик в древней и средневековой России // ДРВМ. 2001. № 1 (3). С. 18–29.

⁷ *Голицын Н. Н.*, кн. О синодике Московского Успенского собора // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1903. Вып. 2. С. 25–34; *Моисеева Г. Н.* Пергамный синодик Государственного Исторического музея в издании Н. И. Новикова // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 100–108; *Корецкий В. И.* Успенский собор как памятник идейно-политической жизни Москвы конца XV – начала XVII века // История и реставрация памятников Московского Кремля: [Сб. ст.]. М., 1989. С. 67–68. (Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования; вып. 6); *Конов С. В.* Синодикология. Часть I: Классификация источников // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1993. Вып. 1. С. 7–15.

⁸ *Бенцианов М. М.* Синодик московского Успенского собора XIV–XVI вв. Принципы и закономерности внесения имен // Историческая генеалогия: научный альманах. Вып. 10. М., 2021. С. 7–39.

⁹ *Бычкова М. Е.* Указ соч. С. 169, 170; *Кузьмин А. В.* На пути в Москву: Очерки генеалогии военнослужилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1; 2015. Т. 2; *Абуков С. Н.* Рюриковичи XIV в. в синодике Успенского московского собора: попытка идентификации // Клио. 2017. № 6 (126). С. 39–44; *Келембет С. Н.* Тарусское княжество и его уделы // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 69–124; *Беспалов Р. А.* История Новосильско-Одоевской земли до начала XVI века в контексте международных отношений в Восточной Европе. М.; СПб., 2021. С. 242–244.

¹⁰ *Шокарев С. Ю.* Синодики в научном творчестве С. Б. Веселовского // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи: к 100-летию со дня рождения А. А. Зимина: Материалы Международ. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Козлов, сост. И. Н. Ильина. М., 2020. С. 188.

¹¹ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 86.

родословного материала как источник весьма достоверный, т. к. никому не было смысла фальсифицировать его, например, записывать в поминание не существовавших лиц и т.п.” И далее: “В общем синодики являются очень трудным с точки зрения исследования, но ценным источником, требующим большой осторожности и острой критики”¹².

С. Б. Веселовского обратил особое внимание на синодик недели православия Успенского собора¹³. Он отмечал следующие особенности этого памятника: “Синодик Успенского собора входил в состав чина службы в неделю православия. Целью его было поминание и прославление святых отцов и иерархов церкви, князей – поборников православия, выдающихся лиц, подвизавшихся или пострадавших в борьбе за веру, церковь и отечество, и вообще всех православных, так или иначе пострадавших на этом поприще. ... Существенным отличием этого синодика от обычных было то, что записи производились в нем не по желанию и вкладам частных лиц, а по распоряжению великих князей, церковной власти (митрополитов). Это придает синодику Успенского собора значение государственного синодика, в котором нашли отражение все важнейшие государственные и церковные события с середины XIV в. за два с лишним столетия”¹⁴.

Эта оценка синодику недели православия Успенского собора дана в общей характеристике источников по истории “класса служилых землевладельцев”. Далее ученый останавливается на списках погибших в разных сражениях и при нашествиях, сравнивая их с летописными данными. Согласно выводам С. Б. Веселовского, синодик сохранял “государственный характер” до 70-х гг. XVI в., “после этого записи становятся случайными”¹⁵.

Еще одна особенность синодика – неполнота данных, выборочное перечисление лиц из боярских родов. “Становится несомненным, – заключает ученый, – что лица записывались по какому-то выбору, а далеко не все бояре. Если учесть, что это был государственный поминальник, вышеизложенные факты дают основание сделать вывод, что в лице записанных бояр и их жен мы имеем список наиболее влиятельных и близких к великокняжескому дому людей, которых великие князья нашли нужным вписать в это поминание”¹⁶.

Таков общий взгляд С. Б. Веселовского на этот источник. При сравнении с текстом исследования становится понятно, что взгляд С. Б. Веселовского на принципы составления синодика менялся. В кратком очерке он пишет, что имена бояр записывались в помяник по воле великих князей, но в исследовании сделан иной вывод.

Для анализа синодика С. Б. Веселовский привлек два списка из собрания Исторического музея: Харатейный (Пергаменный), опубликованный Н. И. Новиковым

¹² *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 26–27.

¹³ Наряду с синодиком недели православия в Успенском собрании ГИМ есть и другие синодики Успенского собора, если можно так выразиться, “обычные” (*Истомин Г. И., Сперанский М. Н.* Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370) / Вводная заметка, примечания и подготовка к печати В. Д. Кузьминой // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 111–113). Две копии с этих синодиков были сняты С. Б. Веселовским. К ним составлены указатели, на полях помещены биографические справки и генеалогические схемы (ОР ГИМ. Успенское собрание. № 64, 65; копии: АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 173, 174).

¹⁴ *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 27–29.

в “Древней российской вивлиофике”¹⁷, и список из собрания П. И. Щукина¹⁸. Ученый также работал с публикацией Н. И. Новикова, хотя и не ставил перед собой задачу критически ее рассматривать. В ходе работы с источником С. Б. Веселовский сравнил между собой списки, сделал выписки из списка из Щукинского собрания, составил указатель к синодику (по публикации)¹⁹. Важным этапом предварительной работы стали исторические, просопографические и генеалогические комментарии к синодику. Эти комментарии, несомненно, также заслуживают публикации, однако, ввиду их значительного объема такая публикация должна быть осуществлена отдельно, вместе с публикацией других черновых материалов, родословных схем и выписок С. Б. Веселовского²⁰. В тексте своих этюдов историк ссылается на эти комментарии по номерам и на страницы собственной рукописи, а также на выписки из синодиков, также по страницам своей рукописи.

Первый этюд исследования посвящен истории источника и особенностям его формирования. Ученый пришел к выводу, что синодик подвергся неоднократным переделкам и часть изначального текста была утрачена. Согласно реконструкции С. Б. Веселовского, первоначально в синодик записывались лица после своей смерти. Эти записи чередовались с записями о погибших в боях. Во второй половине XV в. была произведена “перегруппировка по родам”, представители одного рода объединялись в одно поминовение. В результате изначальный текст сильно пострадал и часть записей была утрачена.

Во втором этюде С. Б. Веселовский рассматривает содержание синодика. Анализ комментариев и других видов предварительной работы показывает своеобразие методики ученого. Его исследование является не только анализом источника, но в значительной степени анализом исторических условий, которые его создали, а именно – биографического и генеалогического состава московского боярства, основных этапов его формирования, взаимоотношений при дворе и военной истории Московского государства в XIV–XVI вв.

Для С. Б. Веселовского синодик Успенского собора имел важное значение в силу своего “государственного” характера. Наряду с летописями, актами и духовными великий князей, синодик отражал персональный состав привилегированной аристократии на протяжении столетий в его изменчивости. Наличие записей о том или ином роде и их полнота, по мнению ученого, свидетельствуют о положении того или иного рода при дворе. На основании анализа записей синодика С. Б. Веселовский выстраивает иерархию боярских родов, которая совпадает (хотя и не во всем) с приведенной в его работах о боярстве XIV–XV вв.²¹ Таким образом, исследование С. Б. Веселовского о синодике Успенского собора погружает нас в исследовательскую лабораторию ученого, показывает, как формировались его представления о московском боярстве.

---

¹⁷ ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 667; ДРВ. СПб., 1775. Ч. VIII. С. 1–90; ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. VI. С. 420–481.

¹⁸ ОР ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 536.

¹⁹ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 87. Л. 2–64 об.; Д. 303 (выписки из синодика из собрания П. И. Щукина в ОР ГИМ).

²⁰ О материалах С. Б. Веселовского по истории служилого сословия см.: *Корзинин А. Л.* Материалы по истории феодального сословия России XIV–XVII вв. в архивных фондах С. Б. Веселовского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. 2014. № 4. С. 133–142.

²¹ *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 486–499.

Публикация исследования С. Б. Веселовского о синодике Успенского собора осуществлена по рукописи из личного фонда ученого в АРАН. При публикации учтены рукописные правки, текст публикуется в окончательной авторской редакции, сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Автор приносит благодарность А.В. Мельникову за помощь в подготовке данной публикации.

С. Ю. Шокарев

Этюд I

Для характеристики состава и происхождения синодика существенны записи лиц, погибших в связи с событиями государственной важности. Эти записи идут, в общем, в хронологическом порядке и представляют, по-видимому, такой элемент синодика, который меньше всего пострадал от перестановок и изменений, внесенных при позднейших переписываниях и дополнениях синодика.

Записаны следующие памятные события в таком порядке:

1368 г. бой на Холхле с Ольгердом.

1378 г. бой с татарами на Воже.

1380 г. Куликовская битва.

1382 г. нашествие Тохтамыша.

1370 г. сражение у Волока с литвой.

1408 г. нашествие Едигея.

(1385 г.?) сражение с татарами.

1411 г. сражение кн[язя] Петра Дм[итриеви]ча на Лыскове с нижегородским кн[язем] Дан[иилом] Борисовичем.

Без года и места безымянное поминание. Около 1533 г. запись о Сотнице Клобукове, убитом в Мещере азовскими татарами. Несомненно, интерполированная позже запись. Характерно, что в Шукинском списке к этой записи приписаны по принципу группировки лиц по родам (а не по событиям) Образец Клобуков, убитый в 1571 г. в приход под Москву Девлет-Гирея, и Бор[ис] Клобуков, убитый под Козомызой в Ливонском походе.

По такому же принципу группировки родичей составлена и интерполирована позже запись кн[язей] Палецких, убитых, будто бы, литвой под Смоленском. В действительности, кн[язь] Федор Иванович участвовал в Казанском походе 1506 г., а в разрядах Смоленского похода 1512–1513 гг. не упоминается. О его сыновьях известно из Бархатной книги, что Федор и Андрей были взяты в плен под Смоленском и умерли в плену, а Василий Булатной убит под Смоленском.

1438 г. кровопролитное сражение под Белевом с татарами царя Махмета.

1444 г.? бой с татарами в Муроме.

1443 г. бой на р. Листани с царевичем Мустафой.

1445 г.? набег царя Улу Магмета на Муром и Нижний.

1445 г. кровопролитное сражение под Суздалем с Мамутеком, в котором был взят в плен сам в[еликий] кн[язь] Василий Васильевич.

1445 г. Безымянное поминание погибших в пожар Москвы “Москва град тогда бяше вся погорела, Кремль” П.С.Р.Л. XXIII, 152.

То же в пожар Калуги.

1454–55 гг. набег Седи-Ахмата.

1453 г. взятие Константинополя турками. Единственное поминание не отечественного события.

Моровая язва.

- 1467–1468* гг. походы под Казань.
Интерполизованная запись смерти Юр[ия] Васильевича Сабурова под Казанью. Вероятно, это было в позднейших походах.
- 1472 г. набег царя Ахмата на Алексин.
1485 г. взятие Казани.
Бой с татарами на Озерне.
- 1500 г. бой с литвой на Ведроше.
Сражение под Оршей.
Бой с татарами по Казанью.
- (1506 г.,?) то же
- 1521 г. бой на Оке с Магмет-Гиреем.
1523 г. посол в[еликого] князя в Казань В[асилий] Юр[ьевич] Поджегин, убитый казанцами.
- 1524 г. сражение с казанскими татарами на [р.] Свияге.
1530 г. бои под Казанью.
1533 г.? сражение с литвой в Стародубе.
1534 г. взятие литвой Радогощи.
1535 г. бой с литвой в Стародубе.
1536 г. набег татар на Кострому.
? бой с татарами на Салдоге.
- 1548 г. поход под Казань.
1551 г. набег татар на Муром и бои под Казанью.
Набег нагайских татар на Рязань.
- 1552 г. сражение на р. Аре с казанцами.
– под Юрьевом в приход магистра.
сражение на р. Уле с литвой.
- 1552 г. поход под Казань и взятие Казани.
(1552?) бой с татарами на Волге.
бои на “Тенках” и Ошитке и Алатах.
(последний бой – с черемисой).
-

В Щукинском списке записи, которых нет в харатейном

- 1580 г. взятие Лук Великих Баторием.
1580 г. бой под Торопцем.
бой под Кесью
- 1643 г. козловцы дети боярские, побитые татарами на р. Сомовце в Козловском уезде.
1571 г. пожар Москвы и бои под Москвой с Девлет-Гиреем.
? побитые литвой.
- 1573 г. сражение под Пайдой.
? междоусобная брань (где? когда?).

Как можно видеть, хронология событий в общем выдержана весьма последовательно, если не считать записей Щукинского списка, которых нет в харатейном. Это бросает свет на порядок составления этой части синодика. В промежутках между этими записями мы видим записи лиц без связи с событиями. Эти промежуточные записи по своему составу могут быть разделены на 3 категории: 1) записи групп лиц из разных родов, 2) записи отдельных лиц и 3) записи нескольких лиц одного рода.

---

* В тексте: 1468–1467 гг.

К первой категории принадлежат записи:

4, 14, 14², 15, 16, 17, 18, 20, 30, 33, 41, 66.

Ко второй – записи: 21, 23, 24, 29.

К третьей: 12 (кн[язья] Патрикеевы), 13, 19, 22, 25, 26, 27, 28, 31, 32, 42 (Клобуковы), 43, 45, 51.

Всматриваясь внимательно в эти записи, мы замечаем следующее.

Первоначальный порядок записей, не измененный позднейшими перестановками и группировками лиц, был очевидно хронологический, лица были записываемы в синодик после смерти. В хронологическом же порядке были записываемы события.

Как было принято при составлении синодиков, после записей оставляли чистые места. Т[ак] к[ак] поминание отдельных лиц без связи могло казаться неудобным и не внушительным, то уже в первой редакции могли быть отступления от хронологического порядка, то есть умиравших время от времени бояр приписывали, отступая от хронологического порядка, в чистые места выше событий. Так[им] обр[азом] можно думать, что и в первой редакции хронологическая последовательность нарушалась. При дальнейших переписываниях синодика производились новые переделки и хронология нарушалась еще больше.

Эти переделки совершались, несомненно, по принципу группировки лиц по родам. Идея произвести эту перегруппировку, судя по лицам записей 3 категории, возникла во второй половине XV века. В синодике много следов этой работы перегруппировки лиц по родам. Интересно отметить, что большинство лиц, живших в XIV в. и в начале XV-го, не поддались этой группировке и остались в записях первой категории. Возможно объяснить это тем, что эти лица, записанные по именам и отечествам, очевидно не были известны редакторам синодика. Они не знали, к какому роду их приурочить и оставили в первой категории.

Эту работу перегруппировки можно проследить и в харатейном и в Шукинском списках.

Так в харатейном списке особо записаны (13 запись, стр. 43)** Василий Михайлович, его сын Василий и “Семен”. Запись, видимо, испорченная переписчиками. Редакторы не знали, к какому роду [их] приурочить, и оставили особняком. В Шукинском списке эти лица вставлены (очень некстати) в список древнейших бояр (4 запись, стр. 39).

В Шукинском списке есть еще случай, более интересный, группировки лиц по родам.

В харатейном списке записан перед боем под Белевым (в 1438 г.) между прочим Семен Сотница Клобуков, убитый около 1533 г. в Мещере татарами (стр. 62). В Шукинском списке после Сотницы приписаны его родичи: Богдан и Образец Федоровичи Клобуковы, убитые в Москве [в] 1571 г. в приход Девлет Гирея, и Борис Иванович, убитый в Ливонском походе под Козомызой. Богдан Демьян и Федор Образец были родными племянниками Сотенки, и первый, т. е. Демьян, записан в числе лиц, погибших в 1571 г. в Москве и под Москвой. Там же записан Клементий Андреев, племянник Демьяна, но приписан к поминанию Сотницы (стр. 14). Т[аким] обр[азом], группировка Клобуковых осталась недоделанной.

В Шукинском списке есть еще случай позднейших приписок по родам.

В поминании Захарьиных-Кошкиных харатейный список останавливается на Романе Юрьевиче и его сыне Долмате. В Шукинском списке на вставном листке приписаны: Никита Романович, умерший в 1585 г., его сын Иван Никитич (умер в 1640 г.) и внук Никита Иванович (умер в 1654 г.).

Следы перегруппировок можно хорошо проследить по всем важнейшим боярским родам.

1. Воронцовы-Вельяминовы.

В записи древнейших бояр (4 запись, стр. 37) записаны: тысяцкий Василий Вельяминович (упом[янут] в 1341 г.), затем 2 лица из других родов, затем сыновья Василья Вельяминовича – последний тысяцкий Василий Васильевич (умер в 1374 г.) и его брат Федор

** Здесь и далее автором даны ссылки на номера собственных комментариев к синодику и страницы своей рукописи – *С. III*.

Васильевич Воронеж. После них еще 6 лиц из разных родов. (Сын Вас[илия] Вас[ильеви]-ча – Никула Васильевича, записан ниже в числе лиц, убитых на Куликовом поле.) В 15 записи (48 стр.) вместе с лицами других родов записаны: Поливект Васильевич, сын Вас[илия] Вас[ильеви]ча тысяцкого, тесть князя Петра Дмитриевича Дмитровского, и Вениамин Федорович.

В следующей записи (стр. 49) после 4 лиц из других родов сгруппированы потомки Федора Воронца: сын Иван, внук Никита и правнуки Иван и Тимофей. Дальнейшие Воронцовы, начиная с Семена Ивановича (праправнук Воронца), умершего в 1518 г., и кончая лицами, умершими в середине XVI в. (Иван Фока умер в 1561 г.), сгруппированы в особой записи (28 запись, стр. 56–57) без смешения с другими родами.

2. Род Акинфа Великого (Хромые и Челяднины).

То же, что в роде Вельяминовых, мы видим и в роде Акинфа Великого.

Иван Акинфович (упом[янут] в 1304 и 1348 гг.) записан в первом списке древнейших бояр среди лиц других родов (4 запись, 37 стр.). Его старший сын Андрей по родословным данным был боярином при в[еликом] к[нязе] Дмитрие, но, по-видимому, не записан, т. к. Андрей Иванович, упоминаемый в 14 записи (44 стр.) среди бояр разных родов, вероятнее Ан[дрей] Кобыла, а не Акинфович. Во всяком случае, и Андрей Иванович записан среди лиц разных родов. Младший сын Ивана Акинфовича – Михаил Иванович записан в числе убитых на Куликовом поле (39 стр.).

Из сыновей Андрея Акинфовича записан Иван Хромой и Александр Остей, оба в числе лиц других родов (16 запись, 49 стр. и 4 запись, 37 стр.). Интересно отметить, что младший сын Андрея, Михаил Челядня, от которого пошли Челяднины, не записан, вероятно потому, что не был боярином. Потомство Ивана Хромого (не носившее фамильного прозвища) записано так. В 18 записи (стр. 54) записан Давид Иванович, затем Зах[арий] Ив[анович] Кошкин, затем Федор Давидович. В следующей записи помянуты 2 Кошкина, а в 20-й – Григорий и Петр, сыновья Федора Давидовича. Челяднины, 4 поколения, начиная с Федора Михайловича, сгруппированы в одну запись (32 запись, стр. 58). Эти 4 поколения Челяднинных жили на протяжении целого столетия (Федор Михайлович упомянут) как боярин в 1437 г., а Ив[ан] Иванович Ч[еляднин] умер в 1543 г.).

3. Кобылины-Кошкины-Захарьины.

Андр[ей] Иванович Кобыла записан среди лиц других родов (14 запись, 44 стр.). Его сын Федор Кошка и внук Иван Федорович записаны вместе, но с лицами других родов (16 запись, 49 стр.). Далее – Захарий Иванович записан среди 2 Хромых Акинфовичей (18 запись, 54 стр.), а затем записаны Яков и Юрий Захарьевичи (19 запись). Затем записи идут группами: в 22 записи (55 стр.) Петр и Василий Яковлевичи, а в 25 записи Михаил Юрьевич с двумя сыновьями и Роман Юрьевич с сыном Долматом (55 стр.). В Щукинском списке синодика к ним приписаны Романовы, жившие во второй половине XVI в. и в XVII веке.

4. То же наблюдение можно сделать относительно Морозовых. М[орозов]ы, жившие в XIV в. и в первой половине XV-го, разбросаны в разных местах, а частью, по-видимому, при переписываниях синодика имена их искажены. Между тем Морозовы-Поплевины и Тучковы, жившие в первой половине XVI в., сгруппированы по родам (56 стр.).

Группы лиц из разных родов обращают на себя наибольшее внимание, т. к. в этих записях находятся бояре XIV в. и первой половины XV-го. Таковы записи: 4-я (37 стр.), в которой записаны лица, жившие и умершие в XIV в., а частью, б. м., в начале XV-го; запись 14 (стр. 44 и 45), где большинство лиц относится к тому же времени и только в испорченном месте можно как будто видеть позднейшую интерполяцию (2 Квашиных). Запись 15-я относится уже к первой половине XV в. (48 стр.), а 16-я запись представляет промежуточный тип – в начале записано 4 лица из 3 родов, а затем группа Воронцовых из 4 лиц, живших на протяжении всего XV в. В 17 записи (50 стр.) лица, жившие в XV в.

Можно думать, что первоначальный текст синодика сильно пострадал от неоднократных переделок и переписываний, и многие лица, б. м., выпали совсем. Так, напр[имер], запись о битве на Холхле (стр. 36) испорчена так: “Князю Симеону Дмитриевичю Миничу Иакинфу Федоровичу” и т. д. По летописям текст представляется так: “Князю Симеону Дмитриевичю, Дмитрию Миничу, Иакинфу” и т. д. В обоих списках испорчена запись 14-я (44 стр.), в двух местах. В Щукинском списке мы видим неудачную попытку осмыслить ошибку. В оригинале было очевидно неправильное чтение: Родиону, Димитрию, Андрею Александровичу. Переписчик не решился исправить: Родиону Дмитриевичу, а исправил неудачно: “Александровичам”.

II этюд

Из первого этюда видно, что первоначальные записи лиц (и в меньшей степени событий) дошли до нас в сильно испорченном переписчиками виде. У нас нет никакой гарантии, что имена и отчества лиц записаны точно и что нет пропусков, утерь лиц, б. м., многих. Тем не менее стоит сделать попытку выяснить, корректируя при помощи других источников (родословных, летописных и актовых данных), роды и лица, внесенные в синодик, и попытаться уяснить себе, как и почему те или иные лица записаны, а другие не записаны.

Общее впечатление то, что боярство XIV в. представлено полно и лучше. За то время можно отметить необъяснимые и непонятные для нас пропуски, но в общем за время до в[еликого] кн[язя] Василия Дмитриевича записи носят, если так можно выразиться, более государственный характер. Получается впечатление, что все или большинство крупнейших деятелей XIV века записаны в синодик. С княженья в[еликого] кн[язя] Вас[илия] Дм[итриеви]ча начинаются записи по какому-то выбору, и со времени Ивана III определяется ясно, что вовсе не все бояре попадают в синодик. С конца XV в. начинается запись женских имен, боярынь, заслуживших этой чести, по-видимому, благодаря своей особой близости*** к великокняжескому дому. К этому времени или к началу XVI в. относится такая запись, по-видимому, вовсе не государственного характера, как запись 41 (стр. 62), в которой записаны совершенно безвестный Ив[ан] Ф[едорович] Симонов с женой Акулиной и какая-то Федосья Тарасьева, б. м., лица, оказавшие особые услуги великокняжескому дому.

Среди родов первое бесспорно место, по числу лиц и непрерывности поминания, занимают Вельяминовы-Воронцовы. Едва ли это можно объяснить случайностями исправности дошедших до нас текстов синодика.

Сличая записанных в синодике с поколенной росписью родословцев, видим следующее.

I. Вельямин Протасий Федорович, тысяцкий в[еликого] кн[язя] Ивана Даниловича (48 стр.)

II. По некоторым частным родословцам у Протасия было 2 сына: Данила, прозвищем Взломень, и Василий, прозвищем Взят меч. О Даниле ничего не известно, и Бархатная книга не показывает его. Василий же Вельяминович по родословцам и по синодику тоже был тысяцким, и записан в синодике (37 стр.).

III. У Вас[илия] Вельяминовича было 4 сына: Василий, последний тысяцкий, умерший в 1373 г., Федор Воронеж, Тимофей, окольничий в[еликого] кн[язя] Дмитрия Ивановича, и Юрий Грунка, от которого пошли Вельяминовы.

Василий и Федор Воронеж записаны рядом в той же группе лиц, где их отец (37 стр.). О службе Воронца ничего не известно, но весьма вероятно, что он был боярином. Тимофей

*** В тексте: близостью.

известен только как окольныйчий (см. его подпись на духовной в[еликого] кн[язя] Дмитрия Ивановича 1371 г. С.Г. и Д. I. № 30). В этом чине он, вероятно, и умер. Его имени в синодике нет. Не записан и Юрий Грунка, о службе которого ничего не известно, ни из актов, ни из родословцев.

IV. При в[еликом] кн[язе] Дмитрии Донском Вельяминовы достигли зенита своего могущества, но при нем же началось понижение. В первую половину княженья Вас[илия] Дм[итриеви]ча Вельяминовы еще стоят высоко, но при Василии Темном остается в боярской среде одна ветвь – Воронцовы. Некоторую роль в этом играло, б. м., появление при московском дворе новых могущественных родов и возвышение старых, но несомненно значительную роль и чисто случайные и семейные обстоятельства. Это видно из внимательного обзора жизни В[ельямино]вых IV колена.

У Василья Васильевича было 3 сына: Иван, Микула и Полиевкт. Василий Вас[ильеви]ч умер в 1373 г. и был последним тысяцким. Неизвестно, кому принадлежала мысль упразднить должность тысяцкого, самому ли Дмитрию Донскому или, что вероятнее, боярам, но едва ли можно сомневаться, что это было не простое упразднение титула и чина, а значительная реформа организации высшего командования и княжеской дружины. Как бы то ни было, но Иван несомненно поэтому перешел в оппозиции и сложил свою голову.

Как старший сын, Иван Вас[ильеви]ч был первым и неоспоримым кандидатом на место тысяцкого, которое занимали его отец, дед и прадед. Не без борьбы, конечно, удерживали Вельяминовы это положение. В 50-х годах у них появился сильный соперник в лице Алексея Петровича Хвоста Босоволкова, родоначальника Отяевых, Пыжевых, Хвостовых и других фамилий. О нем мы знаем, что перед 1341 годом он затеял какую-то крамолу и подвергся опале с конфискацией вотчин и имущества. В 1341 г. в[еликий] кн[язь] Симеон Гордый в договоре с своими братьями между прочими условиями поставил братьям условие не принимать к себе в бояре Алексея Петровича и его детей, который “вошел в крамолу к великому князю”, а брату Ивану сверх того поставил условие не отдавать имущества, конфискованного у Ал[ексея] П[етрови]ча и данного ему, Ивану, “ни его жене, ни его детям, ни иным ничим не подмагати им” (С.Г. и Д. I. № 23). Очевидно, это был крупный и опасный противник, если братьям приходилось договариваться подобным образом. Несколько лет спустя Алексей Петрович был помилован в[еликим] кн[язем] Симеоном и в 1347 г. по его поручению ездил с Андреем Ивановичем Кобылой, в качестве сватов, к в[еликому] кн[язю] Тверскому Александру за его дочь, кн[язной] Марьей. Быть может, в связи с этим ответственным поручением Алексей Петрович получил должность тысяцкого (б. м., после смерти Василья Вельяминовича) и перебил дорогу Вельяминовым. Это вызвало глухую борьбу, которая в 1356 г., когда в[еликий] кн[язь] Иван Иванович был в Орде, разразилась загадочным убийством. Летописи сообщают, что 3/II рано утром Алексей Петрович был найден убитым, неизвестно кем, на площади в Кремле. Некоторые летописи говорят, что, по слухам, это было сделано “общей думой” бояр. Если это и правильно, то отсутствие вел[икого] князя и вероятное соперничество бояр между собой должны были вызвать замешательство, что и отмечено летописями, без определенного указания на непосредственную связь событий. А именно в некоторых летописях есть указание, что весной того же года, по первому пути, т. е. месяца через 3 после убийства Алексея Петровича, большие бояре, захвативши жен и детей, уехали к рязанскому князю. Чем объясняется этот отъезд, неизвестно. Б[ыть] м[ожет], что виновные боялись расследования и наказания, а возможно предположить, что отъезд был вызван страхом перед боярской рознью и наступившим безвластием. Далее летописи сообщают, что в[еликий] князь Иван, вернувшись из Орды, призвал к себе обратно отъехавших бояр, “и перезва к себе паки дву бояринов своих, иже отъехали были от него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевич” (Никонов[ская] летопись. П.С.Р.Л., X, 230). Другого Вас[илия] Вас[ильеви]ча кроме

Вельяминова в это время не было. Поэтому можно думать, что именно В. В. Вельяминов отъехал в Тверь и был возвращен в[еликим] кн[язем] Иваном¹. Во всяком случае, он занял место тысяцкого и был в этой должности до своей смерти. Свое положение он укрепил родственными связями – женил своего сына Микулу на дочери кн[язя] Константина Дмитриевича Суздальского, кн[язне] Марье, а в 1368 г. (6974 г.), б. м., не без его содействия в[еликий] кн[язь] Дмитрий Иванович женился на сестре кн[язны] Марии, на кн[язне] Евдокии, второй дочери кн[язя] К.Д. Суздальского. Смерть Вас[илия] Вас[ильевича], 17 сентября 1373 г., отмечена в летописях как выдающееся событие, а его вдова Марья Михайловна занимала при дворе в[еликого] кн[язя] Дмитрия почетное положение и в 1389 г. с кн[язем] Васильем Дмитриевичем крестила сына Дмитрия – кн[язя] Константина (П.С.Р.Л. XVIII, 115. В[асилий] В[асильевич], в иночестве Варсонофий, погребен в Богоявленском монастыре. П.С.Р.Л. VIII, 52, XI, 108).

Естественно, что Иван, старший сын Василья Васильевича, претендовал на должность тысяцкого, которую занимали его прадед, дед и отец, но был обижен: должность тысяцкого была упразднена. Под впечатлением обиды, Иван Васильевич сошелся с сурожским торговым человеком, которого летописи называют Брехом Некоматом. (Имя этого “бреха” неизвестно. Дело в том, что русское: брех, брехун, очень близко по значению с греческим словом: некомат, проныра, хитрый человек, интриган). Некомат соблазнил своими рассказами и обещанием помощи Ивана Васильевича, который решил вмешаться в борьбу в[еликого] кн[язя] Дмитрия с кн[язем] Михаилом Тверским. Постом 1375 г. Иван Васильевич и Некомат бежали в Тверь к в[еликому] кн[язю] Михаилу, “со многую лежу и льстивыми словесы”, и вызвались поехать в Орду, чтобы добыть ярлык на великое княжение. Некомат, по своей профессии торгового человека хорошо знакомый с путями на юг, быстро съездил, и уже 14 июля вернулся из Орды с послом Ачихожою и привез кн[язю] Михаилу ханский ярлык. Иван Васильевич пока оставался в Орде. Но спор о княжестве был решен не ханским ярлыком, а силами в[еликого] кн[язя] Дмитрия, который в августе того же года принудил кн[язя] Михаила отказаться от вел[икого] княжения и подписать договор “на всей своей воле”. В договоре была дана, между прочим, амнистия всем боярам и слугам, отъехавшим из Москвы в Тверь и из Твери в Москву, за исключением Ивана Васильевича и Некомата: “а что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, и в те села тобя ся не вступати, а им не надобе, – те села мне”, писал в договоре в[еликий] кн[язь] Дмитрий (Договор – С.Г. и Д. I. № 28. Эпизод измены Ив[ана] Вас[ильевича] – П.С.Р.Л. XVIII, 116 и другие летописи).

Опалой и конфискацией вотчин дело не ограничилось. Иван Васильевич, зная, очевидно, об исходе борьбы за в[еликое] княжение, проживал в Орде и только в 1379 г. (6887 г.) решился выехать из Орды и пробраться на Русь, б[ыть] м[ожет], в Тверь. Каким-то обманом он был захвачен в Серпухове, привезен в Москву и казнен на Кучково поле (П.С.Р.Л. XI, 45. Некомат был пойман через несколько лет и казнен в Москве в 1383 г. (6891 г.) П.С.Р.Л. VIII, 49).

Характерно для тогдашних понятий и обычаев, что измена и казнь Ивана Васильевича повели к исключению всего его потомства из среды родословных служилых людей. Четвертое поколение его потомков вымерло в середине XVI в., но, по сообщению родословцев Бархатной книги: “от Ивана дети опалы для в своем роду и в счете не стояли”.

После всего сказанного совершенно ясно, почему Ивана Васильевича мы не находим в синодике Успенского собора. Замечательно, однако, что измена Ивана не отразилась на карьере его братьев, которые очевидно вовремя отмежевались от него.

Микула Васильевич, свояк в[еликого] кн[язя] Дмитрия, был его ближайшим соратником и на Куликовом поле стоял во главе Коломенского полка, где и был убит. В синодике

---

¹ Это предположение подтверждается тем, что жену В. В. Вельяминова звали Марьей *Михайловной* (Примеч. С. Б. Веселовского).

он записан в числе убитых (39–40 стр.). Сыновей у Микулы не было, а его дочь вышла замуж за известного боярина Ивана Дмитриевича Всеволожа.

Третий сын Василья Васильевича – Полуект, вероятно, был боярином. Частные родословцы сообщают про него, что он “убился с церкви”. Полуект тоже не имел сыновей, а его дочь Евфросинья в 1406 г. вышла замуж за кн[язя] Петра Дмитриевича Дмитровского (П.С.Р.Л. XVIII, 153, XXIV, 232). В синодике он записан среди лиц, живших в XIV в. (стр. 48).

У окольничего Тимофея Васильевича был один сын – бездетный Семен, о котором известно, что он был боярином и в 1382 г. ездил с Мих[аилом] Морозовым в Тверь за митрополитом Киприаном (Ак. Юр. б. I, 165 стр., П.С.Р.Л., XI, 81). Его имени в синодике мы не находим. Чем это объясняется, не известно.

У Юрья Грунки был один сын, но его так же, как и самого Грунки и его потомков, в синодике нет. Все это объясняется тем, что эта ветвь рода утратила свое положение в первых рядах боярства и только некоторым представителям ее в XV и XVI вв. удавалось занимать боярские места при дворах удельных князей.

Таким образом, из лиц IV колена 1 человек (Иван Вас[ильевич]) выбыл за измену, 1 человек (сын Грунки) сошел во вторые ряды боярства, 1 (Семен Тимофеевич) хотя и был боярином, но по неизвестной причине в синодик не попал. 2 человека (Микула и Тимофей) записаны в синодике, но не оставили потомства. Таким образом, остается 1 человек – сын Федор[а] Воронца, Иван Фед[орович] Воронцов, который был боярином и записан в синодике и от которого пошли Воронцовы.

Бездетная смерть Микулы, Полиевкта и Семена и измена и казнь Ивана Васильевича привели к тому, что из всего рода Вельяминовых остался в начале XV в. один крупный представитель – Ив[ан] Ф[едорович] Воронцов и что Вельяминовы, как род, потеряли первенствующее положение, которое они занимали почти весь XIV век.

Зато Воронцовы с честью поддерживали славу роду, чему способствовало, вероятно, то, что в последующих поколениях они размножились очень медленно, так что вотчины их не страдали от семейных разделов.

V колено. У Ив[ана] Федоровича Воронцова был один сын – Никита, занимавший в конце княжения в[еликого] кн[язя] Вас[илия] Дм[итриевича] одно из первых мест среди бояр (в 40-х годах XV в. Никита был послухом у данной Ив[ана] Ал[ександровича] Беззубцева Тр[оице]-Сергиеву монастырю. Гр. К. Эк. Владимир, № 1780. Возможно, что у Никиты был брат Дмитрий, умерший в детстве и потому не упомянутый в родословцах, и 3 сына, а не 2, как сказано во всех родословиях. В одном из синодиков Успенского собора так записан род Вороноцых: Никита, Дмитрий, Иван, Тимофей и Матвей. Ист. музей, Усп. соб. № 64, Л. 70 об. сра. Л. 26). Никита записан в синодике среди своих родичей (стр. 49).

VI колено. У Никиты, по родословцам, было 2 сына: Иван и бездетный Тимофей, убитый под Можайском. (Так показано в родословцах. Когда убит?).

Оба они записаны в синодике (стр. 49). (Иван Никитич упомин[ается] в 1474 г. как поручитель по кн[язе] Дан[ииле] Дм[итриевиче] Холмском С.Г. и Д. I № 104). В 1471 г. он был боярином и послухом у духовной кн[язя] Юрья Васильевича. Ув. I № 96.

VII колено. Единственный сын Ив[ана] Никитича – Семен – был выдающимся боярином в[еликого] кн[язя] Ивана и Вас[илия] Ив[ановича]. С 1493 г. он часто упоминается в Разрядах как воевода; в 1504 г. получил прямо боярство и умер в 1518 г. В синодике записан он сам и его жена Мария, в иночестве – Марфа.

VIII колено. У Семена было 4 сына: Михаил, Дмитрий, Иван Фока и Федор Диомид. Все они были боярами, причем по меньшей мере двое (Михаил и Дмитрий) получили боярство сразу, минуя чин окольничего. Федор Диомид в списке думных чинов показан в 1546 г. “выбывшим”. С этим следует сопоставить сообщение кн[язя] Ан[дрея] Курбского, что он был убит по приказу царя Ивана (Р.И.Б. XXXI, 304). Тем не менее в синодике записаны все 4 брата и кроме того записаны: жены Михаила и Дмитрия (стр. 56, 61).

IX колена. В этом колене было 6 человек. Из них записаны в синодике отдельно один Вас. Михайлович, старший в роде, получивший боярство в 1544 г. и казненный в 1546 г., очевидно одновременно со своим дядей Федором Диомидом. Его брат Юрий умер боярином в 1558 г. и не записан в синодике, т.к. приблизительно в это время (незадолго перед 1558 г.) записи бояр в синодике прекращаются.

В общем, непрерывно на протяжении более 200 лет в синодике записаны представители 9 поколений, всего 15 человек (не считая 3 женщин).

Второе по числу записанных в синодике лиц занимает род Кобылин, с тем отличием, что Кобылины вступают на историческую сцену и занимают первые места при московском дворе тогда, когда начинается упадок рода Вельямина. О родоначальнике К[обыли]ны[х], Андрее Ивановиче Кобыле, известно только то, что он был боярином в[еликого] кн[язя] Симеона и в 1347 г. вместе с Алексеем Петровичем Хвостом ездил в Тверь за невестой вел. князя (см. выше, стр. 140). Судя по этому, можно думать, что он не принадлежал к Вельяминовскому кругу приверженцев. В синодике записан Андрей Иванович (стр. 44), но сказать с уверенностью, что это – Ан[дрей] Ив[анович] Кобыла, никак нельзя.

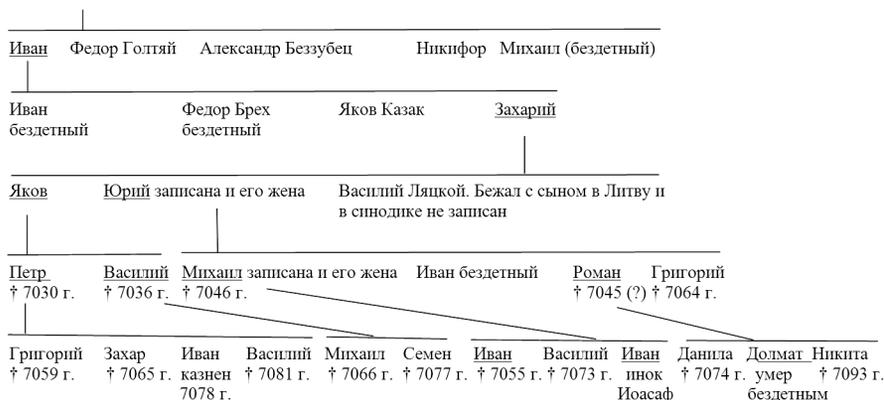
Если принять, что это именно Кобыла, то все-таки приходится считаться с несомненным фактом, что из 5 сыновей Кобылы выдающееся положение занял только один Федор Кошка, его младший сын. Вероятным боярином можно считать второго сына – Александра Елку (родоначальника Колычевых) и, м[ожет] б[ыть], старшего – Семена Жеребца. Последнего в синодике мы не находим. Что касается Ал[ександра] Андреевича, то одно лицо с таким именем записано (стр. 37), но был ли это Елка, это – сомнительно. Более вероятным представляется Ал[ександр] Анд[реевич] Остей из рода Акинфа Великого.

Из пяти сыновей Кобылы несомненно запись только Федора Андреевича Кошки, известного боярина второй половины княжества Дмитрия Донского, умершего в начале XV века.

У Ф[едора] Кошки было 5 сыновей, из которых 2 старших – Иван и Федор Голтяй были боярами, но в синодике записан только первый, т.е. Иван Федорович. Отсутствие Голтяя заслуживает быть отмеченным, тем более, что он мог быть записанным не только как боярин, но и как родственник великокняжеского дома, т.к. его дочь Марья Готляева была замужем за кн[язем] Ярославом Владимировичем Боровским и приходилась тещей в[еликому] кн[язю] Василью Темному, женатому на Марье Ярославне, дочери кн[язя] Боровского.

У Ивана Федоровича Кошкина было 4 сына: Иван, Федор Брех, Яков Казак и Захар. Иван и Федор Брех были боярами (Брех по родословцам, а о боярстве Ивана есть указания в актах), не оставили после себя мужского потомства и не записаны в синодике. У Якова Казака был один сын, умерший бездетным. О его службе ничего не известно и в синодике ни он, ни его сын Василий не записаны. В синодике записан только младший сын – Захарий. Захарий известен в истории как один из зачинщик[ов] ссоры из-за золотого пояса (в 1433 г.) на свадьбе в[еликого] кн[язя] Василья Васильевича. Это позволяет в нем видеть одного из главных вожаков партии, враждебной боярину Ив[ану] Дмитриевичу Всеволожскому, тем более, что он приходился дядей невесте вел[икого] князя, кн. Марье Ярославне Боровской. В дальнейшем мы видим записанными в синодик только Захарьиных-Кошкиных и не находим других представителей рода Кобылы, ни Колычевых, ни Беззубцевых-Шереметевых, из которых некоторые по своей службе в боярских чинах могли бы быть записанными. По неизвестной причине оказался записанным, как исключение, Алексей Игнатьевич Жеребцов (50 стр.). Интересно, отметить, что Ал[ексей] Игн[атьевич] записан как зять Федора Андреевича (Старко Серкизова), а не в числе убитых на Суздальском бою 1445 г. О том, что он был убит под Суздалем, мы узнаем из родословцев и из летописей, а в списке убитых синодика его нет. Для удобства обзора потомства Кошки дается родословная таблица, в которой лица, записанные в синодике, подчеркнуты красными чернилами.

Федор Андреевич Кошка

Все отмеченные лица были боярами. В Щукинском списке позже приписаны все Романы, но в харатейном списке их нет. По Захарьиным можно определить приблизительно время, когда запись отдельных бояр и лиц (вне связи с событиями) прекратилась.

Последним по времени записан боярин Михайлович, умерший в 7055 г., а с другой стороны, не записаны – Григорий Петрович, умерший в 7059 г., Григорий Юрьевич, умерший в 7066 г., и другие, умершие позже (ср. последних 2-х Воронцовых, умерших в 7054 г. и записанных в синодике).

Сравнивая в общем записи Кобылина рода с Вельяминовыми, мы видим, что первые пришли на смену вторым: Вельяминовы в XIV в. занимают первенствующее положение в боярской среде и в первой четверти XV в. сходят со сцены, удерживаясь в первых рядах боярства только в лице Воронцовых. Кобылины же, хотя и занимали в XV в. прочное положение, но их возвышение начинается с Федора Кошки, умершего в начале XV в.

Род Ратши принадлежал к древнейшим и могущественнейшим родам, который, б[ыть] м[ожет], следовало бы поставить, по числу записанных в синодике лиц, на второе место, т.е. выше Кобылиных. Исследование лиц рода Ратши, записанных в синодике, представляет много интересных загадок. Известно, что от старшего сына Гаврилы Алексича, от Ивана Морхини, пошли Холопищевы (кажется, вымершие в XV в.), Пушкины и Товарковы-Пушкины. Вся эта ветвь не может быть причислена к боярским родам в собственном смысле слова, т.к. из всего множества потомков Ив[ана] Морхини только несколько Товарковых попали в думные чины при в[еликом] кн[язе] Иване III и позже (Т[оварко]вы вымерли в середине XVI в.), да Пушкины с конца XVI-го века стали попадать в думу. Неизмеримо значительнее было потомство Акинфа Великого, второго сына Гаврилы Алексича.

Акинф В[еликий] служил кн[язю] Андрею Александровичу Городецкому. После смерти кн[язя] Андрея (1304 г.) Акинф поступил в службу к Тверскому князю Мих[аилу] Ярославичу. В 1306 г. (1304 г.) кн[язь] Михаил и кн[язь] Юрий Данилович сперлись о великом княжении и отправились в Орду. В их отсутствие Акинф, желая заслужить доверие и милость своего нового государя, собрал тверскую рать и сделал попытку “засесть”, т.е. захватить и занять Переяславль, где находился кн[язь] Иван Данилович. В бою под Переяславлем тверская рать была разбита, сам Акинф убит, а его сыновья, Иван и Федор, бежали в Тверь. Выезд Акинфовичей в Москву, как и многих тверских бояр, связан с борьбой Москвы и Твери за великое княжение. В 1338 г. по приказу хана были убиты в Орде тверские князья – Александр и его сын Федор. Кн[язь] Иван Данилович использовал это, чтобы нанести Твери тяжелый удар и унижение (“в Твери от Св. Спаса взял колокол в Москву”),

и к тому времени относится, как сообщают летописи, выезд многих тверских бояр в Москву (А.Е. Пресняков. Образование Великоорусского государства, 157–158 стр.). Уже в следующем году (1339 г.) мы видим двух Ратшичей на службе в Москве – Александра Ивановича (сына Морхини) и его двоюродного брата Федора Акинфовича, бежавшего в Тверь после смерти отца под Переяславлем. А в 1348 г. упоминается как московский воевода и Иван Акинфович (П.С.Р.Л. XVIII, 93 и 96 стр.). Имя его мы находим записанным в синодике (37–38 стр.) в первом списке бояр.

Его младший брат – Федор умер, по родословным данным, бездетным и в синодике не записан. У Ивана Акинфовича было 4 сына: Андрей, Владимир, Роман Каменский и Михаил. Потомство Владимира и Романа не выделило ни одного представителя в боярскую среду. Михаил был воеводой на Куликовском бою, где и был убит, и записан в синодике среди лиц, павших в этом сражении. Мужского потомства Михаил не оставил. Самым замечательным был старший брат – Андрей, ставший родоначальником целого ряда крупнейших боярских фамилий.

По частным родословным данным Андрей Иванович был боярином, что более чем вероятно, но в летописях и актах пока не найдено указаний на его службу. В синодике записан один Андрей Иванович (44 стр.), но кто он, нельзя сказать уверенно – с равным основанием можно видеть в нем Андр[ея] Ив[ановича] Кобылу.

У Андрея Ив[ано]ва Акинфовича было 8 сыновей: 1) Федор Свибло, Иван Хромой, Александр Остей, Иван Бутурля, Андрей Слижень, два бездетных, умерших, вероятно, в молодости и ничем неизвестных сына (Федор Корова и Иван Зеленый), и, наконец, Михаил, от которого пошли Челябинны.

1) Федор Свибло был очень выдающимся боярином в[еликого] кн[язя] Дмитрия. В самом конце XIV в. или в начале XV-го он подвергся опале, и все вотчины и имущество его были конфискованы. Причины опалы мы не знаем. В синодике он не записан, вероятно, вследствие опалы. Единственный сын Федора Свибла, Семен, по частным родословцам, был убит литвой и не оставил потомства (Родословец из Румянцевского собрания, № 350, л. 167, сообщает, что Семен был убит на Белевском бою (1438 г.), но это не подтверждается списком лиц, убитых под Белевым, в синодике (63–64 стр.)). Таким образом, эта отрасль рода пресеклась.

Второй сын – Иван Хромой, по родословцам, был женат на дочери боярина Дм[итрия] Ал[ександровича] Монастырева (записан в синодике как убитый в 1378 г. на р. Воже. 36 стр.) и сам был боярином в[еликого] кн[язя] Дмитрия и свидетелем его второй духовной грамоты. Весьма вероятно, что именно он записан в синодике (49 стр.). Потомство Ив. Хромого более 150 лет состояло в первых рядах боярства. Подобно Воронцовым, потомки Ив. Хромого размножились очень слабо и таким образом могли сохранить свои вотчины от раздробления.

У Ивана было 2 сына: бездетный Роман, о котором ничего не известно, и Давид, боярин и крупный вотчинник. Давид записан в синодике вместе со своим единственным сыном – Федором. О Федоре Давидовиче известно, что он в 1471 г. сразу получил боярство и умер в 1491 г.

У Федора Давидовича было 2 сына – бездетный Григорий и Петр. Оба они получили одновременно, в 1501 г. околичничество, в 1506 г. – боярство и умерли – Григорий в 1518 г., а Петр в 1515 г. Оба записаны в синодике (55 стр.). У Петра был один сын – известный в истории боярин Ив. Петрович Федоров, казненный в 1567 г. В синодике он, конечно, не записан, во-первых, потому, что вообще записи бояр прекратились приблизительно в 1545–50 гг., а, во-вторых, – как опальный.

Третий сын Андрея Ивановича – Александр Остей в 1385 г. был наместником в Коломне и наверное боярином, т.к. наместниками в этом важном для обороны государства городе

обыкновенно были бояре. На этой службе он был захвачен в плен Ольгердом (П.С.РЛ. XVIII, 125). Подпись Остея находится на второй духовной в[еликого] кн[язя] Дмитрия. Он был жив еще в 20-х годах XV в. (правая грамота Чудову монастырю. Мейчик. Грамоты и другие акты, 102, в IV т. Опис. документов Моск. архива Мин. юстиции). С большой вероятностью можно полагать, что именно он записан в синодике в первой группе бояр (37–38 стр.). Во всяком случае, следует отметить, что никто из потомков Остея в синодике не записан, хотя многие из них были в думных чинах, а некоторые боярами. Так, были боярами оба сына Остея: Роман Безногой и Тимофей (последний, кажется, был одно время боярином кн[язя] Василья Ярославича, а потом кн[язя] Дмитрия Шемяки). Единственный и бездетный сын Романа – Андрей Хруль тоже был боярином и был жив еще в начале княжения Ивана III. От Тимофея Александровича пошли ветви – Чулковых, Чеботовых и Жулебиных, из которых многие бывали в думных чинах у вел. князей и частью у удельных. Ни одного из них мы не находим в списках бояр, записанных в синодике без связи с теми или иными событиями.

Иван Бутурля, как четвертый сын, едва ли был боярином, но его второй сын Иван может считаться вероятным боярином в[еликого] кн[язя] Василья Темного (старший сын – Григорий постригся в молодости в Тр[оицком] Сергиеве монастыре, где пробыл иноком более 30 лет). В Шереметевском списке думных людей Ив[ан] Ив[анович] Бутурлин не показан, но весьма вероятно, что он именно подписался на второй духовной в[еликого] кн[язя] Василья Темного. Из четырех сыновей Ив[ана] Ив[ановича] боярами были – старший Андрей (бездетный) и (весьма вероятно) младший – Никита. Наконец, из 4 сыновей Никиты два получили боярство, минуя околичничество, а третий был околичником. Первые два во времени смерти могли бы быть записанными в синодик (Федор Никитич умер в 1520 г., а Иван – в 1538 г.), но ни они, ни Бутурлины другие в синодик не попали.

Об Андрее Слизне, пятом сыне, достаточно упомянуть, что он и все его потомство в думных чинах не бывали и потому, вполне понятно, не записаны в синодик.

Отсутствие в синодике Остевых и Бутурлиных тем более следует подчеркнуть, что потомство младшего сына Андрея Ивановича – Михаила – Челяднины все записаны в синодике, подобно потомкам Ивана Хромого.

Младший сын Андрея Ивановича – Михаил родоначальник Челяднинных, был близким к вел. князю Вас[илию] Дм[итриевичу] боярином. Его подпись мы видим у 2 из 3 духовных грамот вел. князя. Отсутствие его имени в синодике тем более непонятно, что чрез своего старшего сына, Ивана, он был в свойстве с вел[иким] князем. У Михаила было 3 сына: Иван, Василий и Федор Челядня. Иван был женат на дочери князя Юрия Патрикеевича, кн. Елене, которая была дочерью кн. Анны, сестры в[еликого] кн[язя] Василья Темного. Иван и Григорий умерли бездетными, м[ожет] б[ыть], в молодости, в боярах, кажется, не были и в синодике не записаны. Их младший брат – Федор Челядня был выдающимся воеводой и боярином в[еликого] кн[язя] Василья Темного. О близости его к вел. князю говорит то, что он был свидетелем второй духовной в. князя. Федор Челядня записан в синодике (58 стр.).

У Ф[едора] Челядни было 2 сына – Петр и Андрей; оба бояре (Андрей боярин и конюший) и оба записаны в синодике (58 стр.). Единственный сын Петра – Иван – нигде не упоминается, умер бездетным, по-видимому, в молодости и в синодике не записан. У Андрея было 2 сына: Иван и Василий и дочь Марья, вышедшая замуж за кн[язя] Сем[ена] Дан[иловича] Холмского. Т[ак] к[ак] брат Семена, кн[язь] Вас[илий] Дан[илович] Холмский, был женат на дочери в[еликого] кн[язя] Ивана III, то по этому браку Челяднины вторично входили в свойство с великокняжеским домом.

Иван Андреевич в 1510 г. получил сразу чин боярина, в следующем году чин конюшего, а в 1514 г. был взят в плен в Литву, где и умер в следующем году. Имя его записано в синодике вместе с другими Челяднинными. Брат Ивана, Василий, тоже получил боярство сразу,

минуя окольниковство, затем был дворецким и умер в 1516 г., не оставивши сыновей. У Ивана был один сын – Иван же и дочь Марфа, вышедшая замуж за кн[язя] Дм[итрия] Фед[оровича] Бельского. Иван Иванович умер бездетным в чине боярина и конюшего в начале 1542 г. и, таким образом, род Челяднинных пресекается. Ив[ан] Ив[анович] записан последним в синодике.

Из женских имен в синодике записаны: Агриппина, жена Федора Михайловича Челяднина, и Марья, жена Петра Федоровича (32 стр.).

Т[аким] обр[азом], мы видим, что потомки Акинфа Великого записаны в синодике, начиная с Ивана Акинфовича, умершего в середине XIV в., и кончая Хромыми и Челяднинными, из которых последний умер в 1542 г., т.е. почти на протяжении 200 лет.

Всего из рода Акинфа записано:

Иван Акинфович

Андрей Иванович (под сомнением) (Михаил Иванович записан как убитый на Куликовом поле)

5 Хромых

Александр Андреевич Остей

6 Челяднинных (не считая 2 женщин)

Всего 14 лиц, не считая Михаила Ивановича.

Морозовы

Необъяснимо и вызывает недоуменные вопросы отсутствие многих Морозовых и самый выбор имен, записанных в синодике. В XVI в. Морозовы принадлежали к тем исключительным родам, которые сохранили положение в первых рядах боярства. При Иване III Морозовы и Тучковы получают боярство минуя окольниковство. Несмотря на опалы опричнины Морозовы, в лице Морозовых Поплевиных, Салтыковых и Шеиных (Тучковы вымерли в XVI в.), и в XVII в. занимали очень высокие места, наряду с Шереметьевыми, Бутурлиными и другими старыми родами.

Записи в синодике вызывают большое недоумение. Из сыновей Ив[ана] Сем[еновича] Мороза записан только Лев, но не в числе бояр, а среди убитых на Куликовом поле. Отсутствуют все старшие сыновья Мороза, в частности старший – Михаил, который был боярином в[еликого] кн[язя] Дмитрия (П.С.Р.Л. VIII, 47. 1382 г.). Отсутствуют: внук Михаила – Григорий Поплева, который в 1476 г. сразу получил боярство, и другой его внук – Вас[илий] Бор[исович] Тучко, пожалованный в бояре в 1480 г. Мих[аил] Яков[левич] Русалка, очень видный боярин в[еликого] кн[язя] Ивана III. Далее – среди перепутанных хронологически записей мы видим Василья Михайловича “и сыну его Василью, и Семену” (43 стр.). В Щукинском списке эти лица (в том же виде) записаны в другом месте. Это дает основание предполагать, что вся эта часть синодика не раз подвергалась переделкам и текст ее испорчен. Наиболее вероятным лицом является Вас. Мих. Шея Морозов, верный сторонник в[еликого] кн[язя] Василия Темного, но по родословцам у него известны только 2 сына: бездетный Семен Баташ, умерший в середине XV в., и Дмитрий, от которого пошли Шеины.

Еще большее недоумение вызывают дальнейшие записи – Поплевиных и Тучковых.

Синодик дает список Поплевиных, не упоминая самого боярина Григорья Поплеву. Из пяти сыновей Поплевы записано трое: Иван (умер боярином в 1549 г.), Василий и Яков (умерли в 1538 г., первый боярином, а второй – окольниковым). Не записаны – бездетный Григорий, убитый в молодости под Смоленском, и бездетный Роман, утонувший в юности. Из внуков Поплевы записаны: Сем. Иванович, умерший окольниковым в 1557 г., и Григ[орий] Григорьевич, умерший боярином в 1556 г. Не записаны: Владимир Васильевич, казненный в 1564 г., Михаил Яковлевич, казненный с сыном в 1573 г., и Петр Васильевич, умерший боярином в 1579 г.

Выше мы видели, что записи Воронцовых, Кошкиных и Акинфовичей прекращаются (если не считать позднейших приписок имен Романовых) в 50-х годах XVI столетия². Морозовы же Поплевины записаны группой после 1557 года.

Недоуменные вопросы вызывает и запись Тучковых. Сам Вас. Бор. Тучко не записан, а записан его сын Михаил (боярин и дворецкий) и его 2 внука: Иван († 7045 г.) и Василий, которые в думных чинах не были.

Род Зернов. Сабуровы.

По многочисленным и бесспорным указаниям источников род Зерновых был исконным родом костромских бояр. Родоначальником их можно с большой вероятностью считать того костромского боярина Александра Зерна, который был убит в 1304 г. в Костроме, в числе других бояр, мятежными вечниками. Бархатная книга начинается род Зерновых с Дмитрия Александровича, давая ему прозвище: Зерно. Дм[итрий] Александрович и по времени жизни может считаться сыном Александра Зерна, т.к. он, судя по его сыновьям, жил в первой половине XIV в. Легенда о выезде и крещении знатного мурзы Чета, сочиненная в конце XVI в., по-видимому, монахами Ипатьева монастыря, приурочивает выезд Чета к 1330 г. В этой легенде правдоподобно только время выезда Зерновых. Дело в том, что в 1328 г. кн[язь] Ив[ан] Дан[илович] Калита получил в Орде ярлык на великое княжение, в состав которого входила Кострома, и весьма естественно, что после этого Дм[итрий] Ал[ександрович] поступил на службу – “выехал” в Москву. Как бы то ни было, мы видим в синодике запись Дм[итрия] Александровича с сыном Иваном (старший сын) и Дмитрия Дмитриевича (младшего сына, родоначальника Вельяминовых-Зерновых (48 стр.)). Непонятно отсутствие в синодике среднего сына – Константина Дмитриевича Шеи, который был боярином в[еликого] кн[язя] Дмитрия, подписался на духовной грамоте в 1406 г. в[еликого] кн[язя] Василья Дмитриевича и умер, по-видимому, вскоре после этого (Кон[стантин] Дм[итриевич] Шея дал Ипатьеву монастырю с. Костенево (Гр. К. Эк. № 4987) близ Костромы).

У старшего сына Дм. Зерна, у Ивана, было 3 сына: Федор Сабур, Данила Подольский и Иван Годун. По родословным данным Ф[едор] Сабур был боярином в[еликих] кн[язей] Дмитрия и Василья, что весьма вероятно (в IV Новгород[ской] летописи, по списку Дубровского, говорится, что на Куликовом поле в полку Ив[ана] Квашни были храбрые, благородные костромичи – Ф[едор] Сабур и Григорий Холопищев (П.С.Р.Л. IV, 486)). Во всех других летописн[ых] сводах этих лиц на Куликовом поле не показано. Не есть ли это интерполяция с генеалогическими целями? В списке Дубровского есть несколько несомненных интерполяций, сделанных кем-то из Квашниных. Срав[ни] с этим “затейки” Квашниных в списке Разрядов Мелентия Квашнина. Ф. В. Бутурлин (окольничий в 1650–79 гг.), списывая себе у М. Квашина Разряды, отмечал в начале, что они писаны “несправливо” и в них много “затеек” “для своего Квашниных роду” (Моск. Ист. муз. Собр. Уварова, № 513). На нескольких дошедших до нас грамотах в[еликого] кн[язя] Василья Дм[итриеви]ча есть боярская подпись Федора Ивановича, в котором следует видеть именно Сабура. Боярство Сабура подтверждается и тем, что из 6 его сыновей по меньшей мере четверо, а м[ожет] б[ыть] и все 6, были боярами. Второй сын Ивана Дмитриевича – Данила, получивший прозвище “Подольский” от своей вотчины с. Подольского, верстах в 40 от Костромы на р. Сурке (в конце XVI в. с. Подольское принадлежало Годуновым), по родословным данным был боярином в[еликого] кн[язя] Вас[илия] Дм[итриеви]ча. Весьма вероятно, что именно он записан в синодик в первой группе бояр (37 стр.). Что касается Ивана Годуна и его потомства в XVI в., то они совершенно безвестны. При в[еликом] кн[язе] Василье Ивановиче, не раньше,

² Ср. 55 стр. записи Адашева (1556) и Глинского (1559) – *Примеч. С.Б. Веселовского, карандашом.*

Годуновы попадают в “стратилатские” чины, т.е. в полковые воеводы, а их возвышение и появление в “синклитских”, т.е. думных, чинах относится к последней четверти XVI в. Поэтому понятно, что в синодике мы не находим ни одного Годунова. Только в позднейшей записи различных князей мы находим имена отца и матери царя Бориса (стр. 77), записанные очевидно уже в царствование Бориса.

Необъяснимо отсутствие всех Сабуровых, начиная с самого Федора Сабура, которые весь XV в. занимали в боярской среде очень высокое положение (Михаил, Иван, Данила, Василий, Семен Пешек. Сомнение возможно только относительно третьего сына – бездетного Данила. У Михаила сыновей не было, а его единственная дочь вышла замуж за кн[язя] Ярослава Вас[ильевича] Оболенского). Некоторые частные родословцы называют боярином и 6-го сына, Константина Сверчка, но в актах мы не находим подтверждений. Нет в синодике и Юрья Константиновича Сверчкова – по своей дочери Соломонии тестя в[еликого] кн[язя] Василья Ивановича (пожалован в бояре в 1506 г. и умер в 1512 г.).

Вообще про Сабуровых можно сказать, что во второй половине княженья Ивана III они не выдерживают наплыва к московскому двору княжат и в XVI в., размножившись весьма сильно и утратив значительную часть своих вотчин, несмотря на двукратное родство с великокняжеским домом, занимают в боярской среде последние ряды, изредка попадая в Думу.

От Смоленских князей вели свое происхождение целый ряд боярских, утративших княжеский титул, и княжеских родов. Путанная генеалогия Смоленских князей не дает возможности выяснить и проверить во всех случаях показания по этому вопросу родословцев.

От кн[язя] Константина Фоминского выводят свое происхождение боярские роды Травинных, Бокеевых, Карповых, Ржевских, Толбузиных и кн[язей] Козловских. О самом Константине ничего не известно, а его сыновья: Федор Красной, Федор Слепой и Федор Меньшой выехали служить, по-видимому, до княженья Дм[итрия] Донского. По крайней мере, о Федоре Красном Фоминском известно, что в 1340 г. он был воеводой в[еликого] кн[язя] Ивана Калиты в походе с Товлубием под Смоленск (П.С.РЛ. VIII, 206). Через несколько лет ему пришлось выступить в довольно странной роли. Вел[икий] кн[язь] Симеон женился на дочери кн[язя] Федора Святославича Смоленского, но вскоре он развелся с нею. В некоторых родословцах есть указание на причину развода: ляжет вел[икий] князь с княгиней, и она ему покажется как мертвец. В[еликий] князь отослал Евпраксию к отцу в Смоленск и выдал замуж за Федора Константиновича Красного (1346 или 1347 год). В родословцах сыновья от этого брака показаны в двух различных версиях. По Бархатной книге у Федора Красного было 4 сына: Михаил Крюк, Иван Собака, Борис Вепрь и Иван Уда, бездетный. Под другим родословцам сыновья показаны в другом порядке и несколько иначе: Иван Собака, Борис Вепрь, бездетный Иван и младший Иван Крюк. Во втором поколении то же разногласие. По Бархатной книге у Михаила Крюка показано 2 бездетных сына: Борис и Иван, а по другим родословцам Борис и Иван были сыновьями Ивана Крюка. От Ивана Собаки пошли фамилии Травинных, Скрабиных, Осокиных и Пырьевых. Потомство Бориса Вепря и Михаила Крюка вымерло в первой половине XV в. Ни одного из потомков Федора Красного мы не находим в синодике, хотя Михаила Крюка можно считать весьма вероятным боярином, а на боярство Ивана Собаки есть указания в актах. Затем по родословным данным показаны боярами при в[еликом] кн[язе] Василье Дм[итриевиче] оба сына Ивана Собаки – Семен Трава и Василий, и оба сына Михаила Крюка – Борис и Михаил.

От второго сына кн[язя] Константина, от Федора Слепого, пошли Бокеевы и Карповы. Отсутствие в синодике вполне понятно, т[ак] к[ак] внук Слепого, Федор Андреевич, отъехал в Тверь и его потомство вернулось на службу в Москву только с падением Тверского княжества и только в XVI в. стало попадать в Думу, б[ольшей] ч[астью] в чине окольничих.

Всеволожи

К середине XIV в. можно отнести выезд второго рода – Всеволожей. Время выезда Александра Глебовича неизвестно, но два его сына – Дмитрий и Владимир – были воеводами передового полка на Куликовом поле, а Дмитрий в 1392 г. был наместником в Нижнем (П.С.Р.Л. XI, 54; VIII, 62; VI, 122). Это дает основание полагать, что Дмитрий и Владимир были боярами. В синодик записан Александр Всеволодич, в котором можно видеть Александра Всеволода Глебовича, отца указанных лиц. Владимир умер бездетным. От Дмитрия пошли Всеволожи, а от его младшего брата – Ивана Меньшого – Всев[оложи] Заболотские или просто – Заболотские.

Всеволожи заняли при в[еликом] кн[язе] Дмитрие очень высокое положение и, вероятно, принадлежали к партии Вельяминовых. Старший сын Дмитрия, известный впоследствии боярин Иван Дмитриевич, женился на дочери Микулы Васильевича Вельяминова и занял очень высокое положение в боярской среде. В 1392 г. он был послан в В[еликий] Новгород брать черный бор (П.С.Р.Л., VI, 123); такие поручения получали обыкновенно только бояре. О высоком положении Ивана Дми[триевича] говорят родственные связи его и его брата Федора Турика³. Одна из дочерей Ивана Дми[триевича] была замужем за кн[язем] Андреем Владимировичем Радонежским, а другая (с 1421 г.) за князем Юрием Ивановичем**** Тверским. Известно, что Ив[ан] Дми[триевич] имел честолюбие породниться с в[еликим] кн[язем] Васильем Васильевичем и выдать за него третью дочь, но это встретило сопротивление в боярской среде и было причиной его гибели. Ив[ан] Дми[триевич] перешел на сторону кн[язя] Юрия Дми[триевича], но был схвачен, подвергся опале и в 1433 г. ослеплен. На том кончилась его карьера.

Младшая ветвь рода (от Ивана Меньшого), получившая фамильное прозвище Заболотских, по своей вотчине в Переяславле, заняла более скромное место. Только самая младшая отрасль этой ветви – от Василья Заболотского в XV в. выделила двух бояр – Василья Ивановича и его сына Григория Васильевича.

В синодике записаны: Дм[итрий] Александрович, Дм[итрий] Александрович с сыном Иваном, Иван Александрович и Василий Иванович. Только эти лица могли бы быть из рода Всеволожа, но выше мною были высказаны сомнения и соображения, по которым, во-первых, следует исключить Ивана Дмитриевича, как изменника и опального, и, во-вторых, с некоторой вероятностью считать записанными только Дмитрия и Ивана Александровичей и Василья Ивановича.

О других родах Смоленского происхождения – о Монастыревых, Полевых и Еропкиных, Татишевых и друг[их] нет надобности говорить, т.к. они выехали позднее и не принадлежали к среде московского великокняжеского боярства.

Род Бяконта

Выезд Черниговского боярина Федора Бяконта (по житию св. Алексея, митрополита) относится к концу XIII в. Т[аким] об[разом], этот род является одним из древнейших, в том смысле, что потомки Бяконта в лице его старшего сына Елевферия (митрополита Алексея) и других лиц были в числе первых соиздателей Московского княжества. У Бяконта было 5 сыновей: Елевферий (родился около 1300 г.), Феофан, Матвей, бездетный и умерший в молодости, Константин, и Александр Плещей, родоначальник Плещеевых. Из этого поколения записан только старший сын – Елевферий. Когда он внесен в синодик и почему внесен (подобно многим другим) под мирским именем, неизвестно. Феофана можно считать вероятным боярином, а про Александра Плещей известно из летописей, что в 1375 г.

³ У Федора Турика было 2 бездетных сына и дочь Марья, вышедшая замуж за кн[язя] Вас[илия] Ива[новича] Оболенского (Примеч. С. Б. Веселовского).

**** Так в тексте, правильно: Александровичем.

он был наместником и воеводой в Костроме (П.С.Р.Л. VIII, 231). Позже наместниками в Костроме всегда бывали только бояре. Тем не менее, Феофана и Александра в синодике мы не находим.

Из следующего поколения записан только старший представитель рода – Данила Феофанович, “правый доброхот” и любимый боярин в[еликого] кн[язя] Дмитрия, умерший в 1382 г. и погребенный в Чудове монастыре возле своего дяди митрополита Алексея (см. 47 стр.). В 4 колене Феофановичи выбыли из боярской среды и остались только Плещеевы. Из родословных источников известно, что Борис Данилович старший внук Александра Плещея был в первой половине XV в. боярином. Из всех Плещеевых в синодике записаны только Борис Данилович и его сын Михаил, умерший боярином в 1468 г. (57 стр.). Следует обратить внимание на то, что эти лица записаны не в группах боярских имен, а в группе князей Ряполовских, из которых одни умерли в XV в., а один – в 1524 г. Это соединение разнородных лиц, живших в разное время, подтверждает высказанное ранее положение, что первоначальные записи синодика были перепутаны и перемешаны при позднейших переделках и переписках синодика.

Больше Плещеевых в синодике нет, хотя старший сын Михаила Борисовича – Андрей, был боярином ([в] 1490 г. умер), а его братья, Тимофей Юрло и Петр – окольничими, и в следующих поколениях из Плещеевых входили окольничие и даже бояре.

Квашнины

Родословная легенда Квашниных по своим хронологическим несообразностям вызывает сомнения. Первым историческим лицом является Иван Родионович Квашня, известный боярин в[еликого] кн[язя] Дмитрия, воевода на Куликовом поле, смерть которого и погребение у Спаса на Восток в 1390 г. отмечены в летописях. Имя его записано в синодике (стр. 45). Квашнины в XV в. теряют положение в боярской среде. Последним боярином из этого рода был Илья Иванович, второй сын Ивана Квашни. Едигей в своем известном послании к в[еликому] кн[язю] Василью Дмитриевичу указывает Илью Ивановича в числе старейших бояр, советов которых вел.[икий] князь должен был бы слушать, чтобы не ухудшать отношений с Ордой. Имени Ильи Ив[анови]ча в синодике нет. В XVI в. двое Квашниных бывали в думных чинах, но записаны ли они в синодике, нельзя сказать утвердительно, так как раз то место, где их можно предполагать, испорчено в синодике (см. 44–45 стр.).

На этом можно закончить обзор боярских родов, записанных в синодике. Прибавлю только, что без связи с событиями записаны: Фед. Григ. Адашев (умер в 1556 г.) и 3 выезжих грека Траханиоты (начало XVI в. и первая половина).

Заключительные выводы

Выше было отмечено, что синодик подвергался переписываниям, при которых переставлялись имена, группируя их (не всегда) по родам, и портили их, напр[имер], имя по ошибке становилось отчеством, а отчества лиц превращались в имена. Более чем вероятно, что при этих переделках некоторые имена, по ошибке или с намерением, пропускались. Затем несомненно, что при этих переделках и списываниях вставлялись, в зависимости от политической обстановки, новые имена, как это мы видим с именами Романовых и именем отца Бориса Годунова, вставленным позже среди княжеских имен. Вследствие этих переделок и получилось, что хронология записей событий, как менее подвергавшаяся переделкам, в общем, оказывается довольно выдержанной. Хронология же записей лиц, записанных без связи с событиями, совершенно не выдержана и самые записи разбросаны во множестве мест.

Это обстоятельство в очень значительной мере понижает ценность синодика как исторического источника, и его следует все время иметь в виду, когда мы будем делать выводы из наблюдений над записями. С этой оговоркой наблюдения можно формулировать так.

Синодик отнюдь не дает списка бояр (введенных, по терминологии XIV–XV вв., думных – позже), а вносит их в службу в числе поборников православия с выбором. За XIV в. и начало XV-го записано довольно много (сравнительно с общим количеством бояр) лиц. Приблизительно с княженья Василия Темного синодик записывает по выбору небольшую часть бояр, составлявших правящую верхушку государства. Кто, как и по каким признакам был записываем, остается загадкой. Самая цель службы и поминания лиц, большей частью в связи с крупными событиями государственной жизни, имеют общественно-государственный характер. В отличие от обычных синодиков много лиц в синодике записаны не по своим монашеским именам, как это полагалось и было принято, а по мирским именам, которые были известны современникам и потомству. Тем не менее следует отвергнуть предположение, что записи тех или иных лиц производились по указанию великих князей. Этому предположению противоречит тот несомненный факт, что в синодик не попало очень много лиц из боярской среды, очень близких к великим князьям и очень влиятельных в свое время. Эти соображения позволяют предполагать, что при Успенском соборе существовала известная среда, близкая ко двору и верхам боярства, но не тождественная с ними, которая по-своему расценивала события и людей и решала, что и кого следует увековечить в своих поминаниях. Весьма вероятно, что не игнорировалась показная сторона дела, т.е. то впечатление, которое должна была производить служба на молящихся. Учитывалось то, что длинные списки имен и отчеств, да еще без княжеских титулов, были утомительными для молящихся, тем более, что для большинства с этими именами не было связано воспоминаний, а если были воспоминания, то они скоро изглаживались в памяти потомства. Неудобно было и оставлять боярские имена (записанные в разное время после смерти лиц) и разбросанными среди событий. Такие поминания говорили бы молящимся еще меньше, чем длинные списки боярских имен, и разбивали бы впечатление. Составители и последующие редакторы синодика учитывали это обстоятельство и избрали средний путь: для более раннего времени (XIV век) они образовали группы лиц, а для более древнего времени образовали группы лиц по знатным родам: Челяднинных, Морозовых и т.п. В обоих случаях много лиц, весьма вероятно, было выброшено – к сожалению для исследователей – совсем.

Тем не менее синодик представляет чрезвычайно ценный исторический источник и было бы очень желательно исследовать княжеские имена так же, как это сделано выше относительно боярских имен.

АРАН. Ф. 620 (С. Б. Веселовский). Оп. 1. Д. 87. Л. 65–89. Автограф.

DOI 10.31168/041078-7.27

ЗАПИСКА А. И. АНДРЕЕВА О КООРДИНАЦИИ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН МЕЖДУ МОСКОВСКИМ ИСТОРИКО- АРХИВНЫМ ИНСТИТУТОМ И ИНСТИТУТОМ ИСТОРИИ АН СССР (1943 г.)

Историк А. И. Андреев – одна из ключевых фигур в развитии вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения в отечественной исторической

науке первой половины XX века¹. Будучи учеником академиков Н. П. Лихачева и А. С. Лаппо-Данилевского, он стремился сохранить и развивать традиции отечественного дореволюционного источниковедения в советское время, несмотря на непростые условия. В 1929 г. Андреев был арестован по так называемому Академическому делу, сослан в Сибирь. Через некоторое время после возвращения из ссылки он начал работать в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. В 1943 г. стал заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Московском историко-архивном институте. Кафедра была основана в 1939 г., и ее первым руководителем был А. Н. Сперанский, скоропостижно скончавшийся в 1943 г.² А. И. Андреев не случайно оказался его преемником. Помимо высокого научного авторитета следует отметить и тот факт, что до этого Андреев тесно сотрудничал со Сперанским³.

При Андрееве на кафедре работали высококлассные преподаватели и крупные ученые: А. А. Новосельский, В. К. Лукомский, В. К. Яцунский, Л. В. Черепнин и др. Пост заведующего кафедрой А. И. Андреев вынужден был покинуть в 1949 г. в связи с непрекращавшимся давлением на него в ходе кампании по борьбе с “буржуазным объективизмом”⁴.

Во второй половине 1930-х гг. в Институте истории разработка вспомогательных исторических дисциплин была сосредоточена в Ленинградском отделении (ЛОИИ). При создании института в его рамках работал сектор вспомогательных исторических дисциплин⁵. Его первым руководителем являлся известный специалист по древнерусской литературе – академик А. С. Орлов⁶. Но сектор просуществовал недолго.

Планы по его возрождению возникли в эвакуации. 9 ноября 1943 г., выступая на Ученом совете Института истории с докладом “Основные вопросы пятилетнего плана Института истории”, директор Б. Д. Греков указал, что институту следует обратить особое внимание на изучение вспомогательных исторических дисциплин. 23 декабря 1943 г. Президиум АН СССР принял решение организовать сектор вспомогательных исторических дисциплин в Институте истории⁷.

---

¹ О нем см.: *Сербина К. Н.* Александр Игнатьевич Андреев // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960. С. 477–482; *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. М., 1990; *Хорхордина Т. И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 462–478; *Медушевская О. М.* История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А. И. Андреева // Вестник РГГУ. Серия “Исторические науки”. 2008. № 4. С. 327–328; *Ананьев В. Г.* Из истории подготовки издания “Истории Российской” В. Н. Татищева в XX веке // История и историки: Историографический вестник. 2008. М., 2011. С. 186–207.

² *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. С. 11–14; *Каменцева Е. И., Простоволосова Л. Н.* Основатель кафедры вспомогательных исторических дисциплин Александр Николаевич Сперанский (1891–1943) // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 157–169.

³ *Ананьев В. Г.* Александр Николаевич Сперанский: материалы к научной биографии // Вестник РГГУ. Серия “Исторические науки”. Историография, источниковедение, методы исторического исследования. 2011. № 12 (74) / 11. С. 49–57.

⁴ *Тихонов В. В.* Идеологические кампании 1948–1949 гг. в Московском историко-архивном институте // ОА. 2017. № 3. С. 3–13.

⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 20. Л. 4.

⁶ Там же. Оп. 5. Д. 31. Л. 9.

⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 39. Л. 224.

В 1944 г. сектор вспомогательных исторических дисциплин начал свою работу. Его руководителем стал С. Н. Валк. На заседании дирекции Института истории 17 января 1944 г. он представил план развития нового подразделения. Вспомогательные исторические дисциплины рассматривались им как ключ к изучению исторического источника. Причем С. Н. Валк указывал, что знание этих дисциплин необходимо как специалисту по дореволюционной, так и по советской истории. По его мнению, комплексное исследование исторических источников разных эпох в будущем приведет к расширению существующего круга вспомогательных исторических дисциплин. Также он указывал на необходимость “пространственного” расширения источниковедческих исследований, поскольку отечественные источники необходимо изучать в тесной связи с источниками западноевропейской и восточной истории. Работа сектора должна была способствовать переходу к систематическому изданию исторических источников: “Основная его задача – научно-исследовательская работа в области этих [вспомогательных исторических] дисциплин. Вторая задача – практическая, связанная с проводимой в Институте работой по изданию исторических источников”⁸. Учитывая, что в этом же году в рамках Института истории АН СССР была воссоздана Археографическая комиссия⁹, ясно, что обе структуры должны были работать в тесном контакте.

О создании нового сектора С. Н. Валк напечатал специальную заметку в “Историческом журнале”, по большей части повторяющую его выступление на дирекции, за исключением организационных вопросов¹⁰. Но в опубликованной заметке четче ставилась основная цель сектора – разработка плана и издание серии “Памятники истории СССР” с опорой на традиции дореволюционной науки¹¹.

Сектор вспомогательных исторических дисциплин, в том числе и в силу организации науки в СССР, построенной на централизации и концентрации ресурсов в одном месте, должен был занять ведущее положение в развитии специальных дисциплин и источниковедении. Возникал естественный вопрос о связях сектора с вузовской наукой этого направления. Ведущую роль здесь занимала кафедра вспомогательных исторических дисциплин ИАИ, возглавляемая А. И. Андреевым, одновременно являвшимся сотрудником Института истории. Учитывая, что и С. Н. Валк, и А. И. Андреев были учениками А. С. Лаппо-Данилевского, а также сотрудничество С. Н. Валка с Историко-архивным институтом, точек соприкосновения между сектором и кафедрой было предостаточно.

Накануне создания сектора А. И. Андреев подготовил записку, в которой высказал свои соображения о роли будущего подразделения и координации его работы с кафедрой вспомогательных исторических дисциплин ИАИ. В записке заметно, что ее автор предостерегает будущее руководство и сотрудников от увлечения исключительно деятельностью по изданию исторических памятников

---

⁸ См.: НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225а.

⁹ См.: Кушева Е. Н. Археографический совет и публикаторская работа Института истории Академии наук СССР (1948–1951) // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 197.

¹⁰ Эта небольшая заметка С. Н. Валка рассматривается современными специалистами как важный шаг в развитии вспомогательных исторических дисциплин. См.: Абрамова Н. Г., Круглова Т. А. Вспомогательные исторические дисциплины: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2008. С. 77–78.

¹¹ Валк С. Н. Сектор вспомогательных исторических дисциплин Института истории АН СССР // Исторический журнал. 1944. № 5–6. С. 93–94.

и рекомендует обратить внимание на разработку вспомогательных исторических дисциплин как самостоятельных предметных областей исследования.

Дальнейшая судьба сектора вспомогательных исторических дисциплин под руководством С. Н. Валка туманна. Ясно, что сектор еще во второй половине 1940-х гг. был закрыт, но документов, проливающих свет на причины этого и фиксирующих время закрытия, обнаружить пока не удалось. Из воспоминаний Л. В. Черепнина о С. Н. Валке можно узнать, что сектор успел провести несколько заседаний до того, как С. Н. Валк переехал в Ленинград. Здесь же, как кажется, можно найти и завуалированный намек на судьбу сектора. Так, Л. В. Черепнин, рассуждая о вкладе С. Н. Валка в развитие вспомогательных исторических дисциплин, предпочел уклониться от рассказа о том, что же случилось с его детищем: “Не касаясь дальнейшей судьбы сектора...”¹² С одной стороны, может быть, эта оговорка ничего и не значит. Но, с другой, стремление избежать разговора об этом приобретает вполне определенный смысл, если вспомнить о бушевавших в 1947–1948 гг. кампаниях по борьбе с “низкопоклонством перед Западом” и “буржуазным объективизмом”, жертвами которых стали С. Н. Валк и А. И. Андреев, т.е. ключевые фигуры в работе сектора. В этом контексте оговорка Л. В. Черепнина может быть расценена как стремление избежать табуированной темы. Можно предположить, что именно эти события и спровоцировали тихое закрытие сектора, возглавляемого раскритикованным историком. В любом случае, эта забытая страница развития вспомогательных исторических дисциплин в России требует дальнейшего изучения.

В.В. Тихонов

В Институт истории Академии наук СССР

В связи с происходящими сношениями по организации при Институте истории с 1944 г. сектора вспомогательных исторических дисциплин, считаю необходимым обратить внимание на нижеследующее.

После довольно длительного периода, когда значение вспомогательных исторических дисциплин не признавалось, а их преподавание прекратилось в университетах и педвузах, по указанию руководящих органов должен наступить перелом в таком ненормальном положении и указанным дисциплинам должно быть отведено надлежащее место и в учебной, и в научно-исследовательской работе.

Когда академик Б. Д. Греков¹ в одном из заседаний сектора истории СССР Института Истории сообщал об образовании сектора вспомогательных исторических дисциплин, то с трудом назвал четырех специалистов, которые работали по указанным дисциплинам в эти годы и могут работать впредь в той же области. Список Б. Д. Грекова был неполон, но даже при его пополнении лицами, вероятно, им случайно забытыми, количество сохранившихся специалистов в различных вспомогательных исторических дисциплинах весьма небольшое: не более 10–15 чел[овек]. Казалось бы, что для начала деятельности сектора необходимо сосредоточиться в нем на тех, кто работал в области вспомогательных исторических дисциплин и историческом источниковедении в последние годы, независимо от того, где эти лица находятся в настоящее время.

Из среды этих специалистов выйдут те конкретные научные исследовательские задачи, которые стоят перед каждой вспомогательной исторической дисциплиной и перед историческим источниковедением в целом.

---

¹² Черепнин Л. В. Памяти С. Н. Валка // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 245.

Сектор вспомогательных исторических дисциплин должен быть прежде всего научно-исследовательской организацией и ни в коей мере не превращаться в какой-то редакционно-издательский аппарат, как его представляют себе некоторые лица.

Наличие весьма небольшого количества специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин и исторического источниковедения в связи с несомненной потребностью в них (в некоторых вузах с будущего года вводится палеография, дипломатика и другие основные дисциплины) заставляет теперь же поставить вопрос о подготовке кадров.

Единственный вуз, в котором преподавание вспомогательных исторических дисциплин и исторического источниковедения стояло все последние годы и стоит также теперь в учебном плане, – это Историко-архивный институт Управления государственными архивами НКВД СССР². С этого учебного года преподаванию на кафедре вспомогательных исторических наук этого Института придана большая стройность и отчетливость, введено преподавание новых предметов (историческое источниковедение – курс общий и специальный), впервые поставлены некоторые семинары (по специальному источниковедению и геральдике), приглашены новые преподаватели и специалисты по вспомогательным историческим дисциплинам; выработанный нормальный план преподавания предусматривает введение с будущего учебного года преподавание латинского языка и некоторых новых дисциплин, доселе в Историко-архивном институте не входивших в число предметов преподавания (историческая география и генеалогия). Учебный план утвержден ВКВШ³, а программы кафедры представлены на утверждение. В соответствии с ними кафедра разработала план подготовки учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам; некоторые из них уже готовы (хронология⁴, метрология⁵), другие будут готовы в 1944 году (палеография⁶, дипломатика⁷, сфрагистика); подготовку пособий по всем прочим вспомогательным историческим дисциплинам и историческому источниковедению предлагается закончить в 1945 году, причем с отдельными лицами – авторами этих пособий – имеется уже соглашение.

Управление государственными архивами НКВД СССР, всемерно поддерживая начинающая кафедра по подготовке пособий, включило печатание их в издательский план УГА⁸ НКВД СССР на 1944–1945 гг.

При изложенных обстоятельствах кафедра полагает, что и при наличии сектора вспомогательных исторических дисциплин Института истории она будет продолжать свою учебную и научную работу по подготовке учебных пособий, для составления которых требуется, однако, помощь специалистов, так как разработка вспомогательных исторических дисциплин нередко находится в таком положении, что прежде чем написать пособие, составитель его должен произвести предварительно научно-исследовательскую работу; если при новом положении некоторые из подобных работ отойдут от кафедры к специалистам, которые будут работать в секторе, то наука от этого только выиграет; нет надобности указывать, что, сохраняя полную самостоятельность и независимость, обе организации в результате переговоров сумеют уточнить их общие задачи.

При кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института имеются аспиранты (два); число их несомненно придется увеличить, но столь же очевидно, что и при секторе вспомогательных исторических дисциплин должны быть аспиранты, план подготовки которых желательно также разработать обеим организациям совместно.

Стремясь развивать преподавание вспомогательных исторических дисциплин и исторического источниковедения, кафедра их в Историко-архивном институте рассчитывает на помощь и содействие сектора вспомогательных исторических дисциплин Института Истории не только в научной, но и в учебной работе.

Изложенные соображения были представлены мною руководству Историко-архивного института⁹ и получили полную поддержку.

Заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института УГА НКВД СССР, доктор исторических наук

9 декабря 1943 г. [А. И.] Андреев.

НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–4. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, д.и.н., академик АН СССР (1935), директор Института истории АН СССР (1937–1953), специалист по истории средневековой Руси.
- ² МГИАИ с 1938 по 1947 г. находился в ведении НКВД.
- ³ Всесоюзный комитет по делам высшей школы.
- ⁴ Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944.
- ⁵ Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944.
- ⁶ Черепнин Л. В., Чаев Н. С. Русская палеография. М., 1946.
- ⁷ Работа над учебным пособием “Основы палеографии и дипломатики” началась еще в 1939 г. Авторами должны были стать А. Н. Сперанский (разделы по дипломатике) и Н. С. Чаев (палеография). После войны предполагалось издать разделы А. Н. Сперанского отдельным изданием как пособие по дипломатике, но от этого отказались. В 1940-е гг. сотрудниками кафедры (Л. В. Черепнин, А. А. Зимин и др.) готовилась хрестоматия по дипломатике, но она так и не была опубликована из-за идеологической критики традиций изучения дипломатики, заложенных А. С. Лаппо-Данилевским.
- ⁸ Управление государственными архивами.
- ⁹ Директором ИАИ в это время был Жибарев Павел Борисович (1906–1978), к.и.н., занимал эту должность до октября 1944 г.

DOI 10.31168/041078-7.28

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ М. Е. БЫЧКОВОЙ О М. Н. СПЕРАНСКОМ И ИЗУЧЕНИИ “СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”

Статью «М. Н. Сперанский в работе над “Словом о полку Игоре”» Маргарита Евгеньевна Бычкова (1936–2014) подготовила к моменту обсуждения книги своего учителя А. А. Зимина о “Слове о полку Игоре” в мае 1964 г.¹ Опубликованные материалы дискуссии показывают, что работа над статьей началась еще в 1963 г. А. А. Зимин, отвечая на критику своей книги со стороны В. Д. Кузьминой, уточнял, что “Маргарита Евгеньевна занималась рукописями Сперанского уже тогда, когда моя работа была сдана на ротاپринт”. Книгу А. А. Зимин отдал для размножения 9 июля 1963 г.² Возможно, в данном случае речь должна идти об изучении имеющихся публикаций М. Н. Сперанского, поскольку из листов использования дел в составе фонда М. Н. Сперанского в РГАЛИ (Ф. 439) ясно, что М. Е. Бычкова работала с документами фонда М. Н. Сперанского начиная с 28–29 января 1964 г. В статье она ссылалась на просмотренные дела, организованные в две описи. В 1977 г. описи были переработаны А. Д. Зайцевым, составлена единая опись фонда: несколько изменилась нумерация дел.

¹ История спора о подлинности “Слова о полку Игоре”: материалы дискуссии 1960-х годов. СПб., 2010. 792 с.

² Там же. С. 551, 45.

Чуть более чем через полтора месяца работы в архиве материал был в основном собран, и 25 марта 1964 г. М. Е. Бычкова выступила с одноименным докладом в “древнерусской группе ИМЛИ”, а уже во время обсуждения книги А. А. Зимины в мае 1964 г. он сам, В. Д. Кузьмина и В. Б. Кобрин ссылались на неопубликованную статью М. Е. Бычковой, которую они, судя по стенограмме, знали³. Можно подсчитать, что со времени доклада в ИМЛИ и до дней обсуждения книги А. А. Зимины, когда со статьей уже можно было ознакомиться, прошло еще полтора месяца. Таким образом, можно говорить о том, что статья была подготовлена быстро, особенно это касалось просмотра неопубликованных работ и черновых заметок М. Н. Сперанского. Статья М. Е. Бычковой была готова к маю 1964 г. и заняла свое заметное место в истории изучения “Слова о полку Игореве” и в дискуссиях по поводу книги А. А. Зимины. Но статья никогда не публиковалась. Более того, не сохранилось сведений о каких-либо усилиях М. Е. Бычковой опубликовать статью в последующие годы, например, после смерти А. А. Зимины или после публикации материалов дискуссии о его книге о “Слове”. Мы не имеем информации и о том, переделывался ли в какой-то степени тот вариант статьи, который читали участники дискуссии, или это был окончательный вариант текста, который сохранился в архиве М. Е. Бычковой.

Известно, что после обсуждения ротапринтного издания А. А. Зимин продолжал работать над монографией о “Слове”, перерабатывая и расширяя текст. В его книге М. Е. Бычкова названа среди тех, кто оказал автору “дружескую помощь”. А. А. Зимин благодарил Маргариту Евгеньевну за то, что она познакомила его с письмами Екатерины II А. И. Мусину-Пушкину, в которых та упрекала графа за критику в адрес В. Н. Татищева и И. Н. Болтина. В книге А. А. Зимин подробно характеризовал труды М. Н. Сперанского о “Слове”. Его суждение о том, что работы М. Н. Сперанского представляют “большой интерес для специалистов”, основано в том числе и на неопубликованной статье М. Е. Бычковой о вкладе М. Н. Сперанского в изучение “Слова”, сопровождавшейся цитатами из неопубликованных работ М. Н. Сперанского⁴.

Отмечу и то, что сведения о работах М. Н. Сперанского и цитаты из его неопубликованных трудов о “Слове”, которые А. А. Зимин приводил в своей книге по статье М. Е. Бычковой, вошли в недавнюю литературу как наблюдения именно А. А. Зимины, а не М. Е. Бычковой. В частности, это “догадка о правке Пространной редакции Задонщины по Слову”, высказанная М. Н. Сперанским и приведенная А. А. Зиминим именно по статье М. Е. Бычковой, где она цитировала саму рукопись М. Н. Сперанского (примеч. 19)⁵.

Несколько строк о М. Е. Бычковой и ее статье о Сперанском имеются в воспоминаниях А. А. Зимины. Научный руководитель ценил исследования своей студентки, дипломницы и аспирантки в области генеалогии и ее помощь “в единоборстве”: “Зато М. Е. Бычкова выдержала все испытания судьбы и прочно заняла свое место в науке... Упорство и целеустремленность Риты отменны. Судьбу свою она связала с весьма дефицитной профессией – генеалогией... В трудные годы Рита

³ Там же. С. 289, 290, 408, 535, 551.

⁴ *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве / Отв. ред.: В. Г. Зимины, О. В. Творогов. СПб., 2006. С. 13, 365, 412 (примеч. 161, 165).

⁵ *Бобров А. Г.* “Заколдованный круг”: (о книге А. А. Зимины “Слово о полку Игореве”) // РЛ. 2008. № 3. С. 88 (примеч. 59).

помогала мне в единоборстве (написала интересную статью о М. Н. Сперанском и Слове, кое-что перевела из Мазона)... Словом, наука стала ее второй жизнью”⁶.

Данная публикация ставит целью ввести в научный оборот статью М. Е. Бычковой и фрагменты неопубликованных работ М. Н. Сперанского (расширенные по усмотрению публикатора) и никак не интерпретирует те или иные суждения о природе и происхождении “Слова о полку Игореве”.

Текст статьи обнаружил О. И. Хоруженко среди документов личного архива М. Е. Бычковой, которые в настоящий момент обрабатываются и готовятся для передачи на хранение в Институт российской истории РАН, где многие десятилетия трудилась М. Е. Бычкова. Текст статьи представляет собой 1-й экземпляр машинописи (27 страниц бумаги, уже порядком пожелтевшей). Левое поле – примерно 2,5–3 см, верхнее и нижнее – до 1,5 см, правого поля практически нет. На страницах нет никаких рукописных помет или правки, нет зачеркиваний и текста, вписанного над строкой, на полях или на обратной стороне листов (что М. Е. иногда практиковала). Машинопись – беловой вариант текста статьи, очевидно перепечатанный из предыдущего варианта текста (рукописного или машинописного – неизвестно) профессиональной машинисткой. Об этом говорят корректная организация текста и подстрочных примечаний (иногда занимающих до 20–30% текста страницы) на страницах формата А4, нумерация страниц в середине верхнего поля листа в виде “- 2 -” и доступные для машинописи шрифтовые украшения текста на последней странице.

При подготовке текста к публикации цитаты из неопубликованных работ М. Н. Сперанского, приведенные М. Е. Бычковой, сверены по документам его фонда в РГАЛИ (Ф. 439).

Подстрочные примечания с библиографическими ссылками в тексте статьи принадлежат М. Е. Бычковой и имеют сквозную нумерацию. В случае необходимости рядом в квадратных скобках приводится номер дела или листов дел в соответствии с существующей сейчас описью ф. 439 (после переработки А. Д. Зайцева). Библиографическое описание изданий в подстрочных примечаниях приведено в соответствии с действующими стандартами.

Сокращения слов, сделанные М. Н. Сперанским в его работах, раскрывались М. Е. Бычковой при цитировании без оговорок и специальных обозначений (примеч. 6). Опечатки, орфографические ошибки, не влияющие на смысл, исправлены без оговорок. Такой подход сохранен и публикатором; исключение сделано для встречающихся в рукописях М. Н. Сперанского сокращений под титулом; такого рода сокращения оговариваются в примечаниях публикатора.

Квадратными скобками в публикации обозначены все случаи вмешательства публикатора в авторский текст М. Е. Бычковой. Кроме того, в некоторых случаях в квадратных скобках дополнительно приводятся опущенные М. Е. Бычковой при цитировании фрагменты текста М. Н. Сперанского, имеющие, по мнению публикатора, смысловой характер. Такой приводимый дополнительно текст из рукописей М. Н. Сперанского сопровождается указанием на номер и лист дела без приведения названия архива и номера фонда. Номера примечаний публикатора заключены

---

⁶ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 272, 280.

в квадратные скобки, размещаются после текста. Краткие примечания публикатора в случае необходимости помещаются внутри текста в квадратных скобках с указанием инициалов публикатора.

Подчеркивания в цитатах из работ М. Н. Сперанского принадлежат М. Н. Сперанскому, они последовательно воспроизводились в статье М. Е. Бычковой. В настоящей публикации отмечаются в примечаниях.

При подготовке статьи М. Е. Бычкова обращалась ко многим делам фонда М. Н. Сперанского (некоторые дела в статье упомянуты, но не просмотрены), что позволило ей сделать аргументированные выводы о вкладе ученого в изучение “Слова о полку Игореве”, охарактеризовать его оригинальные наблюдения над текстом и списками “Слова” в сравнении с другими литературными памятниками. Представляется, что основа суждений М. Е. Бычковой будет более четко проявлена, если привести состав дел фонда М. Н. Сперанского, к которым она обращалась.

Нумерация дел приведена в соответствии с переработанной А. Д. Зайцевым описью. Заголовки дел воспроизводятся по архивной обложке:

266. Лекции о “Слове о полку Игореве”. Начало XX в. 14 л. Рукопись. Автограф.

Состав дела:

Л. 1–5 об. – Лекция 1.

Л. 6–9 – Лекция 3–4. Л. 6–6 об., 9 об. – пустые.

Л. 10–11 об. – Лекция 5–6.

Л. 12–14 об. – Лекция 6–7. Л. 14 об. – пустой.

Лист использования: 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев; 27 сентября 1991 г. – ?

267. К истории первого издания “Слова о полку Игореве”. Доклад. Автограф. 1925 г. 21 л.

Состав дела:

Л. 1–13 – Текст доклада. Заглавие – М. Н. Сперанского. Л. 1а, 3а, 8а, 8б, 10а, 10б, 13а – рукописные вставки на подклеенных листках.

Л. 14 – Машинописное объявление о 372-м заседании Русского библиографического общества в понедельник 30 марта 1920 г., 19.30 с докладом М. Н. Сперанского. Адрес синими чернилами: “Акад. М. Н. Сперанскому”.

Лист использования: 26 ноября 1954 г. – В. Д. Кузьмина; 27 ноября 1957 г. – ?; 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 21 марта 1965 г. – В. Д. Кузьмина; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев; 27 сентября 1991 г. – ?

268. Статья М. Н. Сперанского по поводу переводов “Слова о полку Игореве”. 28 февраля 1935 г. 89 л. Машинопись с рукописной правкой и отдельными листками с заметками и выписками.

Состав дела:

Л. 1–11 – Предисловие к изданию перевода “Слова о полку Игореве”. 20 февраля 1935 г.

Л. 12–33 – Текст “Слова о полку Игореве” по изданию 1800 г.

Л. 34–49 – Исправления и комментарии.

Л. 50–57 – Машинопись с правкой с описанием сохранившихся экземпляров “Слова о полку Игореве” издания 1800 г. с их особенностями. 28 февраля 1935 г.

Л. 58–59 – Выписки из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей.

Л. 60–85 – Отдельные листки с заметками об издании “Слова о полку Игореве” 1800 г.

Лист использования: 26 октября 19-- г. – В. Д. Кузьмина; 21 и 23 марта 1955 г. – А. Н. Робинсон; 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 марта 1965 г. – В. Д. Кузьмина; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев.

269. О двух изданиях “Слова о полку Игореве” Н. С. Тихонравова. Конец XIX в. 4 л. Рукопись. Автограф.

Состав дела:

Л. 1–4 об. – Рецензия на два издания “Слова о полку Игореве” с их сравнением. Характеристика взглядов Н. С. Тихонравова на “Слово”, их эволюции, вклада Н. С. Тихонравова в изучение “Слова о полку Игореве”.

Лист использования: 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев.

270. Разбор “Слова о полку Игореве”. Конец XIX в. 22 л. Рукопись. Автограф. Заглавие – М. Н. Сперанского. Приписки на полях.

Состав дела:

Л. 1–3 – Характеристика начертаний букв рукописного сборника со “Словом” по изданию “Слова” 1800 г.

Л. 3–6 об. – Характеристика состава рукописного сборника со “Словом” и произведений в нем. Выводы о сборнике.

Л. 7–20 – Комментарии к “темным местам” “Слова”. Л. 21 об.–22 об. – пустые.

Лист использования: 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев.

271. Доклад «Федор Евгеньевич Корш и “Слово о полку Игореве”». 16 февраля 1916 г. 13 л. Машинопись с правкой и вставками чернилами черного цвета рукой М. Н. Сперанского. М. Е. Бычкова ссылалась на нумерацию машинописи, а не архивного дела.

Машинопись подписана М. Н. Сперанским и датирована 13 февраля 1916 г.

Состав дела:

Л. 1–1 об. – Обложка с заглавием доклада – Федор Евгеньевич Корш и “Слово о полку Игореве”. 16/II 916 г. Университет.

Л. 2–12 – Текст доклада.

Л. 13–13 об. – Обложка.

Лист использования: 2 ноября 1954 г. – В. Д. Кузьмина; 28 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев; 17 марта 1983 г. – ?

275. Материалы к работе “Слово о полку Игореве”. Начало XX в. 37 л. Рукопись. Автограф.

Состав дела:

Л. 1–27 об. – Выписанные слова, встречающиеся в “Слове о полку Игореве” и других памятниках.

Л. 28–37 об. – Выписки из различных изданий, в том числе “Вестника Европы” с биографией А. И. Мусина-Пушкина. Листки с пометами красным карандашом.

Лист использования: 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев.

276. Материалы к докладу «К вопросу о первом издании “Слова о полку Игореве”». 1920 г. 28 л. Рукопись. Автограф. Тетрадные листы с подклеенными листами другой бумаги, черные чернила.

Состав дела:

Л. 1–28 – Выписанные примечания из издания “Слова о полку Игореве” 1800 г. с уточнениями и дополнениями.

Лист использования: 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 января 1966 г. – В. Д. Кузьмина; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев.

277. Слово о полку Игореве. Поправки и изменения, сделанные в 1-м издании. Начало XX в. 3 л. Рукопись. Автограф.

Состав дела:

Л. 1–3 об. – Заглавие М. Н. Сперанского – Поправки и изменения А. Ф. Малиновского.

279. Материалы об изданиях “Слова о полку Игореве”. Начало XX в. 46 л. Рукопись. Автограф.

Состав дела:

Л. 1–35 об. – Выписки и заметки чернилами и карандашом, в том числе красным, разного времени. Выписки слов из “Слова о полку Игореве” с комментариями и пометами.

Л. 36–36 об. – Прорисовка карандашом филиграней [“бумаг Малиновского” – ?].

Л. 40–46. – Выписки из литературы, планы изданий “Слова о полку Игореве”.

Лист использования: 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 марта 1965 г. – В. Д. Кузьмина; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев.

Публикатор признателен О. И. Хоруженко за многие ценные замечания и предложения.

Р. Б. Казаков

М. Е. Бычкова

М. Н. СПЕРАНСКИЙ В РАБОТЕ НАД “СЛОВОМ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”

Имя Михаила Несторовича^[1] Сперанского (1863–1938) пользуется большой любовью и уважением среди литературоведов, славистов, историков и лингвистов. Его работы по истории славянских литератур до сих пор поражают свежестью мысли и тонкими наблюдениями.

Как исследователь “Слова о полку Игореве” М. Н. Сперанский мало известен в литературе. Его опубликованные работы посвящены вопросам первого издания памятника или являются рецензиями на исследования о Слове, большое внимание уделял М. Н. Сперанский Слову и в своих курсах по истории древнерусской литературы¹. Это, по словам М. Н. Сперанского, высокопоэтическое и во многом загадочное произведение XII века² привлекало его

¹ См.: *Кузьмина В. Д.* Михаил Несторович Сперанский (19 апреля / 1 мая 1863 г. – 12 апреля 1938 г.). Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского // *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века / Предисл., подгот. к печ., ред. и примеч. В. Д. Кузьминой. М., 1963. С. 226–255.

² РГАЛИ. Ф. 439. М. Н. Сперанский. Оп. 1. Д. 271. Л. 2. [Л. 3. Дело 271 включает машинописный текст доклада М. Н. Сперанского в Московском университете 16 февраля 1916 г. «Федор Евгеньевич

в течение всей жизни. Первый специальный курс о Слове был им прочитан в Нежине в 90-х годах прошлого [XIX. – P. K.] века³, последняя датированная работа относится к 1935 году⁴.

В архиве М. Н. Сперанского всего сохранилось около десятка завершённых работ, заметок, материалов, посвящённых различным вопросам изучения Слова⁵. Слово о полку Игореве привлекало М. Н. Сперанского не только как поэтическое произведение, но и как памятник, в изучении которого отразилась вся история русского литературоведения XIX века. Он писал об этом^[2]: “Едва ли многие памятники мировой литературы, разве только Илиада и Одиссея и ^[3]священное писание⁻³¹ могут похвастаться такой о них литературой, какую создало вокруг себя Слово о полку Игореве. Едва ли какому другому памятнику посвящали свои силы, талант и знания такая масса ученых, полуученых и вовсе неученых, как Слову о полку Игореве...^[4] не проходит почти года, чтобы не явилось чего-либо, так или иначе относящегося, касающегося Слова о полку Игореве. Редкий из русских ученых, потрудившихся над историей нашей литературы, не пробовал свои силы над разъяснением этого памятника, а тем не менее памятник до сих пор во многих отношениях стоит перед нами загадкой, отгадки которой мы еще не нашли”⁶.

В своей общей оценке “Слова о полку Игореве” М. Н. Сперанский полностью следовал взгляду на него, как на памятник воинской повести конца XII века, возникший на юге Руси, установившемся во второй половине прошлого [XIX. – P. K.] века после выхода работ Н. С. Тихонравова и Е. В. Барсова. М. Н. Сперанский проводил параллели между Словом о полку Игореве и Акиром Премудрым, Девгениевым деянием, считая, что Слово возникло в тот момент, когда на Руси был большой интерес к воинским повестям⁷. Взгляд на Слово о полку Игореве, как на древнерусскую воинскую повесть, последовательно проводился во всех работах М. Н. Сперанского, посвящённых древнерусской литературе.

Читая работы М. Н. Сперанского, посвящённые Слову о полку Игореве, ясно видишь круг вопросов, которыми он интересуется и к которым так или иначе возвращается.

Как филолог, много занимавшийся историей славянских литератур, ученый, привыкший иметь дело с рукописными произведениями разных времен и народов, М. Н. Сперанский понимал, что утрата во время пожара Москвы 1812 г. единственной рукописи Слова была невосполнимой. Он придавал большое значение языку и палеографическим особенностям рукописи Слова, поэтому прежде всего он обращался к первому изданию Слова, стремился по этой публикации восстановить сгоревшую рукопись.

Корш и “Слово о полку Игореве”». М. Н. Сперанский неоднократно на протяжении доклада характеризовал “Слово” в таких выражениях: “разработка этого высокопоэтического и в то же время во многом загадочного произведения 12-го столетия” (Л. 3), “загадочный во многом памятник, в то же время высокохудожественный” (Л. 7), «[Корш] готовит связный комментарий к этой, как он сам писал в своей автобиографии, “во многих отношениях загадочной поэме”» (Л. 8–9), «в изучении загадочной “поэмы” XII века» (Л. 11)].

³ Кузьмина В. Д. Михаил Несторович Сперанский // *Сперанский М. Н.* Указ. соч. С. 209.

⁴ К истории изучения “Слова о полку Игореве” // РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 2. Д. 4. [Оп. 1. Д. 268. Заглавие дела дано М. Е. Бычковой. См. примеч. 5].

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 266. “Слово о полку Игореве”. Лекции; Д. 267–268 [Д. 267]. К истории первого издания Слова о полку Игореве. Доклад; Д. 269. О двух изданиях “Слова о полку Игореве” Н. С. Тихонравова; Д. 270. Разбор “Слова о полку Игореве”; Д. 271. Ф. Е. Корш и “Слово о полку Игореве”. Доклад; Д. 275. Материалы к работе “Слово о полку Игореве”; Д. 279. Материалы об изданиях “Слова о полку Игореве”; Д. 276–278. Материалы к докладу “К вопросу о первом издании Слова о полку Игореве”; Д. 283. Поддельные списки “Слова о полку Игореве”; Оп. 2. Д. 4 [Оп. 1. Д. 268]. Статья по поводу переводов “Слова о полку Игореве”.

⁶ Там же. Д. 266. Л. 1–1 об. Здесь и далее в цитатах из работ М. Н. Сперанского без оговорок раскрываются принятые им сокращения: С. о п. И. – Слово о полку Игореве, М.-Пушкин – Мусин-Пушкин.

⁷ *Сперанский М. Н.* Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности // Сб. Отделения рус. яз. и словесности. Пг., 1922. Т. 99. № 7. С. 123–130.

В его работах видна строго продуманная система изучения памятника. Понимая все значение Слова о полку Игореве, М. Н. Сперанский с большой осторожностью подходил к его изучению. Утрата подлинника рукописи ставила перед исследователем задачу реконструкции первоначального текста. Поэтому М. Н. Сперанский считал прежде всего необходимым изучить все сохранившиеся экземпляры первого издания Слова, списки переводов поэмы, Екатерининской копии, выписки, сделанные из рукописи Н. М. Карамзинным, и т.д. Этим вопросам посвящены неопубликованные работы М. Н. Сперанского.

Наиболее ранней работой М. Н. Сперанского о Слове является курс лекций. Автограф лекций сохранился, правда, не полностью. Всего до нас дошли 1, 3, 4, 5, 6, 7 лекции. Отсутствует лекция 2 об истории находки и исчезновения рукописи и последние лекции. Рукопись не датирована, возможно, это те лекции, которые читались им в Нежине⁸. М. Н. Сперанский стремится в первую очередь восстановить древнюю палеографию, весь вид сгоревшей рукописи. Здесь М. Н. Сперанский отдал дань тем попыткам реконструкции, которые возникли во второй половине прошлого века после находки Екатерининской копии, публикации Пекарского и особенно Н. С. Тихонравова. Отвечая на вопрос, почему именно этот памятник был выбран для курса лекций, М. Н. Сперанский писал^[5]: "...Слово о полку Игореве стало тем зеркалом в его изучении, в котором отразился, частью целиком, частично в виде конспекта, весь ход научной разработки нашей^[3] литературы древнего периода. Поэтому, изучая Слово о полку Игореве, исторически следя его изучение, мы тем самым изучаем, могу сказать смело, с достаточной полнотой, самый^[3] ход развития изучения^[3] истории русской литературы в течение 100 лет, т. е. почти со времени возникновения истории русской литературы вплоть до наших дней"⁹.

Сохранившиеся лекции М. Н. Сперанского посвящены попытке выяснить, что представляла собой сгоревшая рукопись Слова. Прежде всего он приводит свидетельства очевидцев^[6], «которые относят ее (рукопись. – М. Б.) то к XIV в., то к XV (его началу или концу), то XVI (Малиновский), то даже XVII–XVIII (почерк Дмитрия Ростовского), письмо ее считают "чистым", но без ясного разделения слов».

Для определения отдельных чтений рукописи М. Н. Сперанский привлекает бумаги А. Ф. Малиновского и, прежде всего, на основе палеографического анализа пытается выяснить, делались ли они действительно с рукописи и сохраняли ли написание рукописи. Анализу бумаг Малиновского посвящена отдельная лекция. М. Н. Сперанский отмечает, что по написанию слов выписки Малиновского ближе к древним рукописям, чем издание 1800 г. В них сохраняется "оу", кроме слова "казанину", но именно "у" в этом слове "совершенно немислимо в рукописи XV или XVI в.". Выписки Малиновского отличаются от издания 1800 г. употреблением "ъ" и "ь". По этому поводу М. Н. Сперанский пишет: «Но если мы знаем несомненные случаи, где издатели путали ъ^[7] и ь^[7], то почему Малиновский, сам игравший^[8] главную роль в издании, в черновой бумаге "первоначальных работах", был бы точнее, нежели он был в чистовой...^[9]. Но это еще не беда: это возможно допустить, хотя с натяжкой, счесть возможным. Но дело в том, что все эти случаи уже дают чтение Екатерининской^[7] копии».

Особенно против точного копирования рукописи в бумагах Малиновского, по мнению Сперанского, говорит написание слова "князь" как "кн.". Это – написание XVIII в.

"Вывод из этого рассмотрения бумаг таков: во всяком случае значения для восстановления палеографического облика погибшей рукописи бумаги Малиновского не имеют никакого. Они сами палеографически неточны. Мало того, изучение этих бумаг приводит

⁸ *Он же*. Рукописные сборники XVIII века. С. 209. В литературе не сохранилось сведений о том, читал ли М. Н. Сперанский лекции о Слове в Московском университете, поэтому свидетельство слушателя Нежинского института В. В. Данилова является пока единственной косвенной датировкой рукописи.

⁹ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 266. Л. 2. [Л. 3].

к тому, что и тот облик их, в каком мы их имеем, подозрителен...^{[7],[10]} Мало того они и поддельные^[7]. Это качество определяется такими чертами их: 1) выписки сделаны как раз из тех мест Слова, где издание 1800 г. представляло странные начертания или в грамматическом, или в палеографическом отношении...^[11] Затем ряд выписок является как раз там, где Изд. и Арх. расходятся в употреблении ъ^[7] и ь^[7]. Тот, кто подделывал бумаги, имел перед собой издание 1800 г. и текст Арх., а кроме того, знал палеографические тенденции Тихонравова относительно ом^[7] (титл и сокращений) и ъ^[7] и ь^[7]. Иначе [говоря]^[12], бумаги подделаны по печатному изданию 1800 г. и изд. Архив. (Пекарского, 1864) и позднее 1866 – 1-го издания Тихонравова^{10, [13]}.

Вторым вопросом в истории Слова, который разбирается в лекциях, был вопрос о первом издании поэмы. Здесь М. Н. Сперанский выделял вопросы о принципах издания и его сохранности. В лекциях о Слове М. Н. Сперанский, разбирая принципы передачи текста в издании 1800 г., приходит к выводу: "...Какова бы ни была рукопись Мусина-Пушкина, он издал ее плохо. Но этим вопрос, какова же была рукопись, не решается. Голословные указания противоречивы, точности терминологии мы доверять не смеем: рукопись издана^[7] со всей точностью^[7] по мнению издателей, но вовсе не точно по^[7] нашему теперешнему^[7] мнению: те тонкости в передаче текста, какие мы теперь требуем, в голову не приходили старым издателям. Чтобы решить, какова же была рукопись, а это нужно для определения ее времени, а это важно для языка, мы должны из-под издания Мусина-Пушкина высвободить по возможности первоначальный вид рукописи".

М. Н. Сперанский показывает, что выражение "со всей точностью" первых издателей рукописи^[14] "не значило издавать палеографически^[7], а только не переделывая слов, раскрытие титлов переделкой не считалось. А это именно и изменило характер текста, лишило его характерных черт, по которым можно бы угадать первоначальный вид, а стало быть, и век рукописи"¹¹.

Эта точка зрения в дальнейших работах М.Н. Сперанского не меняется.

Очевидно к первым двум десятилетиям [XX в. – Р. К.] относится статья «Разбор «Слова о полку Игореве»»^[15]. В ней М. Н. Сперанский вновь возвращается к попытке выяснить, что собой представляла рукопись Слова. Это единственная работа, где М. Н. Сперанский дает подробно аргументированную датировку утраченной рукописи Слова и начинает его разбор. В отличие от других работ М. Н. Сперанского, она не имеет четкого справочного аппарата (обычно все ссылки с точными выходными данными работы делаются им в тексте в круглых скобках), лишь на полях даются ссылки на издания Слова Дубенского и, очевидно, Тихонравова ("Т-а"). На листах 2 об., 9, 13 об., 17 об. на полях поставлены даты 27 января, 4 февраля, 10 февраля, 18 февраля, не относящиеся к тексту самой работы. Очевидно, эта статья писалась в эти дни, как раздумья автора над памятником литературы, необыкновенно привлекавшим его внимание. К сожалению, статья осталась незаконченной, она обрывается разбором выражения "итти дождю стрѣлами".

При описании рукописи М. Н. Сперанский идет от особенностей почерка, которым было написано "Слово", к составу сборника, определению времени возникновения других произведений, входивших в него, и только после этого датирует саму рукопись. При разборе почерка рукописи, вслед за Н. С. Тихонравовым, он обращает внимание на путаницу при издании букв ъ, ъ, ы, приходит к выводу, что почерк рукописи не был уставным, обращает внимание на надстрочные знаки, бывшие в рукописи, расстояния между словами.

«На учение "о расстояниях" издатели не обратили внимания, тогда как оно играло большую роль в рукописях. Система расстояний в уставе была проста и не могла бы ввести в затруднение».

¹⁰ Там же. Л. 10, [12]–12 об., 13–13 об. Здесь и далее подчеркнута М. Н. Сперанским.

¹¹ Там же. Л. 9, 10.

«В древней рукописи не могло быть колебаний там, где издатели “Слова” недоумевали. “Въ Киевѣ на горахъ” — куда относится эта фраза: к “сонъ видѣ”, или “одѣваяте мя”? Издатели отнесли к первому (вернее), в других изданиях ко второму (к речи Святослава). Несомненно, что рукописный сборник отметил здесь разделение предложений запятой или большой точкой».

М. Н. Сперанский указывает, что введение в первое издание прописных букв, которые отсутствуют в древних рукописях, пугает позднейших читателей^[16]. Написание с прописной буквы слов “Топчаки”, “Ольберы” привело к тому, что их принимают за названия народов, тогда как “ольбѣры” — «слово несомненно нарицательное и в южно-русской летописи “оловирь” — платье из греческого бархата; “топчаки”, “ревугы” — воинские доспехи»¹².

Неправильное раскрытие титла в выражении “темно бо бѣ въ т день” привело, по мнению М. Н. Сперанского, [А. А.] Потебню к ошибке, когда он прочитал “въ т (=той!) день”. Тогда как, “обращаясь к грамматикам [7-XVI в. 7]”, видно, «что буквой “т” под титлом можно обозначать только^[7] цифру, а никак не местоимение».

И, наконец, М. Н. Сперанский отмечает, что «в XVI в. господствовала почти во всех памятниках особая мода в письме — стремление восстановить архаизмы, но они были употребляемы некстати, “красоты ради”. Такое письмо попадает и в “Слове”: это указывает уже на сравнительно новый вид рукописи “Слова”».

После разбора “письма” Слова, Сперанский переходит к самой рукописи, отмечая, что издатели оставили весьма скудное ее описание. Прежде всего автора интересует вопрос: весь ли сборник написан одной рукой? По выпискам Карамзина из него, сделанным из Девгениева деяния и Акира Премудрого, М. Н. Сперанский полагает: “можно судить, что обе статьи писаны одной рукой” и снова отмечает, что встречающиеся в рукописи формы «“тлки”, “то” (той) показывают, что это не рукопись XIV в., так как подобное сокращение тогда не возможно было»¹³.

Окончательную датировку рукописи М. Н. Сперанский дает, разбирая ее состав: «Теперь содержание сборника. I) Гранаграф^[7] (Пушкин переделал — хронограф); нельзя не обратить внимания на это обширное сочинение сборника...^[17] Хронограф назван “грاناграфом”, что составляет особенный характеристичный признак русской редакции Хронографа...^[18] Редакция первая, переведенная с греческого, носит заглавие, переведенное с греческой редакции...^[19] и не подвергалась никаким переделкам до XVII в., когда является вторая редакция, разделенная на 169 глав и доводимая до Михаила Федоровича, и снабженная новым русским предисловием и следующим заглавием: “Книга, глаголемая гранаграф, рекше начало письменом царских родов от многих летописец...^[20]” Несомненно, что в рукописи Мусина-Пушкина является вторая^[7] редакция, сходная со всеми списками этой редакции». Наиболее убедительно датирует Хронограф статья о запрещении инокам мяса, она относится ко второй редакции XVII в.^{14, [21]}

Разбирая дальше состав сборника, М. Н. Сперанский приходит к выводу о том, что в него включены литературные произведения ранних редакций¹⁵. После этого он приходит к выводу о составе сборника.

«Отсюда вывод^[7]: очевидно перед поздним составителем сборника лежали тексты древние и очень редкие; он постарался переписать их себе, кое-где подправляя, но оставляя по возможности правописание древнее. Утверждая новизну рукописи, мы не можем утверждать,

¹² Д. 270. Л. 1 об. — 2.

¹³ Там же. Л. 2 об., 3.

¹⁴ Там же. Л. 3–3 об., 4.

¹⁵ [Там же. Л. 4–5]. О датировке редакций Девгениева деяния и Акира Премудрого подробнее см.: Сперанский М.Н. Девгениево деяние. С. 28 и след.; *Он же*. Сказание об Индейском царстве // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1930. Т. 3, кн. 2. С. 332–383.

что и тексты были новы, скорее наоборот: можно думать, что переписчик, видимо, старался удержать древний текст и его правописание; поэтому и в “Слове о полку Игореве” встречается удивительное смешение форм древних и новых, почти невольно внесенных писцом. Т. о. для диллетанта, каким был Мусин-Пушкин, было трудно определить время написания рукописи, вероятно, XVII в.»¹⁶.

Позднее М. Н. Сперанский дал датировку сборника по Н. С. Тихонравову – XVI в., не приведя никаких обоснований¹⁷.

Определив век, в котором была написана рукопись, содержащая Слово о полку Игореве, М. Н. Сперанский хочет выяснить, “в каких списках и редакциях дошел памятник”. Здесь он обращается к Задонщине.

«С XV в. идут сказания о “Задонщине”, автор которой^[22] воспроизвел некоторые^[23] места “Слова” буквально. Этими местами можно пользоваться, как вариантами к “Слову о полку Игореве”. Но “Задонщина” с XV до XVII в. перерабатывалась, и часто при этом уничижалась возможность разъяснения темных мест в “Слове о полку Игореве”. Но древних списков Задонщины немного, и писаны они не там, где “Слово”, а на Севере. Редактор на Севере не мог понимать многого в “Слове” и объяснял по-своему. Итак, нужно очистить варианты от объяснений другого времени и места, [например вместо “за шеломенемъ” читается “за Соломономъ”]»¹⁸.

Далее Сперанский замечает: «В XVII в. в Задонщине возникает стремление дополнить отрывками из “Слова”; в одном списке, известном Тимковскому, масса таких новых мест и непереработанных. Несмотря на все ошибки в Задонщине часто они именно и наводят на истинный смысл текста “Слова”»¹⁹.

Место написания Слова, по мнению М. Н. Сперанского, “определить нельзя”. «Смешение ь и ъ, на которое^[24] жалуется Мусин-Пушкин, могло иметь причиной почерк, а также и южное происхождение сборника: в карамзинских выписках из “Девгениева деяния” удержана эта замена».

Разобрав таким образом рукопись, М. Н. Сперанский делает вывод: «1) Список “Слова” относится к XVI–XVII в.; 2) текст был древен, и переписчик стремился удержать его; 3) объяснение непонятных мест надо искать в языке XII, XIII вв.; 4) текст не подвергся значительным переделкам в духе XVI в. Признавая, что это произведение народное по духу, но искажено в письме, я буду обращаться к устной народной словесности для объяснения непонятных образов и даже слов. Для общей литературной манеры повестей я буду обращаться к “Акиру Премудрому”»²⁰.

Далее М. Н. Сперанский переходит к разбору памятника. К сожалению, эта часть статьи им не закончена^[25]. Разбирая образы, особенности оборотов памятника, М. Н. Сперанский проводит параллели с былинами (с отсылками на издание Рыбникова). Таковы обороты: “братие и дружино”, “вещий”, “неготовами дорогами”, “шеломя”, “красные девки”, “чръная тучя”. О глаголе “приломити” он замечает: «В “Слове” “при”^[7] в противоположность летописи: “изломити”^[26], т. е. более близкое к народному языку, чем к книжному».

К выражениям, перешедшим из народной поэзии, относит М. Н. Сперанский образ “свет светлый”, для выражения “итти дождю стрѣлами» М. Н. Сперанский находит аналогии в древнерусских стихотворениях Кириши Данилова²¹.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 270. Л. 5.

¹⁷ Сперанский М.Н. Сказание об Индейском царстве. С. 371.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 270. Л. 5 об. – 6. [Д. 270. Л. 6].

¹⁹ Там же. Л. 6–6 об. Тимковскому был известен не список Задонщины, а список особой редакции Сказания о Мамаевом побоище. См.: Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. М., 1838. Т. 3, вып. 1. С. V–VII.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 270. Л. 6 об. – 7.

²¹ Там же. Л. 13 об., 16 об. – 17, 21. [Л. 7–7 об., 8–8 об., 13 об., 16 об. – 17, 18 об., 20 об., 21].

Много параллелей Слова с летописями, в частности с Ипатьевской, также отмечено М. Н. Сперанским.

«В летописях “братие и дружино” постоянно употребляется вместе: место Ипатьевской летописи под 1123 г. (смерть Ярослава) интересно для объяснения этого слова “братие”, где “братие и дружина” отнесено к дружине монастырской, т. е. не только военной».

Связь между Словом и летописями М. Н. Сперанский видит и в том, что в них попало описание битвы Мстислава с Редедей.

«Подвиг Мстислава, носящий былинный характер, записан на первых страницах летописи, т. е. былинный отрывок внесен и в летопись, и в “Слово”».

Большое сходство с Ипатьевской летописью он видит в выражении «¹⁷всядем на ... комони⁷¹ – выражение эпическое с определенным смыслом: выступить в поход; в том же значении и в Ипатьевской летописи; “кони” – всегда в множественном числе, хотя речь идет и об одном лице»²².

Аналогично объясняет Сперанский и выражение “копие приломити”, “испити шело-мюмь Дону”.

Как “эпитет с натуры” определяет Сперанский оборот “¹⁷чръленыя щиты⁷¹” – “по Сильвестрову сборнику русские воины изображаются с красными щитами; эпитет удерживается и летописью”.

Из летописей М. Н. Сперанский объясняет и слово “кожухы¹⁷¹”: “слово любопытное, вот почему: погибли князья весной (23 апреля); они едва ли пошли в шубах; кажется, слово имеет древнее значение – кафтан (в Волынской летописи кафтан из богатого греческого бархата на князе назван кожухом), вероятно тоже и здесь, показывая обилие добычи”.

Особенно интересны параллели с Супрасльскими рукописями. Здесь он находит аналогию с южнославянскими памятниками в выражении “трудных повестий”, “убудить”, “иже истягну”, “поостри сердца”. Говоря об этом выражении, М. Н. Сперанский замечает: «здесь можно видеть указание на южное происхождение “Слова”». Как признак южного письма М. Н. Сперанский отмечает написание слова “тьмою¹⁷¹ – ь поставленное правильно (если оно не вышло из (ерицы) над строкой), и это признак южного письма”.

К памятникам XI–XII вв. Сперанский относит употребление слова “песнь” в Слове в значении похвалы. Из Супрасльских рукописей М. Н. Сперанский объясняет и оборот “подубию”^{23, 171}.

Много параллелей находит М. Н. Сперанский и с Задонщиной. Как на прямое заимствование из Слова он указывает на фразы “нъ своя... въскладаше”, “луце потяту”. Он пишет: «Обращаясь к Задонщине, находим, что уже в XVI в. оба слова (и стягну) не понимались и соединялись, почему в вариантах находим исковерканное выражение “истязание”»¹²⁷¹.

Правильно понято это выражение, по его мнению, в повести о нашествии татар на Рязань. Аналогию с Задонщиной древней редакции Сперанский видит в определении Бояна, как “соловей старого времени”. Выражение «¹⁷комони... Путивль⁷¹ – удержано в “Задонщине” всех редакций и списках, начиная с XV в.; менялись только имена, и то не всегда». «Таково же и выражение “¹⁷див кличет^{71, 1281}”... оно есть почти во всех списках “Задонщины”, хотя воспроизводящий его писец уже не понимал слова».

Про глагол “запала” М. Н. Сперанский пишет: “Следует удержать, оно есть во всех списках Задонщины; но непонятно”²⁴.

Находит М. Н. Сперанский в Слове и несколько непонятно откуда перешедших выражений, ряд признаков позднего письма.

²² Там же. Л. 7 об., 10, 12 об.

²³ Там же. Л. 11, 18 об. – 19 об., 20. [Л. 13, 19–19 об., 20, 7 об., 17 об., 10–10 об., 11–11 об., 8, 18 об., 18 об. – 19].

²⁴ Там же. Л. 10 об., 11, 14, 16, 17 об., 18, 19 об. [Л. 10, 10 об. – 11, 12–12 об., 14, 16, 18, 19 об.].

К непонятым выражениям М.Н. Сперанский относил слово “блвань”^[29] – какой смысл давал этому слову автор, сказать трудно”.

О выражении “поганый”^[30] М.Н. Сперанский пишет: «Сопоставить с “Гмутараканский блвань”». «Гзакъ^[7] – это собственное имя имеет в летописи форму “Къза” (или “Коза”); форма “Гзакъ” – редкая; откуда это начертание неизвестно; вероятно, по аналогии с “Кончакъ”»^[25].

Как “признак письма XVI в.” определяет М.Н. Сперанский написание слова «наплънився», затем отмечает: «Слова^[7] “за землю Руськую”^[7], по-видимому, лишние; прибавка весьма интересная: имеет значение припева^[31]».

К непонятым и испорченным местам он относит еще два: ^[7]“Спала... по хоти”^[7] – место непонятное”; ^[7]“и жалость... великаго”^[7] – место испорченное^[32]... очевидно это слово (жалость – М. Б.) не на месте; л^[7] в скорописи и полууставе похоже на д^[7]; поэтому удобнее читать: “жадость” от “жадати” (искренно желать)^[26, 33]».

М. Н. Сперанский очень интересовался научной литературой о Слове и живо откликался на все новые работы, особенно если памятник в них рассматривался в новом аспекте. Это ясно видно из необыкновенно лиричного доклада М. Н. Сперанского «Федор Евгеньевич Корш и “Слово о полку Игореве”», прочитанного на заседании в Университете [Московском. – Р. К.] 16 февраля 1916 г. Давая высокую оценку работам Ф. Е. Корша о Слове, М. Н. Сперанский показывает, как много может сделать талантливый славист в изучении этого памятника, даже не занимаясь им специально. В этом докладе М. Н. Сперанский дает и интересную оценку самому памятнику.

«Знаменитый поэтический памятник южной Руси “Слово о полку Игореве”^[3] после появления своего в конце XII столетия^[3] в дальнейшей судьбе своей оказалось памятником как бы специально московским: еще где-то на грани 14-го и 15-го веков оно послужило источником для типичного уже московского по духу подражания – “Задонщины”, в единственном списке своем, ^[3]ставшем доступным науке^[3] попало оно в собрание московского любителя древности графа А. И. Мусина-Пушкина, им было издано, с его библиотекой погибло^[3] в Москве^[3] в 1812-м году, вызвав целое движение в русской научной литературе»^[27].

Высокую оценку дает М. Н. Сперанский попытке Ф. Е. Корша дать текст памятника “разложенным на ритмическо-стихотворные строки”^[34].

«Предшественников у исследователя, собственно говоря, не было, и Ф. Е. [Коршу. – Р. К.] пришлось, прежде чем разложить текст “Слова” на ритмические строки, созидать теорию и законы стиха XII столетия, от которого до нас не дошло ни единой строки, и затем только, в то же время исправляя и реконструируя сравнительно^[3] поздний и во многом испорченный^[3] временем и первым издателем^[3] текст, прилагать эти законы к восстановлению памятника в том его виде, как он вышел из-под пера его автора»^[28].

В 1920 г. вышло фотомеханическое издание Слова о полку Игореве, сделанное с первого издания 1800 г. К этому времени М. Н. Сперанский получил возможность изучить и бумаги А. Ф. Малиновского. Издание 1920 г. сопровождалось статьей М. Н. Сперанского, где он дал научное описание бумаг^[29].

²⁵ Там же. Л. 18–18 об., 20 об.

²⁶ Там же. Л. 11 об., 12 об.

²⁷ Там же. Д. 271. Л. 2 [Л. 3]. Доклад М.Н. Сперанского во многом совпадает с его некрологом: *Сперанский М. Н. Памяти Федора Евгеньевича Корша* // Русский филологический вестник. Варшава, 1915. Т. 73, № 2. С. 379–390.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 271. Л. 9, 10. [Д. 271. Л. 10, 11].

²⁹ *Сперанский М. Н. Первое издание “Слова о полку Игореве” и бумаги А. Ф. Малиновского* // Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина под ред. А. Ф. Малиновского с прил. ст. проф. М. Н. Сперанского и факсимиле рукописи А. Ф. Малиновского. М., 1920. С. 1–24. [См. также о бумагах А. Ф. Малиновского: Д. 268. Л. 1–11; Д. 270. – Р. К.]

На основании палеографического анализа М. Н. Сперанский приходит к выводу, что бумаги А. Ф. Малиновского не принадлежат одному лицу и написаны в разное время. Часть из них, по определению М. Н. Сперанского, могла принадлежать Дубенскому³⁵, часть относится к поздним записям самого Малиновского, и только часть бумаг можно отнести к концу XVIII в., когда готовилось первое издание Слова. После такого анализа М. Н. Сперанский отошел от своей первоначальной резкой критики бумаг Малиновского, которую дал им в своих ранних лекциях, но он никогда не признавал их ценности для реконструкции первоначального текста Слова, а лишь для истории первого издания Слова³⁰.

В вышедшей в это же время “Истории древнерусской литературы” М. Н. Сперанский подробно описывает подготовку первого издания Слова. Поэма рассматривается им в историографическом плане, который очень характерен для лекций М. Н. Сперанского, посвященных Слову. Новым этапом в изучении Слова М. Н. Сперанский считает 40-50-е гг. XIX в., когда поэмой занялись Ф. И. Буслаев и Н. С. Тихонравов, особенно большое значение он придавал работам Н. С. Тихонравова, в которых были “выставлены основные принципы, по которым должно вестись исследование памятника”³¹. Именно с этого времени, по мнению М. Н. Сперанского, «процесс изучения “Слова о полку Игореве” вступает в фазис широкого, всестороннего сравнительного изучения памятника»³².

Лекции М. Н. Сперанского, начиная с 1907 г. показывают, что он блестяще знал историографию вопроса и всегда умел указать, что нового вносит та или иная работа в изучение Слова. Такова его недатированная рецензия на два издания памятника Н. С. Тихонравова³⁶, где он дает подробное сравнение изданий 1866 и 1868 годов, отмечает новое, что было внесено во 2-е издание.

«Второе издание было последним при жизни Н. С. Тихонравова. Сравнительно с первым оно представляет не безынтересный материал для истории изучения “Слова”: сравнение, хотя бы поверхностное, обоих изданий показывает, насколько в течение двух лет, протекших между изданиями, подвинуто было Н. С. [Тихонравовым. – Р. К.] изучение Слова, насколько он сам изменил свои взгляды на отдельные вопросы при изучении памятника»³³.

М. Н. Сперанский подробно отмечает все изменения, внесенные Н. С. Тихонравовым во второе издание, сделанные под влиянием критики Ф. И. Буслаева. М. Н. Сперанский отмечает, что хотя издание Н. С. Тихонравова предназначено для учащихся, оно имеет “высокий интерес научный”³⁴.^[7]

Такова же по стилю и рецензия на книгу В. Н. Перетца, опубликованная в 1927 г.³⁵ В ней М. Н. Сперанский подробнее всего останавливается на интересовавших его вопросах. Давал высокую оценку книге, которая «среди обильной литературы “Слова” должна быть сочтена явлением незаурядным по широте, научности и полноте содержания»³⁶.

М. Н. Сперанский основное внимание уделяет разделам книги В. Н. Перетца, где разбираются вопросы о первом издании поэмы и датировке рукописи. Он находит “слабо обоснованным” вывод В. Н. Перетца, относящего погибшую рукопись к началу XVI в., высоко оценивает наблюдения автора о значении Екатерининской копии Слова и издания 1800 г.

³⁰ Там же. С. 4, 13 и след.

³¹ *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. Ч. 1. Введение. Киевский период. Изд. 3-е. М., 1920. С. 351.

³² Там же. С. 356.

³³ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 269. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ *Сперанский М. Н.* Володимир Перетц. Слово о полку Игоревім – пам’ятка феодальної України – Русь XII віку. Вступ. ст., коментар. Київ, 1927. Роф. 6. Сеš. 1. S. 180–182. [См. также: *Сперанский М. Н.* Последние издания Академии Наук СССР // *Slavia. Praha*, 1928. Roč. 6. Seš. 4. S. 846–847. – Р. К.].

³⁶ Там же. С. 182.

“как материала для восстановления текста погибшей рукописи”. Построение В. Н. Перетца о судьбе Слова в рукописной традиции, которую, по мнению автора, “можно проследить без перерыва почти вплоть до XVII века на русском северо-востоке [так! – *Р. К.*]”, М. Н. Сперанский находит “в виду слабости этих отзвуков” интересным, но все-таки “только более или менее вероятным”³⁷. М. Н. Сперанский склоняется к мысли, что с точки зрения жанра надо искать параллели между Словом и историческими повестями, вошедшими в состав летописей. Высокую оценку дает М. Н. Сперанский и реконструкции Слова, сделанной В. Н. Перетцем.

Очевидно в связи с подготовкой издания 1920 г. М. Н. Сперанский занялся вопросом о первом издании Слова 1800 г. Ему посвящен доклад М. Н. Сперанского «К истории первого издания “Слова о полку Игореве”» (1925 г.)^[37], где он писал: “Научная практика, касающаяся Слова о полку Игореве, как известно, отправляется от этого издания 1800 г.^[38] должна в силу свойств, достоинств и недостатков этого ^[3] первого издания, внимательно поставить ряд вопросов об истории самого издания, чтобы от нее, возможно освещенной и установленной, можно было подойти ближе к недоступному нам уже рукописному тексту, чтобы установить правильное свое ^[3] отношение к этому тексту через издание его в 1800 г. Тут выступает на сцену вперед ^[3] уже не историк литературы, лингвист, историк или археолог ^[3] в узком значении этих терминов³¹, а ученый библиограф: история самого издания в связи с историей книги, печатного станка, даст материал, при этом проверенный, историку литературы, лингвисту и т. д. Этим я хочу сказать, что без чисто библиографических разысканий не может обойтись исследователь Слова о полку Игореве, если он не желает подвергнуть себя упреку в том, что им не приняты все меры для его же целей”.

Остановившись на истории первого издания, М. Н. Сперанский ставит два вопроса: в какой мере издание 1800 г. можно считать библиографической редкостью и почему сложилось мнение о его необыкновенной редкости.

Представление о большой редкости издания сложилось, как показал М. Н. Сперанский, после гибели рукописи Слова во время пожара Москвы в 1812 г.

“Но такое представление об издании, так быстро ставшем редкостью, думается мне, нуждается в уточнении, м. б. в некотором ограничении, а с другой стороны выдвигает в свою очередь вопрос, на который мы пока ответа не имеем. Мнение А. С. Шишкова, желавшего поместить в издании председательствуемой им Российской Академии ставший быстро столь знаменитым памятник, гордость русского прошлого, могло его заставить несколько преувеличить потребность уже в 1805 г. в перепечатке текста 1800 г.^[39] Если же допустить, что А. С. Шишков заявлял согласно действительному положению дела с тиражом издания, то придется внести поправку и даже отвергнуть ходячее мнение о том, что причиной редкости издания 1800 г. был пожар 1812 г.: в таком случае много экземпляров Слова сгореть уже не могло: уже в 1805 г. издание разошлось, а тем более к моменту гибели библиотеки А. И. Мусина-Пушкина”³⁸.

Замечая дальше, что тираж издания нам неизвестен, т.к. вопрос о тираже, заданный в письме К. Ф. Калайдовича, Мусин-Пушкин^[40] “оставил... без ответа”, а цифра 1200 экз. появилась уже после смерти графа, М. Н. Сперанский предполагает, что мнение о гибели издания возникло “вскоре после гибели рукописи Слова, видимо, под влиянием уже сложившейся молвы, что с нею погибло и издание”.

Однако тот факт, что с 1800 по 1812 г. появилось не одно издание Слова, заставляет М. Н. Сперанского предположить: если “издание Слова, вышедшее в 1800 г., целых 12 лет было доступно публике, расходилось...^[41] то к 1812 г. оно уже значительно должно было разойтись, и у Мусина-Пушкина с его библиотекой могли сгореть разве остатки^[7] издания^[42]”.

³⁷ Там же. С. 181.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 267–268. Л. 1–1 об., 3 об. – 4 об. [Д. 267. Л. 1 об., 1а, 3–3 об., 4–4 об.]

Из всего этого М. Н. Сперанский делает вывод: «Т. о. самое представление об исключительной редкости издания 1800 г. не только до 1812 г., но и после него, подлежит ограничению. Это особенно становится ясным, если мы сопоставим издание 1800 г. с действительно редчайшими изданиями, испытанными, как и издание Мусина-Пушкина, не совсем обычную судьбу, например, с конфискованными изданиями Радищева “Путешествия” или “Вадима Новгородского” Капниста»³⁹.

Ставя вопрос об истории первого издания Слова, Сперанский стремился отыскать и описать возможно большее количество экземпляров издания и проследить их историю. В его докладе описано 10 экземпляров издания 1800 г. из библиотек и частных собраний Москвы⁴⁰. Кроме этого М. Н. Сперанский замечает, что в хранилищах Москвы несомненно найдутся еще экземпляры, перешедшие туда из частных собраний.

В монографии Л. А. Дмитриева, где отражены все последние достижения в изучении первого издания Слова о полку Игореве, уже описано 60 экземпляров этого издания. По сравнению с работой М. Н. Сперанского в ней отсутствуют экземпляры Н. С. Тихонравова, издательства Сабашниковых и библиотекаря Н. Ю. Уляницкого^{43]}.

В связи с первым изданием М. Н. Сперанского интересует судьба самих экземпляров этого издания.

“Из указанных, которые прямо и косвенно дают сохранившиеся экземпляры, можно вывести пока одно наблюдение: большинство известных нам экземпляров приобретены были их владельцами уже после 1812 года, каковы экземпляры Румянцева, Норова, Кубарева, Шевырева^[3], не говоря уже об экземплярах Тихонравова и остальных. Если это так, то естественно предположить, что и после 1812 года можно, хотя бы и не без труда, находить такие экземпляры, сохранившиеся, если не в книжных лавках, то в частных руках, как это мы видим и позднее”⁴¹.

С вопросом истории первого издания тесно связан вопрос о первых переводах Слова, который также разбирается М. Н. Сперанским. В архиве М. Н. Сперанского сохранилась большая статья «По поводу переводов “Слова о полку Игореве”»⁴². Это последняя законченная работа М. Н. Сперанского, посвященная Слову. В ней М. Н. Сперанский подробно разбирает переводы XVIII в. “Слова о полку Игореве”, сделанные до издания 1800 г., и устанавливает связь между различными списками переводов. М. Н. Сперанский проделал необыкновенно интересную работу, показывающую все этапы подготовки издания 1800 г. М. Н. Сперанский подготовил к изданию перевод Слова, сделанный А. Ф. Малиновским, где отразилась вся работа издателей Слова.

М. Н. Сперанский прежде всего останавливается на том, что в XVIII в. были распространены списки переводов Слова, а не самой рукописи.

«Копий с подлинной рукописи “Слова” мы знаем только одну, сделанную для императрицы Екатерины...^[44]. Отсутствие других копий с подлинника, скорее всего, объясняется тем, что самый язык “Слова”, старинный и мало похожий на язык обычных церковных

³⁹ Там же. Л. 4 об., 5, 9 об. – 10.

⁴⁰ По Л. А. Дмитриеву № 18, 21, 23, 27, 34, 36, 37: *Дмитриев Л. А.* Описание экземпляров первого издания Слова о полку Игореве // *Дмитриев Л. А.* История первого издания “Слова о полку Игореве”: материалы и исслед. М.: Л., 1960. [РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 267. Л. 6, 6 об.]

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 267–268. Л. 8 об. – 9. [Д. 267. Л. 8 об. – 9].

⁴² Там же. Оп. 2. Д. 4. Статья по поводу переводов “Слова о полку Игореве” с материалами к ней [20–28 февраля 1935 г. См. Д. 268. – *Р. К.*]. Сейчас опубликован отрывок этой работы. См.: Из истории изучения “Слова о полку Игореве” в Московском университете. Неопубликованная статья М. Н. Сперанского / Вступ. ст. А. Н. Робинсона // *Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М.; Л., 1955. Т. XIV, вып. 3. С. 288–294.* Название работе дано при публикации. [См. также: *Позднеев А. В.* Экземпляры первого издания “Слова о полку Игореве” в некоторых московских государственных книгохранилищах и частных собраниях: (библиогр. заметка) // *ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 244–248. – Р. К.*].

книг, был мало доступен для рядовых любителей старины, не исключая и самого Мусина-Пушкина...^[45] Немногие же более или менее научно смотревшие на старину любители имели возможность познакомиться с подлинной рукописью у самого ее обладателя, хорошо им знакомого».

Списков же переводов Слова о полку Игореве, сделанных в XVIII в., М. Н. Сперанский насчитывает пять: «1) рукопись из архива кн. Воронцова (теперь в библиотеке Академии наук), 2) Екатерининская (иначе: “Архивная”^[46], 3) т. н. Малиновского (теперь в Историческом музее в Москве), 4) б. Белозерского...^[47] и 5) Лен. ПБ F. XV.50^[48]. К этим текстам перевода следует отнести и перевод, находящийся в первом издании самого “Слова” 1800 г., как восходящий к неизвестному нам ближе рукописному тексту».

Отмечая важность этих ранних переводов, М. Н. Сперанский писал: «Взаимоотношения этих текстов друг ко другу и всех их к печатному изданию помогут вскрыть самый процесс подготовки первого издания “Слова о полку Игореве”; издание 1800 г., как известно, остается почти единственным прямым^[3] источником для исследователей “Слова”»^{43, [49]}.

М. Н. Сперанский определяет и взаимоотношение переводов: «Руководясь главным образом указанной работой Л. К. Ильинского, мы можем представить себе последовательность изготовления известных нам рукописных текстов перевода “Слова” в XVIII в. в таком виде. Старшим по времени среди остальных следует признать текст “Рукоп.” (изданный Ильинским. – М. Б.); он больше других оставил непереверденными выражений старого текста памятника, примечаниями и объяснениями (кроме предисловия и “Исторического содержания сей поемы”) еще почти не снабжен. С ним совпадают тексты Лен. Публ. библи. F. XV.50 и Академический (б. архива Воронцова), представляющие копии или с “Рукоп.”, или с общего с нею оригинала. Следующею хронологически и по степени обработанности является текст “Екат.” (иначе, “Архивский”): в нем, помимо переработки текста самого перевода сравнительно с “Рукоп.”, последовательно проведены примечания к тексту числом 54, они по содержанию совпадают с первым изданием, но несколько их пространнее»^[50]. За этим текстом по времени идет текст “Мал.”, который дает наиболее близкие к печатному чтению, но в то же время дает несколько точек соприкосновения, в отличие от печатного, с “Рукоп.” и “Екат.”^[51]. Наконец, за текстом “Мал.” должен следовать тот рукописный текст перевода, с которого делался набор при печатании первого издания»^{44, [52]}.

Но М. Н. Сперанский отмечает, что доступные нам переводы Слова – не единственные; существовали еще несколько списков переводов^[53], «как о том можно судить на основании предисловия к “Рукоп.” (л. 1), идущего, по-видимому, от самого Мусина-Пушкина: здесь говорится, между прочим, о том, что “оригинал (перевода) затерялся у Николая Михайловича (разумеется, Карамзина)”; та же судьба постигла и еще какой-то список перевода “несколько уже выправленный”. Т.о. “Рукоп.” предшествовали по крайней мере еще два^[7] списка перевода: первоначальный, затерянный Карамзиным, и еще другой, “несколько уже выправленный”, взятый [3-кем-то-3] у Мусина-Пушкина и не возвращенный. Когда Мусин-Пушкин переселился в Москву, то, по его собственным словам, он увидел у А.Ф. Малиновского “к удивлению своему перевод в очень неисправной переписи”^[54]. Стало быть, это уже третий^[7] из неизвестных нам теперь списков перевода “Слова”^[55]».

Окончательные этапы работы над переводом Слова в XVIII в., по словам М. Н. Сперанского таковы^[56]: «Между 1795 годом (год находки и приобретения рукописи “Слова”) и не позднее 1796 года (год смерти Екатерины) были изготовлены: первоначальный перевод, представляемый теперь “Рукоп.”, несколько исправленный перевод, легший в основу “Екат.”, подобран комментарий к нему, сделана копия с этого текста, читаемая теперь

⁴³ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 2. Д. 4. Л. 2–3. [Оп. 1. Д. 268. Л. 2–3].

⁴⁴ Там же. Л. 3–4.

в “Екат.”. Дальнейшая работа над этим текстом продолжается до 1798 г., когда был изготовлен оригинал “Мал.”, из копии с которого исходили Малиновский, Бантыш-Каменский и Мусин-Пушкин при совместной подготовке оригинала для набора»⁴⁵.

К сходной точке зрения пришел Л. А. Дмитриев в своем фундаментальном исследовании об истории переводов Слова о полку Игореве⁴⁶. Правда Л. А. Дмитриев не отмечает близости переводов Малиновского и Екатерининского.

Для изучения более поздних переводов, сделанных в начале XIX в., Сперанский считал весьма ценным экземпляр первого издания, принадлежавший студенту А. Фон-Валю [так! – *Р. К.*], на полях которого сохранились отдельные записи перевода, сделанные, как это установил М. Н. Сперанский, на семинарских занятиях профессора Московского университета М. Г. Гаврилова⁴⁷.

Этот перевод, как пишет М. Н. Сперанский в другой своей работе, характерен небольшими познаниями комментатора-переводчика [А.] Фон-Валя, дает в основном толкование непонятных и трудных слов, “перевод этот представляется довольно свободным, не стремившимся быть близким к подлиннику”⁴⁸.

Кроме законченных работ, в архиве Сперанского сохранились подготовительные материалы к работам о Слове о полку Игореве. Здесь выписки примечаний первого издания Слова, сделанные при подготовке к изданию перевода А. Ф. Малиновского с замечаниями самого М. Н. Сперанского.

Большой интерес представляют сравнительные выписки разных изданий Слова из работ, посвященных Слову. Эти выписки показывают, какие аспекты изучения Слова интересовали М. Н. Сперанского. Много заметок, вошедших позднее в законченные работы, посвящено бумагам А. Ф. Малиновского.

В материалах Сперанского сохранилось много параллельных выписок из Слова и других литературных памятников. Из них видно, что М. Н. Сперанский сравнивал язык поэмы и с церковной литературой (поучение Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, слово на Богоявление Юлиана Товийского, житие Феодосия и др.), и с былинами, Ипатьевской летописью, Новгородской летописью и др. Много выписок посвящено биографии А. И. Мусина-Пушкина.

Большая незавершенная работа М. Н. Сперанского посвящена поддельным рукописям Слова о полку Игореве. В ней М. Н. Сперанский отмечает основное отличие русских подделок от западных – если в Европе создавались поддельные произведения (песни Оссиана, Макферсона), то в России поддельвались рукописи уже известных исторических памятников (Слово о полку Игореве, Русская правда, летописи). Выяснив, что подделки рукописей Слова связаны с тем большим интересом, который вызвал этот памятник сразу после своего появления и утратой единственной рукописи, М. Н. Сперанский подробно разбирает историю поддельных рукописей Слова. В основной своей части она вошла в опубликованную работу М. Н. Сперанского об истории русских подделок⁴⁹.

Все работы М. Н. Сперанского о необыкновенно интересовавшем его памятнике древней русской литературы показывают, как вдумчиво и глубоко научно подходил он ко всем вопросам, касающимся его любимого произведения. Именно эта любовь заставляла его особенно осторожно относиться ко всем материалам, связанным со Словом. Так, он не присоединился к восторженной оценке бумаг А. Ф. Малиновского, данной Е. В. Барсовым, а занялся

⁴⁵ Там же. Л. 5–6, 7–8.

⁴⁶ *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 302–303.

⁴⁷ Об этом подробнее см.: Из истории изучения “Слова о полку Игореве” в Московском университете. С. 289–294. [См. также: Д. 267. Л. 7, 10 об.–12]

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 267–268. Л. 11 об. – 12. [Д. 267. Л. 12]

⁴⁹ *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) / Подгот. к печ. В. Д. Кузьминой // ПИ. М., 1956. Вып. 5. С. 44–101.

их критическим анализом, чтобы понять, что же действительно ценного могут дать они в изучении Слова. В то же время М. Н. Сперанский всегда приветствовал все новое, что вносили работы ученых в изучение поэмы, и живо отзывался на все выходявшие публикации и исследования о Слове.

Работы М. Н. Сперанского интересны не только своими выводами, но и тем, что учат методу работы над памятниками русской литературы.

Все работы М. Н. Сперанского, посвященные Слову о полку Игореве, хотя и затрагивают различные вопросы, но по проблеме, которую они ставят, по своим выводам тесно связаны между собой и представляют как бы отдельные наброски единого, к сожалению, незавершенного произведения. Законченные работы М. Н. Сперанского, особенно посвященные вопросам первого издания Слова, переводам памятника, сделанным в XVIII в. просто необходимо опубликовать, т. к. наблюдения и выводы М. Н. Сперанского не утратили значения и до сегодняшнего дня, и несомненно помогут исследователям.

Примечания публикатора

[1] Обычно – Несторовича.

[2] М. Е. Бычковой опущено начало фразы: Я выбрал его не потому только [3] что Слово о полку Игореве – памятник действительно замечательный, своего рода единственный в мировой, не только в русской литературе по своим особенностям; меня побудили выбрать Слово о полку Игореве и другие причины, из коих главная (далее вычеркнуто: так сказать основная) та, что памятник этот занял совершенно исключительное положение не только в литературе, но и в истории развития нашей истории литературы как науки.

[3], [3-3] В рукописи слово, фраза вписана над строкой.

[4] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: с 1797 года, когда в октябрьской книжке французского Spectateur du Nord появилось первое известие о “Песни воинов Игоря” (Le Chant des guerriers d’Igor) и вплоть до настоящего почти дня (Археолог. изв. и зам. № 7–8).

[5] М. Е. Бычковой опущено начало фразы: Все это, взятое вместе (Имеются в виду обстоятельства происхождения Слова, его публикации, исследования, посвященные Слову, роль в развитии науки о литературе и т.п. – Р. К.), имело результатом, то, что.

[6] М. Е. Бычковой опущено начало фразы: Мы остановились на истории палеографического восстановления Слова о полку Игореве. Выводы: показания очевидцев рукописи (сокращено: ркпси) (Д. 266. Л. 10).

[7], [7-7] В рукописи слово, фраза подчеркнута.

[8] Вписано над строкой вместо зачеркнутого принимавший.

[9] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: (вспомним, Мусину-Пушкину даже запрещено было марать корректуру)? (Д. 266. Л. 12 об.).

[10] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: Допуская даже, что это не палеографические выписки, а небрежные, сделанные кое-как, мы не объясним всех странностей, например, выбора “темных мест”, выбора цитат в остальных отрывках (ср. отрывок 5). Иначе сказать, бумаги не принадлежат Малиновскому, а как приписанные (исправлено, в рукописи переписанные) ему они поддельны (буквы дельны зачеркнуты), ψευδῆγραφοι (греч. “подделка”. – Р. К.) (Д. 266. Л. 13).

[11] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: речь – рѣчь, усобицѣ, лебедей – лебедѣй, пѣсни – пѣсь и т.д.; шизым – шизымъ, челоуѣком – челоуѣком (так в рукописи. – Р. К.). Эти последние случаи исключительно те, на которые, как обычные в рукописях, обратили внимание, желая их восстановить в погибшей рукописи (Д. 266. Л. 13–13 об.).

[12] Слово отсутствует в рукописи и машинописи, восстановлено по смыслу.

[13] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: А в это время можно было кое-что и палеографически подделывать (Д. 266. Л. 13 об.).

[14] М. Е. Бычковой опущено начало фразы: «Видим манеру издания Мусина-Пушкина; вывод: выражение “со всей точностью” нельзя понимать с нашей современной точкой зрения, это... (Д. 266. Л. 10).

[15] Текст рукописи статьи выполнен в старой орфографии, возможно по особенностям почерка следует датировать ее концом XIX века – первыми двумя десятилетиями XX века.

[16] В тексте статьи у М. Н. Сперанского сказано: “Прописные буквы почти не употреблялись ни в XIV, ни в XVI в.; в пушкинском тексте видим во многих случаях прописные буквы в середине предложения” (Д. 270. Л. 2).

^[17] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* до сих пор это не было принимаемо во внимание (Д. 270. Л. 3).

^[18] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* Первый русский Хронограф составлен в 1512 г. и оканчивается взятием Константинополя, статьей оригинальной, составленной на основании греческих источников, а главным образом на сербском хронографе, русских вставок мало (Д. 270. Л. 3 об.).

^[19] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* Хронографа (Хронуоурафи) 990 г. (Д. 270. Л. 3 об.).

^[20] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* прежде о бытии и сотворении мира, от книг Моисеевых и от Иисуса Навина и от русских летописец, сербских и болгарских (Д. 270. Л. 3 об.).

^[21] М. Н. Сперанский далее рассуждал: «...видно, что вторая редакция относится к 1617 г. Как объяснить, что “Слово” явилось в редакции XVII в.? Или хронограф – самостоятельная вставка в сборник и писан другой рукой или весь сборник относится к XVII в. Т. о. древность сборника под большим сомнением» (Д. 270. Л. 4).

^[22] *В рукописи написано сокращенно, под титлом:* ѿрой.

^[23] *В рукописи написано сокращенно, под титлом:* ѿѣкрые.

^[24] *В рукописи написано сокращенно, под титлом:* ѿрое.

^[25] *Возможно окончание статьи не сохранилось в архиве.*

^[26] *Буквы из подчеркнуты.*

^[27] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* что не может служить к объяснению данного места “Слова”, но зато в другом памятнике русской литературы (Татарской эпохи) мы находим совершенно верный перевод слова (о нашествии татар на Казань и о Зарайской иконе Николая Чудотворца): “по малъ Евстафїи нача умъ (слово подчеркнуто М. Н. Сперанским. – Р. К.) свой собирати” (Д. 270. Л. 10 об.).

^[28] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* несомненно, что и в древнем тексте было “дивь” (Д. 270. Л. 18).

^[29] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* полагают некоторые (в рукописи слово сокращено под титлом. – Р. К.), [что здесь] скрывается какое-нибудь слово татарское с определенным смыслом; это слово имеет иногда значение язычник (погань), но (Д. 270. Л. 18).

^[30] *Слово в машинописи подчеркнуто.*

^[31] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* и повторяется в “Слове” не раз, и большею частью в конце “Слова”, такое повторение: о земля Русская, уже за шеломенем еси; далее тоже (р. 3,4) (Д. 270. Л. 11 об.).

^[32] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* “жалость” значит “печаль” (tristitia), “скорбь” (Д. 270. Л. 12 об.).

^[33] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* в народной поэзии это слово не редкость. (Рыбн. I, 361); оно равно почти “поостри” с неопределенным наклонением (Д. 270. Л. 13).

^[34] *Начало цитаты, опущенное М. Е. Бычковой:* Основатель научной русской метрики Ф. Е. (Корш. – Р. К.) и приложил богатые результаты своих разысканий, как в области старой (*вписано над строкой* и новой) русской (*вписано над строкой* книжной и) народной и международной метрики, в связи с огромным рядом наблюдений над ударением старым и современным (*вписано над строкой* в русском языке), одев все это своим тонким чутьем языка вообще и своим нравственным остроумием – все это внес он в свой труд по изучению любимого памятника... При такой постановке дело было не только строго научным, но (*слово вписано над строкой*) далеко не легким и совершенно новым в русской науке (Д. 271. Л. 9–10).

^[35] *Дубенский Дмитрий Никитич* (ум. 1863, Москва) – историк, магистр Московского университета. Изучал стихотворный размер Слова о полку Игореве, датировал Мусин-Пушкинский сборник со Словом концом XIV в. со слов А. Ф. Малиновского.

^[36] *По характеру почерка, состоянию и качеству бумаги, “старой” орфографии можно отнести рукопись к концу XIX в.*

^[37] *Доклад был подготовлен к 372-му заседанию Русского библиографического общества 30 марта 1920 г. (понедельник, в 19.30), о чем свидетельствует машинописное объявление о заседании общества, направленное “Академику М. Н. Сперанскому” (Д. 267. Л. 14–14 об.). Рукописный текст доклада содержит многочисленные исправления, вставки над строкой, вставки, написанные на отдельных листках и подклеенных к тетрадным листам с основным текстом.*

^[38] *Далее следует вставка М. Н. Сперанского в текст, отмеченная косым крестом чернилами, написанная на отдельном листке и подклеенная к листу I: «Второе издание “Слова” – А. С. Шишкова, 1805 г. – единственное, вышедшее до 1812 года, печаталось без сверки со старой рукописью, хотя А. С. Шишков и говорил о том, что он сверял переложение с подлинником: под этим “подлинником”*

подразумевается старый текст в издании 1800 года. Т. о. Слово о полку Игореве только раз – в издании 1800 года – было издано по рукописному оригиналу непосредственно, если не считать Екатерининской копии» (Д. 267. Л. 1а).

^[39] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* это предположение является довольно естественным, если принять во внимание сравнительно небольшой круг лиц, среди которых могло получить распространение издание Слова: это был прежде всего не обширный круг русских бар, охваченный к началу века патриотическо-руссофильским течением, да немногие, частью в этот же круг входившие ученые, историки и писатели (Д. 267. Л. 4)

^[40] *Начало цитаты, опущенное М. Е. Бычковой:* Ответив на несколько этих (слово вписано над строкой – Р. К.) вопросов, Мусин-Пушкин вопрос о количестве экземпляров издания 1800 г. (Д. 267. Л. 5)

^[41] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* если на него действительно был большой спрос – а в этом сомневаться поводов нет (Д. 267. Л. 5).

^[42] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* т.е. немногие экземпляры, большинство же их было уже на руках у читателей (Д. 267. Л. 5).

^[43] *Так в текстах М. Е. Бычковой и М. Н. Сперанского. Возможно – Николай Юрьевич Ульянинский (1872(3?)–1937), секретарь испытательной комиссии при Управлении Московского Учебного округа; библиофил, член Библиографического общества при Московском университете. Из семьи известных библиофилов и коллекционеров. Собрание Н. Ю. Ульянинского находится в составе Российской государственной библиотеки.*

^[44] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* (стало быть до ноября 1796 г., времени смерти Екатерины), уже снабженную переводом на современный язык и примечаниями (найдена в бумагах Екатерины П. П. Пекарским и издана им в 1864 г.) (Д. 268. Л. 2).

^[45] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* как он сам в том признавался, хотя ему и чаще других, как собирателю, приходилось иметь дело со старинным языком своих рукописей; ср. Сын Отечества 1839 г., VIII, Смесь, стр. 16 (Д. 268. Л. 2).

^[46] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* упомянутая выше (Д. 268. Л. 2).

^[47] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* (издана Л. К. Ильинским, стр. 57–82) (Д. 268. Л. 2).

^[48] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* (Отчет ПБ за 1889 г., стр. 143–195) (Д. 268. Л. 2).

^[49] *Примечание рукой М. Н. Сперанского карандашом на полях: х)* имею в виду выписки в Истории государства Российского Карамзина (Д. 268. Л. 3).

^[50] *Примечание М. Н. Сперанского, идущее сразу же после фразы: х)* Примеры см. в статейке при издании “Слова” М. В. Сабашникова, стр. 19–20 (Д. 268. Л. 4).

^[51] *Примечание М. Н. Сперанского, идущее сразу же после фразы: х)* См. прилагаемый текст “Мал.” и примечания к нему в сравнении с печатным; ср. у Ильинского, стр. 17, 18, 39–48, 73 (Д. 268. Л. 4).

^[52] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* но он нам недоступен, и неизвестно, сохранился ли он (Д. 268. Л. 4).

^[53] *Начало цитаты, опущенное М. Е. Бычковой:* Но в литературе первоначальной истории печатного текста “Слова” и его перевода имеются указания, что существовали еще тексты, помимо нам теперь доступных; указания эти относятся не только к позднему времени, когда рукопись “Слова” уже погибла, и интерес ко всему, что касалось “Слова” опять при том значительно повысился. *Примечание М. Н. Сперанского, идущее сразу же после фразы х)* Ср. Е. В. Барсов. Сл. о п. Иг., I, 35 и сл.], но и еще к концу XVIII века (Д. 268. Л. 5).

^[54] *Примечание М. Н. Сперанского, идущее сразу же после фразы: х)* Зап. и труды ОИДР 1824 г., кн. II, 37 (Д. 268. Л. 5).

^[55] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* отождествлять же этот “третий” список с имеющимся у нас в руках “Мал.” оснований нет: этот последний никак нельзя назвать “очень неисправной перепиской”: Мусин-Пушкин продолжал работать над дальнейшим усовершенствованием своего первоначального перевода, в котором уже не позднее 1796 года были сделаны систематические подстрочные примечания; продолжал он работу и после передачи Екатерининского списка над переводом (Д. 268. Л. 6).

^[56] *Начало цитаты, опущенное М. Е. Бычковой:* Намечающееся т.о. происхождение “Мал.” дает возможность установить некоторые хронологические этапы и работы А. И. Мусина-Пушкина (Д. 268. Л. 7).

IV. ХРОНИКА

DOI 10.31168/041078-7.29

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2014–2015 ГОДАХ

1 февраля 2014 года. Исполнилось 80 лет видному российскому историку и археографу, доктору исторических наук, профессору МГУ, члену АК РАН *И. В. Поздеевой*. АК РАН приветствовала юбиляра адресом: «Многоуважаемая и дорогая Ирина Васильевна! Археографическая комиссия Российской академии наук сердечно поздравляет Вас с Вашим замечательным юбилеем. Мы высоко ценим Ваш выдающийся вклад в спасение, научное описание, издание, исследование и популяризацию памятников русской письменности и книжности. Археографические экспедиции, много лет проводившиеся под Вашим руководством и давшие изумительные результаты, созданная Вами и доныне плодотворно работающая Археографическая лаборатория Московского университета – это классика полевой и камеральной археологии второй половины XX века. Их роль в развитии отечественной гуманитарной культуры признана всеми и навсегда связана с Вашим именем. Теперь уже мало кто может вспомнить, что сам термин “полевая археология”, давно уже ставший общеупотребительным, был когда-то предложен Вами. Мы с благодарностью и гордостью вспоминаем наше тесное сотрудничество, Ваш зажигательный темперамент, Ваши новаторские статьи в “Археологическом ежегоднике”, Ваши блестя-

щие выступления на научных конференциях, Первую Всесоюзную конференцию по полевой археологии в 1977 году и Первую Всероссийскую выставку старопечатных книг и рукописей, собранных археологическими экспедициями, с успехом прошедшую в 1987 году. Ваше идейное и организационное участие во всех этих свершениях было воистину незаменимым.

Желаем Вам, дорогая Ирина Васильевна, доброго здоровья, бодрости, успехов!»

14–15 апреля. В РГГУ, при организационном участии АК РАН состоялась ежегодная XXVI Международная научная конференция “Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка”, посвященная памяти С. О. Шмидта. С докладами и сообщениями выступили сотрудники АК РАН: *Н. А. Камочев* – “Классификация русских актов А. А. Зимины”, *В. А. Черных* – о критике генеалогических источников на примере родословия А. А. Ахматовой, *Б. Н. Морозов* – “Как С. О. Шмидт руководил моей дипломной работой по истории рода князей Шуйских”¹.

15 апреля. В день рождения многолетнего председателя АК РАН С. О. Шмидта в АК РАН прошло мемориальное заседание в память об ученом. Выступили ученики и сотрудники С. О. Шмидта.

---

¹ По материалам конференции опубликован сборник: Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Международ. науч. конф., Москва, 14–15 апреля 2014 г. / Отв. ред. Ю. Э. Шустова; РГГУ ИАИ; АК РАН. М., 2014. 449 с.

10 июня. Состоялись ежегодные “Тихомировские чтения”, организуемые АК РАН, на тему «Вопросы изучения рукописной и печатной книги XVI–XVIII вв. (К 450-летию выхода “Апостола” Ивана Федорова)».

Были заслушаны: вступительное слово председателя АК РАН *С. М. Каушиной*, доклады и сообщения: *И. Л. Карповой* (РГБ) “Книжный памятник в архиве, библиотеке, музее”, *Б. Н. Морозова* (АК РАН) “Развитие русской книжной культуры в XVI в. и начало московского книгопечатания”, *А. В. Дадкина* (МГУ) “О некоторых особенностях полиграфической техники Московского печатного двора 1640-х гг.: круг месячных Миней 1644–1646 гг.”, *А. Л. Лифшица* (АК РАН) “Книга как частный заказ в последней четверти XVIII столетия: Подарок М.И. Кузузову”.

1–4 июля. В Санкт-Петербурге прошла XIX Всероссийская научная конференция “Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI вв.”, приуроченная к 100-летию со дня рождения Александра Ильича Копанева. АК РАН выступила соорганизатором научного форума совместно с СПбИИ РАН, Санкт-Петербургским отделением АК РАН и Институтом истории СПбГУ².

21–22 октября. АК РАН выступила соорганизатором (совместно с РГГУ, РГАСПИ, АРАН) научной конференции с международным участием – “Археография в XXI веке: Люди, идеи, публикации”, прошедшей в Москве в РГАСПИ. При открытии конференции *С. В. Чирков* выступил с пленарным докладом “У истоков историографии археографии”; *А. В. Мельников* руководил секцией и осветил в своем выступлении вопросы изучения наследия отечественных историков в изданиях АК РАН; доклад *Т. В. Медведевой* был посвящен археографическим трудам историка, архивиста и археографа *Н. В. Голицына* (1874–1942), а *Н. В. Соколовой* – перспективам публикации копийной книги Амвросиева Дудина монастыря

(1683 г.); *А. Л. Лифшица* рассказал о стихотворной драме “Иеронима и Солиман” в контексте культурной ситуации середины XVIII в., *Н. А. Кобяк* поделилась опытом изучения синодальных свитков и грамот XV–XVIII вв. из собрания ГИМ³. *Н. А. Комочев* также руководил секцией и сделал доклад о принципах передачи текста в актовой археографии.

23 декабря. Ежегодное пленарное заседание АК РАН было приурочено к первой годовщине кончины академика *Н. Н. Покровского* (1930–2013). Были заслушаны доклады и воспоминания о научной деятельности *Н. Н. Покровского*: *Е. Н. Швейковской* (АК РАН) – “*Н. Н. Покровский* – историк, источниковед, археограф”, *Р. Г. Лихои* (ИРИ РАН) – “*Н. Н. Покровский* и его влияние на развитие полевой археографии на Урале”, *В. Ю. Афиани* (АРАН) – “*Н. Н. Покровский* и проблемы публикации исторических источников новейшего времени”, *А. В. Сиренов* (СПбГУ) – “*Н. Н. Покровский* и академическое издание “Степенной книги”»⁴.

16 июня 2015 года состоялись ежегодные “Тихомировские чтения”, посвященные юбилею победы в Великой Отечественной войне, на тему: “Документальные комплексы периода Великой Отечественной войны в российских архивах: современное состояние, проблемы изучения, перспективы использования”. С докладами выступили представители научных и архивных учреждений Москвы: *Е. Л. Киселева* (ГА РФ) «“Должны быть готовы к использованию в любое время”: К вопросу формирования и использования документального комплекса Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков», *Д. Д. Лотарева*, *К. С. Дроздов* (ИРИ РАН) “Архивный фонд Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в Научном архиве ИРИ РАН: Особенности формирования, специфика документов, перспективы

² О конференции см.: *Дмитриева З. В., Селин А. А.* Конференция по изучению и изданию массовых источников XVI–XXI вв. // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 104–107.

³ См. настоящее издание, стр. 170–191.

⁴ Часть материалов публикуется в настоящем издании, см. стр. 97–123.

использования”, *Е. А. Тюрина* (РГАЭ) “Рас-секреченные документы РГАЭ по истории ленд-лиза”, *Е. В. Бронникова* (РГАЛИ) “Документы периода Великой Отечественной войны в РГАЛИ”.

16 декабря. Состоялось пленарное заседание АК РАН на тему: “Проблемы видовой и общей археографии в исторической науке России и других европейских стран в XVIII – начале XXI вв.”.

Председатель АК РАН *С. М. Каушанов* посвятил доклад современным методологическим проблемам археографии – “Археография: ее объект и предмет. Спорные вопросы”. *В. Ю. Афиани* (АРАН) в докладе “О начале археографии” затронул вопросы истории археографии как научной дисциплины. В докладе *О. А. Шашковой* (РГГУ) “Археография: путь от ремесла к науке (К истории формирования статуса дисциплины)” рассматривались исторические и историографические аспекты преподавания археографии.

Д. В. Лисейцев (ИРИ РАН) и *Н. М. Рогожин* (ИРИ РАН) в совместном докладе “Историография и археография посольских книг XVI–XVII вв.” раскрыли историю изучения и публикации посольских книг.

В докладе *Н. А. Комочева* (АК РАН) “Переписка русских и французских государей XVI–XVII вв.: археографические аспекты” рассматривались дипломатические документы – официальная переписка между русскими царями и французскими королями XVI–XVIII вв. Оригиналы хранятся в фонде “Сношения России с Францией” (Ф. 93) РГАДА и в составе коллекции, посвященной связям с Россией в Дипломатическом архиве МИД Франции. В работе учитывались также черновики, копии и переводы грамот, отразившие процесс работы русской и французской дипломатических канцелярий. Доклад был посвящен содержанию, формулам и внешним особенностям грамот с позиций дипломатики, сопоставлению русской

и французской традиций составления документов. Проведенная работа по транскрипции текстов и описанию документов отчасти отразилась в вышедшем затем издании⁵. Работа с оригиналами в архивах России и Франции дала возможность докладчику сделать несколько наблюдений относительно организации архивов и традиций использования архивных документов двух стран.

Е. В. Казбекова (ИВИ РАН) выступила с докладом “Леон Жилиссен и проблемы кодологии западноевропейских средневековых рукописей”⁶.

Доклад *О.В. Аурова* (РГГУ) “Ученое феодальное право, его распространение и преподавание в XIII–XV вв. (по данным рукописных источников из испанских собраний)” был посвящен ученому феодальному праву и его рукописным памятникам, хранящимся в библиотеках и архивах Испании. Это направление сложилось в университетской традиции изучения и преподавания права в XII–XIV вв. и стало результатом систематизации норм обычного феодального права, ставших объектом кодификации, интерпретации и комментирования университетскими правоведами (легистами). Главным центром преподавания и изучения ученого феодального права в указанный период стал Болонский университет, деятельность которого уже в XII в. приобрела всеевропейский характер. В числе студенческих землячеств (лат. *nationes*) уже в XII в. сложилась и землячество “испанцев” (лат. *natio Hispana*), включавшее выходцев из всех христианских королевств Пиренейского полуострова – от Португалии до Арагона. После окончания обучения, бывшие студенты, как правило, забирали с собой рукописи, содержащие тексты изучавшихся правовых памятников, в числе которых были и памятники ученого феодального права – разные редакции “Книг феофов” (*Libri Feudorum*) (входивших в состав средневековой версии Корпуса (или Свода) Юстиниана),

⁵ “Брату нашему Лудвигу”: переписка русских царей с королями Франции в конце XVI – начале XVIII в. / Сост. А. Берелович, С. М. Каштанов, О. С. Каштанова, Н. А. Комочев, С. Ю. Королева, Л. В. Столярова при участии В.Н. Козулина. М., 2021. 261 с.

⁶ См. настоящее издание, стр. 124–129.

а также трактаты болонских февдистов – Мартино да Фано (ум. ок. 1275 г.), Андреа д’Изерния (ум. в 1316 г.), Джакомо да Ардидзоне (ум. после 1250 г.), Бальдо дельи Убальди (1327–1400), Джакомо ди Бельвизо (ум. в 1335 г.) и некоторых других. Последние занимались как общими, так и частными проблемами феодального права, в том числе – вассальными контрактами (оммажами), содержание и пути применения которых интерпретировались в духе римского (юстинианова) договорного права. Привезенные студентами, либо специально заказанные в Италии, эти рукописи в разное время осели в испанских собраниях. Основное внимание в докладе было уделено рукописям Корпуса Юстиниана (с конца XVI в. известного как “Corpus Iuris Civilis”) из Национальной библиотеки (г. Мадрид), Королевской библиотеки монастыря св. Лаврентия в Эскориале, а также библиотеки капитула Толедского собора. Были приведены критерии различия рукописей университетского и не-университетского происхождения, сделана попытка систематизации студенческих помет и рисунков в рукописях как источника по истории изучения ученого феодального права. Докладчик подчеркивал, что, вопреки замечаниям ряда видных историков римского права, ученое феодальное право не только применялось на практике (что ознаменовало новую эпоху в истории феодального права, в целом), но и преподавалось в рамках университетских курсов (на что, в частности, указывает характер студенческих помет и рисунков в частях рукописей

пятой части Корпуса Юстиниана, содержащей тексты “Книг феофов”).

Т. В. Медведева

Новые издания Археографической комиссии и ее отделений в 2014–2015 годах

Археографический ежегодник за 2011 год / Отв. ред. С. О. Шмидт; РАН; Отд-ие ист.-филол. наук; Ин-т славяноведения; АК; Федерал. архивн. агенство. М.: Наука, 2014. 512 с., ил.

Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Международ. науч. конф., Москва, 14–15 апреля 2014 г. / Отв. ред. Ю. Э. Шустова; РГГУ ИАИ; АК РАН. М., 2014. 449 с.

Вспомогательные исторические дисциплины / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 2014. Т. 34. 237 с.

Вспомогательные исторические дисциплины / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 2015. Т. 33. 576 с.

Ветераны Великой Отечественной. Вологодская область. Шекснинский район/ АК РАН. Северное отделение, Вологодск. областной Совет ветеранов войны и труда, Вологодск. областной архив новейшей политической истории. Вологда, 2015. 414 с., ил.

Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века: исследование и тексты: [подгот.: И. В. Пугач и др.] / Великоустюг. центр. арх., АК РАН. Сев. отд-ние. Вологда: Древности Севера, 2015. 351 с.

DOI 10.31168/041078-7.30

ЮБИЛЕЙ ИСТОРИКА-АРХИВИСТА, АРХЕОГРАФА (К 75-ЛЕТИЮ Н. С. ЗЕЛОВА)

Коллектив Государственного архива Российской Федерации 3 июля 2014 г. поздравил с 75-летием со дня рождения Николая Степановича Зелова, главного специали-

ста, руководителя (с 1974 г.) архивохранилища личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и Российской Федерации. Тепло приветствовали юбиляра

директор ГА РФ, доктор исторических наук, профессор С. В. Мироненко, заместитель директора РГАЭ, кандидат исторических наук С. И. Дёгтев, главный специалист РГВА И. М. Нагаев, заместитель главного редактора журнала “Библиография” Г. А. Алексеева, ответственный секретарь Правления Центрального совета РОИА Л. А. Роговская; коллеги по работе и общественной деятельности в московском, весьегонском отделениях Ассоциации Тверских землячеств, Союзе писателей России, краеведы, земляки.

Трудовая деятельность Николая Степановича после окончания в 1963 г. МГИАИ началась и продолжается до наших дней в ГА РФ. В отделе использования документов архива он прошел отличную школу практического познания профессии историка-архивиста. С первых дней архивной службы (сначала в должности младшего, затем старшего научного сотрудника, в дальнейшем заместителя начальника отдела) Николай Степанович проявил свои незаурядные способности серьезного исследователя и популяризатора архивных документов, освоил навыки научного описания материалов, работы с исследователями, а также выставочную и лекционную деятельность. Успешно исполнял запросы правительственных учреждений, государственных и партийных архивов, учебных заведений, музеев, библиотек. Участвовал в организации документальных выставок в Московском доме ученых, творческих домах литераторов журналистов, домах культуры издательства “Правда”, завода “Каучук”, других крупнейших предприятий столицы. 24 декабря 1979 г. Николай Степанович возглавил отдел, с 1979 г. – архивохранилище личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и Российской Федерации. Благодаря высокой квалификации руководителя архивохранилища, крупнейший архив страны пополнился многими личными фондами людей, сыгравших большую роль в жизни нашего государства. За минувшие 40 лет в результате ответственной, сложной работы с владельцами личных документов на постоянное хранение принято

свыше 100 тысяч рукописей воспоминаний, статей, писем, фотографий известных и менее известных участников исторических событий минувшего века. Документы раскрывают историю России через призму судеб людей, ее непосредственных участников и свидетелей. В архиве сформировано из документов, поступивших в 1975–2014 гг., более 130 фондов государственных деятелей, руководителей ВЦСПС, отраслевых профсоюзов, участников революционного движения, организаторов здравоохранения, просвещения, библиотечного дела и спорта. Значительные по составу и содержанию документов – фонды Героев Социалистического Труда А. В. Артюхиной, А. Ф. Горкина, Б. Е. Ефимова, Б. И. Иванова, А. И. Микояна, Ф. Н. Петрова, Е. Д. Стасовой. На хранение поступили личные фонды союзных министров здравоохранения М. Д. Ковригиной, Г. А. Митерева, просвещения М. В. Прокофьева, республиканских (РСФСР) министров социального обеспечения Н. А. Муравьевой, просвещения В. П. Потемкина, культуры Ю. С. Мелентьева, председателя Славянского комитета А. С. Гундорова.

Николай Степанович стал инициатором собрания в архиве личных документов организаторов и теоретиков архивного дела в стране, руководителей Главархива СССР, ВНИИДАД. На хранение приняты личные фонды В. Н. Автократова, Ф. М. Ваганова, А. В. Елпатьевского, В. П. Козлова, В. А. Кондратьева, В. Р. Копылова, С. Т. Плешакова, Н. Р. Прокопенко, К. И. Рудельсон, В. А. Тюнеева, С. В. Житомирской, возглавлявшей четверть века ОР ГБЛ. Следует отметить и создание в ГА РФ объединенного фонда “Историки-архивисты” с биографическими документами, рукописями, перепиской, фотографиями более сорока руководителей Главархива СССР, преподавателей архивоведческих кафедр МГИАИ, руководителей и видных специалистов федеральных и региональных архивов (В. И. Вяликова, В. Е. Дербиной, В. А. Ильичевой, Б. И. Каптелова, Н. А. Ковальчук, Ф. К. Лимонова, И. С. Назина,

Н. А. Орловой, Л. Г. Сырченко, О. Е. Карноуховой, Л. М. Шалагиновой и др.). Архивохранилище является отличной базой для прохождения учебной практики для студентов ИАИ РГГУ, Университета дружбы народов. Государственного гуманитарного института им. М. А. Шолохова, других вузов Москвы. По материалам личных фондов ГА РФ защищено более сорока дипломных работ студентами МГИАИ, ИАИ РГГУ.

Николай Степанович постоянно сотрудничает со многими научными и культурными учреждениями Москвы, других городов, пользуется уважением среди музейщиков, библиотекарей, представителей творческой интеллигенции. Он участвует в научно-практических конференциях в ИАИ РГГУ, РГБ, Научной музыкальной библиотеке им. С. И. Танеева Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, других вузах и научных библиотеках. Нельзя не отметить и активную деятельность Николая Степановича в работе Российского общества историков-архивистов. Он стоял у истоков создания этой общественной организации, был первым председателем организации РОИА в ГА РФ, десять лет возглавлял Ассоциацию ветеранов архивного дела, а с 1996 г. является членом Правления Центрального совета РОИА.

Более полувека сотрудничает Николай Степанович с московскими, тверскими газетами, постоянно делится своими архивными находками с читателями. Тематика его статей, корреспонденций широка и разнообразна – от публикаций по краеведению, истории и организации архивного дела до статей о государственных деятелях, выдающихся ученых, писателях, актерах, художниках и музыкантах. “Разнообразие тем, на которые написаны эти статьи, и лиц, о которых в них идет речь, просто поражает, – отмечал 21 мая 2003 г. народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, действительный член Российской академии художеств Борис Ефимов. – Это, не боюсь этого слова,

фантастический диапазон – от Шаляпина до Сталина, от Чехова до Лемешева, от Дзержинского до Шостаковича, от Тургенева до Крупской, от Моцарта до Салтыкова-Щедрина, от Вахтангова до Чичерина...”¹

Н. С. Зелов – автор книг, многочисленных статей по истории Весьегонского края, архивного дела, воспоминаний об учебе в МГИАИ и его преподавателях, работе в ГА РФ, о М. А. Ильине, полвека возглавлявшем архивную службу Тверской области, художнике Борисе Ефимове, земляке, военном деятеле и публицисте А. И. Тодорском. Особо следует отметить публикацию в “Московской энциклопедии” статей Николая Степановича о композиторах, музыковедах, певцах, музейных деятелях, архивистах. Н. С. Зелов – автор статей о В. Н. Автократове, Н. В. Бржостовской, В. Е. Дербиной, А. В. Елпатьевском, Б. И. Каптелове, С. Т. Плешакове, Н. Р. Прокопенко, К. И. Рудельсон. Николай Степанович является собирателем воспоминаний преподавателей архивоведческих кафедр МГИАИ, ветеранов архивного дела. По его просьбе написали воспоминания и рукописи передали в ГА РФ В. Е. Дербина, Т. В. Батаева, Н. А. Ковальчук, Н. Т. Конова, А. Л. Райхцаум, Л. М. Шалагинова, другие архивисты.

Свыше тысячи книг (многие с автографами ученых, писателей, мастеров искусств) передал Николай Степанович РГАЛИ, в Научную библиотеку ГА РФ, Весьегонскую библиотеку им. Д. И. Шаховского. Государственному архиву Москвы передал из личного собрания приглашения на творческие вечера и вечера памяти писателей, мастеров искусств, концертные, театральные программы с автографами А. И. Солженицына, И. К. Архиповой, Г. П. Вишневской, Л. Г. Зыкиной, Е. А. Мравинского, М. Л. Ростроповича, Б. Т. Штоколова, многих других выдающихся деятелей отечественной культуры.

Работа Николая Степановича по собиранию, научному описанию документов личного происхождения получила признание.

¹ Цит. по: Николай Степанович Зелов: К 50-летию творческой деятельности: Биобиблиогр. указ. / Сост. Г. А. Мельничук. М., 2003. С. 8.

Он награжден грамотами Министерства культуры Российской Федерации, Росархива, ведомственными знаками “Отличник архивного дела”, “Почетный архивист”. На страницах журналов “Вестник архивиста”, “Отечественные архивы”, “Библиография”, других изданий в 2014 г. опубликованы заметки о служебной и общественной работе

Н. С. Зелова, для которого ГА РФ является, – как отмечается в одной из них, – “вторым любимым домом”. Ведь не случайно воспоминания о своем творческом пути он назвал “Архив в моей жизни”.

О. Н. Копылова

DOI 10.31168/041078-7.31

ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЛОГОВЫЕ ПРАКТИКИ – ТЕМА XXXIV СЕССИИ СИМПОЗИУМА ПО ПРОБЛЕМАМ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (Самара, 22–26 сентября 2014 г.)

Очередная XXXIV сессия международного Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы состоялась 22–26 сентября 2014 г. в Самаре. Инициатива ее проведения и подготовка принадлежали Научному совету по проблемам аграрной истории Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук РАН и Самарскому государственному университету. Главная проблема сессии – “Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.”. В работе сессии участвовало около 70 ученых из научных учреждений РАН и вузов различных регионов России, и конечно, при активном участии исследователей Самары. Всего на XXXIV сессии было заслушано и обсуждено 68 докладов и сообщений.

На пленарном заседании со словами приветствия и пожеланиями успешной работы к участникам сессии обратился и.о. ректора Самарского государственного университета *И. К. Андроничев*.

Пленарный доклад в рамках продолжающейся темы “Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в лицах” *Е. Н. Швейковская* посвятила академику Н. Н. Покровскому, выдающемуся историку второй половины XX – начала XXI в., ушедшему из жизни в 2013 г. Ученый многократно участвовал в сессиях Всесоюзного симпозиума по изучению аграрной исто-

рии. В течение 1970–1980-х гг. он активно откликался своими докладами, выступлениями в прениях по обсуждаемым на сессиях темам, возникавшим дискуссионным вопросам, предлагал неожиданные ракурсы их рассмотрения и новые суждения, что стимулировало поиск иных подходов к трактовке, казалось бы, известных тем. Вместе с председателем секции XVIII в. В. А. Александровым в 1980-е г. Н. Н. Покровский участвовал в расширении социально-экономической тематики за счет внимания к семейному строю крестьян, их правовому положению, к многообразию идеологических взглядов.

Е. Н. Швейковская сосредоточила внимание на исследованиях Н. Н. Покровского, посвященных разным категориям крестьян. Во-первых, в середине 1950-х гг. он обратился к выяснению роли землевладения черносошных (черных) крестьян при формировании феодальной земельной собственности в Центре и на Севере России в XIV – начале XVI в. Данная тема во второй половине 1950-х гг. вызывала оживленную полемику, а на протяжении 1960–1970-х гг. была объектом дискуссии между московскими и ленинградскими учеными. Н. Н. Покровский установил, что феодальное землевладение в Центре и на Севере Руси реализовалось в разных формах, одновременно и различными темпами и путями. Он доказал,

что по своему статусу черносошные земли находились в верховной собственности государства в лице князя, а черные крестьяне, хозяйствуя на них, обязаны были исполнять совокупность налогово-повинностных обязательств, т.е. тягло, в пользу верховного правителя и собственника, будь то князь-суверен и/или государь.

Во-вторых, с начала 1970-х гг. Н. Н. Покровский исследовал мало изученную в тогдашней отечественной историографии тему общественного сознания и психологии крестьян, заселявших Сибирь в XVII–XVIII вв. В центре его внимания находился феномен старообрядчества, в частности, такой его аспект, как широко развернувшийся в XVIII в. антифеодальный протест урало-сибирских старообрядцев. Ученый установил, что протестующие состояли из социально разных слоев и групп крестьян, как старообрядцев, так и православных, т.е. характер протеста на Урале и в Сибири был “общекрестьянским”. Социальные требования крестьян сводились к достижению фискальной независимости, к свободе от подушной подати и рекрутчины, к неподконтрольности общинного управления и суда местной власти, к реальной возможности обходиться без попов и консисторских предписаний.

Названные исследования Н. Н. Покровского по периоду XIV–XVIII вв. воплотились в монографиях “Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в.” (Новосибирск, 1973) и “Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.” (Новосибирск, 1974). Они базируются на разнородных документальных комплексах: актовых XIV–XVI вв., судебно-следственных, учетно-статистических XVII–XVIII вв. и др., содержание которых максимально глубоко проанализировано для извлечения из них верифицированных данных и получения убедительных трактовок и выводов.

В другом пленарном докладе *В. В. Кондрашина* “Хлебозаготовки в СССР в годы первой пятилетки” прослежена хлебозаготовительная политика сталинского руко-

водства в целях форсированной индустриализации. Она проводилась в принудительной форме по принципу продрозверстки и насильственной коллективизации крестьянства. Объемы заготовок превышали возможности сельскохозяйственного производства, что вело к изъятию из деревни как товарного, так и продовольственного зерна и фуража. Нарушение баланса между интересами государства и необходимыми потребностями крестьянских хозяйств, использование властью всей мощи административно-репрессивного аппарата сломило сопротивление крестьян хлебозаготовкам и аграрной политике сталинизма. Выкачивание хлеба из деревни привело в 1932–1933 гг. к голоду более 5 млн человек и к трагедии российской деревни. Нарращивание таким способом объемов хлебозаготовок в годы первой пятилетки создало зерновые ресурсы, необходимые для проведения индустриализации. Зерновой экспорт обеспечил приток валюты, приобретение станков, оборудования и позволил построить ведущие объекты первой пятилетки. Вместе с тем усиление принудительного характера хлебозаготовок вело к проведению насильственной коллективизации в СССР.

В третьем пленарном докладе *П. С. Кабытов* рассмотрел складывание самарской научной школы как центра по изучению аграрной истории Среднего Поволжья. Возникнув как региональное объединение историков-аграрников, центр развернул введение в научный оборот новых источников, выявление особенностей развития региона и отдельных его территорий, установление взаимовлияния культур народов, населявших обширный край на протяжении XVIII – начала XX в. Аграрные исследования характеризовали взаимодействие помещичьих и крестьянских хозяйств, развитие зернового производства и животноводства, складывание местной инфраструктуры, которая ускоряла модернизационные процессы в сельском хозяйстве. В 1990–2000-е гг. ученые перешли к созданию обобщающих монографий по отдельным территориям и в целом по Среднему и Нижнему Поволжью с примыкающими

областями Приуралья, увязывая темы региональной истории Поволжья с общероссийскими.

Работа XXXIV сессии, как обычно, велась в трех хронологических секциях, а также на заседании круглого стола по теме: “Первая мировая война и аграрное развитие Российской империи”.

В секции “Киевская Русь – середина XIX в.” были заслушаны 23 доклада и сообщения, относящиеся к огромному хронологическому периоду. В них представлены результаты исследований широкого тематического диапазона в рамках общей проблемы проводимой сессии симпозиума. Основное внимание было сконцентрировано на следующих блоках тем на протяжении восьми с половиной веков: 1) фискальная государственная политика; 2) фискальная практика; 3) принципы и единицы обложения, органы взимания налогов; 4) объекты обложения.

М. Б. Свердлов применил для характеристики податного обложения в древнерусскую эпоху на переходе от родоплеменного строя к государственному аналитические подходы – компаративный и системно-генетический. Наибольшее число выступлений было посвящено периодам, обеспеченным массовыми источниками XV–XVIII вв. Анализ древнейшей писцовой книги Деревской пятины Новгородской земли конца XV в. с применением комплексных методов интерпретации текста позволил *А. А. Фролову* обнаружить разные временные срезы и асинхронные сведения в ней. Номенклатуру налоговых сборов и механизмы их взимания в первой половине XVI в. по материалам суздальских Спасо-Евфимьева и Покровского монастырей проследил *В. Д. Назаров*. *П. В. Чеченков* и *Д. А. Черненко* на материале писцовой книги Нижегородского уезда 1622–1624 гг. рассмотрели развитие барщины. *Н. В. Соколова* показала роль крестьянской общины в организации сбора и уплаты налогов и применяемые при этом практики в монастырских владениях Центральной России XVII – начала XVIII в. *И. Л. Манькова* оценила размер государственных налогов крестьян монастырей Урала в XVII в.,

сравнив их с платежами монастырских же крестьян Центральной России. Широкий диапазон аспектов фискальной политики на разных этапах российской государственности нашел отражение в ряде выступлений: *Л. Г. Степановой* о специфике налогового обложения и бюджете крестьянского хозяйства в Новгородской земле в конце XV – XVI в., *В. А. Аракчеева* о причинах перехода к подворной реформе в 70-х гг. XVII в., *Ю. Н. Смирнова* о влиянии налоговой политики на освоение Самарского Поволжья в XVIII – первой половине XIX в., *Е. В. Камараули* о принципах налогообложения на юге России в XVII в., *А. И. Комиссаренко* о налоговых мерах абсолютистского государства на Вятке в первой половине XVIII в. При тесной связи во многих докладах вопросов налоговой политики и практики налогообложения конкретные типы обложения и виды повинностей в разных регионах (г. Устюг, уезды Севера, Новгородская земля, Старорусский уезд, Среднее Поволжье, Оренбургская губерния) и в разные хронологические отрезки XVI–XVIII вв. также специально обсуждались в выступлениях *М. С. Черкасовой*, *В. И. Иванова*, *З. В. Дмитриевой*, *З. А. Тимошенко*, *Э. Л. Дубмана*, *А. Г. Иванова*, *А. И. Акманова*. Населенность крестьянского двора как фактор доходности помещичьих имений и тяглоспособности крестьян стала предметом клиометрического изучения *С. В. Черникова*. Привлекло внимание выступление, выполненное на материалах Генерального межевания *Д. А. Хитровым*, *А. А. Голубинским* и *Д. А. Черненко*, о мостах и перевозах, их роли в развитии путей сообщения, о сборах с них в XVIII в. С исследованиями китайских историков о налогах и повинностях в России XVIII – начала XX в. познакомил *Тан Яньфэн*, которая стажировалась на истфаке МГУ.

Заслушанные доклады вызвали многочисленные вопросы и живо обсуждались всеми участниками. Плодотворным итогом работы секции стало заключение о существовании документально выявленного как многообразия видов и типов налогообложения

(государственного и частнофеодального), так и разнообразия самих практик. Высказанные конкретные авторские наблюдения и выводы, а также полемические суждения позволили определить перспективные темы как предмет будущих научных сессий. Одна из них – народно-хозяйственное освоение территорий и демографический фактор в аграрной истории России.

В секции “Вторая половина XIX в. – начало XX в.” были заслушаны 13 докладов и сообщений. Анализу налоговых и иных финансовых повинностей крестьян, соответствия платежным возможностям в пореформенное время посвятили свои выступления Н. М. Александров, В. Н. Никулин, М. Д. Карпачев. *Н. М. Александров* подчеркнул, что рост недоимочности крестьянских хозяйств в пореформенную эпоху объясняется не только низкой доходностью натурально-потребительской экономики крестьянского двора, но и убеждением крестьян в несправедливости выкупных платежей за наделы, их нежеланием оплачивать долги за угоды. *В. Н. Никулин* уделил пристальное внимание финансово-регулирующей роли сельской общины у крестьян северо-западного региона России, уровню платежеспособности хозяйств и неравномерности крестьянской задолженности по налоговым платежам, которая зависела от семейно-численного состава крестьянского двора. *М. Д. Карпачев* детально разобрал земельную обеспеченность, доходную и расходную части крестьянских бюджетов в ряде волостей Воронежской губернии. Он установил, что хронические недоимки по налогам и сборам – показатель не столько оскудения крестьянских хозяйств, сколько слабости государственных управленческих структур, низкого уровня гражданственности сельского населения Центрального Черноземья России. По данным местной статистики он установил, что отмена выкупных платежей вела к оздоровлению финансового положения русской деревни в 1907–1914 гг., к снижению потребности крестьян в защитных функциях общины, что ускоряло темпы проведения столыпинского аграрного курса в важнейшем зерновом регионе России.

Роль земского статистика Уфимской губернии М. П. Красильникова в организации сбора массовых источников о финансовом и налоговом положении разных слоев крестьян на рубеже XIX–XX вв. показал *М. И. Роднов*. Значение и целесообразность мирских сборов как части налоговых обязательств крестьян оценила *Н. П. Никитина*. *О. А. Сухова*, опираясь на приговоры сельских сходов, рассмотрела отношение крестьян к посильности налогов и повинностей, основные требования крестьян накануне и в период революции 1917–1918 гг., а также привела новые данные о реакции крестьян на налоговую политику советской власти в годы Гражданской войны. *Д. А. Сафонов* уделил внимание взаимодействию крестьян и власти, которое проявилось в кризисные моменты истории отечественной государственности рубежа XIX–XX вв. Расходные статьи земских бюджетов Тамбовской губернии использовал *Н. В. Токарев* для оценки расходов земств на мероприятия экономического характера, в том числе на нужды крестьянских хозяйств, на развитие участковой агрономии. *А. А. Кухаренко* (Белоруссия) позитивно охарактеризовал деятельность учреждений Крестьянского поземельного банка в белорусских губерниях, что способствовало рационализации и укреплению крестьянской экономики в начале XX в. *Ю. Б. Будкина* представила основные этапы развития кредитной кооперации в деревне Рязанской губернии, роль земства как ведущей силы в организации сельских кооперативов мелкого кредита в начале XX в.

С. В. Беспалов осветил ключевые аспекты таможенной и тарифной политики правительства Российской империи на рубеже XIX–XX вв., борьбу мнений о приоритетах при ускоренном развитии промышленности, в соответствии с которым не происходила перестройка аграрных отношений, что необходимо для перехода от натурально-потребительской экономики крестьян к рыночной и для преодоления диспропорций в развитии города и деревни.

Два выступления были посвящены аграрным отношениям в регионах России в годы

Первой мировой войны. *И. Б. Белова* рассмотрела повинности крестьян Калужской губернии, появившиеся в военное время: “окопную” (землекопную), поставку лошадей, крупного рогатого скота, одежды для нужд армии, что легло дополнительным грузом на хозяйства крестьян, влияло на самоуправление и социальное поведение. Привлечение беженцев к сельскохозяйственным работам и иным повинностям изучила *С. В. Буколова*, выяснив удельный вес труда беженцев в экономике тыловых губерний, а также социальное положение вынужденных переселенцев.

Заседания секции прошли при высокой творческой активности участников, задаваемые вопросы, высказывания и критические суждения вызвали неподдельный интерес из-за новизны фактических материалов и нетривиальности подходов к оценке сложных процессов аграрной истории Российской империи в последние десятилетия ее существования.

Секция “1917 год – современность” для оперативного обсуждения тем была разделена на две подсекции. Хронологическим рубежом между ними стал конец 1920-х гг. В первой подсекции выступили 12 докладчиков. *Н. Н. Кабытова* рассмотрела организованные формы протеста крестьян против аграрной политики Временного правительства. Она установила, что в социализации земли (“черном переделе”) были заинтересованы все земледельцы (общинники и собственники), а их фискальные требования основывались на правилах уравнительного обложения земель различного качества. Она пришла к выводу о неизбежности введения чрезвычайных мер в аграрном секторе экономики. Методы продовольственной политики советской власти в начальный период ее становления, способы реализации продразверстки, деятельность продотрядов в губерниях Черноземья, предпосылки и причины крестьянских восстаний изучил *В. Б. Безгин*. Специфику борьбы за хлеб в украинской деревне раскрыла *Н. А. Ковалева* (Днепропетровск, Украина). Она показала, что продовольственная политика большевиков

не отвечала интересам как крестьян, так и рабочих, а действовавшие на Украине продотряды пополнялись преимущественно выходцами из Москвы и Петрограда. Неэффективность аграрной политики Комуча через реализацию продовольственных заготовок охарактеризовал *В. М. Рынков*, продавать хлеб по твердым ценам не хотели ни крестьяне, ни помещики, ни другие земельные собственники.

Группа докладов и сообщений была посвящена налоговой политике советской власти в период нэпа. *Д. В. Ковалев* убедился во взаимосвязи налоговых мер и социально-политической активности крестьян, показал их поведенческие колебания – от активного протеста до смирения с системой налогообложения и до пассивного сопротивления (отказа от обработки земли, сокрытия доходов). Социопсихологические аспекты в настроениях и поведении крестьян в годы нэпа рассмотрел *В. Я. Филимонов*, докладчик выявил сущность “антигородских” настроений в сельской местности, которые, по его убеждению, проявлялись преимущественно на уровне рефлексии и не имели социальной градации. Фискальную политику Советской России в русской эмигрантской литературе 1920-х гг. анализировал *А. В. Берлов*, подчеркнув, что наиболее дальновидные ученые русского зарубежья предсказали неэффективность нэповской системы, прежде всего, в аграрной сфере. *Т. Н. Сидоренко* и *О. В. Бершадская* сосредоточились на региональных особенностях налогообложения крестьянских хозяйств Черноморского округа. *В. С. Жукова* попыталась определить долю налогов в расходных статьях бюджета крестьянских хозяйств Европейского Севера России в годы нэпа.

Блок сообщений был посвящен анализу различных аспектов сельского самообложения, превратившегося в конце 1920-х гг. из добровольного сбора на общественные нужды в одну из разновидностей обязательного денежного налога. *Е. Г. Иванова*, рассматривая протестные формы поведения крестьян при самообложении в пользу кресткомов, отметила, что власть стремилась переложить

функции соцобеспечения на налогоплательщиков и “перевести стрелки” недовольства крестьян с сельсоветов на низовые крестьянские организации. *А. А. Иванов* показал, что общинное самообложение в доколхозной марийской деревне было направлено на самообеспечение местных нужд в хозяйственной и социокультурной сферах, а власть в своих интересах поставила его под контроль местных управленческих структур, что в понимании крестьян нарушало принцип “справедливости”. *Л. В. Алиева* рассмотрела правовую природу самообложения в деревне, выявила механизм включения самообложения в государственную бюджетную сферу.

Во второй подсекции было заслушано 13 докладов и сообщений. Первоочередное внимание было уделено становлению и функционированию налогово-податной системы сталинского аграрного социализма и ее эволюции в последующий период. *В. А. Ильиных* реконструировал превращение контрактации, которая возникла в качестве механизма регулирования крестьянского производства, в базовую натуральную подать. Он также определил причины демонтажа контрактационной системы в 1932–1933 гг. *В. В. Наухацкий* выяснил роль политотделов МТС в становлении заготовительной системы, которая сменила контрактационную. Он показал как репрессивную, так и организационно-производственную составляющие деятельности политотделов. *Г. Е. Корнилов* на примере Урала осветил особенности заготовительной политики государства в годы Великой Отечественной войны, показав все формы заготовок сельхозпродуктов, их размеры и последствия для развития сельского хозяйства. Особый интерес аудитории вызвали основанные на сводных годовых отчетах колхозов таблицы, в которых была представлена динамика распределения колхозной продукции. *П. П. Полх* проследил установление сталинской заготовительной системы в новой Калининградской области и обнаружил наличие здесь двух противоречивых тенденций в аграрной сфере: предоставление

льгот переселенческим хозяйствам и стремление получить скорейшую налоговую отдачу. Мнение о наличии “серой” экономики в рамках “тоталитарной” сталинской системы подтвердил *И. В. Кометчиков* в сообщении о “черных кассах” в колхозах в середине 1940-х – начале 1950-х гг. *В. Н. Томили*н убедился в том, что натуроплата колхозов за услуги МТС в 1930–1950-е гг. стала одним из основных элементов налогово-податной системы, а ее удельный вес в централизованных хлебозаготовках имел тенденцию к увеличению. *С. Н. Андреевков* рассмотрел особенности функционирования, а также цели и социально-экономические последствия демонтажа сталинской системы заготовок колхозной продукции в годы оттепели. *А. И. Шевельков* показал, что основным методом изъятия в колхозах и совхозах дополнительных продовольственных ресурсов во второй половине 1940-х – 1970-е гг. стали разверстываемые на сельхозпредприятия повышенные социалистические обязательства. *А. Г. Галлямова*, освещающую проблему в широких хронологических рамках (с конца 1910-х до начала 1960-х гг.), выделила реперные точки во взаимоотношениях руководства Татарстана с центральными властями по поводу налогово-податного обложения сельского хозяйства республики. При этом был сделан вывод, вызвавший критику участников, о более высоком уровне налогово-податного обложения Татарской АССР по сравнению со многими другими российскими регионами. *И. Е. Кознова* на материалах “устной истории” реконструировала восприятие жителями села советской налогово-повинностной системы на протяжении всего XX в. Она отметила нейтрализацию в крестьянской памяти налоговых послаблений хрущевского периода, связанную с гонениями на личные подворья. Память же о брежневском периоде отражает превращение колхоза в деревенскую традицию и вносит в постсоветскую сельскую жизнь настроения ностальгии.

К постсоветскому периоду относятся два выступления. *И. В. Логунова* на материалах центрально-черноземных областей выявила

особенности налогообложения основных категорий сельхозтоваропроизводителей в условиях реформирования аграрного строя в 1990-е гг. и пришла к выводу о превалировании фискальной составляющей налоговой политики государства над регулирующей. *Н. А. Серогодский* основное внимание уделил попыткам введения единого сельскохозяйственного налога, который способствует снижению налоговой нагрузки на аграрный сектор экономики.

Всего в третьей секции в двух ее подсекциях было заслушано 25 докладов и сообщений. Все они основывались на широком круге источников, многие из которых впервые вводились в научный оборот. В качестве базовых источников использовались нормативные акты, налоговая и сельскохозяйственная статистика, переписка центральных и местных властей, документы крестьянского происхождения (“письма во власть”, протоколы сельских сходов, колхозных собраний, материалы “устной истории” и др.). В центре внимания находились организационные формы налогово-податного обложения, реакция на них населения, методы противодействия государственной политике со стороны крестьянства, его конформационные и адаптационные практики.

Круглый стол “Первая мировая война и аграрное развитие Российской империи” был посвящен анализу аграрной экономики и со-

циальным отношениям в русской деревне в военные годы. В докладах *Н. Ф. Тагировой*, *М. В. Оськина* и *М. Д. Карпачева* получили детальный анализ вопросы продовольственного положения страны в годы войны, экономического и финансового состояния русского крестьянства, а также правительственной политики в области продовольственного снабжения армии и городов. Докладчики не только сообщили о результатах своих конкретных изысканий, но и наметили перспективы дальнейшего изучения динамики сельской экономики военного времени, изменений в области землевладения и землепользования, а также взаимоотношений власти и общества в ключевых сферах народной жизни.

В целом заявленная на сессии проблема симпозиума о фискальной политике и налогово-повинностных практиках в аграрной истории России на протяжении X–XXI вв. рассматривалась через призму взаимоотношений власти и народа. Выступления в рамках тематики каждой из секций соответствовали общей программной проблеме сессии симпозиума и прошли в обстановке оживленных творческих дискуссий. Подтвердилась уже существующая научная преемственность между различными поколениями исследователей в работе симпозиума.

Е. Н. Швейковская

DOI 10.31168/041078-7.32

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АЛЕКСАНДР I. ТРАГЕДИЯ РЕФОРМАТОРА: ЛЮДИ В СУДЬБАХ РЕФОРМ, РЕФОРМЫ В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ” (Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2015 г.)

15–16 сентября 2015 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН (СПБ ИИ РАН) прошла всероссийская научная конференция “Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей”. Главная особенность конференции, проходившей под эгидой СПБ ИИ

РАН и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, заключалась в ее уникальности. Она стала первым в истории современной России научным форумом, посвященным всестороннему обсуждению преобразовательной политики Александра I, выявлению ее значения для общественно-

политического и социально-экономического развития страны. Основной побудительной причиной проведения конференции явилось стремление ее организаторов продолжить изучение истории российских реформ, конкретизировав исследовательское внимание на особенностях модернизации России в первой четверти XIX в. Конференция продолжила ряд научных форумов, проходивших в Петербурге в 2001, 2006, 2007, 2008, 2011 гг. и посвященных изучению традиций отечественного реформаторства¹.

В работе конференции приняли участие более 70 ведущих специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Пскова, Рязани, Воронежа, Липецка, Казани, Екатеринбурга, Уфы, Таганрога, занимающихся социально-политической историей сложной и переходной александровской эпохи, которая по масштабам преобразований и реформаторских поисков власти и общества представляет собой столь же значимое явление, как и петровская эпоха или время Великих реформ. Работа научного форума проходила, помимо пленарного заседания, в рамках пяти секций.

Цель проведения конференции состояла в том, чтобы определить место, которое занимали реальные преобразования и реформаторские проекты царствования Александра I в российском историческом процессе. Для достижения поставленной цели участникам конференции необходимо было решить следующие задачи: рассмотреть взаимоотношения власти и общества в процессе рецепции и дальнейшей эволюции либерально-конституционной модели преобразо-

ваний; изучить проблему реформирования государственного управления в контексте александровской эпохи; определить основные направления решения крестьянского вопроса в царствование Александра I, соотнести их с важнейшими мерами в период правления Николая I и основными принципами Великой реформы; выявить и изучить элементы традиционализма и новаторства в преобразованиях русской армии и военного образования; проследить противоборство либеральных и консервативных тенденций в развитии русской науки, культуры, образования в изучаемый период.

Открывая конференцию, к ее участникам обратился директор СПбИИ РАН *Н. Н. Смирнов*. Он подчеркнул историческое значение для судеб России преобразований Александра I, внесших глубинные изменения в государственный строй страны, отметил важность и многосторонность проблем, поднимаемых на конференции, высоко оценил практику открытого диалога ведущих специалистов по александровской эпохе, обратив особое внимание на необходимость укрепления и расширения научных связей различных научных и образовательных учреждений.

Приветствуя участников конференции, председатель Оргкомитета *Т. В. Андреева* (СПБИИ РАН) поблагодарила собравшихся исследователей за то, что они нашли временные и финансовые возможности принять участие в научном форуме. Она обозначила главные проблемы, поставленные на обсуждение, важнейшей из которых, по ее мнению, является проблема взаимоотношений власти

---

¹ Региональные исторические чтения в Государственном музее политической истории России “Реформы и реформаторы в истории России” (Санкт-Петербург, 16 марта 2001 г.), Международный Санкт-Петербургский летний культурно-исторический университет 2006 г. “Реформы в России XVI – начала XX в.” (Санкт-Петербург, 9 июня 2006 г.), Всероссийская научная конференция “Власть, общество, реформы в России: история, источники, историография” (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2006 г.), Региональная научная конференция “Власть, общество и реформы в России в XIX–XX вв.: источники, исследования, историография” (Санкт-Петербург, 25 декабря 2007 г.), Региональная научная конференция “Власть, общество и реформы в России в XIX–XX вв.: источники и историография” (Санкт-Петербург, 24 декабря 2008 г.), Региональные исторические чтения в Государственном музее политической истории России “Великая реформа в России” (Санкт-Петербург, 22 марта 2011 г.), Всероссийская научная конференция “Проблемы политической истории России на рубеже XVIII–XIX вв.: Павел I, Александр I” (Санкт-Петербург, 20–22 октября 2011 г.).

и общества – ключевая для понимания всех исторических событий имперской России.

В своем вступительном слове директор Государственного архива РФ *С. В. Мироненко* (Москва) обратил внимание присутствующих на принципиальную важность проблемы реформ в царствование Александра I для отечественной историографии. Исторические обстоятельства, вызвавшие буржуазные преобразования 1860-х гг., корнями уходят в александровскую эпоху. Именно с этого времени идет отсчет длительных попыток самодержавия приспособиться к меняющимся историческим условиям. Как подчеркнул *С. В. Мироненко*, в 1820-е гг. существовала реальная альтернатива тому пути, по которому пошло историческое развитие России. Движение отечественной и зарубежной историографии выявило специфические проблемы российской модернизации первой четверти XIX в., которые требуют дальнейшего рассмотрения: особенности официального и общественного либерализма, устойчивость консервативного политического строя, реформаторские возможности абсолютизма и их пределы.

Пленарное заседание открыл яркий доклад *А. Ю. Андреева* (МГУ) “Два реформатора: Александр I и Ф.-С. Лагарп – 40 лет вместе и порознь”, в котором был дан глубокий анализ влияния Лагарпа на политическое мировоззрение Александра I, прослежены основные этапы их сложных взаимоотношений. В основе доклада – анализ переписки российского императора и Лагарпа, сохранившейся в личном архиве последнего в Лозанне. Докладчик убедительно показал, что Лагарп передавал Александру свой политический опыт борьбы с авторитаризмом, строительства конституционного государства, побуждал императора к реформаторской деятельности, при этом учитывая национальные особенности и интересы России. Автор доклада рассмотрел важнейшие периоды этого влияния в контексте изменений конъюнктуры внутренней и внешней политики, особенностей российского реформаторского процесса, выявил точки максимального сближения и отдаления Алексан-

дра и Лагарпа. Если в 1790-е гг. речь шла о будущих конституционных преобразованиях в России, то в 1800-е гг. обсуждались главным образом проблемы взаимоотношений с Наполеоном, в 1810-е гг. Лагарп выступал против политики Священного союза. В ходе обсуждения доклада затрагивался вопрос об отношениях между Лагарпом и “молодыми друзьями” Александра I, был раскрыт их сложный характер: проекты реформ, предложенные швейцарцем, отвергались членами Негласного комитета.

В ходе пленарного заседания обсуждалась проблема государственного управления в России в александровское царствование, нашедшая отражение в содержательном докладе *Л. Ф. Писарьковой* (ИРИ РАН, Москва) “Верховная власть в административной системе России первой четверти XIX в.: режим ручного управления”. Исследовательница обратилась к тщательному изучению процесса формирования в первой четверти XIX в. программы преобразований государственного управления, выявлению основных тенденций, которые ее обуславливали. Одной из них стало стремление верховной власти к централизации управления, наметившееся еще в царствования Екатерины II и Павла I, лишь министерская реформа начала XIX в. несколько изменила ситуацию, когда все нити управления замыкались на императора. Однако незавершенность административных реформ, в частности – местного управления, областной (губернской) реформы, сохраняла режим “ручного управления”, которому способствовало в 1810-е гг. усиление роли личной канцелярии императора во главе с *А. А. Аракчеевым*. В докладе было показано, что в основе программы реформ управления лежало желание Александра I навести порядок и утвердить законность в административной системе. Была продемонстрирована роль императора не только в управленческом, но и в преобразовательном процессе, когда в ходе ознакомительных поездок по России он выявлял “болевые точки” управления страной и стремился их “излечить” путем проведения реформ центрального и местного

управления. После доклада состоялся содержательный обмен мнениями по вопросу о соотношении сенатской и министерской реформ начала XIX в.

Оживленную дискуссию вызвали выступления, посвященные крестьянскому вопросу в царствование Александра I. *С. Л. Чернов* (МГУ) в новаторском докладе “Крестьянский вопрос в России (1766–1861 гг.)” стремился продемонстрировать взаимосвязь социально-экономических и политических пластов в крестьянском вопросе, обусловленность самодержавно-бюрократической системы, сословной парадигмы и крепостного права на протяжении почти столетия. Одной из главных задач самодержавия было упорядочение сословного строя, в том числе посредством оформления его правовой базы с помощью кодификации законов. По мнению докладчика, вторая половина XVIII – первая половина XIX в. – единая эпоха борьбы правительства за решение крестьянского вопроса, причем инициатива всегда исходила от верховной власти, которая не могла справиться с противоборством помещиков. Поэтому постоянно возникали три важнейших вопроса: как добиться от помещиков если не помощи, то хотя бы прекращения сопротивления; какие технологии нужно применять для успешного решения проблемы; чем заменить крепостное право. Как полагает исследователь, эти вопросы до 1861 г. не были решены потому, что для этого не было ни достаточных социально-экономических, ни политических предпосылок: крепостная система обеспечивала стабильность государства. Самодержавие стремилось решить проблему российской модернизации исключительно бюрократическим путем, потребность в преобразованиях, обусловленная влиянием Запада, складывалась раньше, чем страна созревала для перемен, проведение реформ сверху приводило к укреплению самодержавия, ослаблению общественного реформаторства. При обсуждении доклада наибольший интерес вызвал вопрос о преемственности планов и конкретных мер по решению крестьянского

вопроса в царствование Александра I и Николая I, а также насколько возможным и эффективным для империи было бы сохранение крепостного права после 1861 г.

В обобщающем докладе “Крестьянский вопрос от Александра I до Александра II: пути воплощения” *И. В. Ружицкая* (ИРИ РАН, Москва) выступила с оригинальной трактовкой крестьянской проблемы в первой половине XIX в. С ее точки зрения, безземельное освобождение в Прибалтике в 1816–1819 гг., имевшее негативные последствия, стало экспериментальной репетицией крестьянской реформы в России, в результате которой безземельный вариант был отвергнут. При Александре I происходил целенаправленный поиск путей и моделей освобождения крестьян, одновременно реализовывались три способа преобразований: личное освобождение с наделением собственностью за выкуп, освобождение с передачей земли в наследственное пользование (аренду), безземельное освобождение. В результате этого поиска в 1810-е гг. сложилась итоговая концепция реформы, которая сохраняла свое значение и в царствование Николая I. Она состояла из следующих основных положений: отказ от выкупа личной свободы, отказ от безземельного освобождения, необходимость переходного периода, признание оптимальным вариантом наделения крестьян землей в пользование с перспективой ее выкупа. В целом, крестьянская реформа, по мнению историка, могла состояться значительно раньше 1861 г., но лишь в условиях компромиссного решения, при котором помещики сохраняли земельную собственность: этот вариант устраивал как власть, так и помещиков. Представляется, что данная концепция заслуживает не только особого внимания, но и глубокого анализа.

На пленарном заседании были затронуты некоторые важные аспекты истории исторической науки XIX – начала XX в. В докладе чл.-корр. РАН *И. П. Медведева* (СПбИИ РАН) «Н. П. Румянцев о своей “спонсорской деятельности” в области науки» на широкой

источниковой основе было показано, что, несмотря на обвинение в государственной измене и сложные взаимоотношения с верховной властью, Н. П. Румянцев служил России не только как государственный деятель, но и как ученый и меценат. Докладчик, опираясь на неопубликованную переписку Н. П. Румянцева, продемонстрировал, что Николай Петрович сыграл огромную роль в создании знаменитого кружка историков, источниковедов и археографов, задавшихся целью собирать и публиковать документальные памятники русской истории, а главное – в спонсировании многочисленных научных проектов. Именно в александровское царствование организаторскими усилиями и при финансовой помощи Н. П. Румянцева были изданы древнерусские летописи, Изборник Святослава 1073 г., сборник Кириши Данилова, Судебники 1497 и 1550 гг., Остромирово евангелие и т.д., заложившие фундамент отечественного источниковедения и давшие в целом мощный толчок развитию русской исторической науки XIX – начала XX в.

Доклад *А. Н. Цамутали* (СПбИИ РАН) “С. Ф. Платонов об Александре I” был посвящен выявлению главных черт образа императора в научной концепции выдающегося историка, определению факторов, которые, с точки зрения С. Ф. Платонова, повлияли на формирование политического мировоззрения Александра I и государственной концепции его царствования. Как показал автор доклада, для С. Ф. Платонова важнейшими из них были: система “умственного воспитания” Александра, влияние на него “молодых друзей”, сотрудничество с М. М. Сперанским. Историк рассматривал данный исторический период как эпоху, которая была призвана осуществить переход к новой форме государственного устройства, сложившейся в период Великих реформ. Одной из своих главных задач С. Ф. Платонов считал выяснение вопроса, почему Александр не смог провести глубокие внутренние преобразования. Историк полагал, что, в целом, в российской государ-

ственной политике первой половины XIX в. решение задач внешней политики преобладало над разрешением внутренних проблем. По его мнению, перерождение Священного союза в инструмент борьбы с либерально-освободительным движением в Европе было обусловлено тем, что Александр в теории стремился подчинить право и политику задачам морали и религии, а на практике политика и право в ловких руках К. Меттерниха превратились в инструменты усиления консервативных тенденций.

Главной задачей совместного доклада *Т. В. Андреевой* (СПбИИ РАН) и *Л. В. Выскочкова* (СПбГУ) “Утомление жизнью или уход: Александр I, 1825 год. Новые материалы” стало опровержение реанимированной некоторыми современными авторами старой легенды о тождестве Александра I и Федора Кузьмича, а главное – подтверждение смерти императора в Таганроге новыми документальными материалами. Помимо известных источников, как подчеркнули докладчики, об этом свидетельствуют новые материалы: мемуары секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинова, письма И. И. Дибича и П. М. Волконского к секретарю императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламову. В докладе отмечалось, что при всем утомлении и разочаровании жизнью, характерных для последних лет жизни Александра I, обусловленных рядом внешне- и внутривнутриполитических причин, он оставался государем, отвечавшим за свою страну и подданных, не выпускавшим из своих рук нитей управления и сохранявшим реформаторский потенциал. В целом, вопрос о смерти Александра I, как считают докладчики, следует рассматривать в контексте исторических проблем последнего периода его царствования и отделять его от вопроса о жизни сибирского старца Федора Кузьмича, привлекая, прежде всего, документы официального происхождения.

В рамках работы первой секции “*Либерально-конституционные идеи в России в первой четверти XIX века: правительство и общество*” внимание было привлече-

но к специфическим чертам правительственного либерализма, в отношении как реализованных реформаторских шагов, так и обсуждавшихся и готовящихся проектов, в том числе в историографическом аспекте. Немалое место отводилось анализу общественного либерализма начала XIX в., его соотношению с официальным либерализмом, правительственной политикой, историей идей данного исторического периода.

Доклад *К. С. Чернова* (Москва) “Правительственный федерализм во внутренней политике Александра I” носил теоретический характер и охватывал длительный исторический период, поскольку затрагивал проблему генезиса и типологии механизмов вхождения в состав Российской империи территорий с особым статусом. Применительно к царствованию Александра I докладчик рассмотрел вопрос о синхронном существовании различных систем управления отдельными территориями (Польшей, Финляндией, Молдавией, Сибирью, центральными губерниями – “опыты” генерал-губернаторства А. Д. Балашева) и различных механизмов интеграции этих территорий (“монархический федерализм”).

Доклад *А. Ю. Дворниченко* и *М. С. Белоусова* (СПбГУ) “Конституционная политика Александра I в творчестве Г. В. Вернадского” тоже затронул проблему федералистских начал государственного управления в начале XIX в., но в историографическом аспекте. Федералистские принципы в государственном устройстве были предметом особого внимания выдающегося русского историка XX в. С точки зрения Г. В. Вернадского, речь может идти лишь о федералистской тенденции, но не о федерализме монархической системы. Докладчики проанализировали особенности освещения конституционной политики Александра I как в опубликованных трудах историка, так и в неопубликованных работах, лекциях, материалах его архивного фонда (Бахметевский архив Колумбийского университета, США). Г. В. Вернадский создал оригинальную концепцию правительственного конституционализма эпохи Александра I, вписав его в ши-

рокий контекст европейской и американской истории и установив его взаимосвязь с проектами декабристов. Авторы доклада характеризовали вклад Г. В. Вернадского в историю изучения конституционных идей и проектов в России XVIII–XIX вв. При этом было показано, что некоторые наблюдения историка-эмигранта, сделанные в 1920–1940-е гг., остались незамеченными в отечественной историографии.

Ф. Л. Севастьянов (Санкт-Петербург) в докладе “Руссо против Савиньи или Сперанский против Розенкампа? Борьба идей и борьба личностей в ходе кодификационных работ первой четверти XIX в.” рассмотрел круг вопросов, связанных с противоборством и соперничеством групп влияния в бюрократической элите. В основе ряда конфликтов, возникших вокруг кодификационных работ, проводившихся Комиссией составления законов в течение всего царствования Александра I, по мнению докладчика, в большей степени лежало личное противостояние крупных государственных деятелей, в особенности проявившееся накануне Отечественной войны 1812 г., хотя нельзя не учитывать и имевшиеся различия концепций реформирования правовой системы.

М. М. Шевченко (МГУ) в сообщении “С. С. Уваров об императоре Александре I на рубеже 1820–1830-х гг.” представил ретроспективный взгляд С. С. Уварова на личность и правление императора Александра I в новую политическую эпоху. Будучи убежденным противником крепостного права, С. С. Уваров в этот период времени критически относился к реформаторским шагам Александра, считал глубоко вредным влияние Лагарпа и “молодых друзей” на императора в начале его царствования, рассматривал это влияние как антинациональное, не учитывающее специфику российских условий. Последнее десятилетие царствования также оценивалось критически, вследствие предпочтений, отдаваемых Александром Царству Польскому. В основу сообщения были положены неопубликованные источники личного происхождения и сочинения С. С. Уварова на французском языке, малоизвестные в научной литературе.

Л. В. Мельникова (ИРИ РАН, Москва) в докладе “Конституционный эксперимент в Царстве Польском: воплощение и последствия либерального замысла императора Александра I” проанализировала Конституционную хартию Царства Польского 1815 г. Докладчица показала, что данная конституция была призвана не только помочь в решении польского вопроса, но и стать “пробным камнем” в реализации давно вынашиваемого Александром I замысла – введения конституционной монархии в России. В докладе рассматривалось отношение российского общества к польскому “конституционному эксперименту”, оппозиционные настроения в Царстве Польском, были представлены наблюдения о причинах неудачи этого либерального замысла императора. Важнейшими из них стали негативный исторический опыт двух народов и польское национальное движение, направленное на достижение полной государственной независимости.

О. А. Любезников (Санкт-Петербург) продолжил эту тему, выступив с сообщением “Создание русскоязычного текста конституции Царства Польского: к вопросу о преобразовательных планах Александра I”. По мнению исследователя, в основу проектов общеимперских конституционных преобразований мог быть положен русскоязычный перевод конституции Царства Польского. В силу этого приобретает особую важность изучение всех известных попыток создания такого перевода, а также взаимосвязи польской конституции с правительственными реформаторскими проектами 1810-х гг.

Часть докладов секции была посвящена различным проявлениям общественного либерализма александровского царствования. Е. Б. Мирзоев (Москва) в докладе “Специфика конституционализма А. П. Куницына” на основе анализа сочинений выдающегося ученого-правоведа и публициста рассмотрел его трактовки теории общественного договора, понятий “конституция”, “гражданин”, “деспотизм”, показал отношение А. П. Ку-

ницына к проблеме ограничения самодержавной власти, тем самым определив специфику политического мировоззрения этого крупного представителя общественного либерализма. По мнению докладчика, несмотря на умеренно-консервативную трактовку концепции общественного договора и теории разделения властей в работах А. П. Куницына, отсутствие у него тезиса о необходимости не только гражданских, но и политических прав, он подвергся преследованию и опале в 1820-е гг., что было обусловлено несанкционированным вынесением этой проблематики в сферу открытого общественного обсуждения.

П. В. Ильин (СПБИИ РАН), опираясь на недавно опубликованные мемуары и письма одного из лидеров декабристского движения С. П. Трубецкого², охарактеризовал ожидания декабристского круга, касающиеся реформаторских шагов и намерений Александра I в 1810-е гг., восприятие их в оппозиционной дворянской среде. В особенности речь шла об отношении деятелей декабристских обществ к ожидаемому освобождению крестьян. Автор доклада показал, что это отношение, судя по письмам и запискам С. П. Трубецкого, было весьма осторожным, напрямую связанным с экономическими интересами дворянства и, при всем одобрении целей правительственного реформаторства, – часто критическим, особенно в отношении конкретных способов реализации крестьянской реформы.

Доклады, заслушанные на второй секции “Государственное управление в России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение”, охватывали самый широкий круг вопросов – от внешней политики до конкретных аспектов служебных и личных отношений управленцев-администраторов в царствование Александра I.

Одним из наиболее содержательных стал доклад С. А. Исаева (СПБИИ РАН) “Как император Александр I построил руководство внешней политикой Российской империи

² См.: Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. / Изд. подгот. Т. В. Андреева, П. В. Ильин. СПб., 2011.

в 1801–1815 гг.”, основанный в том числе на анализе источников из американских архивов. Докладчик характеризовал административный стиль императора в этот период как сочетание личного руководства с предоставлением главам внешнеполитического ведомства определенной свободы действий и в качестве примера сосредоточил свое внимание на одном из загадочных эпизодов такого рода практики: предоставлении Н. П. Румянцеву широких полномочий по ведению переговоров с США, с целью сделать Россию посредником в начавшейся англо-американской войне. По мнению С. А. Исаева, Александр I фактически манипулировал собственным министром, сохраняя реальное руководство процессом и получая большую, чем раньше, свободу действий. В 1813 г. император создал второй центр управления внешней политикой (во главе со статс-секретарем К. В. Нессельроде), находившийся под еще более непосредственным контролем самодержца.

Значительный интерес привлек к себе доклад *М. А. Приходько* (Москва) “Взаимодействие коллежской и министерской систем государственного управления в правление императора Александра I”, который анонсировался его автором как “сплошное спорное место”. По мнению докладчика, сочетание министерского и коллегиального принципов в системе центрального управления на протяжении первой трети XIX в. стоит определить как “симбиоз”, в рамках которого министерский принцип действовал при решении важнейших вопросов, а коллежский – в текущих делах.

Целью сообщения *А. Г. Готовцевой* (РГГУ, Москва) “Борьба за власть при дворе Александра I” была демонстрация того, как в разные периоды царствования реализовывались парные модели борьбы за влияние на самодержца: космополитического миротворчества и спасения Европы, миротворчества внутри страны и спасения России, спасения России и мистического космополитизма.

П. В. Акулышин (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина) в до-

кладе «Бюрократы и оппозиционеры: члены Негласного комитета и литературного общества “Арзамас” и проблема реформ в правительственной политике первой четверти XIX в.» представил свой взгляд на реформаторский процесс и место общества “Арзамас” в реформах первой половины столетия и в идеологических процессах этого времени. По мнению докладчика, замедленность правительственных реформ следует поставить императору в заслугу: она доказывает понимание Александром I того, что быстро реформировать страну невозможно. Рассмотрение общественно-политического мировоззрения членов общества “Арзамас” с точки зрения истории российской государственности позволяет увидеть как определенную преемственность взглядов членов Негласного комитета и “арзамасцев”, так и тот факт, что воплощением идейных исканий последних стала “теория официальной народности”.

Доклад *П. Д. Николаенко* (Санкт-Петербургский университет МВД РФ) “В. П. Кочубей и проблема государственного управления в России первой четверти XIX в.” был посвящен обоснованию тезиса о недооцененности В. П. Кочубея как выдающегося государственного деятеля. Докладчик привел свое объяснение этому факту: гибель личного документального собрания Кочубея вместе с другими бумагами Полтавского областного архива. Историк обосновал свои выводы о весьма важной для развития российской государственности и успешной деятельности Кочубея как администратора. По мнению П. Д. Николаенко, именно Кочубей превратил МВД в образцовое ведомство, служившее примером для других центральных учреждений.

В докладе *А. Ю. Скрыдлова* (Санкт-Петербург) “Министерство полиции под управлением А. Д. Балашева: особенности формирования структуры ведомства и кадровой политики” был рассмотрен процесс подготовки нормативных документов, обеспечивавших функционирование органа, сочетавшего в себе функции тайной и публичной полиции. Историк отметил, что

министерство должно было стать также контролирующим органом по отношению к учреждениям местного и губернского управления. Любопытно проведенное докладчиком разделение сотрудников министерства на три категории, обладавшие различными степенями полномочий при выработке и реализации министерских распоряжений. Заслуживает внимания и замечание, что значение министерства, как и само его появление, определялось высоким статусом А. Д. Балашева, его близостью к императору.

Сообщение *К. Г. Боленко* (Москва) “М. М. Сперанский и Д. В. Голицын: к истории служебных и личных отношений” касалось малоизвестного сюжета о глубоком доверии, существовавшем между этими высокопоставленными администраторами в 1820–1830-е гг., их сотрудничестве по разным вопросам. Они откровенно обсуждали детали законотворческого процесса в Комиссии составления законов и Государственном совете, и не исключено, что Д. В. Голицын именно через М. М. Сперанского подавал императору свои записки по крестьянскому вопросу. В основе этого доверия, как показал докладчик, могла лежать близость их взглядов на преобразование России: Голицын считал, что основной причиной кризиса внутреннего управления является незавершенность реформ, начатых Сперанским в 1810 г.

В докладе *Н. А. Могилевского* (МГИМО МИД РФ) “Деятельность московского главнокомандующего графа Ф. В. Ростопчина в контексте взаимоотношений центральной и местной власти в начале XIX в.” сделана попытка доказать, что на деятельность Ф. В. Ростопчина оказало сильное влияние его стремление обойти существовавшую в тот момент в России систему подчинения губернаторов Министерству внутренних дел, укрепить личные отношения с императором, став его доверенным лицом и советчиком. В 1812 г. Александр I мирился с этими претензиями, но уже с 1813 г. устанавливается жесткая подчиненность Ростопчина министерству.

В выступлении *И. Е. Барыкиной* (Санкт-Петербург) “Эволюция идей единства и коллегиальности в самодержавной системе управления второй половины XIX в.” было показано, что недостатки российской администрации первой половины XIX в. продолжали существовать и впоследствии. Авторы проектов реформ, поданных на высочайшее имя во второй половине столетия, по мнению историка, предлагали аналогичные, хотя и не лишённые своей специфики средства борьбы с ними. Во второй половине 1850-х гг. в бюрократических кругах пользовалась популярностью идея децентрализации, в 1870-е гг. – идея создания особого ведомства по экономическим вопросам, в 1880-е гг. проявилась тенденция к реформированию учреждений, непосредственно связанных с самодержцем, – императорской Канцелярии и Комиссии прошений. Кроме того, как отметила докладчица, была сделана неудачная попытка превратить комиссию, действовавшую в столице во время отсутствия императора, в высший орган, который должен был обеспечить единство действий государственного аппарата.

Большой интерес вызвал доклад *А. Н. Бикташевой* (Школа исторических наук НИУ ВШЭ, Москва) “Сенатские ревизии первой четверти XIX в. в судьбах российских губернаторов”. Количество сенатских ревизий в указанный период было больше, чем в царствование Николая I (соответственно 52 и 38). Увольнение губернатора от должности часто совпадало с проведением ревизии, и даже в случае оправдания после выдвинутых обвинений карьера отставного губернатора восстанавливалась не сразу. Ввиду нередко конфликтных отношений, существовавших между губернаторами и органами дворянского самоуправления, а также возможности предводителей дворянства использовать ревизии в свою пользу, они имели неожиданный результат: падение престижа коронной власти на местах. Сокращение числа ревизий при Николае I и полномочий ревизоров было попыткой исправить эту ситуацию.

Тема взаимоотношений коронной власти и местного дворянства была продолжена докладом *К. К. Билеуш* (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) “Дворянское сословное самоуправление в первой четверти XIX в.: свобода под контролем государственной власти”, которая сосредоточила свое внимание как раз на тех ограничениях, которые накладывала на сословное самоуправление верховная власть. Политика Александра I, по мнению докладчицы, страдала довольно значительной непоследовательностью в этом вопросе: сословные права то расширялись, то уменьшались.

В докладе *А. И. Феребова* (ГИКМЗ “Московский Кремль”) «“Ревизии” указа об экзаменах на чины с 1812 г. и его соблюдение при Александре I» был подвергнут сомнению распространенный в исторической литературе тезис, что указ 1809 г. быстро оброс исключениями и фактически не действовал. По мнению исследователя, в указе главной была не нормативная сторона, а идея стимулирования дворян к помещению детей в университеты, что в целом удалось. К тому же “изъятия” из указа были незначительными, комитеты при университетах, которые должны были принимать экзамены у чиновников, работали постоянно, хотя количество лиц, сдавших экзамены, было невелико.

Особое место в работе секции занял доклад *А. А. Цымбал* (Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник) “Создание таганрогского градоначальства в 1802 г. и его роль в развитии Приазовья”, который продемонстрировал вклад Александра I в развитие Таганрога начиная с 1800-х гг. Это, прежде всего, благотворность для города введения должности градоначальника, находившегося в прямом подчинении императору. Имея широкие возможности для проявления личной инициативы, градоначальники превратили таганрогский порт в мощного конкурента Одессы; один из них, Б. Б. Кампенгаузен, сделал блестящую административную карьеру.

Третья секция “*На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Александра I*” была отведена рассмотрению специальных сюжетов, связанных с преобразованием института крепостного права в первой четверти XIX в.

Работу секции открыл доклад *В. М. Бокковой* (ГИМ, Москва) “Из истории крестьянского вопроса в царствование Александра I”, который был посвящен одному из проектов крестьянской реформы в начале XIX в. – введению вечнонаследственной крестьянской аренды земли с одновременным заключением “условий” помещика с крестьянами. Данный вариант решения крестьянского вопроса, как правило, не предусматривал личного освобождения. Проекты такого рода обсуждались в Негласном комитете, а также формулировались в сочинениях А. М. Бакунина, В. О. Стройновского, В. Н. Каразина и других авторов, сторонников решения крестьянского вопроса в пользу дворянства. Эти проекты имели широкий отклик и повлияли, с одной стороны, на правительственных реформаторов (М. М. Сперанского, П. Д. Киселева), с другой – на декабристов (Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева).

Н. В. Дунаева (Санкт-Петербургский филиал НИУ ВШЭ) в обстоятельном докладе “Трансформация сословного права в Российской империи и крестьянский вопрос (первая четверть XIX в.)” познакомила с результатами междисциплинарного (историко-правового) исследования отечественного законодательства начала XIX в., касающегося сословных прав и крестьянской реформы. Исследовательница отметила, что заложенные при Александре I идеи и проекты преобразований крепостного права и сословного строя сыграли огромную роль в последующем развитии правового устройства империи. При Александре I начал развиваться сектор дворцового, удельного и казенного крестьянства, который затем первый подвергся модернизационным реформам; процесс крестьянской эмансипации шел постепенно, но он почти не охватывал

помещичьих крестьян. Н. В. Дунаева продемонстрировала обнаруженную ею корреляцию между правовыми средствами решения крестьянского вопроса и уровнем эффективности реформирования сословного права в целом.

А. Н. Долгих (Липецкий государственный педагогический университет) в своем выступлении “Владельческие крестьяне первой четверти XIX в. и проблема движимой и недвижимой собственности в отечественной историографии” затронул историографический аспект крестьянского вопроса. Историк обратил внимание на имеющийся до сих пор неоднозначное освещение в научной литературе сюжет о том, были ли владельческие крестьяне движимой или недвижимой собственностью помещиков. Участники состоявшейся дискуссии пришли к мнению, что в рамках существовавшей правовой неопределенности в отношении этого вопроса крестьяне, согласно законодательству данного периода, не будучи субъектами сословного права, не являлись ни движимой, ни недвижимой собственностью, хотя на практике, с юридической точки зрения, могли считаться движимой собственностью, поскольку были предметом купли-продажи.

Д. В. Тимофеев (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) в содержательном докладе “В ожидании решения крепостного вопроса: опыт сравнительного анализа проектов, прошений и слухов о возможном освобождении крестьян в России первой четверти XIX в.” на основе главным образом архивных источников представил результаты сравнительного анализа дворянских и купеческих проектов, крестьянских прошений и слухов начала XIX в., касающихся реформы крепостного права. Исследователь выявил основные варианты обоснования крестьянской реформы, известные по дворянским проектам, купеческим предложениям и обращениям крестьян. Особое место в докладе было отведено основаниям, которые крестьяне считали достаточными для подачи обращений о предоставлении им “свободы от рабства”: они

питались слухами о немедленном освобождении, адресовались всегда к высшей власти, рассчитывая на нее и не ожидая, что помещики будут инициаторами освобождения.

Завершил заседание секции *В. А. Шкерин* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) с сообщением “Проект учреждения горных городов на Урале: замысел и воплощение”, в котором был рассмотрен непосредственно связанный с проблемой крестьянского освобождения “проект Горного положения”, утвержденный императором в 1806 г. Проект предусматривал учреждение на Урале горных городов, свободных от подневольного труда. Реформа не была завершена: Екатеринбург остался единственным в стране горным городом, однако реализация проекта не способствовала решению проблемы крепостного фабричного и заводского труда.

Доклады четвертой секции “*Армия и военное образование в России в первой четверти XIX века: традиции и новации*” были сосредоточены на историографии Отечественной войны 1812 г., истории военного образования, особенностях функционирования приграничных военных формирований.

К. Б. Жучков (Псковский государственный университет) в докладе “Александр I и М. И. Кутузов в 1812 году: новые версии старого мифа” проанализировал, как в публикациях зарубежных историков Д. Ливена и П.-М. Рей, переведенных и изданных в России, представлены отношения Александра I и М. И. Кутузова. По мнению докладчика, несмотря на достоинства монографии Д. Ливена и заявления иностранного автора об изложенных в ней “новых взглядах” на историю войны 1812 г., и в ней, и в книге П.-М. Рей никакого обновления научных представлений по этой проблеме не произошло. Авторы продолжают воспроизводить мифы либерально-буржуазной историографии начала XX в., что обязательно должно быть отмечено при их рецензировании.

В докладе *Н. Н. Ауровой* (ИРИ РАН, Москва) “Политика правительства в области военного образования в эпоху Александра I”

был сделан акцент на постепенном усилении в кадетских корпусах военного начала и сближении дисциплинарных требований с армейскими. Этот процесс начался еще в павловское царствование, продолжался при его преемнике и затронул все корпуса, включая Пажеский, так как становление гражданской школы, общенациональной сети уездных училищ, гимназий и университетов делало ненужной подготовку соответствующих специалистов в системе военного образования. Кадетские корпуса старого образца, детище XVIII в., выполнили свою первоначальную в широком смысле просветительскую функцию и в новых условиях должны были готовить исключительно офицеров.

Завершил работу секции доклад *Р. Н. Пахимова* (Уфа) “Отдельный Оренбургский корпус в первой четверти XIX в.: потенциал и трансформации”, в котором была подробно описана весьма пестрая штатная структура корпуса (в том числе большой удельный вес иррегулярной инородческой компоненты) и проанализированы факторы, повлиявшие на ее формирование. Хорошо подходившая для решения военно-политических задач первой половины XIX в., эта структура впоследствии стала препятствием для функционирования военных сил в этом регионе, и в середине 1860-х гг. корпус был упразднен.

В ходе работы пятой секции “*Наука, культура, образование в первой четверти XIX в.: реформы и реформаторы*” были заслушаны и обсуждены доклады, сфокусированные вокруг образовательных реформ alexандровского царствования, в том числе истории становления школьной системы, университетов, научных учреждений, системы религиозного просвещения, цензуры и журналистики.

Е. Ю. Басаргина (СПбФ Архива РАН) предложила новую оценку проектов реформы Академии наук, которые возникли в первые годы XIX в. в связи с созданием Министерства народного просвещения и утверждением новой образовательной модели, стержнем которой становилась система университетов. Было показано, что Регла-

мент Академии 1803 г., объявив ее “первым ученым обществом”, существенно сузил ее педагогические обязанности, окончательно решив вопрос о размежевании подготовки научных кадров между Академией и университетами. Вопреки желанию многих членов Академии и поданным проектам возобновления университета при Академии, Регламент 1803 г. упразднил академические университет и гимназию. Академия получила статус исключительно научного учреждения, ее единственной прерогативой осталась подготовка своей научной смены, что выразилось в создании института “академических воспитанников”, существовавшего в следующие два десятилетия.

К. А. Ильина (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе “Проекты попечителей учебных округов по реформированию системы народного просвещения” рассмотрела основы переопределения стратегий власти в университетской политике в конце 1810-х – первой половине 1820-х гг., которые были заложены в проектах попечителей учебных округов. Проекты М. Л. Магницкого (“Отчет по обозрению Казанского университета”, инструкция ректору и директору Казанского университета, “Записка о народном воспитании”), а также записка Е. В. Карнеева (“О новом образовании Харьковского университета”) предлагали расширение власти попечителей в подчиненных им университетах, жесткую регламентацию деятельности профессоров и студентов в качестве идеальной модели обновленного университета.

Т. Н. Жуковская (СПбГУ) в докладе «“Дело профессоров” в Петербургском университете: новые материалы» предложила новую интерпретацию т.н. контрреформ в области просвещения начала 1820-х гг., которые отразились на известном “деле профессоров” Петербургского университета (1821–1826). Этот “казус” был рассмотрен с привлечением новых материалов из ведомственных и университетских архивов, реконструированы мотивы действий попечителя столичного учебного округа Д. П. Рунича, способы фабрикации обвинения профессоров в “безбожии” и подрыве государственных устоев, а также методы и хроника

внесудебного разбора этого дела, которое раскололо университетскую корпорацию и привело столичный университет в упадок.

В докладе *Р. Х. Галиуллиной* (Казань) «“Управление словом”: формирование основ цензурной политики в российских университетах первой четверти XIX века» была рассмотрена цензурная политика первой четверти XIX в., когда экспертиза рукописей и привозной иностранной литературы была возложена на цензурные комитеты университетов. Изучение делопроизводства цензурных комитетов Московского и Казанского университетов позволило понять, как на практике была организована деятельность профессорско-цензурных, регламентированная как либеральным уставом о цензуре 1804 г., так и позднейшими запретительными актами и распоряжениями Министерства духовных дел и народного просвещения.

В докладе *Е. А. Калининой* (Петрозаводский государственный университет) “Забытые школы: городские начальные общественные училища в России в 1804–1825 гг.” на основе законодательства и архивных источников была прослежена история становления и развития уездных и городских приходских и других начальных училищ в 1804–1825 гг. В это время впервые было обращено внимание на финансирование школ низшего уровня и обеспечение их учительскими кадрами, привлечено к ним общественное внимание. Результатом реформы стали, в частности, появление школьной сети в уездных городах Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерний, организованное распределение выпускников Петербургского Педагогического института и университета в уездные училища и гимназии столичного учебного округа и других округов Российской империи.

В выступлении *Т. Г. Фруменковой* (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) была представлена организация общего и специального образования в Петербургском воспитательном доме в царствование Александра I. Автор доклада подчеркнула, что покровительница этого учреждения императрица Мария Федоровна непрерывно ре-

формировала организацию образования в нем, стремилась дать детям-сиротам возможность получать образование по способностям. Уровень полученного образования позволял некоторым питомцам воспитательного дома продолжать обучение в университете, при сохранении финансовой поддержки со стороны ведомства Марии Федоровны.

М. А. Златина (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) рассмотрела процесс проектирования и создания коронными властями и еврейскими просветителями еврейских общеобразовательных школ в России в царствование Александра I. Были указаны причины, по которым подобные учебные заведения так и не удалось успешно организовать. К числу этих причин относились непоследовательность планов правительства в отношении евреев и множественность возлагаемых на еврейские школы задач – от просветительских до полицейских.

В. В. Кучурин (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад анализу неопубликованной “Записки о церкви” М. М. Сперанского. Ее автор, как было показано докладчиком, развивал мистическое учение о “внутренней церкви”, которое легло в основу бурного расцвета религиозного мистицизма и экуменизма в царствование Александра I. Это позволяет не только говорить о долговременном влиянии М. М. Сперанского на мировоззрение императора, но и уточнить идейные основания просветительских реформ 1810-х – начала 1820-х гг.

Развивая эту тему, *К. Е. Нетужилов* (Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого) в докладе “Церковная журналистика в царствование императора Александра I: предпосылки и становление” обратился к истории возникновения в России церковной журналистики в первые десятилетия XIX в. Докладчик связал это явление с последствиями реформы духовного образования 1807–1808 гг., благодаря которой в России возникла достаточно многочисленная группа разносторонне образованного и ориентированного на интеллектуальную деятельность духовенства. Запросы и религиозно-

просветительские амбиции этой группы отражал, в частности, первый в России церковный журнал “Христианское чтение”. В докладе подробно рассматривались история создания, структура, идеология и общественное влияние этого издания.

М. Ф. Хартанович (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург) обратила внимание на изменения в статусе, организации и обеспечении естественно-научных музеев в первой трети XIX в. на примере Кунсткамеры, основанной Петром I. Было высказано наблюдение о том, что Кунсткамера в начале XIX в. становится не только главным хранилищем научных коллекций, но и центром пропаганды научных знаний. Ее фонды при Александре I целенаправленно пополнялись во время морских кругосветных путешествий, научных экспедиций, а также путем покупки научных коллекций у частных собирателей. На базе Кунсткамеры формируются тематические собрания и музеи (Азиатский музей, Египетский музей, Минералогический кабинет и др.).

И. М. Захарова (Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург) посвятила свое выступление особенностям формирования эрмитажных коллекций при Александре I. Внимание было обращено на устройство Императорского Эрмитажа, роль его хранителей, способы пополнения его коллекций и личный вклад императора в дело приобретения экспонатов.

Завершая обзор состоявшегося научного форума, следует отметить, что его организаторы и участники не ставили перед собой задачу подведения итогов изучения царствования Александра I. Проходившая в атмосфере плодотворных дискуссий конференция выявила множество важных вопросов, требующих дальнейшего самого тщательного и глубокого анализа и осмысления. В ходе работы были определены следующие перспективные исследовательские направления: социально-экономическая история России первой четверти XIX в., в контексте выявления реальных возможностей

и перспектив для введения конституции и отмены крепостного права; идеолого-политические проекты александровского царствования и отражение в них особенностей официального и общественного либерализма; Александр I в судьбе России: современная отечественная и зарубежная историография; компаративистская история применительно к предыдущим и последующим царствованиям и Европейскому миру.

Общественное и научное значение конференции выразилось в том, что она привлекла значительное внимание как специалистов-историков, так и широких общественно-научных кругов к проблеме осмысления того исторического опыта, который на протяжении XIX – начала XX в. был приобретен властью и обществом в их несколько раз намечавшемся движении друг к другу. Во время работы конференции в конференц-зале и читальном зале архива СПбИИ РАН на основе материалов фондов библиотеки и Научно-исторического архива института были организованы выставки книг и архивных документов, посвященные истории России в царствование Александра I.

Прошедшая на высоком научном уровне конференция в полной мере продемонстрировала актуализацию исследований александровской эпохи в современном историографическом пространстве и показала, что плодотворные результаты в ее изучении могут быть достигнуты только коллективными усилиями, совместной работой, постоянными научными контактами и встречами. Конференция способствовала неформальному объединению ведущих специалистов России, занимающихся историей царствования Александра I, в особую научную корпорацию и выявила потребность в проведении периодических “Александровских чтений”, которые позволили бы сформировать пространство оживленной научной коммуникации для исследователей, разрабатывающих проблемы российской истории первой четверти XIX в.

*Т. В. Андреева, П. В. Ильин,
Т. Н. Жуковская, К. Г. Боленко*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИИ И ДЕКАБРИСТЫ. 1825–2015” (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.)*

14–16 декабря 2015 г. в Санкт-Петербурге состоялась международная научная конференция по проблемам истории декабризма, приуроченная к 190-летию юбилею событий на Сенатской площади. Таким образом, была продолжена давняя традиция, сложившаяся в области декабриствоведения: проведение крупных научных форумов в связи с юбилейными датами, берущая свое начало с 100-летия выступления декабристов, широко отмечавшегося в 1925 г. В Санкт-Петербурге юбилейные конференции проводятся каждое пятилетие, начиная с 1990 г.

Настоящая конференция продолжила ряд научных форумов, организованных благодаря многолетнему сотрудничеству Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБИИ РАН) и Государственного музея истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб). В 2015 г. к числу организаторов присоединились Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ, Москва), Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (ИИ СПбГУ), Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб), Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева. Особая роль принадлежала Санкт-Петербургскому общественному фонду А. А. Собчака (в лице его президента Л. Б. Нарусовой), без организационного и финансового содействия которого конференция не приобрела бы статуса масштабного научного форума.

Основными задачами, которые ставили перед собой организаторы конференции, являлись привлечение внимания к проблемам изучения исторической памяти российского общества на примере истории де-

кабризма, выявление актуальных направлений в исследовании декабристского движения, определение его исторического значения на современном этапе отечественной историографии.

Главная особенность научного форума, по замыслу его инициаторов, заключалась в том, что внимание принявших в нем участие исследователей сосредотачивалось не только на истории декабристского движения и методологии его изучения, но охватывало значительно более широкий фон исторической эпохи, затрагивая в особенности проблемы исторической памяти, современного исторического сознания, специальные вопросы биографики, источниковедения, историографии.

Петербургская конференция стала единственным крупным российским научным форумом, посвященным проблемам истории декабризма, состоявшимся в юбилейный год. Организаторы стремились привлечь к участию в конференции известных специалистов по декабризму и общественно-политической истории России XIX в. в целом, ведущих исследователей в области изучения исторической памяти, персоналистики, источниковедения, археографии указанного периода отечественной истории. В конференции приняли участие более 80 ученых, представлявших различные регионы России, ближнее и дальнее зарубежье. Среди участников конференции – исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска, Твери, Рязани, Брянска, Саратова, Екатеринбурга, Челябинска, Уфы, Новосибирска, Иркутска, а также Рустави (Грузия), Киева, Гиссена (Германия), Токио.

* Автор выражает признательность Т. В. Андреевой, М. С. Белоусову, Д. Н. Шилову (Санкт-Петербург), Е. В. Каменеву (Петрозаводск), Е. Н. Туманику (Новосибирск) за помощь в подготовке настоящей хроники.

Работа конференции продлилась три дня. 14 декабря заседания проходили в Комендантском доме Петропавловской крепости (ГМИ СПб), 15 декабря – в ИИ СПбГУ, 16 декабря – в СПБНИИ РАН. Всего было заслушано 66 докладов и сообщений. Во время конференции в конференц-зале и читальном зале архива СПБНИИ РАН открылись выставки книжных новинок последнего десятилетия и архивных документов, освещающих историю общественного движения в царствование Александра I, подготовленных на основе фондов библиотеки и Научно-исторического архива СПБНИИ РАН.

Первый день начался с традиционного возложения цветов в местах памяти декабристов в Петербурге: на Сенатской площади, у кронверка Петропавловской крепости, в исторических помещениях Комендантского дома (место допросов привлеченных к следствию и оглашения приговора). На торжественном открытии с приветственным словом выступили председатель Оргсовета конференции, директор ГА РФ, профессор Московского государственного университета С. В. Мироненко, директор СПБНИИ РАН, профессор СПбГУ Н. Н. Смирнов, директор ГМИ СПб А. Н. Колякин, президент Санкт-Петербургского общественного фонда А. А. Собчака Л. Б. Нарусова, председатель Санкт-Петербургского отделения ВО-ОПиК А. Д. Марголис.

Пленарное заседание, состоявшееся в мемориальном месте, неразрывно связанном с памятью о декабристах, – атриуме Комендантского дома – открыл доклад С. В. Мироненко (ГА РФ, МГУ, Москва) “Александр I и Союз благоденствия”, посвященный анализу причин терпимого отношения императора к декабристам. В данном контексте рассматривался вопрос о “московском заговоре” 1817 г., напрямую связанный с позицией Александра I в отношении декабристской конспирации. “Московский заговор” был обусловлен тем, что до дека-

бристов дошли слухи о планах Александра I восстановить Польшу в прежних границах; сведения о якобы задуманном им присоединении к Царству Польскому западных губерний, приобретенных в царствование Екатерины II, задели патриотические чувства членов Союза спасения. Таким образом, в докладе были развиты положения, высказанные С. В. Мироненко в его предыдущих работах¹. По мнению исследователя, император, с 1818 г. осведомленный о существовании в стране тайного общества оппозиционных дворян и вызове И. Д. Якушкина на цареубийство, а в 1820 г. получивший обстоятельный донос Грибовского, не принял репрессивных мер, поскольку считал нелегальный союз либерально-просветительской организацией. Поставив вопрос о том, было ли это общество революционным, автор доклада отметил, что сама по себе цель преобразования самодержавия и отмены крепостного права не является достаточным основанием для вывода о революционности: необходимо заключение о насильственном характере путей достижения этой цели. Сами участники Союза, как и официальное следствие, не считали эту организацию революционной: многие ее члены были освобождены, другие – вообще не привлекались к ответственности.

Выступление председателя Оргкомитета конференции А. Н. Цамутали (СПБНИИ РАН) касалось актуальных вопросов историографии движения декабристов. По его мнению, на современном этапе изучения, оценивая научную традицию, важно сохранить все действительно стоящее и дополнить накопленные результаты новыми исследованиями. Сделать это представляется возможным, только досконально проверяя установленные факты. Докладчик обратил внимание на то, что в рамках советской историографии имелось многообразие точек зрения: М. В. Нечкина не была монополистом, существовали оппонировавшие ей исследовате-

¹ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 84–93; *Он же*. “Московский заговор” 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 239–250.

ли; критикуя ее концепцию, нельзя упускать из виду и немалые ее заслуги. А. Н. Цамутали отметил, что не следует недооценивать роль традиций дворянской фронды в генезисе первых декабристских обществ, указал на наличие различных политических позиций внутри декабристской среды. В выступлении получила развитие проблематика, представленная в недавней статье докладчика². Так, А. Н. Цамутали сфокусировал внимание на возникновении ленинской периодизации революционного движения в России: было высказано мнение, что лидер большевиков, говоря о декабристах как зачинателях революционного движения, лишь подхватил идеи, которые витали в воздухе, сузив их и применив к потребностям политической борьбы начала XX в.³

Президент Санкт-Петербургского общественного фонда А. А. Собчака *Л. Б. Нарусова* в докладе “Отношение власти к движению декабристов на разных этапах отечественной истории” показала, как на протяжении почти двух столетий власть воспринимала декабристов и использовала их идеи в пропагандистских и прагматических целях. В советское время определяющую роль играла ленинская периодизация “освободительного движения”, ограничивающая и искажающая исторический опыт декабризма. В новейшее время идеи декабристов были востребованы на высшем политическом уровне: в 1992–1993 гг. при работе над действующей конституцией использовались идеи проектов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева. В последние годы возобладали негативные оценки декабристского движения и особенно событий 1825 г., в которых видят прямые параллели с 1917 г., хотя разница

в предпосылках, цели и тактике этих восстаний очевидна. В докладе был затронут вопрос о месте декабристов в исторической памяти современного молодого поколения: как показали интернет-опросы, декабристы сегодня воспринимаются значительной частью молодежи в негативном ключе, что обусловлено в том числе низким уровнем знаний о предмете. Однако, несмотря на метаморфозы идеологической конъюнктуры, попытки негативной переоценки места декабристов в российской истории, для исторической науки остается в силе задача продолжения углубленных исследований их наследия, открытия новых направлений и методик изучения.

М. М. Сафонов (СПБНИИ РАН) в докладе “Основные проблемы изучения истории движения декабристов” призвал к преодолению устоявшихся в историографии стереотипов и парадигм изучения, превратившихся, по его мнению, в своеобразную мифологию, которая долгие годы подпитывалась “ленинско-сталинской концепцией движения декабристов”. В частности, он предложил провести реконструкцию всего хода следственного процесса день за днем в хронологическом порядке (что позволит иначе подойти к анализу следственных материалов), пересмотреть мотивы деятельности лидеров тайных обществ, учитывая национально-патриотический (в том числе антипольский) комплекс их взглядов, изучить связи декабристов с правительственными верхами, в особенности в период междоусарствия 1825 г. Некоторые из утверждений докладчика (в частности, о пересмотре роли И. В. Шервуда и других доносчиков, оценке их как агентов декабристов)

² Цамутали А. Н., Белоусов М. С. 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. История. 2015. Вып. 4. С. 5–19.

³ Концепция широкого потока “освободительного движения”, у истоков которого стояли декабристы, включавшего в себя не только большевиков, но и другие революционные силы, а также либералов-конституционалистов, выступавших в конце XIX – начале XX в. за политические реформы, прослеживается в трудах Н. П. Павлова-Сильванского (см.: *Муравьев В. А. Две лекции Н. П. Павлова-Сильванского (“История и современность”, “Революция и русская историография”)* // История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 337–364), П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера (см.: “Мы дышали свободой...”: Историки русского зарубежья о декабристах. М., 2001).

вызвали обоснованные возражения специалистов и последующую дискуссию.

Доклады В. В. Лапина (СПБНИИ РАН, ЕУ СПб) “Историческая память как исследовательская проблема” и И. В. Грибан (Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург) “Историческая память как категория исторической науки: анализ современных подходов” ставили своей задачей дать всестороннюю характеристику понятию “историческая память”, раскрыть современные представления о нем, осветить наиболее важные тенденции в изучении исторической памяти. Были рассмотрены основные механизмы и инструменты функционирования исторической памяти (библиотеки, музеи и иные культурно-общественные центры, популярная литература, современные медиа-формы, праздники и юбилеи, памятники и другие “места памяти” и т.д.), затрагивались проблемы взаимоотношений исторической науки и исторической памяти, коллективной и индивидуальной памяти, меморации, формирования и трансформации исторической памяти.

С. Е. Эрлих (Санкт-Петербург) в докладе “Война мифов: декабристы в исторической памяти современной России”, в продолжение своего недавно опубликованного исследования⁴, осветил проблему мифологизации исторической памяти о декабристах в российском общественном сознании, в частности, уделив особое внимание функционированию нескольких вариантов “декабристского мифа” в актуальном общественно-политическом контексте, а также причинам современного “перформативирования” исторической памяти о декабристах в идеологической политике.

Заключительный доклад пленарного заседания, подготовленный известным специалистом по биографике, методологии

и практике работы над биографическими справочными изданиями Д. Н. Шиловым (РНБ, Санкт-Петербург)⁵, был посвящен источниковедческим и методическим проблемам создания современных биографических словарей деятелей дореволюционной России – как универсального, так и регионального и специально-тематического характера. В основу доклада были положены результаты критического анализа изданий этого типа, вышедших за последние десятилетия, а также опыт собственной многолетней научной работы. Исследователь уделил внимание проблемам выбора источников и верификации данных при подготовке биографических справочников, структуры формуляра биографических статей, а также корректного оформления научно-справочного аппарата и пристатейной библиографии.

Таким образом, в ходе пленарного заседания прозвучали выступления общего и проблемного характера, содержащие современный взгляд на актуальные и дискуссионные вопросы в изучении движения декабристов, а также теоретические доклады, анализирующие представления об исторической памяти как категории исторической науки, и вопросы источниковедения и методики подготовки современных биографических справочников – основы биографических исследований.

На следующий день, 15 декабря, начались секционные заседания. Участники первой секции “*Власть, общество, декабристы и историческая память*” обсуждали проблемы взаимоотношений власти и общества в историческом контексте, главным образом применительно к исторической памяти о декабристах, при этом затрагивая конкретные сюжеты о связанных с ней “местах памяти”.

В. М. Бокова (ГИМ, Москва) в докладе «“Русская Правда” П. И. Пестеля и реформа

⁴ Эрлих С. Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.; М., 2015.

⁵ См.: Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиогр. справ. 2-е изд. СПб., 2002; Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиогр. справ. СПб., 2007; Шилов Д. Н. Русские биографические словари в начале XXI века (обзор основных изданий о дореволюционных деятелях) // Библиография. Археография. Источниковедение: Сб. статей и материалов. СПб.; М., 2015. Вып. 2. С. 66–114.

П. Д. Киселева» проанализировала характер отношений между Пестелем и Киселевым, сравнила решение крестьянского вопроса, намеченное в “Русской Правде”, и основные принципы реформы государственной деревни. Исследователь подчеркнула, что Пестель и Киселев были не только сослуживцами: последний был знаком с текстом “Русской Правды” (по свидетельству И. Д. Якушкина, Пестель читал ему отрывки из своего сочинения⁶). При этом была отмечена близость ряда положений реформы Киселева к идеям “Русской Правды”. Оба реформатора в своих проектах обращали внимание на одни и те же аспекты, связанные в основном с казенными интересами: разделение земель на общественный (у Киселева – запасной) и частный фонды, ограничение роли самоуправления, взимание налога с имущества, развитие инфраструктуры волости для улучшения благосостояния крестьян. Вместе с тем, В. М. Бокова указала и на различия, обусловленные разными подходами к решению вопросов о выборной системе в сельском обществе и административном устройстве волости.

Выступление *А. Г. Готовцевой* (РГГУ, Москва) было посвящено амнистии декабристов 1856 г. и ее отражению в общественном сознании. На основе материалов центральной прессы был сделан вывод о том, что амнистия сопровождалась стремлением Александра II выявить, насколько официальная версия событий 30-летней давности находит отклик в общественном сознании 1850-х гг., а также утвердить в обществе правительственную трактовку выступления 1825 г. В дальнейшем предполагается исследовать этот вопрос на материале местной печати.

Доклад *Т. Н. Жуковской* (ИИ СПбГУ) затрагивал тему особенностей исторической памяти выпускников и преподавателей Санкт-Петербургского университета. Анализируя механизм функционирования коллективной памяти университетского общества на протяжении XIX в., исследова-

тель осветил и общие вопросы формирования исторической памяти русского общества о событиях эпохи Александра I. Была рассмотрена проблема коллективной памяти осужденных декабристов, сложившейся на каторге и отраженной в несохранившемся коллективном мемуарно-публицистическом труде, который повлиял на ряд созданных на его основе мемуаров. Выводы докладчика, касающиеся особенностей формирования и воспроизводства коллективной, корпоративной и индивидуальной исторической памяти, коррекции составляющих их элементов, происходящей с течением времени, представляются содержательными и научно значимыми.

Директор Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов *Е. А. Добрынина*, рассказывая о его деятельности, отметила в своем докладе, что в последние годы происходит сужение пространства исторической памяти о декабристах. В настоящее время особое место в работе музея занимают издательская (выходят документальная серия “Полярная звезда”, сборник “Сибирь и декабристы”, научно-популярная серия “Польско-сибирская библиотека”) и экскурсионно-выставочная деятельность (цикл “Декабристское кольцо Восточной Сибири”, передвижные выставки), опирающиеся на сохранившиеся в Сибири места памяти о декабристах.

Тему мест исторической памяти продолжила *М. В. Вершеская* (ГМИ СПб). Автор доклада “Декабристы в Петропавловской крепости: память места и музейный контекст” отметила, что проведенная ею научная реконструкция мест заключения декабристов (“привязка” казематов и других арестантских помещений к конкретному лицу, основанная на документах архивных фондов крепости) закончена, но в экспозиционном отношении отражение достигнутых результатов еще далеко от желаемого уровня. Петропавловская крепость как место памяти о декабристах развивалась на протяжении многих десятилетий: еще в 1955 г. была от-

⁶ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. СПб., 2007. С. 37.

крыта первая экспозиция, посвященная декабристам, в Трубечком бастионе, в 1975 г. – мемориальная экспозиция в Комендантском доме, затем открылись места заключения в Зотовом бастионе, в 1980-е гг. начали отмечаться дни памяти на Сенатской площади и кронверке, проводятся научные чтения, тематические экскурсии.

Участники конференции высоко оценили выступление председателя Декабристской комиссии при Союзе краеведов России Э. Б. Штеца (Москва). Исследователь подготовил доклад справочного характера о памятных местах декабристов в Восточной Сибири. Он рассказал о собранных им во время экспедиций материалах о местах пребывания декабристов на каторге и в ссылке, фотофиксации современного состояния исторических зданий и других памятных мест. Планируется издать восемь томов иллюстрированной справочной публикации, посвященной памятным местам декабристов: на очереди издания, охватывающие Восточную и Западную Сибирь, Санкт-Петербург, северо-западные и западные российские губернии, Украину и Бессарабию.

В ходе работы второй секции *“Движение декабристов и нравственные вызовы эпохи: история, легенды, нарративы”* основное внимание уделялось проблемам морально-нравственного сознания декабристского поколения, “этической программе” декабристов, в неразрывной связи с их идеями и общественно-политической деятельностью, а также культурному и нравственному влиянию декабристов на современников.

Доклад Е. А. Овчинниковой (Институт философии СПбГУ) “Моральное сознание декабристского поколения: нормы, ценности, нарративы” обозначил важнейшие аспекты феномена декабризма в морально-этическом контексте. Были охарактеризованы мировоззренческие установки, на основе которых сложился новый тип личности в русской истории, представленный декабристским поколением: принципы патриотизма, ответственности перед обществом, просветительский концепт общественного

блага, общественно-полезной деятельности, постулаты политической этики, негативное отношение к насилию и кровопролитию. При обсуждении доклада затрагивался вопрос о месте религии в декабристском сознании в 1810–1820е гг. Е. А. Овчинникова отметила, что в этот исторический период в мировоззрении образованного дворянского слоя происходил переход от идентичности религиозной к идентичности гражданской; обсуждение вопроса вылилось в продолжительную дискуссию.

Т. А. Перцева (Иркутский государственный университет) в докладе “Декабристы и иркутское общество: причины, последствия и значение культурного влияния ссыльных дворян” выделила основные элементы механизма воздействия декабристов на сибирское общество, отметив в особенности их опосредованное влияние через купечество и чиновничество. Сила культурного влияния декабристов была прямо пропорциональна их количеству в определенном месте поселения и увеличивалась там, где оформились колонии ссыльных. В этом контексте следует говорить об укреплении либерально-просветительских традиций в Сибири, формирование которых происходило благодаря приезжавшим из Европейской России образованным чиновникам и ссыльным. Декабристы стали предметом подражания для иркутян, особенно в плане просветительства и благотворительности. Т. А. Перцева охарактеризовала понятие “культурных доноров” – представителей сибирского общества, которые, проникшись декабристским нравственным обликом и просветительскими идеями, стали проводниками прогрессивных ценностей.

Е. Н. Туманик (Институт истории СО РАН, Новосибирск) в докладе “К вопросу об эволюции идей декабризма после восстания: А. Н. Муравьев и его проекты общественных и политических объединений 1848 и 1856 гг.”, анализируя недавно открытые источники, показала процесс эволюции декабристского политического сознания после 1825 г., на примере основателя первого тайного общества А. Н. Муравьева.

Исследовательница обратилась к изучению его политического проекта 1848 г. и пришла к выводу о том, что главная цель задуманных бывшим декабристом мер – предотвращение экспансии радикальных революционных идей из Европы. Для этого было предложено создать дворянское ополчение – “Царскую дружину” (прообраз “Святой дружины” 1880-х гг.). В 1856 г. А. Н. Муравьев написал устав “Общества народной совести”, целью которого являлось содействие либеральным мерам правительства, в чем усматривается возвращение на новом витке истории к идеям Союза благоденствия. Общество не было создано, но А. Н. Муравьев занимался распространением своих идей, от которых, как отмечали современники, веяло “духом 14 декабря”.

Д. В. Четвертной (Петрозаводский государственный университет) предложил вниманию участников конференции доклад “К особенностям политического языка декабристов в период ссылки на Кавказе”. Анализируя дневники и письма бывших деятелей тайных обществ кавказского периода, автор согласился с мнением Я. А. Гордина о том, что в мировоззрении декабристов сосуществовали либеральные и имперские идеи⁷. В период ссылки и службы на Кавказе они поддерживали имперскую экспансию, правительственную политику завоеваний, поскольку считали необходимым усиление цивилизующей миссии Российского государства, направленной против восточных тираний.

В рамках третьей секции “Европейские революции, события 1825–1826 гг. и историческая память” обсуждались различные аспекты проблемы влияния западных политических идей и событий второй половины XVIII – первой четверти XIX в. на Российское государство и общество, на движение декабристов, а также отражение этого процесса в представлениях современников.

А. Ю. Андреев (МГУ) в своем докладе “Взгляд из Швейцарии: события между-

царствия и 14 декабря 1825 г. в переписке Ф.-Ц. Лагарпа”, основанном на новом документальном материале, обратился к анализу писем знаменитого швейцарца к членам российской императорской фамилии и содержащихся в них оценок событий 1825 г. Интерес к личности Лагарпа в отечественной и зарубежной историографии обусловлен его близостью к императорскому двору: он находился в переписке с Александром I и его братьями. Исследователь отметил, что конституционалист Лагарп в восстании 14 декабря увидел продолжение переворотов XVIII в., мятеж вечно недовольного русского дворянства, стремящегося узаконить свои права и привилегии, а в декабристах – дворянскую фронду, которую воспринимал всегда негативно, как препятствие в реализации правительственных реформ. Сказался дефицит источников информации: из числа заговорщиков Лагарп знал только Н. М. Муравьева, сына воспитателя Александра I, характеризуя его как “несчастного сына прекрасного отца”. Письма Лагарпа Константину Павловичу говорят о том, что швейцарец воспринимал великого князя как главного положительного героя междуцарствия, поскольку он добровольно отказался от престола, соблюдая обещания покойному брату и матери, – и, таким образом, идеализировал действующих лиц междуцарствия 1825 г.

Ф. Л. Севастьянов (Санкт-Петербург) представил доклад “Власть блюстительная “Русской Правды” П. И. Пестеля в свете теории разделения властей”. По мнению докладчика, принцип разделения властей у декабристов переживал детство, но “Русская Правда” предвосхищает современное понимание этой проблемы. В этом документе впервые появляется мысль о необходимости контроля над государственными институтами – “власти блюстительной”, которой уделено немало внимания. Исследователь считает, что среди идеологов декабризма Пестель был наиболее независимым от имевшихся образцов российских и западных

⁷ См.: Гордин Я. А. Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов // Империя и либералы: Материалы международной конференции. СПб., 2001. С. 16–27.

конституций. В ходе прений, состоявшихся после доклада, обсуждался вопрос о типологии труда Пестеля: является ли “Русская Правда” полноценным конституционным проектом или только программой преобразований, оформленной в виде “наказа” новой власти? В последнем случае в ней нельзя искать все обязательные элементы конституции. Мнения участников дискуссии на этот счет разошлись.

И. А. Иванов (Университет им. Ю. Либиха, Гиссен, Германия) в докладе «“Нешастное и постыдное приключение” как предвестник восстания декабристов: “Семеновская история” 1820 г. в зеркале истории государственной безопасности» сосредоточил свое внимание на особенностях восприятия властными структурами выступления гвардейской части, ставшего важным рубежом царствования Александра I. Особый интерес исследователя привлекла к себе реакция на “Семеновский бунт” полицейских служб, показывающая, в чем власть видела главную угрозу для общественной безопасности. Докладчик отметил свойственный правительству, вызванный политическими событиями той эпохи страх перед европейскими влияниями, ожидание политического кризиса, неуверенность в повиновении гвардии, убежденность в ослаблении дисциплины, вредном влиянии солдатского образования, показал ответные действия, предпринятые полицейскими службами после “Семеновского бунта” (система репрессий и поощрений), безрезультатный поиск политической подоплеки солдатского выступления (заговора).

Профессор *Т. Мацумура* (Токио, Япония) в докладе “Скрытый план военного переворота декабристов: отношения между офицерами и нижними чинами во 2-й армии в первой половине 1820-х гг.” на основе архивных материалов РГВИА показал, что в рассматриваемую эпоху офицеры несли полную ответственность за солдат. Это касалось не только военной службы, квартирования, смотров, но и ежедневного быта, здоровья, заработка нижних чинов, содер-

жания и приращения солдатских артельных денег; офицеры выступали посредниками при найме солдат на хозяйственные работы. Анализируя отношения между офицерами и нижними чинами во 2-й армии, Т. Мацумура пришел к выводу, что они носили патерналистский характер и опирались на определенную экономическую базу. Поэтому когда М. Ф. Орлов предлагал в 1821 г. начать восстание командуемой им 16-й дивизии, он был уверен в отклике подчиненных; в основе этой уверенности лежала тесная связь офицеров и солдат, охватывавшая практически все стороны их жизни. При обсуждении доклада прозвучало предложение обратиться к анализу отношений нижних чинов и офицеров гвардии при изучении петербургского восстания.

М. С. Белоусов (ИИ СПбГУ) в докладе “Сценарий мятежа 14 декабря” предложил свой взгляд на события заговора декабристов, предшествовавшие выступлению на Сенатской площади. По его мнению, следует разделять реальные политические планы и действия декабристов и форму их репрезентации в среде заговорщиков и отражения в материалах следствия. Автор представил результаты анализа следственных показаний 111 декабристов, находившихся в Петербурге в дни междуцарствия, на предмет содержащихся в них интерпретаций важнейших решений лидеров заговора. Такой подход позволил прийти к ряду важных выводов. Докладчик предложил отказаться от формулы “С. П. Трубецкой был избран диктатором”, заменив ее на другую: “К. Ф. Рылеев, по согласованию с А. А. Бестужевым и Е. П. Оболенским, провозгласил Трубецкого диктатором”. В докладе сравнивались ход испанских “пронунсиаменто” 1810-х гг. и подготовка петербургского восстания. По мнению исследователя, Трубецкой, разрабатывая план мятежа, пытаясь заручиться поддержкой влиятельных государственных деятелей, заменяя оглашение конституции публикацией манифеста от Сената, воспроизводил ход событий испанских военных выступлений, действия их лидеров.

Доклад *А. В. Паришиной* (ИИ СПбГУ) “Восстание декабристов с испанским акцентом” освещал историографию проблемы влияния на декабристов испанского либерально-революционного движения. В докладе было показано, что отечественные и западные историки проводили сравнение испанской военной революции и выступления 14 декабря, анализировали влияние переворота под началом Р. Риэго на декабристов, российское общественное мнение об испанских событиях 1820 г. В то же время остались не выявленными и не изученными каналы поступления информации и конкретные примеры заимствований, осуществленных декабристами (в частности, определенные элементы “модели” военной революции). Кроме того, не уделялось внимания “пронунсиаменто” 1814–1820 гг., не проводилось сравнение Кадисской конституции и проектов декабристов.

В ходе работы четвертой секции “*Биография в России (конец XVIII – начало XX в.): традиции и современные подходы*” в центре внимания были проблемы биографических исследований, относящихся к периоду конца XVIII – первой половины XIX в.

В докладе *И. В. Ружицкой* (ИРИ РАН, Москва) “Портрет на фоне эпохи: Модест Корф” видный государственный деятель был отнесен к представителям высшей бюрократии нового типа, отличительной чертой которых стали глубокая образованность и высокий профессионализм. В основе преобразовательных устремлений правящей элиты первой половины – середины XIX в. лежали идеи Просвещения, стремление к рационализации системы управления, действующей в рамках фундаментального законодательства. В данном отношении преобразовательные идеи этого слоя российской просвещенной бюрократии имели сходство с планами декабристов. Выявляя вклад М. А. Корфа в создание “Свода законов Российской империи”, И. В. Ружицкая развила наблюдения, высказанные ранее в ее монографии⁸.

Доклад *О. А. Любезникова* (Санкт-Петербург) освещал спорные и неизученные стороны биографии Н. Н. Новосильцова, который долгое время оценивался в историографии как администратор “второго эшелона”. Докладчик, возвращая его в первый ряд управленческой элиты первой трети XIX в., обратил внимание на некоторые важные аспекты его биографии. Он охарактеризовал большую роль Н. Н. Новосильцова в разработке реформ центрального и местного управления, формировании внешнеполитической доктрины России в канун Отечественной войны 1812 г., показал степень его участия в послевоенных конституционных планах Александра I. Одна из проблем, возникающих при изучении биографии Н. Н. Новосильцова, – отсутствие точной даты его рождения; в этом вопросе историки до сих пор не пришли к единому мнению.

Н. Н. Аурова (ИРИ РАН, Москва) исследовала биографию Н. Д. Дурново, блестящая карьера которого оборвалась в 1828 г., в одном из сражений русско-турецкой войны. Особое внимание было уделено неопубликованному дневнику Н. Д. Дурново, являющемуся уникальным источником по политической и военной истории первой четверти XIX в., и необходимости подготовки первой научной публикации его полного текста.

Б. Ф. Егоров (СПБНИИ РАН) представил доклад “Ястребцовы – современники декабристов”, в котором речь шла о двух однофамильцах Ястребцовых (И. И. и И. М.), которые имели сходные судьбы, жили в одно время и были причастны к литературной деятельности. На протяжении многих лет исследователи смешивали этих двух лиц, и лишь недавно автору доклада удалось окончательно их идентифицировать. В докладах *К. В. Доник* (ЕУ СПб), *Е. В. Ситниковой* (Новосибирск), *А. С. Майоровой* (СГУ) внимание участников конференции было привлечено к фигуре А. С. Меншикова, представителям рода Бестужевых

⁸ См.: *Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009.

и родственников им семейств, а также деятелям отечественной культуры и науки первой половины XIX в., связанным с Саратовской губернией.

16 декабря работа конференции сосредоточилась на специальных вопросах исследования декабризма. В рамках пятой секции “Феномен декабризма: новые подходы к описанию и изучению” в целом ряде проблемных докладов презентовались новые направления в научных разработках, обосновывались новые подходы к пониманию декабризма как исторического явления, новые методики в исследовании состава участников движения, его идейно-политической программы, культурно-исторического значения, были представлены некоторые результаты уже проделанной работы в этом отношении.

Значительный интерес вызвал доклад *Д. В. Тимофеева* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) “Проблема реконструкции общественно-политических настроений в России первой четверти XIX в. в контексте истории основных социально-политических понятий”. В докладе была предложена исследовательская модель применения в трудах по истории общественно-политической мысли методологии “истории понятий”. На основе анализа политических текстов российских авторов первой четверти XIX в. были представлены различные контексты употребления понятий “закон”, “конституция”, “свобода”, “рабство”, “революция”, “просвещение”. Такой подход, по мнению автора, открывает перед исследователем перспективу научной реконструкции процесса адаптации европейских либеральных идей и понятий в России в конце XVIII – начале XIX в.

В докладе *Т. В. Андреевой* (СПБII РАН) «“Сотворение декабристов”: культурологический аспект феномена декабризма» были обозначены основные элементы культурологического аспекта формирования дека-

бристского поколения (социальный, сословно-дворянский, национально-вероисповедный, культурно-исторический, семейно-воспитательный). По мнению докладчика, появление на исторической арене “людей 14 декабря” было обусловлено глубокими социальными процессами: в начале XIX в. завершается оформление дворянского общества как социальной корпорации, отделившей себя от государства и свои интересы от государственных. В 1810-е гг. из него выделяется собственно “общество”, социально активная и политически образованная группа дворянства, представители которой становятся учредителями тайного общества. Поколение декабристов возникло в условиях общеевропейского социокультурного процесса формирования нового человеческого типа – гуманистически мыслящего, нацеленного на достижение “общественного блага”. Пути “сотворения декабристов” зависели от многих факторов: социального статуса, национально-вероисповедной принадлежности, культурно-исторических и семейных реалий, поэтому в самом движении не было единства взглядов. Развивая положения своего монографического труда⁹, Т. В. Андреева заключила, что в целом движение декабристов было либерально-просветительским, революционные устремления были характерны лишь для узкого круга участников.

П. В. Ильин (СПБII РАН) в докладе “Другие декабристы: участники тайных обществ, избежавшие судебного приговора, как исследовательская проблема”, продолжая его научные изыскания¹⁰, затронул вопрос терминологии: кого принято считать декабристом. Он обратил внимание на бросающееся в глаза логическое противоречие, присущее научной традиции: не всех участников движения декабристов считают декабристами. В историографии утвердился ограниченный подход: к декабристам относят в основном членов тайных

⁹ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

¹⁰ Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004.

обществ, возникших после 1821 г., главным образом – пострадавших по итогам судебного-следственного процесса (осужденных, часть административно наказанных). Другие участники движения часто отсекаются от понятия “декабрист”, хотя многие из них играли в конспиративных союзах более значительную роль, чем некоторые из осужденных. Это – результат давления на историографию идеологически ангажированных концепций, которые радикализовали декабристов. Такая практика искажает восприятие исторического явления, ограничивает возможности изучения идейного облика декабристов во всей его полноте, их письменного наследия. Противоречивая картина использования понятия “декабрист” свойственна историографии на всем ее протяжении, только на современном этапе появляется возможность для пересмотра этого подхода, применения вместо произвольных критериев политического радикализма и понесенного наказания – объективного критерия доказанного участия в тайных союзах, заговоре и выступлениях 1825–1826 гг. Чтобы преодолеть проблему доказанного участия, П. В. Ильин предлагает проведение процедур критики документальных свидетельств, отражающих факт вступления в тайный союз. Между тем в результате сложившейся историографической ситуации декабристы, избежавшие наказания, их письменное наследие остаются, как правило, не изученными. В этой связи выявляется практически не разработанная проблема эволюции политических взглядов участников движения, которые продолжали службу в царствование Николая I, достигнув крупных государственных постов, – проблема, открывающая новые перспективы для научных исследований.

С. В. Куликов (СПБНИИ РАН) посвятил свой доклад, озаглавленный «“Декабрист после декабра” в эпоху “великих реформ”»: С. П. Шипов и его публицистическое наследие», анализу письменного наследия одного из таких декабристов, впоследствии крупного чиновника и практически забытого политического мыслителя умеренно-либерально-

го направления С. П. Шипова (1789–1876), продемонстрировав тем самым первые результаты сформулированного П. В. Ильиным нового подхода. Подчеркивая либеральную сущность декабризма как исторического феномена, докладчик показал это на примере идейной эволюции С. П. Шипова, ставшего фактически одним из идеологов либеральной бюрократии середины XIX в. Сенатор при Александре II, он в цикле своих сочинений развивал преобразовательные идеи декабристов, предложив программу реформ государственного строя, которая сочетала в себе введение гражданских свобод, новых политических учреждений (в том числе выборных представительных органов) и сохранение традиционных монархических институтов.

Совместный доклад *К. Г. Боленко* и *Б. Н. Щедрина* (Москва) затрагивал другой важный аспект проблемы декабристов, избежавших наказания, – создание их научных биографий, исследование послужных и формулярных списков (на примере того же С. П. Шипова). Анализ и сопоставление различных послужных списков, сохранившихся в фондах РГВИА, обнаружили немаловажные данные биографического характера, которые содержат эти источники, а также факт сокрытия ряда служебных обстоятельств в поздних послужных списках.

А. Ю. Скрыдлов (СПбФ ИИЕТ РАН, Санкт-Петербург) представил доклад “Академик К. Ф. Герман и истоки декабризма: взгляды ученого на устройство государства и общества”, в котором осветил вопрос о политических взглядах крупного обществоведа и экономиста академика К. Ф. Германа (1767–1838), а также оценил его роль в формировании идейных основ декабризма, в связи с тем, что ученый преподавал политические и экономические предметы целому ряду видных деятелей декабристских обществ.

Д. С. Артамонов (СГУ) в докладе “Легенда о призвании варягов в исторической памяти декабристов” отметил, что в начале XIX в. господствовала точка зрения Н. М. Карамзина о добровольном призвании

варягов, но, несмотря на огромный авторитет историка, у декабристов сложились собственные взгляды по затронутому вопросу. “История государства Российского” подверглась критике не только за политическую ангажированность, но и за отсутствие в ней серьезной критики источников. Декабристы полагали, что добровольного призвания варягов не было, разделяя теорию завоевания славян. По мнению докладчика, это обуславливалось их политическими устремлениями, направленными на свержение самодержавия как государственной системы, делегитимизированной вследствие захвата власти, имевшего место в прошлом.

Особое внимание в ходе конференции было уделено проблемам историографии и источниковедения, которым отводились специальные секционные заседания.

Работа шестой секции “*Декабристская историография: традиции и новации*” открылась совместным докладом А. Ю. Дворниченко и М. С. Белоусова (ИИ СПбГУ), в котором были освещены научная карьера Г. В. Вернадского и его взгляды на движение декабристов. Анализируя как изданные труды известного историка-эмигранта, так и неопубликованные лекции и доклады, сохранившиеся в его архиве, авторы пришли к выводу о том, что в основе взглядов Г. В. Вернадского лежала дореволюционная историографическая традиция, развитие которой ученым, в свою очередь, оказало большое влияние на американскую русистику. Принадлежность историка к дореволюционной традиции наложила свой отпечаток на его декабристоведческие работы: по мнению исследователей, Г. В. Вернадский смотрел на движение декабристов в основном как на явление, сформированное российскими политическими реалиями и корнями уходящее в масонство.

Е. А. Калинина (Петрозаводский государственный университет) подняла вопрос о том, как освещалась тема “Декабристы” в школьных учебниках XIX – начала XX в. В 1830–1850-е гг. данная тема отсутствовала в учебниках, и только после “Великих реформ” участники восстания 1825 г.

стали упоминаться как “заблудшие мятежники”. Тогда же впервые была указана связь их идей с политическими воззрениями деятелей Просвещения и Французской революции, а событий 1825 г. – с “военными революциями” в Европе 1820-х гг. В целом, учебники формировали представление о декабристах как заговорщиках: они не вписывались в концепцию официально-патриотизма, господствовавшую в учебной литературе. С начала XX в. происходит переход к развернутому описанию событий в официально-охранительном духе. После 1917 г. формируется советская официальная традиция.

Выступление Е. В. Каменева (Петрозаводский государственный университет) «“Поставим вопрос иначе”: характеристика Союза благоденствия в монографии М. В. Нечкиной “Движение декабристов”» содержало анализ риторических приемов, которые использовала М. В. Нечкина для формирования и обоснования концепции “революционности” Союза благоденствия. Исследователь показал, что актуализация концепта “революционность” осуществлялась историком с помощью явных и скрытых отсылок к другим произведениям (цитаций и реминисценций): в частности, через цитирование комедии “Горе от ума” А. С. Грибоедова и реминисценции на свою монографию “Грибоедов и декабристы”.

В. С. Парсамов (НИУ ВШЭ, Москва) сообщил о результатах проведенной им реконструкции непрочитанного спецкурса Ю. М. Лотмана, посвященного декабристам и датированного 1980-ми гг. Докладчик отметил, что для выдающегося историка и литературоведа декабристы оставались “дворянскими революционерами”, впитавшими в себя идеи Французской революции; он рассматривал их в основном в контексте истории литературы. Ученый видел парадокс их политического мировоззрения в противоречивом соединении двух разных идеологических систем: просветительства и дворянского либерализма. Фигура Ю. М. Лотмана и его труды не могли не вызвать живого интереса участников конференции: в ходе

обсуждения был затронут вопрос о применении семиотического подхода к истории декабризма. По мнению докладчика, он заключался в анализе сквозь призму знаковых систем литературных и публицистических сочинений декабристов, а также их общественно значимых поступков, бытового и публичного поведения.

В докладе *Р. А. Хазиева* (Башкирский государственный университет, Уфа), посвященном англоязычной историографии декабризма второй половины XX – начала XXI в., был выделен ряд особенностей англосаксонской русистики: ее определенная автономность (независимость от методов и подходов русскоязычной литературы), специфика в использовании источников, особенно – в их интерпретации, которая отличается от отечественной традиции в силу разницы менталитетов, применение различных методологий и междисциплинарных подходов. Докладчик отметил, что для англоязычной историографии характерно использование апробированной западной модели, наложение ее на историю России. Вследствие этого в историографическом образе декабристов – “аристократов-революционеров”, так же как и в советской историографии, доминировала идея революционности. При обсуждении доклада проявился интерес к особенностям методов и подходов зарубежных историков, возник спор об отношении к постулатам постмодернистского направления в зарубежной историографии (в частности, к тезису об отсутствии объективной истины в исторических работах).

Завершил заседание секции *Ю. В. Латыш* с докладом “Современное украинское декабриствоведение”, подготовленном совместно с ведущим представителем украинской историографии декабризма *Г. Д. Казьмирчуком* (Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина). В докладе отмечалось, что к концу 1980-х гг. на Украине сформировался собственный историче-

ский нарратив применительно к событиям российской истории. В отношении декабристов украинские исследователи расходятся во мнениях: одни считают, что тайные общества первой четверти XIX в. не относятся к истории Украины, поскольку они не решали украинский национальный вопрос. Другие полагают, что появление декабристов на Украине не случайно, так как обусловлено предыдущим развитием украинской истории, в частности историей казачества; сторонники последнего мнения считают, что декабристы оказали влияние на развитие украинского национального движения. В докладе был представлен обзор основных развивающихся сегодня на Украине направлений в изучении декабристской темы¹¹.

Седьмая секция “*Декабристы: историческое сознание и документ*” была открыта докладом *Н. П. Матхановой* (ИИ СО РАН, Новосибирск) “Комментирование мемуарного наследия декабристов: исторический контекст”. Исследователь обратила внимание на тот факт, что осмыслением проблем комментирования мемуаров занимаются в основном филологи. Между тем комментарию нужны прежде всего для разъяснения или уточнения исторического содержания мемуарного свидетельства. Принципы комментирования со временем стали строже, при этом стандартизация правил и приемов комментирования постепенно привела фактически к “ликвидации личности” комментатора. *Н. П. Матханова* подчеркнула, что на процесс комментирования большое влияние оказывают общественно-политические условия, в которых работает комментатор.

В докладе “Немецкие учителя Павла Пестеля (по материалам семейной переписки)” *О. В. Эдельман* (ГА РФ, Москва) сообщила о новых данных биографии *П. И. Пестеля*, извлеченных из недавно опубликованной переписки его семьи. В основном они касаются обучения юного Павла Пестеля и его брата Владимира в Германии с 1805 по 1809 г.

¹¹ См.: *Казьмирчук Г. Д., Латыш Ю. В.* Современное декабриствоведение на постсоветском пространстве: становление, проблематика, научные центры и перспективы развития // *Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы.* М., 2008. С. 640–662.

Неслучайным был выбор города Дрездена: выяснено, что в нем проживали родственники Пестелей. Благодаря тщательному изучению семейной хроники удалось восстановить некоторые пробелы в биографии декабриста.

В докладах, сделанных *Н. А. Соколовой* (Центральный государственный архив г. Москвы), *Е. Ю. Лебедевой* (ИНИОН РАН, Москва), *Ю. С. Сулаберидзе* (Рустави, Грузия), *Г. А. Лумпановой* (Тверь), анализировались как опубликованные, так и вновь выявленные архивные источники, освещающие малоизвестные страницы биографии или представляющие неизученное письменное наследие декабристов П. И. Пестеля, А. П. Барятинского, Е. Е. Лачинова, М. И. Муравьева-Апостола.

Восьмая секция “*Проблемы современной декабристоведческой биографики*” была посвящена специальным вопросам биографических исследований в данной тематической области. Открыл работу секции доклад *П. В. Акулишина* (Рязанский государственный университет) «П. А. Вяземский и декабристы: “декабрист без декабря”?»), в котором рассматривался вопрос о том, как Вяземский относился к тайным обществам. Взгляды известного литератора, публициста, общественного деятеля формировались в первое десятилетие XIX в., его представления и либерально-реформаторские идеи декабристов в целом совпадали. Однако докладчик выразил уверенность в том, что Вяземский был лишь наблюдателем деятельности конспиративных союзов. После попытки переворота 1825 г., подготовленной радикальным крылом декабристов, тайное общество уже не рассматривалось им как реформаторский инструмент, а оценивалось как политический заговор. Восстание на Сенатской площади воспринималось Вяземским как “мятеж”, начатый под воздействием “шампанского, выпитого в 1814 г.”, инициаторы которого не заслужили серьезного наказания. Обсуждение доклада привело к выводу о необходимости детального изучения окружения декабристов, в частности – их единомышленни-

ков, скептически относившихся к конспирации.

Доклад *В. А. Шкерина* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) «Два образа В. А. Глинки: декабрист и “главный командир” горнозаводского Урала» вновь поднял проблему трансформации мировоззрения декабристов, избежавших наказания в 1826 г., на примере эволюции взглядов члена Союза благоденствия В. А. Глинки, ставшего начальником уральских горных заводов.

Выступление *В. П. Тотфалушина* (Саратовский государственный университет), посвященное связям декабристов с Саратовским краем, носило фактологический характер. Отмечалось, что в истории края остались имена многих декабристов (В. С. Норова, С. И. Кривцова, А. П. и П. П. Беляевых, Г. Д. Колокольцева и др.), близких к ним П. А. Вяземского и П. А. Габбе, хотя мест и объектов, связанных с исторической памятью о них, почти не сохранилось. Участники тайных обществ не раз останавливались в Саратове, у многих в этом крае проживали родственники и близкие друзья.

В докладах *В. В. Ефимовой* (Петрозаводский государственный университет), *О. В. Бондаренко* (Архангельск), *Д. В. Бухарова* (Брянск), сделанных на секции, освещались малоизвестные или вновь установленные обстоятельства биографий декабристов Ф. Н. Глинки, А. И. Одоевского, В. А. Перовского.

На заключительном заседании основное внимание было привлечено к *перспективам источниковедческой и археографической работы* в области истории декабризма, которая в значительной степени определяет дальнейшее плодотворное развитие всего декабристоведения. Речь шла, в частности, о продолжении серийных публикаций фундаментального характера, являющихся основополагающими документальными изданиями в данной области исторических исследований, а также о планах подготовки обобщающих справочных изданий.

О. В. Эдельман рассказала о перспективах серии “Восстание декабристов”, с 1925 г.

публикующей документы фонда следствия и суда по делу декабристов. Серия насчитывает 22 тома, в настоящее время готовятся материалы, касающиеся имущественного положения привлеченных к следствию лиц, далее будут подготовлены еще не менее двух документальных изданий, включая заключительный справочный том¹².

Е. А. Добрынина сообщила о положении дел и публикации новых томов серии “Полярная звезда”, с 1979 г. вводящей в научный оборот письменное наследие осужденных декабристов. За прошедшее время увидели свет 28 томов серии¹³, готовятся еще несколько книг, однако программа масштабного документального издания далеко не исчерпана, требуется привлечение новых авторов-составителей для подготовки следующих томов¹⁴.

П. В. Ильин поставил чрезвычайно важный для современного декабристovedения вопрос о подготовке обобщающих справочных изданий – в частности в области биографии. Он обосновал необходимость публикации нового биографического справочника декабристов: во-первых, накопился большой объем поправок и дополнений к известному справочнику 1988 г.; во-вторых, ощущается потребность в пересмотре его принципов и структуры, так как существующий справочник охватывает не участников декабристских обществ и выступлений в их полном составе, как должно быть, согласно его названию, а круг лиц, оказавшихся в поле зрения следствия; в-третьих, издание должно включать в себя библиографические данные. В связи с началом работы по составлению нового библиографического словаря декабристов *П. В. Ильин* предложил организовать сбор биографической информации и обратился с просьбой ко всем занимающимся историей декабризма присылать дополнения и ис-

правления к существующему биографическому справочнику (с указанием источника данных).

А. Н. Цамутали подвел итоги конференции, с удовлетворением отметив разнообразие и большое научное значение затронутых в ходе ее работы проблем изучения декабризма, важность и плодотворность состоявшегося предметного разговора по целому комплексу сложных и дискуссионных вопросов, открывающиеся большие перспективы целого ряда конкретных направлений исследовательской работы, обозначенных в ходе обсуждения, состоявшегося в течение трех дней работы большого научного форума.

В целом, конференция привлекла внимание к проблеме взаимоотношений общества и власти в отечественной истории, к изучению того исторического опыта, который был приобретен в эпоху декабристов Российским государством и общественной мыслью, осмыслению исторической памяти о событиях того времени. Форум прошел на высоком научном уровне и продемонстрировал наметившиеся в историографии новые направления исследований. Прозвучавшие выступления, чрезвычайно полезный обмен мнениями, состоявшиеся в ходе обсуждения докладов дискуссии актуализировали некоторые из основополагающих проблем современной историографии декабризма (генезис движения, влияние на него западных идей и политических событий, коррекция представлений о составе его участников, характере политической и экономической программы, идейные связи с правительственным реформаторством, эволюция декабристского политического мировоззрения после 1825 г., мифологизация исторической памяти о декабристах и т.д.). В целом, они показали необходимость новых подходов к анализу и интерпретации

¹² О перспективе серии “Восстание декабристов” см.: *Мироненко С. В.* Государственный архив Российской Федерации к 175-летию юбилею восстания декабристов // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 3–7.

¹³ Очередной том серии вышел в свет к 190-летию юбилею событий на Сенатской площади: *Батеньков Г. С.* Сочинения и письма. Иркутск, 2015. Т. 2: Сочинения. Письма 1846–1863 гг.

¹⁴ О перспективе серии “Полярная звезда” см.: *Ильин П. В.* 30 лет документальной серии “Полярная Звезда”: достижения и перспективы // АЕ за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 25–36.

многих сторон движения декабристов как исторического явления, существенного обновления методики исследований, преодоления во многом устаревших схем, шаблонов и представлений, берущих свое начало в идеологизированной советской историографии, тщательного и углубленного анализа спорных вопросов в изучении эпохи декабристов, обнаружили острую потребность в обогащении источниковой базы исследований, подготовке обобщающих научных трудов и фундаментальных справочных изданий.

Прошедшую в Санкт-Петербурге международную научную конференцию нельзя

не признать успешной и плодотворной для дальнейшего развития научных исследований в указанной области отечественной историографии. Юбилейный форум, приуроченный к 190-летию выступления декабристов, несомненно, способствовал расширению научных связей между специалистами, занимающимися историей декабризма и современной ему эпохи, проблемами исторической памяти российского общества, персоналистикой, источниковедением и историографией соответствующего периода отечественной истории.

П. В. Ильин

DOI 10.31168/041078-7.34

**МАРГАРИТА
ЕВГЕНЬЕВНА
БЫЧКОВА
(1936–2014)**

5 июля 2014 г. не стало Маргариты Евгеньевны Бычковой – признанного специалиста в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, автора ряда авторитетных монографий и фундаментальных публикаций исторических источников.

Маргарита Евгеньевна родилась в Москве 8 ноября 1936 г. в семье Евгения Петровича Бычкова и Людмилы Александровны Лецкой. Ее отец был инженером, руководителем группы Московского конструкторского бюро киноаппаратуры, а мать – служащей московского городского клуба служебного собаководства ДОСААФ. Осенью 1941 г. вместе с матерью она уехала в эвакуацию в г. Курган (тогда Челябинской области), откуда вернулась в Москву в 1943 г. В следующем году она была зачислена в среднюю школу № 41 Москвы, которую закончила с золотой медалью в 1954 г. По окончании школы М. Е. Бычкова поступила в МГИАИ.

Историко-архивный институт навсегда определил сферу научных интересов М. Е. Бычковой. В это время в нем блистали молодые С. О. Шмидт (1922–2013), ру-

ководивший знаменитым кружком источниковедения, и А. А. Зимин (1920–1980); оба преподавали на кафедре вспомогательных исторических дисциплин. Вокруг этих ярких фигур сформировалась та среда, которая во многом определила на несколько десятилетий последующий путь развития советской, а затем и российской медиевистики, а лично для М. Е. Бычковой – круг ее друзей, соавторов и коллег.

М. Е. Бычкова не раз вспоминала о своем трудном выборе между Шмидтом и Зиминим в качестве научного руководителя. Выбор облегчил сам Сигурд Оттович — он решительно настаивал на том, чтобы Бычкова занималась источниками по истории русского театра Серебряного века. К этой теме М. Е. Бычкова не была склонна. Шмидт ее предупреждал: “Имейте в виду, Рита, пойдете к Зимину – всю жизнь будете заниматься Средневековьем”. Это “пророчество”, как известно, сбылось.

В 1959 г. М. Е. Бычкова окончила с отличием МГИАИ, защитив под руководством А. А. Зимина дипломную работу “Списки родословных книг XVI–XVII вв. как

¹ Александр Александрович Зимин / Сост. В. Г. Зимина, Л. Н. Простоволосова. М., 2005. С. 160.

исторический источник”¹. Она стала началом исследования масштабной исследовательской проблемы – текстологии и, шире, источниковедения родословных книг и отдельных росписей. Позднее (1969 г.) дипломная работа переросла в кандидатскую диссертацию² и монографию. Отдельные вопросы текстологии родословных книг были разработаны в серии статей³. Эти исследования следовали подходам Н. П. Лихачева, поставившего вопрос о текстологическом соотношении отдельных списков родословных книг и возможностях их датировки. М. Е. Бычкова определила свои задачи более масштабно и на прочной источниковедческой основе. Тщательно изучив (методами палеографии, филиграноведения, текстологии) подавляющее большинство выявленных на то время списков родословных книг XVI–XIX вв., М. Е. Бычкова представила доказательную и целостную картину соотношения их текстов. Исходя из предложенного ею определения редакции и извода родословных книг, Бычкова выстроила схему их систематизации и изложила историю складывания текстов. Работы Бычковой по источниковедению родословных книг остаются актуальными и сегодня; ее выводы в современной историографии используются как надежная база в исследованиях по широкому спектру проблем средневековой истории.

Вновь обнаруживаемые списки родословных книг подтверждают предложенную М. Е. Бычковой схему соотношения текстов: каждый из них находит свое место в той или иной редакции и изводе.

После окончания вуза Маргарита Евгеньевна была принята в Институт истории СССР, где и осталась на 50 с лишним лет, пройдя путь от научно-технического до ведущего научного сотрудника⁴. В 1969 г. М. Е. Бычковой была присуждена степень кандидата исторических наук, в 1998 г. – доктора исторических наук.

Работа научно-техническим сотрудником в Группе по изданию Полного собрания русских летописей⁵ всерьез увлекла М. Е. Бычкову. С этого времени археографическая деятельность заняла заметное место в ее научном творчестве. В 1966–1968 гг. она вела работу в Комиссии по изданию дипломатических документов МИД; принимала участие в подготовке к публикации документов серии “Внешняя политика России XIX и начала XX вв.”. В дальнейшем М. Е. Бычкова публиковала родословные книги⁶, писцовые⁷, актывые источники⁸, средневековую публицистику⁹. Участвовала в подготовке 2-го и 3-го томов документальной публикации “Акты Русского государства”¹⁰ и так и не увидевшего свет сборника “В. И. Ленин и проблемы феодализма”.

² Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII веков как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук / науч. рук. А. А. Зимин. М., 1968. 25 с.

³ Наиболее значимые работы М. Е. Бычковой по источниковедению родословных книг 1970–1980-х гг. повторно опубликованы отдельным сборником: Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012. 366, [1] с. К настоящему времени вышло уже четвертое издание этой книги.

⁴ В 1965 г. М. Е. Бычкова стала младшим, в 1983 г. старшим, в 1999 г. ведущим научным сотрудником ИРИ РАН.

⁵ При ее участии были изданы 26, 27, 30-й тома ПСРЛ; в соавторстве с А. А. Зиминым она опубликовала 29-й том.

⁶ Редкие источники по истории России / Сост. З. Н. Бочкарева и М. Е. Бычкова. М., 1977. Т. 1. 163 с.; Т. 2. 186 с.

⁷ Опись Новгорода 1617 года / Подгот. к изд., вступ. ст.: В. Л. Янин, М. Е. Бычкова. М., 1984. 173 с.

⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России. М.; СПб., 2012. Т. 1 (6) / Сост. М. Е. Бычкова (отв. сост.), О. И. Хоруженко А. В. Виноградов. 662, [1] с.

⁹ Произведения Максима Грека: рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки / Сост. М. Е. Бычкова и Л. П. Найденова. М., 2009. 704 с.

¹⁰ Вышел только первый том издания: Акты Русского государства. 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский; доп. и подгот. к печ. Р. В. Бахтурина и др. М., 1975. 435 с.

Опыт источниковедческого подхода к источникам литовско-русской генеалогии, включая родословия великих литовских князей, с одной стороны, обусловили все возрастающий интерес М. Е. Бычковой к проблеме литовско-московских культурных и политических связей, сравнительно-историческим аспектам исследования восточноевропейского дворянства и политических институтов Великого княжества Литовского и Российского государства. С другой стороны, исследование идеологии, выраженной в источниках русской генеалогии, привлекло внимание М. Е. Бычковой к вопросам презентации высшей власти в социуме, включая обрядность и регалии.

Первое направление было реализовано в серии статей о родословиях литовских князей в составе русских родословных книг¹¹ и в монографиях¹² – эти труды стали основой докторского диссертационного исследования¹³.

Второе направление представлено работами М. Е. Бычковой о становлении идеи о Москве как “третьем Риме”¹⁴, монографией о регалиях высшей власти в России; их функционировании в религиозной обрядности и светском церемониале¹⁵; исследованиями о родословных легендах и соответствующих им социальных практиках, в том числе династических браках, а также практиках герботворчества XVI–XVII вв.

Источниковедческий подход к изучению родословных книг и росписей позволил М. Е. Бычковой с критических позиций осмыслить предшествующий опыт исследования истории дворянского сословия Литвы и России. Отсюда ее интерес к историографическим проблемам, к работам Н. П. Ли-

хачева, С. Б. Веселовского, Ю. Вольфа, А. А. Зиминой¹⁶.

Во время “проработок” А. А. Зиминой по поводу его исследования о “Слове о полку Игореве” (1964 г.) Маргарита Евгеньевна решительно и деятельно поддерживала своего учителя. “В трудные годы, – вспоминал Зимин, – Рита помогала мне в единборстве (написала интересную статью о М. Н. Сперанском и Слове, кое-что перевела из Мазона)”¹⁷. На статью М. Е. Бычковой «М. Н. Сперанский в работе над “Словом о полку Игореве”» ссылались как приверженцы древности этого памятника, так и скептики. Однако статья ходила только в машинописных копиях. При жизни М. Е. Бычковой она так и не была опубликована и только сейчас подготовлена к печати. Эта работа – одно из тех, довольно многочисленных, исследований Бычковой, которые по тем или иным причинам не вышли в свет. К счастью, архив и библиотека М. Е. Бычковой сохранились и переданы в Институт российской истории, что позволяет с оптимизмом рассматривать перспективы издания ее неизвестных широкой публике работ и переводов.

Кроме неопубликованных работ М. Е. Бычковой, ее дневников, подготовительных материалов и выписок из архивов, в ее архиве представлены автографы А. А. Зиминой, С. О. Шмидта, В. Т. Пашуто, В. Л. Янина, В. Б. Кобринина. В оправдание прозвища, которое Бычковой еще в студенческие времена дал С. О. Шмидт — “член-фотокорреспондент кружка источниковедения” – в архиве содержится большой объем кино- и фотоматериалов, запечатлевших

¹¹ Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. С. 114–124, 132–155.

¹² Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Ист.-генеал. исслед. М., 1986. 219, [2] с.; Она же. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнит.-ист. изучения полит. строя. М., 1996. 173, [2] с.

¹³ Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнит.-ист. изучения политического строя: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 1998. 33 с.

¹⁴ Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. С. 189–200, 211–223.

¹⁵ Бычкова М. Е. Магия власти: обряды возведения на престол, царские регалии. М., 2009. 211, [1] с.

¹⁶ Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. С. 8–72.

¹⁷ Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 280.

научную и общественную жизнь Историко-архивного института второй половины 50-х гг. XX в.

Широта научных интересов М. Е. Бычковой, редкостная работоспособность при исследовании вопросов, требующих скрупулезных и тонких источниковедческих на-

блюдений, обусловили масштаб ее научного наследия. Труды М. Е. Бычковой во многом определили пути дальнейшего развития ряда крупных исследовательских проблем источниковедения и целого спектра вспомогательных исторических дисциплин.

О. И. Хоруженко

DOI 10.31168/041078-7.35

**МАРИНА
ПЕТРОВНА
МОХНАЧЕВА
(1952–2014)**

16 октября 2014 г. скоропостижно скончалась Марина Петровна Мохначева. Она родилась 19 марта 1952 г. в Москве. Отец – военный летчик Петр Иванович (1927–1991), мать – инженер-конструктор Евдокия Марковна (1927–2008). Марина с отличием окончила московскую среднюю школу № 250, в похвальной грамоте были отмечены ее особые успехи по химии, истории и английскому языку (1969). Параллельно она обучалась в музыкальной школе при консерватории по классу скрипки. После получения среднего образования работала в родной школе, первоначально – библиотекарем, позже – совместила с должностью учителя пения. Ее мечтой было учиться в консерватории, но трагический случай – перелом руки – поставил крест на карьере скрипача. В 1970 г. М. П. Мохначева поступила на дневное отделение факультета архивного дела МГИАИ, который окончила в 1975 г. с отличием, став и обладателем значка ЦК ВЛКСМ “За отличную учебу”. В институтские годы она активно занималась научной и общественной работой: участница кружков источниковедения, истории госучреждений, истории СССР, конкурсов студенческих работ, член президиума

студенческого научного общества, ответственная за выпуск бюллетеней общества и организацию выставок, корреспондент стенгазеты “Историк-архивист”, член общества “Знание”, университета молодого лектора и т.д.

Начало подлинно научной деятельности М. П. Мохначевой следует датировать 1974 г., когда после практики в ЦГАЛИ, где она занималась обработкой и каталогизацией фонда Русского музыкального общества, ею был подготовлен ряд документов общества к публикации, а собственно история общества была утверждена в качестве дипломной работы (науч. рук. к.и.н., доцент А. Д. Степанский). Наряду с использованием опубликованных материалов М. П. Мохначева привлекла документы четырех архивов Москвы и Ленинграда. Строгая по структуре работа, выдержанная в сугубо научном стиле, веская аргументация, культура мышления и оформления результатов – все говорило в пользу того, что автор имеет склонность к самостоятельной научной работе. Государственная экзаменационная комиссия оценила дипломную работу на “отлично”.

По окончании МГИАИ М. П. Мохначева получила распределение на работу в ЦГА РСФСР (1975). За два первых месяца работы она стала полноправным членом коллектива, добросовестно и с перевыполнением плана занимаясь обработкой архивных фондов министерств, ведомств и научно-исследовательских учреждений союзно-республиканского значения. Но в планах М. П. Мохначевой, конечно же, было поступление в аспирантуру. Дирекция архива дала ей прекрасную характеристику-рекомендацию, и с 1 декабря 1975 г. М. П. Мохначева была зачислена в заочную аспирантуру по специальности 07.00.09 “Историография и источниковедение” при кафедре истории СССР досоветского периода. Ее научным руководителем стал д.и.н., профессор В. Е. Иллерицкий. По причине ухудшения его здоровья дополнительно был назначен научный консультант – к.и.н., доцент В. А. Муравьев. Служба в архиве, сдача кандидатского минимума, педагогическая практика, исследовательская работа в архивах и библиотеках – на все хватало времени М. П. Мохначевой. При заслушивании ее отчета за второй год аспирантуры (1977) В. Е. Иллерицкий дал ей следующую характеристику: “Аспиранткой М. П. Мохначевой вполне удовлетворен, работала в этом году очень много. Хорошо бы взять ее к нам на кафедру ассистенткой. Единственная трудность у нее – публикации. Но надеемся, что успеем в срок опубликовать ее статьи. В целом никаких опасений за то, успеет ли она написать диссертацию, у меня нет”. Необходимые для защиты диссертации публикации вышли в срок, и 30 ноября 1979 г. М. П. Мохначева блестяще защитила кандидатскую диссертацию на тему “Проблемы истории России в демократических журналах второй половины XIX века”. Тематика диссертации лежала в рамках целенаправленного изучения периодики в качестве исторического и историографического источников, программе исследований, сформулированной учеными МГУ и МГИАИ (С. С. Дмитриев, С. О. Шмидт, И. Д. Ковальченко, В. Е. Иллерицкий). История российской журналисти-

ки в XVIII–XIX вв., ее связь с исторической наукой – надолго станет основным предметом занятий М. П. Мохначевой.

После защиты диссертации М. П. Мохначева с апреля 1980 г. стала вести занятия в МГИАИ на условиях почасовой оплаты, с 3 ноября 1980 г. – была утверждена ассистентом кафедры истории СССР досоветского периода, оставив службу в ЦГА РСФСР. М. П. Мохначева начала читать лекции, спецкурс и вести семинары по истории СССР досоветского периода и историографии истории СССР на факультетах архивного дела и государственного делопроизводства, руководила курсовыми и дипломными проектами, работала в предметной комиссии на вступительных экзаменах и в Государственной экзаменационной комиссии на заочном факультете. В 1984 г. МГИАИ издал учебное пособие по спецкурсу, в основу которого легла переработанная кандидатская диссертация М. П. Мохначевой. Помимо учебной и научной работы молодой энергичный специалист был вовлечен в общественную работу, став куратором студенческой группы, членом Совета по делам студенческих общежитий, а также исполнял административные обязанности заместителя декана заочного факультета (1983–1985), заместителя декана факультета архивного дела по научно-исследовательской работе. В 1984 г. М. П. Мохначева вступила в КПСС, с присущей ей энергией и в этой сфере сумела проявить себя, став пропагандистом Киевского районного комитета КПСС г. Москвы, слушателем городского Университета марксизма-ленинизма МК КПСС для работников науки и преподавателей вузов, войдя в состав партбюро факультета архивного дела МГИАИ.

Эпоха общественных перемен в стране рубежа 80–90-х гг. прошлого века совпала с новым витком педагогической и научной деятельности М. П. Мохначевой. Она была избрана доцентом МГИАИ (1987), а через два года ей было присвоено ученое звание доцента. М. П. Мохначева активно участвовала в научных конференциях, читала лекции в провинциальных вузах, готовила

многочисленные учебные и методические пособия для студентов, ей доверяли руководство работой стажеров из США, Болгарии, Германии. Слова из официального документа той поры – “прочные научные связи М. П. Мохначевой” – значили очень многое: ее дом был открыт для всех, ищущих научной истины, она сама была источником идей, мыслей, информации для студентов, аспирантов, докторантов со всех концов России, ближнего и дальнего зарубежья.

На заседании кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков 26 января 1994 г., где решался вопрос о переизбрании М. П. Мохначевой доцентом, рефреном звучала мысль “ускорить работу над докторской диссертацией”. 1990-е гг. прошли у М. П. Мохначевой в интенсивной работе над докторской диссертацией (защита 26 ноября 1999 г.) и двухтомной монографией “Журналистика и историческая наука” (М., 1998–1999). Научным консультантом диссертации и ответственным редактором книги выступил академик РАО С. О. Шмидт. Междисциплинарное исследование, на серьезной теоретической основе и масштабной источниковой базе (77 фондов 10 центральных и провинциальных архивохранилищ России), стало событием в российской историографии. Но не только история журналистики и исторической науки привлекали внимание М. П. Мохначевой в эти годы. Методы исторического исследования и интеллектуальная история, регионалистика и история культуры – все находило в ее лице прекрасного и вдумчивого исследователя.

2000-е гг. стали временем расцвета М. П. Мохначевой как ученого, педагога, организатора науки. Став с 1 июля 2000 г. профессором ИАИ РГГУ (переизбиралась в 2001, 2006 и 2011 гг., ученое звание профессора присвоено в 2002 г.), она с головой окунается в заботы по должности заместителя директора института по научной работе (2000–2005), заведующей учебной и научной лабораторией “Вспомогательные научные дисциплины”, члена приемной комиссии, научного сотрудника межвузовского центра по историческому образованию

РГГУ, ответственного за сотрудничество РГГУ с журналом “Родина”, за подготовку торжественного празднования 70-летия института, научного руководителя дипломных работ студентов, участвует в деятельности Астраханского и Домодедовского филиалов РГГУ (в последнем с 2005 по 2011 г. была заместителем директора филиала по научной работе). М. П. Мохначева читала лекции и спецкурсы, вела семинары на всех факультетах Историко-архивного института, на ряде факультетов РГГУ, в Центре дополнительного образования при РГГУ, выезжала с курсами лекций в российские провинциальные вузы. С 2002 г. М. П. Мохначева начала выступать в качестве оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций как в России, так и за рубежом. “Докторила”, как любила она говорить. А сколько диссертационных исследований прошло через ее руки как редактора, сколько докторантов воспользовалось ее мудрым советом! Под руководством М. П. Мохначевой готовили свои исследования аспиранты, соискатели и докторанты как в РГГУ, так и в сторонних университетах. Только защиты двух из них – докторской диссертации М. Е. Колесниковой (2011) и кандидатской диссертации С. Б. Михайленко (2013) – удалось увидеть М. П. Мохначевой.

Освоение современных подходов в изучении истории, создание новых научных институций, расширение контактов отечественных и иностранных ученых – вот где с полной силой проявился талант М. П. Мохначевой как прирожденного организатора науки. Она участвовала в создании и деятельности лабораторий и центров новой локальной истории и интеллектуальной истории при Ставропольском, Омском, Томском, Новосибирском университетах, заключала партнерские договоры и протоколы о сотрудничестве с российскими и зарубежными высшими учебными заведениями, организовывала международные конференции, совместные образовательные программы и летние школы, выступала с докладами на симпозиумах в Испании, Венгрии, Китае, Сербии, Хорватии, Польше, Армении,

Украине, Белоруссии, редактировала сборники конференций и переводы научных трудов на русский язык. Среди многочисленных публикаций М. П. Мохначевой того периода наиболее заметная – книга “Русский иллюстрированный журнал, 1703–1941” (М., 2006), подготовленная совместно с А. Н. Каск и удостоенная первой премии за содержание и лучший дизайн на Лейпцигской книжной ярмарке 2007 г.

Последний, самый масштабный проект М. П. Мохначевой начался в 2000 г. Еще в 1994 г. на конференции в Рыбинске была озвучена идея создания истории рода Мусиных-Пушкиных. Начало проекта оказалось не вполне удачным, и С. О. Шмидт обратился к М. П. Мохначевой с просьбой “спасти честь России”. При ее непосредственном участии был собран коллектив высокопрофессиональных историков, сумевших подготовить отдельные очерки по истории рода Мусиных-Пушкиных. Координация, проверка данных, уточнения, редактирование – вот как строилась ежеднев-

ная работа М. П. Мохначевой на протяжении многих лет, ставшая особенно интенсивной в последние годы. На себя она взяла написание очерков по наиболее сложному периоду истории – XX в., полному катаклизмов и утрат, в том числе утрат документов. Восполнить лакуны должны были интервью потомков рода Мусиных-Пушкиных, проведенные М. П. Мохначевой в Италии, Бельгии и Франции, поиски сохранившихся частных архивов, сбор материалов с помощью коллег и знакомых по всему свету. К октябрю 2014 г. черновой вариант пятитомника, из которых три тома были написаны М. П. Мохначевой, был готов, но его издание, к сожалению, она уже не увидит.

Марина Петровна Мохначева останется в памяти всех знавших ее людей блистательным историком, энциклопедически образованным специалистом, щедро делившимся знаниями с теми, кто оказывался в ее орбите, оптимистом, человеком редких душевных качеств, честным и благородным.

П. А. Трибунский

DOI 10.31168/041078-7.36

**НАТАЛЬЯ
ФЕДОРОВНА
ДЕМИДОВА
(1920–2015)**

Наталья Федоровна Демидова – специалист по истории позднефеодального периода и большой знаток документального состава РГАДА. Она родилась в семье учителей, провела детство и юность в Ливнах, помнила сохранившийся с XVII в. отрезок Муравского шляха, пролежавший на противоположном берегу р. Сосны, а также татарское ядро, застрявшее в стене ливенской церкви XVII в. Она – выпускница Московского государственного историко-архивного института 1942 г.

В становлении Натальи Федоровны как исследователя большую роль сыграли ее учителя: А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, А. А. Новосельский, Л. В. Черепнин, Б. Д. Греков, но более всего – Николай Владимирович Устюгов, ее научный руководитель. Качества, которые Наталья Федоровна в нем особенно ценила, это – достоинство, принципиальность, не доводимая до категоричности, добросовестность и доброжелательность, что полностью совпадало с ее нравственными ориентирами. Будучи начинающей исследовательницей, она посещала заседания Сектора истории СССР периода феодализма, которые вел его руководитель С.В. Бахрушин, слушала дискуссии “столпов” советской исторической науки.

Главной качеством личности Н.Ф. Демидовой, которая оказала решающее влияние на ее творчество, была страсть к истории в широком смысле. Любая тема, будь то подготовка публикации источников или исследование, оказывалась для нее интересной, становилась ее “собственной”, и она выполняла ее с большой ответственностью. Именно не иссякающий интерес к истории объясняет объем содеянного Натальей Федоровной за ее творческую жизнь. Она превосходно знала состав фондов РГАДА, в особенности первостепенных приказов: Разрядного, Поместного, Посольского, дворцовых и других. Ее первая крупная работа “Материалы по истории Башкирской АССР” выполнялась по поручению руководства архива, и была подытожена многотомной публикацией документов по истории Башкирской АССР. За ней последовали также другие публикации источников, связанных с историей отношений России с народами, соседствующими на западе, востоке, юге страны в XVI–XVIII вв. Велика заслуга Н. Ф. в подготовке базовых публикаций о русско-монгольских, русско-китайских отношениях XVII – начала XVIII вв., последние издавались в содружестве с историками-китаистами из Института Дальнего

Востока АН СССР, в том числе с В.С. Мясниковым. Н.Ф. Демидову как лучшего специалиста по подготовке такого рода документов пригласили в этот институт, где она проработала десять лет.

Главной страстью Натальи Федоровны оставалась история приказов как основы управленческой системы в России XVII в. Этой многогранной теме посвящена была главная книга Н.Ф. Демидовой, посвященная служилой бюрократии XVII в., ее значению в государственном аппарате и роли в формировании абсолютизма. В ней отчетливо проявилась широта ее научного мышления. Это сказалось в самом выборе объекта исследования. Вопреки устоявшейся традиции в центре внимания было изучение не только учреждений приказной системы и их функций, а трудившихся в них людей и не абстрактных “человеко-единиц”, а живых – с разным происхождением, родственными связями, достатком, карьерным ростом. Она реализовала сложную задачу установления численности кадрового состава приказов за столетие, причем применительно к разным категориям приказных служащих. В результате перед читателем предстала не рыхлая, хаотичная масса архаичных учреждений с непонятно чем занятыми чиновниками, а внутренне логично выстроенная система государственных органов. Н.Ф. Демидова выпукло показала, что эту систему представляли квалифицированные работники с карьерой, развивавшейся согласно установленным правилам, большей частью неписанным, но закрепленным традицией и всецело принятым русским обществом XVII в. Важно сделанное ею наблюдение о значительном росте приказных служащих в сравнении с увеличением самих столичных приказов, что свидетельствовало об интенсивном развитии государственной административной системы в России XVII в. Выявленное ею увеличение числа городских

приказных изб и численности их штата указывало на “прорастание” единой государственной системы управления в местные административные структуры на всей территории России, т.е. на дальнейшую централизацию государства. Работа о приказной бюрократии, ставшая неоспоримой классикой, была встречена отнюдь не всеобщим одобрением, было много критиков, категорически не согласных с ее выводами, которые она отстаивала с большой твердостью.

Следует подчеркнуть, что в течение всего творческого пути, ее представление о XVII в. оставалось неизменным, она считала его самоценным периодом, который получил бы свое естественное развитие, не будь оно прервано противоестественными реформами Петра I.

В научном творчестве историка, считала Наталья Федоровна, не допустимо и не простительно верхоглядство, жажда предъявить научному сообществу сенсацию, “прозвучать”, “снять сливки”, ведь в нем невозможно обойтись без черновой работы, осмысления данных источников, поисков доказательств. Непримируемо и даже сурово Наталья Федоровна относилась к плагиату, считая подобные действия проявлением не порядочности, нечистоплотности и человеческой, и научной.

Наталью Федоровну отличала неизменная доброжелательность к окружающим ее людям. Отделить личность ученого от его персоны трудно, она была щедрой в профессиональных советах, в готовности написать отзыв, рецензию. Красивый человек, с сильным нравственным стержнем – она держалась с большим достоинством и простотой, с открытостью к окружающему миру, и, прежде всего, к людям, как современникам, так и героям ее исследований, которые представляют столь разные культуры.

Ее не стало 20 января 2015 г.

О. В. Новохатко, Е. Н. Швейковская

DOI 10.31168/041078-7.37

**ОЛЕГ
ВИКТОРОВИЧ
ТВОРОГОВ
(1928–2015)**

Уход из жизни Олега Викторовича Творогова является тяжелой утратой для современной филологии. Солон, как известно, заявил, что никого нельзя назвать счастливым прежде его смерти. Поскольку Олег Викторович покинул нас навсегда, мы имеем право высказаться по этому поводу. Хотя судьба не всегда его баловала, хотя последние его годы были омрачены физической немощью, жизнь этого выдающегося исследователя литературы и культуры Древней Руси можно признать по-своему счастливой. Ибо Олег Викторович, энтузиаст своего дела, знал, что рядом всегда найдутся люди, способные оценить его энтузиазм. Путь по жизни ученого, как и любого человека, предопределяется сочетанием личных его качеств (темперамент, интеллект, таланты и др.) и свойств окружающей его среды (семьи, сослуживцев, коллег по профессии и др.), где есть запрос на какие-то индивидуальные качества субъекта или, напротив, возникает их отрицание.

По своему темпераменту Олег Викторович был подвижником, а его вклад в отече-

ственную медиевистику уместно характеризовать словосочетанием “трудовой подвиг”, вошедшим в речевой обиход аккуратно в эпоху формирования будущего ученого как личности. Понятие “трудовой подвиг”, которое чуждо нашему проникнутому индивидуализмом миру, мы применяем не только к академическому и научно-популярному наследию Олега Викторовича и не только из-за внушающего священный трепет объема этого наследия. Впрочем, нужно признаться, что корпус написанного им действительно впечатляет – сюда входят сотни статей разного объема, десятки авторских и отредактированных книг, даже книжные серии¹. Все-таки скорее “подвижничество” позволительно усмотреть в административной работе исследователя, в 1999–2004 гг. возглавлявшего Отдел древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской академии наук (сразу после кончины Д. С. Лихачева, что создавало дополнительные трудности), а в 1988–1996 гг. занимавшего пост заместителя директора института. Но более всего “подвижническое”

¹ Полный список трудов О. В. Творогова см. в кн.: Олег Викторович Творогов / Сост. и вступ. ст. Л. В. Соколовой. СПб., 2013.

начало обнаруживалось тогда, когда очередной предмет изучения Олег Викторович выбирал не по своему вкусу, а руководствуясь коллегиальным долгом или “требованиями науки”, культ которой составлял примечательную черту людей его поколения². Отсюда столь симпатичная черта в Олеге Викторовиче, как всегдашняя готовность к любой черновой работе. Служба в Пушкинском Доме началась для него сверкой цитат и редактированием “Словаря-справочника” к “Слову о полку Игореве” (опубликован в 1965–1984 гг. в шести выпусках), в процессе работы над кандидатской диссертацией он составил словарь к “Повести временных лет”³, будучи уже маститым ученым, подготовил словоуказатель к переводу Хроники Манассии⁴, впоследствии снабдил именными указателями длинный ряд монографий и справочников. Олег Викторович возглавлял коллектив, притом активно участвуя в его деятельности, который напечатал шесть книг “Библиографии работ по древнерусской литературе” за 1973–2002 гг. И наконец, он проделал колоссальную работу над неоконченной рукописью А. А. Зимина, своего главного оппонента в споре о подлинности “Слова о полку Игореве”, благодаря чему книга вышла в свет⁵.

Усердие в поденных трудах не означает, что у Олега Викторовича не было индивидуальных увлечений и пристрастий. Напротив, они были самые разнообразные. Еще в студенческие годы он успешно изучал историческую лексикологию, тогда же, как “первую любовь”, выделил “Повесть временных лет”, которую потом много раз комментировал, переводил, пересказывал. “Повесть” возглавляет русское летописание в дальнейших перипетиях жанра, поэтому и исследователь произведения должен был ориентироваться во всех летописных источниках.

Античные древности и история Византии, в особенности, конечно, их рецепция древнерусской письменностью, всегда привлекали внимание ученого (в частности, мифология, бродячие сюжеты – Троянская война и поход Александра Македонского). Хотя своей главной “вотчиной” он считал домонгольскую Русь, интенсивно занимаясь памятниками переводной литературы, он неизбежно работал и с рукописями более позднего, обычно – значительно более позднего времени. При этом наибольший интерес филолога вызывали четыре сборники относительно устойчивого состава (Пролог, Четьи Минеи, Торжественники, Златоуст, Измарагд). Нельзя забыть и всегда сопровождавшее Олега Викторовича в его трудовых буднях “Слово о полку Игореве”: много сил потрачено было не только на интерпретацию загадочного текста (за переводами и экскурсами по частным вопросам последовала вышедшая под редакцией О. В. Творогова в 1995 г. пятитомная “Энциклопедия Слова о полку Игореве”), но и на сражения со скептиками. Свой боевой задор ученый реализовал также, дав отпор профанирующим медиэвистику фальсификаторам (“Велесова книга”) и ее псевдореформаторам (адептам “новой хронологии”). Хотя перечисленное неизменно находилось в поле зрения Олега Викторовича, наиболее веское слово он произнес в исследованиях русской хронографии. Эволюция жанра хронографа рассматривалась ученым на протяжении всего средневекового периода – начиная от Хронографа по Великому изложению, кончая Хронографом редакции 1617 г. Системный подход к предмету исследования позволил пересмотреть одно из ключевых положений в концепции авторитетных предшественников, датиовавших старшую редакцию Русского

² См.: Буланин Д. М. Служба и служение: К 75-летию Олега Викторовича Творогова // Буланин Д. М. Эпilog к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб., 2005. С. 50–126.

³ Работа издана выборочно, в виде частотного словника: Творогов О. В. Лексический состав “Повести временных лет”. Киев, 1984; переизд.: ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. С. 581–733.

⁴ Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Введение Д. С. Лихачева, исследования И. С. Дуйчева и М. А. Салминой, подготовка текстов М. А. Салминой, словоуказатели О. В. Творогова. София, 1988. С. 255–488.

⁵ Зимин А. А. Слово о полку Игореве / Отв. ред.: В. Г. Зимина, О. В. Творогов. СПб., 2006.

Хронографа XV в. Теперь бесспорно установлено, что на самом деле произведение возникло под пером книжников Иосифо-Волоколамского монастыря в XVI в. Капитальное исследование О. В. Творогова “Древнерусские хронографы” (Л., 1975) непременно останется в золотом фонде палеославистики. Разыскания ученого по русской хронографии и публикации отдельных хронографических сводов увенчались долгожданным и образцовым изданием “Летописца Еллинского и Римского” в двух томах (СПб., 1999–2001), за которое автору присудили премию им. А. А. Шахматова.

Как и лучшие ученые его поколения, Олег Викторович был неисправимым романтиком, так что язык не поворачивается назвать его позитивистом. Однако же по складу ума он всегда тяготел к индуктивному методу, чураясь отвлеченного теоретизирования. С другой стороны, любовь к конкретным фактам сочеталась у него, как у подлинного исследователя, со склонностью эти факты систематизировать. В совокупности данные черты обусловили особенное пристрастие нашего ученого-филолога к словарям и энциклопедиям. Необходимо одновременно учитывать, что такое пристрастие отражает ушедший в прошлое этап в развитии наших гуманитарных наук и не имеет ничего общего с современной разрушительной тенденцией к фрагментации знаний, уже приведшей к пресловутому “клиповому мышлению”⁶. Особый вкус Олега Викторовича к энциклопедиям есть следствие “словарного голода”, который ощущался несколько десятилетий назад – в пору выработки его академических наклонностей и до наступления эпохи высоких технологий, обрушивших традиционную иерархию в методах гуманитарных наук. Как бы то ни было, значительная доля в научном на-

следии Олега Викторовича приходится на тексты, облеченные в форму словарных статей, и целые книги, состоящие из таких статей. Помимо трудов, упомянутых выше, помимо череды популярных справочников, отметим его активное участие в девятитомном “Словаре книжников и книжности Древней Руси” (Л.; СПб., 1987–2017), ведущую роль в подготовке каталога славянских переводов Златоуста⁷, составление еще одного свода – каталога переводных житий⁸.

В автобиографии Олег Викторович откровенно признается, что никогда не чувствовал в себе призвания к полевой археологии, потому что не мог бы наладить диалог с верующими людьми. Но понятно, что нацеленность Олега Викторовича на эмпирические факты побуждала его к поиску новых и новых первоисточников. Поэтому закономерным образом он выделялся среди коллег как один из самых усердных читателей хранилищ древнерусских рукописей – библиотек и архивов. С 1974 г. он состоял членом Ленинградского отделения Археологической комиссии. Все прославившие его открытия ученый сделал, работая с древнерусскими рукописными кодексами. Участвовал он и в работе, которая служит для каждого археографа своего рода экзаменом на аттестат зрелости, т.е. в обработке неопisanного собрания. Под руководством Олега Викторовича делалось описание рукописей М. П. Погодина, он значится редактором первых четырех выпусков этого описания (1988–2010 гг.). В Европейском университете Санкт-Петербурга О. В. Творогов много лет подряд читал курс лекций “Археология и текстология письменных памятников русского средневековья”⁹, в Русском христианском гуманитарном институте – курс по древнерусской литературе. В заключение остается добавить, что труд

⁶ См.: Буланин Д. М. “Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.” и энциклопедические труды О. В. Творогова // Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги). СПб., 2014. С. 915–935.

⁷ Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков: Каталог гомилий. СПб., 1998.

⁸ Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог. М.; СПб., 2008.

⁹ Лекции изданы: Творогов О. В. Археология и текстология древнерусской литературы. М.; СПб., 2009.

покойного ученого был не раз отмечен наградами, в том числе – Государственной премией (1993).

Когда подводишь итоги творческим достижениям ученого такого масштаба, каким был О. В. Творогов, поневоле задаешься вопросом: как же мы жили без тех находок и без тех принципиальных выводов, которые нам оставил филолог, ставший классиком славистики? Не приходится сомневаться в том, что имя Олега Викторовича на-

всегда останется в скрижалях науки об отечественных древностях. Что касается обаяния человеческой личности, особенно такой яркой, как Олег Викторович, то благодарная память о нем безусловно сохранится у всех, кто был с ним знаком или дружен. Труднее передать впечатления от личности человека будущим поколениям, и здесь им остается рекомендовать для прочтения увлекательные воспоминания ученого, частично опубликованные¹⁰.

Д. М. Буланин

---

¹⁰ Творогов О. В. Из воспоминаний / Публ. Л. В. Соколовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 826–878.

DOI 10.31168/041078-7.38

**АНДРЕЙ
КОНСТАНТИНОВИЧ
СОКОЛОВ
(1941–2015)**

11 сентября 2015 г. не стало доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника ИРИ РАН, члена АК РАН Андрея Константиновича Соколова (1941–2015).

Ушел из жизни без преувеличения выдающийся ученый и профессионал с большой буквы, который в течение последних тридцати лет во многом определял научный уровень ИРИ РАН и отечественной исторической науки. Не стало человека уникального исследовательского таланта, исключительной работоспособности, научной добросовестности, порядочности и скромности, который пользовался огромным авторитетом в научной среде и оставил о себе добрую память.

А. К. Соколов вошел в мировую историографию прежде всего как блестящий специалист в области источниковедения и родоначальник отечественной школы социальной истории. Помимо этого его перу принадлежат знаковые труды по истории России XX века, по теории и методологии истории, квантификации, исторической гео-

графии. Он активно сотрудничал с архивистами и участвовал в проектах публикации архивных источников, что способствовало расширению источниковой базы исторической науки. А. К. Соколов был автором прекрасных учебников и учебных пособий, а его двухтомный “Курс советской истории”¹, предназначенный для студентов, до сих пор остается бестселлером.

По биографии А. К. Соколова можно писать историю нашей страны – настолько хорошо в ней отражены ее проблемы и достижения. Соколов относился к тем людям, которые “сделали себя сами”. Он родился в российской глубинке – в г. Юрьев-Польский Владимирской области, в трагическом для страны 1941 г., и сполна хлебнул тяготы войны и послевоенного детства. Отец погиб на фронте, и семнадцатилетним парнишкой после окончания школы А. К. Соколов начал зарабатывать на хлеб – трудился в лесничестве, был кочегаром, рабочим на заводе. Затем – три года солдатской службы на Байконуре. Об армии, как и о своем полугодном детстве, когда тяга к пище духовной

¹ *Соколов А. К.* Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999. Кн. 1; *Соколов А. К., Тяжельникова В. С.* Курс советской истории. 1941–1991. М., 1999. Кн. 2.

нередко заменяла скудное пропитание, он неизменно вспоминал с юмором и характерной для него самоиронией. Но уважительное отношение к людям физического труда у него сохранилось на всю жизнь.

В 1963 г. А. К. Соколов поступил на кафедру МГУ, после окончания которого был оставлен в аспирантуре. В 1972 г. под руководством В. З. Дробижева защитил кандидатскую диссертацию и начал успешную преподавательскую карьеру на кафедре источниковедения истории СССР, заведующим которой был И. Д. Ковальченко. Кафедра в то время считалась лидером в использовании количественных методов и ЭВМ для анализа массовых источников. Попав в среду увлеченных квантификацией молодых людей, став учеником профессора В. З. Дробижева, А. К. Соколов в числе первой плеяды историков в нашей стране освоил компьютерные технологии и в дальнейшем успешно применял их в своих исследованиях. В 1986 г. он защитил в МГУ докторскую диссертацию на тему “Рабочий класс и социальная структура общества. 1917–середина 1930-х гг. (задачи, источники и методы исследования)”², в которой им были использованы количественные методы обработки данных на ЭВМ.

Редкая по тем временам (в рамках научных обменов) годичная стажировка в США в 1976–1977 гг. способствовала расширению кругозора тридцатипятилетнего историка, а также позволила усовершенствовать знание языка настолько, что А. К. Соколов в дальнейшем выступал устно и сам писал статьи по-английски. Общение с американскими коллегами, изучение недоступных в Союзе работ в библиотеках университетов стимулировало у него интерес к проблемам западной историографии, методологии и теории исторического исследования³.

На работу в академический Институт российской истории (тогда он назывался Институт истории СССР АН СССР) А. К. Соколов перешел в октябре 1987 г. сорокасемилетним доктором наук, полным идей и творческих замыслов. Это было переломное время для исторической науки, связанное с ее освобождением от идеологических пут, с общественным запросом на “историческую правду”, с дискуссиями о “белых пятнах” советского прошлого и др. Особенно большие надежды в научной среде возлагались на начавшийся процесс открытия архивов и введения в научный оборот массивов рассекреченных документов. В этих условиях роль “проводников” по ранее неизвестным ученым документальным лабиринтам были призваны сыграть источниковеды.

Эта ответственная, но до сих пор не получившая должной оценки в историографии миссия во многом выпала на долю А. К. Соколова, который в 1987 г. возглавил одно из ведущих научных подразделений Института – сектор источниковедения истории советского общества (ныне – Центр изучения новейшей истории России и политологии). Ему удалось привлечь к работе в секторе группу молодых единомышленников и создать в дальнейшем свою научную школу. Андрей Константинович инициировал в секторе целый ряд коллективных источниковедческих и исторических проектов, в которых личным примером задавал высокую планку. Он прививал такие свойственные ему самому качества, как комплексный подход к анализу исторических процессов, владение разнообразными исследовательскими приемами и методиками, прекрасное знание архивов, привлечение разнообразной источниковой базы, вписывание проводимых исследований в контекст мировой историографии.

² Диссертация была переработана в монографию: *Соколов А. К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества*. М., 1987.

³ См., например, блестяще написанный А. К. Соколовым вводный методологический раздел “Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России” в книге: “Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология и практика / Под общ. ред. А. К. Соколова” (М., 2004. С. 5–68).

Необходимо выделить еще один очень важный момент. А. К. Соколов пришел в Институт в крайне сложный для науки период, когда вместе с большими надеждами и позитивными переменами звучали призывы пустить “под топор” всю советскую историографию. Некоторые ученые старшего поколения, сделавшие карьеру на прославлении революции и советской власти, калялись и переписывали свои выводы в противоположном ключе. Процесс переосмысления советского прошлого подчас проходил под флагом механического замещения марксизма заимствованной на Западе “тоталитарной” моделью советской истории. В итоге на смену старым советским мифам приходили новые, и волна антикоммунистической конъюнктуры, сменившей конъюнктуру советскую, не просто вносила сумятицу, но и грозила размыть основы исторической профессии.

В этих условиях “методологического безвременья” 1990-х гг. А. К. Соколов становится инициатором создания и лидером историографического направления “социальной истории”, призванного с помощью строгого источниковедческого подхода противостоять политизации науки.

По сути дела, А. К. Соколов и его сторонники выдвинули целую программу действий, которая включала следующие основные задачи: 1) ревизия советского источниковедения (в особенности – историко-партийного источниковедения) и его выводов относительно достоверности, информационной ценности тех или иных источников с целью деидеологизации источниковедения как отрасли исторического знания и освобождения его от прежних стереотипов, 2) переосмысление с новых позиций источниковой базы, доставшейся в наследство от советской исторической науки, 3) источниковедческий анализ вновь вводимых в научный оборот рассекреченных архивных документов, источников личного происхождения и др. 4) расширение функций источни-

коведения за счет вовлечения в его орбиту архивоведения, археографии и других смежных дисциплин.

Андрей Константинович любил повторять, что источниковедение – это творческая лаборатория историка. Поэтому в идеале источниковедческий подход должен лежать в основе и пронизывать все этапы исследования, фактически сливаясь с ним в единое целое. Тем самым источниковедение становилось в известном смысле “новой методологией” исторической науки. Его можно было также сравнить с камертоном, который позволял в тех условиях ученым, исповедующим разные взгляды и оценки, вести дискуссию “на одном языке”. Можно спорить о реализуемости таких идей А. К. Соколова, однако трудно отрицать актуальность поиска путей выхода из кризиса в котором оказалось научное сообщество.

В этом контексте становится понятным, почему в начале 1990-х гг. А. К. Соколов инициирует в ИРИ РАН исследовательский проект по источниковедению советского периода, которому дает “говорящее” название “Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории”. Этот сборник статей, написанный под его редакцией и в основном силами сотрудников возглавляемого им Центра, стал своего рода манифестом источниковедения как “территории профессионализма” и главной преграды конъюнктурной политизации в науке⁴.

Книга выходила “со скрипом”, она воспринималась как фронт господствующим тенденциям. В итоге она была издана малым тиражом в мягкой обложке, на бедной полиграфической базе Института, что сделало ее почти не замеченной специалистами. Вскоре выяснилось, что это характеризовало отношение руководства Института к самому источниковедению, и спустя некоторое время оба сектора источниковедения (“досоветский” и “советский”) были ликвидированы. Сейчас можно с уверенностью сказать, что это было крупной ошибкой.

⁴ Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: Проблемы источниковедения советской истории / Отв. ред. А. К. Соколов. М., 1994.

Спустя десять лет источниковедческая проблематика, которая сохранялась в Центре А. К. Соколова, была развита им в новаторской коллективной книге «Источниковедение новейшей истории России»⁵. В ней впервые в историографии традиционный видовой срез (приемы и методы работы с основными видами письменных источников) был дополнен главами, посвященными основным направлениям источниковедческого синтеза: источники по политической, экономической, социальной истории, истории культуры. Помимо этого, специальный раздел книги посвящен переосмыслению источников личного происхождения, которые ранее считались «второстепенными». Наконец, в одной из глав показано, какое большое значение для исторической науки имеют источники по истории литературы и искусства.

В период «архивной революции» 1990-х гг. А. К. Соколов оказался среди энтузиастов рассекречивания фондов и публикации новых источников. Многие инициированные им проекты стали знаковыми для своего времени. Важнейшие из них – книги «Голос народа» и «Общество и власть»⁶. В них сложные перипетии советской жизни 1920–1930-х гг. были представлены через восприятие рядовых людей, которые, как показал А. К. Соколов, вовсе не были «безмолвной массой». Появление этих работ имело «кумулятивный» эффект, поскольку стимулировало изучение советского общества «снизу», способствовало переосмыслению информационного потенциала источников личного происхождения, особенно – «писем во власть», и дало импульс исследованию взаимоотношения общества и власти в Советской России. Две указанные книги под ред. А. К. Соколова были переведены и изданы

в США издательством Йельского университета⁷. Одна из них – «Сталинизм как образ жизни» (“*Stalinism as a Way of Life*”) оказалась настолько востребованной, что была переработана в учебное пособие, по которому современные американские студенты изучают сталинский период отечественной истории.

С 1998 по 2003 г., продолжая возглавлять научный центр, Соколов работал заместителем директора ИРИ РАН по научной работе. До последнего времени он также возглавлял Диссертационный совет при ИРИ РАН по отечественной истории XX века. Не оставлял он и преподавание – работал по совместительству в МГУ, в ИАИ РГГУ, а затем в Российской академии госслужбы. В течение многих лет он также был членом экспертных советов ВАК и РГНФ, являлся членом редколлегий ведущих исторических изданий, входил в состав ученых советов научных, архивных и музейных учреждений. И везде оставил о себе добрую память.

А. К. Соколов являлся, без преувеличения, ученым с мировым именем. Его перу принадлежит более 160 научных трудов, в том числе 15 книг. Помимо России, его работы выходили в США, Великобритании, Германии, Китае и в других странах. Он часто выступал за рубежом, с честью представляя отечественную историческую науку. Многие иностранные коллеги стали его близкими друзьями.

В его лице наука потеряла универсального специалиста по истории России XX – начала XXI вв., который не был «рабом одной темы» и постоянно расширял круг своих научных интересов. А. К. Соколов начинал с проблематики истории рабочего класса революционного периода, много занимался

⁵ Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология и практика / Под общ. ред. А. К. Соколова. М., 2004.

⁶ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997; Общество и власть. 1930-е гг.: Повествование в документах. М., 1998.

⁷ *Siegelbaum L., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents.* New Haven; L., 2000 (дополнительное сокращенное издание вышло там же в 2004 г.); *Storella C. J., Sokolov A. K. The Voice of the People: Letters from the Soviet Village 1918–1932.* New Haven; L., 2012.

⁸ См.: *Соколов А. К., Маркевич А. М. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг.* М., 2005.

ся вопросами методологии, историографии и источниковедения, квантификацией и анализом массовых источников, экономической истории, историей предприятий и трудовых коллективов⁸, историей транспорта и нефтяной отрасли, изучением социальной структуры советского общества 1920–1930-х гг. В последние годы он особенно активно работал по истории советского военно-промышленного комплекса межвоенного времени⁹, а также – историей позднего СССР и постсоветской России¹⁰.

Андрей Константинович был человеком разностороннего дарования, которое он никогда не выставлял напоказ. Немногие знали, что он с детства рисовал и разбирался в живописи. Ценил и глубоко понимал художественную литературу, среди его любимых авторов были Андрей Платонов и Эрнест Хемингуэй. Со студенческих лет он увлекался исторической географией и всеобщей историей, отчего прогулки с А. К. Со-

коловым, например, по итальянской столице превращались в увлекательное путешествие в прошлое, которое в его рассказах и в условиях привязки к местности становилось почти осязаемым.

А. К. Соколов был по натуре мягким, неконфликтным человеком, доброжелательным по отношению к другим. Казалось, он никогда не торопился, был внимательным собеседником, с уважением относившимся к чужому мнению. Обладая чувством юмора и критическим складом ума, он мог одним ироничным вопросом заставить оппонента прекратить спор. А. К. Соколов терпеть не мог халтуры и научной “зауми”, сам прекрасно умел и учил молодых коллег выражать свои мысли доступным, ясным языком.

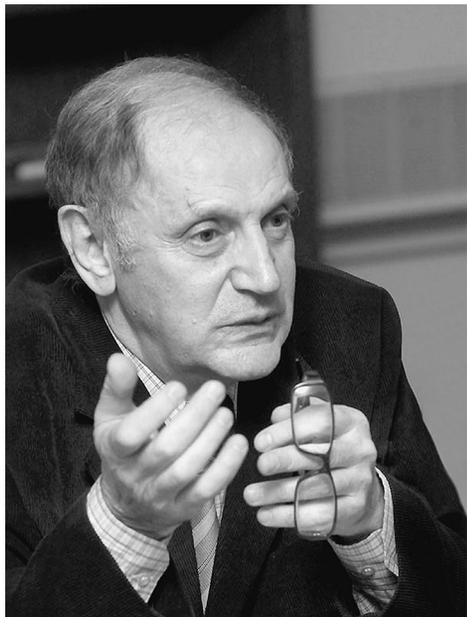
Для ИРИ РАН, для отечественной исторической науки, для всех знавших Андрея Константиновича людей его уход – поистине невосполнимая утрата.

С. В. Журавлев

---

⁹ Соколов А. К. От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность, 1917 – июнь 1941 гг. М., 2012; См. также многотомную публикацию при участии А. К. Соколова “История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР, 1900–1963 гг.: Документы и материалы”.

¹⁰ Пихоя Р. Г., Соколов А. К. История современной России: Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России, конец 1970-х–1991 гг. М., 2008; Пихоя Р. Г., Журавлев С. В., Соколов А. К. История современной России: Десятилетие либеральных реформ, 1991–1999 гг. М., 2011; Пихоя Р. Г., Соколов А. К., Журавлев С. В., Зезина М. Р. АВТОВАЗ между прошлым и будущим: История Волжского автомобильного завода, 1966–2005 гг. М., 2006, и др.

DOI 10.31168/041078-7.39

**ВЛАДИМИР
МАРКОВИЧ
МАГИДОВ
(1938–2015)**

24 ноября 2015 г. на 78-м году жизни скончался заслуженный профессор РГГУ, доктор исторических наук Владимир Маркович Магидов.

В 1984 г. он по приглашению профессора А. А. Кузина начал свою работу на кафедре научно-технических и кинофотофоноархивов. В 1993 г. Владимир Маркович основал в рамках ИАИ РГГУ отделение технотронных архивов и документов, преобразованное в 1994 г. в факультет с данным названием, вошедший в 2013 г. в качестве структурного подразделения в состав факультета документоведения и технотронных архивов. На нем он основал кафедру аудиовизуальных документов и архивов, на которой по его приглашению работали такие выдающиеся специалисты, как кинодраматург и киновед Л. М. Рошаль, театровед А. А. Шерель, киновед Н. А. Изволов, а также другие известные деятели науки, техники и культуры. Большим достижением Владимира Марковича стало привлечение и воспитание на руководимых им факультете и кафедре нескольких поколений специалистов, представители которых продолжают в настоящее время работать в ИАИ РГГУ. Несколько его воспитанников успешно защитили

кандидатские и затем докторские диссертации.

Проявлявшееся в В. М. Магидове соотношение образованности, чуткости, доброжелательности и требовательности к себе и к окружающим людям в сферах профессионального и неформального общения привлекало к нему многих людей, формируя к нему глубокое уважение и заслуженный авторитет. Это зримо проявлялось в рамках тех научно-исследовательских и учебно-методических работ, при подготовке которых Владимир Маркович выступал в качестве автора и редактора. Входя в состав совещательных органов управления РГГУ, ВНИИДАД, федеральными архивами специализированного профиля (РГАКФД, РГАНТД, РГАФД), он вносил большой плодотворный вклад в обеспечение плодотворности и успешности деятельности данных учреждений. Давая оценки и рекомендации по совершенствованию их работы в ненавязчивой и при этом убедительной форме, Владимир Маркович достигал более существенных и заметных результатов по сравнению с людьми, склонными к спонтанным, отличающимся меньшей продуманностью суждениям и действиям. При этом он мог облечь

свои высказывания в приятную для окружающих, конкретную и при этом метафорически ироничную форму, что создавало дополнительные черты обаяния в его внешнем и психологическом образе.

Перечисленные достижения и качества сформировались не только благодаря прекрасному воспитанию (в отнюдь не имевшей привилегированного статуса семье) и образованию на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, но и в результате накопленного им значительного опыта как научной и педагогической деятельности, так и обычного общения со многими людьми. Этим опытом он щедро делился с друзьями и соратниками по повседневной работе, что стало для них большой ценностью.

Первым значительным результатом профессионального творчества В. М. Магидова стало привлечение внимания широкого круга заинтересованных исследователей к тому информационному потенциалу, который является свойственным для хранящихся в различных группах архивных учреждений кинофильмов, фотографий и в несколько меньшей степени звукозаписей. Работая редактором на Центральной студии документальных фильмов СССР, являясь аспирантом исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, создавая единственную в истории России Национальную ассоциацию аудиовизуальных архивов и развивая ее деятельность, он целенаправленно выявлял, анализировал и раскрывал многим людям самобытные и ценные свойства представленных в изобразительной и звуковой форме свидетельств. На этом пути им был сделан ряд открытий, к числу которых, в частности, относятся переведенные по его инициативе на русский язык научно-популярные брошюры Б. А. Матушевского и многие, ценные с точки зрения этнологических и географических исследований, съемки повседневной жизни и обычаев малочисленных коренных народов Российской Федерации. Отходя от свойственного многим научным и популярным текстам прагматического восприятия ценности изобразительных, аудиовизуальных и звуковых

документов, связанного с акцентированием их идеологической, коммерческой или досуговой значимости, Владимир Маркович делал во всех своих значимых работах акцент на их ценности в качестве объектов архивного хранения и исторических источников. Таким образом ему удавалось сгладить границу между свойственным архивоведению научно-методическим восприятием особенностей данного комплекса информационных ресурсов и расширительным подходом к восприятию источниковой базы научно-исследовательских работ, предполагающим включение в ее состав не только хроникальных и документальных, но и художественных произведений. Именно последовательное выявление связи между историографическим осмыслением, источниковедческим исследованием, хранением и использованием представленных в архивах кино-, фото- и фонодокументов стало основной целью подготовленной и защищенной Владимиром Марковичем в РГГУ диссертации доктора исторических наук. Оно же отчетливо проявилось в созданных им и опубликованных исследованиях, к числу которых относятся монографии “Зримая память истории” (М., 1984) и “Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания” (М., 2005), многочисленные статьи в советских, российских и зарубежных изданиях. Вставая на позицию пользователя кино-, фото- и фонодокументов в государственных и ведомственных архивах, В. М. Магидов выдвинул и обосновал еще не реализованную в полной мере, но примененную в практике ряда зарубежных стран, гипотезу о целесообразности использования для данных источников документированной информации того же принципа организации фондового хранения, которая применяется по отношению к письменным документам.

Другим достижением профессионального творчества В. М. Магидова следует признать применение предложенной им новой методики публикации кинодокументов, имевшей как фундаментальное, так и прикладное значение. В рамках сложившегося и в большой мере сохраняющего широкое

распространение иллюстративного восприятия ценности изобразительных источников, предполагающего ограничение их информационного потенциала дополнением содержания письменных текстов, еще в период 1930-х гг. В. С. Росоловской и некоторыми другими авторами была дана рекомендация представлять киноизображения исключительно в виде единичных, фотографических фрагментов одного кадра и осуществлять пересказ остальной части кинематографического текста. Профессиональные историки, среди которых были, в частности, академики Б. Д. Греков и М. Н. Тихомиров, оценивали значимость и, в частности, достоверность отбравшихся визуальных фрагментов главным образом с точки зрения внешнего сходства запечатленных в них объектов с предполагаемым на основании письменных источников обликом определенных исторических деятелей. При этом, несмотря на предоставлявшуюся читателям и зрителям возможность различения на формальном уровне сходных и не совпадавших с реконструированной исторической действительностью художественных или документальных образов, вольно или невольно происходило обеднение содержания кинодокументов. В монографии «Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания» В. М. Магидов одним из первых в отечественной историографии представил опыт типографского издания не одного выбранного из структуры кинокадра отпечатка изображаемого объекта, а нескольких связанных между собой по содержанию фрагментов монтажного кадра. В результате у читателей его книги появилась возможность увидеть движение объектов в кинопроизведении и тем самым получить более объективное представление о запечатленном действии в рамках «живой фотографии». Таким образом было найдено и продемонстрировано решение проблемы достижения максимальной аутентичности выбираемого и используемого изобразительного источника по отношению к исторической реальности.

В существенной мере делом профессиональной жизни Владимира Марковича являлось определение специфики и места в рамках историко-документального наследия народов России и зарубежных стран комплекса технотронных документов. Стимулом к поиску данного, практически не встречающегося в научных исследованиях обобщающего понятия стал поддержанный ректором РГГУ Ю. Н. Афанасьевым в первой половине 1990-х гг. проект создания первого как в России, так и в так называемом постсоветском пространстве факультета, осуществляющего подготовку специалистов по работе с документами на нетрадиционных материальных носителях.

При этом, как часто вспоминал Владимир Маркович, перед ним была поставлена задача найти современное, выразительное и научно обоснованное определение данному массиву информационных ресурсов. В результате, используя в качестве теоретической опоры сформулированное в конце 1960-х – начале 1970-х гг. для отображения реалий постиндустриального развития понятие технотронного общества, он представил обобщающий термин «технотронные документы». Впоследствии в рамках получивших широкую известность сборников научных исследований «Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие» (М., 2004), «Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения» (М., 2011), «Технотронные документы в информационном обществе» (М., 2020) было убедительно показано, что содержание данного термина способно включить в себя самые разные источники исторической информации, созданные с применением достижений технического и технологического прогресса. Таким образом, опыт развития научных знаний в области истории, культурологии, архивоведения, документоведения, археографии очевидно свидетельствует, что внедренный В. М. Магидовым в научно-экспертную практику термин смог стать основанием для идентификации, изучения и использования

различных видов аудиовизуальных и электронных документов и объектов научно-технической документации. При этом важно, что данный опыт получил апробацию не только в рамках основанных на применении междисциплинарной методологии теоретических и научно-методических исследований, но и в рамках реализующихся с середины 1990-х гг. в ИАИ РГГУ уникальных образовательных программ “Аудиовизуальные, научно-технические и эконо-

мические архивы”, “Электронные архивы и документы”.

Научные достижения В. М. Магидова, представленные в его опубликованных работах и преподаваемых в настоящее время его последователями авторских учебных курсах, сохраняют свой инновационный потенциал и остаются жизненными и в наши дни. Поэтому его имя по-прежнему составляет и будет несомненно далее создавать честь и славу Историко-архивного института.

Г. Н. Ланской

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
АЕ	– “Археографический ежегодник”
АИ	– “Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею”
АИЮС	– “Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым”
АК РАН	– Археографическая комиссия Российской академии наук
АМН СССР	– Академия медицинских наук СССР
АН БССР	– Академия наук Белорусской ССР
АН СССР	– Академия наук СССР
АН УССР	– Академия наук Украинской ССР
АПН РСФСР	– Академия педагогических наук РСФСР
АРАН	– Архив Российской академии наук
АСЭИ	– “Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.”
АФЗХ	– “Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.”
АЮЗР	– “Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею”
БАН	– Библиотека Академии наук СССР (Российской академии наук)
БРЭ	– “Большая российская энциклопедия”
БСЭ	– “Большая советская энциклопедия”
ВА	– “Вестник архивиста”
ВАСХНИЛ	– Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина
ВВ	– “Византийский временник”
ВГИАХМЗ	– Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВДНХ	– Выставка достижений народного хозяйства
ВИ	– “Вопросы истории”
ВИД	– “Вспомогательные исторические дисциплины”
ВКЛ	– Великое княжество Литовское
ВНИИДАД	– Всесоюзный (Всероссийский) научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВООПИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЦИ	– “Вестник церковной истории”
ВЦСПС	– Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАИМК	– Государственная академия материальной культуры
ГАТО	– Государственный архив Тюменской области
ГБЛ	– Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГКЭ	– Грамоты Коллегии экономии

ГлавПУ РККА	– Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной Армии
ГЛМ	– Государственный литературный музей
ГПБ	– Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГПИБ	– Государственная публичная историческая библиотека России
ГПНТБ СО РАН	– Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Академии наук СССР
ГУПВИ	– Главное управление по делам военнопленных и интернированных
ДДГ	– “Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.”
ДОСААФ СССР	– Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту СССР
ДРВ	– “Древняя российская вивлиофика”
ДРВМ	– “Древняя Русь. Вопросы медиевистики”
ЕУ СПб	– Европейский университет в Санкт-Петербурге
ЖМНП	– “Журнал Министерства народного просвещения”
ЗОР ГБЛ	– “Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина”
ИА	– “Исторический архив”
ИАИ РГГУ	– Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
ИВИ РАН	– Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИЖ	– “Исторический журнал”
ИЗ	– “Исторические записки”
Известия ГАИМК	– “Известия Государственной академии истории материальной культуры”
ИИ СССР АН СССР	– Институт истории СССР Академии наук СССР
ИИЕТ РАН	– Институт истории естествознания и техники Российской академии наук
ИРИ РАН	– Институт российской истории Российской академии наук
ИСл РАН	– Институт славяноведения Российской академии наук
ИСССР	– “История СССР”
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
ЛГПИ	– Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
МГАМИД	– Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МГИМО	– Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (Университет МГИМО)
МГК КПСС	– Московский городской комитет Коммунистической партии Советского Союза
МГПИ	– Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МДА	– Московская духовная академия
МИД	– Министерство иностранных дел
МИИТ	– Московский институт инженеров железнодорожного транспорта

МТС	– машинно-тракторная станция
НА ИРИ РАН	– Научный архив Института российской истории Российской академии наук
НиНИ	– “Новая и новейшая история”
НИУ ВШЭ	– Научно-исследовательский университет “Высшая школа экономики”
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	– Народный комиссариат государственной безопасности
НКВД	– Народный комиссариат иностранных дел
НПЛ	– “Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов”
ОА	– “Отечественные архивы”
ОДиБ МАМЮ	– “Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции”
ОИ	– “Отечественная история”
ОИДР	– Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГИМ	– Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
ОР БАН	– Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	– Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПИ	– “Проблемы источниковедения”
ПК XV	– “Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / Сост. А. А. Турилов” (М., 1986)
ПКМГ	– “Писцовые книги Московского государства. Издание имп. Русского географического общества. Под ред. Н. В. Калачова”
ПСРЛ	– “Полное собрание русских летописей”
ПЭ	– “Православная энциклопедия”
РА	– “Русский архив”
РАК	– Российско-американская компания
РАН	– Российская академия наук
РАО	– Российская академия образования
РГАВМФ	– Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАКФД	– Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНТД	– Российский государственный архив научно-технической документации
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГАФД	– Российский государственный архив фонодокументов
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив

РГМАА	– Российский государственный музей Арктики и Антарктики
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РД	– “Русский дипломатий”
РИ	– “Российская история”
РИБ	– “Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическую комиссию”
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная Армия
РЛ	– “Русская литература”
РНБ	– Российская национальная библиотека
РО ИРЛИ	– рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук
РОИА	– Российское общество историков-архивистов
РФА	– “Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века”
СА	– “Советские архивы”
СГУ	– Саратовский государственный университет
СИЭ	– “Советская историческая энциклопедия”
СККДР	– “Словарь книжников и книжности Древней Руси”
СНК СССР	– Совет Народных Комиссаров СССР
СО АН СССР	– Сибирское отделение Академии наук СССР
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
Совинформбюро	– Советское информационное бюро
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПбДА	– Санкт-Петербургская духовная академия
СПБИН РАН	– Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СПбФ ИИЕТ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники Российской академии наук
ТАСС	– Телеграфное агентство Советского Союза
ТОДРЛ	– “Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук”
УГА НКВД	– Управление государственных архивов Наркомата внутренних дел
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ЦАНО	– Центральный архив Нижегородской области
ЦГА Москвы	– Центральный государственный архив города Москвы
ЦГА РСФСР	– Центральный государственный архив РСФСР
ЦГАДА СССР	– Центральный государственный архив древних актов СССР
ЦГАЛИ СССР	– Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАОР СССР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР
ЦГАСА	– Центральный государственный архив Советской Армии
ЦГИАЛ	– Центральный государственный исторический архив Ленинграда
ЦК ВКП (б)	– Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦСПИ ГПИБ	– Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России
ЦСУ Госплана СССР	– Центральное статистическое управление Государственного планового комитета СССР
ЧОИДР	– “Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете”

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Н. В. Соколова.</i> Библиотека Никольского Амвросиева Дудина монастыря в начале 70-х гг. XVII в. (Опыт реконструкции)	3
<i>А. И. Плигузов.</i> Новые материалы к истории Волоколамской библиотеки: Неизвестная опись монастырских книг 1857 года (<i>подгот. Н. А. Кобяк</i>)	18
<i>М. В. Печников.</i> Антистригольническое “Списание”: Проблемы авторства, датировки и источников	39
<i>А. В. Кузьмин.</i> Происхождение и генеалогия старомосковских боярских фамилий: Лыковых, Злобиных, Замятниных, Овцыных и их однородцев в XIV – начале XVI века (часть 2: Лыковы второй половины XIV – середины XV в.)	57
<i>Н. А. Охотина-Линд</i> (Дания, Копенгаген). Научный проект по изданию документов Второй Камчатской экспедиции	78
<i>Г. Н. Ланской.</i> Документальный архивный фонд Государственного музея-заповедника “Ростовский кремль”: Опыт формирования и научного использования	91
****	
<i>Р. Г. Пихоя.</i> Академик Николай Николаевич Покровский как археограф	97
<i>В. Ю. Афиани.</i> Вклад Н. Н. Покровского в археографию документов XX в.	101
<i>Е. Н. Швейковская.</i> Н. Н. Покровский – историк и источниковед	109
<i>Е. В. Казбекова.</i> Леон Жилиссен и проблемы кодикологии средневековых западноевропейских рукописей	124
****	
<i>В. Г. Бухерт.</i> К истории сбора материалов о преступлениях оккупантов на территории СССР в годы Великой Отечественной войны	130
<i>Е. Л. Киселева.</i> “Должны быть готовы к использованию в любое время”: К вопросу формирования комплекса документов ЧГК и его научного использования	154
<i>Д. Д. Лотарева, К. С. Дроздов.</i> Архивный фонд Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР: Особенности формирования, специфика документов, перспективы использования	165

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Э. В. Шульгина, Е. Е. Иванова, Е. Н. Казакова, Н. А. Кобяк.</i> Синодальные свитки и грамоты XV–XVIII вв. в собрании ГИМ: К подготовке издания	170
---	-----

Б. Н. Морозов. “Образов во храму в Николе Чудотворце – молится Федор Иванович” и “Книги у Николы Чудотворца” (Опись икон и книг воеводы Ф.И. Михалкова начала XVII в.)	192
Н. А. Комочев. Немецкие грамоты XVI–XVIII вв. в собрании ГПИБ	209
П. А. Трибунский. Обзор фонда П. Н. Милукова в “Доме-музее Марины Цветаевой”	220
И. Ю. Непряхин. В. И. Корецкий и его личный фонд в Архиве РАН	227
Список печатных трудов Маргариты Евгеньевны Бычковой (сост.: Р. Б. Казаков, О. И. Хоруженко)	237
Список печатных трудов Б. С. Илизарова за 2013–2023 гг. (К 80-летию со дня рождения)	248
Список печатных трудов В. Г. Бухерта (К 60-летию со дня рождения) (сост. Л. И. Шохин)	252

III. Публикации

Посольская книга по связям России с Персией 15 марта – 26 апреля 1629 г. (подгот. О. Б. Бокарева)	259
Жалованная грамота Сямскому Богородице-Рождественскому монастырю (1624) в собрании Историко-архивного института РГГУ (подгот. С. М. Каиштанов, Н. А. Комочев)	290
Челобитные о размежевании земельных владений в Повельском стане Дмитровского уезда конца XVII в. (подгот. Н. А. Комочев)	306
Неизвестный молдавский список европейского эсхатологического сочинения на 1621–1630 гг. (подгот. А. Д. Паскаль)	323
Рукопись С. Б. Веселовского о синодике Успенского собора (подгот. С. Ю. Шокарев)	328
Записка А. И. Андреева о координации работы в области вспомогательных исторических дисциплин между Московским Историко-архивным институтом и Институтом истории АН СССР (1943 г.) (подгот. В. В. Тихонов)	349
Неопубликованная статья М. Е. Бычковой о М. Н. Сперанском и изучении “Слова о полку Игореве” (подгот. Р. Б. Казаков)	354

IV. Хроника

Т. В. Медведева. Деятельность Археографической комиссии в 2014–2015 годах	375
Новые издания Археографической комиссии и ее отделений в 2014–2015 годах	378
О. Н. Копылова. Юбилей историка-архивиста, археографа (К 75-летию Н. С. Зелова) ...	378
Е. Н. Швейковская. Фискальная политика и налоговые практики – тема XXXIV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы (Самара, 22–26 сентября 2014 г.)	381

<i>Т. В. Андреева</i> (Санкт-Петербург), <i>П. В. Ильин</i> (Санкт-Петербург), <i>Т. Н. Жуковская</i> (Санкт-Петербург), <i>К. Г. Боленко</i> . Всероссийская научная конференция “Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей” (Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2015 г.)	387
<i>П. В. Ильин</i> (Санкт-Петербург). Международная научная конференция “Историческая память России и декабристы. 1825–2015” (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.)	401
<i>О. И. Хоруженко</i> . Маргарита Евгеньевна Бычкова (1936–2014)	417
<i>П. А. Трибунский</i> . Марина Петровна Мохначева (1952–2014)	421
<i>О. В. Новохатко</i> , <i>Е. Н. Швейковская</i> . Наталья Федоровна Демидова (1920–2015) ...	425
<i>Д. М. Буланин</i> (Санкт-Петербург). Олег Викторович Творогов (1928–2015)	427
<i>С. В. Журавлев</i> . Андрей Константинович Соколов (1941–2015)	431
<i>Г. Н. Ланской</i> . Владимир Маркович Магидов (1938–2015)	436
Список сокращений	440

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 2014–2015 годы**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук
(Протокол № 4 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 28.06.2022)*

Редактор *А. В. Мельников*
Художник *П. Э. Палей*
Корректор *Н. С. Самбу*
Компьютерная верстка *С. В. Вавилов*

Подписано в печать 28.12.2023
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 28,0. Уч.-изд.л. 28,0
Тираж 300 экз. Тип. зак.

ФГБУ Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

ФГБУ Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-041078-7

9 785020 410787